

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
(НИУ ВШЭ)

На правах рукописи

Болтунова Екатерина Михайловна

**Царство Польское в составе Российской империи (1815–1831 гг.):
стратегии управления и практики признания субъектности**

5.6.1. – Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. Александр I и формирование новой политической стратегии в Царстве Польском после Отечественной войны 1812 г.....	52
1.1. Отечественная война 1812 г. и создание новой политической стратегии	52
1.2. От вражды к прощению: создание Царства Польского (1813–1815 гг.)	78
1.3. Польский проект Александра I: финансовый аспект	104
Глава 2. Формы политической субъектности Царства Польского (1815– 1825 гг.).....	124
2.1. Польша в российской политической риторике и императорском титуле	124
2.2. Новые нарративы: братство народов, храбрость, любовь	153
2.3. Александровская версия памяти о 1812 г. и политическая прагматика	192
Глава 3. Политика Николая I в Царстве Польском в 1825–1829 гг.	211
3.1. Декларации первых месяцев царствования.....	211
3.2. Великий князь Константин Павлович как политический актор	234
3.3. Внешнеполитическая ситуация в преддверии коронации 1829 г.	261
Глава 4. Подготовка коронации Николая I как польского короля.....	278
4.1. Дискуссия о проведении коронации: эмоции и прагматика.....	278
4.2. Выбор регалий	301
4.3. От Петербурга до Варшавы: императорский кортеж на пути в Царство Польское.....	311
Глава 5. Проведение коронации Николая I как польского короля (1829 г.)	331
5.1. Церемония коронации	331
5.2. Религиозная составляющая коронации.....	349
5.3. Для внешнего и внутреннего пользования: манифесты и описания	357

5.4. Исторические нарративы варшавской коронации	375
5.5. Польский коронационный нарратив	392
Глава 6. Забвение как политическая стратегия: пространство николаевской коронации и память о русско-польских столкновениях начала XVII в.	411
6.1. Варшавская ось триумфа над Москвой	411
6.2. Борьба за память о Смуте: от первых Романовых до Екатерины II.....	422
6.3. Общественное восприятие Смутного времени в России первой трети XIX в. и варшавская коронация 1829 г.	433
Глава 7. Итоги коронации 1829 г.....	449
7.1. Результаты и оценки коронации.....	449
7.2. Эмоциональные нарративы: «долг» и «благодарность».....	457
7.3. Поиск форм символической рецепции коронации: случай митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова)	469
Глава 8. Исторические нарративы и символическая политика в Царстве Польском в период восстания 1830–1831 гг.	480
8.1. В преддверии восстания: Николай I на польском сейме 1830 г.....	480
8.2. Император Николай I и начало Польского восстания	496
8.3. Восстание: логика мира против логики войны	516
8.4. Реконструкция нарратива примирения.....	533
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	546
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	555
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Записка Н.Н. Новосильцова «Замечания на разные предметы до управления Герцогства Варшавского касающиеся», направленная А.А. Аракчееву (1813 г.)	604
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Приложение к записке Н. Н. Новосильцова «Замечания до управления Герцогства Варшавского касающиеся». 1813 г. – «Мемория барона Штейна об управлении Герцогства». 1 февраля [1813]	616
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Манифест Александра I о создании Царства Польского, 13 (25) мая 1815 г.	620

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Записка неизвестного из архива Н. Н. Новосильцова «О правах иностранцев». Первая четверть XIX в.....	624
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Коронационные торжества в Варшаве, апрель–июль 1829 г. Хроника	633
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. О коронации Его Императорского Величества.....	636
ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Речи Александра I и Николая I в Царстве Польском 1. Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии сейма Царства Польского 15 (27) марта 1818 г.....	645
ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Визуальные материалы.....	666

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и обоснование выбора темы

Как известно, в результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении аннексия была оформлена созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши¹. Иными словами, участница разделов Польши императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо особой в политическом отношении структуры. На символическом уровне приращение империи было оформлено как возврат «исконно принадлежавших» России, но утерянных земель. Примечательна, однако, особенность, отмеченная в литературе: вхождение польских земель в состав Российской империи не сопровождалось устройством традиционного празднования. Если присоединение Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было ознаменовано масштабным, поразившим современников своим великолепием народным гуляньем на Ходынском поле в Москве, приобретение земель на западной границе империи не стало поводом к организации схожего мероприятия². Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и модель деления мира на неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в

¹ В результате 1-го раздела Польши (1772) были созданы две новые губернии — Могилевская и Псковская, при этом в екатерининском наказе генерал-майорам М.В. Каховскому и М.Н. Кречетникову значилось указание «включить часть наших провинций» в состав новых губерний (Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 2. Т. 19. № 13807. С. 508).

² Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. С. 173.

состав империи территорий Востока достаточно естественно осмыслялось в рамках цивилизаторской миссии России, то вопрос расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой.

Второй раунд присоединения польских территорий к Российской империи связан с правлением Александра I. В 1815 г. после победы над Наполеоном в состав Российской империи вошли польские земли, принадлежавшие с конца XVIII в. Пруссии, а затем образовавшие по решению Наполеона Герцогство Варшавское. Эти территории стали частью Российской империи в рамках совершенно иного политического статуса. Риторика присоединения не только не апеллировала категориями завоевания (как можно было бы ожидать по окончании войны), но, напротив, была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий. Именно такой формат был предложен Александром I во время Венского конгресса в 1814–1815 гг. После продолжительной дискуссии и не без серьезного нажима со стороны российского императора он был одобрен странами–участницами конгресса. Иными словами, российский император считал необходимым не просто выдвинуть идею особости польских территорий, их политической субъектности, но и оформить это как коллективное европейское решение.

Результатом стало создание на западной границе Российской империи такой необычной в политическом отношении структуры, как Царство Польское (в терминологии, имевшей хождение в Польше, — Королевство Польское). В 1815 г. император Александр I даровал этой территории конституцию. Административный аппарат в значительной мере остался прежним, официальными языками делопроизводства по-прежнему были польский и французский, конфессиональная политика не имела целью насаждение православия, а налоговые сборы не уходили в казну Российской империи.

В литературе принято указывать на обстоятельство, определившее формирование сложного комплекса отношений между Александром I и поляками — польские земли, вошедшие в состав Российской империи в

екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Император поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных Екатериной II территорий (по крайней мере Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание. Вместе с тем существенным следует признать и другой аспект, в историографии традиционно не упоминающийся – вхождение в состав империи новых земель стало результатом побед России в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1814–1815 гг. над наполеоновской армией, в состав которой входил значительный контингент польских войск. Для представителей российской — особенно военной — элиты активное участие поляков в походе на Россию в составе наполеоновских войск в 1812 г. было частью личной памяти, а сформировавшаяся в середине 1810-х гг. политика императора Александра I в отношении Польши — его чрезвычайное расположение к полякам, стремление почти каждый год посещать свою польскую столицу³ — вызывала у его российских подданных самые разные, часто резко негативные реакции. Отдельную проблему представляло формирование публичной памяти о событиях как недавнего, так и отдаленного прошлого, развернувшееся как в Российской империи, так и в Царстве Польском.

В 1825 г. александровская политика в Польше стала тем сложным наследием, в отношении которого вошедшему на престол Николаю I пришлось принимать собственное решение. Как известно, Николай I не поддерживал решение брата и предшественника на престоле даровать Польше особые права. Казалось бы, ожидаемой линией поведения в этой связи должен был стать отказ от сформированных императором Александром установлений.

³ *Филатова Н. М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / отв. ред. О.В. Хаванова, М.В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 64. М. Гетка-Кениг указывает, что в период с 1815 г. Александр I не приезжал в Царство Польское лишь в 1817 и 1824 гг. (*Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej w 190. rocznicę koronacji 1829 roku (24 maja 2019 roku) / pod redakcją Henryka Głębockiego. Warszawa: Centrum Dialogu im. Juliusza Mieroszewskiego, 2023. S. 264).*

Источники, однако, свидетельствуют о том, что Николай I избрал для себя совершенно иную модель поведения. Существенно, что 12 (24) мая 1829 г. он выполнил положение 45-го параграфа Конституции, пожалованной Александром I Польше⁴, и возложил на себя корону в Варшаве. Польская коронация Николая I была реализована спустя три года после коронации в Успенском соборе Московского Кремля, состоявшейся 22 августа 1826 г. Варшавская коронация, во время которой император принял на себя титул польского короля, стала событием уникальным: ни до, ни после ни один из российских монархов не короновался как польский король, при этом повторная коронация шла вразрез с устоявшейся в России традицией.

Польская коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. относится к категории забытых исторических событий. В литературе и – шире – исторической памяти укоренилось представление о том, что череду королей в истории Польши завершил Станислав Августовский Понятовский, ставший последним коронованным польским королем⁵. В России коронацию перестали вспоминать почти сразу после проведения, а окончательно «забыли» спустя всего полвека. В изданиях, посвященных церемониалу коронаций российских монархов в целом, или же в более поздних коронационных сборниках, часть объема которых отводилась под историческое обозрение, коронация Николая I в Варшаве никогда не упоминалась⁶. Так, первый том двухтомного «Коронационного сборника» 1899 г., посвященного коронованию Николая II и Александры Федоровны, содержал пространное описание традиции самого обряда, но обошел своим вниманием этот исторический эпизод⁷. До недавнего

⁴ Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 530.

⁵ См., например: *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom*. New York: Columbia University Press, 1987. P. IX.

⁶ Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III. СПб., 1883.

⁷ Коронационный сборник / под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1899. Т. 2. Вторая николаевская коронация попала лишь в описание Пятницкого, изданное несколькими годами ранее и представляющее собой исключение из общего ряда подобных работ (*Пятницкий П. П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров*. М., 1896. С. 49, 58–60).

времени коронация не попадала в поле зрения исследователей, занимающихся российской историей.

Многочисленные вопросы относительно политики Российской империи в Царстве Польском, противоречия, существующие в рамках принятых историографических трактовок и публичного пространства, а также отсутствие в литературе предметного разбора такого знакового события, как коронация российского монарха как польского короля, делают актуальным проведение комплексного анализа процессов выбора российской политической стратегии на западных границах страны, особенно в период после Отечественной войны 1812 г., когда перед властью стояла задача определить принципы, на которых выстраивалась логика мирного сосуществования с недавним врагом.

Объект исследования – политика Российской империи, сформированная и реализуемая на западных границах страны в первой трети XIX в.

Предмет исследования — политические практики, включая проекты символического и коммеморативного порядка, инициированные и развернутые на территории Царства Польского при участии различных акторов.

Историография проблемы

Историография исследования может быть разделена на три больших группы. Речь идет о литературе, в которой анализируются в широком плане русско-польские отношения указанного периода, работах, посвященных непосредственно коронации Николая I в Варшаве в 1829 г., и историографии процессов формирования памяти в первой четверти XIX в.

Анализ русско-польских отношений первой трети XIX столетия содержится в работах, посвященных целому ряду событий эпохи. При этом авторы таких книг и статей используют разную исследовательскую оптику. Здесь можно назвать как биографические изыскания, связанные с оценкой деятельности Александра I, Николая I и великого князя Константина

Павловича (Н.К. Шильдер, Дж. Хартли, О.С. Каштанова, О'Мара, Л.В. Выходчиков, С.Л. Фирсов и др.⁸), так и работы, анализирующие внешнеполитический контекст (С.С. Татищев, С.М. Фалькович, Дж. Стенли, А. Нанс и др.⁹), правовой статус Царства Польского (Н.М. Коркунов, А.М. Четвертков, А.В. Ващенко, О.С. Каштанова, Б.В. Носов, Л.П. Марней и др.¹⁰) и его экономическое и финансовое положение (Л.А. Обушенкова, Е.А. Правилова¹¹).

Рассматривая литературу о русско-польских отношениях первой трети XIX столетия, важно отметить, что к настоящему моменту в историографии сформировалась устойчивая парадигма восприятия событий этого исторического периода. Возникнув в рамках польской интеллектуальной традиции, эта парадигма в большинстве своем разделяется современной российской и англо-американской историографией. Иными словами, анализ

⁸ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4; Шильдер Н.К. Император Николай I... Т. 1–2; Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб., 1912; Хартли Дж. Александр I. М.: Феникс, 1998; Каштанова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. Диссертация. М., 2000; Она же. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 111–132; Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович: Биографический очерк // Карнович Е.П. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Изд. центр «Терра», 1995; Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom; О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I. М.: Новое литературное обозрение, 2023; Выходчиков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003; Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 27–49; Фирсов С.Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Фирсов С.Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021. С. 36–37; Grunwald C. de. Tsar Nicholas I. New York: the Macmillan company, 1955.

⁹ Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы: исторические очерки. СПб., 1889; Фалькович С.М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009; Stanley J. French Attitudes toward Poland in the Napoleonic Period // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 209–227; Nance A.B. Literary and Cultural Images of a Nation without State. The case of 19th century Poland. New York: Peter Lang, 2008; Каштанова О.С. Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. С. 177–191.

¹⁰ См., например: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1909; Четвертков А.М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX века. Диссертация. М., 1986; Ващенко А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). Диссертация. М., 2000; Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год); Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М., Новое литературное обозрение, 2020.

¹¹ Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М.: Наука, 1979; Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. М.: Новое издательство, 2006.

русско-польских отношений указанного периода зиждется — с тем или иным уровнем приверженности со стороны конкретного исследователя — на польской исторической интерпретации событий.

В рамках существующих конвенциональных установок можно отметить несколько ключевых позиций. Во-первых, политическая субъектность Польши рассматривается как существующая объективно, безотносительно потери государственности. Эта трактовка определила, в частности, широкую дискуссию о статусе польских земель в составе Российской империи. Оценки разнятся от указаний, что в это время Царство Польское обладало широкой автономией или было связано с Россией личной унией, до утверждений о политической независимости территории в период до восстания 1830–1831 гг.¹² В последнем случае главным аргументом является отсылка к решениям Венского конгресса. При этом само Царство Польское традиционно определяется как территория, развивающаяся автономно в социальном, культурном и экономическом отношении, однако вынужденная в силу ряда обстоятельств взаимодействовать с Россией (как правило, отражая враждебные действия с ее стороны). Рассуждения подобного рода проистекают из представления о существовании в Царстве польской администрации и оценке уровня культуры и образования в Польше как более высокого по отношению к России¹³. В рамках этой интерпретации особое положение Царства считается естественным, само собой разумеющимся и не связывается с политическими решениями российских властей.

¹² Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. С. 191–192; Четвертков А.М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX века; Ващенко А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.); Кашианова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 46. См. также разбор исследовательских позиций в работе Б.В. Носова и Л.П. Марней (Носов Б.В., Марней Л.П. Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 86–87).

¹³ См. об этом: Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью // Родина. 1994. № 12. С. 47–49 (особенно с. 48); Фалькович С.М. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 48.

Не имеет никаких отсылок к Российской империи и устоявшееся в польской и англо-американской историографии наименование Царства — «*Królestwo Kongresowe*» или «*Kongresówka*» (на польском) и «*Polish Congress Kingdom*» (на английском). На первый план здесь выдвигается идея существования коллегиальной и, очевидно, не соотнесенной с Российской империей системы принятия решений¹⁴.

Следует также отметить то ключевое значение, которое имеет Венский конгресс для рассуждений об особости статуса Царства Польского. В работах, анализирующих вопрос о создании автономии и получении Польшей конституции, традиционно подчеркивается тот факт, что новая политическая структура является отражением консолидированной позиции европейских держав. При этом в рассуждениях такого рода не учитывается тот факт, что само по себе решение Венского конгресса в отношении Польши было результатом усилий Александра I, который смог преодолеть сопротивление союзников в этом вопросе¹⁵. Последнее, впрочем, может удивить лишь в части устойчивости нарративов, сформированных в момент события. Как будет показано ниже, такая конструкция — Польша, воссозданная Европой и лишь опосредованно связанная с Россией — была сформирована самим Александром I.

Стоит отметить, что похожим образом в историографии зачастую оформляется и статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи: согласно распространенной трактовке, в 1809 г. Финляндия обрела государственность, что представляло собой акт суверенной воли, лишь опосредованно связанного с результатами очередной русско-шведской войны и территориальными приобретениями Российской империи.

¹⁴ См., например: *Nance A.B. Nance A.B. Literary and Cultural Images of a Nation without State. The case of 19th century Poland.* P. 101–105.

¹⁵ Развернувшаяся на Венском конгрессе дискуссия относительно Польши хорошо представлена в литературе. См., например: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3. С. 269–320; *Тимошук В.* Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции // *Русская старина.* 1914. Т. 157. № 1. С. 135–145; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса. (1814–1878). М.: б/и, 1947. Т. 1. С. 46–98.

М. Клинге, например, указывает, что созыв сейма в Порвоо (Борго) «превратил» Финляндию в «особое государство», а «новая финляндская государственность» основывалась на соглашениях с Россией и Швецией и «соответствующих заверениях, данных Александром I...состоявшим»¹⁶.

Во-вторых, оценка политического развития Польши в составе Российской империи интерпретируется исходя из апелляции к набору дуальных моделей (добро — зло, жертва — агрессор и др.). В рамках этих оппозиций России, как правило, приписывается второй — отрицательно маркированный элемент. С другой стороны, дискурс борьбы за свободу (в советском изводе — борьбы с царизмом) и указание на виктимность Польши выступают как универсальное легитимирующее основание. В исследовательской литературе, посвященной русско-польским отношениям этого периода, часты рассуждения о непонимании в России мотивов, которыми руководствовались поляки. Так, С.М. Фалькович, рассматривая общественную ситуацию в Польше в 1815–1830 гг. и реакцию на происходящее в России, характеризует ее следующим образом: «русские, не будучи в состоянии понять польских патриотических и национально-освободительных стремлений, интерпретировали их как “ложный и неуместный патриотизм”, “политическое безрассудство”»¹⁷. Столь же часто в литературе встречаются указания на спектр эмоциональных реакций, которые предписывалось испытывать русским, — чувство вины и стыда за разделы Польши, восхищение храбростью польских войск, преклонение перед культурой страны и личностными качествами ее жителей, сочувствие к сосланным в Россию¹⁸.

¹⁶ Клинге М. Императорская Финляндия. СПб.: Коло, 2005.

¹⁷ Фалькович С.М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. С. 509.

¹⁸ См., например: Фалькович С.М. Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли (Эпоха польских национально-освободительных восстаний) // Славянский вопрос: Вехи истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 108; Она же. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 509; Она же. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка. С. 48; Липатов А.В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм в восприятии культуры западного соседа

Интересно, что позиции членов династии Романовых в отношении Польши также представлены в литературе как своего рода оппозиция. В российской историографии в целом за положительную сторону отношений с Польшей «отвечает» Александр I, содействовавший развитию этой территории, распространивший конституционные нормы на Царство Польское и выступавший за присоединение к Царству литовских земель, однако не решившийся или не успевший осуществить последнее¹⁹. Николаю I, напротив, предписаны действия сугубо отрицательные — пренебрежение Конституционной хартией 1815 г., репрессии против поляков и, наконец, подавление Варшавского восстания 1830–1831 гг.²⁰ В рамках польского академического дискурса Николай I жестко соотнесен с репрессиями и травматичным опытом или вовсе выброшен из исторического контекста в силу особенностей восприятия в Польше этого периода как своего рода «перерыва в истории»²¹.

(Государство и гражданское общество) // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 134–155; *Рэй М.-П.* Александр I / пер. с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко М.: РОССПЭН, 2013. С. 345; *Keenan P.* The Russian Imperial Court and Victory Celebrations during the Early Napoleonic Wars // *Russia and the Napoleonic Wars* / Ed. by J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. New York: Palgrave Macmillan P. 174.

¹⁹ См., например: *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 6. СПб., 1871. С. 377–380; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 155.

²⁰ Отметим, что исследовательской литературе противопоставление Александра I и Николая I, в целом, является устойчивым. При этом в современной историографии оппозиция такого рода переходит на новый уровень — император Александр, все чаще оказывается соотнесен с «долгим XVIII веком», временем строгого сословного устройства и идеалистических установок. Очевидна и наметившееся тенденция видеть в Александре I, прежде всего, автора доктрины восстановления и поддержания мира. Иными словами, для современной исследовательской литературы император — представитель эпохи Просвещения и миротворец. В этом отношении он заметно отличен от Николая I, который приобретает на страницах исследовательских работ последних лет самые разные ипостаси — от модернизатора до охранителя и от создателя патриотического нарратива до конституционного монарха. Судя по литературе последних лет, в тематическом отношении наибольший интерес вызывает, прежде всего, формирование идеологических конструктов (приоритетно — уваровская триада «православие, самодержавие, народность»), система управления, практики контроля за государственной администрацией, сферой религиозного отправления, литературой, журналистикой, а также политика Николая I в польских землях Российской империи. Об этом см. подробнее: *Boltunova E.* Nicholas I versus Alexander I: Russia in the First Half of the 19th Centuries // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2024. Vol. 25. № 4. P. 845–859.

²¹ См. об этом: *Филатова Н.М.* «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // *Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: сборник статей.* М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 136–157. Появившаяся еще в императорские времена и заимствованная впоследствии советской литературой интерпретация 1825–1830 гг. как кризисного периода, связанного с нарушением конституции, репрессиями в отношении поляков и отказом от обещанного присоединения Литвы к Царству Польскому, содержится в работах Ш. Аскенази. См.: *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815–1830 гг. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1915. С. 160.

В историографии — как российской, так и польской и англо-американской — часто упоминается полуневротическая, на грани невроза, полонофобия Николая I. При этом такие реакции императора могут маркироваться как приобретенные в очень раннем возрасте и являющиеся следствием влияния его няни — шотландки мисс Лайон, оказавшейся свидетелем восстания Костюшко и убийства русского гарнизона в Варшаве в 1794 г.²² Примечательна дискуссия, развернувшаяся на страницах восьмитомной «Истории XIX в.», написанной на французском языке в конце XIX столетия. В советском издании перевода была сохранена оригинальная трактовка, данная авторами системе отношений императора Николая I и поляков: «Подобно Александру и Константину Николай любил поляков, но, как и его братья, любил на свой лад. Он намерен был уважать конституцию и, несмотря на свои инстинкты самодержца, был склонен добросовестно выполнять ремесло конституционного монарха»²³. Рассуждения о любви «на свой лад» были дополнены комментарием известного советского историка Е.В. Тарле: «Фактически неверно: Николай задолго до восстания 1831 г. питал к полякам антипатию, внушенную ему с детства его немецкой и английской воспитательницами»²⁴.

Отметим также, что исследовательская литература в России, находясь в сложных отношениях с советским интеллектуальным наследием, зачастую анализирует тот или иной материал в границах рассуждений о виктимизации или виктимности, с одной стороны, и братстве народов — с другой. В историографии можно встретить трактовки на грани этих двух, казалось бы, противостоящих друг другу позиций: в частности, указание, что, несмотря на противоречия и столкновения между Россией и Польшей, «русским как нации

²² Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сборник Русского исторического общества. 1896. Т. 98. С. 12–14. Разбор таких историографических оценок содержится в статье Е. Щербаковой (Щербакова Е. И. Нянюшкины сказки // Родина. 2013. № 3. С. 25–26).

²³ История XIX века / под ред. Э. Лависс и А.Н. Рамбо. Т. 3. М.: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издание, 1938. С. 294.

²⁴ Там же.

поляки не были опасны и уж тем более не могли рассматриваться как главные противники»²⁵. Существенно, что эти установки оказывают влияние на исследовательские выводы в самых разных сферах исторического анализа, даже там, где разговор о польских территориях Российской империи не выходит на первый план. Для примера приведем трактовку, предложенную Д.Г. Целорунго в работе «Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба». В этом тексте, рассматривая происхождение армейских офицеров, историк указывает, что в войсках Александра I в 1812 г. доля офицеров-поляков составляла 3%. Этот вывод исследователь сопровождает указанием, что эту цифру следует признать «весьма заметной»²⁶.

Существенно, что безотносительно взгляда на Александра I и его увлечение Польшей в целом ряде исследований — причем как классических позднеимперских или советских, так и относительно современных²⁷ — период до восстания 1830–1831 гг. и после него часто не различаются, а российская политика в Царстве представляется как система мер, приобретающих все более и более репрессивный характер²⁸. В таких работах польская конституционная хартия трактуется как фикция, позволяющая выстроить «видимость законности», выступает в роле ширмы для осуществления давления со стороны «полицейского режима Николая I», стремившегося «держат в страхе бывшие польские земли». Восстание 1830–1831 гг. в рамках

²⁵ *Фалькович С.М.* Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка. С. 49.

²⁶ *Целорунго Д. Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: социальные портреты и служба. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2017. С. 77. Иную трактовку участия поляков в Отечественной войне в рядах армий Наполеона и Александра I предлагает В.М. Безотосный. Историк подчеркивает, что польские офицеры и генералы в подавляющем большинстве воевали в составе наполеоновских войск, а армии императора Александра в 1812 г. «польская знать была представлена всего несколькими фамилиями (4 чел.), чьи отцы в конце XVIII в. остались верными России» (*Безотосный В.М.* Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 251, 431 (цит.)).

²⁷ *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815–1830 гг.; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011.

²⁸ Схожим образом оценивается и ситуация более раннего екатерининского периода. Акцент в данном случае делается на использование Петербургом экономических и социальных ресурсов аннексированной территории. См., например: *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. viii.

этой парадигмы оценивается как закономерный итог всего происходящего, а его подавление — как новый этап политических репрессий²⁹.

В-третьих, анализируя литературу о русско-польских отношениях первой четверти XIX в., можно констатировать, существование значительных лакун и тенденцию к редукции информации. Эта особенность историографической ситуации определяется, прежде всего, устойчивым взглядом на историю взаимоотношений России и Польши и выбираемой исследовательской оптикой, в рамках которой анализ произошедших событий излагается с позиции Польши, при этом российский же взгляд на ту или иную проблему, напротив, практически не представлен.

Обращает на себя внимание тот факт, что действия польских войск Ю. Понятовского в России во время наполеоновского похода 1812 г., которые Александр I назвал в письме А. Чарторыйскому «грабежами в Смоленске и Москве», и — шире — русско-польское противостояние 1812–1814 гг. крайне редко оказываются в поле зрения ученых, попадая в «слепую зону»³⁰. Вопросы, связанные с историей наполеоновских польских войск, часто рассматриваются без привязки к российскому социально-политическому контексту 1810-х гг.³¹. Вместе с тем, если перенести в центр интерпретационной модели русско-польское противостояние наполеоновского периода, особенно учитывая колоссальное влияние, которое оказала Отечественная война 1812 г. на российское общество, можно обнаружить совершенно иной круг исследовательских вопросов. Главным из них, на наш взгляд, может стать анализ механики замещения, в рамках которой

²⁹ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). С. 368, 393, 404, 506 и др.

³⁰ Исключение составляет статья Дж. Хартли, в которой автор ставит вопрос об узнаваемости польских войск среди представителей армии Наполеона (*Hartley J.M. Russia in 1812: Part 1: The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. № 38. Р. 180*). О гражданских потерях мирного населения, оказавшегося на пути наполеоновского вторжения, см.: Белов А.В. 1812 год в судьбе русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М., 2018.

³¹ Исключение составляют исследования вопроса о содержании польских пленных: Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 289–305.

вчерашний враг перекодировался в участника славянского товарищества или содружества.

Крайне мало изучена и прагматика взаимоотношений России и Польши, в том числе экономические аспекты российской политики в Царстве Польском. В историографии, за исключением редких специализированных работ, практически не упоминаются финансовая автономия Царства Польского и право на выпуск собственной валюты (злѳтых). При этом если речь заходит о польской финансовой автономии 1815–1830 гг., то приобретенная экономическая устойчивость не анализируется с учетом решений Министерства финансов Российской империи. Стабилизация экономического положения Царства чаще всего связывается с деятельностью министра финансов князя Ф.-К. Друцкого-Любецкого³². Исключения в этом блоке работ составляют книги Л.А. Обушенковой, которая разбирает экономическое развитие Царства Польского в целом, и Е.А. Правилковой, анализирующей финансовое положение русской Польши³³.

Следует отметить, однако, что в рамках анализа русско-польских отношений указанного периода в целом заметное исключение представляют работы Н.М. Филатовой, изучающей процессы русско-польского сближения³⁴, и О.С. Каштановой, предметно исследующей деятельность великого князя

³² *Smolka S. Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym. Kraków, 1907; Жуковский В.В. Князь Ксаверий Любецкий. Пг., 1916; Askenazy S. Z działalności ministra Lubeckiego. (Dwa stulecia XVIII i XIX). Warszawa, 1901. S. 363–426.*

³³ *Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие; Правилкова Е. А. Финансы империи. О финансовой политике империи в Царстве в первые годы после восстания см. также: Комзолова А.А. «Охранение» Российской империи на западном рубеже: «литовские губернии» и российско-прусская граница в 1830-е — начале 1840-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 64–123.*

³⁴ *Филатова Н.М. «Петра и Сигизмунда объединил короны ...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой. М., 2011. С. 140–154; Она же. Создание Царства Польского в 1815 г. в отражении официальной польской культуры // Славяноведение. 2015. № 5. С. 28–42; Она же. Русская тема в периодических изданиях Царства Польского в 1815–1820-х гг. // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв.: сборник статей (под ред. О. В. Хавановой). М.; СПб., 2017. С. 45–64; Она же. Политика русско-польского сближения в эпоху конституционного Царства Польского // Остафьевский сборник. Юбилейный выпуск, посвященный 225-летию со дня рождения П.А. Вяземского и 100-летию памяти С. Д. Шереметева. Вып. 13. Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас». М., 2017. С. 174–189. О русско-польском сближении в первой четверти XIX в. см. также работу: Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 135–140.*

Константина Павловича в Польше³⁵. Обе исследовательницы предлагают взгляд на историю русско-польских отношений этого периода с учетом позиций обеих сторон.

Второй раздел историографии по теме связан с изучением непосредственно коронационных торжеств Николая I в Варшаве в 1829 г. Здесь следует отметить, что до недавнего времени в исследовательской литературе вторая коронация Николая I становилась предметом рассмотрения (а чаще — только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах³⁶. Отметим, впрочем, что церемония была известна российским полонистам (Б.В. Носов, С.М. Фалькович, Л.А. Обушенкова, О.С. Каштанова, Н.М. Филатова)³⁷; последним принадлежат две недавно опубликованные специальные статьи по этой теме³⁸. Кроме того, юбилей коронации в 2019 г. результировал в издании в 2023 г. сборника статей на польском языке, который был посвящен коронации (фактически — политической ситуации в Царстве Польском в конце 1820-х гг.)³⁹

В целом для широкой академической среды коронация до настоящего момента оставалась своего рода необычным сюжетом из биографии Николая I или примечательным эпизодом русско-польских отношений соответствующего периода. Чаще всего специалисты, изучающие имперскую

³⁵ *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России; Она же. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников). С. 111–132; Она же. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829). С. 37–48.

³⁶ *Высочков Л.В.* Николай I. С. 263–265; *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Т. 2. С. 212–224; *Фирсов С.Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 37–40; *Grunwald C. de.* Tsar Nicholas I. P. 100–101; *Краевский А.* Польские короны Московского Кремля // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009). Государственный Эрмитаж. СПб., 2009. С. 61–65; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М.: Центрполиграф, 2017. С. 103–105.

³⁷ *Носов Б.В.* Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. С. 272–273; *Фалькович С.М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 406–407; *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 70.

³⁸ *Каштанова О.С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год); *Филатова Н.М.* Варшавская коронация Николая 1829 г.

³⁹ *Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830.*

Россию, о проведенном действе либо не знали, либо не придавали ему существенного значения. Показательно, что этот эпизод не попал в поле зрения крупнейшего современного исследователя политической символики в России Р. Уортмана, в работе которого о «сценариях власти» в Российской империи николаевскому «сценарию» посвящена отдельная глава⁴⁰. Отметим, что последнее представляется совершенно оправданным. Как будет показано ниже, коронация в Варшаве была связана с логикой презентации власти Романовых в России весьма условно. В Польше коронация также известна не слишком хорошо, а посвященные ей статьи единичны и трактуют событие как очередную (хоть и причудливую) форму политического давления на Польшу⁴¹.

Такое положение вещей объясняется тем, что, как уже упоминалось, в литературе Николай I часто предстает как воплощенный враг Польши. В этом смысле Николай — император Всероссийский, возлагающий на себя корону Царства Польского, то есть в каком-то смысле пропольский Николай, — образ, который плохо уживается с традиционными трактовками как личности самого императора, так и его отношения к созданному Александром I Царству Польскому. Такой Николай оказывается фигурой совершенно непонятной, а значит, и сам контекст воспринимается как случайный и, в целом, малоактуальный.

Существующие немногочисленные работы, анализирующие коронацию 1829 г. (статьи О.С. Каштановой, Н.М. Филатовой, Е. Гутковского и М. Гетка-Кенига), чаще всего представляют собой реконструкцию самой церемонии,

⁴⁰ Уортман Р. Сценарии власти. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 336–543.

⁴¹ Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku — miejsce niedoszłego zamachu na cara // *Arma virumque cano*. Profesorowi Zdzisławowi Żygulskiemu jun. w osiemdziesięciolecie urodzin. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie, 2006. S. 182–183; Zawadzki W.H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 297; Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 2013. Vol. 3. P. 388–402; Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 261–288; Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // *Kronika Zamkowa*. 2004. № 1–2/47–48. S. 73–81; Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // *Kronika Zamkowa*. 1987. № 6 (14). S. 3–9.

включая ее символическое оформление, а также реакцию на произошедшее в Польше. При этом ряд позиций (внешнеполитический контекст⁴², выбор Николаем I для церемонии меча польского короля Яна Собеского, известного своей победой над турками под Веной в 1683 г.⁴³, молчание публики после произнесения императором-королем клятвы⁴⁴, презентация коронации в визуальных источниках⁴⁵) рассмотрен вполне детально. В работах Х. Глембоцкого отдельное внимание уделено так называемому «коронационному заговору»⁴⁶. Вместе с тем другие вопросы (например, принесение монархом присяги, соотнесение последней с клятвой конституции, зафиксированной в хартии, религиозный и языковой контекст, а также значение мемориальных практик) остались пока не проясненными. Отметим, что в историографии, посвященной коронации, содержится и ряд ошибок и неточностей. К последним можно отнести версию, согласно которой молитва, произнесенная Николаем I во время церемонии в Варшаве, была заимствована из коронационного церемониала французских королей⁴⁷.

Вопрос о причинах, побудивших императора провести церемонию, является в литературе дискуссионным. Чаще всего коронация предстает эпизодом из истории непростых русско-австрийских отношений первой половины XIX в. или объясняется стремлением императора привлечь на свою сторону польскую аристократию, сгладив последствия судебного процесса

⁴² Фалькович С.М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 406. См. также: Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim // Przegląd Humanistyczny. 1971. № 5 (86). S. 15–28.

⁴³ Кашианова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5. Об истории коронационного меча см. подробнее: Domin M. Dary papieskie dla Jana III Sobieskiego i Marii Kazimiery // Studia Waweliana Kraków, 2000/2001. T. 9/10. S. 85–105.

⁴⁴ Кашианова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 46.

⁴⁵ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3–9; Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). P. 388–402; Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 73–81.

⁴⁶ Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи. С. 131; Głębocki H. Spiski koronacyjne z 1829 roku // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 109–171.

⁴⁷ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8; Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 272.

над членами Патриотического общества⁴⁸. При этом последний аргумент также оказывается связан с «австрийской темой» — Россия и Австрия предстают конкурентами в борьбе за польские земли и популярность среди поляков.

Влияние представлений и установок русской элиты, в том числе членов императорской фамилии, на принятие решения о коронации и выработку форм ее проведения, а также соотношение этих действий с более широким контекстом русско-польских отношений первой трети XIX в. до настоящего момента в литературе не рассматривались. Связь между коронацией и польским восстанием 1830–1831 гг. в историографии также не просматривается.

Третья группа историографических работ, посвященных анализу процессов формирования в Царстве Польском памяти о войнах с Россией в начале XVII и XIX вв., представляется крайне скудной: предметных исследований этого аспекта, особенно в связи с политической линией, выбранной российскими властями, не проводилось.

Отметим, что в многочисленных публикациях, посвященных формированию в Российской империи памяти о 1812 г. и о Смутном времени, создание альтернативных проектов памяти в Царстве Польском не становилось предметом отдельного изучения⁴⁹. Вероятно, в отличие от взгляда на современную Россию, где исследователи фиксируют определенное

⁴⁸ Капитанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; Аскенази III. Царство Польское. 1815–1830 гг. С. 97; Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28; Kowalczykowa A. Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie // Rocznik Warszawski. 1987. Т. XIX. S. 108; Karpińska M. “Nie ma Mikołaja!” Starania o kształt sejmu w powstaniu listopadowym 1830–1831. Warszawa: Neriton, 2007. S. 64; Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 266–267.

⁴⁹ См., например: После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы: сборник статей / под ред. Д.А. Сдвижкова. М.: Кучково поле, 2015; Два века памяти в России. 200-летие Отечественной войны 1812 г.: сборник статей / отв. ред. В.В. Лапин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015; Кринко Е.Ф., Горюшина Е.М. События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 203–214; Морохин А.В., Голубин Р.В. Император Николай I и формирование культа Кузьмы Минина в первой половине XIX в. // Смутное время: итоги и уроки. Материалы III Всероссийской научной конференции (Палех, 22 апреля 2016 года). Иваново, 2016. С. 160–163; Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М.: Фонд «Русские витязи», 2017; Кузнецов А.А. Явление личности российской истории в Смутное время: факторы и контекст // На изломе эпох. Россия в начале XVII века: Материалы Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород: Кварц, 2024. С. 50–56.

разнообразие региональных проектов памяти, отличных от большого исторического нарратива⁵⁰, мемориальное пространство Российской империи первой трети XIX в. воспринимается как своего рода гомогенная система. Подобная оптика не позволяет увидеть специфику ситуации в Польше указанного периода и поставить вопрос об отношении к ней имперского центра. В существующей историографии вопросы подобного рода затрагивались лишь в работе польского исследователя М. Напирковского, высказавшего мнение, что сложившийся в польских землях и ставший основой польского пантеона героев культ Юзефа Понятовского и Тадеуша Костюшко является изобретением императора Александра I⁵¹.

Применительно к памяти о войне 1812 г. следует также отметить работу Е.А. Вишленковой «Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи», в которой предпринимается попытка указать на существование нескольких версий памяти о войне 1812 г. и предметно рассмотреть самую раннюю из них, александровскую, указав при этом на характерную для этого периода установку на табуирование целого ряда позиций⁵².

Формирование в польских землях памяти о войне с Россией в начале XVII в. освещено в литературе лучше. Здесь следует отметить работы И. Граля о восприятии в Польше таких событий, как избрание на российский престол королевича Владислава, осада Смоленска и взятие Москвы⁵³. Автор указывает на критическое отношение в польском обществе к этим событиям, а равным образом — и к действиям в России короля Сигизмунда III⁵⁴. При этом И. Граля не затрагивает оценку такого события, как клятва детронизированного

⁵⁰ См., например: Политика памяти в России — региональное измерение: монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М., 2023.

⁵¹ *Napiórkowski M.* Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy // *Pamiętnik Literacki*. 2013. № 4. S. 135–152.

⁵² *Вишленкова Е.А.* Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 171–210.

⁵³ *Граля И.* Польский взгляд на русскую смуту // *Знание — сила*. 2023. № 7. С. 48; Он же. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. М., 2013. С. 122–144;

⁵⁴ *Граля И.* Польский взгляд на русскую смуту. С. 48.

московского царя Василия Шуйского и его братьев перед Сигизмундом III в Варшаве в 1611 г. Следует также отметить существующий в польской исследовательской литературе разбор церемониального пространства Варшавы, выстроенного как ось триумфа над Москвой в начале XVII в. (колонна Сигизмунда III, Варшавский замок, Московская часовня, обелиск в честь Владислава IV и триумфальная арка в честь побед Яна II Казимира)⁵⁵.

Рассмотрение в литературе клятвы Шуйских в 1611 г. с последующим осмыслением и презентацией этого события является единственным сегментом исследований, где поднимается вопрос сосуществования и сложного взаимодействия русской и польской версий памяти о событиях начала XVII в.⁵⁶ При этом большая часть российских работ, затрагивающих этот аспект, была издана еще в конце XIX — начале XX вв. (Д.В. Цветаев, М.П. Устимович и др.): политический разворот в сторону проведения русификации в Польше в этот период стимулировал интерес к формированию польской трактовки событий начала XVII в.

Вопросы символической репрезентации польской власти и действия первых Романовых, направленные на разрушение образности такого рода, привлекают и искусствоведов. Достаточно часто в поле зрения исследователей попадает история, связанная с получением Петром I картин Т. Долабелла, включая его полотно «Станислав Жолкевский представляет королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу на сейме 1611 г. пойманных царей Шуйских»⁵⁷.

⁵⁵ *Chrościcki J.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy // *Hołd carów Szujskich* / Red. J.A. Chrościcki, M. Nagielski. Warszawa: Neriton, 2012. S. 125–142.

⁵⁶ *Цветаев Д.В.* Еще об усыпальнице Шуйских // *Исторический вестник*. 1898. Май. С. 701–704; Он же. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг.; Он же. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. Варшава, 1905; Либрович С. Царь в плену. СПб.: Труд и польза, 1904; *Устимович М.П.* Гостынский замок место заточения, кончины и первой усыпальницы царя Василия Иоанновича Шуйского. Варшава, 1899; Он же. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену; *Сидоров А.А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). Исторический очерк. Варшава, 1899.

⁵⁷ *Wilkojć E.* Siedemnastowieczny obraz Stanisław Żółkiewski przedstawia Zygmuntowi III i królewiczowi Władysławowi na sejmie w 1611 roku pojmanyh carów Szujskich z Lwowskiego Muzeum Histo — rycznego w świetle badań konserwatorskich // *Hołd carów Szujskich*; *Przybyszewski W.* Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntom III // *Spotkania z Zabytkami*. 2020. № 5. S. 18–19; *Dolabella.* Wenecki malarz Wazów. — Warszawa: Arx Regia — Wydawnictwo Zamku, 2020; *Grala H.* Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach — zarys historyczny // *Polska i Petersburg. Zbiór esejów* / Pod red. D. Konstantynowa. Kraków: MCK, 2016. S. 346–347.

Таким образом, в целом в историографии, затрагивающей вопросы, связанные с выработкой российской политической стратегии на западных границах страны в первой трети XIX столетия, можно отметить ряд устойчивых трактовок и оценок, ограничивающих проведение комплексного анализа указанной проблематики, в том числе с учетом позиции российских имперских властей. Знаковое для позиционирования российской власти в регионе событие — коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. — остается практически неизвестным для исследователей российской истории. Помимо этого, в литературе отсутствует установка на рассмотрение альтернативных версий памяти о событиях русско-польского противостояния начала XVII и начала XIX вв., сосуществовавших на пространстве Российской империи в 1810-е — начале 1830-х гг.

Цель работы — с помощью выбранного теоретического инструментария реконструировать институциональные и символические формы признания Российской империей политической субъектности Царства Польского в период от его создания до восстания 1830–1831 гг.

В ключевые **задачи исследования** входит:

1. проанализировать ключевые установки в отношении Царства Польского (вкл. категории экономического порядка), сформировавшиеся у российской политической элиты первой трети XIX столетия;
2. изучить транслируемые имперскими властями в Царстве Польском нарративы и рассмотреть символы, их утверждающие;
3. идентифицировать особость таких установок, а также практик, задействованных в их продвижении, по отношению к системе норм, принятых на остальной территории Российской империи; определить уровень общественной узнаваемости существовавших различий;
4. проанализировать степень преемственности указанных установок, нарративов и символических форм при переходе власти от Александра I к Николаю I;

5. исследовать указанные позиции на примере ключевого события для институционализации российской власти в Царстве Польском — коронации Николая I как польского короля (1829 г.), а также серии торжеств, организованных в Варшаве по случаю состоявшейся церемонии;
6. выявить коммеморативные программы и стратегии, выбранные для реализации на территории Царства Польского, включая проекты, связанные с забвением исторических событий XVII — начала XIX вв.

Хронологические рамки работы охватывают 1810-е — начало 1830-х гг., то есть период, ограниченный двумя значительными столкновениями — Отечественной войной 1812 г. и польским восстанием 1830–1831 гг. Ключевыми точками для анализа происходящих процессов являются 1815–1818 гг. (время создания Царства Польского и оформления имперской политики в отношении этой территории) и 1829–1831 гг., отмеченные коронацией Николая I в Варшаве, детронизацией монарха и восстанием в Польше. В отдельных случаях для понимания более широкого контекста привлечены материалы более раннего периода, в частности эпохи разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.).

Географические рамки исследования соотносятся с территорией Царства Польского, однако в отдельных случаях, при обращении к более ранней хронологии, анализе широких политических установок или русско-польских отношений в целом, рамка исследования сдвигается в сторону рассмотрения и территорий, присоединенных к Российской империи в результате разделов Польши конца XVIII в.

Источниковая база исследования

Диссертационное исследование основывается на широком круге исторических источников, отобранных в соответствии с целями и задачами работы. Источниковую базу работы составляют как материалы, отложившиеся в архивохранилищах России, Польши и Финляндии, так и опубликованные источники.

Основные документы, привлеченные к анализу, можно разделить на следующие видовые группы: законодательство, делопроизводство структур и учреждений, принимавших участие в формировании и реализации политики Российской империи в Царстве Польском в первой трети XIX в., а также администрации самого Царства Польского в указанный период, периодика, источники личного происхождения, а также визуальные материалы.

Законодательные источники позволили реконструировать этапы выработки и реализации в 1810-е — начале 1830-х гг. российской политики в отношении Царства Польского. Эти постановления опубликованы в Полном собрании законов Российской империи, а также содержатся в фондах Российского государственного исторического архива (далее — РГИА) и варшавского Центрального архива древних актов (далее — AGAD)).

Анализ материалов Полного собрания законов Российской империи⁵⁸ в сопоставлении с материалами РГИА (Ф. 469, 472–473, 539, 821, 1400, 1409) и AGAD (Ф. 190, 191, 198, 210) дал возможность определить основные положения российской политики на указанной территории и идентифицировать целый ряд нормативных актов, адресованных исключительно жителям Царства Польского: например, императорские манифесты о создании Царства⁵⁹, проведении коронации 1829 г.⁶⁰ и начале восстания 1830–1831 гг.⁶¹ Это позволило поставить вопрос о существовании практики раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского в александровский и раннениколаевский период и учитывать при проведении диссертационного исследования факт существования двух относительно автономных блоков источников.

⁵⁸ ПСЗ. Собрание 1. Т. 19, 22, 24, 26, 30–33; Собрание 2. Т. 1, 4–7.

⁵⁹ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 117–119; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об. Манифест был опубликован в польской прессе. См.: *Gazeta Warszawska*. 1815. № 49. S. 887–888.

⁶⁰ ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322; РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5311. Л. 2–4 об.; AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 9–10, 25 v.

⁶¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–488, Т. 6. № 4285. С. 54–55.

Особое значение для реконструкции контекста эпохи имел манифест Николая I от 13 (25) декабря 1825 г., распространенный на Царство Польское, в котором император присягнул польской конституции⁶². Этот документ вводится в научный оборот впервые.

Многочисленные источники делопроизводственного характера, отражающие работу Министерства императорского двора (РГИА. Ф. 469, 472, 539, 821), Министерства внутренних дел (РГИА. Ф. 1289), Министерства финансов (РГИА. Ф. 583), Третьего Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109), Синода (РГИА. Ф. 796), канцелярий великого князя Константина Павловича (AGAD. F. 198; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 25, 35; РГИА. Ф. 539), были привлечены для изучения подготовки и проведения варшавской коронации 1829 г. Их анализ позволил реконструировать этапы подготовки к церемонии и идентифицировать соотношение вовлеченности в процесс чиновников из Петербурга и Варшавы. Здесь также содержатся данные о дискуссиях вокруг создания церемониала (вкл. описания церемоний — от польских средневековых ритуалов до петербургских похорон польского короля Станислава Августа Понятовского в 1798 г., хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА). Ф. 12, 156), написания и публикации манифестов, выбора регалий и определения поведенческих установок (РГИА Ф. 473, 477, 516). Источники, отложившиеся в упомянутых выше фондах РГИА и РГВИА, а также в фонде 20 Государственного архива Псковской области, содержат данные о коронационной поездке Николая I в Варшаву и возвращении кортежа в Петербург.

⁶² AGAD. F. 210. № 20. К. 15; Огинский М. Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Минск, 2015. Т. 2 (Приложения). С. 426. Оригинал на французском языке: *Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815* / Éd. par L. Chodźko. Paris, 1827. Vol. 1. P. 315–316.

В работе использовались материалы, отражающие деятельность администрации Царства Польского и великого князя Константина Павловича в качестве представителя монарха в регионе. Значительная часть этих источников хранится в варшавском Центральном архиве древних актов (AGAD. Ф. 190, 191, 198, 210). Эти документы позволили получить информацию как о практиках администрирования, принятых в Царстве Польском в период от создания до начала восстания 1830–1831 гг., так и об организации коронации 1829 г. в Варшаве.

Источники из фондов Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (ГА РФ. Ф. 109) и Синода (РГИА. Ф. 796), содержат информацию об общественных настроениях в Царстве Польском в период царствования Александра I и Николая I (вкл. материалы, представлявшие Николаю I А.Х. Бенкендорфом и М.Я. фон Фоком⁶³), планах противодействия участию польских войск в Отечественной войне 1812 г. и об участии российских императоров в работе сеймов 1818, 1820, 1825 и 1830 гг. Фонды Третьего отделения позволили также обнаружить значительный пласт материалов, отражающих широкую рефлексию на тему «польского вопроса» в 1810-е — начале 1830-х гг., а также источники, содержащие информацию о непосредственной организации коронации Николая I в Варшаве (копии манифестов, материалы для прессы, либретто поставленной в Варшаве в честь церемонии оперы «Сесилия Пешанская» и др.)⁶⁴.

Особое значение для анализа политической ситуации в Царстве Польском имеют материалы Министерства финансов за 1810-е — начало 1830-ых гг. (РГИА. Ф. 583). Рассмотрение этого блока материалов, редко попадающего в поле зрения исследователей, позволило сделать выводы относительно финансирования этой территории как непосредственно после

⁶³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 2. Л. 4, Д. 4. Л. 6, 8, 10 об. — 11; Д. 5. Л. 14 об., 47–53 об., 55–55 об., 56, 58; Д. 17. Л. 3 об.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–23, Д. 11. Л. 1–2 об., Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8–9 об.

окончания наполеоновских походов и создания автономии, так и в последующие полтора десятилетия (до восстания 1830–1831 гг.). Данные Министерства финансов содержат также материалы, отражающие этапы истории долговых расчетов между Российской империей и Царством Польским и раскрывающие вопрос о финансировании отдельных больших проектов, к которым относилась и коронация 1829 г.

Делопроизводственные документы, извлеченные из фондов Национального архива Финляндии (ККК 579, 320, 326), дают представление об ожиданиях финляндцев на фоне проводимой российскими императорами политики в Царстве Польском и позволяют провести сопоставительный анализ действий российских властей в Польше и в Финляндии.

Одним из значимых источников исследования стала периодика Российской империи и Царства Польского. В работе были использованы материалы из «Вестника Европы», «Московских ведомостей», «Отечественных записок», «Русской старины», «Русского архива», «Русского инвалида», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Северной почты», «Северной пчелы», «Сына Отечества», а также таких изданий, как «Gazeta Warszawska», «Kurjer Warszawski», «Nowa Polska» и «Tygodnik Petersburski». Материалы периодики содержат информацию, позволяющую реконструировать нарративы, которые оформляли русско-польское взаимодействие в этот период (от официальных до протестных).

Источниковую базу исследования составили также источники личного происхождения — обширная корреспонденция Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича, а также письма, дневники и воспоминания их приближенных. Помимо опубликованных материалов к работе были привлечены документы личных фондов из нескольких архивохранилищ: ГА РФ (Ф. 672. Николай I), РГИА (Ф. 660. Закревский А.А.; Ф. 706. Щеглов В.В.; Ф. 832. Филарет (Дроздов); Ф. 1018. Паскевич-Эриванский И.Ф.; Ф. 1072. Ухтомский Э.Э.; Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов), Отдела рукописей

Российской национальной библиотеки (Ф. 73. Бильбасов В.А. и Краевский А.А.; Ф. 341. Картавов П.А.; Ф. 452. Майков А.А.; Ф. 526. Новосильцев Н.Н.; Ф. 542. Оленины; Ф. 859. Шильдер Н.К.; Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений; Ф. 1001. Габаев Г.С.), а также Библиотеки кн. Чарторыйских в Кракове (№ 6422. *Pamiętniki ks. Adama Czartoryskiego I i korespondencja jego z cesarzem Aleksandrem*).

Отметим, что в этих фондах помимо эго-документов отложились и другие материалы, в частности копии указов, источники делопроизводственного характера, проекты на высочайшее имя и пр. Так, в фонде А.А. Закревского (РГИА. Ф. 660) сохранилась целая коллекция документов о проведении польских сеймов 1818, 1820, 1825, 1830 гг., в том числе тексты речей Александра I, Николая I и ряда депутатов. В целом источники этой группы позволяют реконструировать вовлеченность представителей имперской власти и — шире — российского дворянства в обсуждение вопроса о польских территориях России в 1810-х — начале 1830-х гг. и обнаружить оценки процессов, инициированных и разворачивавшихся в Петербурге и Варшаве.

Особое значение для исследования имеет обширная корреспонденция Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича⁶⁵. Переписку между представителями династии, особенно Николаем и Константином⁶⁶, следует признать значимым сегментом источников этой группы: анализ этих материалов позволяет пошагово реконструировать процессы политического порядка в Царстве Польском на протяжении полутора десятилетий. Указанный блок источников также дает представление

⁶⁵ *Константин Павлович, великий князь*. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 245–328; *Николай Михайлович, великий князь*. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной // Русская старина. 1911. № 1 (апрель). С. 129–139; Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / публ. великий князь Николай Михайлович. СПб. 1910; Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1870. Т. 5; Письмо цесаревича Константина Павловича // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 681–682; *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: в 2 т. / под ред. А. Кизеветтера. М., 1912–1913.

⁶⁶ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829), Т. 2 (1830–1831) // Сборник Русского исторического общества. Т. 131–132. СПб., 1910–1911.

о системе взглядов и воззрений (в том числе и применительно к категории «память») представителей династии, принимавших решения, которые напрямую касались Царства Польского.

Источниковедческую основу работы составили также письма, дневники и воспоминания приближенных Александра I, Николая I и великого князя Константина Павловича (А. Чарторыйского, А.Х. Бенкендорфа, Н.Н. Новосильцова, В.А. Жуковского и др.), а также представителей военной, административной и культурной элиты Российской империи и Царства Польского указанного периода (А.А. Закревского, П.А. Вяземского, А.Ф. Львова, Р.С. Эдлинг, И. Прондзинского, Ю. Красинского, Н. Кицки, Ю. Немцевича и др.)⁶⁷. Отдельный блок источников этого типа представляют собой материалы, посвященные периоду Отечественной войны 1812 г.,

⁶⁷ Архив князя Воронцова: в 40 кн. 1870–1895; *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Книжный Клуб Книговек, 2019; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. / Публ., сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78; *Виже-Лебрен Э.* Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.) / пер. В. Д. Соловьева. СПб.: Искусство-СПб, 2004; *Вяземский П.А.* Записные книжки. 1813–1848 / сост. В. С. Нечаева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963; *Данилов И. Д.* Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. Рассказ сенатора И. Д. Данилова // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 246–253.; *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833. М.: Языки славянской культуры, 2004; Из архива Н.Н. Новосильцова / собрал И. Г. Попруженко // Русский архив. 1908. № 6. С. 179–194; *Лунин М.С.* Письма из Сибири / подгот. изд. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М.: Наука, 1988; *Львов А.Ф.* Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. 1884. № 4. С. 225–260; Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подгот. к печати Б. Е. Сыроечковский. М.; Л., 1926; Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008; Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007; Николай I: Муж, отец, император / под ред. Д. Тевекелян. М.: Слово, 2000; Николай I: pro et contra. Антология / сост. Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков. – СПб.: НОКО, 2011; *Потоцкая А.* Мемуары графини Потоцкой (1794–1820). СПб., 1915; *Фикельмон Д.Ф.* Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург / публ. С. Мрочковской-Балашовой. М.: Минувшее, 2009; Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8 (сентябрь). С. 374–397; *Ципринус.* Николай Николаевич Новосильцев // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1708–1769; [*Чайковский М.*] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 5. С. 155–181; *Эдлинг Р.С.* Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 2. С. 194–228, № 4. С. 405–440; *Kicka N.* Pamiętniki. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1972; *Lelewel P.* Pamiętniki i dziariusz domu naszego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. Kraków, 1883; *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki 1811–1820. Poznań, 1871; *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. Lipsk, 1868; *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815; *Popiel P.* Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. Kraków, 1927.

заграничным походам русской армии⁶⁸, а также польскому восстанию 1830–1831 гг.⁶⁹

Отметим, что использовавшиеся в работе источники личного происхождения обладают характерными свойствами этой группы материалов, прежде всего выраженной субъективностью в передаче информации. Последнее особенно хорошо видно в ряде текстов, авторы которых дают оценку коронации 1829 г.: например, в воспоминаниях А.Х. Бенкендорфа или мемуарах упомянутых выше польских участников события. Эти источники, созданные уже после восстания 1830–1831 гг., встраивают свершившуюся церемонию в контекст более позднего противостояния, описывая реакцию поляков на коронацию как тревожную или негативную, тогда как первоначальный отклик на нее в Царстве Польском был вполне позитивным. Вместе с тем интерпретационные смещения в источниках личного происхождения представляют самостоятельный интерес для анализа, поскольку позволяют обнаружить развитие тех или иных нарративов в публичном пространстве.

Для анализа политики, проводимой Российской империей в Царстве Польском, были привлечены также тексты ряда публичных речей. Особое значение для работы имел анализ речей Александра I и Николая I, произнесенных перед открытием и закрытием заседаний польского сейма в

⁶⁸ 1812 год в воспоминаниях современников / отв. ред. А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1995; *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Таллин; М.: АО «Скиф Алекс», 1994; *Кутузов М.И.* Сборник документов / под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1950–1956. Т. 1–5; Листовки Отечественной войны 1812 г.: сборник документов / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962; Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника А.А. Лесли) // Смоленская старина. 1912. № 2; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. А.М. Васютинский, А. К. Дживелегов. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012; *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1–4. Вильна, 1900–1907; *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 г. Londres, 1863.

⁶⁹ [Буткевич.] Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 г. // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 591–615; *Военский К.А.* Император Николай и Польша в 1830 году: Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1905; *Давыдов Д.В.* Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 1–38, 309–405; Из дневника П.Г. Дивова (1829 г.) // Русская старина. 1898. № 12. С. 617–632; Он же. Из дневника П.Г. Дивова (1830 г.) // Русская старина. 1899. № 9. С. 655–673; Он же. Дивов П. Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.) // Русская старина. 1899. № 12. С. 523–542; *Заварицкий П.* «Наш полк первым вошел в Варшаву...» // Родина. 1994. № 12. С. 93–97; *Зеланд А.Л.* Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 503–531; *Неелов Н.Д.* Воспоминания о Польской войне 1831 года. Из записок покойного Неелова (Из журнала «Военный сборник»). СПб., 1878; *Mochnecki M.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. Paryż, 1834.

1818–1830 гг., а также речи Николая I, адресованные полякам после подавления восстания 1830–1831 гг.⁷⁰ В работе использованы также тексты депутатских речей и материалы выступлений польского публициста А. Гуровского за 1830–1831 гг.⁷¹ Указанные источники отражают, с одной стороны, установки имперских властей в отношении Царства Польского и их взгляд на историю русско-польского противостояния, а с другой, позицию восставших в связи с оформившейся в польских землях коллективной памятью. Это позволяет принять во внимание такой аспект как политическая риторика и – шире – функционирование публичной сферы в польских землях Российской империи. Указанные материалы частично представлены в приложении к диссертации.

Анализ процессов формирования истории памяти в Российской империи указанного периода потребовал привлечения текстов историографов XVIII — начала XIX вв. (В.Н. Татищева, М. Щербатова, П.-Ш. Левека и Н.М. Карамзина)⁷². Эти материалы содержат оценку событий Смутного времени, что, в свою очередь, дает возможность аккумулировать данные для интерпретации устойчивых представлений о российской истории в александровский и раннениколаевский период.

Для реконструкции восприятия истории Смутного времени в России начала XIX в. были также использованы некоторые художественные тексты, в частности работы К. Ф. Рылеева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Ф. В. Булгарина и А. С. Хомякова⁷³. Рассмотрение этих текстов позволило сделать

⁷⁰ Русская старина. 1873. № 5. С. 612–615; Северная пчела. 1830. № 62. С. 1–2; Coup d’oeil sur l’état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. Paris, 1832. P. 277–279, 292–293, 326; ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 600. Л. 102–103 об.; Ф. 73. Д. 379. Л. 1–1 об.; Ф. 341. Д. 581. Л. 1.

⁷¹ Kurjer Warszawski. 1831. № 26. S. 134.

⁷² Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. М., 1802; Он же. История государства Российского. СПб., 1829. Т. 12; Он же. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002; Лебек П.-Ш. История России. М., 2011. Т. 2; Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Ладомир, 1996. Т. 5–6; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1791. Т. 5–7.

⁷³ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833; Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Пушкин А.С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / авт.-сост. Т.И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб.: Альфарет, 2013; Он же. Полное собрание сочинений: в

ряд выводов о степени известности в имперском публичном пространстве ряда исторических персонажей, прежде всего скончавшегося в Польше детронизированного царя Василия Шуйского, и отдельных исторических событий начала XVII в., актуальных для польской исторической памяти.

Еще одной группой источников, изученных в процессе работы, являются визуальные материалы, причем как опубликованные к настоящему моменту⁷⁴, так и извлеченные из архивохранилищ и музейных фондов России и Польши (ГА РФ, РГИА, AGAD, Архив Польской академии наук (Варшава), Библиотека кн. Чарторыйских (Краков), Национальный музей (Варшава), Музей Войска польского (Варшава))⁷⁵. Прежде всего речь идет о картинах, рисунках, карикатурах и изображениях на медалях.

Эта группа источников содержит данные о церемониях (вкл. планировавшиеся, но нереализованные) и других формах и символах, связанных с позиционированием как самого Царства Польского, так и власти российского императора на этой территории. Указанные материалы также содержат сведения о разворачивавшихся в связи с наполеоновскими войнами и периодом начала XVII в. процессах мемориализации. В последнем случае стоит отдельно отметить визуализацию такого исторического события, как клятва Василия Шуйского перед Сигизмундом III в 1611 г.⁷⁶

Таким образом, источниковая база, состоящая из опубликованных и архивных материалов, прежде всего законодательного характера, делопроизводственной документации, публицистики, источников личного

19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997; *Рылеев К.Ф.* Полное собрание сочинений / под ред. А. Г. Цейтлина. М.: Academia, 1934.

⁷⁴ Katalog wystawy Powstania Listopadowego z uwzględnieniem czasów przed i popowstaniowych. Warszawa, 1931; *Sroczyńska K., Jaworska J.* Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza Warszawa, 1985.

⁷⁵ См., например: AGAD. F. 190. Centralne Władze Wyznaniowe Królestwa Polskiego; Библиотека кн. Чарторыйских (Biblioteka Książąt Czartoryskich) (Краков). № 5231. Papiery tyżące się projektu ogłoszenia Alexander I kroleм Polski z lat 1806–1810; № 6422. Pamiętniki ks. Adama Czartoryskiego I i korespondencja jego z cesarzem Aleksandrem I; Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszęch Rosyji Królu Polskim w Warszawie.

⁷⁶ Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie. № II-2/10. Zarząd Inwestycji PAN; *Либрович С.* Царь в плену; Надпись на могиле царя Василия Ивановича Шуйского // Русская старина. СПб., 1890. Т. 65. С. 91–92; *Устимович М.П.* Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки; *Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг.; *Erndtel C.H.* Warsavia physice illustrata. Dresdae, 1730; Dolabella. Wenecki malarz Wazów.

происхождения и визуальных материалов, является репрезентативной и позволяет комплексно рассмотреть процессы выстраивания российской политики на западных границах империи в первой трети XIX столетия (вкл. стратегии и практики мемориализации), а также реконструировать как официальные, так и неофициальные нарративы, оформившиеся в указанный период в Царстве Польском.

Теоретические основания исследования и терминология

Для решения поставленных задач планируется использовать прежде всего классический источниковедческий подход к материалам исследования, основанный на понимании специфики разных групп источников, стремлении к верификации полученной информации и критической рефлексии относительно исследовательского процесса. В работе также используется ставший общепризнанным в исследовательской среде семиотический метод работы с историческими источниками.

Вместе с тем постановка целей и задач диссертационного исследования, а также видовое многообразие источников (от манифестов и публичных речей до карикатур и оперных либретто) определили обращение к методам и подходам, выходящим за рамки традиционных установок, используемых в академических работах исторического профиля.

В исследовании используется рамка анализа, представленная в работах Р. Уортмана, изучавшего историю российской монархии в Новое время и предложившего трактовку, согласно которой презентация власти Романовых была реализована в сменявших друг друга «сценариях власти» российских императоров от Петра I до Николая II. Р. Уортман убедительно продемонстрировал значение того, что прежняя историография интерпретировала не более, чем «театр власти». В работах Уортмана, содержащих разбор как публичных ритуалов (коронаций, парадов, свадеб, похорон и пр.), так и анализ отдельных риторических конструктов, в широком смысле слова церемониальное пространство оказывается прямо увязано с

социокультурной средой и процессами утверждения статуса и лояльности имперской элиты⁷⁷.

Постановка задач, связанных с анализом в указанном контексте категорий памяти и забвения, требует привлечения установок, предложенных такими направлениями, как Memory Studies (М. Хальбвакс⁷⁸, П. Нора⁷⁹, Ян Ассман⁸⁰, Дж. Александер⁸¹ и др.) и история эмоций (У. Редди⁸², Б. Розенвейн⁸³ и др.).

В случае с Memory Studies значимой является выраженная еще в работах М. Фуко и получившая впоследствии широкое распространение установка, что каждая эпоха не столько реконструирует образ прошлого по сохранившимся источникам, стремясь при этом к достижению объективности, сколько формирует собственную версию истории. Появление последней определяется текущими потребностями власти и/или других влиятельных социальных групп. Существенное значение для анализа процессов, происходивших в Царстве Польском в 1810-е — начале 1830-х гг., имеет концепт «места памяти» П. Нора, а также предложенное Я. Ассманом представление о том, что власть, реализуя свои цели, может задействовать разные стратегии памяти, включающие в себя и установку на забвение. Анализ нарративных стратегий потребовал также привлечения к исследованию методологических подходов, сформулированных в работах Дж. Александера. Для диссертационного исследования важными представляются установки Дж.

⁷⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2004; Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. Boston: Academic Studies Press, 2014; Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. London: Bloomsbury Press, 2017.

⁷⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С.8–27; Он же. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Zenkin]. М.: Новое издательство, 2007;

⁷⁹ Les Lieux de mémoire / ed. Nora P. Paris: Gallimard, 1984–1992. Vol. 1–7; Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. Spring. P. 7–25; Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция — память / пер. с фр. и послесл. Д. Р. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

⁸⁰ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

⁸¹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологическое обозрение. 2012. № 3. С. 5–40.

⁸² Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004.

⁸³ Rosenwein B. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 842; Rosenwein B., Cristian R. What is the History of Emotions? Cambridge: Polity, 2018. P. 33–34.

Александера на поиск связи между процессами конституирования травмы и формированием коллективной идентичности посредством рассмотрения символических механизмов разного уровня и обращения к таким категориям, как нарратив или ритуал.

В части использования подходов истории эмоций значимыми являются установки о возможной коллективной природе памяти и эмоции, а также связи между ними (М. Хальбвакс). Существенны в этом отношении и выработанные в рамках направления представления об «эмоциональном режиме» (У. Редди) и «эмоциональном сообществе» (Б. Розенвейн), а также идея о взаимосвязи подобных конструктов.

Кроме того, в части работы, связанной с анализом визуальных источников, были использованы теоретические установки, выработанные в рамках Visual Studies и постулирующие социальную природу визуального опыта, а также значение часто неявного визуального воздействия для продвижения тех или иных принципов или идей (вкл. политические задачи). В отношении интерпретации живописи и форм ее восприятия особое значение для работы имеют исследования Г.В. Вдовина и его тезис о прагматической функции портрета в России в период раннего нового времени⁸⁴.

В работе содержится ряд терминов и понятий, требующих прояснения. Большая часть из них используется в значении, предложенном в оригинальных исследованиях. Термин «место памяти» интерпретируется в работе как отсылка к пространству складывания и функционирования памяти сообщества, соотнесенному как с материальной сферой, так и с областью идей и представлений. «Эмоциональный режим» понимается в работе как «набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют» и выступающий как «необходимая основа любого

⁸⁴ Вдовин Г.В. Персона. Индивидуальность. Личность: опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII в. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

стабильного политического режима»⁸⁵. Термин «эмоциональное сообщество» понимается в работе как сообщество, члены которого объединены комплексом представлений об эмоциональной сфере, вкл. необходимость выразить конкретные эмоции в конкретных ситуациях. При этом мы исходим из понимания, что эмоциональные сообщества могут существовать, воздействуя друг на друга.

Обсуждение символической политики в тексте диссертации требует обращения к таким терминам как «дискурс», «нарратив» и «миф». «Дискурс» в данной работе понимается как совокупность высказываний, представленный в языке способ мировосприятия, система практик, формирующая и трансформирующая сферу представлений⁸⁶, а «нарратив» — как форма и способ презентации знания (как, в целом, социального, так и — более предметно — исторического), определяющего отношения между отдельными событиями и, благодаря интерпретации таких связей, выступающего как значимый инструмент коммеморации. Категория «миф» в исследовании определяется вне отсылок к фальсификации или искажению информации, а как культурный конструкт, предлагающий «взгляд на историческое событие через призму идентичности»⁸⁷. Используемый в работе термин «стратегия управления» представляет собой указание на систему шагов, позволяющую реализовывать принятую политическую линию, в том числе формирование образа власти в регионе и коммуникативные стратегии.

С учетом выбранной исследовательской оптики в работе используются наименования, имевшие хождение на территории Российской империи: например, «Царство Польское», а не «Королевство Польское». В ряде случаев само существование двойной номенклатуры становится предметом

⁸⁵ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. P. 128–129. Перевод приведен по: Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 22.

⁸⁶ См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

⁸⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 39.

рассмотрения. Даты событий, происходивших на территории Польши, приведены по юлианскому и григорианскому календарям.

Новизна постановки проблемы определяется рядом аспектов.

Во-первых, впервые в историографии предпринимается попытка комплексного анализа политики Российской империи в отношении Царства Польского в первой четверти XIX в., то есть в царствование императора Александра I и в первые годы правления Николая I. До настоящего момента субъектное в политическом отношении положение польских земель в составе империи определялось вне предметного рассмотрения установок и действий российских властей. Предлагавшиеся ранее трактовки не учитывали мотивацию акторов и закономерности в выработке решений; не признавалось значение для реализации этой политической линии таких категорий, как память и забвение. При этом такая аналитическая модель предполагала принципиальное отделение представленных категорий и политических практик, принятых в царствование императора Александра I, от моделей, актуализированных в период правления Николая I. В поле зрения исследователей не попадала имеющая ключевое значение для анализа позиционирования российской власти в Польше коронация Николая I как польского короля (1829 г.) и последующая детронизация императора в 1831 г.

Во-вторых, в исследовании был использован в качестве основного источника корпус архивных материалов, не введенных ранее в научный оборот. Среди наиболее значимых материалов здесь следует назвать: (1) манифесты Александра I и Николая I, адресованные жителям Царства Польского и не публиковавшиеся на остальной территории Российской империи, вкл. манифест Александра I о создании Царства Польского (13 (25) мая 1815 г.) и манифест Николая I с клятвой Конституционной хартии (13 (25) декабря 1825 г.); (2) источники, отражающие поведение варшавской коронации 1829 г.; (3) материалы Министерства финансов Российской империи, освещающие вопрос денежной политики, проводимой в Царстве

Польском; (4) полный комплекс речей Александра I и Николая I перед польским сеймом за 1818–1830 гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. Российская политика в Царстве Польском, ставшем частью Российской империи в 1815 г., вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий. Российские власти отказались от идеи интегрировать Царство в состав империи на административном, экономическом или даже символическом уровне. Эти установки артикулировались в политической риторике и реализовывались в признании права этих территорий на собственную версию исторических событий XVII — начала XIX вв.
2. Признание особости этой части империи было реализовано в публичном пространстве, прежде всего в императорских манифестах, обращенных к жителям Царства Польского, и сеймовых речах 1818–1830 гг. Политическая субъектность этой территории также нашла свое отражение в титулатуре, гербах и орденой системе Российской империи. На указанный период пришлась и реактуализация ряда идеологем, главной из которых являлась идея «братских (соплеменных) народов». Российскому обществу был также предписан поведенческий шаблон, требовавший проявлять определенный набор эмоций в отношении Польши и поляков.
3. Политика России в Царстве Польском, реализуемая в правление Александра I и в первые годы царствования Николая I, носила беспрецедентный характер с точки зрения сопоставления ее с практиками, принятыми в других регионах Российской империи. Формирование особой политической линии в отношении Царства со временем потребовало контроля за информационным потоком — распространение получила практика отдельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского. Это привело к

тому, что представления о сути и значении одного и того же явления или события в империи и Царстве Польском существенно отличались друг от друга, а за пределами российских столиц политика российской власти в Польше не была осознана как особая.

4. В отношении выстраивания российской политики в Царстве Польском, направленной на признание политической субъектности территории, можно констатировать преемственность между Александром I и Николаем I. Более того, Николай I развил ряд политических планов брата и предшественника на престоле, осуществив в 1829 г. в католической Варшаве коронацию как польский король.
5. Коронация Николая I 1829 г. в Варшаве стала одной из наиболее знаковых форм признания польской политической субъектности. Решение осуществить коронацию имело в своей основе комплекс причин, однако действия Николая I, сомневавшегося в необходимости такого ритуала и откладывавшего его три года, указывают на то, что проведение церемонии было главным образом продиктовано причинами, лежащими в сфере политической психологии российской власти и элиты начала XIX в. Последние, в свою очередь, были связаны с восприятием Польши как европейского форпоста, отличного от всей остальной территории Российской империи и требующего особого отношения. Варшавское действо виделось его российскими организаторами как попытка найти компромисс с Польшей, а избранная логика построения церемонии предопределила пропольскую форму коронации.
6. Признание политической субъектности Царства привело к выбору имперскими властями в качестве актуальной стратегии памяти идею забвения русско-польских столкновений. При этом речь шла не только о недавней Отечественной войне 1812 г., но и о событиях более раннего периода, а именно участии Польши в интервенции на территории России начала XVII столетия. Такая установка открыла возможность для

создания и поддержания разных, зачастую противоположных по своей сути нарративов в Российской империи и в Царстве Польском. В Царстве существовали самостоятельные (по отношению к вариантам, распространенным в России) версии памяти о прежних столкновениях. При этом российские власти отказались от распространения или промоутации в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории империи.

Структура работы включает в себя введение, восемь глав, заключение и восемь приложений.

Введение к работе содержит постановку проблемы исследования и описывает теоретическую, источниковую и историографическую базы работы.

Главы 1–2 посвящены периоду правления Александра I и формированию новой политической стратегии в Царстве Польском после Отечественной войны 1812 г. (включая анализ форм политической субъектности нового административно-территориального образования). Глава 3 представляет анализ политики, реализуемой Российской империей в Царстве Польском в первые годы правления императора Николая I (до проведения коронации 1829 г.).

Главы 4–7 представляют детальную реконструкцию истории польской коронации Николая I, проведенной в Варшаве в 1829 г., включая рассмотрение предпосылок, специфики выработки и реализации церемониала, позиций вовлеченных в процесс акторов, общественной реакции на происходящие события, а также политических итогов реализованного ритуала. Церемония интерпретируется с учетом социально-политического контекста 1810-х — 1820-х гг. как в самой Российской империи, так и в автономном Царстве Польском. Отдельное внимание уделяется категориям памяти о русско-польских столкновениях XVII в. — начала XIX вв.

Глава 8 посвящена рассмотрению исторических нарративов и символической политики в Царстве Польском в период восстания 1830–1831 гг.

В заключении приведены выводы исследования.

Диссертация также содержит серию приложений: Приложение I. Записка Н.Н. Новосильцова «Замечания на разные предметы до управления Герцогства Варшавского касающиеся», направленная А.А. Аракчееву (1813 г.); Приложение II. Приложение к записке Н. Н. Новосильцова «Замечания до управления Герцогства Варшавского касающиеся». 1813 г. – «Мемория барона Штейна об управлении Герцогства». 1 февраля [1813]; Приложение III. Манифест Александра I о создании Царства Польского, 13 (25) мая 1815 г.; Приложение IV. Записка неизвестного из архива Н. Н. Новосильцова «О правах иностранцев». Первая четверть XIX в.; Приложение V. Коронационные торжества в Варшаве, апрель–июль 1829 г. Хроника; Приложение VI. О коронации Его Императорского Величества; Приложение VII. Речи Александра I и Николая I в Царстве Польском; Приложение VIII. Визуальные материалы.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные в процессе проведения исследования результаты могут быть использованы при подготовке учебных программ по истории России XIX в., а также специальных курсов, посвященных истории русско-польских отношений (вкл. экономическую составляющую), репрезентации власти указанного периода и формированию политической риторики.

Характер работы также позволяет использовать полученные результаты и академические подходы на практике при проведении исследований как в рамках изучения истории, так и в смежных областях гуманитарного знания, в частности в искусствоведении, культурологии и филологии.

Апробация работы

Положения настоящей работы неоднократно обсуждались на научных конференциях, воркшопах и семинарах. К числу наиболее значимых выступлений относятся:

1. Семинар Научно-учебной группы по изучению мемориальной культуры (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2022 г.). Доклад: «Таганрог – Москва – Петербург – Варшава: репрезентация территорий Российской империи в похоронном церемониале Александра I (1826 г.)».

2. Семинар “Global History of Empires” (Туринский университет, 2021 г.). Доклад: “The Last King of Poland: The Coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and Russian-Polish Historical Memories”.

3. Междисциплинарный центральноевропейский семинар (Институт славяноведения РАН, 2021 г.). Доклад: «“Я... буду соблюдать конституционную хартию”: Николай I и польский вопрос во второй половине 1820-х годов».

4. Всероссийский симпозиум «Идеология: ревитализация концепта в исторических исследованиях» (онлайн, 2020). Доклад «Концепт «братские народы» в идеологии начала XIX века».

5. Международная конференция «Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение» (НИУ ВШЭ–Москва, 2019). Доклад: «От Таганрога до Варшавы: репрезентация территорий в похоронном церемониале Александра I (1825–1826 гг.)».

6. Воркшоп “New Perspectives in the Historical Research of Empires” (Университет Мюнхена, 2019). Доклад: “The Last King of Poland: The Coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and Russian-Polish Historical Memory”.

7. 15th International Congress on the Enlightenment (Эдинбургский университет, 2019). Доклад “Russian Poland? Representations of the Western Borderland Territories in the Russian Empire (Later 18th to Early 19th Century)”.

8. Международная конференция «Между соглашательством и цареубийством. Пределы польско-российского политического компромисса в эпоху Царства Польского. К годовщине коронации 1829 года» (Варшава, 2019 г.). Доклад «Петербург — Варшава — Петербург: поездка Николая I в Царство Польское в 1829 г.».

9. Center for Russian Culture Seminar (Эмерст колледж (США), 2017). Доклад “Commemorative Strategies and Museum Practices in Russia”.

10. Семинар SeeNext (Университет Иллинойса в Чикаго, 2016). Доклад “This is a Strife of Slavs among themselves: Memories of the Time of Troubles and the coronation of Nicolas I in Warsaw in 1829”.

11. Slavic Workshop (Колумбийский университет, 2009 г.). Доклад “Discourse of Power and Topography of Moscow and St. Petersburg in the 18th century Russia”.

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 35 публикациях (включая статьи в рецензируемых научных изданиях включенных в Web of Science или Scopus и рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ и монографию общим объемом 33 п.л).

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных

в Web of Science или Scopus и рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ

1. Boltunova E. Nicholas I versus Alexander I : Russia in the First Half of the 19th Centuries // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2024. – Vol. 25, № 4. – P. 845–859.

2. Болтунова Е.М., Митина Е.И. «Рыльский имянной гражданин», Гаврила Державин и «горестная вдова». Надгробие Григория Шелихова в

Иркутске и мемориальные практики в России XVIII – начала XIX вв. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2024. – Т. 66. – № 3. – С. 169–185.

3. Болтунова Е. М. «Край... от взора Монаршего несколько отдаленный» : Центральная Россия в первой половине XIX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2022. – № 2 (32). – С. 35–52.

4. Болтунова Е. М. Региональная история России : исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х гг.) // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 178 (6). – С. 235–250.

5. Болтунова Е. М. «Я произнес перед вами слово истины» : речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 5 (171). – С. 61–79.

6. Boltunova E. The Last King of Poland : Nicholas I's Warsaw Coronation and Russian-Polish Historical Memory // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2021. – Vol. 22, № 2. – P. 229–254.

7. Болтунова Е. М. Рецепция царского/императорского пространства власти в России в 1990-е – 2010-е гг. // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2016. – № 2. – С. 261–308.

8. Boltunova E. Russian Officer Corps and Military Efficiency : 1800–1914 // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2015. – № 2(16). – P. 413–422.

9. Болтунова Е.М. «Продана вся Анненгофская роща, рукомойник, трость и какие-то креслы царские...» Представления начала 1800-х гг. об историческом наследии страны // Вестник архивиста. – 2015. – № 3. – С. 244–259.

10. Болтунова Е. М. Императоры-монархи и императоры-воины : портрет государя в русском дворце XVIII – первой половины XIX вв. // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 12. – С. 68–73.

11. Болтунова Е. М. Роль музейного пространства в формировании образа верховной власти. Оружейная палата Московского Кремля XIX–XX вв. // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 6. – С. 42–47.
12. Болтунова Е. М. Крымская война и батальные полотна Фельдмаршальского зала. Из истории Зимнего дворца времен Николая I // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 7. – С. 45–49.
13. Boltunova E. “Unity, Disintegration, and Monarchy : Romanov Russia in recent Scholarship” // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2010. – Vol. 11, № 4. – P. 871–888.
14. Болтунова Е. М. Тема войны в декоре российских императорских дворцов XVIII – первой половины XIX вв. // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 12. – С. 44–49.
15. Boltunova E. The Space of Authority: the Discourse of Tsar and Emperor in Moscow and St. Petersburg Topography of the Late Seventeenth – Eighteenth Centuries // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2009. – №. 2. – P. 65–104.

Монографии:

16. Болтунова Е. М. Последний польский король : коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских столкновениях XVII — начала XIX вв. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 559 с.

Публикации по теме исследования в зарубежных изданиях:

17. Boltunova E. Visual Polemics: The Time of Troubles in Polish and Russian Historical Memory (1611–1949) // *Picturing Russian Empire* / Edited by V. Kivelson, S. Kozlov, J. Neuberger. – Oxford : Oxford University Press, 2024. – Ch. 6. – P. 66–73.
18. Bołtunowa J. Petersburg – Warszawa: podróż koronacyjna Mikołaja I do Królestwa Polskiego w 1829 roku // *Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830*.

Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej w 190. rocznicę koronacji 1829 roku (24 maja 2019 roku) / pod redakcją Henryka Głębockiego. – Warszawa : Centrum Dialogu im. Juliusza Mieroszewskiego, 2023. – S. 289-311.

19. Boltunova E. War, Peace, and Territory in the Late Eighteenth-Century Russian Outdoor Performances // Theater as Metaphor / Ed. by E. Penskaya and J. Küpper. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 133–142.

20. Boltunova E. The Historical Writing of Catherine II : Dynasty and Self-Fashioning in “The Chesme Palace” (*Chesmenskii Dvorets*) // History and Drama : The Pan-European Tradition / Ed. by E. Penskaya and J. Küpper. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 86–95.

21. Boltunova E. Imperial Throne Halls and Discourse of Power in the Topography of Early Modern Russia (late 17th –18th centuries) // The Emperor’s House : Palaces from Augustus to the Age of Absolutism (“Urban Spaces”) / ed. by M. Featherstone. – Berlin: De Gruyter Publishing, 2015. – P. 341–352.

22. Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // Sztuka Europy Wschodniej/ Искусство восточной Европы Т. 1: Polska - Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и История. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века (под ред. Jerzy Malinowski, Irina Gavrash). – Варшава: Tako Publishing House, 2013. – С. 157-166.

23. Boltunova E. Pamięć o wydarzeniach z historii stosunków polsko-rosyjskich. Kształtowanie bieżącej polityki ZSRR w latach dwudziestych XX w. na podstawie materiałów Biura Politycznego KC WKP(b) // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / red. Elżbieta Kowalczyk, Konrad Rokicki. – Warszawa, 2019. – Ch. 1. – P. 19–31.

В отечественных изданиях:

24. Болтунова Е. М., Лаптев А. К. Распознавание рукописного текста и интеллектуальный анализ: возможности нейронных технологий (на примере работы с «Дневником» Ф.П. Литке) // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 358–379.

25. Болтунова Е. М. «Здесь целая губерния в лице ее избранных...» : социальные иерархии в региональных шествиях Печального кортежа Александра I (1826 г.) // Регионы российской империи : идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. М. Болтуновой и В. Сандерленда. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 93–116.

26. Болтунова Е. М. Петровская топонимика, политическая практика и региональная статусность второй половины XVIII в. // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. – СПб. : Европейский дом, 2016. – С. 635–641.

27. Болтунова Е. М. “От тебя, с тобою и к славе твоей” : Петр II как Петр I // Российская история. – 2016. – № 2. – С. 76–91.

28. Болтунова Е. М. «Читать главнейшие случаи прежних времен» : идея преемственности в воспитании наследников престола в России XVIII в. (по материалам РГАДА) // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / сост. : Е. В. Акельев, В. Е. Борисов ; отв. ред. : Е. Б. Смилянская. – М. : Древлехранилище, 2014. – С. 67–82.

29. Болтунова Е. М. Державность по-советски : Имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. – 2013. – Вып. 123. – С. 89–103.

30. Болтунова Е. М. Пространство власти : царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII – XVIII вв. // Изобретение империи : языки и практики. – М. : Новое издательство, 2011. – С. 49–91.

31. Болтунова Е. М. Колокольная «Иван Великий» в коронационном церемониале Павла I // Московский Кремль XV столетия: Сборник статей. В

2-х т. Т. 2: Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. – М.: Арт-Волхонка, 2011. – С. 344–349.

32. Болтунова Е. М. Трон Великого Петра: к вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // Труды русской антропологической школы. Вып. 5. – М., 2008. – С. 496–521.

33. Болтунова Е. М. Родственные связи как один из принципов организации европейского императорского двора XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. / Отв. ред. : С. В. Кудрявцева. Вып. XXXVI : Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2007. – С. 343–351.

34. Болтунова Е. М. Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XXXII : Петровское время в лицах – 2006. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2006. – С. 52–60.

35. Болтунова Е. М. Тронное место в политической топографии монарших резиденций Санкт-Петербурга : от Московского царства к Российской империи // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой четверти XVIII вв. – М. : Музей Московского кремля, 2006. – С. 20–23.

Глава 1. Александр I и формирование новой политической стратегии в Царстве Польском после Отечественной войны 1812 г.

1.1. Отечественная война 1812 г. и создание новой политической стратегии

Александр I характеризовал екатерининскую политику в отношении Польши, а именно участие России в разделе страны и лишении ее государственности как «не соответствующая духу времени» уже в конце 1800-х гг.⁸⁸. Монарх, хотя и повторявший время от времени, что как внук он не может быть судьей деяний, совершенных императрицей Екатериной II, гораздо чаще выражал несогласие с действиями бабки⁸⁹. П.А. Вяземский вспоминал, что еще до начала Отечественной войны 1812 г. император именовал восстановление Польши «политической справедливостью»⁹⁰. К моменту начала Венского конгресса у русского общества сформировалось устойчивое понимание, что монарх «почитал долгом совести загладить великое политическое преступление, совершенное с Польшей»⁹¹. Определенную известность имели и проекты восстановления Польши, предлагавшиеся Александру⁹².

После окончания Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии планы императора относительно Польши, как принято указывать, были как никогда близки к реализации. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что политическая реальность, в которой проект восстановления Польши мог бы быть развернут, радикально изменилась по

⁸⁸ Вяземский П.А. Записные книжки. 1813–1848. С. 148. Формулировка «дух времени», к которой решил прибегнуть император, чрезвычайно активно использовалась в польской политической риторике этого периода (*Bujarski G.T. Polish Liberalism, 1815–1823: The Question Of Cosmopolitanism And National Identity // The Polish Review. 1972. № 2 (17). Р. 17; Филатова Н.М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 51*). Это означает, что, рассматривая екатерининскую политику, Александр I опирался на польскую интерпретацию последней.

⁸⁹ Любавский М.К. Александр I и Польша. С. 88.

⁹⁰ Вяземский П.А. Записные книжки. 1813–1848. С. 148.

⁹¹ Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 4. С. 421.

⁹² Подвысоцкий А. Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815) // Русский архив. 1874. № 3. Стлб. 647–682.

отношению к довоенной ситуации. Речь в данном случае идет о двух обстоятельствах – активном участии поляков в войне против России на стороне Наполеона и кризисом в отношениях между императором Александром и его подданными в Российской империи.

По подсчетам историков, число поляков, служивших в армии Наполеона в 1812 г., доходило до 120 тыс.⁹³ Этот контингент считался одним из наиболее боеспособных и преданных Бонапарту. В польской историографии укрепился образ, согласно которому «польские легионы были первыми, вступившими на территорию России в 1812 г., и последними, ее покинувшими»⁹⁴. Действительно, в Польше война, названная Наполеоном «второй польской войной»⁹⁵, воспринималась как долгожданная, имевшая своей целью воссоединение страны в границах до разделов 1772 г.⁹⁶ Образование в 1807 г. Герцогства Варшавского под протекторатом французского императора расценивалось как первый шаг на этом пути. Все это нашло отражение в польской риторике эпохи: активное распространение получила стереотипизация русских через использование ориенталистского концепта («азиатские варвары», «дикие взбесившиеся москали», «кровожадные народы», «дикари-казаки» и т. д.)⁹⁷. Стоит отметить и формулировку из речи депутатов Генеральной конфедерации Королевства Польского, обращенную к Наполеону в 1812 г. и описывающую начавшуюся войну как «карающее ее (Россию. — *Прим. авт.*) предопределение проведения, которое, тронувшись нашими страданиями, вознамерилось положить им предел»⁹⁸.

⁹³ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 10 об.; *Попов А.И.* Иностранные контингенты Великой армии. С. 306; *Неуважный А., Васильев А.А.* Польские войска. С. 580; *Zawadzki W.H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 204.

⁹⁴ *Nance A.B.* Literary and Cultural Images of a Nation without State. The case of 19th century Poland. P. 22.

⁹⁵ Кампания 1806–1807 гг. в наполеоновской Франции и союзных ей государствах неофициально именовалась Первой польской войной (*Целорунго Д.Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. С. 76).

⁹⁶ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М.: Изд-во соц.-экономич. литературы, 1962. С. 124.

⁹⁷ *Филатова Н.М.* Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года // Славяноведение. 2012. № 6. С. 60–73.

⁹⁸ *Дубровин Н.Ф.* Наполеон I и поляки в 1812 г. Исторический эскиз. Вильно в 1812 году // Отечественные записки. 1866. № 2. С. 410.

В первые недели войны войска Наполеона пополнились 19 тыс. перешедших на сторону врага жителей литовских губерний России⁹⁹. В Вильно, где за несколько дней до этого на балу в честь польского дворянства Александр I получил сообщение о вторжении французов¹⁰⁰, состоялась известная присяга жителей Наполеону, эмоционально описанная во французских источниках¹⁰¹. Депутации с приветствиями направлялись к Наполеону и из других городов, расположенных на бывших польских территориях, а в Могилеве архиепископ Варлаам (Шишацкий) принес присягу Бонапарту, распространив по всей епархии требование присягнуть французам¹⁰².

Вместе с тем жители территорий, присоединенных к России от Польши в конце XVIII в., не поддерживали Наполеона в той мере, как это ожидалось оккупационными войсками. На востоке Литвы и в Белоруссии рекрутировать какую-либо существенную организованную группу поддержки не удалось, что вызвало явное недовольство Бонапарта¹⁰³. Население юго-запада империи также осталось в массе своей лояльным империи¹⁰⁴.

Вопрос оценки действий польских легионов в литературе Российской империи предметно не рассматривался¹⁰⁵. Источники личного происхождения,

⁹⁹ *Неуважный А., Васильев А.А.* Польские войска. С. 580; *Zawadzki W.H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 206.

¹⁰⁰ Бал состоялся в загородном доме в Закрете. Информация о том, что войска Наполеона перешли Неман, не разглашалась, и бал не был остановлен (*Агеева О.Г.* Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. С. 240).

¹⁰¹ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. С. 82–83.

¹⁰² *Hartley J.M.* Russia in 1812: Part 1: The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev. P. 181. О деле Варлаама (Шишацкого) см. также: *Мельникова Л.В.* Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. С. 73–76.

¹⁰³ В историографии утверждается, что Наполеон рассчитывал собрать в западных губерниях Российской империи по крайней мере 100 тыс. человек (*Zawadzki W.H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 206). Об ожиданиях и реальных действиях Наполеона на территории Литвы см.: *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. С. 99–100; *Понов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТИЦ, 2002. С. 67–101; *Zamoyski A.* 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. P. 199; *Zawadzki W.H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 206; *Наврот Д.* Литва в планах Александра I и Наполеона в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 123–127.

¹⁰⁴ *Потрашков С.В.* Нашествие Наполеона на Россию и польское население юго-западной окраины Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 243.

¹⁰⁵ Вместе с тем в последние годы появляется все больше исследований, посвященных гражданским потерям и мирному населению, оказавшемуся на пути наполеоновского вторжения. См.: *Белов А.В.* 1812 год в судьбе

однако, свидетельствуют, что гражданское население России, пострадавшее от нашествия, достаточно четко идентифицировало этническую составляющую «армии двенадцати языков», выделяя две группы — французов и поляков. Вероятно, смещение в сторону упоминания исключительно французов или указания на полиэтничность армии противника были конструктором более позднего периода. Показательно описание, оставленное купцом Николаем Котовым, владевшим в допожарной Москве шляпной фабрикой: «...от 28-го числа сентября из Москвы и французы все-таки грабят, не только рядовые, но и чиновники под видом сбережения... и что французы делают все поругания церквям, в некоторых живут в алтарях и на престолах обедают, в церквях с женщинами даже спят, в трапезах имеют лошадей и в них гадят. Ризницы все расхищены. *Иной француз или поляк* (здесь и далее курсив авт. — Прим. авт.) сидит на фуре в парчовой или другой ризе, правит лошадьми, или в какой-нибудь на черно-буром меху дамской епанче или салопе стоит на часах... все отнимают, лишь бы кто что завидел, ни даже грудному ребенку не оставит»¹⁰⁶.

Следует согласиться с Дж. Хартли, которая полагает, что современники часто более жестко высказывались относительно действий поляков, служивших Наполеону, нежели самих французов¹⁰⁷. Так, в мемуарах и дневниках часто встречаются указания на совершаемое ими мародерство, особенно в связи с имуществом православной церкви, а также насилие в отношении женщин и раненых¹⁰⁸. Приведем сообщение мемуариста Е.А. Харузина, описавшего происходившее в захваченной Москве: «Нам сказывали тогда... что в дни дозволенного грабежа жителей произошел

русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей.

¹⁰⁶ 1812 год в воспоминаниях современников. С. 41.

¹⁰⁷ Hartley J.M. Russia in 1812: Part 1: The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev. P. 180. О действиях поляков во время наполеоновского нашествия см. также: Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника А.А. Лесли). С. 392; Мурзакевич И. Жизнеописание Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска», составленное сыном его протоиереем Иоанном Мурзакевичем // Смоленская старина. 1912. № 2. С. 216.

¹⁰⁸ 1812 год в воспоминаниях современников. С. 33, 48–49, 53, 83; Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. С. 5; Артамонов В.А. Войско Польское и нашествие Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 222–224.

следующий страшный случай: священник церкви Св. Софии, что на Лубянке, узнавши в один день, что французы собираются ограбить его церковь, он поспешил туда, облачился, взял в руки крест, выйдя из церкви, запер ее и стал стражем на паперти. Действительно, вскоре явилась *кучка польских мародеров* и начала требовать от священника ключей церковных; он им сказал, что только через труп мой войдете в храм, а живой ключи не отдам. Поляки русскую, отказную речь священника поняли и, поспешая на святотатство, совершили злодейство: обороняющегося крестом подвижника убили и по следам святой крови ворвались в церковь. Две возрастные дочери этого священномученика, известившись о своем несчастье, прибежали в отчаянии к убитому родителю и обратили тут на себя преступные взоры убийц, которые, схватив их, поволокли было в церковь; но девицы не с человеческою силою вырвались из рук извергов и, как легкие серны, побежали к Охотному ряду; поляки погнались за ними, увидя близкую за собой погоню, они удвоили быстроту и, успев добежать до Каменного моста, бросились обе в реку»¹⁰⁹. Не менее четко идентифицировали поляков офицеры и солдаты русской армии. К этому же выводу можно прийти, рассматривая листовки, издававшиеся в русской армии в 1812 г.¹¹⁰, и источники личного происхождения. Так, будущий генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич в своих воспоминаниях об эпохе 1812 г., описывая действия М.И. Платова и Д.С. Дохтурова против польских легионов Наполеона, вспоминал, что при отступлении русской армии от Валутина «поляки нашли случай показать... свою ненависть. В виду нашем они убивали русских раненых пленных»¹¹¹.

Нужно отметить, что поляки и литовцы были и в русской армии. Польские войска на службе в России появились при Екатерине II после второго раздела Польши. Однако после того, как созданный Польский корпус во время восстания Т. Костюшко не просто дезертировал, а перешел на

¹⁰⁹ 1812 год в воспоминаниях современников. С. 167–168.

¹¹⁰ Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов. С. 75, 82–83, 97–98.

¹¹¹ Там же. С. 98. В современном Гжатске (Смоленская обл.) в 2013 г. был открыт памятник, посвященный памяти 2 тыс. русских военнопленных, убитых наполеоновскими войсками.

сторону восставших, Екатерина II, как точно определяет историк Г.С. Габаев, «не решилась повторить этот опыт» и расформировала польские войска¹¹². Ее наследник на престоле Павел I, впрочем, литовские и польские войска восстановил, а при Александре I они были преобразованы в уланские полки, сражавшиеся в том числе и против Наполеона.

Вместе с тем число поляков, принимавших участие в войне 1812 г. в армиях России и Франции, было диспропорциональным. Так, в созданном при Павле I Польском уланском полку в начале 1812 г. было 1181 человек¹¹³, в Литовском уланском полку, в котором также служили поляки и литовцы, в середине того же года было 1131 человек¹¹⁴. Волынский уланский полк при численности чуть более 900 человек практически не принимал участия в Отечественной войне¹¹⁵. Представители польского дворянства (подданных российского императора, преимущественно из Малороссии и Белоруссии) в армии Александра I в 1812 г. составляли среди генералов 1,5% (3 человека) и 3,4% (70 человек) в составе офицерского корпуса¹¹⁶.

Устойчивость сформировавшегося образа поляка-врага была очевидна всем, включая самого императора Александра. В январе 1813 г., когда русские войска едва пересекли границу империи и Герцогства Варшавского, Александр I писал А. Чарторыйскому¹¹⁷, что *«образ поведения... польской армии, грабежи в Смоленске, в Москве, опустошение всей страны воскресили прежнюю ненависть...»*¹¹⁸. Вместе с тем примечательно, что участие польских легионов в нашествии на Россию никак не повлияло на отношение Александра к Польше и проектам ее восстановления. Напротив, анализ

¹¹² ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 11 об.

¹¹³ Львов С.В. Польский уланский полк // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Под ред. В.М. Безотосного, А.А. Васильева и др. С. 580.

¹¹⁴ Львов С.В. Литовский уланский полк // Там же. С. 423.

¹¹⁵ Львов С.В. Волынский уланский полк // Там же. С. 146.

¹¹⁶ Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. С. 64, 76.

¹¹⁷ Об участии Чарторыйских в войне против России см.: Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 205.

¹¹⁸ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 280–283.

источников позволяет говорить о том, что позиция императора только укрепилась. Показательно, что в том же письме Чарторыйскому император так описывал собственный круг воззрений и план в отношении польских территорий: «Успехи, которыми Проведение благословило мои усилия и настойчивость, несколько не изменили ни моих чувств, ни моих намерений в отношении Польши. Пусть же ваши соотечественники будут спокойны на счет могущих быть у них опасений... По мере выяснения результатов военных действий, Вы будете видеть, насколько мне дороги интересы Вашего отечества и насколько я верен своим прежним мечтам... *Польше и полякам нечего опасаться от меня какой бы то ни было мести...*»¹¹⁹.

Вопрос о том, почему даже с учетом развернувшегося военного столкновения пересмотр позиций по отношению к полякам не стал для Александра актуальным имеет существенное значение. Очевидно предлагаемое в историографии указание на стремление монарха развернуть в Польше после наполеоновских войн столь важный для него конституционный эксперимент не является в полной мере исчерпывающим ответом. Обращает на себя внимание интенсивность, с которой император был готов действовать, стремление игнорировать какие бы то ни было препятствия на пути к цели, высокий уровень вовлеченности в дела образованного Царства Польского. Можно предположить, что в данном случае в основе политических решений лежала, помимо прочего, и эмоциональная составляющая. Поведение Александра I после наполеоновских походов, выразившееся в потребности облагодетельствовать, а по сути, спасти вчерашних врагов, не считаясь ни с общественным мнением в России¹²⁰, ни, как будет показано ниже, с

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Использование в работе термина «общественное мнение» применительно к этому периоду определяется, с одной стороны, историографической традицией (см., например, *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009; *Фреде В.* Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 164–185; *Гросул В.Я.* Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды Института российской истории. Вып. 5. М.: Институт российской истории, 2005. С. 118–172), а с другой, контекстом эпохи. В последнем случае существенно системное обращение к этому термину. Так, III Отделение занималось сбором данных «о состоянии общественного мнения». Показательны и рассуждения Н.Н. Новосильцова, который в 1830-е гг. в разговоре с одним из иностранцев высказал следующую позицию:

экономическими затратами империи на разворачивание этого проекта, невозможно объяснить в полной мере лишь логикой политических пристрастий императора или его стремлением выступить в роли конституционного монарха.

В этом отношении существенно, что Отечественная война 1812 г. была отмечена серьезным кризисом в отношениях Александра и его российских подданных. В литературе на это обстоятельство указал Д. Ливен, заметивший, что «скрытая причина натянутости, то и дело возникавшей в 1812 г., заключалась в том, что ни Александр, ни русская аристократия не вполне доверяли друг другу в том, что касалось способности сохранить хладнокровие или внести весомый вклад в победу на фоне того немалого напряжения сил, которое было вызвано вторжением Наполеона»¹²¹. Вместе с тем логика смещения реакций, а равным образом переформатирование эмоциональных нарративов, оказавших последующее влияние на принятие политических решений, до настоящего момента в историографии не разбирались.

Как известно, император, узнавший о переходе наполеоновских войск, находясь на западных границах империи, оставался при русской армии считанные недели¹²². Он наблюдал за событиями, которые разворачивались под Смоленском и Москвой, издавелека, получая информацию с задержками и часто неверно ее интерпретируя. Монарх присоединился к армии полгода спустя, все там же — в Вильно¹²³.

«Мы здесь ведем точно такой же покойный образ жизни, как и обитатели других стран. Управление строится примерно на тех же началах, что и в других европейских государствах. У нас нет ни конституции, ни парламента..., однако вы не можете не согласиться, что и у нас существует некое *общественное мнение*, некий *всеобщий здравый смысл*, некая *атмосфера*, которая обволакивает правительство и заставляет его вести дела разумным образом (курсив мой – Прим. авт.)» (Мильчина В.А. Комментарии // де Сталь Ж. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 436 (Цит. по: Долбилов М.Д. Рождение имперских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. Т. 9 (127). С. 9).

¹²¹ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. С. 317.

¹²² Император Александр I покинул армию в Полоцке после отказа командования от плана его советника генерала Карла фон Фуля (Пфуля), предлагавшего создание так называемого Дрисского лагеря.

¹²³ В.С. Парсамов справедливо отмечает, что 1812 г. стал для Александра I периодом «поиска роли», в течение которого император выстраивал свой образ вокруг концепта народного вождя и лидера нации, но не воина (Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 233–254).

В литературе принято акцентировать внимание на том, что император декларировал свое желание остаться при армии. При этом чаще всего цитируются слова из рескрипта Н.И. Салтыкову от 13 (25) июня 1812 г. («Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем») или формулировка П.А. Вяземского, писавшего о народном подъеме во время пребывания императора в Москве в июле 1812 г. («...с момента приезда государя в Москву война приняла характер народной войны»¹²⁴). Упоминается и имевшая большое значение поездка в Або для личных переговоров со шведским наследным принцем Ж.-Б. Бернадотом¹²⁵. Вместе с тем очевидно, что разговоры с московским дворянством и купечеством или обсуждение дипломатических позиций, сколь бы значимыми ни были такие действия, в глазах общества не отражали главной потребности — видеть императора воином, который во время войны — тем более такой войны — руководит армией. Александр же оставался в Петербурге¹²⁶, узнавая о произошедшем на театре военных действий постфактум и далеко не в полном объеме, а его реакция на происходившие события была зачастую крайне неточна. Для столичного общества было очевидно, что император больше не контролировал ситуацию, при том, что империя переживала события грандиозные и трагические.

Как известно, сообщение М.И. Кутузова о сражении при Бородино, точно описывавшее все произошедшее на поле, но никак не сообщавшее о дальнейших планах командующего¹²⁷, вызвало в Северной столице череду

¹²⁴ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост. Л.В. Дерюгина. М.: Искусство, 1984. (История эстетики в памятниках и документах.) С. 263.

¹²⁵ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 104–106; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. С. 247–248.

¹²⁶ Великий князь Константин Павлович, участвовавший в сражении при Аустерлице (1805), как и Александр, вскоре после начала войны покинул театр военных действий и уехал в Петербург. По воспоминаниям графини Р. Эдлинг, в столице великий князь «только и твердил об ужасе, который ему внушало приближение Наполеона». Он смог войти «в пределы долга и приличия» только под давлением императора (Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 2. С. 215). Через некоторое время Константин Павлович отправился в Тверь, где провел два месяца у великой княгини Екатерины Павловны. Он присоединился к войскам в январе 1813 г. и вместе с Александром пересек Неман (Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13–15).

¹²⁷ М.И. Кутузов сообщил Александру I следующее: «Баталия, 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших времена известны. Место баталии нами одержано

восторженных празднеств¹²⁸. Новость достигла Петербурга в день орденского праздника св. Александра Невского и была воспринята как сообщение о триумфе, который так долго ждали и на который надеялись. Кутузов был произведен в генерал-фельдмаршалы с пожалованием 100 тыс. руб., а в армию направили многочисленные награды¹²⁹.

Информация о том, что Москва оставлена русскими войсками и горит, стала для Петербурга в полном смысле слова громом среди ясного неба. Первые сведения о случившемся император Александр получил 7 сентября и не от направленного Кутузовым полковника А.Ф. Мишо де Боретура, который прибыл лишь на следующий день, а от Ф.В. Ростопчина¹³⁰. В день получения новости о том, что русские войска оставили Москву, император написал теперь уже генерал-фельдмаршалу Кутузову: «Князь Михаил Ларионович! С 29 августа не имею я никаких донесений от Вас. Между тем от 1 сентября получил я чрез Ярославль от московского главнокомандующего печальное известие, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление. Я отправляю с сим генерал-адъютанта князя Волконского, дабы узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причинах к столь несчастной решимости. Александр»¹³¹.

Сообщение об отходе войск не просто «отравило удовольствие, доставленное... победою», как выразился император в письме сестре¹³², оно

совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которой пришел нас атаковать» (*Кутузов М.И.* Сборник документов и материалов. Т. 4. Ч. 1 (июль–октябрь 1812 г.). С. 175–176).

¹²⁸ С нами Бог: посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I Благословенного: Библиографический указатель литературы / Сост. Е.М. Андреева. М.: ЦУНБ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 35–36.

¹²⁹ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 108; *Эдельман О.В.* Императрица Елизавета Алексеевна в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 376–577.

¹³⁰ *Агеева О.Г.* Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действа в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. // Там же. С. 243.

¹³¹ *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 г. Londres: S. Tchorzewski, 1863. С. 201.

¹³² Получив сообщение, что М.И. Кутузов оставил Москву и «решил отступать за 6 верст, чтобы собраться с силами», император написал сестре: «Эти роковые 6 верст, отравив все удовольствие, доставленное мне победою, заставили меня обождать следующего донесения; оно же ясно предвещает мне одни бедствия» (*Николай Михайлович*, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной // Русская старина. 1911. № 1 (апрель). С. 137). Оригинальную версию переписки императора Александра I с великой княгиней Екатериной Павловной (на французском языке) за сентябрь 1812

радикально изменило общественный взгляд на Александра I. Поведение императора после Бородино напомнило всем его действия после катастрофы Аустерлица 1805 г., когда монарх, застигнутый врасплох, в отчаянии бежал с поля боя и едва не попал в плен¹³³, однако не отказался от пышного празднования, устроенного в честь его возвращения в российскую столицу. Когда же в Петербург начали поступать новости о разгроме армии под Аустерлицем, император столкнулся, по выражению Н.Н. Новосильцева, «с по-настоящему тревожным отношением общества; более не говорили о предательстве (австрийцев. — *Прим. авт.*), но приписывали все несчастья одному ему»¹³⁴.

Показательна переписка императора с сестрой Екатериной Павловной осенью 1812 г. Через несколько дней после того, как русская армия оставила Москву, великая княгиня писала брату: «Несмотря на неприятность, которую я должна причинить вам, дорогой друг, я не в состоянии больше молчать. Взятие Москвы раздражило и ожесточило всех; неудовольство дошло до крайних пределов, и вашу особу не щадят. Если это доходит даже до меня, то можно судить об остальном. Вас громко обвиняют в бедствии, постигшем государство, в разорении всех и каждого и, наконец, в том, что *вы погубили честь страны и свою собственную. И вас осуждает не одно какое-нибудь сословие, а решительно все...* судите сами, каково должно быть положение дел в стране, *когда презирают ее главу*; нет той вещи, которой бы человек не сделал бы, чтобы восстановить свою честь... На вас жалуются во всеуслышание; я считаю долгом сказать вам это, дорогой друг, так как это весьма важно. Не мне указывать вам, что делать, но *спасите свою честь, которая задета*. Ваше присутствие может снова расположить умы в вашу

г. см.: Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / Публ. великий князь Николай Михайлович. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. С. 83–99.

¹³³ Рэй М.-П. Александр I. С. 189.

¹³⁴ Там же. С. 191.

пользу; не пренебрегайте никаким средством и не думайте, что я преувеличиваю; к несчастью, все, что я говорю — правда...»¹³⁵

18 сентября 1812 г. император объяснился с Екатериной Павловной, написав ей не столько письмо, сколько отчет длиной в добрый десяток страниц. Содержание написанного позволяет понять, какое сильное впечатление на императора произвело письмо сестры, прямо утверждавшей, что русское общество, причем безотносительно сословной принадлежности, считает императора трусом. Интерпретация произошедшего, которую Александр предъявил великой княгине, была запутанной и полной отрицания. Указав, что не придает «никакого значения» той «личной храбрости, которую может проявить всякий рядовой солдат», и отметив, что человеку «с высшим призванием» должно думать о «нравственном мужестве»¹³⁶, император писал: «Впрочем, коль скоро мне придется, к стыду своему, коснуться этого вопроса, я скажу, что гренадеры Малороссийского и Киевского полков могут удостоверить, что я умею держать себя в огне также спокойно, как и всякий иной»¹³⁷. Показав, что в вопросе «личной храбрости» он и выше подозрений подобного рода, и одновременно храбр, «как всякий иной», Александр перешел к следующему раунду объяснений. Он попытался предъявить сестре доказательства того, что в сложившейся ситуации он объективно не мог действовать иным образом, указывая, что выбранная стратегия поведения была построена на рекомендациях тех, к кому он испытывал доверие¹³⁸.

В этом письме Александр I также признавался великой княгине, что сам видит, как меняется отношение к нему в Петербурге: «...люди бывают несправедливы к человеку, когда его постигнет несчастье...»¹³⁹. Император объяснял сложившуюся ситуацию устройством мироздания («Это... в порядке вещей в этом мире») и работой агентов Наполеона, которым дано задание

¹³⁵ Николай Михайлович, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 132.

¹³⁶ Там же. С. 134–135.

¹³⁷ Там же. С. 135.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 133.

дискредитировать любые его действия («...если я буду находиться в армии, приписать мне все неудачи... если бы меня не было в армии было решено приписать это недостатку мужества»¹⁴⁰).

Действительно, настроения в имперской столице были тревожными. Так, 15 сентября 1812 г., в годовщину коронации, опасаясь волнений, ему пришлось проехать по улицам столицы в карете, а не верхом, как это было принято. Графиня Р. Эдлинг так описывает все произошедшее и эмоциональное состояние действующих лиц: «Уговорили Государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут в первый и в последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности, но по этому можно судить, как велики был опасения. Мы ехали шагом в карете о многих стеклах, окруженной несметною и мрачно-молчаливою толпой. Взмолвленные лица, на нас смотрящие, имели вовсе не праздничное выражение. Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступили в церковь, следуя среди толпы ни единым возгласом не заявлявшей своего присутствия. Можно было слышать наши шаги, а я была убеждена, что достаточно было малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось. Я взглянула на Государя, поняла, что происходило в его душе, и мне показалось, что колена подо мною подгибаются»¹⁴¹. Здесь же графиня прямо сообщает, что «с минуты на минуту ждали волнения раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра в государственном бедствии»¹⁴².

В рамках рассуждений такого рода отметим и эмоциональные реакции самого императора, осознававшего стремительную утрату доверия со стороны подданных. Все в том же письме к сестре, император писал об одиночестве, которое испытывает, и участи «не быть признанным обществом», испытывать

¹⁴⁰ Николай Михайлович, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 137.

¹⁴¹ Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 218–219.

¹⁴² Там же. С. 217.

«несправедливость», «быть всеми покинутым»¹⁴³. Отметим, между прочим, что подобного рода ситуация была не единственной в царствование монарха — современники никогда не забывали монарху участие в заговоре против Павла I¹⁴⁴, сам же Александр I, по точному выражению одного из мемуаристов, «не мог позабыть времени своего вступления на престол, когда сердце его наиболее нуждалось в утешении и когда он его не встретил»¹⁴⁵.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Мнения историков относительно участия Александра I в заговоре, который закончился убийством его отца императора Павла, разнятся. Часть исследователей указывает, что Александр не знал о планах заговорщиков и был потрясен произошедшим; другие, напротив, отмечают, что наследник был осведомлен о готовящихся событиях, но прямого участия в «дворцовой революции» не принимал и, очевидно, не предполагал, что ночь с 11 на 12 марта 1801 г. закончится трагически (*Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 214–222; Т. 2. С. 5–7; *Романов Н.М.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 6–7; *Мельгунов С.П.* Дела и люди александровского времени. М.: СПСЛ; ИД «Русская панорама», 2020. С. 45; *Мироненко С.В.* Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. С. 26–28). В любом случае общественное восприятие Александра I в России и в Европе в известной мере выстраивалось в привязке к этому событию, ведь император был не просто цареубийцей — он был отцеубийцей. А. Чарторыйский полагал, что переворот 1801 г. «оставил в душе Александра на всю жизнь мрачный отголосок преступления, совершенного над его отцом, которое, как он был убежден, пало на него и никогда не смоеется» (*Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 211). Князь полагал также, что горькие сожаления и жестокие угрызения совести Александр «постоянно старался оживлять и растревлять в своей душе» (Там же. С. 228.). За пределами империи российского монарха могли прямо обвинять в произошедшем. Показателен известный случай с пленным при Кульме в 1813 г. французским генералом Домиником-Жозефом Вандаммом, который в ответ на упреки Александра I относительно плохого обращения с пленными заявил российскому императору: «По крайней мере, меня не могут обвинить в убийстве своего отца». Завуалированным, но от этого не менее оскорбительным был и намек на переворот, прозвучавший в ответе Франции на русскую ноту протеста по поводу захвата герцога Энгиенского. В этом тексте Ш. Талейран, министр иностранных дел Наполеона задавал российскому императору провокационный вопрос: если бы Александр знал, что убийцы его отца находятся в нескольких километрах от русской границы, разве он не поступил бы так же, как Наполеон с герцогом Энгиенским? (*Тарле Е.В.* Талейран // Талейран. Мемуары / Под ред. Е.В. Тарле. М.: Издательство Института международных отношений, 1959. С. 46). Хотя в России тема участия Александра I в убийстве Павла была табуирована, вспоминали о ней регулярно. Даже проводя монарха в последний путь в марте 1826 г., современники не преминули отметить зловещее совпадение даты похорон Александра I с датой убийства его отца. Так, жена британского посланника констатировала в своем письме: «Император (Александр. — *Прим. авт.*) был погребен 14-го, ровно в двадцать пятую годовщину со смерти его отца, императора Павла» (Подлинные письма из России. 1825–1828. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 104). В околоофициальном описании церемонии, опубликованном в «Отечественных записках», содержалось сразу несколько отсылок к императору Павлу I. Так, в начале автор текста указывал, что торжественное погребение императора Александра I произошло «по удивительному стечению обстоятельств — ровно через 25 лет по возшествии Его на престол, 12 марта 1801 года» (Торжественное ввезение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почившаго императора Александра Павловича. С. 514). В самом конце описания автор, словно желая «закольцевать» текст, еще раз подчеркнул связь Александра и Павла, отметив, что сын был похоронен рядом с отцом (Там же. С. 555). А. Мартин, размышляя над особенностями психологических реакций Александра и указывая на скрытность императора, выразил схожую мысль: «Вполне возможно, что испытания, через которые он (Александр I. — *Прим. авт.*) прошел начиная с 1801 г., — его роль в убийстве отца, провал его реформаторских планов, поражения за границей и неудачи в личной жизни, — оказались для него тяжелым духовным грузом, и это давление достигло апогея в трагические месяцы лета 1812 г.» (*Мартин А.* Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2021. С. 275).

¹⁴⁵ *Эдлинг Р.С.* Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 212.

В 1812 г. император Александр I утратил столь важную для периода войны сопричастность происходящему. Монарх был практически изолирован и в отношении принятия решений, связанных с ведением военной кампании. Согласно существующим в литературе подсчетам, в период с 19 ноября 1812 г. по 28 февраля 1813 г. 9 из 10 военно-политических, военных и административных решений принимались лично М.И. Кутузовым и только 1 из 10 оформлялось с отсылкой на волю императора¹⁴⁶. Это подтверждается анализом решений М.И. Кутузова, который в это время был активно вовлечен в принятие решений по управлению территориями империи на западе¹⁴⁷. Очевидно, попытки императора изменить ситуацию быстрого результата не принесли. Непонимание происходящего видны в переписке с М.И. Кутузовым, которому, без сомнения, приходилось выдерживать в этот момент сильнейшее давление со стороны монарха. Так, 2 октября 1812 г. император выговаривал фельдмаршалу относительно его действий, которые, по мнению монарха, могли нанести урон прикрывавшему Петербург корпусу П.Х. Витгенштейна: «На Вашей ответственности останется, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург для угрожения сей столице, в которой не могло остаться много войска... Вспомните, что Вы еще обязаны отвечать оскорбленному отечеству в потере Москвы»¹⁴⁸. Спустя месяц последовал новый окрик: «Ныне сими упущениями Вы подвергли корпус графа Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеон, оставя перед вами вышеупомянутые три корпуса, которые единственно вы преследуете, будет в возможности с гвардиею своею усилить бывший корпус Сен-Сира и напасть превосходными силами на графа Витгенштейна... Обращая все Ваше внимание на сие столь справедливое опасение, я

¹⁴⁶ Жучков К.Б. М.И. Кутузов и Александр I в декабре 1812 — феврале 1813 гг.: о критериях приоритета в верховном командовании армией // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 37 (80). С. 116–124.

¹⁴⁷ В частности, после захвата войсками Наполеона значительной части Смоленской губернии именно М.И. Кутузов определил нового руководителя губернией (Всепопданнейший рапорт сенатора Калужского гражданского губернатора // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1871. Вып. 10–12. С. 1611).

¹⁴⁸ Барклай-де-Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 72.

напоминаю Вам, что все несчастья, от сего проистечь могущие, останутся на личной вашей ответственности»¹⁴⁹.

Отметим отдельно, что осмысление самого факта победы над Наполеоном потребовало от императора значительных усилий. Ведь в рамках просвещенческой парадигмы, в духе которой император был воспитан, Европа всегда выступала как пространство цивилизации, своего рода сияющий град на холме. Победа России в Европе и падение Франции, по сути, противоречили базовым установкам, усвоенным императором в юности, ведь в рамках последних победа России была невозможна. Мнение монарха о русском обществе — уровне его развития и способности участвовать в широком смысле слова в политическом процессе — было крайне невысоким¹⁵⁰. Очевидно, что Александр I испытывал серьезные трудности с осознанием сути произошедшего — того факта, что в роли побежденного оказалась более развитая цивилизация. Эти установки предопределили формирование хорошо описанного в литературе библейского нарратива войны¹⁵¹, согласно которому победа была соотнесена не с высоким военным искусством, армейской корпоративностью или силой духа воевавших, а исключительно с божественным промыслом.

Нам представляется, что поиск этой новой формулы был непростым. Окончание Заграничных походов вызвало у императора сложные чувства. Он «становился по службе все более и более взыскательным»¹⁵². Показателен случай, произошедший в 1815 г., когда Александр I приказал арестовать двух полковых командиров, вина которых состояла лишь в том, что их подчиненные во время очередного парадного прохождения шли не в ногу. Арест было поручено произвести английским офицерам армии Веллингтона.

¹⁴⁹ Там же. С. 74.

¹⁵⁰ *Фреде В.* Общественное мнение, его облик сверху : Негласный комитет Александра I // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 164–185.

¹⁵¹ Об этом см. подробнее: *Парсамов В.С.* На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. С. 265–286; *Вишленкова Е.А.* Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 208.

¹⁵² *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 338.

Императора не остановила просьба генерала Ермолова не наносить оскорбления чести мундира подобным решением¹⁵³. Эта странность в поведении победителей, часто маркирующаяся в литературе эксессивная «доброжелательность» Александра по отношению к европейцам¹⁵⁴, оборачивавшаяся приниженным положением чинов его собственной армии, не осталась незамеченной. Ф.-Р. Шатобриан писал об увиденном в эти дни: «Побежденных можно было принять за триумфаторов, а истинные триумфаторы, казалось, дрожали и просили прощения за свою победу»¹⁵⁵.

Показателен разговор, затеянный императором в 1814 г. в Париже с генералом Ермоловым, к которому он неожиданно обратился с вопросом: «Ну, что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге? Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, *меня считали за простачка*»¹⁵⁶. Когда император получил из Петербурга прошение Сената об устройении праздника-триумфа¹⁵⁷, его решение было быстрым и резким. Император не забыл своей столице обиды, которая была нанесена его самолюбию. Очевидно, к тому времени он сформировал и нарратив, позволявший сместить восприятие победы. Император отослал в Петербург следующий указ: «Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их менее приличными ныне. *Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Пред Ним мы все должны смиряться.* Объявите повсюду мою неперменную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать. Пошлите повеление губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета»¹⁵⁸.

¹⁵³ Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. Т. 2. М.: Голос, 1993. С. 7.

¹⁵⁴ Поліевктов М.А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 21; Рэй М.-П. Александр I. С. 296.

¹⁵⁵ Рэй М.-П. Александр I. С. 296.

¹⁵⁶ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 212.

¹⁵⁷ 14 апреля 1812 г., когда в Петербург пришло известие о том, что русские войска вошли в Париж, на экстренном собрании Сената было принято решение устроить императору Александру особенно торжественную встречу (Агеева О.Г. Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действа в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. С. 249).

¹⁵⁸ Там же. С. 250.

Можно предположить, что присланный из Петербурга «Проект обряда торжественной встречи» неприятно поразил императора. Хотя в преамбуле текста говорилось о «мужественном предводительстве прославляемого... монарха», сделавшего возможным «блистательные успехи победоносного Российского воинства»¹⁵⁹, суть проекта сводилась к встрече «обожаемого» императора, но не царя-полководца или государя-воина. Не имея под рукой предписанного стандарта относительно того, *как* следует воспринимать произошедшие события, сенаторы руководствовались лишь собственным и не слишком лестным для Александра видением ситуации. Изъявляя чувство «живейшей благодарности», они предлагали императору вступить в город под пушечные выстрелы, звон колоколов и пение придворных музыкантов и певчих, отведать хлеб-соль, пройти мимо домов, украшенных «цветами и тканями», через триумфальные арки, мимо «особых возвышенных галерей», в которых должны были размещаться члены императорской фамилии, а также представители сословий, министерств и города. Планировалось, что в шествии к Казанскому собору Александра I будут сопровождать избранные купцы и члены магистрата, дворянство, «присутственных мест чиновники», чины департаментов и коллегий, депутаты от губерний, Правительствующий Сенат и обер-прокурор, Госсовет и статс-секретари, статс-дамы и камер-фрейлины. Из текста следовало, что за императором будут следовать все, кроме, собственно, армии¹⁶⁰. Военные чины появлялись в описании лишь для традиционного оформления церемониала: отряд лейб-гвардейской конницы открывал и закрывал шествие, а вдоль улиц предполагалось устроить «шпалеры» войск¹⁶¹. Хотя сенаторы полагали необходимым вынести трофеи,

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 50. Л. 3.

¹⁶⁰ Показательно и описание прохода императора через залы Зимнего дворца: «И вшед на большой двор проходит [Император] через оный на большую парадную лестницу по которой уже войдя во дворцовые залы устраивается нижеследующим образом: купечество, депутаты от губерний и прочие присутственные места, а в столовую комнату и подле оной в ковровую войдут гг. сенаторы и члены Государственного Совета и придворные чины, а в бархатной остановится обер-гофмейстера, гофмейстера, статс-дамы, камер-фрейлина и фрейлины» (Там же. Л. 10). В предложенном проекте встречи военные чины (генералитет, штаб и обер-офицеры, а также инвалиды) становились более заметными лишь на второй день празднований (Там же. Л. 12 об.).

¹⁶¹ Там же. Л. 2–15 об.

захваченные у неприятеля, и назначить императору должное сопровождение из «генерал-адъютантов, флигель-адъютантов в свите Его Императорского Величества состоящих», документ содержал впечатляющую приписку: «Если Государь Император не соизволит предводительствовать войску и без оного вступить за благо рассудит в столицу, тогда весь ход будет замыкать отряд конницы с трубами и литаврами»¹⁶². Таким образом, высшие чиновники империи не просто предполагали, но прямо указывали, что «сокрушитель Наполеона» Александр I вполне может вступить в свою столицу и без войска. Образ монарха выстраивался в данном случае в соответствии с принятой императором на себя ролью «лидера нации»¹⁶³, и появление армии не воспринималось Сенатом как неотъемлемая часть композиции. При этом сенаторы, не уловившие смену символической конъюнктуры и не получив иных установок, посчитали возможным заявить об этом совершенно недвусмысленно.

Александр вернулся в столицу своей империи 13 июля 1814 г. как частное лицо. По этому случаю в Петербурге несколько недель нескончаемой чередой шли праздники, чествования, публичные маскарады, молебствия и гулянья¹⁶⁴. 30 июля столица чествовала триумфом императорскую армию: в город прибыли старейшие гвардейские полки — Преображенский, Семеновский, Измайловский, а также Егерский полк, Гвардейский морской экипаж и две роты гвардейской артиллерии. Армия входила в Петербург без императора: полки вел великий князь Константин Павлович. Император согласился лишь принять парад¹⁶⁵.

Историки традиционно объясняют действия Александра I, решившего отказаться от триумфального въезда в столицу во главе армии, особенностью его личности. Это соображение вполне справедливо. Речь, однако, идет не о

¹⁶² Там же. Л. 9.

¹⁶³ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. С. 240–244.

¹⁶⁴ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 220.

¹⁶⁵ Агеева О.Г. Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. С. 250.

неприятии публичности и не о том, что близорукий и плохо слышавший монарх стремился сократить свое участие в церемониях¹⁶⁶, а о форме переживания травматичного опыта, которую выбрал для себя император.

Источники указывают, что император начал поиск оснований для разворачивания новой политической стратегии еще до создания Царства Польского. В упоминавшемся выше письме А. Чарторыйскому 1813 г. монарх наметил некоторые возможные практические шаги. Отметив отсутствие у себя стремления мстить, монарх писал: *«Моим генералам отданы строжайшие приказы поступать сообразно распоряжениям и обращаться с поляками дружески и по-братски. Буду говорить с Вами вполне откровенно. Чтобы осуществить мои любимые мечты относительно Польши, мне, несмотря на блеск теперешнего моего положения, предстоит победить некоторые затруднения. Прежде всего — общественное мнение в России... Затруднения эти, при благоразумии и осторожности, будут побеждены. Но чтобы достичь этого, надо, чтобы Вы и Ваши соотечественники содействовали мне. Надо, чтобы Вы сами помогли мне расположить русских к моим планам и чтобы Вы оправдали мое, известное всем, особое расположение к полякам и ко всему, что касается их любимых идей... Вы должны убедить Ваших соотечественников выказывать к России и к русским добрые чувства, чтобы изгладить впечатления этой кампании и этим облегчить мне мой труд... Всем русским генералам отдан приказ обращаться с поляками, как с братьями и друзьями»*¹⁶⁷.

В письме отчетливо прослеживаются две установки, в соответствии с которым Александр I намеревался одновременно успокоить поляков и воздействовать на русских. Последних надлежало очаровать и заставить вести себя в Польше спокойно. Примечательно и указание на «обращение... по-братски» как на некое предписание, а точнее — приказ. Интересно, что

¹⁶⁶ Там же. С. 253.

¹⁶⁷ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 280–283.

признаваемые императором грабежи поляков, имевшие место в Смоленске и Москве, не были маркированы как нечто, требующее оправдания, покаяния или воздаяния. Предписания полякам не касались материальных или даже моральных позиций: необходимо было «высказывать к России и русским добрые чувства».

Впервые официальное разделение установок и позиций, предписанных жителям империи и присоединенных новых польских территорий, нашло свое отражение в манифестах о создании новой территориальной единицы — Царства Польского. В Российской империи и теперь уже бывшем Герцогстве Варшавском новость была подана по-разному. Новое положение было анонсировано в России и в Польше посредством разных документов. В России манифест о создании Царства Польского был объявлен 9 (21) мая 1815 г.¹⁶⁸, а в присоединенных к империи польских землях спустя несколько дней — 13 (25) мая 1815 г.¹⁶⁹ Эти декларации, из которых лишь первая была впоследствии опубликована в «Полном собрании законов», заметно отличались друг от друга.

Россия узнала о присоединении к империи новых польских территорий одновременно с новостью о бегстве Наполеона с острова Эльба — 9 мая 1815 г. был опубликован манифест «о присоединении к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского, под наименованием Польского Царства о подъятии вновь оружия против вышедшего с Острова Эльбы Наполеона Бонапарта»¹⁷⁰. В его тексте сообщалось, что «соединение под единым Скипетром обширнейшей части бывшего Герцогства Варшавского» является необходимым «к устроению всеобщего в Европе равновесия и порядка. *Сим ограждается пределов Наших (России. — Прим. авт.) безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские покушения отражающий...*» Далее манифест описывал основания вводимого порядка на

¹⁶⁸ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 117–119.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об. Манифест был опубликован в польской прессе. См.: *Gazeta Warszawska*. 1815. № 49. S. 887–888.

¹⁷⁰ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 117–119.

новых западных границах империи: «...признали мы за благо устроить участь сего края, основав внутреннее управление одного на особенных правилах свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных... возжелали Мы созидая благополучие новых подданных, поселить в сердцах их чувства приверженности к Престолу Нашему, и тем *изгладить навсегда следы прежних бедствий, от пагубного несогласия и долговременной борьбы проистекивших*». Во второй части манифеста говорилось о «коварном замысле Наполеона Бонапарта», стремящегося разрушить святыни и законы¹⁷¹.

В этой декларации Александра I обращает на себя внимание риторический прием, в рамках которого страна – победительница Наполеона была осмыслена как территория, в военном отношении уязвимая. Рубежи страны названы в манифесте «беззащитными», а безопасность империи прямо увязана с появлением на ее границе «твердого оплота», отражающего «вражеские покушения». Вместе с тем подданные монарха твердо знали, что нынешний союзник — это вчерашний враг, а Польша воспринималась как форпост недавнего наполеоновского нашествия на Россию. Указ, впрочем, этого и не скрывал. Рассказ о несогласии между русскими и поляками, который в документе не связывался прямо с войнами 1812–1814 гг., оказывался соотнесен с историей «долговременной борьбы» как таковой. Очевидно, декларируя основания новой идеологии, власть еще не до конца была уверена в общественной реакции, и одновременное объявление о бегстве Наполеона с острова Эльба должно было несколько отвлечь подданных императора от польских дел и сгладить разнонаправленность сигналов, подаваемых монархом. Вместе с тем появление в манифесте о присоединении Царства Польского Наполеона автоматически превращало всю композицию из двусоставной (Россия–Польша) в систему из трех элементов. В последней был четко определенный враг (Наполеон), с которым и надлежит бороться двум

¹⁷¹ Там же. С. 118.

братским народам. Иными словами, манифест фактически требовал признать поляков «своими», удалив их из категории «враг»¹⁷².

Иной была ситуация с объявлением о создании Царства Польского в Польше. Манифест, распространенный здесь, был опубликован на русском и польском языках¹⁷³, а не на французском и польском, как это делалось позднее. Последнее указывает на то, что форма обращения с жителями Царства не была детерминирована с самого начала. Напротив, первое время Александр I находился в поиске подходящего формата и не решился сразу отказаться от русского языка. Впрочем, время, отведенное для сомнений такого рода, как отмечалось выше, было крайне недолгим.

Манифест о создании Царства Польского 13 (25) мая 1815 г., адресованный полякам, не упоминал Бонапарта, как, впрочем, и не декларировал, что новое территориальное образование назначено для охранения рубежей Российской империи¹⁷⁴. Судя по содержанию, одной из основных задач манифеста была перекодировка позиций, связанных с только что закончившейся войной. Риторика документа позволяла поместить Польшу в категорию если не жертвы, то пострадавшего. Прежде всего — от французского нашествия. Поляки объявлялись народом, у которого начала

¹⁷² Манифест от 9 мая 1815 г. был самым развернутым, но отнюдь не первым документом, который сообщал империи о вхождении в ее состав польских территорий на особых условиях. Несколькими неделями ранее, 12 апреля (8 мая) 1815 г., подданных Александра I коротко уведомили, что «Герцогство Варшавское, за исключением вольного города Кракова... навсегда присоединяется к Империи Российской» (Там же. № 25827. С. 78–87). При этом в тексте отмечалось, что «Его Императорское Величество предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение сему Государству, имеющему состоять под особенным управлением» (Там же. С. 80). В исследовательской литературе этот документ оказался ключевым при рассмотрении статуса Царства Польского. Двойственность трактовок манифеста 12 апреля (8 мая) 1815 г. дает возможность одним указывать на использованную в нем формулировку о присоединении польских территорий к империи «навсегда», а другим — акцентировать значение высказывания об «особенном управлении» и «распространении» Царства (намек на возможность объединения новых польских территорий империи с теми, что уже входили в ее состав, в частности Литвы). Попытку представить ситуацию объемно, объединив крайние позиции, предложил Н.М. Коркунов. Исследователь полагает, что, согласно документам Венского конгресса, территориальные границы Царства определялись Россией, которая могла расширить границы, но и также «сузить их единственно по своему усмотрению». При этом представительство и национальные учреждения «не имели характер обязательства и вовсе не предполагали непереносимый государственной обособленности» (Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. С. 191). Схожую позицию выражает и О.С. Каштанова (Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38).

¹⁷³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об. В прессе манифест был опубликован на польском языке (Gazeta Warszawska. 1815. № 49. S. 887–888).

«законообразной свободы» были «неограниченным господством военного правления изглажены»¹⁷⁵. Впрочем, вторым планом шло указание на то, что, присоединившись к наполеоновской армии и стремясь таким образом к реализации своих желаний (имелось в виду объединение Польши), поляки пошли по пути заблуждения: «Пламенное стремление ваших желаний часто устраняло вас от сей спасительной цели и увлекало на пути, которыми достигнуть оной было не можно»¹⁷⁶. Цель же усилий — восстановление государственности — была оценена в манифесте как единственно верная и все оправдывающая («Вожделенное наименование¹⁷⁷, которое вы столь долгое время, с напряжением всех сил ваших, взывали и для которого *столько излили крови*»). Александр, очевидно, не мог не понимать, что указание на пролитую поляками кровь будет ассоциироваться у его слушателей в первую очередь с погибшими в войнах против России, в том числе в Отечественной войне 1812 г., а значит, манифест, конечно в скрытой форме, заявлял об оправдании убийств, совершенных во время наполеоновских кампаний. Иными словами, в обращении к своим польским подданным Александр легитимизировал действия поляков, объявляя убийство русских ненаказуемым.

В контексте монарших рассуждений поляки, равным образом пострадавшие и от собственных иллюзий, и от тягот прошедшей по их территории войны, обретали вожденное. Теперь на них было распространено «благотворение прочного и незыблемого мира», им «надлежало даровать... свободу, насладиться всеми нравственными и политическими благами». Освобождение Польши при этом не трактовалось как результат действий Александра I: страна возрождалась, как бы пересоздавалась самой Европой. В тексте документа творцом всеобщего блага

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8.

¹⁷⁶ Эти рассуждения повторяют слова Александра I Лагарпу, сказанные годом ранее: «Каким образом порядочный человек может отказаться от мысли иметь отечество? Если бы я был поляком, я поддался бы искушению, против которого они не устояли». В этом рассуждении император определял поляков не как врагов или противников, а как «порядочных людей», не устоявших перед «искушением» (*Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 237).

¹⁷⁷ Речь о Царстве Польском.

был Венский конгресс. Отдельным сюжетом стало указание на невозможность объединения всех польских земель. Последнее объяснялось необходимостью сгладить возможное беспокойство со стороны соседей, так как восстановление Польши в прежних границах могло бы спровоцировать новое столкновение («Отечество вам возвращаемое должно было не подать повода ни к зависти, ни к опасению со стороны соседственных вам земель; а еще менее к воспламенению новой войны в Европе»)¹⁷⁸.

По сути, манифест, рассчитанный на Россию, рисовал ситуацию, что называется, широкими мазками, тогда как документ, адресованный польской стороне, напротив, четко обговаривал позиции, в отношении которых у новых подданных могли возникнуть вопросы. Александр I объяснял, почему «интересы общего умиротворения Европы не позволили объединить всех поляков под властью одного скипетра», и в других документах¹⁷⁹. Впоследствии увещевания такого рода стали частью александровской риторики в польских землях.

В отношении трактовки нового единства манифест, адресованный Польше, предлагал сразу несколько прочтений. Постулируя новое славянское братство, император наделял русских субъектностью лишь отчасти. Они были названы «народом, отличающимся величием своего духа», однако в этом новом славянском мире (при взгляде на него из Польши) роли были распределены отнюдь не в пользу признания первенства России. Так, приоритет в храбрости император отставлял за поляками. Его призыв к ним признать новое единство зиждился на указании, что русские обладают мужеством, достойным «соревнования» с поляками («мужество достойное вашего (польского. — *Прим. авт.*) соревнования»)¹⁸⁰. Кроме того, документ, говоря о «сопряжении» судьбы Польши с судьбой империи, обещал сохранение польского языка и замещение государственных должностей

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 9.

¹⁷⁹ См., в частности, письмо Александра I председателю польского Сената графу Островскому, написанное 18 (30) апреля 1815 г. (*Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. С. 366).

¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8 об.

исключительно поляками. Таким образом, в Царстве Польском славянское братство маркировалось как идеологическая надстройка над политической практикой, в рамках которой русские и поляки были друг от друга вполне отделены.

Очевидно, что этот документ — ключевой для понимания того, как формировались риторические, а затем на их основании и ментальные структуры. Забегая вперед отметим, что Александр I легитимизировал и укрепил образ поляка-жертвы (само слово «жертва» прозвучало в манифесте несколько раз), человека, принадлежащего к нации, претерпевающей бесчисленные несчастья. Вероятно, после восстания 1830–1831 гг. этот образ прочно вошел в сознание части русского общества. Один из современников, оставивший воспоминания о 1830-х гг., отметил, что «в то время каждый поляк был украшен двойным золотым венцом (ореолом): воинской доблести и несчастья»¹⁸¹.

Появление двух манифестов о создании новой административной единицы, предназначавшихся для подданных монарха в Российской империи и Царстве Польском и столь значительно отличавшихся в содержательном отношении, демонстрирует потребность контроля за информационным потоком. В данном случае речь идет и об одном из первых примеров разделения нарративных структур, направленных на осмысление ситуации.

В целом, развернувшееся военное столкновение, в котором поляки выступили на стороне Наполеона, не послужило для Александра I основанием к пересмотру собственных представлений относительно поляков и Польши. Напротив, сложная система отношений с российской элитой того периода, осмысление произошедшего в 1812 г. в категориях обиды, способствовали переключению внимания императора на польскую ситуацию, а равным образом на подданных, которые во второй половине 1810-х гг. оценивались

¹⁸¹ Печерин В.С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 225.

монархом как лояльные и не склонные оценивать действия монарха в рамках существовавших в Российской империи нарративов.

В отличие от России 1812 г., Польша была для императора местом эмоционального комфорта и безопасности. Он часто повторял, что в Польше «чувствует себя дома»¹⁸². Выстраивая образ будущего пространства отдохновения, император Александр писал А. Чарторыйскому в 1813 г.: «Если, по окончании всех этих событий, я мог бы на минуту очутиться в недрах вашего семейства, это причинило бы мне безумную радость»¹⁸³. Монарх смог осуществить свою мечту, остановившись в Пулавах — семейном имении Чарторыйских — по пути на Венский конгресс¹⁸⁴. Впоследствии император провел очень много времени в столице своего нового Царства: согласно имеющимся подсчетам, ни в одном из городов своей страны (исключая, конечно, Петербург) Александр I не жил так долго, как в Варшаве. Монарх приезжал в Польшу практически каждый год (1815, 1816, 1818–1823 и 1825 гг.)¹⁸⁵.

Это позволяет выдвинуть предположение о значимости эмоциональной оставляющей для принятия политических решений при реализации польского проекта императора Александра.

1.2. От вражды к прощению: создание Царства Польского (1813–1815 гг.)

Присоединившийся к войскам в Заграничных походах, император Александр постарался убедиться, что русские войска пройдут через Польшу, не нанеся территории урона. Очевидно, что в практическом отношении речь шла о необходимости по возможности спокойно провести армию через территории Герцогства Варшавского и обеспечить ее продовольствием. Вместе с тем обращает на себя внимание интенсифицированная риторика сбережения людских и экономических ресурсов в Польше, которая появляется

¹⁸² Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т 3. С. 266.

¹⁸³ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 284.

¹⁸⁴ Рэй М.-П. Александр I. С. 492–493.

¹⁸⁵ Из архива Н.Н. Новосильцова. В чаянии монарших милостей. 1816–1818. (Прошения поляков) / Собрал И.Г. Попруженко // Русский архив. 1910. Т. 10. С. 161.

в это время в самых разных текстах и действия армейских властей, выстроенные строго в соответствии с указанными установками. В переписке М.И. Кутузова и М.А. Милорадовича начала зимы 1813 г. содержится сообщение, что жители Варшавы испуганы наступлением русских войск («Жители варшавские... боятся весьма несчастиев и насилий, которым подвергнутся в случае супротивления»)¹⁸⁶, а также информация о том, что Александр I медлил со взятием города. Фельдмаршал писал генералу: «Воля его императорского величества есть, чтоб до некоторого времени Варшавы не занимать»¹⁸⁷. Исследователи отмечают, что движение русской армии по территории Герцогства Варшавского, особенно после капитуляции Варшавы, сопровождалось осторожностью, неприменением силы против местного населения и проявлением уважения к частной собственности¹⁸⁸. Существенно, что русская военная администрация считала необходимым обращаться к жителям с многочисленными увещаниями и призывами — чиновников, «которые обнаружили себя по каким-либо политическим видам противу России», просили «не опасаться обиды», а раненым обещали содержать «гошпитали... с должным человеколюбием»¹⁸⁹. При этом обращения такого рода публиковались на польском языке¹⁹⁰. В январе 1813 г. Кутузовым был издан приказ по армиям, находящимся в Польше, о запрещении задерживать подводы местных жителей и о порядке получения продовольствия. В документе содержалось требование при сборе провианта не чинить насилия, сохранять порядок и выдавать жителям «квитанции» в счет будущей оплаты¹⁹¹. «Дабы доставить жителям вящее удобство», появилось распоряжение об установлении таксы на продукты питания¹⁹². Как будет

¹⁸⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 79.

¹⁸⁷ Там же. С. 163.

¹⁸⁸ *Nieuwazny A.* The Enemy behind Our Backs? The Occupation of the Duchy of Warsaw 1813–1814 // *Russia and the Napoleonic Wars*. P. 198.

¹⁸⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 29, 167.

¹⁹⁰ *Макарова Г.В.* Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект // *Славяноведение*. 2012. № 6. С. 56.

¹⁹¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 156.

¹⁹² Там же. С. 123. О том, как запрещение реквизиционного сбора «от земли» изменило ситуацию в русской армии, см.: РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 217. Л. 2.

показано в следующей главе, эти расходы российское правительство впоследствии оплатило.

Во время Заграничных походов русские войска были размещены вне стен Варшавы¹⁹³, свободный въезд в город имели только представители новой администрации и генералитета¹⁹⁴. Принято думать, ссылаясь на переписку М.И. Кутузова с женой, что причины заключались в том, что в Варшаве «французы... много оставили болезней»¹⁹⁵. Однако, возможно, командование руководствовалось также и соображениями иного порядка. Так, А. Неуважный полагает, что русская армия в Варшавском герцогстве находилась под серьезным контролем, а контакты с местным населением были ограничены, поскольку командование опасалось повторения Варшавской заутрени 1794 г., когда в городе был вырезан русский гарнизон¹⁹⁶. Опираясь на подсчеты В.М. Глинки и А.В. Помарнацкого, историк также справедливо указывает, что в этом случае поляки могли ожидать проявления жестокости со стороны русских войск — из 332 генералов русской армии, портреты которых находятся в Военной галерее Зимнего дворца, 39, включая М. Барклая-де-Толли, А.П. Ермолова, Д.П. Неверовского и Н.Н. Раевского, участвовали в боях против поляков в 1792 и 1794 гг.¹⁹⁷. Едва ли, впрочем, суворовское покорение Польши стоит рассматривать как главный аргумент в разговоре о том, почему поляков идентифицировали как врагов — из 332 указанных генералов 332 прошли Отечественную войну 1812 г. Вероятно, расчет командования оказался верным, и никаких инцидентов в это время отмечено не было¹⁹⁸.

В марте 1813 г. для Александр I учредил для временного управления Герцогством Варшавским Верховный совет, в состав которого вошли В.С. Ланской (председатель/президент), Н. Н. Новосильцов (вице-президент), а

¹⁹³ Там же. С. 178–179.

¹⁹⁴ Там же. С. 178.

¹⁹⁵ Там же. С. 169.

¹⁹⁶ *Nieuwazny A. The Enemy behind Our Backs? The Occupation of the Duchy of Warsaw 1813–1814. P. 200.*

¹⁹⁷ *Ibid. P. 199; Глинка В. М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство, 1981. С. 241.*

¹⁹⁸ *Nieuwazny A. The Enemy behind Our Backs? The Occupation of the Duchy of Warsaw 1813–1814. P. 200–201.*

также представители Герцогства Т. Вавжецкий, Ф.-К. Друцкий-Любецкий. В совет также был включен Л.Х. Коломб, управляющий имениями короля саксонского в Герцогстве¹⁹⁹.

Очевидно, что в этот момент вопрос выработки стратегии управления Польшей все еще оставался открытым, а предлагавшиеся идеи были далеки от установок, введенных впоследствии Александром I. Показательна, в частности, записка одного из челнов Верховного совета Н.Н. Новосильцова, озаглавленная «Замечания до управления Герцогства Варшавского касающиеся»²⁰⁰. Новосильцов направил документ А.А. Аракчееву²⁰¹, человеку, известному своими консервативными воззрениями и одновременно близостью к императору Александру.

Обращаясь к А.А. Аракчееву, Новосильцов отметил, что «чрезмерно был обрадован, узнав, что Его Императорскому Величеству угодно было поручить (А.А. Аракчееву – *Прим. авт.*) отправление всех, до Герцогства Варшавского касающихся дел»²⁰². Утверждение о назначении Аракчеева в качестве человека, контролирующего все дела, связанные с герцогством, не подтверждается другими источниками. Вероятно, эта идея либо не была реализована, либо была не вполне корректно понята Н.Н. Новосильцовым – судя по имеющимся источникам, Аракчеев в эти годы имел достаточно опосредованное отношение к польским делам²⁰³.

В записке, отражающей взгляды Новосильцова, человека, относящегося к группе чиновников, которую в литературе принято именовать

¹⁹⁹ Учреждение Верховного Совета в герцогстве Варшавском в 1813 году. Переписка кн. М. И. Кутузова с Н. Н. Новосильцовым // Русский архив. 1908. №. 1. С. 50–57. В сопроводительном письме Аракчееву Новосильцов указывал на сложности в отношениях с В.С. Ланским. В литературе сложилось мнение, что политика Ланского в Варшаве была ориентирована на признание прав поляков, что вызывало негативную реакцию у русских – Ланского обвиняли в «явном и подлострастным угождении полякам» (*Филатова Н.М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. 2010. С. 497).

²⁰⁰ РГИА Ф.1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 3–17 об.

²⁰¹ РГИА Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 2–2 об.

²⁰² РГИА Ф.1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 2.

²⁰³ В декабре 1813 г. А. А. Аракчеев потребовал от В. С. Ланского материалы для высочайшего доклада по польским делам, при этом было упомянуто некое императорское распоряжение (Учреждение Верховного Совета в герцогстве Варшавском в 1813 году. Переписка кн. М. И. Кутузова с Н. Н. Новосильцовым // Русский архив. 1908. №. 1. С. 63–64). В 1814 г. Аракчеев контролировал получение паспортов поляками, возвращающимися в Герцогство Варшавское (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1143).

«просвещенной бюрократией» – столичных администраторов, приближенных к монарху и руководствовавшихся установками, соотнесенными с категориями «общее благо», «законность» и «рациональное управление»²⁰⁴, был высказан ряд идей относительно перспектив российской имперской политики в Польше. По мнению автора, могли способствовать усилению контроля над захваченной территорией. Так, чиновник предлагал создать на территории Герцогства Варшавского полицию подконтрольную российским властям. Он отмечал, что существующая в Герцогстве полиция изначально не могла обеспечить необходимый России порядок, поскольку «находится и по сей час в руках таких же властей Варшавского Герцогства, которые управляли оною до вступления российских войск»²⁰⁵. За этими следовали рассуждения о необходимости контролировать пространство, скрытое от глаз, а именно леса Герцогства. В записке отмечалось, что в случае «каких-либо вредных замыслов со стороны жителей Герцогства Варшавского... нет сомнения, что скопища людей, складка оружия, провизанта, фуража и тому подобного, будут иметь свое убежище в лесах»²⁰⁶. Предлагаемые меры можно было бы считать сиюминутными, ориентированными на конкретную ситуацию и направленными сугубо на обеспечение контроля территории в момент ведения войны. Однако Новосильцов приложил к документу «Меморию об управлении Герцогства» за авторством Г.Ф. Штейна, прусского чиновника, активного противника Наполеона, поступившего на русскую службу в 1812 г.²⁰⁷

В отличие от Новосильцова, вероятно, еще не решавшегося в тот момент прямо высказать собственную позицию в отношении будущей политики России в Польше²⁰⁸, Штейн в своей «Промемории», относящийся также к 1813 г., предлагал значительно более широкий и радикальный комплекс мер.

²⁰⁴ См. об этом: *Ружицкая И.В.* Просвещенная бюрократия (1800-1860-е гг.). М., 2009; *Давыдов М.А.* Оппозиция Его Величества. М., 1994;

²⁰⁵ РГИА Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 3 об.

²⁰⁶ РГИА Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 2–2 об. В документе отмечалась также необходимость искоренения коррупции в обеспечении войск продовольствием (РГИА Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 9-17 об.).

²⁰⁷ РГИА Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 18–23.

²⁰⁸ Николай Николаевич был сторонником интеграции польских территорий в состав Российской империи, не поддерживал идею политической исключительности Польши и полагал необходимым контролировать

Указав, что «никогда не было прилагаемо столько стараний для воспламенения в поляках народного духа, как в последние 6 лет», Г.Ф. Штейн писал, что поляки, увлеченные «ложною блистательностию и беспечною», ввергли страну в катастрофу – Наполеон, который «вел их на убой» едва не превратил Польшу в «пустыню». Утверждая, что «теперь все переменялось», барон, однако заявлял, что должный урок из произошедшего извлекли не все, а иные, прежде всего молодые люди, «успели уже... напиться ядом народной ненависти, злопамятства и угнетения». Именно эту категорию «молодых вертопрахов, почитающих кровожадное мщение, непримиримую злобы, за благороднейшие чувства», по Штейну, надлежало более всего опасаться. В связи с этим барон предлагал реализовать разработанный им план, включавший в себя жесткий контроль за населением (разрешение «земским начальствам» брать под стражу любого, просмотр корреспонденции подозрительных лиц и др.), увольнение со службы чиновников и учителей, известных своей преданностью Франции, и замена их на «верных и беспристрастных», а также удаление всех элементов французского влияния (от системы чинопроизводства до масонских лож, которые следовали «французской системе»).

В своем проекте Штейн сделал акцент на два изменения, одним из которых была замена чиновников, а вторым – содержание образования, которое молодые люди получают в Польше («должно обратить внимание на школы, на существующий в них злобный дух, истреблять внушаемую там в молодых людях, непримиримую ненависть, мщение и гонение, и стараться поселать в них понятие о мирной гражданской жизни, как об истинном

процессы, происходившие в регионе, столь активно вовлеченном в войну 1812 г. на стороне Наполеона. Отметим, однако, что Новосильцов не стремился к лишению польских территорий какой бы то ни было субъектности или проведения русификации. Напротив, по точному выражению Любезникова, по мнению Новосильцова, единственный способ добиться лояльности населения «заключался в их (поляков – Прим. авт.) постепенном, ненасильственном, не агрессивном культурном интегрировании в единый ряд имперских подданных» (Любезников О.А. Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века. Диссертация. СПб., 2013. С. 141). Иными словами, Новосильцов стремился создать возможности для конструирования «польской идентичности, которая бы сочеталась с лояльностью империи и династии» (Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 89).

благодетянии»). Помимо указанного выше требования убрать из школ лояльных Франции и «действительно опасных» учителей, в своей «Мемории» барон предложил провести тщательный разбор учебных книг, удаление из программы «соблазнительных» текстов и, наконец, распространение доступных («кратких») сочинений, «кои без оскорбления могли бы открыть глаза народу и направить их к истинной цели»²⁰⁹. Такие рассуждения были, без сомнения, близки Новосильцову. Десятилетие спустя он сам вполне прямо заявлял о необходимости изменения содержания курса истории, преподававшегося в Виленском учебном округе. В 1824 г. он представил министру народного просвещения А. С. Шишкову предложение о преподавании в Вильно истории на русском языке. Критикуя содержание учебного курса, основанного, по его мнению, на «национальных предрассудках», Н. Н. Новосильцов выразил идею задействовать учебную литературу, использующуюся в России²¹⁰.

Отметим отдельно, что Г. Ф. Штейн не ограничился в тексте лишь рассуждениями по вопросу о будущем польских земель, а предложил конкретный список лиц, которые могли бы заменить прежних находившихся на службе в Герцогстве учителей и чиновников. И если в первом случае речь шла о лояльных Российской империи поляках (барон, в частности, полагал, что «старый ректор» в Варшаве О. Копчинский и директор Варшавского лицея С. Г. Линде могут быть полезны России «для прекращения вредного над умами влияния в России»), то в случае с заменой чиновников барон выступал за появление на управленческих позициях в герцогстве немцев²¹¹.

Существенно, что рассуждения Штейна относительно необходимости контроля над территорией посредством замены в чиновничьей среде одной этнической группы на другую оказалась достаточно распространенной в последующие полтора десятилетия. Однако применительно к созданному в

²⁰⁹ РГИА. Ф.1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 18–23.

²¹⁰ Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века. С. 132–133.

²¹¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 18–23.

1815 г. Царству Польскому идея системного привлечения к управлению выходцев из немецких земель больше не звучала. Уровень обсуждения такого положения, причем как в 1810-е гг., так и в более поздний период всегда касался замены в учреждениях и войсках поляков на русских²¹².

К середине 1810-х гг. стало очевидно, что ситуация развивалась в сторону противоположную той, которую обозначили в своих проектах Новосильцов и Штейн. В это время число русских чиновников, находившихся в Варшаве, было радикально сокращено, поскольку в Царстве был введен принцип, согласно которому государственные должности в крае могли занимать поляки.

²¹² Сама по себе идея «поменять местами» поляков на русских в административном аппарате, войсках и школах Царства Польского, а также западных губерниях империи, с одной стороны, и великорусских землях, с другой стороны, в проектах 1820-х – 1830-х гг. звучала неоднократно. Суть идеи заключалась в том, что подобная мера позволит достичь сразу двух целей – усиления контроля над западными территориями империи и изменения идентичности нелояльных поляков, переселенных во внутренние губернии империи. Примерами такого рода является «Записка о Царствии Польском в отношении онаго к собственным российским губерниям», направленная в 1827 г. Николаю I генерал-адъютантом князем В. С. Трубецким и записка неизвестного 1829 г. «Взгляд на Подольскую губернию». В. С. Трубецкой, не призывая к лишению Царства Польского дарованных ему привилегий («Несовместно было бы с прямотушием политики российских государей, чтобы лишить поляков конституции и прав уже им дарованных»), настаивал, однако, на том, что «святая справедливость требует оградить Россию от всяких покушения на отторжение важных областей, трудами и кровью ея давно уже приобретенных». Для решения таким образом сформулированной задачи Трубецкой предлагал реализовать серию мер как в «губерниях от Польши присоединенных», так и в самом Царстве Польском. В первом случае предложения касались преобразования территорий «в настоящие губернии русские» – следовало распространить на эту часть империи «законы и права губерний великороссийских» и назначать чиновников (губернаторов, вице-губернаторов, председателей судов, полицмейстеров, городничих, земских исправников и др.) «непременно из русских подобно как сие делается в частях Польше, принадлежащих Пруссии и Австрии». При этом Трубецкой предлагал запретить дворянам западных территорий империи служить в Царстве Польском – уроженцев этих губерний надлежало определять на службу в русскую армию или к должностям в великорусских губерниях. Отдельным пунктом в проекте Трубецкого значился «совершенно польский» Литовский корпус, который в «Записке» предлагалось преобразовать, сделав его офицерский и солдатский состав русским. В отношении изменения положения Царства Польского князь предлагал – еще раз подчеркнув, что отмена конституции невозможна – стремиться к назначению на правительственные посты «людей более благомыслящих и менее зараженных мнениями политическими нынешнего века», учредить «хорошую и преданную правительству полицию», а также изменить содержание финансового взаимодействия Российской империи и Царства Польского, предоставив «сей край собственным его способам, не отягощая Россию» (ОР РНБ. Ф. 859. Оп. 1. К. 26. Д. 2. Л. 3–8 об.). Автор записки 1829 г. «Взгляд на Подольскую губернию» представил еще более радикальный взгляд. Предложение было представлено в рамках рассуждения относительно того, что следовало сделать ранее и что будет полезно впредь. В тексте выражалась мысль, что прощение вставшим на сторону Наполеона в 1812 г. жителям этой территории следовало даровать «на том условии, чтобы они избрали себе навсегда жительство в великорусских губерниях империи. Автор текста резюмировал в конце: «Если бы не сами сии переселенцы, то потомки их были бы конечно истинные дворяне российские. Желательно, чтобы мера такого переселения принята была за правило впредь в подобных случаях» (ОР РНБ. Ф. 859. Оп. 1. К. 26. Д. 2. Л. 27–47 об.). Иными словами, по мнению автора текста проживание на территориях, осмысленных как русские, православные и устойчиво лояльные было способно радикально изменить ситуацию, а именно заместить идентичность, ориентированную на Польшу, на идентичность, ориентированную на Россию.

В 1815 г. в Варшаве прошла процедура замены чиновников. Последняя была проведена спешно, в соответствии с распоряжением Александра I от 12 (24) мая 1815 г.²¹³. Отметим отдельно, что императорское распоряжение об увольнении от должности русских на этих территориях из-за несоответствия такого положения «установленному отныне в сем крае порядку» было подписано за день до указа о создании Царства Польского»²¹⁴. В рапорте, подписанном В.С. Ланским, Н.Н. Новосильцовым, А. Чарторыйским и Ф.-К. Друцким-Любецким и направленном Александру I сообщалось по этому поводу: «Во исполнении высочайшего Его Императорского Величества указа, состоявшегося на... 12 (24) мая сего года... положили мы российских чиновников, находившихся на службе в бывшем Герцогстве Варшавском в звании областных и окружных начальников уволить с 15 (27) июля. Вследствие чего были они вызваны в Варшаву и снабжены аттестатами и прогонными деньгами до Санкт-Петербурга по чинам их»²¹⁵. Здесь же отмечалось, что «По указу 12 (24) мая 1815 г. уволено в Россию 98 человек... на временной службе в Царстве Польском осталось 45 русских»²¹⁶.

Первым шагом на пути реализации александровской задачи по перекодировке образа поляка-врага стало продвижение идеи забвения во многих отношениях еще не завершившегося столкновения, а также поспешное и энергичное предъявление прощения противнику. Прощать жителей территорий, «присоединенных от Польши», как в это время называли аннексированные в конце XVIII в. Литву и Белоруссию, начали еще во время войны. Так, манифест от 12 (24) декабря 1812 г., адресованный полякам, обещал монаршее прощение всем, кто находился на службе неприятеля, а также тем, кто покинет ряды противника и вернется в свои дома в течение двух месяцев. Захваченным в период военных действий полякам было дано

²¹³ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 16-16 об.

²¹⁴ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

²¹⁵ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

²¹⁶ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 10-10 об.

обещание, что «плен их разрешится окончанием настоящей войны»²¹⁷. Стоит отметить, что это произошло за полтора года до всеобщего амнистирования тех, кто служил Наполеону и французской администрации²¹⁸.

Как и обещал император в своей переписке с Чарторыйским, окончание войны стало новым этапом разворачивания стратегии прощения. 19 (31) марта 1814 г. русские войска во главе с Александром I вошли в Париж. В пасхальный день 10 (23) апреля на месте, где в 1793 г. был казнен Людовик XVI, была проведена пасхальная литургия²¹⁹. Император Александр словно указывал: смута, начавшаяся революцией, завершена, зло повержено, а добро — торжествует.

Польские войска сдались Александру I после первого отречения Наполеона²²⁰. В литературе это событие традиционно описывают достаточно невнятно: польские офицеры и генералы из разбитых наполеоновских войск, узнав об отказе французского императора от власти, сформировали несколько делегаций и явились к Александру I. Одна из таких делегаций в составе командовавшего военной разведкой во время наполеоновской кампании в России генерала М. Сокольниковского²²¹ и полковника Шимановского обратилась к российскому монарху с просьбой сохранить национальные цвета униформы поверженных польских войск²²². Описание произошедшего рисует алогичность действий обеих сторон. Освобожденные от клятвы перед Бонапартом (это оговаривается отдельно), представители польских легионов по некой непроговариваемой причине являются к Александру I, инициируя обсуждение вопроса второго или даже третьего ряда. С другой стороны, в

²¹⁷ ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25289. С. 482.

²¹⁸ Всеобщее прощение было объявлено 30 августа (11 сентября) 1814 г. в манифесте «Об учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» (Там же. № 25671. С. 909–910).

²¹⁹ С нами Бог: Посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I Благословенного. С. 45.

²²⁰ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29. За несколько дней до этого начальником всех польских войск Наполеона был назначен генерал Красинский (Там же. Л. 28 об.).

²²¹ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 г. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 47.

²²² ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29–29 об.

ответ на их обращение российский император произносит короткую, но поразительную речь: «Да, я надеюсь, что вы их станете носить с уверенностью сохранить навсегда. Правда, мне придется преодолеть много затруднений, но вы меня видите в Париже — этого достаточно. *Я предаю прошедшее полному забвению*, хотя я мог бы пожаловаться на многих лиц вашей нации, но *я хочу все позабыть* и видеть в вас лишь ваши доблести. Вы храбрецы, вы благородно выполнили свой долг»²²³. Далее, прерывая Сокольницкого, поспешившего выразить признательность, император провозглашает: «Господа, *я не прошу у вас благодарности ранее, чем заслужу на то право делами*, которые скоро осуществляются. Я поручаю вам выразить вашему войску те намерения, которые вы во мне нашли по отношению его!.. Она (Польша. — *Прим. авт.*) не неизлечима... Спросите ваших соотечественников, как вели себя мои войска в вашей стране, так как я издавно исполнен добрых намерений к вашей стране. Командовать вами будет брат мой»²²⁴.

Существующая литература либо избегает называть произошедшее как бы то ни было, отправляя события в зону умолчания, либо описывает этот эпизод обобщенно, используя терминологию эпохи, — польские войска «отдались под покровительство Александра»²²⁵. В действительности же перед нами эпизод сдачи польских войск, в рамках которого Александр I не просто отпускает поверженных врагов или позволяет им вернуться домой «с распущенными знаменами и орудиями в руках»²²⁶, но, актуализируя категорию «вина», предписывает себе (и автоматически — всем своим подданным) долг искупления.

Отметим, что идея забвения едва закончившейся войны не была увязана с какими бы то ни было требованиями смены эмоционального режима в Польше. Монарх не стремился услышать от поляков слова раскаяния или получить признание вины. Более того, после окончания военных действий

²²³ Там же. Л. 29 об.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. Л. 28 об.

²²⁶ Там же.

само указание на то, что император простил поляков за участие в Отечественной войне 1812 г., с его стороны — или в официальном нарративе — практически не звучало. Пожалуй, какие-то отголоски произошедшего можно обнаружить лишь в первые годы существования Царства Польского. Так, в известной речи Александра I, произнесенной перед польским сеймом в 1818 г., идея прощения была выражена в рамках устоявшейся к тому моменту универсалистской идеологии: «Россия, после бедственной войны воздав по правилам христианской нравственности добро за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла: единственно честь — восстановить храбрый и достойный народ». В рамках предлагаемой трактовки²²⁷ Россия прощала Польшу без предъявления каких бы то ни было претензий (существование такой возможности в речи проговаривалось — у победы были «преимущества») и забывала обо всем произошедшем, повинуюсь христианскому завету воздавать «добро за зло»²²⁸.

Быстро распространение информации о декларациях и поведении Александра I заставила находившихся во Франции поляков устремиться в Париж. Уже 12 (24) апреля, то есть менее чем через месяц после взятия русскими войсками французской столицы, великий князь Константин Павлович представил императору старые-новые польские войска, или, если говорить точнее, вчерашних врагов — сегодняшних братьев²²⁹. Этот момент отобразил на картине «Смотр польским войскам, произведенный императором Александром I 12 (24) апреля 1814 г. на равнине Сен-Дени» польский

²²⁷ Император был автором речи 1818 г. Первоначально задача разработать проект текста была поручена Иоанну Каподистрии, однако содержание написанного им не удовлетворило императора, и в итоге монарх прочел на сейме речь собственного сочинения (*Шильдер Н.К.* Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 82–84; *Хартли Дж.* Александр I. С. 234; *Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–1809.* М.: Международные отношения, 2002. С. 375–376).

²²⁸ Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. // *Русская старина.* 1873. № 5. С. 612–615. Речь монарха опубликована также в приложениях к мемуарам М. Огинского: *Огинский М.* Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 411–414. О реакции в Царстве на речь Александра I на сейме 1818 г. см.: *Филатова Н.М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. С. 48–50.

²²⁹ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об. — 30.

художник Ян Хелминский²³⁰. Встреча Александра I с 500 всадниками старой наполеоновской гвардии и 4 тыс. офицеров и солдат полевых войск²³¹, разговор с офицерами, похвала их храбрости, обещание вскоре встретиться в Варшаве, провозглашение тоста за здоровье храброй польской нации²³² — все это не могло остаться незамеченным русскими войсками. Никто, однако, открыто не возмутился и не бросил Александру вызов.

Нельзя, впрочем, сказать, что краткосрочный саботаж тех или иных решений императора не имел места. Показательна история с освобождением польских военнопленных, находящихся на территории Российской империи. В.А. Бессонов и Б.П. Миловидов, исследовавшие вопрос положения польских пленных в России, подробно описывают относящийся еще к началу 1812 г. план фельдмаршала М.И. Кутузова определять пленных поляков для укомплектования императорских полков на Кавказе и в Сибири, указывая при этом, что, несмотря на принятое решение, подавляющее число польских военнопленных было оставлено на жительство во внутренних губерниях европейской части страны²³³. Для наших рассуждений важной здесь оказывается информация, что движение части польских военнопленных, которые все-таки были отправлены на Кавказ и Сибирь (около более 10 тыс. человек), не было остановлено, невзирая на упоминавшийся выше манифест о прощении от 12 (24) декабря 1812 г. Иными словами, «российские власти на протяжении всего времени пребывания пленных в России... не давали полякам возможности избежать сделанного им назначения»²³⁴. Ответ на вопрос, почему отношение к польским военнопленным было столь отличным от отношения к другим пленникам Великой армии и почему в 1812–1814 гг.

²³⁰ Там же. Л. 30.

²³¹ Там же; Польские войска в русской армии // Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. Пг., 1915. Т. 18. С. 572–574.

²³² Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 236.

²³³ Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. С. 290–292. Историки констатируют, что, «хотя тема военнопленных Великой армии... уже имеет довольно обширную историографию, вопрос о пленных поляках в России остается до сих пор малоизученным и, более того, в полном объеме даже не ставился» (Там же. С. 289).

²³⁴ Там же. С. 302.

можно зафиксировать «последовательное ущемление прав военнопленных поляков», В.А. Бессонов и Б.П. Миловидов видят главным образом в существовании практики «отношения к полякам не как к регулярным противникам, заслуживающим уважения, а как к мятежным подданным, достойным наказания»²³⁵. Очевидно, что вне рамок репродуцирования собственно александровских установок (историки указывают, что современникам следовало уважать поляков как достойных противников, а не относиться к ним как к врагам) авторы оценивают положение дел вполне точно. Из всего пестрого этнического состава Великой армии Наполеона поляки идентифицировались как давние и злейшие враги, и стремление Александра I освободить их встречало в России сопротивление.

Намерение императора сформировать из поляков регулярные военные подразделения, особенно на фоне разговоров о возможном возвращении Царству Польскому Литвы, вызывало у его российских подданных активное возмущение. Так, А.А. Закревский писал М.С. Воронцову относительно создания Литовского корпуса в 1817 г.: «Я так сим взбешен, что не нахожу слов подробнее Вам описывать»²³⁶. Исследователи, изучавшие этот материал, обращают внимание на описание эмоционального состояния, которое предлагает в этом тексте Закревский. М.А. Давыдов справедливо отмечает: «Бешенство — вот слово, которое точнее всего характеризует реакцию подавляющего большинства русских дворян на польские планы Александра I. Ревность русских подданных царя к польским понятна, как понятна и их тревога по поводу вооружения и содержания казной вчерашних врагов»²³⁷. Но в цитате из переписки двух генералов, а к тому времени еще и представителей административной элиты империи, стоит обратить внимание на признание Закревского, что он «не находит слов», то есть не может прямо высказать собственную позицию. Действительно, обсуждение подобных тем никогда не

²³⁵ Там же. С. 301.

²³⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 310.

²³⁷ Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. С. 104.

становилось публичным. Выражение, использованное Закревским, позволяет увидеть социальную перспективу на новом уровне. Классик «истории эмоций» У. Редди справедливо указывает на связь между словесным выражением эмоций и осознанием последних — лишь называя, проговаривая эмоцию человек в полной мере переживает ее²³⁸. В этом отношении залогом успеха устанавливаемого Александром «эмоционального режима» было выстраивание ограничений на выражения подобных эмоций в публичном пространстве²³⁹.

Из Сибири и Кавказа в Польшу вернулось около 11,4 тыс. пленных поляков²⁴⁰. Кроме того, Александр I лично прикладывал усилия, чтобы освободить поляков, содержащихся в Пруссии, Швеции, Испании и Англии²⁴¹. Я. Домбровский получил приказ собрать польские части, разбросанные по Европе²⁴². «Эмигранты польские, — писал современник, — получив амнистию, возвращались толпами в свои поместья и дома»²⁴³; все они сохранили свои ордена и оружие. С апреля 1814 г. полякам начали возвращать конфискованные во время войны имения, причем как тем, кто прибывал в Польшу из Франции, так и освобожденным из плена в Российской империи²⁴⁴.

К ноябрю 1814 г. польские войска Александра I, которые собирались со всех концов Европы, насчитывали уже около 30 тыс. человек²⁴⁵. Несколько лет спустя, в 1817 г., как знак будущего воссоединения литовских и польских земель был создан уже упоминавшийся Литовский корпус. Он состоял из 40 тыс. уроженцев Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской губерний, а также Белостокской области. Корпус обмундировывался по

²³⁸ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions.

²³⁹ Благодарю М. В. Лоскутову, обратившую мое внимание на это обстоятельство (Лоскутова М.В. Историческая память и чувства в российской политике по отношению к Польше первой трети XIX в. // Диалог со временем. 2025. № 90. С. 386.

²⁴⁰ Васильев А.А., Неуважный А. Польские войска. С. 580; Миловидов Б.П. Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С. 325–359.

²⁴¹ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 19.

²⁴² ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 30 об.

²⁴³ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 427.

²⁴⁴ ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25575. С. 778.

²⁴⁵ Польские войска в русской армии. С. 573.

польскому образцу; при этом в униформе использовался двуглавый орел, на груди которого был размещен литовский герб Погоня (всадник с мечом). Чрезвычайно примечательна стратегия комплектования, присвоения наименований и маркирования статуса новых частей. Так, для формирования нового Литовского полка этого корпуса из состава существовавшего в России с 1811 г. лейб-гвардии Литовского полка был выделен батальон. Таким образом, «новый» Литовский полк принимал имя и привилегированное положение полка лейб-гвардии, а также получал право на историю «старого» Литовского полка, участвовавшего в кампаниях 1812–1814 гг. и дошедшего до Лейпцига и Парижа. «Старый» Литовский полк при этом был переименован в лейб-гвардии Московский полк²⁴⁶.

Как уже отмечалось, манифест императора Александра о создании Царства Польского, адресованный исключительно жителями новой автономии и, очевидно, в значительной мере прошедший мимо подданных монарха в Российской империи, был дан 13 (25) мая 1815 г.²⁴⁷ Для польского общества ни создание Царства, ни состоявшееся позднее дарование конституции не стало новостью — Александр всегда спешил обрадовать своих новых подданных и сообщал большие новости заранее. Так, о своих планах в отношении создания Царства Польского монарх написал председателю польского Сената графу Островскому еще 18 (30) апреля 1815 г., находясь в Вене. При этом содержание письма было разрешено обнародовать²⁴⁸. В дальнейшем то, на каких основаниях будет устроено королевство, активно обсуждалось в прессе²⁴⁹. Перед принесением присяги в июне 1815 г. в соборе Св. Яна также публично зачитывались дарованные Польше «основания коренного установления»²⁵⁰.

²⁴⁶ Львов С.В. Литовский лейб-гвардии полк. С. 422.

²⁴⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 10.

²⁴⁹ Gazeta Warszawska. 1815. № 51. S. 935–936; № 52. S. 959–960.

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 4 об.

Обращает на себя внимание, что Александр I отказался от идеи одновременного объявления о создании Царства и даровании конституции²⁵¹. Откладывать долгожданную декларацию о восстановлении Польши император не желал, а написание текста Конституции требовало времени. Таким образом, создание автономии и декларация ее политической особы оказались разделены восемью месяцами.

Провозглашение Царства Польского в начале лета 1815 г. было оформлено целой серией торжеств: в варшавском соборе Св. Яна, как уже упоминалось, состоялось чтение императорского манифеста и принесение присяги, за этим последовали праздничный обед, устроенный для военных и гражданских чиновников, народные увеселения «до самого утра другого дня», а на следующий день — бал и театральная постановка²⁵². В петербургских реляциях отмечалось, что во время торжеств, прошедших со «всевозможным великолепием», «благоговейная признательность ко благотворениям... Императорского Величества... живо изображена была на всех лицах»²⁵³.

В ноябре 1815 г. Александр приехал в Варшаву. В историографии этот значимый в символическом отношении визит традиционно именуют «первой поездкой Александра I в Варшаву»²⁵⁴. Такая трактовка — несомненный миф: монарх уже был в Варшаве двумя годами ранее, когда русская армия сражалась на этой территории с наполеоновскими войсками. Примечательно, что потомки, следуя по стопам современников событий, предпочли не фиксировать на этом внимание. Отношения Александра с поляками в 1815 г. словно начинались с чистого листа — с момента торжественного въезда в столицу Царства, существование которого только что закрепили документы Венского конгресса.

²⁵¹ Такая возможность рассматривалась. См. об этом: Biblioteka Książąt Czartoryskich (Krakow). № 5231. К. 11.

²⁵² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 1 об. — 5 об.

²⁵³ Там же. Л. 2.

²⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 30.

В Варшаве император появился в польском мундире и со звездой ордена Белого орла²⁵⁵. Здесь он раздавал щедроты: современники запомнили повеление строить костел вместо православного собора, который предупредительно предлагали возвести жители Варшавы, возвращение поместий наследникам наполеоновского маршала Юзефа Понятовского, утонувшего в битве при Лейпциге, учреждение штата для Варшавского двора, назначение нескольких новых адъютантов, пожалование во фрейлины, а также многочисленные раздачи орденов²⁵⁶. А.П. Ермолов, находившийся в эти дни в Варшаве, писал, что стал «свидетелем восхищения благодетельствованного... народа, принявшего от него (Александра I. — *Прим. авт.*) и политическое бытие, и конституцию»²⁵⁷.

В честь приезда императора в Варшаву была поставлена опера «Награда», либретто к которой написал Л. Дмушевский. В пьесе незатейливая история о поиске любви, завершавшаяся счастливым финалом, разворачивалась на фоне всенародного ожидания приезда в Польшу нового короля. Появление последнего означало возвращение с войны храбро сражавшихся за родину Польшу мужчин²⁵⁸. При этом указание на храбрость не было привязано к рассказу о войне как таковой — враг, с которым сражались польские герои, не был никак описан или как-либо маркирован, а новый король не являл собой бывшего противника, обратившегося в друга. В одной из сцен, впрочем, звучали слова о том, что русский и поляк (Рус и Лех) — это «славянские братья»²⁵⁹, а новый король «соединяет короны Петра и Сигизмунда». Вполне отчетливо был выражен и мотив благодарности монарху²⁶⁰. Однако причины, которые заставляли жителей испытывать

²⁵⁵ Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. СПб., 1841. С. 238; Каштанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38. Впоследствии мундир генерала польских войск стал официальной униформой Александра I во время пребывания в Варшаве.

²⁵⁶ Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. С. 239–240.

²⁵⁷ Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М.: Высшая школа, 1991. С. 268. О поездке императора Александра в Варшаву см.: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 350–357.

²⁵⁸ Dmuszewski L.A. Dzieła dramatyczne. Wrocław, 1821. S. 79–118.

²⁵⁹ Ibid. S. 107.

²⁶⁰ Ibid. S. 111.

признательность, также не были проговорены. В рамках простой логической схемы зритель мог предположить, что награда полагалась Польше за участие в борьбе, итог которой не был прямо определен, но более походил на победу, нежели на поражение. Новый король при этом выступал как своего рода посредник между народом и полагающейся ему по праву наградой²⁶¹.

Между прочим, стоит отметить, что Александр I достаточно быстро, фактически в течение первых лет существования Царства, отказался от использования русского языка²⁶², переориентировав коммуникацию на этой территории на использование польского и французского. И это при том, что в 1816–1818 гг. поляки, ожидая изменений и проявляя лояльность к российскому монарху, подавали прошения на русском языке²⁶³. Сохранились воспоминания о том, как Александр и Константин говорили по-польски²⁶⁴. Интересный случай использования польского языка императором Александром зафиксирован в письмах А.С. Меншикова, который сообщал А.А. Закревскому в сентябре 1816 г., будучи в Варшаве, что после кавалерийского маневра император «благодарил 1-й конный егерский полк: “панове офицеры барзо добже зинкую”». Ответом на это выражение благодарности, по словам князя Меншикова, стало «безмолвие», поскольку поляки еще не выучились отвечать «рады стараться»²⁶⁵. Случай был описан с известной долей иронии, поскольку благорасположение императора, заставившее монарха перейти на польский, привело лишь к замешательству и неловкости. Использование русского языка в Царстве, напротив, было сведено к минимуму (как правило, внутри военной среды) и не поощрялось²⁶⁶. Не

²⁶¹ О других польских постановках этого времени и апелляциях к категориям «милость» и «прощение» (имея в виду прощение поляков за 1812 г. и милость, проявленную к побежденным) см.: *Филатова Н.М.* «Петра и Сигизмунда объединил короны...». Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 144–149.

²⁶² Целый ряд ранних александровских текстов, адресованных его польским подданным, имел перевод на русский. См., например: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об., 114–115; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.

²⁶³ Из архива Н.Н. Новосильцова. В чаянии монарших милостей, 1816–1818. (Прощения поляков). С. 161.

²⁶⁴ Активно использовались также немецкий и иврит (*Kurjer Warszawski*. 1826. № 91. S. 369; № 93. S. 377; *AGAD*. F. 190. № 92. K. 180–191).

²⁶⁵ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 426–427.

²⁶⁶ *Сидоров А.А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). С. 28.

говорить по-польски или, по крайней мере, не понимать этот язык, находясь в Варшаве, было неприято. Примечательно, что Константин Павлович уже в 1818 г. позволял себе высмеивать младшего брата, великого князя Михаила, вынужденного находиться на сейме часами, не понимая ни слова²⁶⁷.

Покидая Варшаву в ноябре 1815 г., император Александр I пожаловал Царству Конституционную хартию. Показательна форма, в которую была облечена монаршая воля: Александр I запечатал подписанную Конституцию в конверт, который было приказано вскрыть уже после его отъезда²⁶⁸. Таким образом, отказавшись от церемонии «дарования», российский император подчеркнул, что конституционные нормы не были привнесены, они словно существовали в Польше вне всякого вмешательства Александра — последний лишь признал их объективное историческое существование²⁶⁹. Таким образом император оказывался не столько главным действующим лицом, сколько медиатором — тем, кто содействовал осуществлению должного и восстановлению справедливости.

Такую форму одаривания, прямо неакцентированную, осуществленную как бы исподволь и даже скрытую, можно обнаружить не только в этом конкретном случае. Примечательно, что решение Венского конгресса о создании автономного Царства Польского, которое Александр I продавил, преодолевая сопротивление союзников²⁷⁰, монарх не маркировал как

²⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. № 1. Л. 29 об.

²⁶⁸ Носов Б.В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 260. Эта ситуация вызвала разночтения относительно даты дарования конституции. В историографии называется как ноябрь (Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 29; Кашитанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38), так и декабрь 1815 г. (Носов Б.В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 260).

²⁶⁹ При этом текст Конституции на французском и польском языках был напечатан в Собрании законов Королевства Польского, которое продолжило аналогичное издание, публиковавшееся в Варшавском герцогстве, что, по мнению Б.В. Носова, «было призвано... подчеркнуть преемственность Конституции Королевства Польского с законодательством и правовой системой шляхетской Речи Посполитой и Княжества Варшавского» (Там же. С. 260–261). На русском языке документ не был издан до начала XX в. (Любезников О.А. О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 292).

²⁷⁰ Развернувшаяся на Венском конгрессе дискуссия относительно Польши хорошо представлена в литературе. См., например: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 269–320; Тимошук В. Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции. С. 135–145; Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса. (1814–1878). Т. 1. С. 46–98. Известно, что Австрия и Пруссия выступали за присоединение Герцогства Варшавского к России и активно сопротивлялись созданию конституционного Царства Польского.

собственное достижение. По крайней мере, он не делал этого в польских землях. Напротив, с подачи российского императора создание Царства (Королевства) Польского настойчиво позиционировалось как консолидированное решение европейских держав. Таким образом возрожденная Польша становилась творением Европы, а не Александра. Созданная императором трактовка оказалась устойчивой: как уже указывалось, в польской публичной памяти, а равным образом и в научной литературе (прежде всего — польской и англо-американской), Польша этого периода именуется Конституционным королевством или Конгрессовкой (Kongresówka, Congress Poland). Речь в данном случае идет об указании на гарантии Венского конгресса. Александра, как и России, в этой картине мы не обнаружим.

Интересные выводы можно сделать и анализируя вопрос о датировке польской Конституционной хартии. В самом документе фигурирует дата его подписания императором Александром — 15 (27) ноября 1815 г.²⁷¹, вместе с тем обнародование Конституции было сделано почти месяц спустя, в сочельник — 12 (24) декабря 1815 г. Первоначально оглашение было назначено на 23 ноября (5 декабря), и церемония должна была состояться в присутствии Александра, который находился в этот момент в Варшаве. Однако затем она была перенесена на 25 ноября (7 декабря): причиной стала неготовность главного представительского помещения Варшавы — зала Сената Варшавского замка²⁷². Вслед за этим император получил просьбу от наместника Ю. Зайончека о вторичном переносе церемонии, на сей раз на 12 (24) декабря. Эту идею поддержал и Константин Павлович. Как сообщал монарху Н.Н. Новосильцев: «Его императорское высочество изволил объявить мне и другую весьма основательную [причину]. Она состоит в том,

Неудивительно, что подписанный в Вене трактат, касающийся Польши, определял эту территорию объектно, а не субъектно (см.: ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25824. С. 65).

²⁷¹ Эта дата чаще всего фигурирует в литературе применительно к дарованию конституции. См., например: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 150.

²⁷² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 48.

что к сему времени все возвращающиеся российские войска пройдут уже через В[аршаву] и потому по объявлении конституции на излишние тягости и требования места уже не будет»²⁷³. Такие рассуждения Александр I счел резонными. Это неудивительно, ведь во время своего пребывания в Варшаве император, по воспоминаниям Огинского, высказывался в схожем духе. Обращаясь к польским чиновникам, он, в частности, счел возможным указать: «Мне известно, что ваша родина сильно пострадала. Чтобы принести ей быстрое облегчение, я приказал в этой связи вывести из Царства Польского русские войска»²⁷⁴.

Таким образом, присоединенная к империи территория получила конституцию, когда русских войск, да и самого императора, в Царстве не было. Объявление же хартии, то есть указание на беспрецедентное укрепление прав Польши накануне Рождества, придавало всему происходящему библейское измерение. Существенно, что в России велением того же Александра Рождество было днем победы в Отечественной войне 1812 г.²⁷⁵ Его празднование с годами стало ключевой коммеморацией, связанной с войной, к этому дню готовились, его ждали. Без сомнения, празднование этого дня было особенно пышным. Камер-фурьерский журнал 1828 г. так описывал предписания, полученные чинами двора на рождественское утро: «Его Императорское Величество высочайше соизволил сего декабря 25 числа, в день праздника Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления России от нашествия неприятеля в 1812 г., съезжаться всем знатным обоюбого пола особам; а также Гвардии и Армии Штаб и Обер-Офицерам в Зимний Его Императорского Величества дворец по утру в 11 часу для слушания Божественной Литургии и благодарственного молебна, дамам в

²⁷³ Там же. Л. 48 об.

²⁷⁴ *Огинский М.* Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 373.

²⁷⁵ ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25669. С. 905. С учетом этого обстоятельства сложно согласиться с выводом Е.А. Вишленковой, что с течением времени александровская версия священной войны полностью «стерлась из коллективной памяти» современников (*Вишленкова Е.А.* Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 209).

русском платье, а кавалерам в парадных мундирах»²⁷⁶. Однако имперский праздник не имел никакого отношения к тому, что происходило в Царстве Польском, — такова была воля императора Александра. При этом последний, конечно, не мог не понимать, что он совмещает в одной точке празднование победы над врагом и награждение бывшего врага.

Стратегия Александра I не предполагала, что жители Царства Польского не обнаружат того, кто является их главным благодетелем. Напротив, в этой игре им надлежало обнаружить условно скрытое и преисполниться благодарности к своему новому монарху. Совершая символические акции такого рода, Александр приводил в действие систему, ядром которой была особая причинно-следственная связь: из неназванного, но всем — в интерпретации монарха — очевидного дара прощения на свет должна была появиться подлинная и глубокая благодарность.

Понять механику такого процесса можно, проанализировав манифест о всеобщей амнистии служивших Наполеону, опубликованный в Российской империи 30 августа 1814 г. В этом документе император описывал, как должно действовать в отношении заблудших, которых текст характеризовал как людей, «от страха и угроз неприятельских... от соблазна и обольщений... от развратных нравов и худости сердца» приставших к «неправой, Богу и людям ненавистной стороне». Пособников врага «правосудие долженствовало бы наказать», однако, как сообщал манифест, им даровалась свобода, возвращалось имущество, следственные дела по совершенным им преступлениям завершались. Вина служивших Наполеону предавалась забвению, а милосердие оказывалось выше правосудия. Дарованное прощение, по словам монарха, имело целью привести заблудших «в полезное для них раскаяние», которое, в свою очередь, должно было пробудить в них стремление изгладить «из памяти людской те свои поступки, которые лишали их драгоценнейшего для человека преимущества, уважения благомыслящих

²⁷⁶ РГИА. Ф. 437. Оп. 1. Д. 372. Л. 64.

людей»²⁷⁷. Прощая ближнего своего за проступки и преступления, человек осуществлял акт милосердия. Прагматичной жизненной логике и позициям экономического порядка в этой системе, без сомнения, не было места — прощавший оставался лишь с надеждой на то, что принесенная им жертва будет оценена. Преступившего же закон — божественный и/или человеческий — ждало презрение ближнего, маркированное в рамках этой логики как наивысшее наказание.

Эта связка «прощение»—«благодарность» артикулируется в связи с Польшей во множестве русских текстов того периода — от манифестов до коротких комментариев современников. Напомним, что еще в Париже, поразив приниженную польскую депутацию Сокольницкого заявлением о предании прошедшего «полному забвению», Александр I одновременно заговорил о благодарности, которую он сам намеревался заслужить²⁷⁸. Оценивая польскую политику императора, его оппоненты в этом вопросе также говорили о благодарности, в этом случае трактуемой как иллюзия. Так, И. Каподистрия выражал свои сомнения Александру в достаточно прямой форме: «Эта знать (польская. — *Прим. авт.*), по своему своекорыстию, буйству и вековой вражде к России никогда не оценит ваших пожертвований»²⁷⁹. С ним был солидарен Н.М. Карамзин, рассуждавший в связи с действиями монарха о том, что «в делах государственных чувства и благодарность безмолвны»²⁸⁰. По воспоминаниям современников, непосредственный участник событий того времени в Варшаве Н.Н. Новосильцев любил повторять: «Александр Павлович ошибается, если думает, что поляки будут ему благодарны. Им нужно не то...»²⁸¹ Новосильцеву же принадлежит и еще одна выразительная сентенция, высказанная в связи с Польшей: «Признавать чьи либо благодеяния было бы

²⁷⁷ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25671. С. 909–910.

²⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

²⁷⁹ Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 4. С. 422.

²⁸⁰ РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–6.

²⁸¹ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722.

унижать себя, и потому понятно озлобление обязанных против тех, кому они обязаны»²⁸². Иными словами, современники предупреждали Александра, что его стратегия приведет к тому, что собственное поражение поляки перекодируют в моральную победу²⁸³.

Предложенная Александром I система, очевидно, срабатывала первые годы существования Царства Польского: как было показано выше, появление императора в Варшаве неизменно вызывало восторг, его окружали многочисленные речи, в которых звучал мотив благодарности за восстановление Польши²⁸⁴.

Показательны в этом отношении и документы Третьего отделения. Среди агентурных материалов о политическом состоянии Царства Польского можно обнаружить пересказ рассуждений поляков второй половины 1810-х гг. с оценкой поведения императора, обеспечивало императору устойчивость власти на этой территории. Так, один из респондентов вспоминал о периоде существования Герцогства Варшавского: «Русских везде не любили, но императора Александра любили искренне. Александр всегда обходился чрезвычайно нежно с поляками, приближая их к себе... Поляки говорили: *“Александр — не москаль, у него душа польская, он сто́ит быть королем польским”*»²⁸⁵. Другой выражался не менее красноречиво: «На... Россию, если бы она бог знает что пообещала, поляки не понадеются и не поверят ей. Это правда, как Бог на небеси, *Императору поверят, русским — нет*»²⁸⁶.

²⁸² Там же. С. 1724.

²⁸³ О воззрениях противников восстановления Польши из числа членов кабинета Александра I и общественной реакции на политику императора в Царстве (в том числе среди представителей декабристского движения) см. подробнее: Орлов М. Ф. Восстановление Польши в 1815 г. // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 661–662; Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М.: Полимед, 2001. С. 60–87; Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. С. 103–108; Głuszkowski P. “Nigdy Polacy nie będą prawdziwymi braćmi ani wiernymi sojusznikami...” Poglądy rosyjskich elit na ugodę z Polakami // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 187–209.

²⁸⁴ О категории «благодарность» и ее визуальном выражении применительно к фигуре Александра I как польского короля см.: Getka-Kenig M. Car rosyjski królem Polski – problemy reprezentacji malarskiej 1815–1830 // Sztuka Europy Wschodniej / Искусство восточной Европы. Т. 1: Polska–Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и История. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. Jerzy Malinowski, Irina Gavrash. Варшава: Tako Publishing House, 2013. S. 175–181.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 6.

²⁸⁶ Там же. Л. 13.

Примечателен и комментарий, оставленный А. Чарторыйским: «По характеру Александр не походил на русского; он отличался от соотечественников и достоинствами и недостатками, и казался среди них каким-то экзотическим растением, далеко не чувствуя себя счастливым»²⁸⁷. Подобные оценки вполне совпадали со стремлениями Александра I, который, позиционируя свою власть в Царстве Польском, последовательно отделял себя от России. Во время своих визитов к Чарторыйским в Пулавы, которые назвать частными можно лишь условно (все сказанное императором там становилось известно публике), монарх, например, вполне мог формулировать свой статус вне рамок империи так: «У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг — я»²⁸⁸.

Понимание аспектов такого рода позволяет иначе взглянуть на особенности александровской политической стратегии в целом. Известно, что С.М. Соловьев полагал, что в политике императора Александра сочетались либеральные и консервативные позиции, имея в виду дарование конституции Польше и реакционную политику в самой России; эту же мысль поддерживал и В.О. Ключевский²⁸⁹. В действительности же противоречия здесь нет: в поствоенный период император сочетал в себе две ипостаси — российского императора и польского короля, что позволяло ему в Польше быть либералом, а в России — консерватором²⁹⁰.

В целом, можно заметить, что в первые годы после создания Царства император сформировал со своими польскими подданными своего рода «эмоциональное сообщество»²⁹¹, в котором формы проявления эмоций и

²⁸⁷ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 330.

²⁸⁸ *Шильдер Н.К.* Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 266. Н.М. Филатова, анализирувшая польские стихотворные тексты, обращенные к фигуре Александра I, также указывает, что «авторы... стихов явно воспринимали фигуру монарха в отрыве от России» (*Филатова Н.М.* Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. С. 125).

²⁸⁹ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 186–187.

²⁹⁰ В современной литературе двойственность воззрений и политики Александра I, пожалуй, наиболее точно представлена в работах В.С. Парсимова. Историк полагает, в частности, что дать конституцию полякам для императора «было столь же естественно, как и навязать России Аракчеева, по принципу “каждому свое”». См.: *Парсимов В.С.* Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов // Известия Саратовского университета. 2003. Т. 3. Вып. 1. С. 121.

²⁹¹ О существующей литературе и современной интерпретации термина см.: *Плампер Я.* Эмоции в русской истории. С. 11–36; *Николаи Ф.В.* История эмоций: три версии // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 289–297.

поводы для их выражения не всегда совпадали с тем, что было принято в империи. Выстраивая свой сценарий власти в Царстве Польском, Александр, как будет показано далее, стремился дистанцироваться от российской патриотической риторики и православного контекста. В значительной мере его установки совпадали с польским политическим и историческим нарративами.

1.3. Польский проект Александра I: финансовый аспект

Польский проект императора, конечно, не мог быть реализован путем деклараций. Он требовал ресурсов, и прежде всего денег.

Финансовые вопросы обсуждались в середине 1810-х гг. чрезвычайно активно — многие задумывались о поиске денег для восстановления России и поддержки тех, кто утратил во время войны здоровье и состояние. Одним из озвученных предложений в этом отношении была идея возмещения потерь за счет проведения системных конфискаций в Польше. Так, известен случай (проходящий, впрочем, в литературе по категории «анекдот»), когда в 1815 г. в Париже во время одного из разговоров Александра I с А.А. Аракчеевым последний предложил учредить новый орден. Награждать им, по мнению графа, следовало тех, кто отличился и был изувечен в недавних походах. При этом к ордену нужно было приложить пенсион. На вопрос монарха относительно источника средств Аракчеев отвечал: «Я об этом думал, полагаю обратить на сей предмет в кару имения тех поляков, которые служили Наполеону в 1812 году и не взирая на дарованные им прощения не возвратились в Россию». В ответ на это император ответил, что конфискации «приводить в действие жестоко» и что «пансионны сии будут заквашены слезами»²⁹². А.А. Аракчеев был в своих рассуждениях совсем не одинок. Среди бумаг великого князя Константина Павловича сохранился документ, датированный 1817 г. В нем неизвестный автор в качестве мер контроля над Польшей предлагал массовые реквизиции. По его мнению, правительству

²⁹² Выписки из журнала М. Данилевского // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева (факсимильное издание). М.: Наука, 1971. С. 107–108.

надлежало иметь «на руках своих серебро и золото польских губерний; амантами сыновей знатных помещиков», а также «отобрать у духовенства имения»²⁹³. Следует отметить, что император никогда не рассматривал подобные предложения.

Денежное обеспечение польской политики Александра I — аспект, который затрагивался в исследовательской литературе нечасто. Особость положения Царства Польского в период правления Александра I принято соотносить главным образом с категориями «армия» и «язык». Подчеркивается, что автономное положение польских земель — это прежде всего существование польской армии (с униформой, ориентированной на использование национальных цветов) и гарантированное право вести делопроизводство на польском языке²⁹⁴. В историографии, за исключением редких специализированных работ²⁹⁵, практически не упоминается финансовая автономия Царства Польского и право на выпуск собственной валюты (злѳтых). Вместе с тем анализ содержания этой привилегии представляет собой самостоятельный и интересный сюжет. Совершенно неисследованным следует признать и вопрос об объемах и формах финансовых вложений Российской империи в Царство Польское, особенно в первые годы его существования или — при взгляде из России — в момент, когда тяжелейшая для империи война была едва закончена.

Часть исследовательской литературы, рассматривая историю польской финансовой автономии 1815–1830 гг., оценивает ситуацию как период сложный, но при этом чрезвычайно успешный. В рамках таких рассуждений главной причиной стабилизации экономического положения (при очень опосредованном упоминании преференций, предоставлявшихся Российской

²⁹³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1198. Л. 3 об.

²⁹⁴ Крайне редко в российской историографии фиксируются и такие факты, как существование вполне оформленной границы между Российской империей и Царством Польским (ее пересечение требовало наличие паспорта), а также появление в период до восстания 1830–1831 гг. диппредставителей Царства Польского за границей (РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 217. Л. 262 об., 289; Д. 218. Л. 13).

²⁹⁵ О решениях Российской империи относительно денежной системы Царства Польского см. подробнее: *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. М.: Новое издательство, 2006. С. 321–323.

империей) принято называть деятельность министра финансов князя Ф.-К. Друцкого-Любецкого, сторонника политики протекционизма и развития промышленности, действовавшего вполне энергично. В заслугу Ф.-К. Друцкому-Любецкому принято ставить восстановление в 1822 г. упраздненной несколькими годами ранее таможенной границы между Царством Польским и Россией, отмена привилегий для участников ярмарок в Варшаве и пр.²⁹⁶ Иными словами, заметное улучшение экономического состояния территории соотносится с разумной политикой конкретного человека.

Вероятно, эти трактовки возникли еще в момент разворачивания событий. Один из мемуаристов так описывал деятельность министра финансов Царства: «Любецкий был сила; он прославился тем, что создал и в короткое время поставил в блестящее положение финансы Царства, развил торговую и фабричную промышленность до невиданной никем степени, упрочил благосостояние жителей введением поземельного кредитного общества и расширил до невероятных размеров полезные для всей страны операции Польского Банка...»²⁹⁷

Вместе с тем в работах, предлагающих интерпретацию ситуации с учетом широкого экономического контекста, содержится вполне убедительное указание на то, что высказывавшееся представителями российской власти (включая самого Николая I²⁹⁸) соображение о зависимости

²⁹⁶ *Пржецлавский О.А.* Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий // *Русская Старина*. 1878. Т. XXI. С. 625–648; Т. XXII. С. 67–92; *Smolka S.* *Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym*. Krakow, 1907; *Жуковский В.В.* Князь Ксаверий Любецкий; *Askenazy S.* *Z działalności ministra Lubeckiego*. (Dwa stulecia XVIII i XIX). S. 363–426; *Ващенко А.В.* Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000. С. 104; *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 41–42.

²⁹⁷ *Ципринус.* Николай Николаевич Новосильцев. С. 1723; См. также: Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 387–388.

²⁹⁸ В период восстания 1830–1831 гг. император Николай I так описывал экономическую сторону взаимодействия России и Польши: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная непрерывными войнами, напряжением, вызывавшимся целым рядом революций, частым переходом из одних рук в другие, в пятнадцатилетний промежуток времени достигла замечательного благосостояния; ее финансовые средства оказались не только достаточными для удовлетворения потребностей страны, но послужили еще для образования наличного фонда казначейства, пригодившегося в течение почти года для покрытия всех нужд настоящей борьбы. Наконец, армия, созданная по образцу армии империи, снабженная всем и богато наделенная запасами в арсеналах, без всякого обременения страны, достигшая редкого совершенства, оказалась в состоянии послужить кадрами для 100 000 человек... Огромные

роста экономического благосостояния польских территорий от преференций, предоставлявшихся Петербургом, отнюдь не являлось элементом пропагандистской риторики. Как следует из работ Е.А. Правиловой, в 1815–1830 гг. Царство Польское не участвовало в государственных расходах Российской империи²⁹⁹, но вместе с тем, однако, получило исключительную экономическую поддержку и многочисленные льготы (как явные, так и скрытые), в числе которых можно назвать разрешение на ввоз в Россию через Брест-Литовскую таможенную территорию товаров, импорт которых ранее был запрещен (1817 г.)³⁰⁰, и интенсивное развитие экономических связей с черноморскими портами, прежде всего с Одессой³⁰¹.

В указанные годы в Царстве Польском активно росло и промышленное производство. Так, в 1825 г. в одной только Варшаве насчитывалось 5808 фабрик и ремесленных мастерских³⁰². В результате расширения польских льгот в 1819 г. на рынки империи хлынули сырье и товары из польских земель (продукты, скот, одежда, металлы и металлические изделия и пр.)³⁰³. По подсчетам Л.А. Обушковой, «импорт из России и экспорт в Россию за 11 лет увеличился и в абсолютных величинах, и относительно до 40–49% общих среднегодовых оборотов в отдельные годы»³⁰⁴. По мнению исследовательницы, торговля с Россией способствовала «не только увеличению внешнеторгового оборота Королевства Польского, но и тому, что к 1830 г. он достиг равновесия, был сбалансирован. Если в 1817 г. общий

жертвы были принесены для осуществления завоевания ее (Польши. — *Прим. авт.*); другие столь же значительные жертвы были принесены в последующие 15 лет частью для содержания и снаряжения армии, частью для вооружения крепостей и обременительного содержания ядра войск, служивших ей инструкторами. Империя в ущерб своей собственной промышленности была наводнена польскими произведениями...» (*Шильдер Н.К.* Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 346).

²⁹⁹ *Правилова Е.А.* «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX — начала XX вв. // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 124. Е.А. Правилова в своей монографии также приводит статистику А.Н. Куломзина второй половины XIX в., согласно которой сумма участия Царства Польского в государственных расходах империи не превышала 4% от бюджета Царства (*Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 176).

³⁰⁰ *Обушкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 223.

³⁰¹ Там же. С. 224.

³⁰² Там же. С. 119.

³⁰³ Там же. С. 222–272.

³⁰⁴ Там же. С. 242.

товарооборот составлял 68 029 тыс. злотых, то к 1829 г. он увеличился до 96 666 тыс. злотых»³⁰⁵.

Неудивительно, что столица Царства стала в короткое время одним из самых быстрорастущих городов империи. В 1810 г., то есть еще во времена Варшавского герцогства, здесь проживало около 78 тыс. человек. Через 20 лет численность населения практически удвоилась, составив 145 тыс. человек³⁰⁶.

Льготы, предоставлявшиеся полякам, вызывали серьезное недовольство производителей и купцов в России³⁰⁷. Примечательна и реакция высших чиновников, владевших информацией относительно экономических возможностей Царства Польского. Так, министр финансов Александра I Е.Ф. Канкрин, выступавший за протекционистские меры, с цифрами в руках доказывал членам Госсовета, что Россия систематически теряет средства из-за ввоза дешевого польского сукна³⁰⁸. Действия такого рода, однако, ни к чему не приводили: принципы экономического взаимодействия с Польшей оставались неизменными.

Среди прочего отметим, что история экономических взаимоотношений Российской империи и Царства Польского должна быть дополнена скорректированным взглядом на действия великого князя Константина Павловича. В литературе принято указывать, что цесаревич систематически черпал деньги из польской казны на удовлетворение своих потребностей³⁰⁹. Однако такая интерпретация неверна. Средства, которые Константин брал из польской казны, не тратились на его личное, безусловно, значительное содержание — эти расходы покрывались российским Министерством Императорского двора. Обеспечением проживания цесаревича в Варшаве и содержанием его штата в Царстве Польском занималось одно из его

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Gawryszewski A. Ludność Warszawy w XX wieku. Warszawa: Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN, 2009. S. 55–56.

³⁰⁷ Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 246.

³⁰⁸ Там же. С. 248.

³⁰⁹ Там же. С. 54; Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 46. О требованиях Константина в отношении финансирования польской армии см.: Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 44.

отделений — Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича³¹⁰. Средства, которые Константин Павлович брал из казны Царства, никогда не уходили из Польши и шли главным образом на обеспечение польской армии, которая, как всем было известно, содержалась исключительно хорошо. Примечательна переписка П.Д. Киселева и А.А. Закревского начала 1820-х гг. Киселев описывал своему респонденту увиденное в Варшаве следующим образом: «Войско по выучке в отличном состоянии... Прочие учреждения вырастают и к блистательному состоянию подвигаются большими шагами. Я видел госпиталь, депо комиссариата, арсенал, штаб и везде нашел порядок и наружное устройство в отличном виде; наконец должен тебе представить небольшое исчисление, из коего усмотришь способы в сравнительном с нами виде. В польской армии считается до 33 000 человек. Бюджет их простирается до 32 миллионов польских злотых или 19 млн. рублей. Русская армия имеет на содержании ее 180 млн., поэтому должна бы состоять из 315 тыс. человек, то есть из трети наличного числа»³¹¹. Так, рассуждая о деньгах витиевато, в духе времени, Киселев сообщал Закревскому, что русская армия содержится втрое дешевле против польской.

Кроме того, документы Придворной канцелярии Константина Павловича при Министерстве Императорского двора демонстрируют, что великий князь многократно вкладывал собственные средства в поддержку разного рода польских проектов. Например, он регулярно выделял средства на содержание малолетних, помещенных в Калишский кадетский корпус, при этом с годами выплаты, производившиеся в пользу таких кадетов, только увеличивались³¹².

Экономический рост новых западных регионов империи вкупе с информацией о финансовой автономии Царства создает впечатление, что

³¹⁰ Эти материалы отложились в фондах РГИА (Ф. 539 (Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича Министерства императорского двора)).

³¹¹ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 108.

³¹² На ежегодное содержание одного кадета в 1825 г. приходилось по 800, а в 1826 г. — уже по 1065 злотых (РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 31. Л. 2 об., 45).

Польша содержалась на собственные средства, пусть и заработанные щедротами императора Александра I. Однако более детализированный разбор финансовых взаимоотношений Российской империи и Царства Польского в период, предшествовавший восстанию 1830–1831 гг., позволяет увидеть историю с другой стороны. Прежде всего, следует отметить две важные позиции: с одной стороны, практику исключительно щепетильного отношения к оплате русских долгов в Польше, а с другой стороны, серьезные сложности с взысканием польских долгов перед Российской империей.

Вопросом финансовой поддержки разбросанных по всей Европе солдат и офицеров польских наполеоновских полков и — шире — бывшего Герцогства Варшавского император Александр I озаботился задолго до объявления о создании Царства Польского. Еще во время нахождения в Париже монарху была подана просьба от представителей польских полков Бонапарта. Наряду с прошением о сохранении воинских званий и формы одежды и о дозволении уволиться со службы всем пожелавшим в документе содержался и ряд финансовых просьб. К последним относилось оказание помощи тем, кто испытывал нужду в обмундировании, обеспечение фуражом лошадей «на равных условиях с русской кавалерией» и, наконец, гарантия выплаты жалованья полякам, служившим Наполеону. Последняя позиция была оформлена как прошение о посредничестве перед правительством Франции. Все эти требования были удовлетворены³¹³.

В апреле 1814 г. Александр вступил в переписку с российским министром финансов по вопросу обеспечения деньгами польских территорий. Он рисовал ситуацию как катастрофическую: бедственное состояние «края, приведенного со времени восстановления Герцогства различными пожертвованиями и непомерными налогами в самое бедственное состояние», которое усугубилось «сборами разных реквизиций в пользу войск наших (русских. — *Прим. авт.*) с содержанием оных в прошедшем году»³¹⁴. В

³¹³ Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. С. 340–341.

³¹⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 14–14 об.

рассуждениях такого рода император продемонстрировал согласие с польской версией событий: несчастный край подвергся разорению из-за военного противостояния, маркированного как исключительно русско-французское.

Судя по материалам, которые сохранились в архиве Министерства финансов Российской империи, Россия оплатила расходы Польши, связанные с прохождением российских войск через территорию Герцогства Варшавского в 1813–1815 гг. Генеральный табель российских долгов за 1813–1815 гг. содержит такие позиции, как «за продовольствие всех вообще войск российских», «за продовольствие армии, возвращавшейся из Франции под командою генерала фельдмаршала Барклая де Толли», «за продовольствие лошадей российской армии»³¹⁵. Речь также шла о расходах «на заготовление магазинов, на перемол ржи и на перемолку круп, на перечистку овса, на хлебные запасы»³¹⁶. Иными словами, суммы, затраченные на содержание русской армии на территории врага, были предметно исчислены и оплачены. Между прочим, столь же внимательно российские власти впоследствии следили за возмещением расходов, связанных с содержанием российских чиновников в Царстве Польском³¹⁷.

Совершенно иной характер носило обсуждение оплаты польских долгов России. Категория «польский долг», совершенно табуированная в рамках общественного восприятия, была вполне актуальной в рамках деятельности Министерства финансов Российской империи. Александровская политика предполагала постоянные денежные перечисления Польше. Система начала работать еще в первой половине 1814 г., всего через несколько недель после подписания мирного договора. В июле император писал министру финансов

³¹⁵ Там же. Д. 217. Л. 39.

³¹⁶ Там же. Л. 35–37.

³¹⁷ Там же. Л. 102–109 об. В польских источниках можно обнаружить указание и недовольство тем, что жалование русским чиновникам выплачивалось из польской казны (*Филатова Н.М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 504). Эту трактовку следует признать некорректной. Показательно, что при увольнении русских чиновников в 1815 г. и замене их на польских служащих в документах проходит указание на то, с отъездом русских чиновников содержание администрации переходит под контроль Царства Польского (с «увольнением сим убавилось из казны Царства Польского 98 150 [злотых]») (Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10-Л. 10 об.

Д.А. Гурьеву: «Дмитрий Александрович! На удовлетворение жалованьем возвращающихся из Франции польских войск повелеваю выслать немедленно к Варшавскому Генерал-губернатору такую сумму, которая равнялась бы четыремстам тысячам злотых польских. Сумма сия впоследствии... возвращена вам будет из общих доходов Герцогства»³¹⁸. Такие сообщения император аккуратно посылал Гурьеву относительно каждой последующей «трети» жалованья для польских солдат и офицеров³¹⁹. Великий князь Константин Павлович, вставший во главе польского войска, проявлял не меньше энергии в деле поиска средств. При этом он полагал возможным требовать деньги из казны действующей российской армии. Так, в феврале 1815 г. он сообщал одному из своих адресатов: «...мне известно, что при нашей армии есть значительные суммы наличо». Эти средства цесаревич просил срочно отправить на выплату жалованья польскому войску «до высылки от министра финансов, как сие уже было делано в прошедшей сентябрьской трети»³²⁰.

В целом, по подсчетам Министерства финансов, на содержание польских войск в 1814–1817 гг. из российской казны была выделена колоссальная сумма, равняющаяся 64 967 760 польских злотых³²¹. Эта цифра, конечно, не включала в себя целый ряд других расходов, которые были произведены для улучшения экономической ситуации в Царстве Польском, например возврат податей или раздача земледельцам «5 тыс. лошадей российского военного ведомства»³²². В 1815 г. рассматривался также вопрос субсидирования ряда категорий населения Царства Польского. В качестве вспомоществования бедным жителям города Варшавы император намеревался раздать 100 тыс. злотых³²³. В переписке Константина Павловича с

³¹⁸ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 8.

³¹⁹ Там же. Л. 8–13.

³²⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8 об.

³²¹ Там же. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 6, 21–22.

³²² Майков П.М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 426.

³²³ Каталог Военно-ученого архива Главного штаба / Сост. Бендер; под ред. Вивьен-де-Шатобрена. СПб.: Тип. Бережливость, 1905. Т. 1. С. 63.

Н.Н. Новосильцевым также время от времени фигурируют указания на внеочередные выплаты, направленные в Польшу. Так, в июле 1816 г. великий князь сообщил из Стрельны в Варшаву, что император Александр обещал выделить Царству 50 тыс. руб. Цель выплат в документе не обозначена, однако Константин Павлович сообщил адресату: «Верьте, что я не задремлю и буду часто напоминать как наискорее, чтобы сие было исполнено»³²⁴.

Показательная история произошла с выделением из российской казны отдельной суммы на содержание «гошпиталей» в Герцогстве Варшавском. В 1814 г. император Александр I потребовал от Министерства финансов империи выдать 4 млн руб. на содержание находившихся в польских госпиталях «больных»³²⁵. В рескрипте императора эта мера объяснялась плачевным состоянием мест, где могли бы лечиться находящиеся в Польше 30 тыс. нуждающихся в помощи³²⁶. Речь шла о солдатах и офицерах наполеоновской армии, и едва ли использование нейтральных коннотаций («больные») могло хоть как-то скрыть тот факт, что император принимал деятельное участие в реабилитации вчерашних врагов. Общество в России, без сомнения, помнило, как относились к русским раненым оккупационные войска в 1812 г. У всех на слуху была история о том, как почти сразу после сдачи Москвы в сентябре 1812 г. наполеоновские солдаты целенаправленно обстреляли «горючими веществами» «Вдовий Кудринский дом», в котором заживо сгорело 700 раненых русской армии³²⁷. Впрочем, уже во второй половине 1810-х гг. русское общество, по точному определению одного из александровских высших чиновников, могло констатировать, что «к удивлению нам, кажется, уже не привыкать»³²⁸. Примечательно, что в данном случае Министерство финансов фактически саботировало распоряжение императора: несмотря на его настоятельные требования, в Польшу было

³²⁴ Письмо цесаревича Константина Павловича // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 681–682.

³²⁵ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 6–6 об., 14–14 об.

³²⁶ Там же. Л. 14–14 об.

³²⁷ Белов А.В. 1812 год в судьбе русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. С. 165.

³²⁸ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 2.

выслано менее половины требуемой суммы. И все же польские госпитали получили на содержание русские деньги — 1,5 млн руб. ассигнациями³²⁹.

Для сравнения укажем, что сумма, аналогичная той, которую император Александр намеревался выплатить на лечение бывших врагов (около 4 млн руб.), была выделена в 1813 г. на восстановление целого города Смоленска, который был совершенно разрушен во время нашествия. По существующим подсчетам, после войны в городе целыми остались лишь 350 из 2250 домов, а численность населения упала с 13 до 10 тыс. человек³³⁰. Смоленские губернаторы были вынуждены жить не в Смоленске, а в Калуге или Витебске, а город оставался в руинах до самого конца царствования Александра I.

После окончания Отечественной войны смоленские власти получали без преувеличения тысячи просьб о помощи от жителей. Судя по сохранившимся спискам, за 1812–1816 гг. губернатор К.И. Аш получил 2 866 подобных прошений. Обращения поступали от самых разных людей — от отставных офицеров и купцов до вдов и сирот³³¹. Власти находились в постоянном поиске денег, а просители часто просто не доживали до получения хоть какого-то вспомоществования — в делопроизводственных материалах часты пометы о перераспределении сумм «за смертью тех, кому были предназначены»³³². Существенно, что наибольшая помощь оказывалась, вероятно, сразу после окончания Отечественной войны. Так, в документах за 1813 г. применительно к Смоленску фигурирует сумма 1 949 810 руб.³³³, которую, вероятнее всего, надлежало раздать просителям. В последующие годы выплаты на ту или иную группу жителей, пострадавших от войны, исчислялись, как правило, сотнями или тысячами, в редких случаях — десятками тысяч рублей³³⁴. В целом по

³²⁹ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 6–6 об.

³³⁰ Смоленская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г. / Подгот. Н. Редков // Смоленская старина. 1912. № 2. С. 31.

³³¹ Ф. 1400. Оп. 2. Д. 106. Л. 45–75.

³³² Там же. Л. 76 об. — 77 об.

³³³ Там же. Л. 77.

³³⁴ Там же. Л. 76–79.

окончании Заграничных походов выплаты становились все меньше и получать их становилось все труднее.

Существенным стоит признать и вопрос о скорости одобрения выплат Царству Польскому. Фактически речь шла о режиме наибольшего благоприятствования. И это при том, что ситуация в землях, граничащих с присоединенными от Польши и продемонстрировавшими лояльность династии и верность империи, была совершенно иной. В том же Смоленске обращенная в 1830 г. к императору просьба гражданского губернатора Н.И. Хмельницкого выдать безвозмездно «беднейшему классу обывателей» 20 тыс. руб. для приведения в более или менее нормальное состояние ветхих жилищ привела к многомесячному разбирательству с участием министра финансов. При этом предложенная губернатором мотивация, базирующаяся на том, что губерния за предшествующий год заплатила значительные суммы податей и недоимок, стала основанием для пересчета всех сумм, уплаченных Смоленской губернией в казну. Е.Ф. Канкрин в итоге подтвердил, что смоленский губернатор был прав в своих расчетах³³⁵, но из состава дела неизвестно, получили ли беднейшие жители города какие бы то ни было средства. Не приходится сомневаться, однако, что губернатору таким образом был преподан серьезный урок, который должен был остановить его от инициирования подобного рода просьб в будущем. Такого рода «одергивания» не в меру энергичных чиновников были действенной, но не единственной мерой в арсенале имперских властей. Так, витебскому губернатору во второй половине 1810-х гг. и вовсе было выдано предписание «о неприсылке более просьб, подаваемых о вспоможении»³³⁶.

Следует обратить внимание и на содержащееся в источниках этого периода указание, что из заемных российских денег, отправленных в Польшу, вся «сумма... впоследствии времени возвращена... будет из общих доходов Герцогства». Российское казначейство не получило эту сумму не только в

³³⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5458. Л. 1–48 об.

³³⁶ Ф. 1400. Оп. 2. Д. 106. Л. 149 об.

период министерства Д.А. Гурьева (1810–1823 гг.), но и, вероятнее всего, в период еще более долгого министерства Е.Ф. Канкрина (1823–1844 гг.). Обещая вернуть деньги в российскую казну, император Александр I совершенно не задумывался о сроках возврата. Несущественным казался ему и вопрос об источниках, из которых деньги могли быть возвращены империи, притом что в своих рескриптах монарх неизменно констатировал, что собирать налоги с разоренных польских земель не имеет смысла³³⁷.

Ситуация не прояснилась даже с учреждением в 1817 г. Комитета для взаимных между Россией и Царством Польским расчетов (Ликвидационного комитета), в обязанности членов которого входила оценка взаимных долгов Российской империи и Царства Польского³³⁸. В период александровского царствования никакого реального разбора не производилось. Предлогом к многолетней паузе в обсуждении вопроса было указание на необходимость первоначально завершить расчеты между Россией, Пруссией и Австрией³³⁹.

Надо сказать, что такое положение дел не устраивало российское Министерство финансов, которое несколько раз заявляло о необходимости разобраться с польским долгом³⁴⁰. Этот вопрос чрезвычайно тревожил Е.Ф. Канкрина. За месяц до смерти Александра I в министерстве был составлен проект записки на высочайшее имя с детальным описанием сложившейся ситуации и указанием на то, что деньги, направляемые Царству Польскому в долг с 1813 г., то есть в течение 12 лет, не были возвращены³⁴¹. Документ был подан Канкриным уже следующему императору — Николаю I. Стоит отметить, что сделано это было буквально при первой возможности. Докладная записка, переписанная рукой самого Канкрина, легла на стол императору 12 марта 1826 г., то есть за день до похорон императора Александра I. Вероятно, Канкрин посчитал, что, поскольку многомесячная

³³⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 21–24 об.

³³⁸ Там же. Д. 217. Л. 4 об.

³³⁹ Там же. Л. 4 об. — 5; Л. 1, 34–35. По венским трактатам, Австрия и Пруссия участвовали в покрытии долгов Герцогства Варшавского (Там же. Д. 217. Л. 2 об.).

³⁴⁰ Там же. Д. 216. Л. 24–24 об.

³⁴¹ Там же. Л. 29 об. — 30.

подготовка к грандиозному действию похорон окончена, пора заняться решением самого главного финансового вопроса, стоящего перед империей, — вернуть в российскую казну деньги, данные в долг на оплату жалованья и перемещения в Польшу бывших врагов³⁴². При всей настойчивости Канкрин император Николай посчитал необходимым взять большую паузу: он размышлял о коронации в Варшаве и затрагивать историю польского долга в этот момент явно не хотел.

Прошло еще два года, прежде чем Ликвидационный комитет начал полноценную работу. В 1828 г. в Варшаву прибыл статский советник Дмитриев, в задачи которого входило представлять Россию в комитете. В практическом отношении ему предстояло, разобрав колоссальное количество счетов (включая те, подлинность которых вызывала вопросы), определить итоговую сумму долга³⁴³. Интересно, что стремление выстроить образ паритетности в работе комитета отразилось на принципе формирования жалования статского советника: часть его работы, как предполагалось, должно было оплатить Царство Польское³⁴⁴.

Итогом работы Комитета стало установление конкретных цифр долга с обеих сторон. Поскольку польский долг многократно превышал сумму российских обязательств, то было принято решение о взаимозачете; разница в цифрах и стала итоговой суммой долга Царства Польского. На апрель 1830 г. она составила 67,7 млн злотых³⁴⁵. Во время обсуждения, проходившего уже в Петербурге, император согласился простить Польше 3,8 млн и зафиксировать

³⁴² Там же. Л. 31а–31б.

³⁴³ Там же. Л. 35–36; Д. 217. Л. 6. В документах Дмитриева часто называли «российским ликвидационным комиссаром».

³⁴⁴ После начала восстания в 1830 г. Дмитриев оказался в ловушке — его объявили пленным и «выдали на пропитание 75 рублей». Спустя некоторое время «российский ликвидационный комиссар» смог выбраться из Варшавы и с трудом через Пруссию добрался до охваченного эпидемией Петербурга, где был вынужден писать ходатайства о выплате жалованья Друцкому-Любецкому, к тому моменту также находившемуся в России (Там же. Л. 301–305).

³⁴⁵ *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 57. Установленный в 1815 г. курс злотого к рублю составлял: 1 польский злотый = 15 коп. серебром (Там же. С. 321–322).

сумму польского долга на цифре 63,9 млн злотых³⁴⁶; при этом были также снижены начислявшиеся за долг проценты (с 6% до 5%).

Вопрос о том, с какого момента российское Министерство финансов начало взимать проценты с польского долга и куда именно шли эти выплаты, требует дополнительного изучения. С учетом имеющихся данных можно предположить, что до российского казначейства они так и не добрались. Из материалов николаевского царствования следует, что, по крайней мере, до восстания 1830–1831 гг. эти средства «не были... вносимы в казну Российскую, но были употреблены как на издержки на освещение, на квартиры и прочее для российских войск и чиновников в Польше находящихся», а также «на постройку укреплений Бреста-Литовского и Терапольского моста»³⁴⁷.

Интересно, что император Николай I, простив полякам сумму 3,8 млн злотых, не смог найти в себе сил заявить об этом прямо. Он довольно неуклюже указал польскому Административному совету, что «проценты на суммы заплаченные Россией в 1815, 1816 и 1817 годах исчислены только по 5%, хотя различные заграничные займы, законные проценты в России, равно как и проценты, платимые казне Российскими подданными, исчисляются по 6% в год»³⁴⁸. Император, по сути, не нашел правильных слов для разговора о потраченных на Польшу деньгах. Сократив полякам многолетний долг почти на 6%, он упомянул лишь снижение ежегодного процента по этому займу. Указание на несоответствия в требованиях, предъявляемых русским и полякам, намеки на выгоды, предоставляемые последним, очевидно, могли вызвать у тех, кому были адресованы, в лучшем случае ироничные комментарии с отсылкой к исторической вине России перед Польшей.

³⁴⁶ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 4. Е. Правилова называет цифру польского долга почти на 1 млн меньше — 63 млн злотых (*Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 56–57).

³⁴⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 5 об.

³⁴⁸ Там же. Л. 5.

Разбавившая подробно историю с польским долгом Е.А. Правилова останавливается на моменте согласования суммы долга в 1830 г. и не комментирует, был ли он в конечном итоге уплачен³⁴⁹. Вместе с тем вопрос этот — ключевой. Информацию о том, как развивались события, можно обнаружить в материалах Особой канцелярии по кредитной части при Министерстве финансов, где в одной из реляций императору прямо сообщается, что «дело сие (о польском долге. — *Прим. авт.*)... не получило окончания, ибо Высочайшее повеление и предложение вышеизъявленных результатов Административному совету Царства Польского не было приведено в исполнение до начатия в Варшаве мятежа»³⁵⁰. Средства, которыми было оплачено в том числе жалованье польских наполеоновских солдат и их лечение на родине после войны с Россией, было решено «числить действительным капитальным долгом Царства Польского Российской казне»³⁵¹. При этом ситуация 1831 г. выглядела схожим образом по отношению к 1813–1814 гг.: Польша была разорена недавним столкновением с Россией, ей требовались средства и льготы³⁵². Российская империя потратила на борьбу с Польским мятежом огромную сумму, но это не повлияло на выплату Царству очередной ссуды и оплаты издержек «по военным действиям в Царстве Польском»³⁵³. Теперь уже недавний покоритель Польши фельдмаршал И.Ф. Паскевич просил российское Министерство финансов снизить проценты по польскому долгу, что и было в итоге сделано. Вчерашние восставшие все еще были условно должны российской казне огромную сумму (и это не считая расходов на армию, задействованную в подавлении

³⁴⁹ Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 63–64.

³⁵⁰ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 6.

³⁵¹ Там же. Л. 18 об.

³⁵² О положении польской казны после восстания 1830–1831 гг. и о выплаченных Российской империей средствах на покрытие убытков см.: Рапорт наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // Сборник РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 595–599.

³⁵³ По подсчетам И.С. Блюха, на войну с Польшей в 1830–1831 гг. Российской империи потребовалось 140 млн руб. (*Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. История — статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 190). В 1833 г. Царству была предоставлена ссуда в 5 млн руб. и выплачены деньги на «издержки по усмирению Польского восстания» в 6,7 млн руб. (Там же. С. 195).

восстания), однако проценты по этому долгу с 1 января 1831 г. стали начисляться в размере 4%³⁵⁴. Столь же, казалось бы, алогично поступало правительство и с генералами польской службы: высылая «во внутрь империи», их не только не ущемляли в отношении получаемого от службы дохода, но, по требованию Николая I, платили содержание «по тем чинам, какие они имели до возмущения»³⁵⁵. С этого же времени в делопроизводственных документах Министерства финансов начинает на регулярной основе появляться выражение «на счет доходов Царства Польского». Именно так, например, оформлялись расходы на возмещение убытков полякам, оказавшимся после восстания в России (например, тому же Любецкому и приехавшим с ним чиновникам), или оплата проезда до Царства Польского тем, кого возвращали из-под надзора в России³⁵⁶. Иными словами, российская казна платила и платила, записывая расходы в долг³⁵⁷. Очевидно, современники, замечавшие, что на содержание Польши тратились значительные ресурсы, в большинстве своем не подозревали о масштабах явления³⁵⁸. При этом найденная формулировка — «на счет доходов Царства Польского» — позволяла последнему сохранить образ стороны, которая платит за себя, а историкам, принявшим фигуру речи за реальность, выстроить неверную интерпретационную систему.

Стоит иметь в виду, что обращение к риторике экономического воздействия было для Александра I и Романовых нетипичным. Согласно аристократическим воззрениям эпохи, о деньгах, прибыли или материальных «выгодах» надлежало говорить купцам, а аристократам, тем более представителям правящей династии, следовало апеллировать к категориям иного, высокого порядка. Примечательно, что Константин Павлович,

³⁵⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 18 об.

³⁵⁵ Там же. Л. 38.

³⁵⁶ Там же. Л. 43, 75.

³⁵⁷ Польский долг на 1 января 1833 г. составлял уже 69 млн злотых (Там же. Л. 19).

³⁵⁸ А. Михайловский-Данилевский, описывая 1815 г., показательно указывает, что для новой польской армии «оружие, одежда, даже деньги для продовольствия сих войск, по совершенному истощению Польши, отпускались *тогда* (курсив мой. — Прим. авт.) из России», маркируя состояние дел как временное (Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. С. 238).

критически отзываясь о действиях англичан, неизменно повторял, что «барыш» для них важнее веры и они всегда примут сторону, которая принесет материальные выгоды³⁵⁹.

В отличие от Александра I его подданные в Царстве Польском готовы были говорить о деньгах и выгодах, полученных благодаря новой политической реальности. Так, министр внутренних дел и полиции Тадеуш Мостовский, выступая на сейме в 1818 г., заявил о прагматической пользе состояния Царства — сразу после войны в польских землях были запрещены реквизиции, отменено взыскание недоимок и личных податей, разрешен ввоз товаров, а военное ведомство раздало земледельцам тысячи лошадей. Все это, по подсчетам министра, принесло Царству доход в сумме около 6 млн флоринов в год³⁶⁰. В 1818 г. подобный взгляд на ситуацию был Александру неблизок — император предпочитал говорить языком возвышенным, рассуждая о прощении, забвении и восстановлении нации. Польским подданным монарха быстро стало понятно, что император совершенно не требует выстраивать риторику, подобную той, которую представил на сейме Т. Мостовский³⁶¹.

Сам Александр I попробовал высказаться относительно экономической составляющей отношений России и Польши лишь однажды, за несколько месяцев до своей смерти. Открыв в Варшаве сейм 1825 г., он произнес лаконичную речь, в которой традиционный призыв к полякам не нарушать спокойствие был увязан не с концепцией братства народов, а с указанием на прямые выгоды, которое принесло Польше присоединение к империи. Император рассуждал о быстрых успехах промышленности, о развитии

³⁵⁹ *Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом. С. 287, 307.

³⁶⁰ *Майков П.М.* Царство Польское после Венского конгресса. С. 426.

³⁶¹ Рост количества обращений к категориям экономического порядка можно обнаружить в текстах на смерть Александра, то есть в период, когда поляки искали формы коммуникации с взошедшим на престол Николаем I (*Ostrzykowski B.* Przymówienie w dzień żałobny exekwii Najjaśniejszego Aleksandra I., cesarza Wszech Rosyyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. S. 12; *Woronicz J.P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomnéy pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosyyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 14).

торговли с Пруссией, об открытии для польских товаров российского рынка. Он прямо коснулся вопроса денег — указывал на сокращение национального долга, увеличение государственных доходов и сокращение дефицита³⁶². Очевидно, к этому моменту, особенно после оппозиционного сейма 1820 г., монарх понимал исчерпанность прежних деклараций и решился прибегнуть даже к «низкому» аргументу.

Следует признать, что в александровской период российские объем средств, получаемых Царством Польским, а равным образом экономические преференции, распространявшиеся на автономию, были исключительными.

По сути, анализируя социальную и экономическую картину, можно обнаружить явное сходство тенденций: Россия не стала взыскивать с Польши моральные долги, она также не смогла взыскать и долги финансовые. Это неудивительно, ведь, по сути, Александр I конституировал польскую травму и возложил ответственность за все произошедшее на своих российских подданных³⁶³. Компенсаторный механизм, который он запустил, строился на преференциях, перенаправленных в сторону западных территорий империи.

В целом, в первое десятилетие существования Царства Польского (1815–1825 гг.) российские власти отказались от идеи интегрировать Царство в состав империи на административном, экономическом или даже символическом уровне. Формирование особой политической линии в отношении Царства со временем потребовало контроля за информационным потоком — распространение получила практика раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского. Это привело к тому, что представления о сути и значении одного и того же явления или события в империи и Царстве Польском существенно отличались друг от друга, а за

³⁶² Эта смена риторической конструкции нашла свое отражение и в российской прессе. Так, автор материала, опубликованного в «Вестнике Европы», счел необходимым отметить в связи с рассказом о сейме: «Скоро погашен будет весь национальный долг Польши; прежняя несообразность между приходом и расходом отвращена совершенно... промышленность, в особенности же сукноделие; процветает; торговля с Россиею возвысилась от многих дарованных ей выгод; Империя же столь благоприятствует сему, принятому в близкое родство Царству, что дала ему в займы 42 миллиона злотых» (Вестник Европы. 1826. № 4. С. 297).

³⁶³ *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность. С. 20–23.

пределами российских столиц политика российской власти в Польше не была осознана как особая.

Глава 2. Формы политической субъектности Царства Польского (1815–1825 гг.)

2.1. Польша в российской политической риторике и императорском титуле

В политической риторике 1810–1820-х гг. Польша — регион с широкой автономией внутри империи — неизменно маркировалась как территория особая и существующая вполне независимо. Ключевым фактором в этой системе оказывалась соотнесенность этой территории с Европой.

Стремление *стать* Европой, то есть обрести, в том числе и в собственных глазах, статус цивилизованной страны приобретало в России разные формы. В конце XVIII — начале XIX в. установки на формирование путем просвещения людей, способных благодаря образованию, манерам, французскому языку и приверженности нормам морали представить тип русского европейца, были дополнены и позициями иного порядка. Согласно последним, по-настоящему цивилизованной страной Россию могло сделать приобретение империей территорий, находящихся к западу от ее границ и, следовательно, маркированных как европейские. Основания таких воззрений можно обнаружить уже в павловских проектах, связанных с Мальтой³⁶⁴. В XIX столетии ситуация перешла на новый уровень: земли на западе, ставшие частью империи в постпросвещенческую эпоху, начали восприниматься как политический субъект по определению.

Однако, прежде чем начать в этой связи разговор о Царстве Польском, следует сделать существенное отступление относительно статуса Финляндии, территории, которая также была присоединена в царствование Александра. Принято думать, что разворачиванию политического проекта в Царстве Польском предшествовали действия императора на северо-западе империи, в Финляндии — конституционный эксперимент Александра I начался в 1808 г. с дарования конституции Великому княжеству Финляндскому, а продолжился

³⁶⁴ Примечательно, что в детализированном описании герба 1800 г. корона Российской империи дополнялась короной Мальтийского ордена, при этом регалии оказывались расположенными на одном уровне.

в Польше подписанием хартии 1815 г. Однако если отказаться от идеи, что формулировка о конституционном правлении сама по себе является объяснением, и учитывать, что император в действительности не даровал Финляндии некую новую и написанную специально для этой территории Конституционную хартию, как это было с Польшей, а признал действие распространенной на этой территории шведской конституции, и, наконец, сравнить риторику российской власти в Финляндии и в Польше, то связь между этими территориями и отношением к ним со стороны России не будет представляться настолько линейной.

Выступление Александра I на сейме в финляндском Борго 16 (28) марта 1809 г. было актом символического порядка. Однако при ближайшем рассмотрении действия монарха оказываются сопоставимы скорее с традиционным для российских императоров признанием существующих прав и привилегий присоединенных областей³⁶⁵. К тому же сейм в Борго был прямым ответом на текущую политическую ситуацию: в конце 1800-х гг. перспектива очередного столкновения с Францией становилась все более осязаемой, что ставило вопрос об обеспечении безопасности недавно присоединенной территории. По точному определению Л.В. Суни, императору Александру I «предстояло в самые сжатые сроки продемонстрировать обывателям Финляндии, что в отличие от шведского периода их положение в составе Российского государства будет иметь целый ряд преимуществ, и это должно было удержать финляндцев от какой-либо оппозиции Санкт-Петербургу в случае международного кризиса»³⁶⁶.

Стоит отметить, что факт обращения российского императора к подобного рода ассамблеям хоть и был крайне необычен, но все-таки не

³⁶⁵ Исключение составляют исследования О. Юссилла, который полагает, что «сословный сейм в Порвоо (Борго) не был мероприятием по учреждению финляндского государства», и ставит под сомнение сложившуюся трактовку о даровании Финляндии конституции, так как император Александр I, хотя и произнес слово «конституция» в своей речи, по сути «утвердил лишь законы и права финляндских подданных, включая те положения форм правления 1772 и 1789 гг., в которых содержались эти права» (Юссилла О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. С. 58, 73).

³⁶⁶ Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 16.

уникален. За несколько десятилетий до этого схожую процедуру инициировала бабка императора Екатерина II в связи с открытием Уложенной комиссии, представлявшей собой, по сути, собрание сословных представителей. 30 июля 1767 г. во время церемонии открытия Уложенной комиссии, справедливо названной О. Омельченко «дополнительной “общественной” коронацией» Екатерины II³⁶⁷, после торжественного шествия в Успенский собор Московского Кремля, литургии и подписания присяги депутаты были собраны во дворце. Здесь они были представлены императрице, а вице-канцлер А.М. Голицын произнес от лица государыни речь, в которой содержалось описание системы отношений между монархом и подданными. Екатерининская декларация представляла собой сочетание рассуждений об общественном договоре и призыва к депутатам выполнить свой долг с чистыми помыслами и в соответствии с божьими установлениями³⁶⁸. Коммуникация императрицы с депутатами была проведена через посредника. Вместе с тем во время чтения монаршего обращения Екатерина II присутствовала в зале³⁶⁹, а значит, у депутатов не оставалось сомнений, что фактически с ними говорила сама императрица.

Во время пребывания на сейме в Финляндии император Александр I повторил установки, нашедшие отражение в двух более ранних манифестах о «покорении» Финляндии (1808 г.), которые трактовали произошедшее в рамках классической парадигмы победившей стороны: мотивацией к столкновению выступало указание на необходимость обезопасить отечество, действия войск оценивались в категориях военной доблести, а итог событий был выражен в формулировке: «Страну сию, оружием Нашим... покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи»³⁷⁰. Речь императора на сейме также прямо констатировала факт завоевания и «права,

³⁶⁷ Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования правового престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. М.: МГИУ, 2007. № 7 (2006). С. 35–36.

³⁶⁸ Подробнее см.: Болтунова Е.М. «Я произнес перед вами слово истины»: речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 63–65.

³⁶⁹ Сборник РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 35–40.

³⁷⁰ ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 22911. С. 146.

предоставленные... военным счастьем»³⁷¹. К тому же в манифестах положение Финляндии в иерархии территорий империи не артикулировалось как особое: «Под сению престола Нашего покоются многочисленные народы... вступив в состав Империи Нашей, вы приобрели тем самым равные права с ними». Жителям объявлялось, что всякое стремление к «восстановлению шведского... владычества» повлечет за собой «неминуемую... гибель и разорение»³⁷².

В отличие от речи в Варшаве 1818 г., которая вызвала в России многочисленные публикации в прессе и отклики — от бравурных до резко осуждающих, появление Александра I на Боргоском сейме и его выступление перед собравшимися менее чем за десятилетие до этого не вызвали сколько-нибудь существенного отклика у российской элиты. Выступление Александра на сейме в Финляндии не публиковалось в российских газетах. «Санкт-Петербургские ведомости» отметили лишь, что «от Финляндского сейма по предварительному назначению в городе Борго собравшегося здесь представлена была Государю Императору депутация для поднесения поздравления с благополучным Его Императорского Величества прибытием в Финляндию»³⁷³. Равным образом присоединение к Великому княжеству Финляндскому в 1811 г. входившей с петровских времен в состав Российской империи «Старой Финляндии» (Выборгской губернии)³⁷⁴ не вызвало никакого протеста. Общественная реакция на это событие была несопоставима с тем возмущением, которое было высказано Александру по поводу планов присоединения к Царству Польскому Литвы³⁷⁵. В титуле российского

³⁷¹ Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 139.

³⁷² Там же. С. 133–134.

³⁷³ Санкт-Петербургские ведомости. 1809. № 25. б/н.

³⁷⁴ ПСЗ. Собрание 1. Т. 31. № 24907. С. 1023.

³⁷⁵ Вероятно, водоразделом здесь является не только разница в трактовке статуса Финляндии и Польши, но и обсуждавшиеся более или менее публично после Отечественной войны 1812 г. планы Александра в отношении присоединения Литвы к Царству Польскому.

императора Финляндия получила статус великого княжества³⁷⁶, который был существенно ниже статуса Польши, ставшей царством³⁷⁷.

При всей внешней декларативности произошедшего на Боргоском сейме и того значения, которое Финляндия имела для формирования концепции личности западных территорий, этот проект Александра начал приобретать символические коннотации позже и непосредственно в связи с разворачиванием российской политики в Царстве Польском. Показательно, что, войдя в императорский титул российского монарха в 1808 г., Финляндия занимала четырнадцатое, а после присоединения к империи Царства Польского — пятнадцатое место в списке территорий³⁷⁸. Однако в 1826 г. княжество появилось на надгробии императора Александра уже в заглавной триаде — Российская империя, Польша и Финляндия³⁷⁹. За менее чем два десятилетия статус этого региона колоссально вырос. Такая динамика стала возможной только в рамках существования единого контекста, который, выдвигая вперед Польшу, перемещал на первый план и Финляндию.

Такую взаимозависимость можно обнаружить при анализе материалов подготовки к похоронам Александра I. Тело покойного императора еще находилось в Таганроге, а в столице едва был подавлен мятеж декабристов, когда петербургская Печальная комиссия начала поиск финских регалий власти. Толчком к самой постановке вопроса стало упоминавшееся в главе 1 обсуждение польской короны и вопроса о включении последней в похоронную церемонию. Чиновники, занятые подготовкой похорон, внезапно вспомнили и про Финляндию, и глава Печальной комиссии князь Алексей Куракин обратился к статс-секретарю Великого княжества Финляндского барону Роберту Ребиндеру с запросом: «...в приуготовленную печальную процессию нужна корона, герб и другие регалии Великого княжества Финляндского... В

³⁷⁶ ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 23421. С. 750.

³⁷⁷ В отдельных случаях (похороны Александра I в Санкт-Петербурге в 1826 г.) в рамках символических структур Финляндия фигурировала рядом с Польшей, «отодвигая» Сибирь и Херсонес Таврический дальше от центральной (ядерной) части.

³⁷⁸ ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 23421. С. 750; Т. 33. № 25875. С. 195.

³⁷⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 34.

следствие чего покорнейше прошу Вашему превосходительству приказать заблаговременно все сии вещи приготовить и доставить в Печальную комиссию»³⁸⁰. Ответом на это было сообщение барона, что «короны и прочих регалий Великого Княжества Финляндии... вовсе не имеется»³⁸¹. Дискуссию подобного порядка, однако, едва ли следует воспринимать как курьез или причуду Куракина. В конце 1820-х гг., подталкивая императора Николая I к участию в католическом богослужении во время коронации в Варшаве, великий князь Константин Павлович также разыграл карту финляндской политической субъектности, указывая императору, что если бы последнему пришлось «короноваться великим князем Финляндским», то ему «следовало бы присутствовать при лютеранской проповеди»³⁸².

Действительно, к моменту вступления императора Николая на престол связка Польша–Финляндия была уже достаточно сильна. По мере реализации своей политики в Царстве Польском во второй половине 1820-х гг. монарх, как кажется, все больше оглядывался и на Финляндию. Так, первое посещение Николаем I Финляндии пришлось на конец лета 1830 г.³⁸³, то есть произошло сразу после второй поездки в Варшаву в мае 1830 г. При этом сохранившиеся источники показывают, что монарха ждали в Финляндии уже с декабря 1828 г., а значит, приготовления к визиту, причем вполне основательные, велись в период подготовки и проведения варшавской коронации³⁸⁴. В январе 1829 г. А.Х. Бенкендорф сообщал генерал-губернатору Финляндии А.А. Закревскому, что до государя дошла «книжечка на шведском языке...

³⁸⁰ Там же. Д. 8. Л. 279. Примечательно, что, испрашивая у императора разрешение на использование гербов территорий («По примеру сему включать ли лошадей [с гербами] *царств Польского, Грузинского и Финляндского*»), Печальная комиссия маркировала статус Финляндии как равный титульным царствам (Там же. Д. 5. Л. 31; Ф. 477. Оп. 1. Д. 621. Л. 29; *Миролюбова Г.А.* Последний путь. С. 206).

³⁸¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 280.

³⁸² *Кизеветтер А.А.* Император Николай I как конституционный монарх // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 413.

³⁸³ Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). ККК 320. б/л. ККК 326. б/л. Neovius Ad. Furstebesök i Finland. Borgå, 1900. P. 43; *Nikula J., Tuomi-Nikula P.* Keisarit kesäloimalla Suomessa. Helsinki: Atena, 2002. P. 29.

³⁸⁴ План встречи императора было вполне детализированным — от установлений, связанных с униформой встречающих, до определения чиновников к встрече в Выборге, Гельсингфорсе (первым в списке значилось «грекороссийское духовенство»), Фридрихсгаме и Борго. Разрабатывались планы публикации текста «Правил о встрече Его Императорского Величества» на русском языке (Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). ККК 579; *Клинг М.* Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. Хельсинки: Отава, 2012. С. 142–144).

содержащая в себе инструкции данные будто бы... в случае предполагавшегося приезда его величества тамошний край». Речь шла об опубликованном церемониале встречи императора Николая во время его поездки в Великое княжество Финляндское. Шеф жандармов выражал удивление и просил от имени императора разъяснений, действительно ли ландтаг выдал предписание публиковать инструкции такого рода³⁸⁵.

Показательно и то, что практически сразу по возвращении в Петербург летом 1829 г. император сделал символический жест в отношении Великого княжества Финляндского. Осенью на маневрах в Красном Селе Николай I вышел в незнакомой окружающим униформе, представив таким образом мундир финского стрелкового батальона, недавно объявленного лейб-гвардейским³⁸⁶, что стало основанием для серии празднований, которые были организованы в княжестве. Все это произошло в считанные недели после коронации — повысив уровнем статус Польши, император ощущал необходимость быть столь же любезным и с финляндцами.

Вернемся, однако, к рассмотрению вопроса о позиционировании субъектности польских территорий. В известной речи на открытии польского сейма 1818 г., написанной, как упоминалось выше, самим Александром I, статус Польши и статус России маркировались как несовпадающие. В тексте император представил свое видение иерархии, которое нашло отражение в известных словах о конституционном правлении: «Вы (поляки. — *Прим. авт.*) мне подали средство явить моему Отечеству (России. — *Прим. авт.*) то, что я с давних лет ему приуготовляю»³⁸⁷. Месяц спустя в речи на закрытии сейма монарх пошел дальше, определив статус Польши как принципиально

³⁸⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1829. Д. 440. Л. 8–15 об. В отношении западных территорий империи в целом распространенной является установка, что император *должен был* посетить этот регион, а значит, было необходимо объяснить, почему он не появился там раньше. Говоря о причинах задержки императорской поездки в Финляндию, традиционно называют войну с Турцией (см. в качестве примера: *Клинге М.* Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. С. 142). Это радикально отличается от взгляда на другие регионы даже европейской части Российской империи, которые монарх отнюдь не обязан был посещать и где его появление воспринималось как неожиданная милость.

³⁸⁶ *Клинге М.* Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. С. 143–154; *Высочков Л.В.* Николай I. С. 265.

³⁸⁷ См. Приложение.

субъектный: Царство Польское было названо «свободным и *независимым государством*». Перед нами исключительно необычная ситуация — монарх, не находившийся под политическим давлением внутри страны и не нуждавшейся в каких бы то ни было радикальных изменениях в связи с внешнеполитической ситуацией, объявлял, что часть территории его империи независима.

Спустя два года Александр I открыл в Варшаве новый сейм. В это время, как отмечается в литературе, очарование, которое император испытывал относительно конституционного правления в Царстве Польском, в большей степени прошло³⁸⁸, а депутаты были настроены по отношению к монарху остро критически. И все же, увещевая поляков, призывая их отказаться от «суетных умствований», «частных приличий», «наущений недоброжелательства и соблазнов» и, наконец, «собственных видов», император не был готов отказаться от своих представлений. Он обратился к слушающим с призывом: «Явите Отечеству вашему, что опираясь на опытность вашу, на ваши правила и чувствования, что вы умеете соблюсти под сению законов спокойную *независимость* и чистую свободу; явите современникам, что сия свобода есть друг порядка и его благотворений и что вы пожинаете плоды ее»³⁸⁹.

Отметим между прочим, что коммуникация Александра с польским сеймом разворачивалась на глазах его российских подданных; польские речи императора, опубликованные в России, становились формой передачи политических установок власти в отношении Царства Польского. Переводы этих выступлений на русском языке появлялись в газетах (как правило, в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Северной почте (Новой Санкт-Петербургской газете)») в течение месяца после произнесения в Варшаве; они

³⁸⁸ Хартли Дж. Александр I. С. 77. Император уже в начале 1820-х гг. начал получать сведения о тайных обществах (Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 204).

³⁸⁹ См. Приложение.

также выходили отдельными брошюрами³⁹⁰. При этом важно, что изданные в России переводы не имели содержательных изъятий³⁹¹.

Нужно отметить, что публикации переводов на русский с определенным временным разрывом не затрудняли циркуляцию польских новостей среди российской аристократии: по-французски говорили все, а польский язык был очень популярен. Судя по частным архивам высших чиновников и военных, речи не просто читались, но и коллекционировались³⁹². Вместе с тем для более широких кругов российского общества, например провинциального дворянства, отсутствие информации в прессе имело значение. В России (за пределами Петербурга и Москвы) мало осознавали процесс появления третьего элемента монаршей образности — помимо русского царя и российского императора теперь также существовал и польский король, полагавший своим долгом обращаться к подданным одной конкретной территории в пространных речах. Отголоски этих обращений долетали до подданных монарха в столице, но были мало слышны тем, кто видел Александра I в рамках базовой парадигмы русского царя.

Вплоть до восстания 1830–1831 гг. Царство Польское в российских документах достаточно часто именовалось «страной», а если речь шла

³⁹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1818. № 26. С. 1–2 (293–294); № 50. С. 1–2 (977–978); Северная почта. 1818. № 26. С. 113–114; № 35. С. 153–154; Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии сейма Царства Польского в 15/27 день апреля 1818 года в Варшаве. Б. м. и б. г.; Речь, произнесенная его величеством императором всероссийским, царем польским при открытии сейма Царства Польского в 1 (13) день сентября 1820 года в Варшаве. Б. м. и б. г. Хотя новости о варшавских речах императора распространялись не всегда одинаково равномерно, первый сейм 1818 г., на котором император изложил главные установки, был освещен достаточно подробно, включая публикацию речей на открытие и закрытие представительства.

³⁹¹ Переводы законодательных документов и речей Александра I способствовали развитию в России новой политической лексики, поскольку инициировали дискуссию о переводе на русский язык целого ряда терминов. Об этом см.: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. М., 2010. С. 488; *Бадалян Д.А.* Понятие конституция в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / Под ред. А.И. Миллера, Д. Сдвижкова и И. Ширле. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 157–158. О переводе П.А. Вяземским речи Александра I 1818 г. с французского языка см.: *Глинка С.Н.* Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества: шестой период царствования Александра Первого от 1818 до 1825 года // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 126.

³⁹² Так, в фонде А.А. Закревского отложился большой объем материалов за 1820 и 1825 гг. — программы заседаний сейма, все речи императора (как на французском, так и в переводе), а также выступления депутатов, обращенные на сейме к самому Александру I (в частности, тексты речей С. Потоцкого и Р. Рембелинского) (РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 2–51).

одновременно о Польше и России, то в тексте появлялась формулировка «обе/две страны». Например, А.Х. Бенкендорф, описывая приготовления к коронации Николая, писал, что «по приказанию императора из Петербурга была доставлена императорская корона с тем, чтобы показать всем, что *для обеих стран* есть всего одна корона»³⁹³. Новости из Польши часто попадали в газеты в блок внешнеполитических сообщений. Так, «Сын Отечества» размещал информацию из Польши в рубрике «Обозрения новейших происшествий», в которой публиковались материалы о событиях за пределами Российской империи. С восшествием на престол Николая I ситуация в этом отношении не изменилась³⁹⁴.

Показательна позиция великого князя Константина Павловича, именовавшего Царство Польское «страной» в документах самого разного порядка. Например, комментируя первые действия Николая I на престоле, он писал, что монарх «при восшествии своем на престол, обещал манифестом *данном этой стране* следовать по стопам покойного императора»³⁹⁵. В переписке с высшими чиновниками империи в случае, если речь шла о делах одновременно в империи и Царстве, великий князь, как уже упоминалось, всегда употреблял слово «польский» перед словом «русский» или формировал сочетание «польско-русский»³⁹⁶. Наконец, в переписке цесаревич называл каждого из своих братьев-монархов «императором и царем (кролем)» безотносительно того, что Александр I не был коронован в Польше, а вопрос коронации Николая I три года был в процессе обсуждения³⁹⁷. Надо сказать, что в отношении последовательности титулов Константин Павлович следовал букве и форме императорского титула, в котором император, конечно, был «выше» короля.

³⁹³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409.

³⁹⁴ Сын Отечества. 1829. Т. 3. С. 249, 375.

³⁹⁵ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 285.

³⁹⁶ См., например: Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 234.

³⁹⁷ См., например: Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом. С. 302.

Вместе с тем с началом Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Константин Павлович редуцировал свою обычную формулу. Теперь он титуловал Николая исключительно как «императора» или использовал немаркированные определения, например «Его Величество» или «монарх»³⁹⁸. Так, в письме от 8 (20) октября 1828 г. А.Х. Бенкендорфу великий князь сообщал: «Я не нахожу слов, любезный генерал, чтобы выразить вам радость, с которой я узнал из вашего письма от 30 сентября о занятии нашими войсками крепости Варны... Прошу вас положить к стопам *Его Величества* мои самые искренние поздравления по этому случаю... Радость так велика и так всеобща и среди военных, и во всех классах общества, что нет возможности описать ее. Все в восторге... В честь этой победы сегодня слово Варна служит паролем. Этим способом мы из нашего отдаления приветствуем успех, приобретенный перед глазами *нашего августейшего монарха*»³⁹⁹. При всем стремлении выступать адвокатом польской стороны цесаревич понимал или, быть может, интуитивно ощущал, что любая война актуализировала русский дискурс и упоминание польского контекста следовало отложить в сторону до наступления мирных времен.

Постулирование в середине 1810-х гг. особого статуса Царства Польского, осмысленного, как было показано выше, в рамках концепта «Польша-страна» отразилось и на трактовках применительно к включенным в состав империи после Отечественной войны 1812 г. территориям таких категорий как «подданство» и «гражданство»⁴⁰⁰. Источники этого периода свидетельствуют, что применительно к жителям Царства использовался целый формулировок – от указания на поляков как на подданных Российской империи до апелляции к отдельной категории «подданные Царства

³⁹⁸ Там же. С. 322–323.

³⁹⁹ Там же. С. 327–328.

⁴⁰⁰ Источники этого времени используют оба термина как синонимы, без разделения указания на присягу монарху и стране.

Польского». При этом выбор не определялся отсылками к внешне или внутривполитическому контексту⁴⁰¹.

Не вызывает сомнения, что указание на подданство или гражданство Царства Польского носило, с одной стороны, устойчивый характер, а, с другой, вызывало многочисленные вопросы у жителей Российской империи, прежде всего, представителей административной элиты. Последние зачастую не могли понять, следует ли им при решении вопросов, как-либо связанных с Польшей, действовать по стандарту взаимодействия с соотечественниками или с иностранцами. Двойственность ситуации обернулась проблемами для министерства иностранных дел, куда во множестве поступали запросы о получении самой разнообразной информации, касающейся Царства Польского. В связи с этим 31 мая 1820 г. сенат издал указ, в котором отмечалась, что «Иностранная коллегия имеет обязанности удовлетворять требованиям российских присутственных мест в таких случаях, когда по оным нужно производить переписку с правительствами заграничных земель. Но... по присоединении Царства Польского к России нельзя считать оное заграничным»⁴⁰².

А. В. Ващенко предложил трактовку, согласно которой «в Царстве Польском существовало свое местное гражданство», с чем можно согласиться. При этом исследователь обосновывает двойную номенклатуру задачами экономического и полицейского порядка: когда речь заходила о «признании суверенитета России над Царством Польским» жители территории определялись как подданные империи, а при необходимости «разделить социально-экономические интересы России и царства... различают подданство собственно российское и так называемое “польское”»⁴⁰³. С таким

⁴⁰¹ Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000. С. 83–84.

⁴⁰² ПСЗ. Собрание 1. Т. 37. № 28297. С. 219.

⁴⁰³ Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000. С. 84.

обоснованием можно согласиться лишь отчасти. При ближайшем рассмотрении ситуация оказывается более сложной.

Прежде всего, особость категории подданство применительно к Царству поставило вопрос о статусе подданных Российской империи, приезжающих или имевших пребывание в Польше⁴⁰⁴. Последние оказывались в Царстве в положении иностранцев⁴⁰⁵. В польской конституции 1815 г. правам иностранцев отводилось сразу несколько статей, в том числе устанавливалось, что последние имеют право службы после 5 лет пребывания в крае. Иностранцы могли получить право занимать государственные должности в случае отличительных талантов и «по непосредственному усмотрению или по представлению государственного совета»⁴⁰⁶. Примечательно, что, увольняя русских чиновников со службы в бывшем Герцогстве Варшавском в 1815 г., император Александр также упоминал о возможности предоставить «права гражданства» Польши русским чиновникам, заслужившим «отличными качествами... особенное жителей уважение»⁴⁰⁷.

При этом соотношение подданства Российской империи и Царства Польского далеко не всегда функционировало по принципу «матрешки», в которой большее – подданство империи – при необходимости «поглощало»

⁴⁰⁴ Источники также фиксируют в этом отношении две пограничные линии – «граница Царства Польского с Пруссией и Австрией» и граница между Царством Польским и Российской губернией (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1363. Л. 2, 176; РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331)).

⁴⁰⁵ В источниках можно обнаружить отголоски реакции на такое положение дел со стороны подданных Александра I в Российской империи. Так, в архиве Н. Н. Новосильцова содержится записка неизвестного «О правах иностранцев». Автор записки, рассматривая статус иностранцев в Российской империи, призывает в самой России определить, кто является иностранцем и каковы его права и обязанности (Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–27 об.). При этом в тексте появляются достаточно эмоциональные пассажи, целью которых является стремление увязать права подданства и гражданства с категориями справедливости и несправедливости: «Законом об актах Гражданского состояния определив, каким образом удостоверяются права гражданские, следует постановить всем ли лицам в государстве, пребывающим права сии принадлежат без изъятия и в полной их мере или с некоторым различием и постепенностью и в чем должна состоять сия постепенность»⁴⁰⁵. «Не справедливо было бы, чтобы права принадлежали всем, а обязанности лежали только на некоторых. Не справедливо было бы, чтобы один был привязан к государству и рождением, и местопребыванием, и всеми обстоятельствами жизни, из рода в род неся обязанности с положением сим сопряженные, жертвовал бы даже иногда ему и своею жизнью, а другой, пришелец из страны чуждой, мог под тем же покровительством законов все продать, все купить, все приобрести и потом оставить Государство по своему произволу. Отсюда произошло то важное различие, которое во всех государствах установлено между иностранцами и коренными обывателями» (Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. Л. 3 об. – 5).

⁴⁰⁶ Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. С. 529.

⁴⁰⁷ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 16 об.

подданство Царства. Непроясненность позиций такого рода стала очевидна еще в 1815 г. при упоминавшемся выше увольнении с польской службы русских чиновников. В составленном на имя императора рапорте отмечалось, что согласно «указу 12 (24) мая 1815 г. уволено в Россию 98 человек... на временной службе в Царстве Польском осталось 45 русских»⁴⁰⁸. Авторы документа В.С. Ланской, Н.Н. Новосильцов, А. Чарторыйский и Ф.-К. Друцкий-Любецкий также уведомляли монарха, что некоторые из увольняемых чиновников изъявили желание принять права гражданства в Царстве Польском⁴⁰⁹. Соответственно, в рапорте содержался вопрос, требовавший высочайшей резолюции: «как считать сих чиновников – на равных с здешними гражданами, получающими места установленным порядком... и с принятием здешнего гражданства в политическом отношении перестают ли они быть россиянами, подданными Его Императорского Величества?»⁴¹⁰.

Источники демонстрируют, что вопросы, появившиеся в 1815 г., оказались неразрешенными и значительно позднее. Показателен в этом отношении случай, рассматривавшийся в Комитете министров в 1822 г. Разбору подлежало дело дворянина Царства Польского Стемпковского, решившего выбрать для жительства территорию вне Царства Польского, а именно Подольскую губернию. Его решение определялось желанием поместить своих детей на обучение в Меджибожское дворянское уездное училище. В связи с переездом Стемпковский обратился к подольскому губернатору с просьбой о дозволении навсегда остаться в России и принять на верность подданства присягу. Вопрос не был решен на губернском уровне, обращение губернатора в Министерство внутренних дел также не привело к результату. Сомнения администраторов регионального, а затем и центрального уровня здесь понятны – Стемпковский, как и надлежало,

⁴⁰⁸ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–10 об.

⁴⁰⁹ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 11–11 об.

⁴¹⁰ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 11 об. – 12.

присягал императору Александру I в 1815 г., однако чиновники явно сомневались, следует ли трактовать эту присягу как клятву на подданство Царству Польскому и/или Российской империи. В известном смысле они столкнулись с тем же вопросом, который в 1815 г. императору Александру адресовали Ланской, Новосильцов, Чарторыйский и Друцкий-Любецкий. В итоге вопрос был вынесен на обсуждение Комитета министров⁴¹¹.

Комитет министров, рассмотрев вопрос, определил, что повторная присяга необходима, причем в своем решении министры сослались на прецедент 1816 г., когда такую присягу принял полковник Кавецкий, переселившийся из Царства в Империю⁴¹². Вынесенное решение описано в документах следующим образом: «Комитет определил: ... надлежит и Семпковскому принять оную согласно с собственным его желанием, да и впредь в подобных случаях руководствоваться означенным положением. Комитет считает сие необходимым, потому что переселяющиеся навсегда в Россию лица вступая в общие с российскими подданными гражданские права, подчиняются постановлениям, различествующим с постановлениями Царства Польского. Министр же юстиции находит: поелику Царство Польское по трактатам присоединено к России и различествует только во внутреннем управлении, а на верность подданства Царства Польского обязаны уже присягою по присоединении Царства к России, то за сим нет никакой надобности, чтобы Семпковский и другие лица из Царства Польского, в российские губернии переселяющиеся, принимали оную вновь, тем более что вторая присяга неминуем ослабила бы силу первой»⁴¹³. Интересно, в данном случае наличие двух трактовок, одна из которых была выстроена с опорой на понимание автономии Царства Польского (указание на подчинение жителей «различествующим» постановлениям), а вторая, озвученная министром

⁴¹¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1220. Л. 1.

⁴¹² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1220. Л. 1.

⁴¹³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1220. Л. 1 об.

юстиции Д.И. Лобановым-Ростовским – на факте присоединения Царства к России.

Очевидно, ситуации такого рода поощряла реализацию самых разных жизненных стратегий, в рамках которых жители Царства Польского могли трактовать подданство особым образом и с известной долей свободы⁴¹⁴.

Вместе с тем для имперских властей сосуществование категорий «подданство Царства Польского» и «подданство Российской империи» представляло существенную проблему, причем не только в александровское, но и в николаевское царствование. Показательна в этом отношении история следствия и суда над членами польского Патриотического общества, среди которых значились жители как Царства Польского, так и Российской империи. Последние (в большинстве своем жители западных губерний; всего 27 человек), были отделены от основной группы – следствие по их делам вел Пятый департамент Сената Российской империи⁴¹⁵. С определением подданства некоторых из польских заговорщиков возникали вопросы. Великий князь Константин Павлович писал по этому поводу в Сенат в сентябре 1827 г.: «...в числе подсудимых находятся обоюдные помещики Российской империи и Царства Польского, как то князь Яблоновский, граф Оссолинский, польских войск подполковник Кржижановский и капитан Маевский, из коих первые два преданы суждению в России, а последние в Царстве Польском, то если бы со стороны их происходили по сему предмету возражения, я в отвращении оных

⁴¹⁴ Показательна история, произошедшая с проживавшим в Вильно князем Иосифом Гедройцем в момент перехода власти к Николаю I в 1825 г. Судя по документам, Гедройц под разными предлогами избегал принесения присяги верность новому императору (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1312. Л. 98 об.). Свои действия он впоследствии объяснял тем, что в случае принесения присяги Николаю I он мог потерять пансион, который, по мнению Гедройца, ему полагался во Франции (Там же. Л. 65). В процессе разбирательства по делу выяснилось, что Гедройц состоял в военной службе в войсках Наполеона, участвовал в кампании против России в 1812 г. и попал в плен. Будучи «уволен из российского плена» в 1814 г., Гедройц добрался до Парижа, где, по его собственным словам, «разделил жребий» Бонапарта, прибывшего в столицу Франции после бегства с острова Эльба (Там же. Л. 90–92 об.). Иными словами, Гедройц повторно вступил во французскую службу во время 100 дней Наполеона, т. е. именно в тот момент, когда Александр I объявил о создании Царства Польского и, соответственно, началась процедура принесения присяги. Вероятно, Гедройц, находившийся в это время во Франции, присягу не приносил. Преданный суду в Царстве Польском, Гедройц, однако, не был признан виновным (Там же. Л. 87–88, 98 об.), получил освобождение и был допущен к присяге (Там же. Л. 98 об-99).

⁴¹⁵ РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 43. Л. 7–8, 18. Об этом см. также: *Кизеветтер А.А.* Император Николай I как конституционный монарх. С. 402–418.

нахожу нужным предварить..., что при распределении сих подсудимых принято было главным основанием, что права и обязанности их как российских подданных должны иметь преимущество противу таковых Царства Польского, и одна только действительная военная служба подсудимых с подведомственности того или другого Правительства имела влияние на оставление под судом в том месте где кто из них продолжает оную. На сем основании князь Яблоновский и граф Оссолинский как помещики присоединенных от Польши губерний преданы суждению в России и хотя первый из них служил при высочайшем Его Императорского Величества дворе Царства Польского камергером, но исключен из сего звания, а подполковник Кржижановский и капитан Маевский как служащие в польских войсках состоят под судом Царства Польского»⁴¹⁶. Разделение в рамках категории «подданство» повлекло за собой признание неравенства прав и обязанностей, в том числе, как ни парадоксально, и в отношении лояльности к верховной власти. Как известно, заговорщики Царства Польского были фактически оправданы, тогда как конспираторы из западных губерний империи, получили суровые приговоры. В литературе содержится утверждение, что «превращенное в суд объединенное заседание Пятого департамента Сената вынесло всем обвиняемым приговор, который по своей суровости не уступал приговору Верховного суда над декабристами. Все подсудимые были приговорены к лишению дворянства, чинов, орденов, а кто имел — графского и княжеского достоинства и к ссылке на каторжные работы на разные сроки: от 12 лет до одного года»⁴¹⁷. Это поставило Николая I в сложное положение, когда он был вынужден, с одной стороны, утвердить приговор сеймового суда, оправдывающий заговорщиков в Царстве Польском, а, с другой стороны, одобрить суровые наказания для членов этой же организации из числа «помещиков Российской империи»⁴¹⁸.

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 43. Л. 20 об – 21 об.

⁴¹⁷ Беккер И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 72.

⁴¹⁸ Очевидно, император предпринимал некоторые усилия для того, чтобы примирить вопиющее различие в итогах судебного разбирательства – из Сената дела членов Патриотического общества – подданных

Возвращаясь к царствованию императора Александром I, отметим, иерархия ролей и территорий, которыми владели Романовы, сопоставлялась с предписанной Польше уникальной цивилизаторской миссией. В 1818 г. император заявил, что распространение конституционных норм на Российскую империю будет возможно, когда империя достигнет зрелости, которой поляки уже обладают. В России речь была воспринята двойственно: одни обращали внимание на обещание конституции, другие, как уже указывалось, видели в ней прямое оскорбление. К последним можно отнести А.А. Закревского с его известной фразой об «ужаснейших» последствиях, которые может иметь подобное обращение императора⁴¹⁹, и И.Ф. Паскевича, утверждавшего, что речь была оскорбительна для русского самолюбия⁴²⁰. А.П. Ермолов так оценивал произошедшее в одном из своих писем: «Счастливы поляки толиким о них попечением, и гордость, сродная надменному сему народу, питается тем, что они впоследствии должны служить нам примером. Судьба не дала им другого торжества над нами... Это нам приветствие! Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец...»⁴²¹ Интересна и реакция адъютанта Александра I А.И. Михайловского-Данилевского, который, отметив, что услышать такую речь из уст самодержавного монарха было «весьма любопытно», сравнил все происходящее с эпохой начала XVIII столетия: «Петр Великий не говорил, что русские дикие, и что он намерен их просветить, но он их образовал без дальнейших о сем предварений»⁴²². Примечательно, что в этих реакциях на первый план выходят рассуждение о военных победах России и — одновременно — идея ее культурной и политической отсталости. Ермолов прямо адресует к войне 1812 г. («Судьба не дала им другого торжества над

Российской империи были переданы в Государственный совет, смягчивший некоторые приговоры. Затем сам император уменьшил сроки ссылки троим подсудимым и простил одного из них (Там же. С. 72).

⁴¹⁹ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 192. Как уже упоминалось, респондент Закревского А.С. Меншиков именовал речь «прекрасною» и видел в ней обещание представительного правления для России (Там же. С. 428).

⁴²⁰ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 94.

⁴²¹ Там же. С. 95–96.

⁴²² Там же. С. 92.

нами»), а Михайловский-Данилевский, не выступая против самой идеи русского варварства, возмущается тем, что император перешел к артикуляции этих воззрений.

Обсуждение польской политики в привязке к категории «цивилизация» инициировалась Александром I не единожды. Император охотно говорил о роли поляков по отношению к России, особенно если в качестве слушателя выступал иностранец. Так, в том же 1818 г. в разговоре с одним из прусских генералов Александр объяснил выстроенную им иерархию: *«Польша мне необходима, чтобы цивилизовать мою империю, слишком обширную, чтобы я желал ее дальнейшего увеличения. Я дал Польше конституцию, я надеюсь, что она проявит себя достойной этого знака... Я стремлюсь обеспечить всеобщий мир и цивилизовать Россию, таковы мои чаяния, такова цель моей политики...»*⁴²³ Неудивительно поэтому, что в Польше этого периода сформировалось представление о возложенной на нее цивилизаторской миссии в отношении России⁴²⁴.

Стремление подчеркнуть особость Польши нашло прямое отражение в титулатуре российских монархов первой трети XIX столетия. Прежде всего отметим, что в российских документах существовало сразу несколько наименований применительно к польским территориям, вошедшим в состав империи в 1815 г. В случае с наполеоновской Польшей (с 1807 г.) речь шла о «княжестве» или «герцогстве». Российская же Польша (с 1815 г.) именовалась в документах «царством» или «королевством». Соответственно, на территории империи имели хождение титулы «царь» и «король»⁴²⁵.

Как уже отмечалось выше, Александр I включил в польскую Конституционную хартию 1815 г. параграф, предписывающий его наследнику

⁴²³ Рэй М.-П. Александр I. С. 348.

⁴²⁴ Киселева Л.Н., Яцук Е.А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин). С. 98–99; Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше. С. 397.

⁴²⁵ Существование двойной номенклатуры уже отмечалось в литературе применительно к более позднему периоду. См., например: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. С. 6.

на престоле короноваться в качестве польского короля⁴²⁶. Не вполне понятно, намеревался ли сам Александр I возложить на себя польскую корону, однако известно, что по его приказу в архивах искали польские коронационные церемониалы, пытаясь параллельно узнать и о судьбе регалий, вывезенных прусской армией из Кракова. Во время Венского конгресса, а затем спустя почти десятилетие в 1824 г., не зная об уничтожении регалий, Александр I обращался к прусскому королю Фридриху-Вильгельму III с просьбой об их поиске⁴²⁷. Очевидно, что возможность коронации, по крайней мере, в первые годы существования Царства, не исключали ни в Польше, ни в России. Так, в переписке А.А. Закревского и М.С. Воронцова 1816 г. обращает на себя внимание сообщение первого «под секретом», что император «к 15 сентября желает быть непременно в Варшаве, где намеревается, как говорят, короноваться». Информация сопровождалась в тексте письма ироничным комментарием «Очень нужно!»⁴²⁸.

Однако даже без коронации статус нового территориального образования был исключительным. Утвержденный после вхождения Царства Польского в состав империи титул Александра I выглядел следующим образом: «Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, *Царь Польский*, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, Финляндский...»⁴²⁹ Наименование «царство» указывает на то, что вновь присоединенным польским землям в рамках императорского титула было отведено исключительно высокое место. Фактически речь шла о включении Польши во второй по значимости круг земель, притом что интеграция этих земель в первый «исторический» блок, состоявший из столиц Руси (Москва, Киев, Владимир, Новгород), была в

⁴²⁶ Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

⁴²⁷ Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 39.

⁴²⁸ Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 271.

⁴²⁹ ПСЗ. Собрание I. Т. 33. № 25875. С. 195.

принципе невозможна. Следует отметить при этом, что исторические земли и царства всегда были наиболее значимыми элементами титулатуры и неизменно доминировали в визуальной репрезентации территории империи.

Став «царством», Польша оказалась в одном ряду с Казанским, Астраханским и Сибирским царствами, а также Херсонесом Таврическим. При этом ее появление «сломало» чрезвычайно устойчивую триаду — Казань, Астрахань, Сибирь⁴³⁰. Подобное решение противоречило устоявшейся традиции: как правило, присоединенные территории становились частью императорского титула, не меняя последовательности устойчивых сочетаний⁴³¹. Так, Екатерина II, став царицей Таврической после присоединения Крыма и Причерноморья, поставила этот сегмент титула после Казани, Астрахани и Сибири, ничего таким образом не разделив⁴³². Александр I, став великим князем Финляндским, поместил новые земли в титуле в блоке «великокняжеских» земель в завершение всей линии («великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский»)⁴³³. Разрыв триады Казань–Астрахань–Сибирь был нелогичен и с точки зрения хронологии присоединения территорий: все три «царства» (Казань, Астрахань и Сибирь) вошли в состав страны при Иване Грозном. Все это говорит о том, что история с появлением Царства Польского в титуле русских монархов представляла собой в значительной мере экстраординарное явление — речь шла о поиске высокого статуса, сформировать который требовалось с учетом установок, которые были зачастую диаметрально противоположны друг другу.

Действительно, появление Польши в категории «царство» могло быть одновременно попыткой успокоить противников императора. Б.А. Успенский, анализирувавший употребление титула «царь» в послепетровский период,

⁴³⁰ Порядок не изменился в период николаевского царствования (ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 13. С. 22).

⁴³¹ Пчелов Е.В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 121–136.

⁴³² ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 15919. С. 17.

⁴³³ Там же. Т. 30. № 23421. С. 750.

отмечает несколько возможных (но зачастую не связанных друг с другом) коннотаций, появившихся в связи с его бытованием в императорский период: соотнесенность с титулом «хан», специфический восточный контекст или, напротив, апелляция к византийской и в целом к православной традиции⁴³⁴. Рассуждая о смене титула российского монарха в связи с вхождением в состав страны польских земель, Б.А. Успенский предполагает, что соотнесенность царского и королевского титулов могла указывать на стремление подчеркнуть, что во главе Польши — православный государь⁴³⁵. В самом деле, в титуле Польша помещалась среди завоеванных территорий, прошедших (в рамках властного нарратива) путь от язычества или мусульманства к христианству. Об этом прямо упоминали некоторые современники, в частности Н.Н. Новосильцев, считавший, что подобный жест был «уступкой русскому народному чувству», которое «видя... что в императорском титуле к существовавшим царствам: Сибирскому, Казанскому и пр. прибыло еще новое, должно было совершенно этим успокоиться и даже радоваться»⁴³⁶. Вместе с тем тот же Новосильцев утверждал, что «титул... был предметом серьезных прений»⁴³⁷. Это не лишено оснований: между объявлением о принятии Александром титула царя Польского 21 апреля (3 мая) 1815 г. и объявлением 6 (18) июня 1815 г. полного императорского титула, включавшего теперь Царство Польское⁴³⁸, прошло два месяца.

Существенно, что наименование новой территории было рассчитано исключительно на «внутреннее» использование. Польша называлась «царством» лишь в самой Российской империи, тогда как в официальном делопроизводстве Царства Польского значился титул «королевство»⁴³⁹. Установления такого рода были сформулированы в самом начале: «королевством» (*Le Royaume de Pologne*) Польша была названа еще в

⁴³⁴ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. С. 49–51.

⁴³⁵ Там же. С. 51–52.

⁴³⁶ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1723.

⁴³⁷ Там же. С. 1722.

⁴³⁸ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25824. С. 65; № 25875. С. 195.

⁴³⁹ См., например: AGAD. F. 190. № 88. К. 19–22, 58, 134.

Конституционной хартии 1815 г.⁴⁴⁰ Равным образом присяга на верность Александру содержала указание на двойное наименование: «Я нижеимянованный обращаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым его Евангелием, что я Всепресвятлейшему и Вседержавнейшему великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому и Царю Польскому... хочу верным, приверженным, послушным и верноподданным пребыть, соблюдая сей обет верности, послушания и приверженности и к коренному *Царства Польскаго* ныне издаваемому установлению»⁴⁴¹. Как можно увидеть, в приведенной выше русской версии документа Александр I именовался «царем», а Польша — «Царством». В тексте присяги, воспроизведенном на польском, монарх именовался «королем», а территория — «королевством». Для перевода титула «Его Императорского и Царского Величества» в Польше использовалась формулировка «*cesarsko-krolewskeiy*»⁴⁴².

В делопроизводстве внутренних губерний империи такой заданной двоичности почти не было: Александр I, а затем и Николай I именовались царями Польскими, а сама русская Польша — Царством Польским⁴⁴³. Очевидно, в этом случае речь шла о достаточно четкой установке и цензурировании информации: в Российской империи термины «король» и «королевство» в отношении Польши практически не использовались.

Нельзя, однако, сказать, что самая западная территория империи не представляла, что внутри страны она оказалась соотнесена с категорией «царство». Один из мемуаристов, О. Пржецлавский (Ципринус), так описывал разговор, состоявшийся между несколькими польско-литовскими шляхтичами и графом Н.Н. Новосильцевым. Обсуждая политику конца александровского

⁴⁴⁰ В Хартии использовалось слово «Royaume» («Le Royaume de Pologne»).

⁴⁴¹ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Л. 6.

⁴⁴² Там же. Л. 6 об.

⁴⁴³ См., например: «Манифестом, в 9 день Мая изданным, возвестили Мы о заключении договоров, к пользе Государственной относящихся, и о присоединении к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского, *под наименованием Польского Царства*. В силу означенных договоров, признав нужным сделать прибавление и в Императорском Титуле Нашем, препровождаем Правительствующему Сенату описание онога, для надлежащего исполнения» (ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25875. С. 195).

царствования, участники разговора затронули вопрос титула. По словам Пржецлавского, «Новосильцев согласился... что поляки не могли быть довольны тем, что Александр Павлович перед ними (поляками. — *Прим. авт.*) и Европою назывался королем, а перед русскими царем». Далее шляхтичи объяснили суть своего недовольства: «...в полном Императорском титуле “царь Польский” стоит о бок или даже ниже царя Казанского и Астраханского. То, что их отечество (Польша. — *Прим. авт.*) в политической иерархии сравнено с тремя или четырьмя из 50 губерний не могло не быть чувствительным для их народной гордости»⁴⁴⁴. С трактовкой О. Пржецлавского был вполне согласен Н.И. Греч, утверждавший, что «поляки негодовали на это наименование тем более, что полный титул “Царь Польский” поставлен был после “Сибирского”»⁴⁴⁵. Иными словами, то, что при взгляде изнутри империи казалось исключительным благоволением, внутри Польши воспринималось как нечто неподобающее или даже оскорбительное, о чем Новосильцев был готов говорить вполне открыто. Обсуждая упоминание Польши в титуле российского императора, дебатировавшие с Новосильцевым поляки приводили примеры, на которые, по их мнению, Александру I следовало обратить внимание, а именно: наименование прусского и шведского монархов «королями». Граф, проживший в Польше достаточно, чтобы понимать реакции обеих сторон, был согласен: «Да, вы правы; это еще одна из тех, любимых нашим всемилостивейшим Государем полумера. Но это имеет еще ту особенность, что в одних вызывает неудовольствие, а других не удовлетворяет»⁴⁴⁶.

Интересно, между прочим, что история с титулом напоминает ситуацию, которая возникла вокруг александровской польской конституции. Вопреки ожиданиям императора пожалованное Царству представительство не вызвало восторга⁴⁴⁷ — конституционные нормы на этой территории действовали и

⁴⁴⁴ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722.

⁴⁴⁵ Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 215.

⁴⁴⁶ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722–1723.

⁴⁴⁷ О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I. М., 2023. С. 275.

раньше и вводимое Александром установление, по мнению поляков, лишь приводило все к минимально необходимой норме, тогда как главное внимание было обращено на обещанное воссоединение исторических польских земель. При этом введение конституционных норм в самой империи воспринималось стремившимися к этому русскими подданными Александра недостижимой мечтой.

Очевидно, что Александр I испытывал большие трудности при поиске определения для статуса Польши в составе своей империи. Насколько уникальным был такой поиск в связи с приращением территории империи на западной границе и приходилось ли сталкиваться со схожими трудностями его предшественникам на престоле? Сопоставление титулатуры российских монархов за период, когда земли бывшей Речи Посполитой последовательно аннексировались Российской империей, вплоть до создания Царства Польского, позволяет увидеть разницу в понимании политических реалий.

Первый раунд включения польских земель в монарший титул произошел отнюдь не сразу после первого раздела Польши в 1772 г. Более того, в титуле Екатерины II территории, отторгнутые у Речи Посполитой, появились лишь 12 лет спустя. До этого они проходили по разряду «иные земли» («и иных [земель] наследная обладательница»). В 1784 г., однако, императрица добавила к своему титулу Полоцк, Витебск и Мстиславль⁴⁴⁸. Приобретенные земли были помещены в середину — вторую половину титула. При этом императрица явно выделила Полоцкие земли, поставив их в титуле рядом с центром страны — Московским царством — между Рязанью и Ростовом. Витебск и Мстиславль были указаны ниже, замыкая этот блок земель.

Для понимания екатерининской оценки произошедшего — присоединения к Российской империи территорий на западе — важно увидеть, в какой момент было принято решение ввести польские земли в титул. Императрица занялась этим вопросом лишь в тот момент, когда возникла

⁴⁴⁸ «Государыня и Великая княгиня Новгорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская... Витебская, Мстиславская» (ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 15919. С. 17).

необходимость указать в титуле только что завоеванные земли Крыма и Северного Причерноморья, то есть сделала это, что называется, «заодно». Екатерина II одновременно приняла на себя титул царицы Херсонеса Таврического и великой княгини Полоцкой, Витебской и Мстиславской. Очевидно, до этого найти правильную формулу включения земель на западе не получалось, а присоединение огромной и символически очень значимой территории на юге предоставило возможность легитимизировать и приращения на западе.

Если земли, ставшие частью екатерининской империи по первому разделу, вошли в титул с серьезной задержкой, то территории, захваченные в результате второго и третьего разделов, «дождались» своего включения в титул лишь при Павле I. Иными словами, Екатерина II также столкнулась с неким ментальным препятствием при выработке удовлетворяющей ее стратегии апроприации новых земель. Речь, вероятнее всего, шла не только о том, что империя расширялась на запад, но и о том, что территории эти достались без приложения военной силы. Именно поэтому Екатерина прибегла к актуализации известной концепции «собирания земель», в рамках которой Российская империя ничего не захватила, а лишь отвоевала или вернула территории, которые некогда являлись частью единого русского государства, а затем были утрачены результате серии войн⁴⁴⁹.

Отметим высказанную А.Б. Каменским идею, что сама концепция «собирания земель» была изобретена Екатериной II в связи с разделами Польши. По мнению исследователя, до начала 1790-х гг. говорить о существовании этой интеллектуальной конструкции не приходится⁴⁵⁰. Стоит, впрочем, отметить, что сам принцип легитимации захвата через декларацию «беру свое», до уровня которой можно редуцировать екатерининскую

⁴⁴⁹ Показательна известная медаль «Отторженная возвратих», на которой двуглавый орел соединял разорванную карту, одна часть которой была маркирована 1772 г. (первый раздел), а вторая — 1793 г. (второй раздел).

⁴⁵⁰ Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. С. 168-185.

«находку», – универсален; к тому же подобная интерпретация не объясняет, как предложенная императрицей установка могла в достаточно короткие сроки укрепиться в сознании современников, при том что император Александр в дискуссиях о судьбе Литвы продвигал принципиально иные позиции. В конечном итоге именно общественное восприятие территорий, ставших частью империи после разделов Польши, как «своей земли» не позволило Александру I реализовать свой план – присоединить Литву к Царству Польскому. Очевидно Екатерина II актуализировала уже существовавшую идею, переводя ее на новый уровень с точки зрения осмысления и образности. При этом сам факт работы с нарративом демонстрирует, что императрица осознавала сложность стоящей перед ней политической задачи – интегрировать в состав империи земли, присоединенные на западе, а значит, не вписывающиеся в традиционную ориенталистскую парадигму.

Занявший престол Павел I подробно перечислил в титуле все земли, доставшиеся ему в наследство, включая те, что были аннексированы Екатериной II на западе. В 1796 г. император стал именоваться (помимо указания на Полоцк, Витебск и Мстиславль) великим князем Литовским, Волынским, Подольским и князем Самогитским. В это же время в титуле появилось указание на Курляндию и Семигалию, то есть территории, зависимые прежде от Речи Посполитой и вошедшие в состав Российской империи в результате разделов⁴⁵¹. Важно, что приобретенные польские земли в этом случае вошли в категорию «великих княжеств», то есть получили высокий статус и переместились ближе к началу титула. Кроме того, распределение аннексированных территорий указывало на попытку отделить запад империи от ее северо-запада: Павел титуловался великим князем Смоленским, Литовским, Волынским и Подольским, а только затем — князем

⁴⁵¹ ПСЗ. Собрание 1. Т. 24. № 17635. С. 230.

Эстляндским, Лифляндским, Курляндским, Семигальским, Самогитским и Карельским.

Александр I, вступивший на престол в 1801 г., полностью повторил титул отца, убрав лишь указание на орден Иоанна Иерусалимского⁴⁵². Мечты его отца о территориях на западе (Мальта) не имели для Александра никакого значения — у него было свое видение того, какие западные территории и проекты сделают его настоящим европейцем. Наименование бывших польских земель не претерпело в титуле никаких изменений. В 1815 г. с созданием Царства Польского император тотчас же принял на себя титул царя Польского⁴⁵³, а новое «Царство» было включено в императорский титул⁴⁵⁴.

По сути, оформление польских земель в титуле российских императоров прошло в три этапа — екатерининский, когда фактическое присоединение территории плохо коррелировало с его символической апроприацией (в это время в титуле появилось всего три территориальных элемента), павловский, когда были поименованы все земли, захваченные в результате разделов (семь территориальных элементов), при этом их статус внутри титула был различен, и, наконец, александровский, когда общее число условно польских элементов достигло девяти, при этом в титуле появилось указание на особую, чрезвычайно высокую по статусу территорию — Царство Польское. К 1815 г. пятая часть титула российских монархов была занята территориями, некогда принадлежавшими Речи Посполитой. Титул российского императора был исключительно «полонизирован».

Вопрос о том, с какой скоростью принимались эти решения, также представляется значимым. Если Екатерина II, за все свое долгое правление изменившая титул лишь дважды, не спешила маркировать польские земли как свои, по крайней мере в титуле, то Александр I, напротив, стремился как можно быстрее оформить в титуле западные территории. При этом, если

⁴⁵² При этом Александр I первоначально принял на себя звание «Великого магистра державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского», что нашло отражение в титуле (Там же. Т. 26. № 19721. С. 503).

⁴⁵³ Там же. Т. 33. № 25827. С. 80.

⁴⁵⁴ Там же. № 25875. С. 195.

Екатерина оставляла этим землям их права и привилегии, Александр этим не ограничивался, стремясь максимально расширить последние.

Не менее показательна и история с гербом Царства Польского на гербе Российской империи. Занимающиеся вопросами геральдики историки справедливо указывают, что включение польского герба в российский имело целью подчеркнуть государственное и территориальное единство империи⁴⁵⁵. Вопрос, однако, не ограничился политической декларацией общего порядка, ведь Царство Польское занимало особое место в иерархии земель на государственном гербе империи. Это не изменило даже восстание 1830–1831 гг. В 1832 г. щит с польским гербом был размещен на одном из крыльев двуглавого орла вместе с гербами Херсонеса Таврического и Финляндии⁴⁵⁶, при этом ему было отведено почетное (верхнее) место среди территориальных гербов. Для сравнения скажем, что логика простраивания территориальных иерархий подобного рода оставляла все меньше и меньше возможностей для исторических земель страны. Так, в изображениях первой половины — середины XIX в. (Большой, Средний и Малый государственные гербы Российской империи) Киев, Владимир и Новгород получили объединенный герб, то есть не были больше представлены индивидуализированно.

В целом, можно сделать вывод о том, что Александр был готов признать политическую субъектность Царства Польского и декларировать ее в любой форме и на любом уровне, включая артикуляцию позиций в рамках политической риторики и формирование и презентацию императорского титула. Император, по сути, создал новую традицию, которая продемонстрировала устойчивость безотносительно изменений политической реальности, возникавших на западных границах империи. Обозначенная на его надгробии формула «Император и Самодержец Всероссийский, Царь

⁴⁵⁵ Пчелов Е.В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: РГГУ, 2005. С. 60.

⁴⁵⁶ При Николае I было закреплено одновременное существование двух типов государственного орла (Вилинбахов Г.В. Государственный герб России. 500 лет. СПб.: Славия, 1997. С. 47).

Польский и Великий князь Финляндский»⁴⁵⁷ перекочевала в манифест о вступлении на престол Николая I⁴⁵⁸, а затем — в присягу наследника Александра Николаевича⁴⁵⁹. Неудивительно, что, став императором, Александр II воспроизвел этот риторический конструкт. В Манифесте «О Священном Короновании...» от 17 апреля 1856 г. отмечалось, что монарх вступает на «Прародительский Всероссийский Престол и нераздельные с ним Престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского»⁴⁶⁰. В это же время на надгробии его отца, Николая I, появилась надпись идентичная той, которую сам Николай некогда одобрил для надписи на могиле брата, — «...Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский».

2.2. Новые нарративы: братство народов, храбрость, любовь

Общим местом в историографии русско-польских отношений первой трети XIX в. стало указание на интерес, который проявляло русское общество этого периода к Польше, ее истории и культуре. Подробно описаны взаимоотношения Александра I и князя А. Чарторыйского, опубликована их многолетняя переписка⁴⁶¹. Множество работ посвящено контактам А.С. Пушкина и А. Мицкевича⁴⁶², дружбе с поляками К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева (Марлинского)⁴⁶³, увлечению Польшей П.А. Вяземского. Большой

⁴⁵⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 34.

⁴⁵⁸ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

⁴⁵⁹ В произнесенную в 1834 г. будущим Александром II присягу были включены следующие слова: «В качестве наследника российского престола и корон Польши и Финляндии, которые к нему присоединены, я клянусь и обещаю соблюдать все законы наследования престола» (*Бенкендорф А.Х.* Воспоминания (1802–1837). С. 556).

⁴⁶⁰ ПСЗ. Собрание 2. Т. 31. № 30401. С. 219. Варшавская коронация упоминалась и в документах подготовки к коронации Александра II в Москве. Организаторов действия заинтересовал порядок шествия герольдов по улицам города (РГИА. Ф. 437. Оп. 3. Д. 287. Л. 10).

⁴⁶¹ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2.

⁴⁶² Пушкин встречался с А. Мицкевичем во время его пребывания в Петербурге в 1828 г., тогда же он подал А.Х. Бенкендорфу записку с просьбой разрешить поэту возвратиться на родину. См. об этом: *Пушкин А.С.* Письма / Ред. Б. Л. Модзалевский. Т. 2. Письма, 1826–1830. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 292.

⁴⁶³ *Спасович В.Д.* Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // *Русская мысль.* 1890. № 1. С. 51–81; Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 2007; *Сабадаш Н.П.* Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.): Диссертация. М., 2015; *Gluszkowski P.* “Nigdy Polacy nie będą prawdziwymi braćmi ani wiernymi sojusznikami...” *Poglądy rosyjskich elit na upadek z Polakami.* S. 197.

интерес вызывает деятельность Ф.В. Булгарина⁴⁶⁴ и ее влияние на петербургское общество. Действительно, в первой трети столетия, особенно после 1815 г., Польша была исключительно популярна. Интерес активно поддерживался властями и перерос — в рамках дворянского сословия — во вполне системное явление. П. Глушковский замечает в отношении карьеры Ф.В. Булгарина, который был одним из самых заметных популяризаторов польской культуры в России того времени, что последний сумел найти баланс «между своими взглядами на Польшу и ее местом в Европе, с одной стороны, и литературно-коммерческими интересами, с другой...». При этом, как справедливо указывает исследователь, Булгарин «без сомнения... легко перестал бы писать о Польше, ее истории, литературе и культуре, если бы увидел, что эти темы не вызывают отклика у публики»⁴⁶⁵.

Феномен тотального увлечения Польшей оценивается в историографии исключительно в рамках развития культурных связей и проявления европейского влияния на Россию. При этом появление поляков — безотносительно того, идет ли речь о Петербурге или удаленном от политического центра сибирском городе, — интерпретируется, как правило, с позиции культуртрегерства⁴⁶⁶. Такая модель восприятия, кроме того, зиждется на оценке политической ситуации, выстроенной в рамках дихотомии свобода/несвобода. Точкой отсчета, как правило, выбирается период правления Екатерины II и участие России в разделах Польши. За этим следует

⁴⁶⁴ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб.: Алетейя, 2013; Рейтблат А. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016; Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик: Сборник статей / Ред.-сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

⁴⁶⁵ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. С. 93–94.

⁴⁶⁶ Липатов А.В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм в восприятии культуры западного соседа (Государство и гражданское общество). С. 134–155; Смирнова Т.М. Поляки Петербурга в начале XX века как часть городского социума // Краков и Санкт-Петербург: наследие столичности. Краков: International Cultural Center, 2008. С. 117–121; Фалькович С.М. Петербург – центр деловой, научной, культурной и общественно-политической активности поляков в XIX – начале XX века // Столица и провинция в истории России и Польши / Сост. Б.В. Носов. М.: Наука, 2008. С. 184–197; Мулина С.А. Трансформация образа поляка в Сибири (с XVII по XIX вв.) // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2010. № 2. С. 242–260. См. также серию книг «Петербургская Полоника» и материалы ресурсного интернет портал «Польский Петербург. Энциклопедия».

повествование о том, что польские земли в период царствования императрицы были объектом эксплуатации — с выкачиванием денежных, природных и людских ресурсов⁴⁶⁷. В рамках таких рассуждений разразившееся вскоре восстание Т. Костюшко оказывается закономерным следствием репрессивной политики, а его подавление армией А.В. Суворова — проявлением тотальной жестокости со стороны империи. Ситуация конца 1820-х — начала 1830-х гг. становится, в рамках этого конструкта, малоотличимой от конца XVIII в.: убежденный консерватор Николай I, перенявший ненависть к полякам едва ли не от своей няньки, которая исповедовала откровенные полонофобские взгляды⁴⁶⁸, начинает политику репрессий (упоминаются нарушение конституции и суд над членами Патриотического общества), что приводит к неизбежному взрыву — Польскому восстанию 1830–1831 гг. За этим следует новый этап подавления и виктимизации. Единственным исключением считается царствование Александра I, мечтавшего о либеральном правлении для России и распространившего конституционные нормы на Царство Польское, сделав его таким образом своего рода экспериментальной площадкой. Как правило, после этого на первый план выходит повествование о внезапной смерти монарха, который не решился (или не успел) присоединить к Царству литовские земли и даровать России конституцию⁴⁶⁹.

Такие трактовки, появившиеся еще в период империи, укрепились в советской литературе, особенно после Второй мировой войны, в период создания советского блока и разворачивания пропагандистского концепта совместной борьбы российского и польского народов против царизма в XIX в. и фашизма в XX в. При этом система была направлена на выведение из

⁴⁶⁷ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. viii.

⁴⁶⁸ Щербакова Е. Нянюшкины сказки. С. 25–26.

⁴⁶⁹ См., например: Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 6. С. 377–380; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 155; Мельникова Л.В. «Конституционный эксперимент» в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 45–46. Пустовая Е.П. Конституционная хартия Царства Польского как либеральный шаг в переустройстве Российской Империи // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 5 (36). С. 78–82.

интерпретационного поля альтернативных общественных реакций в связи с разворачиванием александровской политики в Царстве Польском⁴⁷⁰.

Отметим, что классический взгляд на систему отношений России и Польши отправлял в зону умолчания событие, которое сложно вписывалось в дихотомию образов жертвы и палача, — войну 1812 г. Польские легионы Наполеона и войска Юзефа Понятовского, стоящие на Бородинском поле под Москвой, как правило, оказывались помещены в «слепую зону». Историки, даже специалисты по военной истории, либо, как будет показано дальше, не упоминали эти факты, либо говорили о них с отстраненностью и известной долей безоценочности. Между тем, если перенести русско-польское противостояние 1812–1814 гг. в центр интерпретационной модели, имея при этом в виду то колоссальное влияние, которое оказала Отечественная война 1812 г. на российское общество, можно обнаружить совершенно иной круг исследовательских вопросов применительно к событиям 1810-х–1820-х гг. Главным из них, на наш взгляд, может стать анализ механики замещения, в рамках которой вчерашний враг перекодировался в участника славянского товарищества или содружества.

В первые полтора десятилетия существования Царства Польского самой активной категорией, задействованной в осмыслении новой политической ситуации, следует признать категорию «братство», которая, как было показано выше, прозвучала впервые в манифесте о создании Царства⁴⁷¹. Призыв к братству стал одним из основных аргументов в известной речи Александра I на открытии польского сейма 1818 г. Монарх обращался к этой категории несколько раз: он говорил о том, что Россия «простерла... братские объятья»

⁴⁷⁰ В настоящий момент историографические позиции начинают заметно смещаться в сторону признания и анализа критических оценок русского общества по отношению к александровской политике в Польше. См., например: *Парсамов В.С.* Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов. С. 119–144; *Сафонов М.М.* Декабризм и Речь Посполитая. С. 84–91; *Айрапетов О.Р.* Как восстание войной обернулось // *Родина*. 2013. № 3. С. 27–31.

⁴⁷¹ Эта категория оказалась связана с категорией «дружба», хотя не полностью с ней совпадала. О политическом измерении концепта «дружба» и его востребованности как во внешней, так и во внутренней политике, в том числе для легитимации неравных отношений, см.: *Дружба. Очерки по теории практик. Сборник статей / Под ред. О.В. Хархордина*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009; *Roshchin E.* Friendship among nations: History of a concept. Manchester University Press, 2017.

к Польше, и призывал вознести благодарение Богу, который «связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира»⁴⁷². Вместе с тем в логике выстраивания новой иерархии и указания на подготовленность Польши (и неподготовленность России) к конституционному правлению призывы такого рода могли быть прочитаны как адресованные в первую очередь российским подданным императора. Иными словами, соотносить свои действия с логикой братства народов было для России обязательным, а для Польши — лишь рекомендованным.

Интересно, что в этой речи Александра I фигурой, воплотившей в себе образ русско-польского братства, стал его брат и на тот момент наследник престола великий князь Константин Павлович. Александр I рекомендовал полякам брата как «неразлучного сотрудника от самой юности», которого император оставлял в Варшаве вместо себя. Согласно логике монаршего аргумента, цесаревич должен был стать связующим звеном между «братскими народами»⁴⁷³. Из-за непопулярности великого князя в Польше этот образ впоследствии использовался редко.

Отметим отдельно, что в манифесте о создании Царства Польского 1815 г. Александр I, впрочем, смог сформулировать и еще один аспект этого романтизированного образа поляка — свободу последнего от обязательств лояльности. Документ объявлял, что у поляков есть долг, приверженность которому делала относительными другие договоренности и клятвы: «Нам приятно всегда было воздавать прямую цену благородству ваших чувствований и неослабным усилиям, устремляемым *единственно на восстановление вашего отечества, вами превыше всех благ чтимого*»⁴⁷⁴. Существенно, что император артикулировал эти позиции непосредственно перед присягой, которую должны были принести жители Царства Польского. Таким образом, на уровне официальной риторики обязательства, которые

⁴⁷² См. Приложения.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19 об. Подробнее см. Приложения.

поляки должны были взять на себя, заранее ставились под сомнение, а задевающий дворянскую честь вопрос о клятвопреступлении объявлялся несущественным.

Высказывая идеи такого рода, Александр I копировал существующие польские трактовки и интерпретационные модели. Показательна история с уходом в отставку в августе 1812 г. А. Чарторыйского. В это время князь писал императору, что будет вынужден «вступить в польскую конфедерацию», то есть перейти на сторону врага, ведущего войну с Российской империей. Это решение Чарторыйский мотивировал следующим образом: «...я признаю себя поляком и тем заявляю, что не отделяюсь от союза, в котором единственно слилась вся нация. Мне невозможно будет сделать подобного заявления... *Поляка, конечно, никто не может заставить... жертвовать собой для русского правительства*, которое было главным виновником несчастий и разрушения его родины»⁴⁷⁵.

Впоследствии обращение ко все искупающему польскому патриотическому чувству (по выражению одного из современников, «я русский подданный, но с ног до головы поляк»⁴⁷⁶) репродуцировалось на самых разных уровнях. Так, известен разговор между Ф.В. Булгариным и великим князем Константином Павловичем, во время которого первому пришлось объясняться, почему он нарушил присягу, данную российскому императору. Булгарин, как известно, вступил в наполеоновскую армию и активно участвовал в Русской кампании⁴⁷⁷. Это не помешало ему стать после войны одним из самых успешных издателей и писателей в России. Объясняя свои действия великому князю, Булгарин сообщил, что в 1812 г. у него не было выбора, поскольку он должен был выполнить долг перед своим польским

⁴⁷⁵ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 269.

⁴⁷⁶ РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 175. Л. 4.

⁴⁷⁷ См. о службе Булгарина в наполеоновской армии: Киселева Л.Н., Яцук Е.А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин) // Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик: Сборник статей / Ред.-сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 87, 101–104.

отечеством⁴⁷⁸. В дальнейшем схожим образом мотивировали совершение клятвопреступлений и участники первого Польского восстания.

Осуществить жесткую перекодировку врага в брата путем прямых деклараций было, конечно, невозможно. Здесь требовалось выстроить целую систему. В реализации этой задачи Александр I вполне преуспел. Можно увидеть, что для достижения цели было задействовано по крайней мере два уровня смысловых коннотаций. Самым очевидным и самым политически детерминированным вариантом было, конечно, использование образа семьи: связь славянских народов существовала объективно, а значит, братские узы было невозможно разорвать безотносительно конкретной исторической ситуации. Именно в рамках этих установок возник так часто воспроизводимый в литературе эпохи образ «домашнего» спора славян — история семьи, где отношения сложны и малопонятны для внешнего наблюдателя.

Однако апелляции к этническому единству сами по себе не могли полностью обеспечить власти желаемое: для перекодировки нужны были не столько рациональные (например, указание на появление нового союзника), сколько эмоциональные основания. При этом последние должны были восходить к существовавшим в России ментальным установкам и социальным реалиям. Очевидно, что Александр I достаточно быстро обнаружил возможное решение⁴⁷⁹. Императору, в сущности, не нужно было изобретать нечто новое: он использовал существующую польскую парадигму, заимствовав устойчивые трактовки, в основе которых лежало указание на неизменную — безотносительно результата событий — доблесть и храбрость. Система взаимоотношений, выстроенная вокруг идеи польской доблести, оказалась исключительно действенной для России: категория «храбрость» быстро стала ключевым элементом эмоционального режима, установившегося в связи с польским проектом Александра I.

⁴⁷⁸ Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше // Там же. С. 395.

⁴⁷⁹ Александр именвал «храбрым и лояльным народом» финнов, выступая на сейме Великого княжества Финляндского (Юссилла О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. Хельсинки: Russian Books Oy, 2009. С. 75).

Начиная с 1814 г., то есть еще находясь в Париже, император транслировал окружавшей его военной и дипломатической элите отказ от указания на то, что поляки были побежденной стороной. Взаимодействуя с подданными Варшавского герцогства (при этом неизменно в присутствии офицеров и генералов российской армии, то есть тех, кто нанес польским легионам столь чувствительное для их гордости поражение), император Александр оперировал позициями вне- или даже надситуационными — постоянно констатировал храбрость польских войск. Показательны его слова, обращенные к делегации Сокольниковского в Париже: «Я предаю прошедшее полному забвению... *Вы храбрецы, вы благородно выполнили свой долг*»⁴⁸⁰.

Идеальной возможностью для выстраивания нарратива польской военной безупречности могло быть объединение польских и русских войск на поле боя. Показательно высказывание Александра, датированное 1815 г. Во время своей поездки в Варшаву, увидев на встречающих его поляках знаки французского ордена Почетного легиона, император провозгласил: «Я желал... чтобы в первую войну России с какою-нибудь Державою, Поляки сражались с нами за одно, смешали бы кровь свою с нашею кровию, и тем изгладилась бы вражда, долгое время разделявшая два единоплеменные Царства»⁴⁸¹. Напомним: именно такую возможность настойчиво искал император Николай I, стремившийся присоединить часть польской армии к русским войскам в войне против Турции 1828–1829 гг. Очевидно, что Николай в этом отношении был продуктом александровского царствования. Войны, во время которой армии Российской империи и Царства Польского сражались бы на одной стороне, однако, не случилось, и прямо перераспределить символический капитал победителей ни Александру, ни Николаю не удалось, что не помешало, впрочем, прибегать к этой стратегии путем сравнения. Так, в 1818 г. в Варшаве во время марша пехоты император Александр, обращаясь к великому князю Константину Павловичу, прокомментировал увиденное

⁴⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

⁴⁸¹ Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. С. 239.

словами: «Я весьма желал, если б у меня в Санкт-Петербурге и гвардия так прошла»⁴⁸². Варшава, таким образом, «била» Петербург, а польская пехота оказывалась выше элиты русских войск — гвардии.

Для продвижения новой версии прошлого требовалось выстроить соответствующую коммеморацию⁴⁸³. Именно этим император Александр и занялся. Показательна организация в Варшаве в 1814 г. почетных похорон Юзефа Понятовского, руководившего польским корпусом при походе Наполеона на Россию в 1812 г. и утонувшего во время битвы при Лейпциге⁴⁸⁴. Гроб с телом маршала был перевезен в Варшаву и установлен в соборе Св. Креста под особым катафалком⁴⁸⁵. Во время похоронного шествия на улицах города вместе с польскими были выстроены и русские войска. Прошедшие Отечественную войну и Заграничные походы офицеры и солдаты русской армии должны были принять участие в унижительном для них действе, целью которого было увековечивание памяти о человеке, войска которого убивали на полях сражений их братьев, сыновей и друзей. Легитимизирующей основой всего действия стало указание на храбрость Понятовского; все остальные элементы из картины были удалены.

Интересно, что всего за год до этого позиция Александра I в отношении Понятовского была радикально иной. Когда представитель Варшавского муниципалитета представил императору через генерал-губернатора В.С. Ланского прошение о захоронении останков наполеоновского маршала, монарх ответил резким отказом⁴⁸⁶. При этом он сопровождал свое решение

⁴⁸² ОР РНФ. Ф. 859. К. 19. № 1. Л. 34.

⁴⁸³ О значении коммеморативных практик для выстраивания коллективной памяти см. работы по «истории памяти», в частности классические труды М. Хальбвакса, П. Нора и Я. Ассмана.

⁴⁸⁴ О биографии Юзефа Понятовского см.: *Szymon A. Książę Józef Poniatowski*. Warsaw: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1905; *Skowronek J. Książę Józef Poniatowski*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984; *Kaćperski A. Książę Józef Poniatowski i jego epoka*. Gliwice: Muzeum w Gliwicach, 2013. В польских источниках личного происхождения указанного периода высказывалась мысль, что именно Понятовского Наполеон намеревался сделать польским королем. См., например: *Потоцкая А.* Мемуары графини Потоцкой (1794–1820). С. 231.

⁴⁸⁵ В Национальном музее в Варшаве сохранилось несколько изображений залы и похоронного шествия. В 1817 г. останки Понятовского были перезахоронены на Вавельском холме в Кракове. При этом для упокоения наполеоновского маршала была выбрана усыпальница, в которой находился саркофаг Яна Собеского; в этом же склепе был похоронен и Т. Костюшко (1818 г.). Все это создавало идею пантеона (*Nungovitch P.A. Here All Is Poland: A Pantheonic History of Wawel, 1787–2010*. London: Lexington Books, 2019. P. 36–37).

⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1190.

рассуждениями о том, что похороны Юзефа Понятовского в Польше станут неподходящей демонстрацией почестей тому, кто был источником зла для Польши и принес своей родине лишь бедствия и разрушения⁴⁸⁷. Реакция Александра I неувидительна, особенно если иметь в виду, что речь идет о декабре 1813 г. — времени, когда русские войска еще не вошли в Париж. Открыто осуществлять разворот в сторону Польши в разгар войны император, конечно, не планировал. Однако полгода спустя, в мае 1814 г., Александр позволил перенести тело Понятовского в Польшу⁴⁸⁸. За этим последовало активное продвижение образа наполеоновского маршала — начиная от многочисленных богослужений, устраиваемых в его честь, до инициативы установить Понятовскому памятник в Варшаве⁴⁸⁹.

В современной польской исследовательской литературе высказывается мнение, что культ Юзефа Понятовского, равно как и культ Тадеуша Костюшко, является изобретением императора Александра I, сформировавшего основу польского пантеона героев⁴⁹⁰. С этим можно согласиться. Примечательно, что именно в александровский период останки Т. Костюшко и Ю. Понятовского были перенесены в Краков и перезахоронены в одной крипте Вавельского замка в Кракове. Установка на чествование польской храбрости, укрепившись в сознании русских современников, стала основой — едва ли не самой важной — для формирования нарратива братства.

Однако как настойчивый александровский повтор словосочетания «поляк-храбрец» мог превратить для русского общества поляка-врага в поляка-брата? Вероятно, речь шла о сразу нескольких аспектах. Прежде всего задействованным оказался дискурс войны, в который была погружена общественно-политическая жизнь России того времени, с невероятным

⁴⁸⁷ Nungovitch P.A. Here All Is Poland: A Pantheonic History of Wawel, 1787–2010. P. 37–38.

⁴⁸⁸ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 25.

⁴⁸⁹ Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью. С. 47. В Национальном музее в Варшаве сохранились проекты подобного мемориала.

⁴⁹⁰ Napiórkowski M. Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy. S. 135–152.

статусом генералов-победителей Наполеона, уверенностью в их не только военных, но и административных талантах, их узнаваемостью в свете, причем не только петербургском или московском. Ментальные установки русского дворянского сознания эпохи — с культом личной доблести, представлениями о чести и уважении к тем, кто исповедовал схожие принципы, — оказались вполне восприимчивыми для перекодировок подобного рода: храброму врагу нужно было отдать должное, признавая его доблесть. Казалось бы, в этом не было ничего необычного, ничего, что могло бы изменить всю систему координат. Однако за разговором о храбрости шли рассуждения о том, что храбрецы просто выбрали в войне не ту сторону и, если воззвать к их подлинной сущности и вспомнить о славянском единстве, то новый союз будет нерушим⁴⁹¹. Это и позволяло объявить храбрых поляков и храбрых русских друзьями и братьями.

Судя по сохранившимся источникам, Варшава середины 1810-х гг. стала местом братаний и многочисленных совместных пиров. Приближенный великого князя Константина Павловича адмирал П.А. Колзаков так описывал в своих воспоминаниях положение дел в столице Царства Польского в этот период: «Не запомню эпохи более счастливой в моей жизни, как мое пребывание в Варшаве... Заликовала Варшава, и загремела музыкою и увеселениями. Никогда еще не было выпито столько вина, как в эту эпоху. Чтобы дать понятие, до чего доходило своеволие и дух тогдашнего времени приведу здесь анекдот... о проведенном... кануне 1815 года в Варшаве, на большом пиру у генерала от кавалерии барона Меллера-Закомельского. Все, что было знатнейшего в Варшаве из числа русских и польских служащих, все было на этом торжестве. *За обедом русские братались с поляками в неоднократных тостах*; музыка гремела при оглушительных криках ура; предложен был, наконец, *последний тост за дружеское соединение*

⁴⁹¹ Эти установки согласовывались также с распространенной в русской военной среде риторикой общеевропейского братства и единения всей Европы против Наполеона (Аурова Н.Н. Русское общество и Заграничные походы 1813–1814 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 330–331).

славянских братьев, принесен был громадный старинный серебряный кубок, в который влилось за раз две бутылки шампанского; все гости должны были пить, по очереди, из этого кубка и осушить его до дна... Около полуночи приготовлено было около 60 саней; в эти сани стали рассаживать, по одиночке, большую часть гостей, едва державшихся на ногах, к каждому из них сажали по музыканту... Во главе этой дикой процессии везли в санях огромный транспарант, на котором крупными цифрами изображен был, в венке, 1815 год»⁴⁹². Об этих пирах и праздниках — мероприятие у Меллера-Закомельского было, конечно, не единственным — активно писала польская пресса, осмысляя их в категориях родства двух народов, проявления любви к монарху, а также выражения благодарности и обещания верности⁴⁹³.

Отметим, что идея польской храбрости со временем превратилась в опору александровского концепта об «ограждении» безопасности границ империи благодаря польским землям⁴⁹⁴. В рамках официальных установок на территории Царства Польского, соединяющего Россию с Европой, жили храбрые люди, что на следующем уровне рассуждений позволяло позиционировать поляков как защитников, охранителей границ России. Эта позиция, впервые высказанная императором Александром I в манифесте о создании Царства Польского в 1815 г., со временем была принята русским обществом. Так, в 1830-е гг. декабрист М.С. Лунин, участник сражений при Смоленске, Бородино, Малоярославце и Лейпциге, называл поляков «наша передовая стража по географическому положению... несмотря на домашние ссоры между нами»⁴⁹⁵. Образы такого плана, впрочем, могли существовать исключительно в рамках «мирного» нарратива. Война мгновенно опрокидывала подобные рассуждения. Показательна реакция Николая I на начало Польского восстания 1830–1831 гг. Утратив после детронизации

⁴⁹² Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова. 1815–1831. С. 423, 425–426.

⁴⁹³ *Gazeta Warszawska*. 1815. № 52. S. 968; № 53. S. 988. О совместных пирах чинов российской и польской гвардии см. также: Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки». Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. С. 7.

⁴⁹⁴ ПСЗ. Собрание I. Т. 33. № 25842. С. 118.

⁴⁹⁵ Лунин М.С. Письма из Сибири. С. 23.

иллюзию самой возможности договориться, император вдруг осознал, что западная граница его империи совершенно открыта: «Если бросишь взгляд на карту, *страшно становится*, когда видишь, что граница польской территории империи доходит почти до Одера, тогда как фланги отходят за Неман и Буг, чтобы упереться близ Полангена в Балтийское море и у устьев Дуная в Черное море»⁴⁹⁶.

Во второй половине 1810-х и в 1820-е гг. установка на упоминание храбрости польских подданных российского императора и выражение восхищения перед выучкой польских войск, традиционно именовавшихся «превосходными»⁴⁹⁷, приобрела черты вполне официального идеологического конструкта, с которым представителям высшего эшелона военных, гражданских и придворных чиновников надлежало согласовывать свое поведение. При этом, если в России речь шла о доблести как таковой, в Польше эти же понятия шли в связке с памятью о прошедшей войны. Третье отделение отмечало в Царстве Польском подъем гордости за сражавшихся под знаменами Наполеона польских легионеров. В Петербург сообщали: «...почти каждая (польская. — *Прим. авт.*) фамилия почитала долгом иметь своего представителя в польских легионах, которые формировались и беспрестанно комплектовались из австрийских, русских и прусских дезертиров и пленных. Храбрость их легионов, признанная самим Наполеоном и врагами поляков, заслужила уважение польскому имени»⁴⁹⁸. Такие рассуждения российские власти не смущали, а авторы подобных пассажей аттестовались как «благонадежные поляки».

За полтора десятилетия общество вполне усвоило установки власти: польских генералов и офицеров именовали храбрыми и заслужившими уважение без упоминания сражений, во время которых они снискали славу и

⁴⁹⁶ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 348–349.

⁴⁹⁷ Там же. Т. 2. С. 223–224.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 1 об.

почет⁴⁹⁹. Интересно, что риторику репродуцировали даже те, кто впоследствии был радикально настроен против александровской политики на западных территориях. Так, Н.Н. Новосильцев в 1812 г., рассуждая о разнообразных проектах в Польше и ратуя, между прочим, за «начатие федеративной системы, которая будет натуральнее и прочнее принятой... в Италии и Германии», именовал поляков «храбрым и чувствительным народом»⁵⁰⁰. К концу царствования Александра в империи появились люди, именовавшие себя, как выразился А.С. Меншиков в одном из своих писем, «поляками в душе»⁵⁰¹ или утверждавшие, что их чувства или действия определяются приверженностью польским воззрениям и традициям, как, например, П.А. Вяземский. Последний мог выражать свое эмоциональное состояние, говоря: «Я бешусь, как будто бы польская кровь течет в моих жилах!»⁵⁰²

Новая политическая ситуация нашла свое отражение и в литературе. Здесь примечательны тексты Ф.В. Булгарина, имевшего в Польше репутацию человека, который «своими сочинениями способствует распространению мнения о благородстве и мужестве поляков»⁵⁰³. Действительно, булгаринский роман «Иван Выжигин» стал зеркальным отражением александровских и раннениколаевских установок. Здесь нашлось место рассуждениям о польском патриотизме, благородстве и храбрости, сложности выбора пути, гуманной политике Александра и обретении поляками нового отечества⁵⁰⁴.

Прекрасным примером может стать и роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», который был опубликован в год варшавской коронации Николая I. Роман был исключительно популярен и удостоился монаршего

⁴⁹⁹ Такие трактовки можно обнаружить и в исследовательских работах, включая труды по военной истории, изданные еще в императорский период. Так, в «Военной энциклопедии» под ред. В.Ф. Новицкого опубликованы следующие рассуждения относительно польской армии: «Организация этой армии была поручена Цесаревичу. Главным помощником и руководителем работ по возрождению польской армии являлся заслуженнейший из польских генералов — Домбровский» (Польские войска в русской армии. С. 573).

⁵⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 526. № 7. Л. 8–8 об.

⁵⁰¹ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 428.

⁵⁰² Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. С. 73.

⁵⁰³ Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше. С. 394.

⁵⁰⁴ Разбор романа см. в статье: Киселева Л.Н., Яцук Е.А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин). С. 89–101.

одобрения. Описывая события Смутного времени, Загоскин обращался и к событиям недавней Отечественной войны. При этом автор, вступивший в 1812 г. в петербургское ополчение, получивший ранение в столкновении у Полоцка и награжденный за храбрость орденом Св. Анны, рисовал образ поляка в соответствии с предлагаемыми властью позициями — в духе примирения, славянского единства и неизменного признания доблести врагов. В одной из сцен романа главный герой так поучает своего слугу Алексея, рассуждая о русских и поляках:

«— Везде есть добрые люди, Алексей.

— Да ты, пожалуй, боярин, и поляков называешь добрыми людьми.

— Конечно; я знаю многих, на которых хотел бы походить.

— И так же, как они, гнаться за проезжими, чтоб их ограбить?

— Шайка русских разбойников или толпа польской лагерной челяди ничего не доказывают. Нет, Алексей, *я уважаю храбрых и благородных поляков*. Придет время, вспомнят и они, что в их жилах течет кровь наших предков славян; быть может, внуки наши обнимут поляков, как родных братьев, и два сильнейшие поколения древних владык всего севера сольются в один великий и непобедимый народ!»⁵⁰⁵.

Справедливость рассуждений Милославского в романе подтверждают герои-поляки, которые демонстрируют те же установки. Зеркальной сценой разговора Милославского со слугой стал эпизод, когда Юрия защитил от русского боярина Кручины польский пан Тышкевич: «...помолчав несколько времени, он (боярин Кручина. — *Прим. авт.*) сказал довольно спокойно Тишкевичу:

— Дивлюсь, пан, как горячо ты защищаешь недруга твоего Государя.

— Да, боярин, *я грудью стану за друга и недруга, если он молодец и смело идет на неравный бой*; а не заступлюсь за труса и подлеца, каков пан Копычинский, хотя б он был родным моим братом»⁵⁰⁶.

⁵⁰⁵ Загоскин М.Н. Юрий Милославский или русские в 1612 году: Исторический роман. М., 1902. С. 63–64.

⁵⁰⁶ Там же. С. 118–119.

Забегая вперед, скажем, что в первые годы николаевского правления александровский концепт братства народов не подвергался какой-либо существенной ревизии. Об этом свидетельствуют как риторика высказываний нового императора, воспроизводящая слова предшественника на престоле о польской храбрости и «превосходной исправности» армии Царства Польского⁵⁰⁷, так и стремление монарха создать своего рода польско-русское братство по оружию, направив польские войска на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В этом же контексте следует рассматривать и николаевский интерес к фигурам польских королей, традиционно воспринимавшихся как храбрецы (Владислав III, Ян Собеский). Во время коронации 1829 г. и сейма 1830 г. император Николай неизменно говорил о «храбром польском народе» и констатировал, что «благодаря... братству в славе» «сопредельные народы» теперь неразрывно едины⁵⁰⁸.

Интересно, что Николай I, в отличие от старшего брата, находился под сильнейшим впечатлением от событий 1812 г. Великий князь, которому в год начала Отечественной войны исполнилось 16 лет, стремился в армию, но запрет матери не позволил ему реализовать эту мечту⁵⁰⁹. Она сбылась лишь в 1814 г., когда Александр I разрешил братьям прибыть в действующую армию⁵¹⁰. Став императором, Николай I сформировал свой проект памяти об Отечественной войне. Однако вспоминать об этом столкновении в Царстве Польском он, как и брат, полагал неуместным. Найденный им выход был прост: в роли общего врага России и Польши вместо Франции теперь

⁵⁰⁷ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 302; Столетие Военного министерства: 1802–1902. Т. 2. Кн. 2: Царствование Николая I. С. 205–208. Пресса этого периода также не меняла установок и продолжала именовать польскую армию «превосходной» (Северная пчела. 1829. № 58. С. 2).

⁵⁰⁸ Северная пчела. 1830. № 62. С. 1–2; Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278–280. В этом отношении сложно согласиться с В.С. Парсамовым, который полагает, что «принцип невмешательства он (Николай I. — Прим. авт.) расценивал как проявление слабости, и идея славянского единства была ему глубоко чужда» (Парсамов В.С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов. С. 144). О развитии идеи славянского единства в польских землях в николаевский период см.: Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма. С. 135–140.

⁵⁰⁹ Николай I. Записки. Тетради 1-я и 2-я «О наследии после императора Александра I» [1831–1832 гг.] // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 14; Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). С. 74.

⁵¹⁰ Капустина Т.А. Николай I. С. 29.

выступала Турция, причем применительно не только к событиям недавнего прошлого, но и к периоду значительно более отдаленному.

Отказ от апелляции к образу поляка-врага и активное продвижение образа поляка-храбреца не были финальной точкой развития этой нарративной стратегии. Следующим шагом стало простраивание иерархии, которая разным участникам процесса виделась по-своему. Так, коронуясь в Варшаве, император Николай включил в текст своей тронной клятвы-молитвы отсылки к польской храбрости и славянскому единству: «Боже Всемогуший, Отче Отцев Моих! Царю Царей!.. Ты призвал Меня в Царя и Судию *храброго народа Польского!* Признаю с благоговением действие Небесной Твоей ко Мне милости... Да будет сердце мое в Руце Твоей, и да сподоблюсь царствовать для блага *Моих народов...*»⁵¹¹ Императору-королю вторили манифесты и газеты. Пожалуй, ближе всех к официальной позиции был болгаринский «Сын Отечества»: «Сим утверждено навеки существование Царства Польского, нераздельного с Империею Всероссийскою. Да будет сие священнодействие залогом неизменной дружбы, единодушия и взаимного уважения *двух храбрых народов Славянских*, связанных узами единокровия и единодержавия»⁵¹². Исключительно виртуозная формулировка о народах, «связанных узами единокровия и единодержавия», сочеталась здесь с указанием на храбрость обеих сторон. Недавние победители и побежденные оказывались поставлены на один уровень, что стало возможным при помощи известной манипуляции: первые были символически снижены, а вторые, напротив, серьезно приподняты.

Комбинация, при которой поляки и русские оказывались на равных, впрочем, была не столь распространена. Гораздо чаще можно обнаружить

⁵¹¹ О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

⁵¹² Сын Отечества. 1829. Т. 4. С. 50. О рецепции александровской риторики братства у представителей польской элиты, связывавших свои социальные и политические ожидания с Россией, и формировании образа России в это время см.: *Филатова Н.М.* Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. С. 122–142; *Petersen H.-C.* «Us» and «Them»? Polish Self-Descriptions and Perceptions of the Russian Empire between Homogeneity and Diversity // *Empire Speaks out. Language of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Ed. by I. Gerasimov, I. Kusber, A. Semyonov. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 94–97.

указания на то, что первое место русские «уступали» польской стороне. Пожалуй, один из самых ранних примеров артикуляции новой иерархии можно найти в разговоре Александра I с Константином Павловичем в 1818 г. Великий князь, пересказавший все произошедшее в письме Ф.П. Опочинину, описывал события следующим образом: «...я осмелился его императорскому величеству отвечать на счет... представительного правления. На что государь император даже с некоторым гневом изволил мне отозваться. Потом, во всех случаях, изволил мне всегда твердить: *“разве ты не понимаешь, что не им дают вместо желтых красные воротники, а вам вместо красных желтые”*»⁵¹³. Можно предположить, что император, используя цветовую семантику и оперируя дуальной парой образов, указал брату, что в действительности речь идет не о том, чтобы поляки встраивались в предлагаемую схему, а о появлении новой ролевой модели для русских подданных монарха.

Схожие отголоски можно увидеть в переписке Николая и Константина по поводу прибытия двух десятков польских офицеров на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Аттестуя их наилучшим образом, император писал цесаревичу: «Я все не могу нарадоваться офицерами, которых Вы мне отправили. Они выделяются повсюду, куда бы я их ни отправил, и многие уже заслуживают награды. *Я надеюсь, они довольны своими товарищами*, которые с ними как братья»⁵¹⁴. Николай I выстраивал две линии описания ситуации с польскими офицерами в русской армии: с одной стороны, ими доволен император (настолько, что, вероятно, польские офицеры будут награждены), с другой (и здесь выражается надежда) — они «довольны своими товарищами». Примечательно, что все осмысление ведется в категориях чувств, но при этом товарищи поляков — офицеры русской армии — не фигурируют в тексте как субъект, то есть не имеют в указанной

⁵¹³ Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. С. 386.

⁵¹⁴ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 251.

системе координат прав на какие бы то ни было оценки или эмоции. Кроме того, существенно, что Николай I посчитал необходимым выстроить такую образную структуру, даже зная о куда более многочисленной группе поляков, присоединившихся к воюющей против России турецкой армии⁵¹⁵.

Оборотной стороной процесса агрессивного переформатирования образа поляка стало и очевидное отсутствие у проживавших в Царстве Польском подданных Российской империи возможностей для нормативного проявления русскости. Об этом свидетельствует частота зафиксированных современниками эпатажных жестов и вызывающих поступков, к которым прибегали русские офицеры и чиновники, обыгрывая категорию «русский варвар». Речь идет, например, о прогулках по Виляновскому парку с медведем, требования подать в дорогом ресторане «щей да каши», а затем шампанского для мытья рук⁵¹⁶.

Впоследствии, в первые годы николаевского царствования сформированная его предшественником социальная ситуация все так же накладывала обязательства исключительно на русских подданных монарха. Предписанный им эмоциональный режим был встроен в достаточно четкую систему дозволенного. Об этом свидетельствуют события периода варшавской коронации Николая I.

Находясь в Варшаве, Николай I получил известие о сдаче туркам русского фрегата «Рафаил». Этот эпизод Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. хорошо известен в литературе. 11 мая 1829 г., когда война уже близилась к своему окончанию, а переговоры о заключении мира были в самом разгаре, курсировавший у анатолийских берегов российский фрегат «Рафаил» попал в ловушку — он был окружен турецкой эскадрой, состоявшей из 15 судов. Офицеры были готовы принять бой, но команда обратилась к капитану с просьбой сдать корабль, сохранив морякам жизнь. Капитан С.М. Стройников,

⁵¹⁵ Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

⁵¹⁶ Подробнее об этом см.: Филатова Н.М. *Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг.* // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. С. 507–508.

служивший в российском флоте без малого 30 лет и награжденный за храбрость Св. Георгием, принял решение сдаться туркам⁵¹⁷. Полученная новость привела Николая I в ярость. Его резолюция в отношении как капитана, так и корабля сводилась к требованию стереть обоих с лица земли. Император писал относительно Стройникова: «Разжаловать! В рядовые! Без права женитьбы! Дабы не плодить в русском флоте трусов!» Фрегат же император приказывал как «недостойный носить флаг Российский... предать огню»⁵¹⁸.

Все эти распоряжения — подчеркнем еще раз — император сделал, будучи в Варшаве, где он постоянно находился в окружении польских генералов и офицеров, прошедших службу Наполеону, Русскую кампанию и наконец сдавшихся в Париже Александру I. Все они в рамках предписанного политического нарратива были признаны храбрецами, достойными уважения, о чем во время коронации повторялось многократно. Эпизод сдачи императору Александру в Париже был помещен в зону умолчания, и никто не посмел бы — по крайней мере, публично — напомнить им об этом. Такое сравнение позволяет с особенной остротой обнаружить разницу, которую монарх усматривал между своими подданными. Сдавшийся русский офицер был подвергнут публичному ostracismu, но такая судьба ни при каких обстоятельствах не грозила подданным монарха в Царстве Польском: на них эта система долженствования и норм просто не распространялась.

Нарратив храбрости поляков не потерял своей актуальности даже с началом восстания 1830–1831 гг. Храбрость не исчезла, она просто трансформировалась в «воинственность»⁵¹⁹. Великий князь Константин Павлович, едва не убитый в Варшаве, находясь в российской армии, воевавшей против восставших, писал императору, что «поляки сражаются

⁵¹⁷ Принято думать, что капитан растерялся, при этом традиционно упоминается, что «это был единственный до Цусимы случай, когда сдался корабль под российским флагом» (*Высочков Л.В.* Николай I. С. 181).

⁵¹⁸ Там же. С. 180–181.

⁵¹⁹ «Воинственной нацией» называет поляков А.Х. Бенкендорф. Описывая николаевскую польскую политику конца 1820-х гг., он отмечает в своих мемуарах, написанных уже после восстания 1830–1831 гг., что император оказывал слишком большую честь «этой неблагодарной и воинственной нации» (*Бенкендорф А.Х.* Воспоминания (1802–1837). С. 410).

хорошо и с образцовым мужеством»⁵²⁰. Император, в свою очередь, вполне готов был поддержать этот разговор. Он писал брату: «...ужасно думать, что *прекрасное мужество* польской армии истрачено на такое преступное дело»⁵²¹.

Не менее значимым для формирования нового единства стал нарратив любви, также вполне зримо проявивший себя как в мемуарной и художественной литературе того времени.

В воспоминаниях Ципринуса (О. Пржецлавского) о Н.Н. Новосильцеве содержится интересный эпизод, повествующий о впечатлении, которое портрет бывшей жены польского магната Ф. Спаеги (урожденной графини Потоцкой) произвел на неизвестного капитана русского пехотного полка. Мемуарист так описывает случай, показавшийся ему занятным: «Княгиня Пелагея развелась с Франциском и вышла замуж за Павла (родственника первого мужа. — *Прим. авт.*). Прежний муж не только не держал зла, но “благоприятствовал” своему преемнику... В местечке Деречине, резиденции князя Франциска, в его магнатском палаце, была прекрасная картинная галерея первых художников разных школ. В числе картин был портрет во весь рост княгини Пелагеи кисти известного Лямпи (Lampré). Княгиня в самом цвете своей красоты была представлена выходящею, полунагая, из ванны. Когда князя не бывало дома, то позволено было всем осматривать палац. Раз в отсутствии хозяина проходила через Деречин партия рекрут... Провожавший ее капитан какого-то пехотного полка Мисюрин пошел осматривать палац. Портрет княгини висел в особой комнате, где стояла мраморная ванна, та самая, которая повторялась в картине. Когда Мисюрин вошел туда и увидел изображение княгини, то так был поражен ее красотою, что просто остолбенел и простоял так долго, что провожавший его лакей должен был напомнить ему, что пора запира́ть покои. Капитан пришел рано на другой день и просил

⁵²⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831 гг.). С. 119.

⁵²¹ Там же. С. 120.

позволить ему посидеть перед портретом; ушел, только чтобы пообедать, и, возвратясь, просидел до ночи. На третий день то же самое. Он отпустил партию в дальнейший поход с подчиненным офицером, с тем, чтобы ее нагнать, но все-таки оставался и по целым дням просиживал перед своим идеалом. Так прошло десять или более дней, пока не возвратился князь. Тут посещения палаца прекратились, но Мисюрин все-таки оставался в Деречине. Когда князю рассказали об этом чуде, он послал за ним и объявил, что он может во всякое время приходить смотреть портрет. Оригинал был уже замужем за князем Павлом. Мисюрин широко пользовался позволением князя, которого очень забавляла эта мономания. Между тем влюбленного капитана исключили из службы. Князь Сапега, узнав, что ему нечем жить, назначил ему пожизненную пенсию по 100 червонцев в год и квартиру в одном флигеле палаца с позволением проводить сколько захочет времени в комнате с ванной и портретом. Мисюрин совершенно помешался на этой одной идее, через год или полтора заболел, у него отсохла рука, и вскоре потом он умер»⁵²².

Мемуарист поместил этот эпизод рядом с описанием другой любовной истории — рассказом о страстном увлечении Н.Н. Новосильцева Теклой (Феклой) Зубовой, вдовой известного екатерининского фаворита. Родом из виленской шляхты, княгиня была намного моложе Новосильцева, и, по описанию Ципринуса, «эта его (Новосильцева. — *Прим. авт.*) любовная страсть, запоздалый цветок глубокой осени жизни была для жителей Вильны неисчерпаемым источником смеха... журнал... ухаживаний за княгиней занял бы немало страниц...»⁵²³. Если соположить оба рассказа — про неизвестного Мисюрина и про известного Новосильцева, то окажется, что в описаниях любовных историй между поляками и русскими О. Пржецлавский выстраивал интерпретацию, в основе которой лежала дихотомия — трагедия (пусть и маленькая) или комедия, а точнее, фарс. Важнее, впрочем, то, что речь в обоих случаях шла о потрясении, которое испытывали герои-мужчины,

⁵²² Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1764–1765.

⁵²³ Там же. С. 1749.

столкнувшись с невероятной красотой польских женщин, и полная потеря субъектности, на которую они оказывались в этом случае обречены.

В исследовательской литературе утвердилось представление, что русско-польские союзы не одобрялись общественным мнением ни в Польше, ни в России, при этом речь идет не только о периоде после восстания 1830–1831 гг., но и первых полутора десятилетиях существования Царства Польского⁵²⁴. Анализируя этот аспект, часто вспоминают отказ известного генерала 1812 г. Н.Н. Раевского выдать свою дочь Марию, будущую княгиню Волконскую, за польского поэта и публициста Г. Олизара. За рассказом о том, что Раевский мотивировал свое несогласие этническими и религиозными различиями, как правило, следует цитата из пушкинского послания «Графу Олизару» (1824 г.):

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердца поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Вероятно, такие истории и внимание к ним в свете предопределили развитие последующей образности, в рамках которой взаимоотношения России и Польши могли изображаться в виде брака по принуждению, как в стихотворении Е.П. Ростопчиной «Насильный брак»⁵²⁵.

⁵²⁴ Горизонтов Л.Е. Закон против счастья. Смешанные браки в истории двух народов // Родина. 1994. № 12. С. 64; Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 508; Левкиевская Е.Е. Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв. // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 196.

⁵²⁵ Об этом см.: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999. С. 75.

Впрочем, для немногочисленных русских, проживавших в Царстве Польском, в литературе обычно делается исключение. Так, Н.М. Филатова отмечает следующее: «Что же касается русских, живших в Королевстве Польском в 1815–1830 гг., то ими браки с поляками рассматривались в духе тогдашней политики России. Да и на ком же еще было жениться русским офицерам, служившим в Королевстве Польском, если не на поляках?.. Очевидно, вдохновляла их и большая, по сравнению с отечеством, свобода нравов, позволявшая легко заводить любовные связи»⁵²⁶.

В действительности ситуация со смешанными русско-польскими браками и романтическими увлечениями мало походила на описанную выше и была значительно более яркой и сложной⁵²⁷. В рамках официальной риторики в период от разделов Польши до восстания 1830–1831 гг. подобные браки расценивались как явление положительное, способствующее интеграции двух народов⁵²⁸. Как не вспомнить слова, сказанные Александром I в Париже одной из польских делегаций: «...две соседние народности, которых сближают нравы и язык, раз соединенные, должны полюбить друг друга навсегда»⁵²⁹. Императорские призывы возлюбить врага, наложившиеся на общественные представления о подлинно облагораживающем воздействии глубокого, сильного чувства, способного победить порок, достаточно быстро сформировали нарратив любви, который надолго определил отношения двух наций, пережив своего создателя. Проявление подобных чувств в социальном контексте создало поведенческий шаблон, а очарование Польшей стало если не нормой, то модой.

⁵²⁶ Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 508.

⁵²⁷ В отличие от первых полутора десятилетий существования Царства Польского брачная политика империи в отношении западных территорий после восстания 1830–1831 гг. хорошо изучена в литературе. См.: Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 151–152, 160–173; Горизонтов Л. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). С. 75–99.

⁵²⁸ Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. С. 161.

⁵²⁹ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

Первыми в ряду «побежденных» предсказуемо оказывались представители правящей династии. Так, многолетней любовницей императора Александра I была Мария Нарышкина, дочь князя Антония Четвертинского — польского аристократа, убитого во время восстания Т. Костюшко. С Нарышкиной, как принято считать, Александр сформировал почти семейный союз. Исключительно заметны были польские дамы и в окружении наследника российского престола, великого князя Константина Павловича. Задолго до женитьбы на польской дворянке Иоанне Грудзинской (графине Лович) великий князь состоял в связи с Еленой Любомирской и сестрой фаворитки императора Жанеттой Четвертинской⁵³⁰. Фаворитки великого князя сменяли друг друга быстро, но накал страстей не спадал. В 1800 г. у Константина Павловича были планы (встретившие, впрочем, противодействие со стороны императора и императрицы-матери) сочетаться браком с Любомирской, а в 1803 г. он уже мечтал жениться на Четвертинской⁵³¹. Младший из братьев, великий князь Михаил Павлович, также был очарован польскими дамами. Великая княжна Ольга Николаевна в своих воспоминаниях, оформленных уже во второй половине XIX столетия, рассказывая о дяде, великом князе Михаиле Павловиче, упоминала, что он, вспоминая Варшаву до восстания, всегда хвалил «свободную жизнь и прелесть и любезность польских дам». По мнению Михаила Павловича, польские дамы были настолько хороши, что не шли ни в какое сравнение с «петербургскими куклами»⁵³².

⁵³⁰ *Кашианова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 181–182; *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 12.

⁵³¹ *Кашианова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 181–183. В ряде воспоминаний прослеживается указание на то, что Константин Павлович, рассказывая современникам о получении разрешения на женитьбу с Грудзинской, подчеркивал, что «оное получил, но не иначе как дав отречение от престола» (*Данилов И.Д.* Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. Рассказ сенатора И.Д. Данилова // *Русская старина*. 1870. Т. 1. С. 246).

⁵³² *Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 188. Идея, что польки неизменно главенствуют над русскими дамами благодаря утонченности и свободе в обращении, продвигалась и в художественных текстах эпохи, в частности в «Иване Выжигине» Ф.В. Булгарина (*Киселева Л.Н., Яцук Е.А.* Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин). С. 98–99).

Здесь стоит упомянуть и известный роман императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, с князем А. Чарторыйским. Роман, поощряемый самим императором и начавшийся еще до восшествия на престол, был известен при дворе. Информация дошла и до императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, при этом последняя позволила себе публично усомниться в происхождении внучки⁵³³. Спустя годы роман разгорелся с новой силой во время Венского конгресса⁵³⁴. Чарторыйский, убеждавший императрицу развестись с Александром I, сообщил об их отношениях и своих намерениях монарху⁵³⁵. О том, насколько тривиальным было для поляка того времени упоминание о разводе (конечно, немислимого для Елизаветы Алексеевны), разговор пойдет дальше. Здесь же хотелось бы отметить, что, вероятно, именно этими обстоятельствами — возобновившимся романом и опасными разговорами о разводе — можно объяснить нежелание Александра назначить А. Чарторыйского своим наместником в Царстве Польском и упоминавшийся отказ монарха брать с собой императрицу во время путешествий в Варшаву. Отметим также, что многочисленные «польские» любовные истории первой четверти XIX в., в которые были вовлечены Романовы⁵³⁶, очевидно, можно рассматривать с точки зрения формирования проекта (или проектов) влияния на правящую династию империи.

Мало кто из петербургского света середины 1810-х –1820-х гг. не был влюблен в какую-нибудь прекрасную польскую даму. В обществе широко обсуждали увлечение графа М.А. Милорадовича О.С. Потоцкой⁵³⁷ и роман последней с М.С. Воронцовым в Одессе, виленское сватовство Н.Н. Новосильцева к княгине Т.И. Зубовой и женитьбу министра народного

⁵³³ Хандельсман М. Адам и Психея. Любовь магната к императрице // Родина. 1994. № 12. С. 90.

⁵³⁴ Рэй М.-П. Александр I. С. 310.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Впоследствии наследник престола, великий князь Александр Николаевич также будет увлечен фрейлиной своей сестры Ольгой Калиновской, происходившей из рода Потоцких (Высочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018. С. 18–19).

⁵³⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 627.

просвещения А.С. Шишкова на Ю.О. Нарбут. Известно, что К.Ф. Рылеев был влюблен в Изабеллу, падчерицу графа И.О. Витта⁵³⁸, П.А. Вяземский — в Ю.А. Татищеву (урожд. Конопку, в первом браке — Безобразову), а А.С. Пушкин страстно увлечен К. Собаньской. Список можно продолжить и дальше: мемуарная литература этого периода богата на истории любви русских офицеров к польским паннам⁵³⁹.

Смешанные русско-польские браки в период александровского царствования — причем отнюдь не только в Царстве Польском, но и в лучших домах Петербурга — были не редкостью, и речь здесь не только о широко известных союзах, подобных браку М.С. Воронцова и Е.К. Браницкой, А.П. Шувалова и упоминавшейся выше графини Зубовой (урожд. Валентинович) или А.С. Голицына и К.С. Ходкевич (урожд. Валевской). Среди генералов 1812 г. не менее 20 человек были женаты на польских и литовских дворянках. Кроме имевших польские и литовские корни Т.И. Збиевского, С.С. Потоцкого, А.П. Ожаровского, И.О. Сухозанета и И.О. Витта, на польских и, реже, литовских дворянках были женаты П.Х. Витгенштейн, уже упоминавшийся М.С. Воронцов, А.И. Чернышев, З.Д. Олсуфьев (1-й), Е.И. Властов, А.И. Гудович, Ф.И. Сандерс, Ф.Ф. фон Винценгероде, Ф.П. Уваров, Л.А. Нарышкин, И.Л. Поль, А.В. Розен, П.М. Колюбакин, А.Н. Бахметев, М.Ф. Наумов, И.В. Мантейфель, В.С. Трубецкой. С польскими дворянками в браке состояли также В.С. Ланской, генерал-губернатор Герцогства Варшавского, Л.П. Витгенштейн, сын «спасителя Петербурга» в 1812 г. — генерала П.Х. Витгенштейна, и известный впоследствии дипломат и реформатор П.Д. Киселев. Сватовство представителей польской шляхты к русским аристократам также отнюдь не оборачивалось повторением истории Г. Олизара, о чем свидетельствует, например, брак княжны С.А. Урусовой с князем Л.Л. Радзивиллом.

⁵³⁸ Эдельман О.В. Влюбленный Пестель // Эдельман О.В. Павел Пестель: Очерки (Исследования по истории русской мысли. Т. 31). М.: Модест Колеров, 2022. С. 153–167.

⁵³⁹ См., например: Неелов Н.Д. Воспоминания о Польской войне 1831 года. Из записок покойного Неелова. (Из журнала «Военный сборник»). С. 204–205.

Польские панны — фаворитки и любовницы, возлюбленные и невесты — были действительно очень заметны в Северной столице и других активно развивающихся городах империи, например в Одессе⁵⁴⁰. Такая экспансия была вполне зримой и при этом часто скандальной. Отметим, что многие из польских дворянок, появившихся в России в это время, были дамами разведенными. Так, упоминавшаяся Ю.А. Конопка, ставшая женой дипломата Д.П. Татищева, уже была разведена с Н.А. Безобразовым. Т. Моравская-Старженская-Радзивилл, которую жена английского посланника в России леди Дисборо именovala «княгиней “многочисленных мужей”»⁵⁴¹, вышла замуж за генерал-адъютанта и любимца императора Александра I — будущего николаевского военного министра А.И. Чернышева, имея за своими плечами и развод с первым мужем, и вдовство со вторым. К. Собаньская, скандально известная гражданская жена генерала И.О. Витта, находилась в процессе развода с И. Собаньским. Р.О. Якобсон в своей работе о Собаньской, Пушкине и Мицкевиче называет Каролину Ржевуской-Собаньской-Чиркович-Лакруа⁵⁴², соединяя все ее официальные браки и демонстрируя таким образом, что связь с Виттом не была ни первой, ни последней в биографии Каролины.

Подобная ситуация возникла в связи с особым брачным законодательством, действовавшим на территории Царства Польского вплоть до восстания 1830–1831 гг. Его реализация, а также борьба против него российских властей, без сомнения, представляет собой вопрос, который заслуживает отдельного исследования. Анализ ситуации мог бы прояснить целый ряд аспектов, которые до сих пор проходят по категории «необъяснимо» и/или «странно». Так, дискуссионным в историографии оказывается появление в 1830 г. в российском Своде законов положения о том,

⁵⁴⁰ О национальном составе генеральских жен, среди которых польские панны занимали одно из значимых мест см. также Безотосный В. М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. С. 393.

⁵⁴¹ Подлинные письма из России. 1825–1828. СПб., 2011. С. 96.

⁵⁴² Якобсон Р. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 248.

что женское послушание должно быть абсолютным⁵⁴³. С учетом происходящего в Царстве Польском и борьбы Николая против разводов на сейме 1830 г.⁵⁴⁴ возникновение такой резкой риторики становится значительно более понятным.

Суть происходящего связана с действием на территории Царства Польского Гражданского кодекса Наполеона, распространенного на Герцогство Варшавское в 1810 г.⁵⁴⁵ Кодекс отдавал решение вопросов брачно-семейных отношений в ведение гражданских властей и закреплял право на развод. По воспоминаниям все того же О. Пржецлавского (Ципринуса), «в десятых, двадцатых годах разводы между польскими фамилиями особенно высших классов были очень часты и тогдашнее духовенство, проникнутое господствовавшим духом французского энциклопедизма, не только не старалось препятствовать, но еще всячески содействовало этому злоупотреблению, *обратившемуся почти в моду*»⁵⁴⁶. Другой современник описывал ситуацию в схожих тонах: «Известно, какие странные представления о разводах господствовали у нас (в Польше. — *Прим. авт.*) издавна. Злоупотребления расторжениями брака были настолько частыми, что почти исчезла традиция нерасторжения этого Таинства. В законодательстве и судебной практике, на которые повлияли французские и австрийские нормы, а также церковное право, царил неслыханный бардак»⁵⁴⁷.

Примечательно, что, в то время как во Франции эти статьи кодекса были отменены в 1816 г.⁵⁴⁸ — после Реставрации, в Царстве Польском установления о разводах продолжали действовать. Более того, попытки католического духовенства, которое, конечно, далеко не всегда было проникнуто «духом

⁵⁴³ О дискуссии см.: *Маррезе М.Л.* Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 107–108.

⁵⁴⁴ История XIX века / под ред. Э. Лависс и А.Н. Рамбо. Т. 3. С. 296.

⁵⁴⁵ *Фалькович С.М.* Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. // Свеча-2006. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Владимир; М., 2006. Т. 14. С. 326–336.

⁵⁴⁶ *Ципринус.* Николай Николаевич Новосильцев. С. 1763.

⁵⁴⁷ *Popiel P.* Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. S. 52.

⁵⁴⁸ Положение о разводах появилось во французском праве только в 1884 г. (*Amos M.* The Code Napoléon and the Modern World // *Journal of Comparative Legislation and International Law.* 1928. Vol. 10. № 4. P. 226).

французского энциклопедизма», пересмотреть эти положения терпели поражение раз за разом. В период царствования Александра I обсуждение вопроса о разводах в польском сейме состоялось дважды — в 1818 и 1825 гг. В последние месяцы жизни императора был принят компромиссный закон, затруднявший разводы, но отнюдь не отменявший их⁵⁴⁹. В 1830 г. уже Николай I, которого тревожили разводы в польских землях, представил сейму новый проект закона о браках. Последний был также в итоге отклонен⁵⁵⁰.

Легкость и открытость, с которой новые подданные императора заводили романы или даже решались на разводы, скандализировали русское общество. В свете активно обсуждали содержание, которое любовники готовы были тратить на оплату расходов и долгов своих польских фавориток; в поле зрения также попадали и дети, предположительно рожденные от этих союзов. Так, в Петербурге ходили слухи, что император Александр застал свою многолетнюю любовницу Марию Нарышкину (урожд. Четвертинскую) с графом Ожаровским, причем последний был вынужден спасаться бегством⁵⁵¹. В 1831 г. внучка фельдмаршала М.И. Кутузова Д.Ф. Фикельмон писала о романах Т.И. Шуваловой (прежде Зубовой, урожд. Валентинович), которая годами состояла в отношениях одновременно с троими мужчинами (назывались М.Ю. Виельгорский, Л.В. Кочубей и П.И. Медем⁵⁵²). Показательно и описание О.С. Нарышкиной (урожд. Потоцкой) — свояченицы и возлюбленной П.Д. Киселева и любовницы М.С. Воронцова в воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля. Мемуарист писал, что в Нарышкиной-Потоцкой «не было ничего девственного», напротив, она «казалась вооруженною большою опытностью» и берегла «стрелы кокетства... для поражения сильных»⁵⁵³.

⁵⁴⁹ *Przelaskowski R.* Sejm Warszawski roku 1825. Warszawa, 1929. S. 114–116.

⁵⁵⁰ *Фалькович С.М.* Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. С. 326–336. О дискуссии относительно разводов, состоявшейся на сейме, см. также: *Popiel P.* Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. S. 52–55.

⁵⁵¹ Выписки из журнала М. Данилевского (Царствование Александра I). С. 108–109.

⁵⁵² *Фикельмон Д.Ф.* Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург. С. 147.

⁵⁵³ *Вигель Ф.Ф.* Записки. С. 628.

Достаточно быстро в обществе этого периода сформировалось представление, которое, пожалуй, лучше всего выразил Пушкин, характеризовавший одну из своих польских знакомых — упоминавшуюся графиню Зубову — следующим образом: «кокетка польская, то есть очень неблагопристойная»⁵⁵⁴. В этом отрывке поэт сделал синонимичными выражения «кокетка польская» (полька) и «неблагопристойная». Нравы польских дворянок в русских текстах характеризовались понятием «легкомысленность». Так, сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель, стремясь остановить сына — будущего декабриста — от сватовства к дочери генерала И.О. Витта Изабелле, излагал свою мысль в следующих выражениях: «Полячки известны своим *легкомыслием*. Сколько среди них разводившихся по несколько раз, даже их закон облегчает эти расставания. Полячка, ежедневно видя дурные примеры, легко к ним привыкает. Воспитанная в такой семье, как у Потоцких, было бы чудом, если бы молодая особа имела настоящие принципы, делающие совместную жизнь счастливой. Я не верю в чудеса в таких случаях и опасаясь, как бы ваши зеленые очки не заставили вас увидеть зеленым то, что является черным, или наоборот»⁵⁵⁵. Впрочем, чаще всего разговор о характере польских женщин обретал форму ироничного комментария или скрытого указания на распущенность. Так, один из современников, зафиксировавший на страницах своих записок рассуждения одного из знакомых о Польше как «стране патриархальной невинности», сопровождал это воспоминание словами: «О невинности польских нравов я кое-что слышал от наших офицеров, да и сам был на Волыни и в Подолии»⁵⁵⁶. И.И. Дибич, предупреждая Николая I о том, что поляки могут устроить ему «западню», рассуждал о «громадной власти», присущей в этой стране женщинам, которые наделены «чем-то вроде рыцарского духа... весьма мало похожего, однако, на дух рыцаря без страха и упрека»⁵⁵⁷. Сам император,

⁵⁵⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. С. 326.

⁵⁵⁵ Эдельман О.В. Влюбленный Пестель. С. 158.

⁵⁵⁶ Печерин В.С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea). С. 225.

⁵⁵⁷ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 223–224.

упоминавший в своей переписке К. Собаньскую, не менее иронично замечал: «...под видом преданности она преследовала лишь свои особые польские выгоды и была не более верна Империи как подданная, чем Витту как любовница»⁵⁵⁸.

Скандализировавшая русское общество история присутствия в свете разведенных польских дам, свободных в выборе стратегий выстраивания частной жизни, нашла свое отражение не только в документах личного происхождения, создателями которых были приближенные императора, высокие чины или петербургские аристократы. Показательно стихотворение «Солдатская песня», поднесенное И.Ф. Паскевичу на взятие Варшавы в 1831 г. и подписанное фамилией Сиянов. В нем Польша выступает в образе женщины с дурным характером, стремящейся получить развод:

Взбеленясь от злаго нрава,
Царства Русского Жена,
Расходилась вдруг Варшава —
Бунтовщица издавна.

Всех рабов своих набатом
Под знамена собрала,
Наделила их булатом
И на Русь войной пошла.

Захотелось ей развода,
Быть чтоб полной госпожой,
Да разводы брать не мода
На Руси у нас святой!

⁵⁵⁸ *Якобсон Р.* Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем. С. 247.

И пошли, с крестом, с молитвой,
 Мы мятежницу карать;
 Закален мечь Русской битвой:
 Поляку ль его сломать?
 ...
 И затейница Варшава,
 Второпях забыв развод,
 Как ошипанная Пава,
 Со стыдом поджала хвост...⁵⁵⁹

Очевидно, что образ, предложенный в этом стихотворении, представляет собой альтернативу трактовки из известного стихотворения Е. Ростопчиной «Насильный брак», где Польша предстает прекрасной женщиной, силой удерживаемой в опостылевшем браке. Примечательно, что трактовка Сиянова, выстроенная в той же нарративной схеме (отношения России и Польши представлены как брак), но с совершенно иными коннотациями, существенно более ранняя. Возможно, основой формирования восприятия взаимоотношений России и Польши как неудачного брака стали позиции, реализованные как раз в подобных текстах второго и третьего ряда, а Ростопчина лишь поменяла полюса оценки⁵⁶⁰.

Перейдем, однако, от рассуждений критиков к представлениям увлеченных и очарованных⁵⁶¹. Восхищение, которое вызывали польские дамы

⁵⁵⁹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 272. Л. 43–43 об.

⁵⁶⁰ М.Д. Долбилов убедительно показал, что после восстания 1863 г. для российских чиновников и публицистов определение польского национального характера оказалось увязано с гендерно маркированными категориями, а образ польки приобрел ключевое значение для формирования негативного спектра оценок (*Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 236–237; *Он же.* Конструирование образов мятежа: политика М.Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova*. 2000 / Ред. А.И. Филюшкин. М., 2000. С. 338–409; 2000. С. 338–409). Материалы конца 1810-х — 1820-х гг. показывают, что установки такого рода начали формироваться намного раньше и вне прямой привязки к происходившим на этой территории восстаниям.

⁵⁶¹ О стереотипах поляка/польки существует значительная литература, ориентированная прежде всего на анализ художественных и публицистических текстов: См.: Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; Поляки и русские в глазах друг друга; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. См. также работы М.В. Лескинен о гендерных стереотипах применительно к более позднему периоду, в частности: *Лескинен М.В.* «Прекрасная полька» в русском воплощении: эволюция

в России, принято связывать с красотой этих женщин. Так, графиня Р.С. Эдлинг, составившая портрет одной из польских фавориток императора Александра, описывала ее как идеал красоты: «Среди обольстительных нарядов являлась Нарышкина, украшенная лишь собственными прелестями и ничем иным не отделявшаяся от толпы... Она держала себя особняком, ни с кем почти не говорила и опутив прекрасные глаза свои, как будто для того, чтобы под длинными ресницами скрывать от любопытства зрителей то, что было у нее на сердце. С умыслом или просто это делалось, от того она была еще прелестнее и заманчивее и такой прием действовал сильнее всякого кокетства»⁵⁶². Такие описания — подлинная красота, не нуждающаяся в «огранке», способная затмить окружающую ее искусственность и заставить восхищаться, — распространены в текстах начала XIX столетия. Однако если воспринимать эти эмоциональные проявления, повторяющиеся в рамках одного общественного круга в один и тот же период времени, как явление социальное, то возникает вопрос — что стояло в данном случае за категорией «красота»? Судя по имеющимся материалам, сложившееся представление было связано с указанием на женскую субъектность и отсылками к явлениям, которые были маркированы как сугубо европейские.

Примером может служить замечательный источник — «Письма из Сибири» М.С. Лунина. Служивший в Гродненском гусарском полку будущий декабрист был долгое время влюблен в Н.А. Потоцкую (в замужестве Сангушко), с которой познакомился еще в начале 1820-х гг. в Варшаве. К образу Потоцкой Лунин обращался, уже находясь в ссылке. Среди бумаг декабриста сохранились его письма матери возлюбленной — известной владелице замка Вилянов графине А. Потоцкой-Вонсович — и несколько портретов самой Натальи⁵⁶³.

этногендерных стереотипов в образах и нарративах второй половины XIX в. // Россия — Польша: два аспекта европейской культуры. Царское село, 2012. С. 334–346.

⁵⁶² Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 213.

⁵⁶³ Лунин М.С. Письма из Сибири. С. 379.

В 1837 г., не зная ни о ее замужестве, ни о смерти возлюбленной⁵⁶⁴, Лунин так вспоминал одну из своих встреч с ней: «Помню свидание в галерее замка N, осенью, в холодный дождливый вечер. На ней было черное платье, золотая цепь на шее и на руке браслет, осыпанный алмазами, с портретом предка, освободившего Вену. Девственный взор ее, блуждая туда и сюда, будто следил фантастические изгибы серебряных нитей на моем гусарском ментике. Молча ходили мы по галерее, но понимали друг друга. Она была задумчива. Глубокая скорбь виднелась в блеске юности и красоты, как единственный признак тления. Подойдя к стрельчатому окну, смотрели мы на желтоватую Вислу, которая пестрилась пеною волн. Серые облака тянулись по горизонту, дождь лился, деревья качались... Удар колокола означил час вечерни...»⁵⁶⁵ В этом описании весь образный ряд построен на противопоставлении: черное платье Потоцкой и гусарская униформа самого Лунина, природное волнение и покой внутри замка, молчаливость и одновременно понимание движений душ героев. Повествование Лунина о невозможности счастливого союза дополняется здесь несколькими значимыми штрихами — портретом победителя турок под Веной Яна Собеского и звуком колокола католического собора: Потоцкая предстает в его тексте подлинной католичкой, за спиной которой оказываются века блестящей польской истории.

Оба аспекта Лунин развивает и в других текстах. В своей «Записной книжке» он отмечает: «Католическая вера как бы зримо воплощается в женщинах. Она завершает их *врожденное* изящество, возмещает их недостатки и украшает равно дурнушек и красавиц, подобно росе, украшающей все цветы. Католичку можно сразу узнать среди тысячи женщин по ее осанке, речи, взгляду. Во всем существе ее есть нечто сладостное, спокойное и безмятежное, *указующее на присутствие истины*. Последуйте за нею в готический храм, куда она идет молиться: склонив колена пред алтарем,

⁵⁶⁴ Там же. С. 379.

⁵⁶⁵ Там же. С. 9.

погруженная в полумрак, оваянная гармоническими звуками, она подобна тем посланникам небес, кои являлись на землю, дабы открыть человеку его высокое предназначение. Только среди католичек мог Рафаэль найти прообраз мадонны»⁵⁶⁶. Интересно, что, говоря о католичках, декабрист, с одной стороны, подчеркивает их *врожденную* инаковость, возвышенность, праведность, а с другой — указывает на свойственное им спокойствие и даже внешнюю холодность, столь противоположные свободному проявлению себя и своей сексуальности, которое фиксировали современники. У Лунина польки оказываются людьми западной цивилизации по своему рождению. Католическая вера видится декабристу противоположностью православию: «восточная церковь» для него лишь «орудие политической власти»⁵⁶⁷. В параллель с этим в своей «Записной книжке» декабрист протраивает и особый нарратив истории. Лунин несколько раз называет Наталью Потоцкую «потомка воинов»⁵⁶⁸ и «правнука воина»⁵⁶⁹ и разворачивает ее образ на фоне столь знакомой русскому дворянину европейской истории: «Воображение воспроизводило всевозможные видения: старинный замок с зубчатыми башенками, молодую владелицу замка с лазоревым взглядом, ее белое покрывало, развевающееся в воздухе, как условный знак, звуки серенады и лязг оружия, нарушивший гармонию. Безумная, преступная суетность моей молодости»⁵⁷⁰. Подлинная европейская религия и по-настоящему увлекательная европейская история, данные полякам (и полькам) по рождению, оказываются основой их безупречности и красоты. Место самого Лунина в выстроенной композиции оказывается позицией ориентализируемого человека, пусть и сопричастного европейской культуре,

⁵⁶⁶ Там же. С. 176. Интересно, что графиня Р.С. Эдлинг, описывая любовницу Александра I М. Нарышкину, также соотносила облик последней с образами Возрождения. По ее словам, фаворитка была известна «своею идельною красотою, какую можно встретить разве на картинах Рафаэля» (*Эдлинг Р.С.* Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 212).

⁵⁶⁷ *Лунин М.С.* Письма из Сибири. С. 181.

⁵⁶⁸ Там же. С. 10.

⁵⁶⁹ Там же. С. 281.

⁵⁷⁰ Там же. С. 182.

но все же лишенного врожденной связи с ней, а значит, неполноценного по своей сути.

Представления декабриста отражают в известной мере установки коллективного сознания русской элиты того времени. Например, Пушкин, увлеченный Собаньской, равным образом апеллировал к католичеству: «А вы между тем по-прежнему прекрасны, так же, как в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика»⁵⁷¹.

Кроме того, польки воспринимались в России также как женщины, часто движимые идеей и честолюбивые по своей сути. Тот же Пушкин делает Марину Мнишек в «Борисе Годунове» воплощением честолюбия. В тексте драмы именно она говорит Лжедмитрию, что хочет стать «не рабой желаний легких мужа», а «помощницей московского царя». Сам поэт пишет, что его Марина — «странная красавица; у нее... только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить»⁵⁷². Каролина Собаньская, которой поэт читал «Бориса Годунова», оставила замечание, которое Пушкин зафиксировал: Марина Мнишек — «ужас какая полька»⁵⁷³. В это же время в стихотворении, посвященном С. Радзивилл (в замужестве Витгенштейн), поэт использовал схожий набор качеств:

Она строга, властолюбива
Но я дивлюсь ей уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
...
Не раз она мне величаво

⁵⁷¹ *Якобсон Р.* Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем. С. 242.

⁵⁷² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 14. С. 395.

⁵⁷³ *Якобсон Р.* Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем. С. 246.

Клялась что если буду вновь
 Глядеть налево и направо
 То даст она мне яду; право —
 Вот какова ея любовь!

Давно я только сплю и вижу
 Чтоб за нее подраться мне
 Вели она — весь мир обижу
 Пройду от Стрельны до Парижу
 Один рубясь как на войне.

Она готова хоть в пустыню
 Бежать со мной презрев молву.
 Хотите знать мою Богиню,
 Мою Варшавскую Графиню?..
 Нет! ни за что не назову!⁵⁷⁴

В сущности, весь набор качеств польских дам — глубокая вера, историческая память, поглощенность идеей, честолюбие — сводятся к максиме И.И. Дибича о «рыцарском духе»⁵⁷⁵. Все эти качества были в общественном сознании маркированы как мужские и, следовательно, делали полек субъектными. Показательны в этом отношении воспоминания

⁵⁷⁴ Пушкин А.С. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 1. С. 29. Такое поэтизированное восприятие честолюбия польских дам было устойчивым, однако не единственным. Так, П.А. Вяземский приводит в своих «Старых записных книжках» слова Генриха Ржевуского, польского писателя, отзывавшегося об этой черте польских женщин следующим образом: «Полячка... любит всегда иметь при себе кого-нибудь, а сама быть ни при чем. Русские, хотя иногда и без выгод, ищут быть бескорыстными клиентами; полячка любит иметь при себе чиновников по особенным поручениям, добровольных невольников. Полячка, где бы ни было, употребит все усилия, все уловки польской своей натуры, чтобы завербовать под власть свою одну из местных предрежащих властей: в столице — министра, в губернском городе — губернатора или начальника внутренней стражи, в уездном — городничего, в деревне — квартирующего с отрядом своим армейского прапорщика. В этом выражается и общая женская потребность нравиться, и особенно польская потребность иметь при себе и всенародно угодника, приживала, более или менее официального, более или менее титулованного» (Вяземский П.А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2003. С. 257–258).

⁵⁷⁵ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 223–224.

современников относительно морганатической жены Константина Павловича княгини Лович. Колзаков, оставивший в своих материалах мнение о ней, видел в княгине сочетание очарования, ума и воли: «Каким умом и какими чарами должна была обладать она, чтобы покорить своей власти человека столь непреклонной воли (Константина Павловича. — *Прим. авт.*), — перед кем все склонялось, все дрожало, которому ничто не казалось невозможным и прихотям которого не было преград; какую силу воли должна была она иметь, чтобы... склонить его из любви к ней на отречение от престола Российской империи»⁵⁷⁶. Известно, между прочим, что княгиня присутствовала при переговорах между великим князем и депутацией восставших, которые длились шесть часов⁵⁷⁷, и заслужила сравнение с императрицей Екатериной I. Одному из участников событий цесаревич заявил: «Да сохранит ее Бог!.. Мой предок, Петр Великий, при Пруте находился в менее плачевном положении, нежели я в настоящую минуту: он был спасен своей женой; надеюсь, что и моя спасет меня!»⁵⁷⁸

Образ польской дамы часто выстраивался при помощи мотива опасности и тайны. В этом смысле приведенные выше слова великого князя Константина Павловича о Пруте, а равным образом и пушкинское стихотворение («даст она мне яду») очень показательны. Интересно, что историография, посвященная Польше первой трети XIX в., также склонна фиксироваться на околומистических событиях или прибегать к сослагательному наклонению. Так, в литературе встречаются рассуждения, что восстание 1830–1831 гг. могло и не произойти, если бы Николай I (вопреки сопротивлению великого князя Константина) смог бы отправить польскую армию на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Братский союз русских и поляков был бы укреплен на полях сражений, а противоречия отступили бы на

⁵⁷⁶ [Колзаков К.П.] Княгиня Лович. С. 398.

⁵⁷⁷ Колзаков К.П. Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.) // Русская старина. 1873. № 5. С. 606.

⁵⁷⁸ Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 132.

второй план или исчезли⁵⁷⁹. Регулярно вспоминают и проклятия, посланные вслед Николаю I матерью Адама Чарторыйского, графиней Изабеллой, пригласившей монарха посетить ее имение Пулавы, но получившей отказ⁵⁸⁰. Историки, которые, конечно, не чужды эмоциональным нарративам эпохи и образности литературы соответствующего периода, видят в словах старой польской графини «Я не прощу вам этого вовек» не то дурной знак, в духе «Пиковой дамы», не то горькую обиду — одну из тех, что приблизили развязку. Храбрые польские войска, искусственно сдерживаемые Константином и вынужденные лишь играть в войну, а не воевать, странные, мистические встречи, нереализованные возможности, посланные вслед удаляющемуся кортежу проклятия — все это, переходя из одного текста в другой, создало вокруг происходящего в Польше в первой трети XIX в. особую ауру романтики и трагедии.

В целом можно говорить о том, что эмоциональный режим эпохи апеллировал к категории «любовь» наравне с категорией «дружба», а отношение части русского общества этого периода к Польше определялось в значительной степени переносом на Польшу русской влюбленности в Европу. Покорившие оказывались покоренными, что обеспечивало легитимность александровской, а затем и николаевской политике на западных территориях империи.

2.3. Александровская версия памяти о 1812 г. и политическая прагматика

Действия Александра I, направленные на повышение в статусе новых подданных, утверждение в их политической субъектности и прямое обеспечение их благосостояния, не вызывали позитивной оценки в России. Можно сказать, что к настоящему моменту существует уже целый пласт историографии, посвященный росту антипольских настроений в империи

⁵⁷⁹ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 235.

⁵⁸⁰ Там же. С. 234–235; См. об этом также: Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 448.

после дарования Царству Польскому конституции в 1815 г.⁵⁸¹ Среди противников польской политики Александра традиционно называют многих дипломатов и военных: Поццо ди Борго, И. Каподистрию, К.В. Нессельроде, В.С. Ланского, А.П. Ермолова и др.⁵⁸² Несколько позже реакции схожего порядка продемонстрировали Н.М. Карамзин и декабристы. Так, М.Ф. Орлов, флигель-адъютант Александра I, в показаниях на следствии утверждал, что именно из-за польской политики императора задумался о создании тайного общества: «Создание Польского царства, тщетность моих возражений против этого плана, высказанных царствовавшему тогда государю, убеждение, что в Польше существовало (и существует теперь) тайное общество, подготавливающее ее воссоединение⁵⁸³, место, которое польский вопрос все больше приобретал, или, по крайней мере, казалось, что приобретал в планах государя, ибо как раз в этот момент был создан Литовский корпус, – все это, вместе взятое, внушило мне мысль включить противодействие польской системе в мои первоначальные планы»⁵⁸⁴. Не менее показательна в этом отношении и история «Московского заговора» 1817 г., когда информация о передаче западных губерний Царству Польскому спровоцировала И.Д.

⁵⁸¹ Любавский М.К. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 88–104; Беккер И.И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 65–74; Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. С. 103–108; Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. В ряде работ последнее десятилетие царствования Александра I интерпретируется как период острого разногласия между властью и обществом по вопросу Польши, что в итоге привело к формированию оппозиции и круга тайных обществ. Об этом см.: Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 469–472; Сафонов М.М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84–91.

⁵⁸² Об этом см.: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 316. Л. 2–4; Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 4. С. 422; Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 551; Сокол К. Русская Варшава; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 158–159; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. С. 584; Танышина Н.П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ. 2018. С. 16–18; О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I. С. 276–279; Głuszkowski P. “Nigdy Polacy nie będą prawdziwymi braćmi ani wiernymi sojusznikami...” Poglądy rosyjskich elit na ugodę z Polakami // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 187–209.

⁵⁸³ М. Ф. Орлов был прав в своих рассуждениях. В 1814–1815 гг. на территории Герцогства Варшавского появилась тайное общество «Истинных поляков», от которого принято отсчитывать историю польских конспираторов (Коробка Н. Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. Исторический сборник. СПб., 1909. С. 191).

⁵⁸⁴ Восстание декабристов. Т. XX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 161.

Якушкина начать разговор о цареубийстве⁵⁸⁵. Отметим, что в последнее время появились работы, указывающие на то, что незыблемый советский постулат о связи декабристов с польскими заговорщиками вызывает серьезные сомнения⁵⁸⁶. Примечательно и точное замечание М.М. Сафронова, отметившего, что следствие по делу декабристов еще на уровне вопросника старательно обходило стороной вопрос о Польше⁵⁸⁷. Это позволило избежать необходимости иметь дело с нежелательными высказываниями на этот счет тех, кто был замешан в выступлении 14 декабря 1825 г.

В большинстве случаев, однако, рассуждения исследователей касаются неприятия или непонимания в России польских конституционных проектов монарха, а реконструкция событий ограничивается указанием на недовольство или даже зависть со стороны просвещенного русского общества, оскорбленного указанием Александра на неготовность России к конституции⁵⁸⁸. Так, Д. Ливен замечает, что «само восстание декабристов в 1825 г. во многом было вызвано тем, что патриотические чувства русских офицеров оказались задетыми, когда они увидели, что поляки получили свободы, которых не имела русская элита»⁵⁸⁹. Однако споры относительно конституции — ее введения в Польше и невведения в России — представляют собой все же далеко не единственный, не самый ранний и даже не обязательно самый содержательный этап общественной дискуссии относительно

⁵⁸⁵ Мироненко С.В. «Московский заговор» 1817 года и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России: [сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. П. Козьмина]. М.: Наука, 1990. С. 242.

⁵⁸⁶ Этот вопрос был дискуссионным еще в дореволюционной историографии. См., например, *Котляревский Н. Рылеев*. СПб., 1908. С. 146–147. Из современных работ см.: *Сафонов М.М.* Декабризм и Речь Посполитая. С. 74–85. Классическая советская версия взаимоотношений декабристов и членов польских тайных обществ представлена в следующих работах: *Медведская Л.А.* Южное общество декабристов и польское патриотическое общество // *Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей / Под ред. Н.М. Дружинина, Б.Е. Сыроечковского*. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. С. 276–319; *Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 / Отв. ред. И.С. Миллер*. М.: Наука, 1976. С. 37–71; *Ольшанский П.Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М.: Изд-во социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1959. См. также более раннюю работу, представляющую трактовки, схожие с советским прочтением истории взаимоотношения декабристов и польских конспираторов: *Коробка Н.* Польские общества 20-х годов и декабристы. С. 189–233.

⁵⁸⁷ *Сафонов М.М.* Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // *Петербургский исторический журнал*. 2017. № 1. С. 111.

⁵⁸⁸ См., например: *Филатова Н.М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 475.

⁵⁸⁹ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 651.

александровской политики в Царстве Польском. В значительно бóльшей степени речь шла об оценке новой политической реальности, в которой враг оказывался награжден.

Достаточно прямо это смог выразить Н.И. Греч, который в своих «Записках» так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Русские были огорчены дарованием исконным врагам нашим прав, которых мы сами не имели. Награждены были люди, лезшие на стены Смоленска и грабившие Москву, а защитники России, верные сыны ее, оставлены были без внимания, им заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова»⁵⁹⁰. Эмоциональнее всего неприятие новых установок выразил Н.М. Карамзин в письме Александру 1819 г. («Мнение русского гражданина»), которое будет разобрано ниже⁵⁹¹.

Однако единичные высказывания — эмоциональные, как в случае с Н.М. Карамзиным, или четко аргументированные, как в случае с Нессельроде, который еще в 1813 г. подал императору записку, в которой доказывал невозможность умиротворения Польши путем признания ее субъектности⁵⁹², — в этот момент еще не складывались в систему. Речь не шла далее пусть и резких, но кулуарных разговоров или недовольства в частной переписке⁵⁹³. В публичном пространстве можно констатировать пассивное принятие политики, которую разворачивал император. Показательно описание, оставленное И.Ф. Паскевичем, который вспоминал свое пребывание в Польше в 1818 г.: «В Варшаве русских как будто вовсе не было;

⁵⁹⁰ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. С. 215.

⁵⁹¹ РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–6. В литературе существует мнение, что, хотя сам Н.М. Карамзин не верил в то, что повлиял на последующие действия Александра I, для общественного восприятия ситуации значение этого текста было существенным. Письмо было известно — в частности, сам император показал его директору Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардту, который солидаризировался с позицией историографа, — и обсуждаемо. См.: Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 70; Black J.L. Nicholas Karamzin's 'Opinion' on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

⁵⁹² Танышина Н.П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе. С. 16.

⁵⁹³ Примечателен пересказ И.Ф. Паскевичем разговора с М.А. Милорадовичем и А.И. Остерманом-Толстым, во время которого генералы обсуждали, насколько активно Александр I привлекал в армию польских генералов армии Наполеона. На вопрос Паскевича: «Что из этого будет?» — А.И. Остерман предположил, что через 10 лет Паскевич «со своей дивизией» будет «их (поляков. — Прим. авт.) штурмом брать» (Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. С. 330).

мы все чересчур стушевывались... везде первенствовали поляки: они, будто одни представляли собою тип всех способностей, у которых русские должны, будто бы, всему учиться... Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего дозволяло, и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские *молчаливо*, но глубоко затаили оскорбление национальному своему чувству»⁵⁹⁴. Эта цитата достаточно четко передает положение дел: военная и административная элита Александра вполне выработала позицию в отношении польской политики монарха, но ее вербальное консолидированное выражение представляло существенную проблему. Это ставит вопрос о том, как именно в сознании русской элиты того времени срабатывал механизм, требовавший для начала просто промолчать, а затем и принять произошедшее?

Чтобы увидеть самое начало подобных движений, стоит рассмотреть два документа, схожих на первый взгляд в своих базовых установках, — манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества» (3 ноября 1812 г.)⁵⁹⁵ и манифест «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжение войны подвиги» (1 января 1816 г.)⁵⁹⁶. Как видно из датировки, второй документ появился уже после вхождения Царства Польского в состав Российской империи.

Первый манифест, в названии которого значится слово «благодарность», был опубликован, когда российские войска еще вели военные действия на территории империи — впереди были сражения под Красным и преправа через Березину. Картина, которую рисовал император в своем обращении к подданным, была простой и понятной: «Могущественное, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть», а вторгшаяся на территорию страны наполеоновская армия была вражеской силой, стремившейся «поколебать Веру, и нравы народные

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25257. С. 450–451.

⁵⁹⁶ Там же. Т. 33. № 26059. С. 424–429.

заразить буйством и злостью». Этот враг, как заявлял манифест, был повержен, он бежал, «оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды...»⁵⁹⁷. Такая великая смена обстоятельств произошла, согласно документу, по воле божьей, но осуществлялась в реальности славными действиями армии и усилиями всего русского народа.

В этом манифесте, отдавая «должную справедливость храброму и благочестивому народу Российскому», император формулировал благодарность прямо, пространно и не без использования особенных аллюзий: «Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое Дворянство не пощадило ничего к умножению Государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны... Столь великий дух и неколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков! При таковых доблестях его, Мы вместе с Православною Церковью и Святейшим Синодом и Духовенством, призывая на помощь Бога, несомненно надеемся, что если неукротимый враг Наш и поругатель Святыни не погибнет совершенно от руки России, то по крайней мере по глубоким ранам и текущей крови своей почувствует силу ее и могущество»⁵⁹⁸.

Интересно вместе с тем, что уже в этом манифесте Александр I предпринял попытку несколько нивелировать урон, нанесенный польскими легионами Наполеона. Если всего за четыре месяца до этого, объявляя о вторжении Великой армии в пределы империи, монарх оперировал вполне антипольской риторикой, обращаясь к памяти о Смутном времени и восклицая: «Да встретит он (враг. — *Прим. авт.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине

⁵⁹⁷ Там же. Т. 32. № 25257. С. 450.

⁵⁹⁸ Там же. С. 451.

Минина»⁵⁹⁹, то, благодаря за спасение Отечества, он явно предпочел не акцентировать внимание на поляках. Описывая вражеское «воинство», император указал на них лишь как на одну из многих этнических групп армии интервентов. При перечислении поляки появлялись в последнюю очередь: «...приготовя сильное воинство и приумножа оное Австрийскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Итальянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками... со всеми своими многочисленными силами и множеством орудий двинулся он (Наполеон. — *Прим. авт.*) внутрь земли Нашей»⁶⁰⁰. Едва ли такое перечисление было случайным, если вспомнить комментарий самого Александра в письме А. Чарторыйскому относительно действий польских войск в России⁶⁰¹.

Три с небольшим года спустя оценка ситуации, которую предлагал обществу Александр I, была уже совершенно иной, да и само общество удостаивалось теперь не «благодарности», как это было в 1812 г., а всего лишь «признательности».

В манифесте «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказание в продолжение войны подвиги» от 1 января 1816 г.⁶⁰² монарх предлагал радикально скорректированное прочтение произошедшего. Указав, что «события на лице земли в начале века сего в немногие годы совершившиеся... не могут никогда из бытописаний рода человеческого изгладиться», император предложил иную интерпретацию произошедшего триумфа: «Самая великость дел сих показывает, что *не мы то сделали*»⁶⁰³. Далее в тексте победа над Наполеоном прочитывалась исключительно как

⁵⁹⁹ С нами Бог: Посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I. С. 31.

⁶⁰⁰ ПСЗ. Собрание I. Т. 32. № 25257. С. 450.

⁶⁰¹ *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 281.

⁶⁰² ПСЗ. Собрание I. Т. 33. № 26059. С. 424–429.

⁶⁰³ Там же. С. 428.

космологическое столкновение Добра и Зла, в котором «Премудрый разогнал тьму», свершил «мечь Божию», избавил от поругания Россию, а также Европу, которая была выведена в манифесте на первый план. В заключении пространного текста император восклицал: «Бог для совершения сего нашими руками дал *слабости нашей* Свою силу, простоте нашей Свою мудрость, слепоте нашей Свое всевидящее око»⁶⁰⁴. Монарх призывал своих подданных воздать благодарность Всевышнему («Да прочтет дела и суд Божий; да воспалится к нему любовью и вместе с Царем своим во глубине сердца и души своей воскликнет: “Не нам, не нам, Господи, но Имени Твоему”»⁶⁰⁵), благодаря которому «солнце мира и тишины взошло»⁶⁰⁶.

Подобная риторика превращала манифест о «признательности... за подвиги» едва ли не в проповедь идеи смирения, осознания греховной природы человека и его извечной вины перед Создателем. Император взывал к своим подданным с призывом оставить гордыню, обрести смирение и помнить о своей вине: «Что изберем: гордость, или смирение? Гордость наша будет несправедлива, неблагодарна, преступна пред тем, Кто изливал на нас толикия щедроты; она сравнит нас с теми, которых мы низложили. *Смирение наше исправит наши нравы, загладит вину нашу пред Богом, принесет нам честь, славу, и покажет Свету, что мы никому не страшны, но и никого не боимся*»⁶⁰⁷. К заключительной части манифеста идея принесения народу «признательности» была совершенно утрачена. Текст оказался развернут не в сторону признания народных заслуг, а, напротив, в сторону снижения самого значения последних. Более того, финал документа прямо предписывал победителям чувство вины, пусть даже интерпретированное в широком христианском контексте. Приводя реальность в соответствие со своей картиной мира, Александр I оказывался здесь за шаг до того, чтобы начать проповедовать, подобно Христу в Нагорной проповеди, «любите врагов

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же. С. 424.

⁶⁰⁶ Там же. С. 427.

⁶⁰⁷ Там же. С. 428.

ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Эти установки — следовать божественной премудрости и культивировать любовь к ближнему, способную превратить врага в друга, а чужого — в своего, которые предписывались с этого момента подданным империи, традиционно связывают с александровским обращением к религии и поворотом к мистицизму⁶⁰⁸. Вместе с тем указание на приверженность монарха возвышенным христианским идеалам, столь сильно расходившимся с человеческим опытом, в действительности мало что объясняет в политической прагматике эпохи. Ведь в своем высоком порыве император Александр I должен был признать, что критерии христианской любви универсальны, а значит, в равной степени распространены на его подданных, проживавших как к востоку, так и к западу от границы только что созданного Царства Польского. Вместе с тем император не требовал от поляков раскаяния за совершенные в России преступления, не призывал каяться и жертвовать чем бы то ни было. Напротив, жителям Царства Польского император оставил возможность гордиться всем совершенным: превратившееся в один из значимых концептов новой политической риторики утверждение о храбрости польских войск, о котором говорилось выше, без сомнения, следует интерпретировать именно так. В александровской трактовке требование любви к ближнему до самоотречения, признания своей греховности и неизбежной вины предписывалось лишь одной из сторон. Другой же, напротив, позволялось холить и лелеять свою гордыню, не помышляя о смирении и тем более покаянии. В свою очередь, если христианская добродетель самоотречения была настоятельно рекомендована лишь определенной группе подданных, то говорить об универсализме установок Александра I не приходится, а вся система представляет собой лишь

⁶⁰⁸ В литературе Александра традиционно называют «загаочно-мистическим» императором (см., например: *Хазиев Р.А.* Александр I в судьбе России: англоязычная историография 1990–2000-х гг. // *Петербургский исторический журнал.* 2016. № 1. С. 129–143 (особенно с. 129, 131, 133).

инструмент воздействия или практику манипуляции, призванную лоббировать продвижение определенной политической доктрины.

Поразительным образом декларации Александра были восприняты русским обществом. Проявление императорского милосердия к бывшим врагам, вызывавшее недовольство, все же определялось как неотъемлемое свойство монаршей власти: помазанник Божий был волен карать, а равным образом и миловать своих подданных. С другой стороны, как уже отмечалось в литературе, в России этос службы соотносился с императивом жертвенности, осмысленной в православном контексте как условие спасения⁶⁰⁹. Очевидно, сыграли свою роль и представления, привитые русской элите в последние десятилетия XVIII столетия, – любовь к ближнему была добродетелью и влекла за собой подлинные изменения, а истребление зла в мире определялось как жизненная цель. Совершенно очевидно, однако, что в России далеко не все, кто готов был пожертвовать памятью о перенесенных страданиях ради общего блага, смогли разгадать суть александровской манипуляции, заключавшейся в том, что предписанное подданным монарха в России не имело зеркального отражения в Польше.

Логическим результатом утверждения подобных установок, которые по сути своей воспроизводили польскую версию событий, стало многократно растиражированное в литературе представление, что действия императора Александра I в Польше были вызваны сугубо объективными обстоятельствами, а именно — цивилизационным превосходством Польши перед Россией⁶¹⁰. Ведь коль скоро Польша была в культурном и политическом отношении страной более развитой, император просто не мог не признать автономное положение этой территории. Он равным образом был не в силах отрицать храбрость и рыцарственность польской армии, блеск и утонченность

⁶⁰⁹ Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. P. 50.

⁶¹⁰ См., например, рассуждения С. Фалькович об объективно существовавшем у русского общества «комплексе вины за разделы Польши, сочувствие к страданиям польского народа, что проявилось уже в конце XVIII в.» (Фалькович С.М. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка. С. 48).

польского двора, красоту и очарование польских женщин⁶¹¹. Без сомнения, разворачиванию нового концепта содействовало и продвижение образа императора как человека великодушного и движимого глубоким пониманием христианских ценностей. Так, «Северная почта» в 1816 г. представляла императора как победителя, который, движимый гуманистическими идеалами, подает руку помощи побежденным: «Посмотрите, до какой степени блаженства и силы достигнет в короткое время Польша через Конституцию, дарованную ей благотворною десницею Императора Александра. Он, украшение и слава нашего века, дал новое бытие Польскому Царству, которое раздираемо было целое столетие междоусобиями и неустройствами».⁶¹²

Указание на то, что император выстраивает осмысление Отечественной войны с учетом скрытых мотивов, можно найти в текстах современников. Упоминавшееся карамзинское «Мнение русского гражданина» в значительной мере именно об этом. Историограф обращался к императору: «Государь!.. Вы думаете восстановить Польшу в ее целости, действуя как Христианин, благотворя врагам. Государь! Вера Христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее, неизглаженное небесное чувство; оно выше земли и мира; оно выше всех законов — физических, гражданских, государственных — но их не отменяет... Христос велит любить и врагов: любовь есть чувство; и Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства»⁶¹³. В.А. Жуковский во время поездки в Пруссию также задумался над концептом «священная война», который так активно продвигал император. Поэт отметил в своем дневнике: «Нам стыдно перед пруссаками: сколько уже у них памятников народной славе; они и Кутузова и Баркляя не забыли, а мы строим храм, который вечно не достроится, хотим благодарить Бога, которому не нужна благодарность, и

⁶¹¹ Рэй М.-П. Александр I. С. 345; Keenan P. The Russian Imperial Court and Victory Celebrations during the Early Napoleonic Wars. P. 174.

⁶¹² Северная почта. 1816. № 94. С. 3.

⁶¹³ РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–6.

не думаем отдать чести тем, которые положили за отечество жизнь свою»⁶¹⁴.

Возвращаясь к рассуждениям императора 1816 г., стоит обратить внимание и на отсылку к категории «вина». В своем обращении к российским подданным монарх декларировал необходимость устранить «следы прежних бедствий»⁶¹⁵, однако этот призыв к примирению не вполне равно трактовал обязанности сторон. России опосредованно, но при этом недвусмысленно предписывалось чувство вины — за давнее зло, за екатерининские разделы Речи Посполитой. Польше при этом не предписывалось ничего, кроме надежд и упования на то, что «устройство участи сего края» сможет «поселить в сердцах их (поляков. — *Прим. авт.*) чувства приверженности к Престолу» и этим изгладит воспоминания о несогласии и борьбе⁶¹⁶.

Императору вторил его более чем полномочный представитель в польских землях — великий князь Константин Павлович, с годами перенявший трактовку брата. Как указывает Н.К. Шильдер, воззрения цесаревича в этом отношении были более чем радикальны: он обвинял свою бабушку Екатерину II в том, что она спровоцировала бездумной польской политикой появление якобинства в Европе, что, в свою очередь, в результате цепи событий привело Францию к войне против России в 1812 г.⁶¹⁷ В этих построениях вся вина уже традиционно предписывалась России, все зло современного мира произрастало из действий Екатерины II, а победители в войне 1812 г. оказывались ее виновниками. Константин Павлович оставил целый ряд выразительных писем, раскрывающих его отношение к Польше, ее прошлому и будущему. В 1826 г. он писал своему другу Ф.П. Опочинину в связи с польскими тайными обществами: «Войдите в их (поляков. — *Прим.*

⁶¹⁴ Жуковский В.А. Дневники 1820 г. С. 147. Е.А. Вишленкова справедливо отмечает, что «универсалистская идеология Александровского царствования заморозила национальную память», это оскорбляло современников, а немногочисленные памятники первого послевоенного десятилетия созданы на частные деньги и в частных имениях (Вишленкова Е.А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 200).

⁶¹⁵ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 118.

⁶¹⁶ Там же. С. 117–118.

⁶¹⁷ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 298.

авт.) положение и предположите, что Россия подверглась бы такому же разделу, как Польша; какой в таком случае был бы ваш собственный образ действий и взгляды? Доложите все это императору...»⁶¹⁸ В 1827 г. он выражал схожие мысли уже Николаю I⁶¹⁹.

В стремлении снизить значение действий конкретных участников событий — прежде всего русской армии — и переакцентировать установки в отношении категории «вина» император, конечно, не ограничился одной политической риторикой. Частью этой системы были и действия монарха, зачастую носившие демонстративный характер.

Современники писали о личностном неприятии Александром I самого упоминания Отечественной войны 1812 г. Генерал А.И. Михайловский-Данилевский, объясняя подобные реакции императора, маркировал их как «удивительные» или «странные». Когда во время репетиции парада русских оккупационных войск в Париже 26 августа 1815 г. генерал К.Ф. Толь упомянул, что дата репетиции совпала с третьей годовщиной Бородинской битвы, ремарка вызвала у монарха заметную досаду⁶²⁰. Известно и нежелание Александра посещать временную могилу М.И. Кутузова в Бунцлау. А.А. Керсновский в своих работах прямо делает вывод, что Александр I «питал неприязнь к самой памяти Кутузова»⁶²¹.

Первое послевоенное посещение Александром I Москвы в 1816 г. представляет собой совершенно исключительный случай. Все еще полуразрушенный город принял императора «с восхищением». Согласно одному из описаний, «сто тысяч встретили и сопровождали повсюду государя. Московская полиция не имеет обычая протягивать веревки и бить по головам жаждущих видеть монарха своего, а потому он и был среди народа, как отец в

⁶¹⁸ Там же. С. 285.

⁶¹⁹ Интересно, что появление Царства Польского в составе Российской империи цесаревич трактовал иначе. Оно, по мнению великого князя, было не «захвачено», как это произошло с польскими землями в конце XVIII в., а «завоевано», а затем «было освящено договорами после войны и явилось следствием заключения мира» (Там же. С. 297).

⁶²⁰ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. С. 12.

⁶²¹ Там же.

обожаящем его семействе»⁶²². В первые дни пребывания в Москве император вел себя вполне ожидаемо, рассыпая милости и обнадеживая обещаниями. Однако одно из его решений, без сомнения, должно было шокировать москвичей. Генерал А.И. Михайловский-Данилевский так описывает произошедшее: «Непостижимо для меня, как 26-го августа государь не токмо не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда почти все дворянские семейства в России оплакивают кого-либо из родных, падших в бессмертной битве... государь был на бале у графини Орловой-Чесменской»⁶²³. Этот образ — Александр I на балу у Орловой-Чесменской — напоминает в известном смысле эпизод, который произошел через 80 лет после этого, когда Николай II появился в вечер давки на Ходынском поле на балу у французского посла. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что если поведение Николая II шокировало общество и оставило по себе множество свидетельств, то позиция Александра I словно осталась незамеченной, поскольку никто не указал императору — в той или иной форме — на демонстративное пренебрежение нормами общественного поведения. Интересно, что Михайловский-Данилевский, выразив впечатление, произведенное на него решением Александра, развил свою мысль: «Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малого-Ярославца и других, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Аспернские поля, а из Брюсселя в Ватерлоо. *Достойно примечания, что государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить об ней*, хотя она составляет прекраснейшую страницу в громком царствовании его»⁶²⁴. Это поведение императора разительно отличалось от его действий за границей, где посещение полей сражений не вызывало у монарха никакого отторжения.

⁶²² Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 50.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Там же.

Однако, как бы ни стремился Александр I избежать разворачивания мемориальных практик в отношении победы в Отечественной войне 1812 г., сдержать этот процесс он не мог. Возглавив же его, император вполне сознательно и системно продолжал утверждать найденную им парадигму «священной войны», отказываясь от ритуального оплакивания погибших⁶²⁵ и уводя мемориальную зону как можно дальше от реалий произошедшего и памяти о людях, сыгравших в войне заметную роль. Как уже упоминалось, с 1814 г. имперским Днем победы стало 25 декабря, то есть Рождество Христово⁶²⁶. В 1817 г. в присутствии императора была осуществлена закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Александр I, пользуясь вполне распространенным методом⁶²⁷, смещал пространственный акцент московской мемориализации в сторону от Бородино или даже от центра сгоревшего города⁶²⁸. Визуализация победы также формировалась на апелляциях к образу «священной войны»⁶²⁹.

Необходимость иметь дело со все нарастающим общественным запросом на мемориализацию Отечественной войны 1812 г. в Российской империи и, с другой стороны, отказ от продвижения российского взгляда на события в Царстве Польском, как кажется, не стали для Александра камнем преткновения. По сути, в последнее десятилетие правления императора были сформированы два автономных нарратива, апеллирующие к Наполеоновским

⁶²⁵ Вишленкова Е.А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 199–200.

⁶²⁶ ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25669. С. 905.

⁶²⁷ О практике манипуляции пространственной символикой см.: Болтунова Е.М. Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII — XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 79–82.

⁶²⁸ За несколько десятилетий до этого Екатерина II пыталась увести внимание современников от семиотического центра Петербурга, прямо связанного с Петропавловской крепостью, что подчеркивало права на престол сына императрицы, великого князя Павла Петровича, правнука Петра Великого. Попытка перекодировать пространство была реализована через строительство Исаакиевского собора и позиционирование нового символического пространства (Проскурина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 120–122).

⁶²⁹ Вишленкова Е.А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 171–210. О религиозном осмыслении исторических событий в период царствования императора Александра I см. также: Андреев А.Ю. Религиозное осмысление судеб России и Европы в политических концепциях императора Александра I // Церковь и время. Бог в русской мысли, культуре, истории: материалы ежегодной междисциплинарной научной конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / ред. Е.А. Пилипенко. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024. С. 101–136.

войнам: внутренний, рассчитанный на распространение в Российской империи, и условно внешний, дозволенный в Польше и имевший потенциал к более широкому разворачиванию. Первый содержал в себе коннотации, которые варьировались от религиозно-мистических до национальных; победа в Отечественной войне 1812 г. в рамках этой риторической структуры была осмыслена как одно из величайших событий и предмет гордости. В нарративе внешнем упоминание войны 1812 г. не приветствовалось: в конце концов, вспоминать об этих событиях в равной мере стыдились и Александр I, и польское общество. Обсуждение действий армии Наполеона на территории России, а также указания на то, что Польша была проигравшей стороной, также не поощрялись⁶³⁰, зато приветствовались упоминания коллективно-европейских дипломатических действий и апелляции к Венскому конгрессу⁶³¹. Каких бы то ни было, существенных перекодировок польской версии событий (указание на войну, имевшую целью восстановление единой Польши, образ русского варварства, лояльность польских легионов Наполеону и др.) осуществлено не было.

Интересно, что при необходимости Александр I мог пересекать установленную границу в зависимости от того, какое впечатление он хотел произвести на ту или иную группу подданных. Так, поездка на первый сейм Царства Польского 1818 г., на котором император произнес так поразившую современников речь с отсылками к культурному и политическому

⁶³⁰ Позиции такого рода не были соотнесены исключительно с александровским царствованием. Показателен спор А.Х. Бенкендорфа с великим князем Константином Павловичем, состоявшийся в 1827 г., то есть уже в правление Николая I. Глава Третьего отделения, позволивший себе резкое высказывание относительно польской армии и даже некоторый намек на действия поляков в 1812 г., получил отповедь от цесаревича: «Говоря о теперешней польской армии, вы между прочим замечаете, что она была сформирована национальным несочувствием к России и что между теми, кто ею командовал, были некоторые экзальтированные головы. Мне, признаюсь вам, неизвестно, чтобы она когда-либо была сформирована под влиянием того чувства, о котором вы говорите» (*Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом. С. 297–298).

⁶³¹ Показательно, что в современной исследовательской литературе дипломатические усилия того периода увязываются с потребностью изменения в Европе широких ментальных установок. Так, Э. Виртшафтер полагает, что постнаполеоновская дипломатия в целом представляла собой поиск форм преодоления «травмы Наполеоновских войн», а интенсивные дипломатические поиски являлись попыткой восстановления мирового порядка после десятилетий жестокой революции и ожесточенных войн, не направленной, однако, как принято считать, на восстановление Старого порядка (Виртшафтер Э. От победы к миру. Русская дипломатия после Наполеона. М.: Academic Studies Press, 2023. С. 247).

превосходству поляков, была совмещена с поездкой в Москву, где монарх открыл на Красной площади памятник К. Минину и Д. Пожарскому в память об освобождении столицы от польской интервенции в 1612 г. Это заставило современников вспомнить и события 1812 г.⁶³², но никак не потревожило императора. Направляясь в Польшу, монарх проехал через Смоленск, который великий князь Константин описал в это время одному из своих респондентов как город, который «опустошением достоин еще и теперь жалости»⁶³³. Через несколько дней Александр I прибыл в Варшаву «в вожделенном здравии» и дал торжественный обед, на котором все собравшиеся в столице Царства Польского Романовы пили «за здоровье представителей народа польского»⁶³⁴. С другой стороны, находясь в Польше, император порой позволял себе ироничные отсылки к поражению польских войск во время похода на Россию. Так, Михайловский-Данилевский, описывая пребывание Александра в Варшаве в 1815 г., зафиксировал эпизод, когда, глядя на выстроенную вдоль улиц польскую армию и реагируя на вопрос стоявших рядом русских генералов относительно того, почему конница столь малочисленна, император ответил: «Неудивительно: Поляки съели лошадей своих в России»⁶³⁵. Очевидно, таким образом монарх купировал недовольство чинов русской армии, которое, по крайней мере первое время, он мог расценивать как опасное.

Сосуществование столь разных структур памяти в рамках одного государства, без сомнения, создавало сложности для тех, кто был вынужден пересекать границу Российской империи и Царства Польского, двигаясь на запад. Обсуждение поражения наполеоновских польских легионов (и армии Бонапарта в целом), вины поляков за убийства русских на полях под Смоленском и Москвой в Царстве Польском оказывалось почти

⁶³² Северная почта. 1818. № 18. С. 77.

⁶³³ *Кашианова О.С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи. С. 184.

⁶³⁴ Северная почта. 1818. № 22. С. 99; № 29. С. 127.

⁶³⁵ *Михайловский-Данилевский А.* Записки 1814 и 1815 гг. С. 238.

невозможным. Оно наталкивалось на александровскую политическую риторику, выстроенную вокруг Польши и проектов ее возрождения и развития, а все недовольства автоматически начинали трактоваться, используя формулировку П.А. Колзакова, как «ложный и неуместный патриотизм»⁶³⁶. А значит, востребованной оказывалась известная пластичность сознания, способность идентифицировать то, что больше не являлось уместным, и готовность корректировать свое поведение в соответствии с новой ситуацией. Демонстрировать подобную гибкость приходилось всем, кто был частью военной или административной элиты империи.

«Держать лицо», впрочем, удавалось не всегда. Показателен эпизод, описанный И.Ф. Паскевичем в связи с поездкой в одну из польских крепостей: «...государь (император Александр. — *Прим. авт.*) поехал осматривать Модлин, а как я долго блокировал Модлин и взял бы его осадой, если бы не помешало перемирие, то он, желая знать подробности, назначил меня в вояж. За столом, где поляки, как всегда, первенствовали, ни один из них не сумел объяснить ему ничего; тогда я, вовсе не стесняясь грозными на меня взглядами великого князя Константина Павловича, рассказал все, что знал о положении Польши и об осаде Модлина в 1813 году, после чего Константин Павлович и глядеть на меня не хотел, отворачивался и перестал кланяться»⁶³⁷. Интересно, что эпизод, на первый взгляд незначительный, описан Паскевичем как из ряда вон выходящий, в каком-то смысле предмет его гордости. Здесь будущий фельдмаршал ставит себе в заслугу разговор о польской военной слабости, который был проведен в присутствии поляков и при видимом неодобрении великого князя Константина, или, иными словами, краткосрочный отказ от конвенциональных норм, принятых в Царстве. Очевидно, что перед нами пример поведения в парадигме «я все им высказал», которое давало главному действующему лицу возможность почувствовать силу от того, что он оказался «в своем праве». Такие действия, конечно, могли нанести урон лишь будущим

⁶³⁶ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 427.

⁶³⁷ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. С. 330–331.

карьерным перспективам конкретного человека, но при этом не представляли никакой опасности для продвижения александровской идеологии.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в александровской период признание особы и – конкретнее – политической субъектности Царства Польского нашло свое отражение в в титулатуре, гербах и орденой системе Российской империи. На указанный период прихлась и реактуализация ряда идеологем, главной из которых являлась идея «братских (соплеменных) народов». Российскому обществу был также предписан поведенческий шаблон, требовавший проявлять определенный набор эмоций в отношении Польши и поляков.

Указанные установки реализовывались также в признании права поляков на собственную версию исторических событий XVII — начала XIX вв. С вхождением Царства Польского в состав империи упоминание о военных столкновениях между Россией и Польшей непосредственно на территории Царства не только не приветствовалось властью, но и, в значительной мере, перешло в зону табуирования. Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания новой концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты.

Глава 3. Политика Николая I в Царстве Польском в 1825–1829 гг.

3.1. Декларации первых месяцев царствования

Как известно, Николай I провозгласил себя императором после нескольких недель тяжелейшего противостояния с великим князем Константином Павловичем. Датированный 12 декабря 1825 г. манифест о вступлении на «Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с Ним Престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского» долго и подробно — и тем менее убедительно — объяснял подданным ситуацию, ссылаясь на документы, подписанные покойным Александром I и отрекшимся от власти великим князем Константином. Манифест призывал к присяге и сообщал, что время вступления на престол должно исчисляться от 19 ноября⁶³⁸. Политическая ситуация, в которой находился Николай, однако, была далека от той, какой она была в ноябре, и для ее стабилизации одним документом обойтись было сложно.

В фондах Центрального архива древних актов в Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych, AGAD) сохранился документ, имеющий ключевое значение для понимания николаевской политической стратегии, причем как в Царстве Польском, так и Российской империи. Речь идет о манифесте, который был издан на следующий день после обнародования манифеста о вступлении на российский престол. Однако, в данном случае адресатом документа были исключительно жители Царства Польского:

Мы Божьей Милостию Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и проч. и проч... повелеваем всем и каждому, кого это касается:

В соответствии со Ст. 1 и Ст. 5 Конституционной хартии, согласно коим Царство Польское навсегда присоединено в Российской империи мы объявляем, что Манифест, объявленный нашим подданным 12 (24) декабря

⁶³⁸ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

распространяется в равной степени на Царство Польское. Мы повелеваем посему, чтобы с сим Манифестом в царстве ознакомлены были и выполнили все предписания в нем содержащиеся относительно восшествия на престол и чтобы принесена была присяга на верность подданства.

Поляки, мы уже заявили свое неколебимое желание продолжить в своем правлении путь, избранный светлой памяти императором и царем Александром I, и мы объявляем через сие, что все институты вам от него данные будут сохранены. *Через сие я обещаюсь и клянусь перед Богом, что буду соблюдать Конституционную хартию и приложу все свои усилия для ее сбережения.*

Дано в Санкт-Петербурге 13 (25) день месяца декабря 1825 лета от Рождества Христова, царствования же Нашего с первое⁶³⁹.

Сейчас нам сложно представить, что этот документ, слово в слово повторяющий формулировки Польской хартии 1815 г., предписывавшей наследникам Александра I приносить клятву конституции⁶⁴⁰, был подписан Николаем I — человеком, которого принято считать консерватором и поборником охранительной политики. Вместе с тем действия монарха в данном случае объясняет, как представляется, время подписания документа — этот уникальный манифест «императора и царя» был одобрен, когда до восстания на Сенатской площади оставались считанные часы. Николай I знал, что его царствование может оборваться не начавшись. Его жизни угрожала прямая опасность: эпоха дворцовых переворотов не была забыта, внезапная смерть Александра I вызвала множество слухов и домыслов, трактовавших смерть императора как подозрительную, связанную с отстранением от власти и убийством. Обществу было сложно принять тот факт, что следующий в ряду

⁶³⁹ Archiwum Główne Akt Dawnych (далее — AGAD). F. 210. № 20. К. 15; *Огинский М.* Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2 (Приложения). С. 426. Оригинал на французском языке: *Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 315–316.*

⁶⁴⁰ Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

на престолонаследие великий князь Константин, которому уже была принесена присяга, внезапно отказался от власти. Молодой император мог ожидать появления лозунга «Константин и Конституция» не только на улицах Петербурга, но и в столице Царства Польского. Возможность подобного развития событий существовала: в Варшаве представители генералитета активно обсуждали вопрос возведения великого князя Константина Павловича на престол вопреки его собственной воле⁶⁴¹.

Николай, вероятно, опасался, что Константин Павлович, который, бесспорно, вел свою игру в период междуцарствования, мог провозгласить себя польским королем. Возможность такого развития событий не исключает О.С. Каштанова, полагая, что, отказавшись от российского престола, цесаревич рассматривал для себя возможность получения польской короны⁶⁴². Отсюда и настойчивое стремление Николая I повторять — в манифесте о восшествии на престол, а потом и в отдельном манифесте, адресованном полякам, — что он является императором Всероссийским, а равно и царем Польским. Подобные формулировки закрывали Константину возможность маневра. Чтобы обеспечить безопасность империи на западных границах и нейтрализовать цесаревича, молодой император готов был поклясться на верность польской конституции.

Важно отметить, что николаевский манифест, обращенный к Царству Польскому, в исследовательской литературе практически неизвестен. Это вполне объяснимо — документ не вошел в Полное собрание законов Российской империи⁶⁴³. Документ был отброшен как «местное установление»,

⁶⁴¹ Об этих планах и историографии вопроса см.: *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 128–130.

⁶⁴² Проанализировав тексты М.С. Лунина и Д.И. Завалишина, исследовательница пришла к выводу, что даже после отречения Константина генералитет Литовского корпуса и несколько приближенных великого князя предполагали, вопреки решению цесаревича, организовать в полках присягу, возведя таким образом Константина на престол (*Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 129). В этом отношении О. Каштанова оспаривает позицию С.Б. Окуня, который полагал, что после 14 декабря 1825 г. объявление Константина Павловича королем Польши сделалось невозможным (*Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 85).

⁶⁴³ Текст манифеста был опубликован в Париже в 1827 г. как приложение к изданию мемуаров М. Огинского. Он появился на русском языке в 2015 г., но остался совершенно незамеченным в академической литературе

представлять которое в основном собрании нет необходимости. На наш взгляд в действительности речь шла о цензурировании: императорский манифест с клятвой конституции едва ли мог расцениваться как несущественный с точки зрения его содержания. К тому же более ранние установления, касающиеся польских территорий, в «Полном собрании законов» были отражены вполне подробно⁶⁴⁴. Очевидно, к моменту появления «Полного собрания законов» о клятве, принесенной польской конституции, предпочли забыть.

Вместе с тем в западных землях империи манифест был хорошо известен. Достаточно сказать, что он в буквальном смысле слова не остался без ответа. Реакцией на обращение стал направленный на имя императора адрес Сената Царства Польского от 5 (17) января 1826 г., подписанный его председателем Станиславом Замойским. Обращаясь к Николаю I, граф писал: «...незабываемые слова Ваши, которыми Вы нас уверили в поддержке всех установлений Вашего великого предшественника, проникли в сердца всех поляков, погасили чувство отчаяния, оставив лишь чувства любви и признательности». В адресе упоминался «великий гений» и «возродитель» польской нации Александр I⁶⁴⁵, именно ему, как утверждалось в документе, сенаторы хотели бы установить монумент в Варшаве. Замойский выражал надежду, что Николай сможет утвердить проект мемориала на ближайшем сейме⁶⁴⁶. Иными словами, польский Сенат подтверждал, что клятва императора была услышана. При этом, хотя и в вежливо-завуалированной форме, монарху предлагалось сделать следующий шаг — созвать сейм. В

(Огинский М. Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426). Короткое упоминание о манифесте содержится в дореволюционном восьмитомном издании «История XIX века» (История XIX века. Т. 3. С. 293).

⁶⁴⁴ В «Полное собрание законов Российской империи» были, в частности, включены екатерининские документы, связанные с разделами Речи Посполитой, — указы назначенному белорусским генерал-губернатором З.Г. Чернышеву, а также распоряжения, адресованные М.В. Каховскому и М.Н. Кречетникову, могилевскому и псковскому губернаторам соответственно (ПСЗ. Собрание 1. Т. 19. № 13807, 13808, 13850).

⁶⁴⁵ Сенаторы описывали поляков как нацию, которую «долгая немилость божья стерла из списка наций» и которая получила «новое существование лишь благодаря неустанной воле» императора Александра I (Огинский М. Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426–428).

⁶⁴⁶ Там же. С. 426–428. См. также оригинальный текст на фр. яз. см.: Oginiski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 317–319.

своем ответе сенаторам, последовавшем через месяц, Николай I согласился на предлагаемые условия: разрешив согласовать проект монумента Александру I и вынести его на обсуждение на ближайшем сейме, император фактически обещал скорый созыв представительства⁶⁴⁷.

В Польше общественная реакция на публикацию манифеста 13 (25) декабря была позитивной. Великий князь Константин Павлович в переписке с Ф.П. Опочининым в феврале 1826 г. характеризовал ситуацию следующим образом: «Император, при восшествии своем на престол, обещал манифестом, данным этой стране, следовать по стопам покойного императора, и привел этим всех в восторг»⁶⁴⁸. Манифест вспоминали и перед варшавской коронацией 1829 г. Так, автор одного из стихотворений, изданных по этому случаю, восхваляя императора Николая, отмечал «святое обещание продолжать дело своего предшественника», данное, когда «воскреситель родины» Александр I⁶⁴⁹ скончался в Таганроге. Это обещание, как пишет автор, подпоручик польской армии, заставило «север (имеется в виду Польша. — *Прим. авт.*) воссиять»⁶⁵⁰. Знали о манифесте и за границей — его оригинал на французском языке был опубликован в Париже в 1827 г. как приложение к мемуарам Михаила Огинского⁶⁵¹. Отголоски произошедшего долетали и до российского общества. По крайней мере, в отдельных документах можно обнаружить рассуждения, что власть российского императора в Польше ограничена «конституцией, которой он (Николай I. — *Прим. авт.*) присягал»⁶⁵².

⁶⁴⁷ Огинский М. Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 428–430. Оригинальный текст на фр. яз. см.: Oginiski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 320–322.

⁶⁴⁸ Шильдер Н. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. С. 285.

⁶⁴⁹ О циркулировавшей в период правления Александра I идее «воскрешения Польши» волей монарха см.: Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 265.

⁶⁵⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (b) об.

⁶⁵¹ Oginiski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 315–316.

⁶⁵² [Грибовский А.М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 112.

Можно предположить, что после подавления восстания необходимость убедиться в спокойствии на новых западных границах империи оставалась для Николая I актуальной. Вероятно, именно поэтому спустя всего несколько месяцев после восшествия на престол, уже находясь в процессе активной подготовки к коронации в Москве, Николай I сам написал великому князю о необходимости подготовить коронацию в Царстве Польском. 24 мая 1826 г., то есть ровно за три года до коронации, цесаревич откликнулся на это предложение письмом из Варшавы. Константин не продемонстрировал какого-то особенного энтузиазма: он писал, что знает о том, что коронация предписана Конституцией, но не может сказать ничего определенного, поскольку прецедентов подобного рода не было. Ссылаясь на свою неосведомленность в подобного рода вопросах, он уведомлял Николая, что посоветуется обо всем с Н.Н. Новосильцевым⁶⁵³. Таким образом началась дискуссия о коронации.

Вероятно, весной 1826 г. Николай I действительно начал серьезно думать о коронации в Варшаве и – шире – стратегии позиционирования своей власти в польских землях. Об этом можно судить по тем действиям, которые император предпринял во время организации похорон Александра I. По справедливому замечанию Т. Лакера «ритуалы смерти не просто заполняют образовавшуюся брешь в структуре социального порядка: они требуют формирования новых социальных и политических установлений»⁶⁵⁴. В этом отношении действия императора Николая в первые месяцы пребывания у власти представляли собой поиск ответа на подобный запрос.

Как известно, император Александр I скончался 19 ноября 1825 г. в Таганроге, за 2 тысячи верст от своей столицы. Монарха надлежало похоронить в Санкт-Петербурге и путешествие печального кортежа от берегов Азовского к берегам Балтийского моря заняло несколько месяцев. Весь период

⁶⁵³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 75.

⁶⁵⁴ Laqueur T. The Deep Time of the Dead // Social Research. 2011. № 3 (78). P. 802. См. об этом также: Laqueur T. The Work of the Dead: a Cultural History of Mortal Remains. – Princeton: Princeton University Press, 2015.

прощания с императором затянулся на много месяцев и затронул сразу несколько географических и политических зон. Сначала тело императора в церемониальном порядке было провезено по территории нескольких российских губерний и через ряд крупных городов европейской части империи (Харьков, Белгород, Курск, Тула, Москва, Новгород) и, наконец, доставлено в столицу. Здесь состоялась церемония встречи останков монарха и перенесение его гроба в Казанский собор, а затем, 13 марта 1826 г. похороны Александра I. Однако, как не удивительно, погребением в Петропавловском соборе церемониальная часть императорских похорон не ограничилась. Спустя месяц в Варшаве, столице Царства Польского, входившего в состав Российской империи с 1815 г., была проведено особое поминовение, так называемые, символические похороны Александра I⁶⁵⁵.

Прощание с монархом в провинциальной России, в Петербурге, столице огромной империи и, наконец, в Царстве Польском, лишь недавно присоединенном и особом в политическом отношении, было частью единого процесса. Повсюду вокруг гроба императора выстраивались шествия, собиравшие вместе людей конкретного региона (губернии, уезда в России и всего Царства Польского). При этом, в каждом конкретном случае поминовение имело свою специфику⁶⁵⁶.

В столицу гроб с телом покойного монарха был торжественно ввезен в столицу 6 марта, а неделю спустя, 13 марта, состоялись поразившие воображение современников похороны. За богато декорированной колесницей с гробом Александра I от Московской заставы до Казанского собора, где был устроен катафалк⁶⁵⁷, а затем, неделю спустя, от Казанского собора до

⁶⁵⁵ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyste odbytego, Warszawa: nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1829.

⁶⁵⁶ Болтунова Е.М. «Здесь целая губерния в лице ее избранных...»: социальные иерархии в региональных шествиях Печального кортежа Александра I (1826) // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение (ред. – Е. М. Болтунова, В. Сандерленд). М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 93–116.

⁶⁵⁷ Торжественное ввезение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича // Отечественные записки. 1826. № 25. С. 543–544.

Петропавловского, где монарх нашел упокое, шли молодой император Николай I, представители монаршей фамилии и двор. Здесь же шествовали члены Сената и Синода, Государственного совета, генералы и офицеры, чиновники и учителя, купцы и ямщики — одним словом, вся столица огромной Российской империи⁶⁵⁸. Дома вдоль основного движения шествия были убраны траурными лентами и фестонами, о событии писали все газеты, о нем сообщали на улицах разъезжавшие по городу герольды, а доступ на устроенные для наблюдения «места и помостки... при всех заборах, решетках и в обоих ярусах гостиного двора» можно было получить, заплатив баснословную сумму 100 руб.⁶⁵⁹

Шествие было «закутано» в бесчисленные флаги и знамена, составлявшие вместе визуализированный императорский титул. Здесь были гербы более 40 земель — от Ярославля и Рязани до Казани и Астрахани, от Нижнего Новгорода и Перми до Курляндии и Кабарды⁶⁶⁰. В шествии прошли грузинские цари и царицы, карабахский хан и калмыцкие князья⁶⁶¹, а также чины Российско-Американской компании, представлявшие интересы империи на Аляске. Колесницу императора сопровождало православное духовенство, а священники евангелической и армянской церквей, выйдя из дверей храмов на Невский проспект, «при приближении процессии в безмолвии, подобающем для благодарения и благоговения, кадили августейшему усопшему»⁶⁶². Любопытный наблюдатель за петербургским действом, должен был увидеть: империя покойного Александра разнообразна и обширна, а ее границы простираются за пределы Евразийского континента.

И все же земли российской императорской короны были выстроены в абсолютно зримую иерархию, в рамках которой приобретенное Царство

⁶⁵⁸ Там же. С. 525–528.

⁶⁵⁹ Там же; *Миролюбова Г.А.* Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. С. 177; *Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre. Saint-Petersbourg: [s.n.], 1826.*

⁶⁶⁰ *Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre.* P. 1–4.

⁶⁶¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 265–270.

⁶⁶² *Миролюбова Г.А.* Последний путь. С. 17.

Польское оказывалось исключительно значимым. Документы Печальной комиссии, занимавшейся похоронами Александра⁶⁶³, демонстрируют, что вопрос о том, как подчеркнуть особое положение Польши (в ряде случаев Польши и Финляндии⁶⁶⁴) в составе Российской империи, стал едва ли не самым важным. Здесь возникало множество идей. Так, Печальная комиссия, которую официально возглавил князь А.Б. Куракин, предлагала Николаю I пригласить в Петербург делегации от Царства Польского и Великого княжества Финляндского. При этом в документе отдельно проговаривалось, что «к похоронам в Бозе почивших царствующих лиц Депутаций из губерний не назначается». Мотивацией к тому, чтобы «вытребовать» в столицу депутатов от Польши и Финляндия, был назван тот факт, что речь шла о «царстве» и «великом княжестве» соответственно⁶⁶⁵. Едва ли, однако, это являлось настоящей причиной: Грузия, также именовавшаяся царством, в докладной записке не фигурировала — речь шла об особости именно западных территорий. Не менее энергично императору предлагали обдумать приглашение министра-секретаря Царства Польского и статс-секретаря Великого княжества Финляндского⁶⁶⁶, при этом представителям Польши и Финляндии надлежало шествовать вместе с чиновниками Собственной Канцелярии Их Императорских Величеств, Канцелярии Государственного Совета и Канцелярии Комитета Министров⁶⁶⁷. Предложение относительно делегаций из Польши и Финляндии было императором отвергнуто, в то время

⁶⁶³ Формирование петербургской Печальной комиссии по случаю кончины монарха было частью стандартной практики, сложившейся еще в XVIII столетии. Назначенные в комиссию три десятка человек, должны были обеспечить должный уровень прощания с монархом, включая отправку в Таганрог ряда вещей, таких как императорский гроб, порфира и специально изготовленная корона (*Миролюбова Г.А.* Последний путь. С. 160). Как следует из сохранившегося огромного архивного фонда Печальной комиссии, последняя находилась в постоянной коммуникации с новым монархом, запрашивая у него решения по множеству вопросов — от маршрута печального кортежа до проекта надгробной надписи, от составления списков чиновников, включенных в шествие, до выработки общего визуального ряда церемонии.

⁶⁶⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 279–280.

⁶⁶⁵ Там же. Д. 5. Л. 21.

⁶⁶⁶ Там же. Л. 77.

⁶⁶⁷ Там же. Л. 78.

как идея вызова в Петербург польского министра и финского статс-секретаря, напротив, была принята благосклонно⁶⁶⁸.

Статус Царства Польского в составе империи был подчеркнут и во время шествия орденов и регалий. Польские ордена Св. Святослава и Белого Орла были включены в петербургское шествие как «польские российские ордена»⁶⁶⁹, то есть были маркированы как особая статусная категория российских орденов.

Интересно, что при этом император Николай отказался использовать в петербургской церемонии прощания с Александром I так называемую «польскую корону» — похоронную корону Станислава Августа Понятовского, польского короля, который отрекся от престола в 1795 г., переехал в Петербург и скончался там годом позднее. Пышные похороны Станислава Августа в Петербурге не были забыты⁶⁷⁰, и петербургская Печальная комиссия обратилась к Николаю с вопросом: «...в Мастерской Оружейной палате находится корона серебряная, вызолоченная сделанная к погребению Польского короля Станислава. Не соизволите ли, Всемиловитейший государь, чтобы в настоящей процессии корона сия употреблена была»⁶⁷¹. Молодому императору эта идея радикально не понравилась, и он постановил не включать корону в список регалий шествия⁶⁷². Вероятно, Николай полагал, что включение в церемонию короны монарха, прямо ассоциирующегося с разделами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России, может, пусть и косвенно, обидеть поляков, которых он так активно призывал к лояльности и конституции которых присягнул всего две недели назад.

Однако процесс формирования нового социального порядка не мог быть запущен по мановению руки нового правителя, а его разворачивание не

⁶⁶⁸ Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre. P. 15; Kurjer Warszawski. 1826. № 75. S. 297.

⁶⁶⁹ Торжественное везение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича. С. 533–538.

⁶⁷⁰ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–13.

⁶⁷¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 32 об. — 33.

⁶⁷² Там же. Л. 32 об.

происходило сугубо в рамках предписанных (или предполагаемых) Николаем I установок. Трактовки, одобренные для шествия в Петербурге, были не единственной интерпретационной моделью, представленной публике. Речь идет о региональных шествиях за гробом Александра I.

Отметим, прежде всего, что организацией движения печального кортежа (включая церемониальные шествия в городах по пути следования) должны были заниматься сразу несколько структур – помимо упомянутой выше отвечавшей в целом за организацию перевозки тела императора в столицу и его похороны Печальной комиссии в Петербурге во главе с князем А.Б. Куракиным, в Таганроге, а затем и в Москве были сформированы чрезвычайные комитеты, которые возглавили генерал-адъютант князь П.М. Волконский и князь Н.Б. Юсупов соответственно⁶⁷³.

Взаимодействие Печальной комиссией с Таганрогом было затруднено из-за отдаленности территории. Переписка находившегося при гробе Александра П.М. Волконского и А.Б. Куракина демонстрирует, что при всем желании первого, следовать инструкциям из столицы, сделать это получалось далеко не всегда. Поиск ответов на многочисленные вопросы (использование регалий, определение маршрута, охрана кортежа и пр.) в Петербурге находились небыстро⁶⁷⁴. Волконский ждал инструкций неделями, а получив не всегда знал, как надлежит интерпретировать последние. Показателен эпизод, когда Волконский, который, получив приказание «по пути остановки с ночлегом делать в приличных местах», запросил комиссию прояснить «... что значит “приличные места в селениях”»⁶⁷⁵. Волконский часто вынужден был решать вопросы исходя из собственного видения; планы и фигуры, «потребные для церемонии», он также рисовал самостоятельно⁶⁷⁶. Некоторые решения петербургская комиссия оставила на усмотрение находившейся в Таганроге вдовы Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны.

⁶⁷³ Миролубова Г.А. Указ. соч. С. 160; РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 7.

⁶⁷⁴ РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 42–42 об., 45; Д. 8. Л. 92.

⁶⁷⁵ Миролубова Г.А. Указ. соч. С. 161.

⁶⁷⁶ Миролубова Г.А. Указ. соч. С. 165.

Пребывавшая в тяжелом, подавленном состоянии вдовствующая императрица, в свою очередь, перепоручила дела все тому же Волконскому. Иногда инструкции из столицы и вовсе приходили слишком поздно. Так, во время остановки в Бахмуте похоронное шествие догнал прибывший из Петербурга князь Васильчиков, которому Николай I поручил предводительствовать шествием. К этому времени, однако, эти полномочия по поручению императрицы Елизавета Алексеевны уже исполнял Василий Орлов-Денисов и Васильчикову ничего не оставалось, как направиться обратно в столицу⁶⁷⁷.

Кроме того, многие решения по оформлению печального шествия в регионах принимались, исходя из имеющихся ресурсов и индивидуальных представлений тех, кто принимал решение о проведении церемонии в конкретном месте. Согласно источникам, во время перемещения тела монарха по России ряд церемониальных вопросов (оформление монаршего катафалка, вынос короны и пр.), а также маршрут передвижения печального кортежа по России контролировался Петербургом. Вместе с тем решения относительно встречи гроба на границе губернии или уезда, передвижения траурной колесницы по городу, состава печального шествия и оформления собора принимались администрацией территорий, прежде всего, губернаторами⁶⁷⁸. Все это привело к вариативности региональных шествий за гробом Александра I⁶⁷⁹.

Особенно примечательной оказалась церемония в Москве. «Печальный кортеж» с телом покойного Александра I, двигавшийся из Таганрога в Санкт-Петербург, сделал остановку в древней столице. По этому случаю в городе

⁶⁷⁷ Шениг Н.И. Воспоминания Николая Игнатьевича Шенинга // Русский архив. 1880. Кн. 3. № 1. С. 288.

⁶⁷⁸ См., например: РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 6. Л. 193 об – 194 а, 219 об. – 220; Д. 23. Л. 145 об., 151, 152, 156-156 об.; Шениг Н.И. Указ. соч. С. 288, 290; Болтунова Е.М. «Здесь целая губерния в лице ее избранных...»: социальные иерархии в региональных шествиях Печального кортежа Александра I (1826). С. 93–116.

⁶⁷⁹ Очевидно, такое развитие событий не понравилось Петербургу. Конец практике, когда император в большей степени наблюдал, нежели контролировал происходящее, был положен через несколько месяцев после похорон Александра I. Когда в небольшом городе Белеве на пути из Таганрога в Петербург скончалась вдова Александра I Елизавета Алексеевна. Печальная комиссия выпустила два печатных церемониала, которым надлежало строго следовать при организации шествий за гробом императрицы в губернских и уездных городах (РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 23. Л. 405–406).

было устроено огромное шествие, сопоставимое с последующими петербургскими похоронами императора⁶⁸⁰. В процессии вместе с религиями монарха, хранившимися в Оружейной палате Московского Кремля, была вынесена и так называемая «польская корона»⁶⁸¹ — упоминавшийся выше похоронный венец Станислава Августа⁶⁸². При этом москвичи прямо проигнорировали решение самого императора Николая, отказавшегося включать корону в список регалий шествия⁶⁸³.

Решение вынести корону монарха, прямо ассоциировавшегося с разделами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России — стране-участнице разделов, получившей в результате последних наибольшую территорию, — было вполне демонстративным жестом. Москвичи, очевидно, были готовы включить унижение Польши в нарратив alexandrovских побед.

Отдельно отметим, что положение Польши как территории иной и отличной от России, хотя, конечно, и инкорпорированной в состав империи, было подчеркнуто в Москве и шествием орденов. В рамках последнего польские награды были вынесены отдельно от иностранных, но при этом и не вместе с российскими, как это происходило в других губерниях, через которые проезжал Печальный кортеж⁶⁸⁴, и оказались «ниже» абсолютно всех российских наград⁶⁸⁵.

⁶⁸⁰ Московское шествие за гробом монарха было подробно описано в печатном церемониале (Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный град Москву тела Государя императора Александра I. Печатный. С дозволения правительства. Москва, в типографии П. Кузнецова. Генваря 30 дня 1826 // РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 7. Л. 267–285) и нашло свое визуальное воплощение в литографиях. Грандиозный замысел было поручено реализовать Комитету для устройства печальной церемонии во главе с князем Н.Б. Юсуповым (Там же. Л. 9 об., 121–275 об.), екатерининским вельможей, меценатом и коллекционером. Гроб с телом императора был доставлен к границе города, где была совершена первая лития, а затем провезен «по большой Пятницкой улице, через Москворецкий мост, мимо лобного места, через Спасские ворота к Архангельскому собору», усыпальнице Рюриковичей и Романовых в Кремле (Там же. Л. 276–277 об.). За гробом императора шла вся Москва — от дворян и чиновников до мещан и студентов. Расходы по проведению московского действия (более 98 тыс. руб.) были возложены не на местное дворянство, а оплачены из государственной казны (Там же. Л. 12, 29, 31).

⁶⁸¹ Там же. Л. 283 об. — 284.

⁶⁸² Там же. Л. 2–2 об., 13.

⁶⁸³ Там же. Л. 32 об.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 282 об. — 283 об.

⁶⁸⁵ Там же. Л. 80. Примечательно, что такое видение было даже несколько более смягченным по отношению к первоначальной задумке. В делах Московской комиссии о похоронах Александра I сохранился «Список Иностранным орденам, которые должны быть несены в печальной процессии в Москве», среди которых польский орден Св. Станислава перечислен вместе с французскими, немецкими, испанскими, португальскими и шведскими орденами.

Предложенная в древней столице репрезентация польских территорий, которую в Петербурге вполне осознали, только когда шествие уже состоялось, стала причиной серьезных разбирательств. По окончании церемонии в Москве использовавшиеся в шествии регалии, включая польскую корону, были доставлены в Петербург⁶⁸⁶. Фактически Москва попыталась предложить Северной столице разделить свою позицию в вопросе о Польше. Главе Печальной комиссии князю А.Б. Куракину пришлось объясняться перед императором за полученные из Москвы вещи: «Из помянутых... корон... Польской Ваше Величество не изволили назначить в процессию и сей последней... от князя Юсупова я не требовал...»⁶⁸⁷ Куракин был вынужден, кроме того, указать Николаю I, что эпизод выноса польской короны во время шествия в Москве вошел в московский печатный церемониал. Князь писал, что «поставил себе в обязанность» доложить об инциденте, «предвидя неминуемые в публике толки о таковой в церемониалах обеих столиц разнице»⁶⁸⁸. Император принял объяснения князя Куракина, подтвердив, что использовать польскую корону в петербургском церемониале «излишне». Она была оставлена в Зимнем дворце и после траурных мероприятий отправлена с прочими регалиями обратно в Московскую Оружейную палату⁶⁸⁹.

Случай несовпадения петербургского и московского церемониалов 1826 г. указывает, что к началу царствования Николая I в России существовало несколько интерпретационных моделей, развернутых в сторону осмысления положения Царства Польского в империи. При этом они существенно отличались по своему содержанию, как, впрочем, и по значению – московское «прочтение» статуса польских территорий империи носило в значительной степени локальный характер.

Исключительно показательным в отношении интерпретации значения Польши в иерархии территорий Российской империи может стать надгробная

⁶⁸⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 189.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 189 об.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 189–189 об.

надпись на могиле Александра I. Согласно материалам Печальной комиссии, 24 декабря 1825 г. император Николай I утвердил ее в следующем варианте:

Александр I
Император и Самодержец Всероссийский
Царь Польский и Великий князь Финляндский
и прочая и прочая и прочая⁶⁹⁰

Слова, высеченные на надгробии покойного императора, были прямым свидетельством его императорского достоинства и прямо указывали на главные регионы в составе Российского государства. Оптика политического, помимо указания, собственно, на империю, была смещена в сторону Запада, а именно — европейских территорий, вошедших в состав страны при Александре I. Все остальные земли, находившиеся теперь под властью его брата Николая I, были компактно уложены в формулу «и прочая и прочая и прочая».

Отметим, что триада Россия–Польша–Финляндия была прямо заимствована из александровского документа об отречении Константина, который был опубликован Николаем вместе с манифестом о восшествии на престол. В этом тексте покойный император провозглашал: «...мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих по общему для земнородных закону воззовет Нас от сего временного Царства в вечность, Государственные сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше, в надлежащее время, по распоряжению Нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою Назначенному Нами Наследственному Императору *единого нераздельного Престола Всероссийской Империи, Царства Польского и*

⁶⁹⁰ Там же. Л. 34. К этой надписи была также добавлена информация о дате и месте рождения, смерти и погребения монарха, а также дата его вступления на престол.

*Княжества Финляндского»*⁶⁹¹. Формулировка, объединяющая «престолы» Российской империи, Польши и Финляндии, еще несколько месяцев активно циркулировала в корреспонденции чиновников и военных⁶⁹².

Спустя несколько дней после того, как тело Александра I нашло упокоение в Петропавловском соборе Петербурга, в Варшаве — столице Царства Польского — было проведено особое поминовение, так называемые символические похороны Александра I⁶⁹³. Грандиозные по размаху мероприятия в Царстве Польском были одновременно и похожи, и не похожи на поминовения Александра в регионах и столице Российской империи; они продлились более двух недель (26 марта (7 апреля) — 11 (23) апреля 1826 г.) и завершились огромным шествием, которое было выстроено вокруг пустого гроба, водруженного на катафалк.

Существенно, что для подготовки действия в Варшаве не было создано никакой специальной структуры⁶⁹⁴. Основные решения по организации символических похорон Александра I взяло на себя министерство вероисповеданий и народного образования, которое выступило в качестве разработчика содержательного плана церемонии. В архивных фондах именно этой институции содержатся основные материалы по организации символических похорон Александра I⁶⁹⁵. Содействие в подготовке грандиозного действия оказывало также министерство внутренних дел и полиции, в ведении которого находились вопросы по обеспечению проезда траурного кортежа и поддержание порядка в городе. Сохранившиеся материалы о деятельности Константина Павловича в Польше (как известно, варшавский архив великого князя был сожжен во время восстания 1830–1831

⁶⁹¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 5.

⁶⁹² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 25. Оп. 161а/2. Д. 857. Л. 3, 56.

⁶⁹³ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego, Warszawa: nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1829; Kurjer Warszawski. 1826. № 63. S. 254; № 83. S. 337–338; Вестник Европы. 1826. № 8. Т. 147. С. 306–310.

⁶⁹⁴ Похороны наместника российского императора в Царстве Польском Ю. Зайончека 1826 г также не сопровождалась созданием в Варшаве какой-либо временной институции (AGAD. F. 190. D. 91. K. 136–138).

⁶⁹⁵ AGAD. F. 190.

гг.), указывают, что последний был вовлечен в процесс организации символических похорон, однако решения по основным вопросам не исходили непосредственно от него. Великий князь не поехал проститься с братом в северную столицу⁶⁹⁶, однако пристально следил за перемещением печального кортежа по России и мероприятиями в Петербурге⁶⁹⁷. Его участие в организации церемонии в Варшаве ограничилось посредничеством между польской и российской стороной в вопросе о церемониале. По сути, все вопросы, связанные с проведением церемонии, решались в Царстве Польском в рамках работы двух министерств при участии великого князя Константина Павловича.

Министерство вероисповеданий и народного образования, игравшее в формировании «сценария» основную роль, была самой крупной из существовавших в Царстве Польском министерств – в ее состав входило 16 человек. С 1820 г. комиссию возглавил Станислав Грабовский, незаконнорожденный сын короля Станислава Августа Понятовского, который после отречения отца провел несколько лет в Петербурге, где был близок ко двору Павла I, входил в круг молодых друзей наследника, и свел знакомство с великим князем Константином Павловичем⁶⁹⁸.

Спустя два с половиной десятилетия, пережив карьерные взлеты и падения (в том числе связанные с его антирусской позицией начала 1810-х гг.) и отказавшись от просвещенческих идеалов юности, сблизивших его с молодым Александром I, Станислав Грабовский был чиновником, переживавшим новый карьерный виток и ревностным католиком⁶⁹⁹. При Грабовском министерство вероисповеданий и народного образования, которое

⁶⁹⁶ В Петербурге ожидали приезда Константина Павловича на похороны Александра I. Для великого князя Константина и его жены были приготовлены траурная одежда и экипаж (Миролюбова Г.А. Указ. соч. С. 169, 171).

⁶⁹⁷ Генерал В. Орлов-Денисов писал Константину в Варшаву пространные письма с донесениями о том, что происходило во время каждой из остановок, пересылал печатные церемониалы и литографии (РГВИА). Ф. 25. Оп. 2/161 а. Д. 492. Л. 30-95). См. также материалы о кончине Александра Павловича в канцелярии Н.Н. Новосильцова (AGAD. F.197. № 675).

⁶⁹⁸ Носов Б.В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 278.

⁶⁹⁹ Там же. С. 279; Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 51.

в литературе традиционно воспринимают как структуру, нацеленную на выработку политики в отношении начального и среднего образования⁷⁰⁰, превратилась в серьезного актора, действующего в сфере укрепления в Царстве структур католической церкви. Именно в это время в составе министерства появилась Духовная римско-католическая секция (1821 г.) под председательством примаса католической церкви⁷⁰¹. Забегая вперед, отметим, что министр народного просвещения Станислав Грабовский и примас Царства Польского Ян Павел Воронич были активными действующими лицами церемонии символических похорон Александра I – Воронич провел службу в соборе Св. Яна, оба произнесли в церкви речи, обращенные к памяти покойного императора⁷⁰².

В Варшаве готовиться к церемонии поминания Александра I начали еще до окончания действа в Петербурге. Константин Павлович, не приехавший, вопреки ожиданиям, проститься с братом в Северную столицу⁷⁰³, пристально следил за перемещением печального кортежа по России и событиями в Петербурге⁷⁰⁴. «Варшавский курьер», главная газета Царства Польского, описывала перемещение останков монарха из Таганрога в Петербург, рассказывая своим читателям о состоявшихся в губернских и уездных городах шествиях и грандиозных столичных похоронах Александра⁷⁰⁵.

Проект церемонии символических похорон в Варшаве был подготовлен в Царстве Польском, здесь же были выполнены все королевские инсигнии⁷⁰⁶.

⁷⁰⁰ Марней Л. П. Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в. // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. С. 233.

⁷⁰¹ Носов Б.В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 277.

⁷⁰² AGAD. F. 197. № 675. К. 25.

⁷⁰³ Для великого князя Константина и его жены были приготовлены траурная одежда и экипаж (*Миролюбова Г.А.* Последний путь. С. 169, 171).

⁷⁰⁴ Генерал В. Орлов-Денисов писал Константину Павловичу в Варшаву пространные письма с донесениями о том, что происходило во время каждой из остановок, и пересылал печатные церемониалы и литографии (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 30–95).

⁷⁰⁵ Kurjer Warszawski. 1826. № 5. S. 1–2; № 15. S. 1–2; № 59. S. 1; № 77. S. 1.

⁷⁰⁶ Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64; Коварская С.Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 72.

Из Петербурга, однако, были доставлены императорские ордена: в день похорон Александра I в столице Российской империи, сразу по окончании печальной церемонии, канцлер российских орденов князь Куракин отослал в Варшаву «все ордена как российские, так и иностранные, коих покойный государь император изволил быть кавалером»⁷⁰⁷.

Для поминовения Александра I в зале ассамблей Варшавского замка была устроена «печальная зала» (*castrum doloris*)⁷⁰⁸. Здесь был сооружен помост, на котором установили символический гроб Александра I. Вокруг него были размещены военные мундиры и ордена императора, здесь же были выставлены корона, скипетр, держава и меч⁷⁰⁹. На гроб, покрытый порфирой, был установлен бюст монарха в римской тоге и с лавровым венком на голове⁷¹⁰. Пока пустой гроб находился в замке, по городу распространяли копии молитвы о польском короле Александре I⁷¹¹.

Кульминацией символических похорон, как уже было сказано, стало шествие 27 марта (8 апреля) 1826 г. от Краковского предместья до собора Св. Яна⁷¹². Как и в Петербурге, под звук печальных маршей и артиллерийские залпы за пустым гробом императора Александра I шел весь город. Процессия вполне традиционно была «обрамлена» шествием войск и разделена на несколько уровней, каждый из которых был определенным образом осмыслен и семиотически оформлен. Основу процессии составляло шествие представителей целого ряда социальных групп и институций — горожан, духовенства, представителей образовательных учреждений, депутатов от воеводств, членов Сената и Административного совета. Перед катафалком с гробом, на котором стоял бюст покойного императора, несли регалии

⁷⁰⁷ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156.

⁷⁰⁸ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁷⁰⁹ Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

⁷¹⁰ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁷¹¹ AGAD. F. 190. № 92. K. 180–191.

⁷¹² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. S. I–XXXIV; AGAD. F. 197. № 675. K. 3–4. В последний момент из-за непогоды церемония была перенесена с 7 на 8 апреля (Kurjer Warszawski. 1826. № 82. S. 333; № 83. S. 337–338).

власти — ордена, меч, державу, скипетр и корону. За гробом вели лошадь «с седлом покойного Его Величества», за которой ехал цесаревич Константин, сопровождаемый генералитетом и штаб-офицерами⁷¹³.

Власть Александра в католической Польше была столь же сакральна, как в Таганроге, Новгороде, Москве или Петербурге. Неудивительно поэтому, что значительную часть шествия в Варшаве составляли священники — несколько «отделений» представителей католических монашеских орденов (капуцины, реформаторы, бернардинцы, францисканцы, кармелиты, августинцы, доминиканцы), семинаристы, а также пять епископов и, наконец, примас, глава католической церкви в Царстве Польском⁷¹⁴. Каждый раз, когда катафалк достигал какого-либо костела, процессия останавливалась для раздачи милостыни: камергер и два офицера заходили в церковь, обращаясь к собравшимся внутри духовным лицам, произносили краткую речь и отдавали милостыню. Судя по сохранившимся визуальным источникам, участники шествия также заходили с милостыней в синагогу⁷¹⁵.

По окончании шествия в соборе Св. Яна прошла поминальная служба, которую провел примас. Он же произнес речь, главной темой которой стало воскрешение Польши под скипетром Александра I и благодарность подданных своему монарху. Воронич говорил о нации, которая пребывала в упадке столетие, но, благодаря спасительным действиям Александра, вновь обрела родину, мир, спокойствие и свободу⁷¹⁶.

При этом в церемонии не было и намека на православный контекст: упоминавшиеся выше православная церковь Варшавского замка и церковь на Подвальной улице в церемонии поминовения Александра I задействованы не

⁷¹³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 154–154 об.; *Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie*. P. I–XXXIV; AGAD. F. 197. № 675. K. 66–111; *Kurjer Warszawski*. 1826. № 82. S. 1; № 83. S. 1; № 84. S. 1; № 86. S. 1; № 87. S. 1; № 88. S. 1; № 89. S. 1.

⁷¹⁴ *Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie*. S. VIII–IX.

⁷¹⁵ Ibid. Appendix.

⁷¹⁶ *Woronicz J.P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowéy po wiekopomnéy pamięci najjaśnieyszym cesarzu Wszech Rossyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. [Warszawa, 1826.] S. 1–16.

были. Равным образом русский сегмент церемонии был отделен от польского. Так, распространявшиеся по городу печатные копии молитвы за покойного монарха были изданы на польском, французском и иврите, тогда как печатная молитва на русском языке опубликована не была⁷¹⁷. Фактически единственным официальным документом символических похорон Александра I в Варшаве на русском языке стал приказ от 18 (30) марта по Варшавскому гарнизону об участии в символической процессии «по вечно-достойной и блаженной памяти в Бозе почивающего Государя императора Александра Павловича»⁷¹⁸. Иными словами, существование русского пространства в Царстве Польском если и признавалось, то исключительно в связи с дискурсом войны.

Русские полки не принимали участия в шествии, хотя и были построены на одной из улиц по ходу движения процессии⁷¹⁹. В отличие от польских мундиров императора, которые выносили на подушках вместе с регалиями, мундиры полков русской армии, принадлежавшие Александру, оставались внутри строя соответствующих полков, то есть были скрыты от глаз. Приказ по Варшавскому гарнизону прямо регламентировал этот аспект: «Российские мундиры остаются на середине своих полков и в процессию не входят»⁷²⁰. После прохождения шествия мимо русских полков была проведена панихида⁷²¹. Устройство церемонии и место в ней солдат и офицеров русской армии особенно хорошо видны на одной из иллюстраций к описанию символических похорон императора Александра I. Здесь в центре мы обнаруживаем колесницу с гробом императора, а также стоящую отдельно группу офицеров и православных священников. Художник изображает группу

⁷¹⁷ AGAD. F. 190. № 92. К. 180–191.

⁷¹⁸ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 154–154 об.

⁷¹⁹ Там же. Л. 154.

⁷²⁰ Там же. Л. 154 об.

⁷²¹ Там же.

русских не как простых зрителей, но одновременно и не как часть процессии⁷²².

Символическое оформление церемонии соотносилось с Российской империей также весьма условно. Как уже упоминалось, в шествие были включены российские ордена Александра I, доставленные из Петербурга⁷²³, а на катафалке монарха был помещен герб Царства Польского, представлявший собой изображение российского двуглавого орла с польским Белым Орлом на груди⁷²⁴. Примас Воронич в своей речи в соборе Св. Яна и авторы многочисленных сочинений, изданных к символическим похоронам, упоминали, что польский король Александр обладал также и ипостасью российского императора⁷²⁵, однако гербы, декорировавшие костел Св. Яна или размещенные на флагах, которые несли за гробом Александра I, имели целью репрезентировать исключительно воеводства Царства Польского. Корона, которую выносили за гробом, апеллировала к образу исторической польской короны⁷²⁶.

Предлагаемый нарратив был продемонстрировать: поляки хоронили своего короля. Тот факт, что польский король являлся одновременно российским императором, был признан, но к Российской империи это практически не имело почти отношения. Будучи королем польской земли, территории обширной, разнообразной и величественной, он был одновременно императором в России, которая являла собой, если смотреть на

⁷²² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁷²³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156. Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. S. XVIII–XIX; AGAD. F. 197. № 675. K. 3–4.

⁷²⁴ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее — ОР РНБ). Ф. 1001. Оп. 1. Д. 287. Л. 78; Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

⁷²⁵ Woronicz J.P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowéy po wiekopomnéy pamięci najjaśnieyszemu cesarzu Wszech Rosseyi Alexandrze I; Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosseyi Króla Polskiego; Westchnienia czułego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wiecznéy pamięci nayiaśnieyszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rosseyi, wskrzesiciela i króla Polski. Warszawa, 1826; Jaskólski F. Wiersz na zgon wiecznéy pamięci najjaśnieyszego Alexandra Igo cesarza wszech Rosseyi, króla polskiego etc. etc. etc. Warszawa, 1826.

⁷²⁵ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. S. XIII–XVI.

⁷²⁶ Ibid. S. XIII–XVI.

обряд похорон, одно сплошное белое пятно. Иными словами, территория, входившая в состав Российской империи на правах автономии, не считала необходимым осмыслять или даже просто отмечать этот факт. При этом, что существенно, из Петербурга или хотя бы из варшавской резиденции великого князя Константина Павловича не поступало предписаний, прямых или косвенных, «заметить» огромную территорию к востоку от границы Царства Польского.

Император Николай I не предполагал, по крайней мере первоначально, чем обернется его разрешение на организацию поминаения Александра I в Варшаве. Это было первое, но далеко не последнее в истории взаимоотношений императора с поляками несоответствие видения ситуации и ее воплощения в реальности. Судя по переписке с великим князем Константином Павловичем, император представлял церемонию значительно более локальной, выстроенной вокруг мундиров покойного монарха, отправленных в Варшаву⁷²⁷. Николай I считал, что по прибытии мундиры надлежало «расположить на налое, затем пропеть панихиду, после чего отдать честь и отнести, так же, как мы относили флаги, в церковь или в другое место, где должен храниться мундир»⁷²⁸.

Во время подготовки к символическим похоронам Константин Павлович представил Николаю I проект варшавской церемонии. Мы не знаем, какое впечатление произвел на императора этот документ: молодой император откомментировал лишь то, что позволило ему оставаться в своей зоне комфорта — «изволил благодарить» Константина и высоко отозвался о выучке польских войск. Никаких содержательных замечаний сделано не было⁷²⁹. Сложно сказать, увидел ли Николай в тот момент, что на западном пограничье его империи в отношении самоописания и понимания статуса Польши существует иная система координат, сформировался нарратив, не

⁷²⁷ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 11, 45, 63, 67, 73, 77.

⁷²⁸ Там же. С. 15.

⁷²⁹ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 144–144 об.

совпадающий с официальным имперским. В любом случае российский император предпочел не противоречить Константину и не вмешиваться в «польские дела».

Первые месяцы правления императора Николая были отмечены сразу несколькими декларациями, обращенными в сторону Царства Польского. В рамках этих деклараций монарх выбрал стратегию признания особости этой территории своей империи, продолжая, тем самым политическую линию, принятую в правление его брата и предшественника на престоле Александра I. Вместе с тем в самой империи актуальными (и потенциально реактуализированными) могли стать альтернативные нарративы прочтения прав польских территорий империи.

3.2. Великий князь Константин Павлович как политический актер

Известный дореволюционный историк Н.К. Шильдер в своей биографии Николая I вполне справедливо отметил, что «при оценке событий, разыгравшихся в Варшаве до революции 1830 года, история должна принять во внимание особенное, исключительное положение, в которое судьба поставила императора Николая относительно своего старшего брата»⁷³⁰. Действительно, «междоцарствие» (с присягой Константину, а затем переходом власти к Николаю), во время которого общество стало свидетелем сложных отношений в императорской семье, и последовавшие за ним события на Сенатской площади, так сильно напомиравшие по своей форме перевороты первого века империи, оставили массу вопросов, которые, в свою очередь, питали домыслы вокруг отречения великого князя Константина Павловича. При этом, как справедливо отмечается в историографии, вокруг Константина всегда существовал некий ореол монаршей власти. О.С. Каштанова, рассматривая личность великого князя, отмечает, что «Греческий проект» Екатерины II, предполагавший, что второй внук императрицы займет престол восстановленной Византии, имел «неожиданные последствия» — после него

⁷³⁰ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 223.

«современники стали представлять себе Константина не только греческим государем, но и возможным монархом вообще какого-нибудь иностранного государства»⁷³¹. Константин фигурировал как претендент на власть во множестве проектов — албанском, шведском, сербском, французском. Авторы подобных идей искали возможность привлечения как военных, так и политических ресурсов Российской империи⁷³². В этом ряду стоит упомянуть и условно польские проекты — предложение, сделанное Станиславом Августом Понятовским Екатерине II в первой половине 1790-х гг. об избрании великого князя Константина польским королем⁷³³, и аналогичную идею Наполеона, высказанную Александру I в Тильзите в 1807 г.⁷³⁴ Если принять во внимание, что эти проекты времен Екатерины II и Александра I были достаточно хорошо известны обществу, мы получим более объемное понимание того, как современники видели великого князя.

Показательны сохранившиеся «Стихи на отказ его высочества цесаревича великого князя Константина Павловича от престола» В.А. Добровольского:

Внезапно дивный слух промчался

И всюду вселенну удивил:

Монарх от царства отказался,

Престол братъ брату уступил.

Что Петр и что Екатерина?

Что их великие дела?

⁷³¹ *Капитанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 100. См. также: *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 2.

⁷³² *Капитанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 57–101.

⁷³³ *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 2.

⁷³⁴ Проект Наполеона был направлен на ослабление Пруссии (*Капитанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 86; *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 214).

Перед делами Константина?
Пушай о них гремит хвала.

Они пределы расширяли,
Обширность царства своего;
Они престолы доставали:
Он отказался от него!

Когда рожденье и порода,
России вверенный закон,
Преданность войск, любовь народа,
Все, все — ему давали трон.

Но, гласу дружества внимая,
Отверг величества титул,
На трон возвысил Николая,
Ему он первый присягнул.

В усердии царю поклялся,
Примером быть земли своей,
Он цесаревичем остался,
Но выше стал он всех царей.

Ему не нужны диадемы
И клятвы верности в словах;
Народом князь боготворимый,
Без клятв ты царствуешь в сердцах.

Тебе усердье, вместо трона;
Сердца людей — тебе чертог;

Любовь народная — корона;
Тебе титул — наш полубог!⁷³⁵

Посредственные стихи «по случаю» довольно точно отразили самую суть проблемы и найденное императором Николаем решение последней. «Полубог» с короной народной любви на голове (безотносительно характера и репутации Константина) представлял опасность, расшатывая легитимность власти нового монарха. Нейтрализовать потенциальные проблемы надлежало при помощи нового нарратива «дружества», образа власти⁷³⁶, в котором братьев — Константина и Николая — связывали теплые братские чувства и глубокое почитание памяти покойного Александра I. Аппеляция к «братской любви» стала частью политического ритуала и одной из практик легитимации власти в первые годы царствования императора Николая.

⁷³⁵ Альбом С.Д. Полторацкого // Русская старина. Т. LVI. 1887. Вып. 10–12. С. 138. Этот же автор ранее написал «Песнь на проезд через Москву 30-го ноября 1825 года», также посвященное Константину Павловичу:

Что, россияне, так вы уныли?
Где ваша слава — добрый ваш царь?
С кем вы Европы мир утвердили?
Ах! Он в могиле!.. тяжкий удар!!!

Нет его; лейте слезы реками.
Счастье с ним ваше в миг протекло!
Но успокойтесь: Константин с вами,
Нам его небо отцом нарекло.

Мы поклянемся быть ему верны:
Он Александру равен душой;
С ним на сраженьях раны примерны,
Брат Александра — царь и герой!

(Там же. С. 137). Интересно, что образ Константина, который представил С.Д. Полторацкий, похож на прочтение фигуры великого князя в ряде других источников. Так, А.М. Грибовский записал в своем дневнике по случаю похорон Константина в 1831 г.: «Процессия при провозе гроба Константина Павловича... Процессия шла... в Петропавловскую церковь, где и положены будут его бранные останки вместе с коронованными особами, кажется, потому что он был уже признан императором. Таким образом кончил свой век этот чудак, который в молодости не знал границ своим желаниям, а после от царства отказался... я с сожалением смотрел на его похороны. Где девались гордость, кичливость, великия о себе думы, коими он равнял себя богам! ([Грибовский А.М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 129).

⁷³⁶ Р. Уортман справедливо назвал его «династическим сценарием» (Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 336–388).

В первые годы правления императора Николая особые отношения между братьями постоянно подчеркивались. Не случайно сцена объятий Николая и Константина после коронации 1826 г. в Успенском соборе Московского Кремля⁷³⁷ и описание шествия Николая по Соборной площади, «имея при особе своей двух ассистентов Цесаревича Константина Павловича и великого князя Михаила Павловича»⁷³⁸, стали ключевыми для формирования образа церемонии. Р. Уортман точно отметил, что «демонстрация привязанности была... использована, чтобы показать почтение цесаревича к младшему брату и развеять неопределенность отречения»⁷³⁹. Очевидно, что в ряде документов начала нового царствования Николай считал своим долгом отметить согласие Константина с принимаемыми установками. Так, в манифесте «О порядке наследия Всероссийского Престола и об опеке и правительстве в случае кончины Государя Императора до совершеннолетия наследника» (22 августа 1826 г.) регентом при наследнике в случае смерти Николая объявлялся великий князь Михаил⁷⁴⁰, но отдельно оговаривалось, что такое установление произведено «с предварительного одобрения любезного брата» Константина Павловича⁷⁴¹.

Ситуация с передачей власти, впрочем, накладывалась на особенности характера и образа жизни каждого из братьев. Николаю было сложно выстраивать отношения с братом, который был старше его на 17 лет. Дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, объясняя суть отношений отца с великим князем, писала, что император относился «с уважением к тем двадцати годам, на которые он (Константин. — *Прим. авт.*) был старше»⁷⁴².

⁷³⁷ См.: Vues des Cérémonies les plus intéressantes de Leurs Majestés Impériales l'Empereur Nicolas Ier et l'Impératrice Alexandra à Moscou. Paris: Firman Didot, 1828. P. 5.

⁷³⁸ Историческое описание Священнейшаго Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны. С. 181–182. В описании брата появлялись еще несколько раз (император «с... чувством стремился потом облобызать Венценосную Мать Свою и Августейших братьев Константина Павловича и Михаила Павловича») (Там же. С. 198–199).

⁷³⁹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 381.

⁷⁴⁰ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 537. С. 889–890.

⁷⁴¹ Там же. С. 889.

⁷⁴² Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж, отец, император. С. 187.

Показательно, что со старшим братом Николай I переписывался по-французски, а с младшим, Михаилом, более близким ему по возрасту и представлениям — по-русски. При этом в переписке император любовно именовал младшего брата «любезный Михайло»⁷⁴³.

Существенную роль играла и та власть, которую сосредоточил в своих руках цесаревич в последние годы правления Александра I. Константин Павлович, как известно, постоянно жил в Варшаве со второй половины 1810-х гг. и был женат на польской аристократке. С 1815 г. он возглавлял польскую армию Александра I, а с 1817 г. командовал также Литовским корпусом, который формировался в западных — бывших польских — губерниях Российской империи. Будучи активным сторонником особого статуса Польши, он активно лоббировал интересы Царства уже в 1818–1819 гг.⁷⁴⁴

Стоит отметить, что в работах, посвященных этому периоду и фиксирующих взгляд из России, великого князя Константина часто именуют наместником в Царстве Польском⁷⁴⁵. С точки зрения формальных позиций такая трактовка неточна — официальным наместником российского императора в Царстве с 1815 г. был Юзеф Зайончек. После смерти последнего в 1826 г.⁷⁴⁶ должность оставалась вакантной до 1831 г., то есть вплоть до появления на этом посту после подавления Польского восстания генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Вместе с тем великий князь Константин Павлович, безотносительно занимаемых должностей, воспринимался Петербургом как абсолютный представитель царя в регионе. Многочисленные русские источники, как документы официального делопроизводства, так и

⁷⁴³ РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–17; Николай I. Письма великому князю Михаилу Павловичу. 31 мая 1828 — 5 мая 1843 гг. // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. С. 345–464.

⁷⁴⁴ *Кашианова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 113.

⁷⁴⁵ См., например: *Залевский М.Н.* Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). Франкфурт-на-Майне: б/и, 1978. С. 155; *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 167; Польша: политика, экономика, общество / Под ред. А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 31; *Назирова Р.Г.* История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. 2014. № 4 (6). С. 63.

⁷⁴⁶ В польских архивах сохранилось подробное описание церемониала похорон наместника российского императора в Царстве Польском Ю. Зайончека. Это масштабное действо продолжило череду печальных мероприятий 1826 г. в Варшаве (AGAD. F. 190. D. 91. K. 136–138).

материалы личного происхождения, именуют великого князя Константина наместником в Польше не только применительно к первым годам николаевского царствования, но и к значительно более раннему периоду. Такая трактовка апеллирует к фактическому, а не формальному положению дел, то есть указывает на статус, а не на должность.

Константин Павлович был членом правящей династии, и его полномочия в регионе были беспрецедентны⁷⁴⁷. Формально Константин командовал польской армией, однако в действительности он был облечен в Польше самой широкой властью. В январе 1822 г. император Александр I подписал распоряжение, согласно которому Константину Павловичу была предоставлена «над губерниями Виленскою, Гродненскою, Минскою, Волынскою, Подольскою и Белостокскою областью... власть Главнокомандующего действующей армии». Этот документ остался практически не замеченным в литературе⁷⁴⁸, а ведь именно это распоряжение устанавливало власть цесаревича над очень значительной территорией. Формально Константину присваивались «все права, власть и преимущества, предоставленные Главнокомандующему по учреждению действующей Армии»⁷⁴⁹, однако в действительности с этого момента Константин контролировал регион, который включал в себя не только Царство Польское, но также бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав Российской империи в XVIII столетии. В архивных фондах сохранились всеподданнейшие прошения чиновников и дворян этих губерний к Константину относительно самых разных дел, никак не связанных с руководством армией. Речь шла прежде всего о финансах — вопросах прощения недоимок, расходования сумм

⁷⁴⁷ Как показала О.С. Каштанова, авторы польских воспоминаний видели ситуацию более диверсифицированно — от указаний на активную роль великого князя Константина до оценки его позиции как совершенно нейтральной и далекой от государственных дел (*Каштанова О.С. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М.: Наука, 2008. С. 119–120*).

⁷⁴⁸ Исключение составляет диссертация О.С. Каштановой, в которой этот эпизод анализируется как часть биографии Константина Павловича (*Каштанова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 118*).

⁷⁴⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1–2 об.

земских сборов, дозволения «ввести обеспечительную или кредитную систему на обыкновенных правилах ипотеки» по примеру принятой в Царстве Польском и т. д. К цесаревичу обращались также в связи с дворянскими выборами и вопросами имущественного характера⁷⁵⁰. При этом территории Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской губерний, а также Белостокской области именовались в документах «присоединенными от Польши губерниями» и «губерниями, состоящими под надзором Его Императорского Высочества Цесаревича»⁷⁵¹.

Особый статус Константина на этих территориях не был секретом для российского общества. А.Х. Бенкендорф пишет в своих «Воспоминаниях»: «Провинции, расположенные перед польскими землями — Вильно, Гродно, Белосток, Минск, Волынь и Каменец Подольский, находились под его (Константина Павловича. — *Прим. авт.*) командованием и управлялись военной администрацией»⁷⁵². В другом месте, рассуждая о взаимоотношениях Николая и Константина, шеф Третьего отделения замечает, что цесаревич «на протяжении многих лет... привык подчиняться только самому себе, вошел в обыкновение приказывать как начальник»⁷⁵³. Схожим образом полномочия Константина описывали люди иного уровня информированности. Так, мемуарист О. Пржецлавский (Ципринус), оставивший воспоминания о времени, проведенном в литовских землях, указывал, что цесаревичу подчинялись «в административном порядке присоединенные от Польши губернии, западные, юго-западные и Белоруссия»⁷⁵⁴. Примечательно и привлечение внимания Третьего отделения письмо неизвестного лица, в котором последний комментировал факт сосредоточения Константином всей власти на бывших польских территориях следующим образом: «Вы же уже знаете, каких сил стоило Великому князю Константину овладеть польскими

⁷⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 5379. Л. 1–11 об.

⁷⁵¹ Там же. Л. 1 об., 4–5.

⁷⁵² Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 402–403.

⁷⁵³ Там же. С. 408.

⁷⁵⁴ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1709. См. также оценки дипломата П. Г. Дивова (Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.) // Русская старина. 1899. № 12. С. 526).

провинциями, принадлежащими России. Они вернулись к единственному управляющему»⁷⁵⁵.

По мнению О.С. Каштановой, такое усиление роли Константина в регионе стало итогом многолетней конкуренции между ним и императором Александром⁷⁵⁶. Исследовательница полагает, что, несмотря на павловский закон о престолонаследии 1797 г., который определял очередность занятия престола в Российской империи, «с 1799 г. в России фактически существовало два наследника престола: Александр и Константин, которому Павел пожаловал титул цесаревича 28 октября (8 ноября)», формально — за храбрость, проявленную великим князем при участии в суворовских походах конца века⁷⁵⁷. Константин Павлович действительно проявил себя во всех отношениях достойно и был встречен в Петербурге как герой⁷⁵⁸. В честь его возвращения в столице устроили серию балов, а в Эрмитажном театре был поставлен балет⁷⁵⁹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что организаторы переворота 11 марта 1801 г., стремившиеся к свержению с престола Павла I, рассматривали Константина как одного из возможных претендентов на престол⁷⁶⁰. Конкуренция Константина и Александра, достигшая к началу 1820-х гг. своего

⁷⁵⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

⁷⁵⁶ Каштанова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 118. *Kasztanova O. Śledztwo w sprawie Towarzystwa Patriotycznego a sąd sejmowy w raportach wielkiego księcia Konstantego do Mikołaja I (w latach 1826–1829) // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 47–108.* Позицию О.С. Каштановой разделяет польский историк М. Мицельский. См., например: *Mycielski M. Konstytucyjne i pozakonstytucyjne mechanizmy rządzenia Królestwem Polskim przez Aleksandra I i Mikołaja I w latach 1815–1830 // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 29–46.*

⁷⁵⁷ Каштанова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 105. Титул «цесаревича» Константин сохранил за собой до самой смерти. См., в частности, материалы, связанные с его погребением в 1831 г.: РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–26.

⁷⁵⁸ Константин Павлович принял участие в Итальянском походе А.В. Суворова, был задействован в сражениях при Треббии (1799) и Нови (1799) (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 9*). Об этом см. также: Чечулин Н.Д. Константин Павлович // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 9. СПб., 1903. С. 172–173.

⁷⁵⁹ *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 10; Чечулин Н.Д. Константин Павлович. С. 173.*

⁷⁶⁰ Константин, у которого изначально сложились очень теплые отношения с отцом, не знал о готовящемся перевороте 11 марта 1801 г., отреагировал на убийство Павла I чрезвычайно болезненно и требовал повесить заговорщиков (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 3, 11*).

пики, результировала в подписание в 1822 г. двух документов — отречения Константина Павловича от престола в пользу Николая Павловича⁷⁶¹ и упоминавшегося выше распоряжения о предоставлении Константину Павловичу военной власти в западных губерниях. Таким образом был произведен обмен: отказ от престола был получен императором Александром ценой предоставления брату неограниченного контроля над западными территориями.

Дипломат и мемуарист П. Дивов в своем дневнике высказывает идею, что восстановление Польши было в конце концов одобрено Александром I, поскольку император «надеялся этим удовлетворить честолюбие брата, отказавшегося от русского престола вследствие своего брака с полькой». «Нам неизвестно, — продолжает дипломат, — какие надежды лелеял великий князь Константин Павлович, отказываясь от русского престола и видя себя на возрождающемся престоле Польши в качестве наместника своего брата Александра, но, обсуждая все его поступки с того момента, вплоть до кончины, мы имеем полное основание думать, что он замыслил занять независимое положение». В качестве независимых действий Константина Дивов указывает на замену русских солдат Литовского корпуса польскими, укрепление «на счет России» крепостей Модлин и Замосец и образование особой «министерской канцелярии»⁷⁶².

Если не иметь в виду особенности личности великого князя⁷⁶³ и совершенно естественное для члена правящей династии неприятие

⁷⁶¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3–4.

⁷⁶² Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.). С. 525–526.

⁷⁶³ О.С. Каштанова отмечает, что Константин «соединял в себе множество разных натур», а его решения зачастую объяснялись реакцией на внешние обстоятельства (*Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников). С. 113). Дочь императора Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, видевшая Константина лишь ребенком и отразившая в своих воспоминаниях, вероятно, некий существовавший в семье образ дяди, оперировала оппозициями в ориенталистском ключе: «У него [Константина] были качества полутатарского, полурусского-цивилизованного характера» (*Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 187). О восприятии Константина Павловича в Польше и репрезентации его образа в художественной литературе см. также: *Филатова Н.М.* Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // *Юлиуш Словацкий и Россия / Под ред. В.А. Хорева, Н.М. Филатовой.* М.: Индрик, 2011. С. 38–52.

бунтовщиков, позиция Константина в период его жизни в Царстве была ориентирована на интересы Польши. Стоит отметить, что Константин был, как и Александр, воспитан Лагарпом⁷⁶⁴ и еще в юности много общался с Чарторыйскими⁷⁶⁵. К моменту вступления Николая на престол Константин Павлович более или менее постоянно жил в Варшаве около 10 лет⁷⁶⁶. 12 (24) мая 1820 г. Константин обвенчался в Варшаве с полькой Иоанной (Жанеттой) Грудзинской, которой был пожалован титул графини Лович⁷⁶⁷. Брак Константина и княгини Лович традиционно интерпретируется как история любви и преданности, однако возможна куда менее романтизированная трактовка, в рамках которой Лович стала польским «проектом влияния» на Константина, который официально являлся наследником российского престола. Интересно, в что польском историческом фильме «Княгиня Лович» 1932 г. в одной из сцен главная героиня появляется в горностаевой мантии, с лентой через плечо и подобием короны на голове, то есть предстает в образе императрицы.

Один из современников отмечал, что «польское общество в Варшаве чрезвычайно обрадовалось свадьбе цесаревича», питая надежды «иметь легчайший доступ к нему (Константину Павловичу. — *Прим. авт.*) через посредство княгини», а все родственники Лович «даже самые дальние поднялись на 100 процентов»⁷⁶⁸. Вероятно, речь шла об использовании устоявшегося шаблона, задействованного несколькими годами ранее в отношении Наполеона в связи с его романом с Марией Валевской.

⁷⁶⁴ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 4–5. О Лагарпе и его взаимоотношениях с сыновьями Павла I см. также: Андреев А.Ю. Лагарп: Швейцарец, воспитавший царя. М.: Молодая гвардия, 2024.

⁷⁶⁵ Младший из братьев Чарторыйских, Константин, был назначен адъютантом к Константину Павловичу (Ibid. P. 7).

⁷⁶⁶ Ibid. P. 25.

⁷⁶⁷ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Издание Суворина, 1898. Т. 4. С. 176. Пожалованию титула предшествовал указ императора Александра I о даровании имения Лович, некогда принадлежащего примасам Польши, великому кнзю Константину Павловичу в знак благоволения за заслуги по формированию польских войск (Устимович М.П. Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (историческая заметка). Варшава, 1894. С. 118–119).

⁷⁶⁸ [Колзаков К.П.] Княгиня Лович. Розыск К.П. Колзакова. С. 400.

К середине 1820-х гг. Константин практически перестроил собственное «я» на польский манер: он мог именовать себя «поляком», а Царство Польское — «страной» и был склонен в сочетании прилагательных «русский» и «польский» акцентировать второе слово⁷⁶⁹. Он практически не бывал в Петербурге, воспринимая столицу империи как пространство едва ли не враждебное, наполненное врагами, главной целью которых было устройство разлада между ним и императором Николаем⁷⁷⁰. Вероятно, великий князь находился в это время под сильным влиянием католичества. Рассуждая на предмет веротерпимости и собственной религиозности, Константин писал в январе 1828 г. Лагарпу: «Моя жена принадлежит к этому вероисповеданию (римско-католическому. — *Прим. авт.*), держится его чрезвычайно ревностно; это весьма деликатная струна, которую трудно с ней затрагивать мне, греко-католику. Иногда я эмансипируюсь на счет этой знаменитой секты и всего, что нее касается, не заходя, впрочем, слишком далеко...»⁷⁷¹

С течением времени у великого князя сложилось достаточно четкое представление и о собственной миссии — представительстве за поляков (в тех формах, которые он полагал верными) перед Петербургом и императором Николаем. Ирония ситуации заключалась в том, что с течением времени Константин Павлович становился все менее и менее популярным в Царстве Польском, что было связано с непредсказуемостью его действий и страстью к

⁷⁶⁹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 234. См. также более поздние материалы, в которых Константин рассуждает о самом себе, например: Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. // Военский К. Император Николай и Польша в 1830 году: Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1905. С. 120. Следует отметить, что таким положение дел было не всегда. Риторика Константина Павловича периода Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, напротив, прямо апеллировала к категориям русского национального. Показательно его высказывание, направленное против М.Б. Барклая-де-Толли, зафиксированное современниками в 1812 г. во время отступления русской армии к Смоленску. Великий князь позволил себе критику командующего, прямо объявив, что из-за немцев проливается русская кровь (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 15*). Обнаруживать в себе русского Константин вполне мог и для подкрепления того или иного аргумента. Так, в письме Лагарпу в 1827 г. великий князь писал: «Да будет счастлива дорогая и великая Россия, да не увидит она более печальных и гнусных сцен, да будет она велика не только своим пространством, но истинными чувствами чести, которые должны ее поддерживать и внушать к ней уважение ибо без этого сила ее не была бы непоколебима. Здесь я говорю как русский, любезный наставник...» (Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829 // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 68).

⁷⁷⁰ Walker F. A. Constantine Pavlovich: An Appraisal // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 3. P. 450.

⁷⁷¹ Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829. С. 73.

парадам. Цесаревичу хоть и не прямо, но ставили в вину репрессии против членов тайных обществ, ограничения в преподавании польской истории и литературы⁷⁷², а его роль адвоката польских прав и позиций была мало кому известна в Варшаве⁷⁷³.

Нельзя не отметить замечательную во многих отношениях историю участия Константина Павловича в работе представительных органов Царства Польского. Великий князь был депутатом польского сейма. Он получил этот статус в 1818 г. и сохранил его вплоть до восстания 1830–1831 гг.⁷⁷⁴ По официальной версии, инициатива депутатства Константина исходила одновременно от самого великого князя и от польских горожан. В подписанном Александром I в этой связи документе говорилось, что «император Всемиловейше соизоляет совместному желанию его высочества и обывателей Новой Праги»⁷⁷⁵.

Константин был символично выбран депутатом от Праги — Варшавского предместья, со стороны которого войска А.В. Суворова штурмовали город во время восстания Т. Костюшко в 1794 г.⁷⁷⁶ Апеллируя к событиям конца прошлого века, цесаревич демонстрировал стремление искупить русские грехи перед поляками.

Екатерининская политика в отношении Польши уже к концу 1800-х гг. характеризовалась императором Александром I как «не соответствующая духу времени»⁷⁷⁷. К моменту начала Венского конгресса у русского общества

⁷⁷² В большей степени критике подвергался Н.Н. Новосильцев, доверенное лицо великого князя Константина Павловича.

⁷⁷³ *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 96.

⁷⁷⁴ *Майков П.М.* Царство Польское после Венского конгресса // *Русская старина*. СПб., 1903. Т. 113 (март). С. 420.

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ Примечательный выбор территории для представительства в сейме отметил историк Н.К. Шильдер, зафиксировавший факт избрания Константина депутатом от Праги — предместья, «некогда взятого штурмом Суворовым», однако не решившийся интерпретировать этот факт (*Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 90).

⁷⁷⁷ *Вяземский П.А.* Записные книжки. 1813–1848. С. 148. Формулировка «дух времени», к которой решил прибегнуть император, чрезвычайно активно использовалась в польской политической риторике этого периода (*Bujarski G.T.* Polish Liberalism, 1815–1823: The Question Of Cosmopolitanism And National Identity // *The Polish Review*. 1972. № 2 (17). P. 17; *Филатова Н.М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 51). Это означает, что, рассматривая екатерининскую политику, Александр I опирался на польскую интерпретацию последней.

сформировалось устойчивое понимание, что монарх «почитал долгом совести загладить великое политическое преступление, совершенное с Польшей»⁷⁷⁸. Константин Павлович был согласен с братом-императором в его стремлении «изгладить следы продолжительных невзгод», которые Россия причинила Польше⁷⁷⁹. «Нет поляка, — рассуждал великий князь, — к какой бы партии он ни принадлежал, который не был бы убежден в истине, что его отечество было захвачено... Екатериною в продолжении трех произошедших разделов, которая поступала так в мирное время и без объявления войны, прибегнув при этом ко всем *наиболее постыдным средствам, которыми побрезговал бы каждый честный человек...* захват — *постыдный грабеж, который рано или поздно падет на голову грабителя*»⁷⁸⁰. А. Чарторыйский вспоминал также, что «великий князь Константин, не разделявший либеральные воззрения своего брата, сходил с ним во мнениях насчет образа жизни и характера императрицы Екатерины». Князь указывал, что «несколько раз слышал, как он (Константин Павлович. — *Прим. авт.*) отзывался о своей бабке и при ее жизни и позже, когда ее не стало, с безмерной резкостью и в грубых выражениях»⁷⁸¹. Взгляд Константина на историю разделов Польши прямо отражал польскую интерпретацию событий, которая в России сосуществовала с позицией диаметрально противоположной и нашедшей свое отражение в известном письме Карамзина Александру I⁷⁸².

Отношение Константина к его депутатскому статусу было двойственным, особенно учитывая, что великий князь видел себя потенциальным королем или, по крайней мере, благодетелем Польши. Вероятно, оно менялось с течением времени: в 1818 г. цесаревич мог

⁷⁷⁸ Эдлинг Р.С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 4. С. 421.

⁷⁷⁹ По мнению ряда исследователей, Константин Павлович был даже более радикален в этом вопросе. Великий князь не стремился усвоить александровскую позицию прощения по отношению к Екатерине II (Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 7).

⁷⁸⁰ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 297.

⁷⁸¹ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 98–99.

⁷⁸² О дискуссии применительно к действиям Екатерины II в связи с польским вопросом см.: Dixon S. The Posthumous Reputation of Catherine II in Russia 1797–1837 // The Slavonic and East European Review. 1999. Vol. 77. № 4. P. 675.

определять свое депутатство как «комедию» или «фарс»⁷⁸³, да и в 1820-е гг. вполне мог иронично именовать заседание сейма «пиесой гратис» или «нелепой шуткой», а собственное присутствие на нем — разыгрыванием «роли пражского депутата»⁷⁸⁴. Вместе с тем, принимая новый статус в 1818 г., цесаревич посчитал необходимым подчеркнуть лояльность новым установкам и польской традиции. Он писал графу Соболевскому, что «чувствительно тронут выражением... доверия» со стороны поляков, и просил своего респондента сообщить о том, когда именно он мог бы приступить «к исполнению новых обязанностей»⁷⁸⁵. Безотносительно его реакций на происходящее, Константин неизменно подчеркивал свой статус, присутствуя на сеймах 1818, 1820 и 1825 гг.⁷⁸⁶ и активно апеллируя к польской конституции.

В практическом отношении, кроме обеспечения безопасности династии или вопросов, которые, по мнению великого князя, затрагивали его собственное эго, Константин Павлович был готов поддержать любой пропольский проект. По меткому замечанию А.Х. Бенкендорфа, Константин «протезировал замыслам поляков»⁷⁸⁷.

Отношения Константина и Николая после отречения первого и вступления на престол второго представляли собой систематическую конкурентную борьбу. К тому же вся история с отречением предоставляла великому князю моральное право давить на Николая, апеллируя к чувству благодарности, которое надлежало испытывать последнему. Время от времени Константин позволял себе упреки, что не получил должного внимания или положительного ответа на тот или иной запрос при том, что отказался в пользу

⁷⁸³ ОР РНБ. Ф. 859. К. 19 № 1. Л. 29; Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 69.

⁷⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 1. Л. 29; Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 88; Он же. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278.

⁷⁸⁵ Майков П.М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 420.

⁷⁸⁶ А.С. Меншиков писал об этом А.А. Закревскому в 1818 г. из Варшавы: «Вчера Государь открыл сейм речью прекрасною... Михаил Павлович заседал с сенаторами, а Цесаревич с депутатами города Праги» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 428).

⁷⁸⁷ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 403.

брата от престола⁷⁸⁸. При этом речь могла идти о вполне публичном проявлении недовольства. Так, Михаил Чайковский в своих «Записках» вспоминал, что генералы и адъютанты великого князя рассказывали в войсках, как во время одного из приемов в Бельведерском дворце Константин выразил недовольство изменениями в униформе польских войск, которые ввел Николай. Константин будто бы заявил: «Я отдал ему (Николаю I. — *Прим. авт.*) корону, а он не хочет оставить мне лампасов»⁷⁸⁹. Без сомнения, информация о подобных тирадах достигала Петербурга. Можно предположить, что Николай испытывал непростую гамму чувств — от признательности до раздражения от постоянной неуступчивости Константина. Читая переписку братьев, сложно отделаться от ощущения, что общение с Константином Павловичем было для императора Николая I постоянной пыткой.

Сложность в отношениях между братьями отмечали и современники, находившиеся на разных ступенях административной лестницы, например А.Х. Бенкендорф и П. Дивов⁷⁹⁰. Последний, много писавший о том, насколько серьезной помехой для действий императора в регионе был Константин, так описывал финал этих отношений: «Июня 18-го (1831 г.) получено известие о кончине великого князя Константина Павловича, умершего в Витебске от холеры... Вице-канцлер заметил, что император весьма огорчен; да, — отвечал я, — он оплакивает смерть брата, и более ничего»⁷⁹¹.

К началу дискуссии о практической стороне коронации, которая развернулась в 1828 г., Николай уже имел опыт взаимодействия с Константином. Он выдержал серьезный раунд обсуждений по вопросу о присоединении Литвы к Царству Польскому. В этих политических дебатах Константин с жаром выступал за реализацию обещанного Александром

⁷⁸⁸[Буткевич.] Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 г. С. 592.

⁷⁸⁹[Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 164.

⁷⁹⁰Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409.

⁷⁹¹Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.). С. 525.

воссоединения территорий Польши⁷⁹², а Николай, напротив, выражал явное несогласие.

Император представлял свою позицию, оперируя категориями этнического порядка: он прямо называл Константина «поляком», а себя — одновременно «русским и поляком». Так, 14 (26) марта 1827 г. Николай писал брату: «Я остаюсь при глубоком убеждении, что продолжать питать и поддерживать идеи, которые заведомо невозможно осуществить вследствие неудобств, крайне важных и влекущих серьезные последствия, значило бы совершенно не выполнить наш долг, как русских. Вы сами высказали это Грабовскому: “будьте поляком, что же касается меня, я — русский и останусь русским”. Я же говорю: “*будьте поляком, а я сам буду и тем, и другим*”»⁷⁹³. В другом письме, в котором был затронут вопрос литовских территорий, Николай I не менее экспрессивно — в духе, свойственном эпохе, — писал, что ничто не может ему помешать быть «*столь же хорошим поляком, как и хорошим русским*»⁷⁹⁴. Само по себе такое конструирование политического «я» мало кого могло бы поразить, если бы речь не шла о представителях дома Романовых. По сути, в этой корреспонденции Николай и Константин демонстрировали, что определение их «русскости» прямо зависит от фигурирующей в разговоре территории: при дебатировании польского вопроса российскому императору предписывалось воспринимать себя русским лишь наполовину, предоставляя при этом брату привилегию не быть русским в принципе. Свою польскую идентичность Николай определял приверженностью конституции и охраной привилегий жителей Царства⁷⁹⁵, а русскость — связью с армией.

⁷⁹² По мнению Н.К. Шильдера, «цесаревич упорно отстаивал Александровскую точку зрения, усвоенную во время десятилетнего пребывания своего в Варшаве» (Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 295). Подробнее о позиции Александра I в отношении присоединения литовских территорий к Царству Польскому см. главы 6–7.

⁷⁹³ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 296.

⁷⁹⁴ Там же. С. 298–299.

⁷⁹⁵ В одном из писем император писал брату: «Я доказал и при каждом случае буду доказывать это строгим и верным соблюдением и охранением привилегий, которые наш покойный ангел даровал королевству» (Там же. С. 298–299).

Спор братьев о статусе литовских территорий обернулся обсуждением судьбы Литовского корпуса, которым командовал Константин. Здесь соположение русского и военного стало определяющим для аргументации Николая. «Оставим все в... настоящем положении, — писал он брату, — не пойдем далее этого, будем сопротивляться тем, которые пожелали бы идти далее (к объединению литовских территорий и Царства Польского. — *Прим. авт.*) и, по крайней мере, *сохраним в войсках сознание, которое вы так хорошо поддерживали в них до сих пор, что они русские*»⁷⁹⁶. В другом письме он отметил: «...пока я жив я не могу потерпеть ни малейшей попытки сверх этого (сохранения привилегий Царства Польского. — *Прим. авт.*)... поэтому необходимо, чтобы часть вашего комплектования была набрана в русских губерниях... К несчастью, старые русские офицеры вашего корпуса исчезают, а большинство молодежи — поляки; через десять лет поляки будут русскими лишь по названию, а в сущности будут польскими; пора подумать предотвратить это»⁷⁹⁷.

В письме Константину от 12 (24) ноября 1827 г., которое сам император назвал «исповедью, каковою она была бы перед Богом»⁷⁹⁸, Николай пошел дальше. «У нас... для Литовского корпуса существует особая форма; — писал он великому князю, — до тех пор, пока ее носят русские, это не представляет никакого значения, так как *какой бы цвет ни заставляли их носить, они останутся русскими*, но дело обстоит иначе с поляками, в глазах которых этот цвет приобретает значение, клонящееся к поддержанию в них надежды, ныне немыслимой, возвратиться к королевству, отделившись от империи»⁷⁹⁹. Показательно, что Литва предстает в этом письме в двух ипостасях — она и чужая (цвета Литовского корпуса необходимо менять⁸⁰⁰), и при этом своя, названная «русской провинцией», которая не может «возвратиться к Польше,

⁷⁹⁶ Там же. С. 296.

⁷⁹⁷ Там же. С. 298–299.

⁷⁹⁸ Там же. С. 301–302.

⁷⁹⁹ Там же.

⁸⁰⁰ Литовский корпус получил при Николае I мундиры с русскими цветами (Там же. С. 295).

потому что это бы значило посягать на целостность империи»⁸⁰¹. Польша же, названная здесь королевством, оказывается поставленной на один уровень с Россией, то есть определенной как политический субъект. Все это сочетается с вполне прямым изложением позиции императора относительно русского, соположенного с военным; Николай прямо говорит о давлении, оказываемом на русских (в данном случае — на офицеров и солдат): их *заставляют* носить литовские цвета. При этом император выражает уверенность, что, даже если принуждать русских носить литовские мундиры, они не перестанут быть русскими, то есть останутся лояльными династии и стране.

Зимой 1826 г. цесаревич впервые за долгое время приехал в Петербург⁸⁰². Это вызвало в обществе многочисленные толки и слухи. Говорили, что Константин Павлович явился в столицу «по делу польского тайного общества» или для того, чтобы «отсоветовать государю вести войну с Турцией»⁸⁰³. Много разговоров велось и вокруг Литовского корпуса. В обществе полагали, например, что «якобы назначен в оные войска главнокомандующим генерал Красинский, войско же оное будет стоять на границе близ Крякова» (Кракова. — *Прим. авт.*) и что «будто польское войско будет разделено между российским для уничтожения часто встречающегося в Польше бунта»⁸⁰⁴. Очевидно, что при взгляде из столицы позиция великого князя в Царстве Польском казалась пошатнувшейся.

Примечательно, что к великому князю был приставлен агент, составлявший донесения о действиях Константина Павловича во время пребывания в Петербурге. Испещренные грамматическими ошибками и описками записочки позволяют увидеть все перемещения и встречи великого князя в городе. Константин не переставал демонстрировать связь с Польшей: на столичных балах он появлялся одетым в польское платье⁸⁰⁵, его регулярно

⁸⁰¹ Там же. С. 301.

⁸⁰² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 44–54; *Шильдер Н.К.* Император Николай I и Польша. С. 519.

⁸⁰³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 53.

⁸⁰⁴ Там же. Л. 47, 52.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 44.

посещали жители польских территорий империи⁸⁰⁶. Цесаревич часто виделся с братом — великим князем Михаилом Павловичем и матерью — императрицей Марией Федоровной, однако, судя по этим материалам, за две недели, проведенные в Петербурге, император навестил брата лишь однажды⁸⁰⁷. Очевидно, это была не единственная встреча — при дворе в это время было организовано несколько балов. И все же образ «братской любви» зримо померк. По мере того как император обретал бóльшую уверенность, практическая необходимость публичной демонстрации чувств к старшему брату, по крайней мере в Петербурге, перестала быть насущной необходимостью. Тем более что приблизительно в это время Константин инициировал новый спор с императором. Речь шла о вступлении России в войну с Турцией.

Еще находясь в Петербурге, цесаревич вполне публично и при этом в свойственной ему грубой манере высказывался против планов открытия боевых действий. В письмах генерал-фельдмаршалу Ф.В. Остен-Сакену Константин утверждал, что «откровенно и гласно высказывал мнение... что иметь... войну нет никакой в виду пользы». «Начать оную весьма легко, — отмечал великий князь, — какой же будет конец одному Богу известно. Надеяться на свою силу не можно»⁸⁰⁸. Великий князь, очевидно, не приукрашивал собственные действия. Это подтверждают и записки приставленного к нему агента, который сообщал: «Рассказывают будто бы Цесаревич целые 4 часа был запершись в комнате с графом Дибичем, который якобы большой приверженец войны и хотел с жаром убедить о пользе оной. Цесаревич будто бы насмехаясь над горячностью графа в шутку сказал, что ему надобно поставить промывательные из холодной воды и что на бале все задевали графа словами “Холодной воды! Холодной воды!”»⁸⁰⁹

⁸⁰⁶ Там же. Л. 44–53.

⁸⁰⁷ Там же. Л. 48.

⁸⁰⁸ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 518–519.

⁸⁰⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 53–53 об.

Вернувшись в Польшу, Константин продолжил давление на Николая в переписке. Он пытался переключить внимание императора на европейские дела, утверждая, что «враги с запада с легкостью могут начать действовать», что Запад сделает все, чтобы «занять» Россию войной на Востоке, что так будет нанесен «удар... достоинству и... могуществу» императора⁸¹⁰. Николай, как и в переписке о будущем литовских территорий, был вынужден балансировать между необходимостью отстаивать собственную позицию и стремлением угодить брату. Он отвечал, что разделяет мнение цесаревича относительно Европы («Запад делал, делает и будет делать все, что в его силах, для того, чтобы... парализовать наши силы»), однако отказываться от своих планов не желал⁸¹¹.

Как всегда, Константин использовал апелляции к Александру I. Стремясь отговорить брата от объявления войны Турции, он писал Николаю: «Я никогда не позволю себе, дорогой брат, намечать вам начала, которых вы должны придерживаться... и если иногда я высказываю вам с присущей мне откровенностью истиной, — то, что я признаю истиной в душе, — это является ничем иным как следствием привычки, привитой обыкновением поступать так в отношении нашего покойного бессмертного императора и побуждающей меня действовать подобным образом, — следствием священного слова, данного ему мною поступать так и в отношении вас, как только его не станет, — то было потребовано им от меня под клятвою»⁸¹². Однако на сей раз стало понятно, что использовать политику, правила и начинания, завещанные «покойным бессмертным императором» в качестве аргумента в споре, мог не один Константин. Николай усвоил эту манеру достаточно быстро — если цесаревич считал возможным поучать его по праву, предоставленному лично Александром I, то Николай мог действовать в соответствии с памятью о великом монархе-брате. Он поведал великому князю

⁸¹⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 211.

⁸¹¹ Там же. С. 213.

⁸¹² Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 522.

о том, что вступить в войну его побуждает не что иное, как долг и стремление завершить дело, начатое Александром I, намеревавшимся покончить с «вечным источником раздора»⁸¹³. Примечательно, что в этом же письме Николай I, рассуждая на тему будущей войны на Востоке, прямо писал, что в отношении Европы «чем больше мы будем *придерживаться нашего собственного права*, тем лучше все будет»⁸¹⁴. Отметим — этот аргумент при обсуждении дел на Западе, в Польше, в переписке Николая никогда не звучал.

Споры о смысле Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вскоре переросли в дискуссию относительно присутствия польских войск на театре военных действий. Николай I задумал перебросить польскую армию к Дунаю⁸¹⁵, присоединив ее к русским войскам. Император надеялся таким образом создать на полях турецкой войны русско-польское братство по оружию. Борьба с турецкой угрозой должна была, по мысли монарха, стать объединяющим началом. А.Х. Бенкендорф так описывал идею Николая: «...император чувствовал потребность более тесного объединения двух наций, ощущал особенную пользу от присылки войск и от *братания* их с русскими войсками. Он попросил своего брата прислать в Дунайскую армию небольшую часть польских войск»⁸¹⁶.

Надо сказать, что нарратив единения против «исконного врага» — Турции — оказался впоследствии, во время подготовки и проведения коронации, одним из самых действенных. Однако в начале 1828 г. сделать на это ставку Николаю не удалось — Константин выступил против предлагаемого плана с предсказуемой резкостью.

Продолжая рассуждать об опасности, которая исходила с Запада, и доставляя императору надуманные сведения об угрозах со стороны Пруссии, проводившей, по словам цесаревича, активную мобилизацию на

⁸¹³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 213.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 519.

⁸¹⁶ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

присоединенных польских территориях⁸¹⁷, он в конечном итоге вынудил Николая отказаться от использования польской армии. Едва ли император был в полной мере убежден в агрессивных настроениях в немецкой Польше (пруссский король был его тестем, да и в переписке с братом Николай не был склонен обсуждать проблемы в отношениях с Пруссией), но прямо приказать Константину император не решился. Как справедливо отмечает Н.К. Шильдер, в это время Николай «действовал вполне независимо от советов старшего брата, но вместе с тем избегал, по возможности, предпринимать что-либо ему неприятное»⁸¹⁸.

И все же идея хотя бы символического оформления единения двух армий на поле боя («братания», по меткому замечанию Бенкендорфа) была слишком близка императору. В письме от 19 апреля (1 мая) 1828 г., сообщив брату, что «жребий брошен» и он отправляется на театр военных действий, Николай выразил (что примечательно — в постскрипуме) желание иметь при себе нескольких польских офицеров⁸¹⁹. Но даже такой жест показался Константину неприемлемым, и спор братьев перешел на новый уровень. Цесаревич фактически обвинил Николая в том, что император стремится дискредитировать его репутацию в Польше. Он заявил, что необходимость выбрать польских офицеров для отправки на войну ставит его в «затруднительное положение», поскольку «этот выбор может оскорбить тех, на кого выбор не падет... они (поляки. — *Прим. авт.*) увидят покровительство», а после возвращения «проявится зависть, а отсюда дразги и т. д.». Великий князь указывал, что покровительство было как раз тем, что он «избегал делать на протяжении последних 14 лет», резюмируя, что «нет ничего более опасного, чем подобные вещи»⁸²⁰.

⁸¹⁷ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 520; Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 226.

⁸¹⁸ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 519.

⁸¹⁹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 220.

⁸²⁰ Там же. С. 225–226.

Опасаясь, вероятно, что, несмотря на давление, этот раунд все-таки может быть проигран, Константин Павлович вновь написал императору несколько дней спустя. Он разыграл последнюю карту — обратился к брату с просьбой одобрить его прибытие на театр военных действий вместе с польскими офицерами: «...если я должен сделать выбор поляков... и если я не иду с ними, что они подумают обо мне? Каково будет их мнение на мой счет после того, как я был с ними на протяжении 13–14 лет... Видите ли Вы, неприятное положение, в котором я оказываюсь. Я мучал их в мирное время, но в момент опасности, я остаюсь позади и отправляю их одних без меня и без поддержки. Чувствуете ли Вы, дорогой брат, унижительность моей ситуации и что я не надеюсь заслуживать тот пост, который я занимаю по воле Императора... В остальном все будет так, как Вы пожелаете»⁸²¹. Император отвечал на это, что был бы счастлив видеть Константина во главе его войск, участвующих в войне против Турции, однако добавлял в конце: «...я не думаю, что это когда-нибудь будет возможно или необходимо»⁸²². Итогом схватки стала ничья — 18 польских офицеров все-таки присоединились к русским войскам на Балканах⁸²³, а Константин Павлович остался следить за военными действиями русской армии из Варшавы⁸²⁴.

Эпизод с неучастием польской армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. активно обсуждался в польском обществе, высказывались соображения, что если бы идея привлечения поляков к участию в этой войне была бы реализована, то польские войска «снискали бы этим царскую

⁸²¹ Там же. С. 243.

⁸²² Там же. С. 246–247.

⁸²³ *Шильдер Н.К.* Император Николай I и Польша. С. 522. А.Х. Бенкендорф довольно точно описывает произошедшее: «...одна фраза великого князя поразила благородное сердце императора и заставила его отказаться от этого интересного проекта. Великий князь написал, что его честь будет задета, если на войну отправятся войска, которые он формировал, а он сам не сможет разделить с ними опасности и славу» (*Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 404). Цесаревич вместе с тем согласился с решением императора об определении нескольких польских офицеров на театр военных действий и через Бенкендорфа поблагодарил брата за «благорасположение» к ним (*Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 324).

⁸²⁴ В военной канцелярии цесаревича сохранились описания сражений, включая взятие Варны, реляции, выписки из журналов, цветные карты и прочие сведения о ведении боевых действий в Турции (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 567 (1828–1830 гг.). Л. 269–303 об.).

милость»⁸²⁵. Интересно, что такая трактовка перекочевала на страницы исторической литературы, обретая черты рассказа об упущенном шансе на русско-польское примирение. Так, Н.К. Шильдер, бывший, что примечательно, историком и военным, резюмировал в этой связи: «...благой мысли императора Николая не суждено было осуществиться; польская армия осталась нетронутой в царстве и, по-прежнему, продолжала спокойно упражняться во всех тонкостях гарнизонной службы под требовательным оком своего главнокомандующего, а тайные общества могли беспрепятственно продолжать в рядах ее свою подпольную, разлагающую работу, которая благодаря близорукому упорству цесаревича привела ко взрыву 1830 года»⁸²⁶. Шильдер размышляет здесь, по сути, в парадигме, предложенной самим императором Николаем I. Согласно последней, единение на поле боя позволило бы оставить позади прежние противоречия. Нет сомнения, однако, что трактовка может быть и иной — участие в войне укрепило бы ее польских участников в видении себя, собственной храбрости и прав на политическое высказывание, что не предотвратило бы взрыв.

Обсуждение собственно польских дел в переписке двух братьев в 1826–1829 гг. никогда не исчезало, а общий тон дискуссии оставался тревожным. Цесаревич постоянно внушал Николаю беспокойство в связи с ситуацией в Польше. Чем больше времени проходило после восстания декабристов, тем реже Константин готов был сообщать в Петербург, как в дни мятежа на Сенатской площади, что «здесь (в Варшаве. — *Прим. авт.*) все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами»⁸²⁷. При этом Константин мог предлагать, часто в одном и том же письме, противоположные оценки ситуации в регионе. Так, в мае 1828 г. он писал Николаю I в связи с судом над членами тайных обществ в Польше: «Наш печально известный долгий процесс

⁸²⁵ [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 164. О желании поляков присоединиться к военным действиям см. также: Желание поляков участвовать в русско-турецкой войне (История XIX века. Т. 3. С. 293.

⁸²⁶ Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 523.

⁸²⁷ Там же. С. 277.

двигается к своему концу и публичные прослушивания будут закончены в понедельник, послезавтра, после чего приступят уже к суду. *Слава Богу, в стране все спокойно*». Однако уже в следующем абзаце он сообщал Николаю, что о строительстве крепости в прусской Польше у границы с Царством, что «очень беспокоит жителей... и заставляет их об этом судачить»⁸²⁸. Ровно так же великий князь вел себя в связи с решением сенатского суда, оправдавшего членов польских тайных обществ. Поддерживая императора в его возмущении против принятой резолюции, он одновременно заводил разговор об «исключениях» и необходимости вникнуть в суть самого появления недовольства в польском обществе⁸²⁹.

Поводом для отсылки в Петербург противоречивых сведений об общественных настроениях в Польше стали для Константина даже успешные действия русской армии под Варной. Он сообщал графу А.Х. Бенкендорфу, который в какой-то момент стал посредником в коммуникации между братьями: «Я не нахожу слов, любезный генерал, чтобы выразить вам радость... Прошу вас положить к стопам Его Величества мои самые искренние поздравления по этому случаю. Смею сказать, что мы с нетерпением ждали хороших известий... так как... мы потерпели от турок несколько неудач... *эти самые неудачи, которых нельзя было скрыть от публики, несмотря на бдительный надзор над ввозом иностранных газет, в некоторой степени оживили и ободрили недовольных, число которых, впрочем, очень незначительно*. Они с жадностью бросались на газеты и в особенности французские, на которые они смотрят как на Евангелие, и уже начали, так сказать, подымать нос»⁸³⁰. Этот отрывок очень показателен для понимания того, как выражал свои мысли Константин. Отмечая незначительное число недовольных, он сопровождал свой рассказ ярким описанием того, как

⁸²⁸ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 226.

⁸²⁹ Там же. С. 235. Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. С. 387.

⁸³⁰ *Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом. С. 327–328.

последние «с жадностью бросались» на французские газеты. Выразительный образ провоцировал чувство тревоги. В этом отрывке важна не столько оценка Константином военной кампании 1828 г. (она во многом соответствовала реальному положению дел⁸³¹), сколько стремление великого князя возвращать всё и вся к польским делам, указывая, что именно этой территории должно уделяться максимальное внимание, поскольку стабильность здесь неочевидна.

А.Х. Бенкендорф, рассказывавший в своих «Воспоминаниях» о коронации императора Николая в Варшаве в 1829 г., прямо связывал решение Николая I провести церемонию с теми сомнениями, которые монарх испытывал в отношении Константина. По мнению главы Третьего отделения, император, стремившийся к постепенному пересмотру решений Александра I применительно к польским землям и испытывавший постоянное сопротивление со стороны цесаревича, хотел «увидеть все своими глазами»⁸³². Едва ли, впрочем, речь шла о сборе информации. Скорее к концу 1828 г. Николай I серьезно задумался о необходимости укрепить свою позицию в польских землях, изменить баланс сил в регионе, сделав более зримым себя, и отодвинуть брата, так измучившего его постоянными спорами и давлением, на второй план⁸³³. В январе 1829 г. он писал Константину: «Вероятно, наш процесс (над членами Патриотического общества. — *Прим. авт.*) скоро закончится и с Божьей помощью я смогу оказаться в Варшаве с женой и сыном, как я и планировал это»⁸³⁴.

⁸³¹ В переписке современников можно найти не менее яркие эпитеты. Так, А.А. Закревский писал П.Д. Киселеву: «Взятием Варны ваша кампания кончилась не так унижительно, как бы без оной таковую привели к концу» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 309).

⁸³² Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 403.

⁸³³ О.С. Каштанова выдвинула предположение, что император намеревался «дискредитировать Константина Павловича» в связи с его приверженностью идее императора Александра I присоединить к Царству Польскому Литву (Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41). В 1827 г. Николай и Константин действительно горячо обсуждали вопрос изменения территории Царства; к моменту принятия решения о коронации разговоры такого рода отошли в прошлое. Как будет показано дальше, коронация была выстроена исходя из стремления произвести на поляков максимально выгодное впечатление. Она должна была пробудить надежды, а не лишить их.

⁸³⁴ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

В целом, в начале правления Николая I особое положение Царства Польского определялось также присутствием в Варшаве великого князя Константина Павловича, постоянно жившего в столице Царства с середины 1810-х гг. Его отречение от престола, подписанное в 1822 г., не было опубликовано, и в глазах общества цесаревич был наследником. Формально Константин командовал польской армией, однако в действительности он был облечен в Польше самой широкой властью, распространявшейся не только на Царство, но и в целом на польские земли Российской империи. Непопулярный в Польше, но находившийся под сильным влиянием жены — польской дворянки и католички княгини Лович, великий князь Константин видел себя человеком, выступающим от лица поляков и призванным защищать интересы Польши перед Петербургом, что во-многом предопределило целый ряд решений, принятых во время проведения и подготовки коронации Николая I в Варшаве в 1829 г.

3.3. Внешнеполитическая ситуация в преддверии коронации 1829 г.

В исключительно небольшой историографии, посвященной польской коронации Николая I, вопрос о причинах, побудивший императора провести церемонию, является дискуссионным. Чаще всего коронация предстает эпизодом из истории непростых русско-австрийских отношений первой половины XIX в.⁸³⁵ или объясняется стремлением императора привлечь на свою сторону польскую аристократию, сгладив последствия судебного процесса над членами Патриотического общества⁸³⁶. При этом последний аргумент оказывается также связанным с «австрийской темой» — Россия и Австрия предстают конкурентами в борьбе за польские земли и популярность среди поляков.

⁸³⁵ С.М. Фалькович, например, полагала, что Николай I был вынужден провести коронацию в Варшаве, чтобы «не дать “Орленку” себя опередить» (*Фалькович С.М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830)*. С. 406). См. также: *Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim*. S. 15–28.

⁸³⁶ *Капитанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год)*. С. 41; *Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830 гг.* С. 97; *Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim*. S. 15–28; *Kowalczykowa A. Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie*. S. 108.

В правление императора Николая I взаимоотношения России и Австрии напоминали русские горки, и в начале царствования движение шло по нисходящей линии. В литературе утвердилось представление, что разлад начался еще при Александре I и был вызван соперничеством в польских землях. Принято также думать, что Австрия опасалась укрепления России на Востоке и, используя формулировку австрийского министра иностранных дел К. фон Меттерниха, возврата к «политике и стремлениям русских государей XVIII века»⁸³⁷ — рассматривалась даже возможность поддержки Турции в войне с Россией 1828–1829 гг. Обсуждение этого вопроса пришлось на первый год войны — не слишком удачный для русского оружия⁸³⁸.

Этот период сменился временем примирения и восстановления добрых отношений. Как известно, в 1849 г. войска императора Николая I по просьбе австрийского монарха, 18-летнего Франца Иосифа, приняли участие в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг. Император Николай I получил послание из Вены, находясь в Москве, где монаршая семья присутствовала при освящении только что построенного Большого Кремлевского дворца. Все произошло в пасхальную ночь. Великая княжна Ольга Николаевна так вспоминала этот момент: «Это была одна из самых красивых, но и самых утомительных церемоний в моей жизни: она длилась с полуночи до четырех часов утра. По ее окончании Папа (император Николай I. — *Прим. авт.*) получил депешу от юного Франца Иосифа Австрийского, просившего своего союзника о помощи против Венгерского восстания. Австрийская империя была в опасности. Папа сейчас же подписал приказ о походе русских войск»⁸³⁹. Как пишет историк Е.В. Тарле, «австрийский генерал, который весной 1849 г. прибыл в Варшаву умолять Паскевича о помощи против Венгерской революции, в припадке сильного чувства даже стал на колени пред русским фельдмаршалом. И в тот момент этот жест очень

⁸³⁷ Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы: исторические очерки. С. 53–55.

⁸³⁸ Там же. С. 54–55.

⁸³⁹ Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 237.

точно символизировал отношение австрийской дипломатии к Николаю Павловичу»⁸⁴⁰.

Интересна решительность или, быть может, поспешность, с которой, судя по словам дочери, император подписал приказ. Помимо очевидной приверженности охранительным принципам и резкого неприятия революционных движений, одной из интенций здесь было отношение Николай I к юному австрийскому монарху. Сам российский император много позднее писал о встрече с Францем Иосифом: «С первого свидания я почувствовал к нему такую же нежность, как к собственным детям. Мое сердце приняло его с бесконечным доверием как... сына»⁸⁴¹. Привязанность к Францу Иосифу, а также, как часто отмечают биографы Николая I, отсутствие стремления к гибкости во внешней политике, культ открытости и прямоты⁸⁴² сыграли свою роль в принятии решения. Возможно, определенное значение имело и время, когда сообщение было доставлено. Известие, полученное в ночь перед главным православным праздником, могло быть воспринято императором как своего рода знак.

Направив в Венгрию русский экспедиционный корпус, император резко изменил соотношение сил. Потерпев неудачу в попытках объединить остатки венгерской армии⁸⁴³, командовавший войсками восставших Артур Гёргей начал переговоры и в августе 1849 г. у селения Вилагос сдался генералу русской службы Ф.В. Ридигеру⁸⁴⁴.

В 1853 г., однако, Николай словно ударился о стену. Россия вступила в Крымскую войну против Османской империи, и с самых первых дней события начали развиваться совершенно не так, как рассчитывал монарх. Речь шла не только о том, что в конечном итоге России пришлось воевать с сильнейшей коалицией, где на стороне Турции выступали Франция и Великобритания.

⁸⁴⁰ *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 112.

⁸⁴¹ Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 531.

⁸⁴² *Высочков Л.В.* Николай I. С. 333–411.

⁸⁴³ Очерк Венгерской войны 1848–1849 гг. СПб., 1850. С. 154.

⁸⁴⁴ *Görgei A.* My Life and Acts in Hungary in the Years 1848 and 1849. New York, 1852. P. 605–607.

Император Николай, который полагал себя спасителем Австрии, рассчитывал на ее поддержку во время войны, тогда как Франц Иосиф, опасаясь укрепления позиций России на Дунае, был намерен поддержать противников своего спасителя. Современники писали о потрясении, которое испытал при этом Николай I. Он горько сожалел, что помог австрийцам подавить Венгерский мятеж⁸⁴⁵, корил себя за «излишнюю доверчивость» и «жестокое заблуждение», называя австрийцев «вероломными и неблагодарными подлецами»⁸⁴⁶.

Но вернемся к русско-австрийским взаимоотношениям начала николаевского царствования. С.М. Фалькович отмечает, что в целом скоординированная политика в польских землях, которую вели после разделов Польши Россия, Австрия и Пруссия, была осложнена после Венского конгресса введением в Царстве Польском автономии и конституции, которые стали «“бельмом в глазу” для австрийского и прусского монархов, опасавшихся “дурного примера”». Это послужило триггером к тому, что Австрия и Пруссия, соперничая с Россией, «сами старались одновременно заигрывать с поляками»⁸⁴⁷.

В Царстве Польском в первые годы николаевского царствования сопоставление политики России и Австрии в отношении польских земель было неотъемлемой частью общественной риторики. Это подробно отразили материалы Третьего отделения. В донесениях Николаю I А.Х. Бенкендорф и М.Я. фон Фок, ритуально подчеркивая, что «благонамеренные поляки» Австрии не доверяют⁸⁴⁸, вместе с тем сообщали о разговорах, в которых Россия проигрывала сравнение. Донесения агентов фиксировали, что в Варшаве было распространено представление, что будто бы в австрийской Польше «все позволяют печатать без всякого искажения»⁸⁴⁹, «что

⁸⁴⁵ *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. С. 112–113.

⁸⁴⁶ Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче. С. 531–532; *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. С. 478.

⁸⁴⁷ *Фалькович С.М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 299.

⁸⁴⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

⁸⁴⁹ Там же. Д. 5. Л. 57 об.

политических преследований в Австрии нет и поляки живут спокойно, пользуются уважением двора, что литературе и истории не делают таких прижимок в Австрии как то делает Новосильцев в Варшаве, где история запрещена»⁸⁵⁰. В ряде донесений приближенный Константина Павловича граф Н.Н. Новосильцев, напротив, рисовался пособником «австрийской партии» — человеком, постоянно наносившим вред взаимоотношениям поляков и российского императора⁸⁵¹. В любом случае Австрия из поля зрения не исчезала.

Стоит отметить, что агенты Третьего отделения фиксировали и сравнения российской политики в Царстве Польском с отношением к полякам в прусских землях. Они также предсказуемо делались не в пользу России: «В Познани живут счастливо, смирно без принуждения... наместника Антонио Радзивила весьма хвалит Король Прусский, говорит, удостаивая, что мы которые ему давали советы, чтобы истребить в польских провинциях язык и народность польскую не понимали дела», «они (пруссаки. — *Прим. авт.*) не мешают полякам быть поляками, и будут за то иметь верных друзей»⁸⁵². Прусские польские территории в дискуссии, однако, упоминались много реже. Надо полагать, что сопоставление с Пруссией воспринималось в Царстве Польском как менее удобное для выстраивания системы давления, поскольку прусский король был тестем Николая I.

Императору регулярно сообщали и об австрийских агентах — реальных и мнимых. Так, в 1826 г. Николай получил следующее агентурное сообщение о настроениях в Польше: «...в Польше нет карбонариев, но есть общее неудовольствие и недовольные... а Меттерних слишком умен, чтобы отважиться на то, чтобы иметь явных агентов в русской Польше... Кажется, что желание восстановить снова иезуитов в России клонилось к сей цели... Австрия... одна из католических держав в состоянии их протезировать»⁸⁵³.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 55–55 об.

⁸⁵¹ ГА РФ. Д. 4. Л. 8, 14.

⁸⁵² Там же. Д. 5. Л. 56 об.

⁸⁵³ Там же. Л. 11 об. — 12.

А.Х. Бенкендорф и Константин Павлович в это время действительно много переписывались относительно «уловов» Меттерниха, направленных на то, «чтобы сделать приятное для галицийских подданных Австрии»⁸⁵⁴.

Агенты сообщали и о конкретных акциях, в которых участвовали австрийские подданные. Так, в 1827–1828 гг., в период активной критики введенных ограничений на изучение польской истории, император получал сведения о символических перформансах разного рода. Одним из таких мероприятий стала разыгранная в 1828 г. в Варшаве костюмированная сцена или «карнавал», в котором принял деятельное участие австрийский консул. Как сообщалось, «карнавал» был устроен польскими магнатами, решившими «вопреки... Великому инквизитору (Н.Н. Новосильцеву. — *Прим. авт.*) подышать свободно польским воздухом». Один из поляков так описал увиденное: «...в именины нашего знаменитого и боготворимого старца Немцевича был дан бал графиней Потоцкой, женой Станислава, на котором представлен был двор польского короля Сигизмунда Августа по описанию в романе Немцевича... “Ян из Тенчина”». Разыгранная сценка отсылала ко временам Люблинской унии, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское в Речь Посполитую. Иными словами, магнаты Царства Польского, оперируя категориями памяти, обыгрывали идею объединения, которое, с учетом разыгранной роли австрийского посла, трактовалось как возможность вполне реализуемая при поддержке Австрии⁸⁵⁵. Без сомнения, описания подобных действ должны были настораживать Николая I.

Еще одним случаем интервенции, на сей раз — словесной, на который обратили внимание агенты Николая I, стала произнесенная в феврале 1828 г. речь галицийского губернатора князя А.-Л. Лобковица. Третье отделение так представило императору произошедшее и реакцию на события в Варшаве:

⁸⁵⁴ Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом. С. 303. Примечательно, что в это время К. фон Меттерних размышлял о покойном Александре I и его политике. В 1829 г. он написал очерк о российском императоре (*Меттерних К.В. фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 г. // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 168–180*).

⁸⁵⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 55–55 об., 56.

«...носятся слухи и ходят по рукам письма, что австрийский генерал Лобковиц, управляющий Галицию в собрании дворян или на ландтаге произнес речь на польском языке, что случилось в первый раз от присоединения Галиции к Австрии. Лобковиц якобы явился в собрание в польском платье и говорил о польской национальности, советовал к будущему году всем полякам одеваться в национальный костюм. О речи его говорят газеты, что она исполнена достоинством и утешением для народа, заслуживающего лучшую участь»⁸⁵⁶.

Рассказом о событии дело не ограничилось. Составитель документа позволил себе описать ситуацию в австрийской и русской Польше широкими мазками, увязав этот конкретный случай с общественными настроениями и ожиданием появления нового польского короля: *«Толкуют в Галиции о Польском Короле, брате императора, неизвестно которм. Но... все наущения Австрии худо принимают и поляки не верят вероломной политике австрийского двора... Другие поляки рассуждают, что будто быть может поляки Австрии и заставят ее предпринять что-нибудь для Польши. Но как бы то ни было, поляки холодны к Австрии, говоря о массе народа и дворянства. Все взоры обращены, по словам поляков, на русского императора. Будет ли он короноваться?.. Не подлежит никакому сомнению, что австрийцы сильно действует через Галицию на умы поляков... Самые усиленные, пламенные патриоты говорят: “Дай Бог, чтобы Австрия сделала что-нибудь для блага нашего народа, тогда будем ей верны и простим все”... это точит польские сердца»*⁸⁵⁷.

Приведенные выше указания на «толки» в австрийской Польше, обсуждение вопроса коронации и даже перечисление претендентов на корону не существующего в тот момент государства не были единичными. В другом донесении некоему «австрийскому интригану» приписывались такие слова: «Государь, вступив на престол обещал исполнить все предписанное

⁸⁵⁶ Там же. Л. 58.

⁸⁵⁷ Там же. Л. 58–58 об.

Конституцией⁸⁵⁸, а там именно сказано, что каждый король, наследник Александра, обязан короноваться. Государь короновался в Москве, а в Варшаве не хочет, потому что Россия сильна, а Польша слаба и может быть подавлена силою России. Но если государь почитает себя дозволенным не держать слово и ниспровергать закон коронный, то что же может удержать в покорности подданных кроме страха? Если же сила равная России вздумает покровительствовать Польшу и возратить ей достоинство нации, тогда *поляки не обязаны быть верными государю, к главе которого не прикасалась польская корона* и которой не видел своего народа, не был на его совещаниях и призрел весьма их правами»⁸⁵⁹.

Нужно отметить, что коронация в Польше как аргумент в конкурентной борьбе не была идеей исключительно николаевского царствования. В конце 1800-х гг. Александр I также получал проекты с предложениями возложить на себя польскую корону, чтобы противодействовать популярности Наполеона в регионе. Так, в конце 1806 – начале 1807 гг. Н.Н. Новосильцев и А. Чарторыйский⁸⁶⁰ представила императору докладную записку ввиду угрозы нападения Наполеона на Россию⁸⁶¹. Указывая на создание в наполеоновской

⁸⁵⁸ Отсылка к Манифесту Николая I от 13 (25) декабря 1825 г.

⁸⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 10 об. — 11. Об антирусских настроениях в Царстве Польском и в Харьковской губернии см. также: ОР РНБ. № 1000. Оп. 2. Д. 411.

⁸⁶⁰ В своих мемуарах об эпохе 1800 – начала 1810-х гг. А. Чарторыйский перечисляет сразу несколько своих проектов, представленных императору Александру и так или иначе затрагивающих польские территории – «Записка об устройстве европейских дел, в случае удачного окончания войны» (1804); «Записка о настоящем положении России» (1806 г.); «Записка по вопросу необходимости восстановления независимости Польши, чтобы предупредить в этом Бонапарта» (1806 г.) (Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 58–61, 77–88, 138–147). Тексты этих проектов известны в изложении Чарторыйского. По словам князя, речь шла о принятии императором титула польского короля с вполне артикулированной возможностью последующего объединения польских земель вокруг автономии.

⁸⁶¹ В конце документа значится лишь подпись Н.Н. Новосильцова. Однако по мнению биографа Н.Н. Новосильцова О.А. Любезникова, авторами записки являются сразу два человека – Н.Н. Новосильцов и А. Чарторыйский (Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века. Дисс. СПб., 2013. С. 71–72). Это предположение подтверждается использованием в тексте множественного числа («Теперь с прискорбием и унынием видимы мы»; «держаем сказать» и др.), а также отсылками как к русскому, так и к польскому историческим нарративам. Вероятно, Новосильцов и Чарторыйский соединили в тексте свои вполне независимые друг от друга соображения. И если первый, сторонник союза с Англией, вложил в текст, как можно предположить, идею «усугубить уважение к нашему кабинету в иностранных державах; восстановить их доверчивость и доброе расположение, утвердить с ними связи, мгновенным страхом расстроенные», то второй был заинтересован в продвижении польского проекта. В архивной копии документа зафиксирована ошибочная дата – 1812 г. Датировка принадлежит не авторам записки, а архивисту, работавшему впоследствии с материалом (дата проставлена на документе карандашом). Очевидно, основанием для указания на 1812 г.

армии легионов «из дезертиров польских, из венгров, хорватов, одним словом из славян, собираемых им под предлогом соединения единоплеменных», авторы текста писали о том, что действия такого рода воспринимаются как знак намерений Наполеона восстановить Польское королевство⁸⁶². Н.Н. Новосильцев и А. Чарторыйский призывали императора Александра опередить Наполеона, который мог возложить польскую корону на себя или на своего брата Жерома, организовав брак последнего с дочерью герцога Варшавского Фридриха Августа⁸⁶³. Авторы записки предлагали «посредством операции простой и соответственной настоящим политическим обстоятельствам, которая возвысит корону польскую, соединив блеск ее с лаврами императорскими, умножит знатным образом средства и силы, которые представит Вашему императорскому величеству пламенная любовь и благодарность сего храброго и чувствительного народа (поляков – Прим. авт.); и воспользоваться самыми нашествиями Наполеона для начатия федеративной системы, которая будет натуральнее и прочнее принятой им самим в Италии и Германии. Она возродит древнюю связь между народами единоплеменными и подвигнет их к соучаствованию в общей обороне»⁸⁶⁴.

В самом тексте этому предложению предшествовали рассуждения о том, что «польская нация не переставала помышлять о своем соединении и восстановлении политического ее существования», тогда как «общие слухи возвещают близкое восстановление Польского королевства», которое может предпринять Наполеон. При этом Чарторыйский и Новосильцев указывали на опасность складывающийся политической ситуации, предвещая в случае промедления Александра I едва ли не обрушение западной границы империи: «Успехи революции и победы Бонапарте превратили сию надежду в святую веру: а настоящие происшествия преисполнили уже меру сего ожидания; и при

стало упоминание в заголовке архивного дела наполеоновского нашествия на Россию. По мнению О.А. Любезникова, записка относится более раннему периоду, а именно к 1806 г. (Там же).

⁸⁶² ОР РНБ. Ф. 526. № 7. Л. 3 об. — 5.

⁸⁶³ Там же. Л. 4.

⁸⁶⁴ Здесь и далее тексты источников воспроизводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

малейшей, от чего Боже сохрани, неудаче нашего оружия, один манифест Наполеона, сейм им собранный, сильные армии им предводимые зажгут пламя, которое неминуемо разовьется и по провинциям к России от Польши присоединенным. Одни ополчения противопоставленные распространению оною, сколь бы они велики не были, отвратить несчастий империи не могут. Внутренние волнения и мятежи присоединятся к войне с внешними врагами, и одна из лучших частей государства учинится жертвою исступлений разных партий и политического фанатизма»⁸⁶⁵.

Существенно менее известен план С. Ф. Голицына, относящийся к 1809 г. Екатерининский генерал, на тот момент главнокомандующий русской армией в Галиции представил императору Александру I записку, положения которой во многом совпадали с позициями, выдвигавшимися ранее А. Чарторыйским. В начале текста генерал даже воспроизводил некоторый устоявшийся нарратив описания ситуации. Отметив, что «нет ни единого поляка, который бы не бредил восстановлением отечества своего...», Голицын указывал на необходимость «умы привести в равновесие», и «водворить... спокойствие» на бывших польских территориях, для чего «нужен им (полякам – Прим. авт.) король, но король, не из среды их себе избираемый, могущий быть вассалом сильной каковой-либо державы, владетель, по достоянию своему и по влиянию во всю Европу имеющий все способы сделать королевство сие почтенным».

Сообщив императору, что он сам «старался узнавать общее мнение жителей» Галиции, генерал утверждал, что «истинно все благомыслящие поляки жаждут о той минуте, в которую провозглашен будет их королем Александр, император всероссийский». Завершая эту часть текста Голицын, обращался к монарху с вопросом: «Почему не принять достоинства, целым народом единогласно предлагаемого», особенно потому «что сим способом содействуется благополучие довольно обширного королевства, остающегося,

⁸⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–8 об.; Ф. 859. К. 36. Д. 7. Л. 140–144 об.

только под иным видом, не иным чем, как российскою провинциею»? Новая перспектива открывала, по мнению генерала, существенные выгоды для России: новое польское королевство могло содержать до 100 тыс. войска, а его доходы — пополнять казну империи. Новое королевство по мысли Голицына могло быть сформировано на территориях «прежде бывшей Польши, исключая Белороссию и отшедшее к составлению Киевской и Подольской губерний»⁸⁶⁶.

Спустя полтора десятилетия Третье отделение предлагало все тот же выход — коронацию. «Имя короля есть магический талисман в Польше, который все переменит в одно мгновение», — сообщали императору. Действительно, идея коронации Николая I в Варшаве представлялась польскому обществу значимой с самого начала его царствования. В агентурных записках из Польши, которые собирала политическая полиция империи, тема будущей коронации поднималась постоянно⁸⁶⁷. М.Я. фон Фок еще в 1826 г. сообщал императору, что «благонадежные поляки» полагают, что «для успокоения умов в Польше, привязывании сердец к особе Государя, уничтожения всех интриг... и пресечения злоупотреблений [надлежит] посетить государю Вильно и Варшаву с наследником престола *и возложить на себя корону*. Произнести речь от трона, в которой бы было несколько исторических воспоминаний о славном народе, его верности и любви короля и обещаний удержать невредимыми их права и конституцию»⁸⁶⁸. Польские

⁸⁶⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия I. 1801–1815 гг. Т. V. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 76–77. Отметим отдельно, что на проект С. Ф. Голицына последовал ответ монарха, который отличался от ожидаемой реакции императора не проекты такого рода. Мнение императора было доведено до сведения генерала через письмо министра иностранных дел Н. П. Румянцева. Последний сообщил, что, отметив «усердие» Голицына, император обнаружил сложности в реализации представленного им плана. Они заключались в невозможности нахождения простого ответа на территориальный вопрос («с восстановлением королевства Польского в первобытном его состоянии не должны ли отойти от России разные области, прежде сего Польше принадлежавшие») и существовании обоснованных сомнений относительно того, не воспользуются ли поляки новой политической ситуацией, чтобы «отложиться» от империи («Можно ли положиться на постоянство польской нации, и под самым видом пылкого их желания соединиться ныне под скипетром его величества не кроется ли больше умысла, чтобы тем удобнее возвратить ту часть Польши, которая России досталась и потом вовсе отмежиться от нас?») (Там же. С. 85–87).

⁸⁶⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 8, 10 об. — 11; Д. 5. Л. 58.

⁸⁶⁸ Там же. Л. 10 об. О рассуждениях схожего характера см.: ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 14 об. В литературе укрепилось вполне справедливое мнение, что формированию таких установок в Третьем отделении способствовал Ф.В. Булгарин (*Gluszkowski P.* “Nigdy Polacy nie będą prawdziwymi braćmi ani wiernymi

источники личного происхождения фиксируют схожую картину — коронацию ждали, к ней готовились и при этом полагали, что Николая отговаривают от подобного жеста. Н. Кицка прямо пишет, что русское общество, которое польская мемуаристка идентифицирует как «старое», противодействовало подобному развитию событий⁸⁶⁹. Однако время шло, а Николай все не ехал в Варшаву, и корону стали примерять на других претендентов.

Разговоры о том, что в Вене рассматривают вопрос о проведении коронации во Львове или — как вариант — возложении на нового претендента титула «великого князя Галиции», стали тревожить Николая I, когда титул польского короля начали примерять не на «брата императора, неизвестно которого», а на герцога Рейхштадтского⁸⁷⁰. За титулом герцога Рейхштадтского скрывался подраставший Наполеон II, единственный законный сын Наполеона Бонапарта и Марии-Луизы Австрийской, в пользу которого, как все, конечно, помнили, было первоначально подписано непринятое союзниками отречение Бонапарта. Титул герцога Рейхштадтского Наполеон II (или Орленок, как любовно называли сына Бонапарта в Европе) получил в подарок от деда, австрийского императора Франца II.

В Польше, как известно, существовал настоящий культ Наполеона⁸⁷¹. Это культурное явление, как уже отмечено в литературе, было в значительной мере односторонним и мало соотносилось с социальной реальностью начала века. Так, Дж. Стенли показал, что появление поляков в наполеоновских легионах не сломало заданный эпохой Просвещения тренд и не изменило восприятие французов, видевших Польшу вполне ориенталистски⁸⁷². Стенли подробно описывает поведение французских войск

sojusznikami...” *Poglądy rosyjskich elit na ugodę z Polakami // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. C. 198 – 203).*

⁸⁶⁹ *Kicka N. Pamiętniki. S. 156.*

⁸⁷⁰ *Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. № 6. С. 76.*

⁸⁷¹ Там же. С. 74–77; *Nance A.B. Literary and cultural images of a nation without a state. The case of 19th century Poland. P. 19–23.*

⁸⁷² Это подтверждается и прямыми высказываниями Наполеона (*Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. С. 357).*

в Польше, обращая внимание на происходившие грабежи и изнасилования, что мало отличалось от действий на завоеванной территории⁸⁷³.

В литературе также отмечается экономическая сторона вопроса. Согласно конвенции от 30 ноября 1809 г., заключенной между Наполеоном Бонапартом и королем Саксонии и главой Герцогства Варшавского Фридрихом Августом I, армия герцогства была увеличена до 60 000 человек. Ее содержание покрывалось средствами из польской казны. Один из пунктов документа также гласил, что для новых земельных пожалований французскому императору выделялась значительная территория Галиции⁸⁷⁴.

В польской историографии, однако, позиция Наполеона в отношении Польши, как правило, интерпретируется в рамках борьбы за восстановление страны⁸⁷⁵.

В послевоенной Польше любая отсылка к имени Наполеона оказывалась эмоционально окрашенной безотносительно того, на каком уровне она появлялась: к образу Наполеона апеллировали члены тайных организаций, а поляки, вступавшие в турецкую армию в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., распространяли слухи, что французский император жив и находится в их рядах⁸⁷⁶. С другой стороны, великий князь Константин Павлович был не менее увлечен образом Наполеона. Он восхищался военным гением французского императора⁸⁷⁷; считается даже, что по этой причине в 1800-е гг. великий князь не желал принимать участие в военных действиях против Франции⁸⁷⁸. Известно, что цесаревич дорожил полученными от Наполеона в 1807 г. орденом Почетного легиона и золотой саблей⁸⁷⁹. Символично, что его

⁸⁷³ Stanley J. French Attitudes toward Poland in the Napoleonic Period P. 209–227; *Idem*. Napoleon and Poland: On the 200th Anniversary of the Establishment of the Duchy of Warsaw: Introduction // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 169–170.

⁸⁷⁴ Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М.: Издательство московского университета, 1980. С. 136.

⁸⁷⁵ См., например: Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L.: Harper Collins, 2004. P. 510.

⁸⁷⁶ Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

⁸⁷⁷ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13.

⁸⁷⁸ Каштанова О.С. Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи. С. 180.

⁸⁷⁹ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13.

польская жена получила титул в честь имения Лович, где в родовом склепе была похоронена польская любовница Наполеона Мария Валевская. Эта территория прусской Польши, ставшая частью Российской империи, была отдана в личное владение Константину Павловичу и явно не случайно стала основой титула его возлюбленной. Семиотически в этой композиции Иоанна Грудзинская (Лович) становилась Марией Валевской, а Константин мог примерить на себя образ своего кумира⁸⁸⁰.

И все же игры в Наполеона в любой момент могли утратить безобидность. Показательна реакция русского правительства на приезд в Варшаву в 1824 г. Александра Валевского, незаконнорожденного сына Наполеона и Марии Валевской. Молодой человек вызывал пристальный интерес Петербурга. Третье отделение следило за его перемещениями, а великий князь Константин Павлович переписывался на его счет с А.Х. Бенкендорфом. Бегство Валевского в Англию через Петербург вызвало возмущение цесаревича, потребовавшего от Бенкендорфа принудить французское правительство к высылке юноши, если он объявится в Париже⁸⁸¹. Неудивительно поэтому, что возникновение слухов о том, что законный сын Наполеона может претендовать на власть в Польше, обеспокоило Николая I.

Император и его окружение понимали, что полякам было все равно, с какой территории начнется объединение Польши. На фоне разговоров о планах Австрии относительно коронации и обсуждавшейся среди галицийских поляков идеи австро-русской войны ради объединения польских земель⁸⁸² появление фигуры Наполеона II было особенно тревожным. Монарх нервничал, стремясь понять природу слухов, и вновь обращался к брату. В марте 1828 г. он писал Константину Павловичу: «Дело Меттерниха или

⁸⁸⁰ Интересно, что это место было связано также и с памятью о наполеоновском маршале — поляке Юзефе Понятовском. Как уже отмечалось, тело Понятовского, утонувшего в битве при Лейпциге, было разрешено доставить в Варшаву. Некоторое время, до получения распоряжений от великого князя Константина Павловича, его тело оставалось в имении Лович (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1190. Л. 3).

⁸⁸¹ *Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом. С. 303–304.

⁸⁸² *Фалькович С.М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 405.

маленького Наполеона — это фарс, который они (австрийцы. — *Прим. авт.*) хотят, чтобы мы приняли за чистую монету, чтобы отвлечь наше внимание; тактика, которую... Вы распознали, но, тем не менее, было бы ценно суметь раскрыть источник этого шума»⁸⁸³. Великий князь, сообщавший брату ранее, что «маленький Наполеон» «входит в доверие... в Галиции», получив просьбу императора «расследовать» дело, ответил отказом. По словам цесаревича, изучить ситуацию подробнее возможным не представлялось, «так как нужно опросить целиком все население Польши, Галиции, Познани и Литвы, Волыни и т. д., одним словом, всех поляков»⁸⁸⁴. В другом письме он утверждал относительно интриги вокруг Орленка, что «невозможно иметь... материалы более достоверные, чем те, что я Вам дал»⁸⁸⁵. Отказываясь входить в нюансы дела, настаивая, что последнее представляет собой не более чем «выдумку», и даже прямо отправляя Николая разбираться со слухами к министру иностранных дел К.В. Нессельроде, великий князь Константин, конечно, не только не успокаивал молодого монарха, но, напротив, усиливал в нем ощущение утраты контроля над регионом.

Как уже говорилось, Константин сам активно разыгрывал австрийскую карту, чтобы подтолкнуть императора к тем или иным действиям или, напротив, предотвратить их⁸⁸⁶. В преддверии войны с Турцией 1828–1829 гг. великий князь информировал брата о передвижении войск на австрийской границе⁸⁸⁷. Более того, Константин Павлович более или менее предметно готовил сценарий действий на случай вступления Австрии в войну с Россией. Так, в Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии сохранился рапорт генерал-лейтенанта Кривцова о сожжении во

⁸⁸³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 213.

⁸⁸⁴ Там же. С. 210.

⁸⁸⁵ Там же. С. 216.

⁸⁸⁶ В литературе существует мнение, что Константин Павлович крайне подозрительно относился к Австрии еще со времен суворовских походов, в которых принимал участие (*Кашианова О.С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи. С. 179).

⁸⁸⁷ *Фалькович С.М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 299.

время польского восстания 1830–1831 гг. секретных документов, хранившихся во дворце цесаревича Константина Павловича в Варшаве. Согласно этому рапорту, Кривцов уничтожил переписку цесаревича за 1827–1828 гг. При этом последняя заключала материалы об учреждении Обсервационной армии и секретные предложения «на случай разрыва с Австрией, действовать наступательно»⁸⁸⁸. В тот момент, однако, император Николай не слишком верил в перспективу того, что с началом действий против Турции Австрия откроет войну на западных границах Российской империи. Весной 1828 г., уже обсуждая детали будущей Турецкой кампании, император предлагал брату оставить в Замостье немного войск «на случай неожиданной атаки», добавляя при этом, что подобное «очень маловероятно при нынешнем положении дел»⁸⁸⁹. Позиция Австрии была конкурентной, иногда агрессивной, но в 1828 г. страны вовсе не находились на пороге войны.

Слухи о действиях Австрии, вкупе с желанием нейтрализовать позицию брата в польских землях, могли подтолкнуть Николая I к решению провести коронацию. Однако едва ли они сыграли здесь главную роль. В конце концов, к 1829 г. Николай уже был коронован в Москве и завершил тяжелый процесс над декабристами; он стоял на пороге победы в Русско-турецкой войне, а общество прочитывало его действия через образ его кумира Петра Великого⁸⁹⁰. Он обретал все большую независимость в своих решениях. Но, очевидно, не в тех, что касались Царства Польского.

⁸⁸⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 77. Л. 5 об. Другие источники также подтверждают, что архив цесаревича остался в Варшаве (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5424. Л. 1).

⁸⁸⁹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 223.

⁸⁹⁰ А.Х. Бенкендорф так описывает окончание Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: «Наконец, после полутора веков военного соперничества, жертв и побед, война смирила самого ожесточенного врага России, могущество которого недавно заставляло дрожать Европу, и который остановил победное продвижение Петра Великого» (*Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 438*). Очевидно, образ Николая как наследника Петра Великого был относительно устойчивым и в 1839-е – 1840-е гг., по крайней мере, при императорском дворе. Об этом свидетельствует, в частности, дневник адмирал Ф. П. Литке, руководившего в 1832–1848 гг. воспитанием второго сына императора Николая I, великого князя Константина Николаевича. Фиксируя происходящее при дворе и в столице, Литке много пишет об интересе Николая I к эпохе и личности Петра Великого (ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1111. Л. 14, 65, 203 об.). Многие действия Николая I этого периода «прочитываются» Литке через существовавший образ царя-реформатора. Так, рассказ о том, что император Николай повелел «переменить указ уже подписанный» адмирал сопровождает рассуждениями о том, что «этот случай достоин Петра (Там же. Л. 42). О значении образа Петра Великого для раннениколаевского

Мы можем констатировать наметившуюся преемственность между позициями Александра I и Николая I в отношении выстраивания российской политики в Царстве Польском. Уже в 1826 г. император принял решение о проведении коронации в качестве польского короля, что было предписано Конституционной хартией, пожалованной Александром I Польше. При этом Николай I понимал, что при организации действа в Варшаве значительную роль будет играть позиция великого князя Константина Павловича.

Глава 4. Подготовка коронации Николая I как польского короля

4.1. Дискуссия о проведении коронации: эмоции и прагматика

Если смотреть на произошедшее в Варшаве с позиции российской коронационной традиции, то церемонию 1829 г. можно назвать коронацией без Коронационной комиссии. Никакой специальной структуры по этому поводу в России создано не было, а план действия явился результатом дискуссии между Николаем I, великим князем Константином Павловичем и, отчасти, графом Н.Н. Новосильцевым — доверенным лицом цесаревича в Польше⁸⁹¹. Переговоры о проведении церемонии продолжались три года, в течение которых участники в своем понимании ситуации двигались ровно в противоположные стороны.

Император Николай, инициировавший дискуссию в 1826 г., вскоре осознал, что вступает на зыбкую почву, и, не отказываясь принципиально от реализации александровского установления, начал затягивать обсуждение вопроса. Три года спустя, в январе 1829 г., император прямо называл будущую церемонию «видимостью коронации», указывая, что «корона не существует», а без «подобия коронации... можно было бы обойтись»⁸⁹². Предлагаемая им Константину альтернатива заключалась в том, чтобы надеть польскую корону при пересечении границы с Царством Польским и носить венец все время пребывания в Польше, «но не короноваться»⁸⁹³.

Великий князь Константин Павлович, не проявивший в 1826 г. никакого серьезного интереса к вопросу брата о коронации⁸⁹⁴, к весне 1829 г. был совершенно захвачен идеей проведения церемонии. Он писал Николаю I многочисленные письма, обсуждая то один, то другой аспект церемонии. При

⁸⁹¹ М. Гетка-Кениг не без основания отмечает также роль обер-церемониймейстера графа С.С. Потоцкого, поляка по происхождению, хорошо знакомого с традициями территории, который мог вносить правки в окончательную версию церемониала (*Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 271*).

⁸⁹² Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

⁸⁹³ Там же. С. 301.

⁸⁹⁴ Там же. С. 75.

этом, в полном соответствии с логикой развития отношений между братьями, предложения великого князя шли вразрез с идеями императора и, напротив, совпадали с польскими интересами, направленными на обретение все большей политической субъектности. Усиливая давление на императора, великий князь со временем все чаще обращался к своему главному аргументу — особости Царства. По мнению Константина Павловича, Польша представляла собой территорию, которая была не инкорпорирована, а лишь объединена с Российской империей, а значит, речь шла о фактической унии⁸⁹⁵. Великий князь настаивал, что вести себя на этих землях Романовы должны исключительным (по отношению ко всем остальным территориям империи) образом.

Н.Н. Новосильцев, являвшийся с 1821 г. советником наместника в Царстве Польском, а затем попечителем Виленского университета и Виленского учебного округа, был наделен большой властью в регионе. С годами он оценивал российскую политику в Польше и общественные настроения в Царстве все более критически⁸⁹⁶ и, вероятно, был солидарен с

⁸⁹⁵ Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 94.

⁸⁹⁶ Литература, исследующая биографию Н.Н. Новосильцева, исчисляется лишь несколькими статьями. Польский период его жизни обычно трактуется как реакционный, а сам Новосильцев предстает ответственным за неудачи александровского эксперимента в Царстве, аресты участников тайных обществ, а также многочисленные нарушения конституции. Ему, как и Николаю I, часто приписывается иррациональная ненависть к полякам и в этой связи дурное влияние как на Александра I и Николая I, так и на петербургское общество. В отношении особенностей личности и поведения Новосильцева принято указывать на его беспринципность, грубость и склонность к алкоголизму (см., например: *Thackeray F.W.* N.N. Novosil'tsov. The Polish Years // *The Polish Review*. 1983. Vol. 28. № 1. P. 33–34, 37–38, 40, 43–44; *Кучерская М.А.* Константин Павлович. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 241–242). Эти позиции в целом передают трактовки источников, представляющих польскую интерпретацию событий. Показательно высказывание мемуариста О. Пржецлавского (Ципринуса): «...всякий раз, когда речь доходила до Чарторижского, Новосильцев забывал свою дипломатию и не мог удержать порывов бушевавшей его злобы. Лицо его, вообще далеко не привлекательное, делалось отвратительным, поистине страшным. Косые глаза его искрились, рот искривлялся, синие губы тряслись, и из них изливались потоки желчи. Новосильцев переставал быть человеком хорошего общества, он унижал себя до непарламентарных выражений. Но это и были одни ругательства: он не мог или быть может не хотел, сформулировать никакого положительного обвинения против чести Чарторижского. Он только упрекал его в неограниченном честолюбии и неистовом польском патриотизме... У Новосильцева не было никаких убеждений; один колоссальный эгоизм. Над всеми патриотами, как над всеми верованиями он всегда смеялся. Это был вполне Вольтеровского века энциклопедист, с немалой долей собственного цинизма» (*Ципринус*. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1725–1726). Интересно, что история с написанием конституционного проекта для России («Государственной уставной грамоты Российской империи»), который был реализован в канцелярии Новосильцева в Царстве Польском, как правило, рассматривается без отсылок биографии одного из ее создателей (см., например: *Чернов К.С.* Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». М.: Ин-т бизнеса и политики, 2007; *Минаева Н.В.* Потаенные конституции России. М.: Посев, 2010. С. 38–47; *Она же*. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов:

императором в понимании сложности сложившейся ситуации. Отношения Новосильцева и великого князя Константина Павловича во второй половине 1820-х гг. носили сложный, а порой и конфликтный характер. Они все более расходились в своих взглядах на судьбу польских земель в составе Российской империи: Константин открыто лоббировал польские интересы, а Новосильцев выступал за интеграцию этой территории, а также ограничение привилегий политического и экономического характера⁸⁹⁷. В дискуссии о коронации последний был вынужден балансировать между монаршей волей и интересами своего патрона, предлагая в иных случаях варианты, которые не устраивали ни одного из братьев. Ему же принадлежала идея не торопиться с коронацией, а отложить ее до празднования годовщины создания Царства Польского в 1830 г.⁸⁹⁸ Последнее предложение, между прочим, представляло собой редкую, совершенно нехарактерную для основной линии дискуссии попытку инициировать обсуждение того, как следует позиционировать предстоящую церемонию собственно в России.

Переписка Николая и Константина в 1826–1829 гг. демонстрирует, что после московской коронации император начал противиться идее проведения церемонии в Варшаве. Не последнюю роль здесь сыграли его эмоциональные реакции. Николай фактически оказался в позиции грибоедовского Чацкого — человека, у которого «ум с сердцем не в ладу».

Глубокая религиозность императора, его убеждение, что власть дарована ему богом, и уже свершившееся в Москве сакральное действо венчания на царство делали саму идею некой повторной коронации, да еще и в католической Польше, плохо представимой⁸⁹⁹. Само слово «коронация», от которого было невозможно избавиться, и бесчисленные коннотации, которые оно вызывало, тяготили и тревожили монарха. В своих письмах к брату он

Издательство Саратовского университета, 1982. С. 183–193; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 163–178).

⁸⁹⁷ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 47.

⁸⁹⁸ *Кашианова О.С.* К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 42.

⁸⁹⁹ О религиозности Николая I см.: *Фирсов С.Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 21–86.

переходил от заявлений, что формально свободен от обязательств⁹⁰⁰, и указаний на абсолют монаршей воли⁹⁰¹ к описанию собственного эмоционального состояния в связи с коронацией. Чаще всего, однако, император обращался к категориям «честь» и «долг». Причем последнее не интерпретировалось непременно как долг памяти Александру I и его установлениям в польских землях. Речь шла скорее об обязательствах перед подданными в Царстве Польском. В одном из откровенных писем брату относительно невозможности присоединения Литвы к Царству Польскому Николай I писал о своем нежелании «создавать недовольных» в Польше, обманывая жителей «неосуществлением надежды», и заключал письмо рассуждением о поляках: «...честный человек среди них самих отдаст мне справедливость, сказав: *я ненавижу его*, потому что он не исполняет моих желаний, *но я уважаю его*, потому что он нас не обманывает»⁹⁰². Рассуждения Николая о ненависти и уважении многое объясняют в том, как именно император видел суть отношений между двумя нациями. Достижимым максимумом ему представлялось состояние, сопоставимое с отношением к достойному врагу на поле боя.

К марту 1829 г. Николай нашел, как ему казалось, выход из сложившегося эмоционального тупика: нараставшее внутреннее противоречие было стабилизировано апелляциями к чувству долга, о чем свидетельствует выразительное письмо Константину Павловичу, написанное за полтора месяца до поездки в Варшаву. Император писал, что «решился (короноваться. — *Прим. авт.*)... несмотря на все... *отвращение* и отстранение от всего, что каким-то образом связано с этим». Он описывал свое стремление освободиться от предписанных Хартией обязанностей по отношению к Польше и о надежде, что эта «жертва, которая так трудна», окажется «полезной» и что он избавится от всего, в чем состоял его долг перед

⁹⁰⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 89.

⁹⁰¹ Там же. С. 89.

⁹⁰² Там же. С. 192–195; Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. С. 302.

поляками⁹⁰³. Пытаясь объяснить (не в последнюю очередь себе самому) свою позицию в связи с предстоящей коронацией, император указывал, что в конце концов такая церемония может «польстить им (полякам)» и привести, «возможно, худших к лучшему порядку и подчинению»⁹⁰⁴. Интересно, что найденное Николаем слово — «жертва» — довольно точно описывало всю коллизию. Повинуясь долгу монарха, Николай приносил в жертву собственные чувства и представления. Взамен он рассчитывал приобрести благодарность и лояльность своих польских подданных.

Окончательное решение о проведении церемонии было принято очень поздно. Хотя слухи о возможной коронации Николая I как польского короля ходили в Европе еще весной 1827 г. Это следует не столько из переписки основных участников дискуссии, а скорее из указаний второго ряда и всплеска общественных ожиданий вокруг коронации. Именно в 1827 г. упомянутый николаевский манифест с клятвой польской Конституции был издан в Париже. Показательна и активность в дипломатических кругах Лондона: в январе–феврале этого года княгиня Д.Х. Ливен, судя по ее корреспонденции, пыталась выяснить, действительно ли коронация назначена на май, а в марте сообщала о планах маркиза Хартфорта предпринять короткую поездку в Варшаву, чтобы увидеть коронацию⁹⁰⁵. Реальное обсуждение перспектив проведения церемонии, однако, началось лишь спустя полтора года. Осенью 1828 г. великий князь Константин Павлович приехал в Петербург на похороны императрицы-матери Марии Федоровны⁹⁰⁶. Скорее всего, именно в это время император и его старший брат смогли окончательно обсудить дату польской коронации. Объявление о церемонии, согласно материалам Административного совета Царства Польского, было «дано в Санкт

⁹⁰³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325.

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ *Lieven D. Letters of Dorothea, Princess Lieven, during her Residence in London, 1812–1834 / Ed. by L.G. Robinson. London; New York, 1902. P. 91, 94–95.*

⁹⁰⁶ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 311; *Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 401; Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829. С. 77.*

Петербурге дня 5 (17) апреля 1829 г.»⁹⁰⁷. С момента официального объявления о коронации до начала самой церемонии прошло чуть более месяца.

Скорее всего, до официального объявления о коронации полной уверенности в том, что церемония состоится, ни у кого не было, даже если слухи о ней, как утверждает Е. Гутковский, достигли Царства Польского в начале апреля⁹⁰⁸. Показательно, что решение о ремонте помещений Варшавского замка, места проведения церемонии, и открытии Министерством финансов Царства Польского особого кредита в 100 тыс. злотых для реализации этого плана было принято лишь 17 (29) апреля⁹⁰⁹. Подготовка к церемонии была проведена в очень сжатые сроки, или, проще говоря, в спешке.

Важно отметить, что, хотя главные позиции относительно проведения коронации были сформулированы в диалоге двух братьев, практическое оформление действия, то есть перевод царственных решений на язык прагматической реальности, был отдан на откуп Варшаве. Все детали церемонии, за которыми все-таки следили в Петербурге, согласовывались с Константином Павловичем⁹¹⁰. Так, в начале апреля 1829 г. министр императорского двора князь П.М. Волконский направил цесаревичу «проекты церемониалов для предположенной коронации... в Варшаве и на случай церемониального въезда в сей город с Собственноручными Его Величества карандашом отметками». При этом Волконский передавал монаршую просьбу «просмотреть все сии проэскты» и, если такая необходимость возникнет, «переменить» то, что великий князь посчитает нужным⁹¹¹. Очевидно, что в большинстве случаев персональный состав участников коронации с польской стороны также определялся великим князем. Даже если в письмах из Петербурга назывались конкретные имена, то в следующей строке неизменно

⁹⁰⁷ AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 9–10, 25 v.

⁹⁰⁸ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3.

⁹⁰⁹ Ibid. S. 3–9.

⁹¹⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 61–61 об.

⁹¹¹ Там же.

значилось указание на то, что окончательный выбор остается за цесаревичем⁹¹². Кроме того, огромное количество организационных решений и деталей, связанных с проведением церемонии, таких как оформление зала и шествия, формирование круга торжеств и праздничных мероприятий, распределение мест и заказов, были отданы в ведение польской стороне. В Варшаве этим занимались два министерства — вероисповеданий и народного образования и внутренних дел и полиции⁹¹³. Однако в вопросах подобных этому мелочей быть просто не могло. Последующие события и реакция на них императора показали, что между представлением о коронации, которое сформировалось у Николая, и самой церемонией возник своего рода «зазор» — образ в сознании монарха и реальность, открывшаяся перед ним в Варшаве, не совпали.

К моменту объявления о будущей церемонии множество решений все еще находилось в процессе обсуждения, но несколько тревоживших императора позиций — например, форма коронационной клятвы, проведение католической службы и созыв польского сейма — уже были закрыты.

Первым был решен вопрос о месте коронации — и городе, и церемониальном пространстве внутри него. Параграф 45 польской Конституции 1815 г., в котором речь шла о коронации, определял местом церемонии «столицу»: «Все Наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице»⁹¹⁴. И хотя формулировка явно указывала на столицу Царства Польского Варшаву, император не был готов согласиться с этой позицией сразу. Кроме того, обсуждая с Константином Павловичем и графом Новосильцевым другие варианты, монарх выигрывал время. Время, когда он не должен был принимать окончательное решение о проведении церемонии.

⁹¹² РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 33–34 об.

⁹¹³ AGAD. F. 190. № 93; F. 191. № 19 (161).

⁹¹⁴ Конституционная Хартия Царства Польского. С. 530.

По мнению ряда исследователей, император рассматривал возможность коронации в Северной столице. В логике Николая I последняя являлась столицей Российской империи, а равно и Царства Польского⁹¹⁵. В качестве источника таких рассуждений часто приводится известный, кочующий из книги в книгу разговор между императором и польским князем Ф.-К. Друцким-Любецким, во время которого Николай I высказал мысль, что, поскольку Царство Польское входит в состав Российской империи, коронацию следует провести в Северной столице. Друцкий-Любецкий, соглашаясь с монархом, как принято пересказывать, иронично заметил, что для этого Николаю I следует распространить действие польской конституции на всю империю⁹¹⁶. Рассказ, переданный Друцким-Любецким, однако, не подтверждается другими источниками: Петербург как место польской коронации в других документах, связанных с организацией действия, никогда не фигурировал. Кроме того, в российской прессе того периода Варшава вполне стандартно именовалась «столицей» в значении «столица Царства Польского»⁹¹⁷.

Идея одновременной коронации Николая I как российского императора и как польского короля в Москве обсуждалась очень недолго⁹¹⁸. Н.Н. Новосильцев писал великому князю Константину Павловичу: «Коронация его величества в качестве царя польского в Москве быть может представляла бы, по моему мнению, предмет меньших неудобств, чем, если бы это делалось в Варшаве, особенно, если велеть изготовить польскую корону, благословить ее и отправить в Москву»⁹¹⁹. О.С. Каштанова, рассматривавшая этот вопрос, указывает, что граф не исключал возможности благословения этой новой короны польскими священнослужителями⁹²⁰.

⁹¹⁵ Носов Б.В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 272.

⁹¹⁶ Кизеветтер А.А. Император Николай I как конституционный монарх. С. 409; Кучерская М.А. Константин Павлович. С. 242; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. С. 369.

⁹¹⁷ См., например: Северная пчела. 1829. № 58. С. 2; № 61. С. 2; № 62. С. 5. В объявлении о коронации, изданном на польском языке, Варшава также именовалась «столицей» (AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 9–10).

⁹¹⁸ Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41.

⁹¹⁹ Там же. С. 42.

⁹²⁰ Там же.

Обращает на себя внимание использовавшееся Новосильцевым определение «менее неудобно», показывающее, что Николай Николаевич полагал польскую коронацию в любом случае неудачной идеей. Примечательно и его стремление развернуть нарратив в сторону России, проведя польскую коронацию в Москве — городе, который был сожжен наполеоновскими (а в их составе и польскими) войсками в 1812 г. Предложение Новосильцева не устроило ни Константина, ни Николая. Это был тот редкий случай, когда братья смогли договориться. Нужно отметить, что в итоге церемония была реализована по сценарию, который был диаметрально противоположен предложению Новосильцева: коронация прошла в Варшаве с использованием русской короны.

Идея проведения церемонии в Кракове, где находилось самое значимое для польской коронационной традиции место — Вавельский замок, никогда не обсуждалась. По итогам Венского конгресса Краков был объявлен вольным городом, и организация церемонии коронации российского императора и будущего польского короля здесь была как минимум затруднена.

Принятие политического решения об осуществлении коронации в Варшаве не означало, что действо обрело в глазах своих устроителей (главным образом императора Николая I) четкий абрис. Русские коронации в начале XIX в. имели устоявшуюся традицию, которая уходила корнями еще в доимперский период и была основана на апелляции к православию. Коронации в Польше, проводившиеся в Кракове и Варшаве, отсылали к традиции католической. Попытка устроить коронацию православного российского императора в католической Польше ставила целый ряд вопросов, начиная от выбора помещения и регалий, особенно короны, до организации церемонии как таковой. Во всех случаях ключевым оказывался вопрос веры.

Николай еще в 1826 г. твердо заявил брату, что католическая коронация «невозможна»⁹²¹. Впоследствии он многократно повторял, что обряд не

⁹²¹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 79.

должен носить «характер сакральный»⁹²². В понимании Николая помазание на царство, сердцевина всех коронаций в России, которая «уподобляла царя самому Христу»⁹²³, принципиально не должна была стать частью варшавского действа. «Церемония, которая повторяется в Варшаве, — писал он брату, — не является священнодействием, а лишь повторением коронации для поляков»⁹²⁴. В известном смысле задуманное Николаем можно сопоставить с принятием Петром Великим императорского титула в 1721 г., которое, по справедливому замечанию Б.А. Успенского, «было культурным, а не религиозным актом, и поэтому оно не было ознаменовано специальной религиозной церемонией»⁹²⁵. Вместе с тем риторика сакрального в церемонии, которая прямо была названа «коронацией», конечно, не могла быть совершенно отставлена. Напротив, по мере приближения к коронации и необходимости объяснить себе суть собственных решений монарх использовал именно этот нарратив: «По правде говоря, — писал он Константину перед тем, как отправиться в Варшаву, — это как *крещение*, навсегда соединяющее два государства»⁹²⁶.

Кроме того, организаторам коронации было необходимо решить, какую из традиций — русскую или польскую — следует взять за основу при планировании действа. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что вторая из линий была доминирующей. Еще в 1827 г. граф Н.Н. Новосильцев предпринял попытку розыска описаний исторических коронаций в Польше⁹²⁷. Найденный архивистами «Церемониал коронации Станислава Августа Понятовского» был, вероятнее всего, доставлен в Россию⁹²⁸.

⁹²² Там же. С. 79, 80, 326.

⁹²³ Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 28–31.

⁹²⁴ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 336.

⁹²⁵ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. С. 48.

⁹²⁶ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 336.

⁹²⁷ AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 16 v.

⁹²⁸ Документ под названием «Коронование Его величества Короля Польского Станислава Августа (1764 г.)» хранится сейчас в: РГАДА (Ф. 156. Оп. 1. Д. 118).

Нельзя исключать, что Николай ознакомился с этими материалами, ведь коронация Станислава Августа (1764 г.) состоялась в Варшаве, а не в Кракове, создав таким образом прецедент⁹²⁹, но едва ли императора обнадежило то, что он узнал из «Церемониала коронации Станислава Августа». Скорее всего, полученная информация поставила его в тупик: короновавшийся в католическом соборе Св. Яна, Станислав Август не сам возложил на себя корону (как это происходило в русской традиции), а был коронован примасом католической церкви, перед которым он в течение церемонии несколько раз опускался на колени. Русских читателей этого документа могло поразить и то, что во время церемонии монарх несколько раз снимал корону⁹³⁰; в другом случае он вынимал «меч из ножен и ударял три кратно по воздуху крестообразно»⁹³¹ и повергал себя «на землю, сложа руки накрест»⁹³².

Безотносительно впечатлений императора⁹³³ ставка на польскую традицию осталась неизменной, и чиновники Министерства внутренних дел и полиции Царства Польского повторно искали архивные описания исторических польских коронаций в апреле 1829 г., то есть перед самой церемонией⁹³⁴. Последнее, очевидно, было сделано с подачи Константина Павловича — источники личного происхождения указывают на его стремление выстроить церемонию, используя принятый в Польше коронационный порядок⁹³⁵.

⁹²⁹ *Chrościcki J.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy. S. 131. В Варшаве в 1637 г. была также коронована жена Владислава IV Вазы, австрийская эрцгерцогиня Цецилия Рената. Нарушение традиции, впрочем, было воспринято польской элитой крайне негативно (*Chrościcki J.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy. S. 129–130).

⁹³⁰ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 118. Л. 12 об.

⁹³¹ Там же. Л. 10 об.

⁹³² Там же. Л. 9.

⁹³³ Николай I мог прочесть и другие документы в этой связи. В РГАДА отложился целый комплекс подобных материалов. См., например: Чин избрания и коронования польских королей по давним их уложениям и правам (1573–1676 гг.) // РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 99; Чин коронования польских королей, бываемый в Кракове (около 1676 г.) // Там же. Д. 101; Выписка из церемониала коронации польского короля Августа II в Кракове (1697 г.) // Там же. Д. 105. Возможно, этот комплекс документов отложился в результате розысков, инициированных Н.Н. Новосильцевым, или более ранних, предпринятых еще Александром I (*Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8).

⁹³⁴ AGAD. F. 191. № 19 (161). K. 15–16.

⁹³⁵ Это отмечал, например, в своих воспоминаниях профессор Варшавского университета Я. Ивашкевич (*Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76).

Ставка на польскую традицию в конечном итоге привела к необходимости задуматься о месте для обряда. Объявляя брату, что католическая коронация «невозможна»⁹³⁶, Николай I прямо отказывался от церемонии в соборе. Сложность с выбором места для коронации вне католического дискурса стала основанием для появления у Н.Н. Новосильцева экстравагантной идеи проведения церемонии на Вольском поле, то есть в пространстве, где проходили выборы польского короля. Такое соображение шокировало Николая I. Император, конечно, не мог одобрить появление коннотаций, связанных с выборностью власти в Польше, и объявил брату, что «не намерен валять ваньку на Вольском поле»⁹³⁷.

Вопрос о проведении католического молебствия по случаю коронации также был разрешен отнюдь не сразу. Константин Павлович полагал эти действия совершенно необходимыми. Он писал брату в свойственной ему настойчивой манере: «Бог призвал Вас царствовать над народом иного исповедания, чем ваше, Вам надлежит покровительствовать этому исповеданию, уважать его и поддерживать, а не наносить ему удара... тем более что присутствие при молебне не означает участия в таинстве»⁹³⁸. Развивая свою идею, великий князь апеллировал и к европейскому контексту: «Скажу более, если бы вам пришлось короноваться великим князем Финляндским, я был бы того мнения, что вам следовало бы присутствовать при лютеранской проповеди в знак уважения к культу, существующему у народа, над которым волею Бога вы призваны царствовать, и в доказательство общей веротерпимости и отсутствия с вашей стороны притязаний на право вмешиваться в дела совести. Прибавлю, что все это как нельзя более будет гармонировать с только что установленной в Англии эмансипацией католиков»⁹³⁹.

⁹³⁶ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 79.

⁹³⁷ Там же. С. 89. Благодарю за помощь в расшифровке оригинального фрагмента письма А.В. Марeya и Е.Н. Пенскую.

⁹³⁸ Там же. С. 329–330.

⁹³⁹ Кизеветтер А.А. Император Николай I как конституционный монарх. С. 413.

Николаю I была не близка и идея Константина о необходимости католического богослужения. Император стремился избежать этого, высказывая соображения, поразительным образом напоминавшие столь неблизкую ему, на первый взгляд, позицию Н.Н. Новосильцева: «Что же касается обряда коронования, то всякая церемония, какую я сочту за благо принять, получит силу закона; таким образом, если я созову чрезвычайный сейм... и затем прикажу отслужить благодарственное молебствие по римскому обряду *под открытым небом, чтобы избежать богослужения в соборе* и чтобы при молебствии могли присутствовать войска, я думаю, этого будет вполне достаточно»⁹⁴⁰.

В конечном счете позиция Константина Павловича все-таки возобладала — церемонию было решено провести в зале Сената Варшавского замка, однако ей должно было предшествовать освящение регалий в католическом соборе Св. Яна⁹⁴¹. По окончании действия были запланированы церемониальное шествие в тот же собор и католический молебен. При этом во время въезда в город Николая I должны были встречать священники всех главных костелов Варшавы, что, конечно, усиливало ощущение нахождения в католической среде. Интересно, что Николай, не желавший первоначально даже заходить в костел, совершенно не озаботился вопросом расширения православного пространства Варшавы или хотя бы использованием отсылок к православному контексту и нарративам.

Ко второй половине 1820-х гг. процесс создания репрезентативного пространства российской власти в столице Царства Польского уже обрел определенные черты и динамику. Константин Павлович в качестве постоянных резиденций в Варшаве выбрал Бельведер на окраине дворцового комплекса Лазенки, приобретенного Александром I еще в 1817 г.⁹⁴², и

⁹⁴⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 89.

⁹⁴¹ Русские источники также именовали этот костел собором Св. Иоанна (РГВИА. Ф. 25 Оп. 161а. Д. 593 (1829 г.). Л. 81).

⁹⁴² Молева Н.М. Варшава. М.: Искусство, 1973. С. 132.

Брюлевский дворец, где жил летом и зимой соответственно. Император Александр I во время частых посещений Царства Польского останавливался в Варшавском замке⁹⁴³, где специально по этому поводу в 1817–1818 гг. был проведен ремонт⁹⁴⁴. Сразу после провозглашения Царства Польского в этом главном государственно-представительском здании города, как и следовало ожидать, было выделено помещение для православного богослужения: в 1815 г. здесь была устроена православная часовня, а в 1818 г. Большая капелла замка была перестроена⁹⁴⁵, став главной православной церковью Варшавы того периода.

Именно здесь в 1820 г. состоялось венчание великого князя Константина Павловича с Иоанной Грудзинской, а 21 декабря 1825 (2 января 1826 г.) проживавшие в Варшаве православные присягнули новому императору Николаю I⁹⁴⁶. Очевидно, что это пространство не было обустроено в должной мере, поскольку российские источники называли эту церковь «походной» вплоть до 1830 г., а обсуждение ее устройства и оформления так и не было завершено до начала восстания⁹⁴⁷. Кроме православной церкви Варшавского замка существовала также греческая церковь Св. Троицы на Подвальной улице, которая с 1825 г. перешла в юрисдикцию российского Синода⁹⁴⁸.

Фактически православное пространство в Варшаве, состоящее из двух небольших церквей⁹⁴⁹, было крайне ограниченным. Первоначально такое положение дел было связано с решениями императора Александра I, не стремившегося позиционировать себя в Варшаве как православного монарха

⁹⁴³ До него в замке несколько раз останавливался Наполеон.

⁹⁴⁴ *Лилейко Е.* Варшавский замок. Варшава: Интерпресс, 1980. С. 72.

⁹⁴⁵ Там же. С. 72. По информации К. Сокола, церковь была освящена в честь Св. Константина (*Сокол К.Г.* Русская Варшава: Справочник-путеводитель. М.: Международный изд. дом «Синергия», 2002. С. 33). По другим источникам, церковь была освящена во имя Христа Спасителя (*Цветаев В.Д.* Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 1. С. 105–106).

⁹⁴⁶ *Сокол К.* Русская Варшава. С. 33; AGAD. F. 197. № 675. К. 1–4.

⁹⁴⁷ *Цветаев В.Д.* Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. CV–CVII.

⁹⁴⁸ Открыта во второй половине 1810 г. греческими купцами. К 1827 г. число прихожан этой церкви не превышало нескольких десятков человек. Об этой церкви см.: *Сидоров А.А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). Исторический очерк. С. 25.

⁹⁴⁹ В 1823 г. для российских войск в Варшаве была также устроена походная церковь Св. Спиридона (*Филатова Н.М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 496).

и демонстрировавшего уважение главной конфессии присоединенной территории. Показательно, что во время поездки императора в Варшаву в 1815 г. Александр I поручил Сенату построить в Варшаве новый католический собор⁹⁵⁰. За период с 1825 по 1829 г. ситуация с православными храмами Варшавы не изменилась.

Маргинальное положение православия в Варшаве не следует объяснять соображениями сугубо прагматическими. Известно, что в первые годы существования Царства Польского русское население города было невелико и вполне могло довольствоваться одной или двумя церквями. Но среди этой группы находился официальный наследник российского престола, фигура которого сама по себе отменяла любую статистику. Кроме того, в последние годы царствования Александра I и в начале правления Николая I число русских в Варшаве последовательно росло и к 1830 г. достигло цифры более чем в пять сотен человек⁹⁵¹. Адмирал П.А. Колзаков, приближенный Константина Павловича, так объяснял популярность Польши в своих «Воспоминаниях»: «Кружок русских, служащих в Варшаве, стал год от году увеличиваться. Слух о тамошней веселой жизни, дойдя и до северной нашей столицы, стал привлекать много лиц в этот новый эдем. *Удвоенное содержание* и сравнительная дешевизна жизни были не малою тому приманкою»⁹⁵². В этих обстоятельствах вопрос расширения православного пространства столицы Царства Польского приобретал актуальность. Но удовлетворение потребностей русских было для Петербурга позицией второстепенной: строительство или открытие новой православной церкви в католической Варшаве было вопросом в первую очередь политическим, и в эти годы заниматься его решением никто не стремился.

⁹⁵⁰ Костел Св. Александра был закончен после смерти монарха, в 1826 г.

⁹⁵¹ По подсчетам К. Сокола, в 1830 г. «в Варшаве квартировало 538 русских офицеров, православных же жителей (вместе с греками и сербами) было всего 258» (*Сокол К.* Русская Варшава. С. 9).

⁹⁵² *Колзаков К.П.* Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4. С.429. Мемуары П.А. Колзакова обработал и издал его сын, К.П. Колзаков, именем которого были подписаны опубликованные в «Русской старине» отрывки.

Вопрос об организации специального православного богослужения в Варшаве в период коронационных торжеств не обсуждался. Соглашаясь, хоть и с трудом, на расширение католического сегмента коронации, Николай в принципе не рассматривал альтернативы, которые могли быть связаны с православием. Интересно вместе с тем, что еще в феврале 1829 г., то есть задолго до выработки финального плана коронации, из Петербурга в Варшаву в связи с возможной церемонией «по зимнему пути» отправили 100 пудов (1638 кг) свечей «самого высокого сорта»⁹⁵³. Очевидно, в Министерстве императорского двора находились люди, смотревшие на ситуацию проще, — многочисленные православные службы по случаю пребывания монарха в Варшаве и его последующей коронации казались делом само собой разумеющимся.

Еще одним вопросом, который требовал принятия решения, стала клятва, которую Николаю I надлежало прочесть во время варшавской коронации. Александр I, не оставивший никаких инструкций относительно обряда, предписал своим наследникам «по престолу Царства Польского» произнести во время действия слова, зафиксированные в Конституционной хартии: «Обещаюсь и клянусь пред Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью»⁹⁵⁴. Имея в виду классический образ российской монархии начала XIX в., содержание текста, который надлежало произнести императору, могло показаться революционным и совершенно неприемлемым, ведь монарх клялся народу защищать конституцию, ограничивавшую его права. Однако напомним: император Николай повторил эту клятву — слово в слово — в своем манифесте от 13 (25) декабря 1825 г.⁹⁵⁵

Повторять однажды данную клятву монарх был не намерен. В августе 1826 г., то есть спустя чуть более полугода после событий декабря 1825 г. и

⁹⁵³ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3 об.

⁹⁵⁴ Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

⁹⁵⁵ AGAD. F. 210. № 20. К. 15; *Огинский М.* Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2 (Приложения). С. 426.

накануне своей коронации в Москве, он писал брату: «Я уже ранее принес присягу, установленную законом; я дал ее по собственному побуждению и добровольно, как лучшее доказательство искренности моих намерений относительно польских подданных... Этим я считаю себя выполнившим по отношению к ним все то, что статья хартии вменяет мне в обязанность по части формы»⁹⁵⁶. В исследовательской литературе относительно этого эпизода переписки существует нестыковка: слова Николая I об уже выполненном обязательстве связывают с общероссийским манифестом о восшествии на престол, данном 12 (24) декабря 1825 г.⁹⁵⁷, в котором Российская империя, Царство Польское и Великое княжество Финляндское были упомянуты вместе: «...вступая на прародительский Наш престол Всероссийския Империи и на нераздельные с ним престолы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского... призываем всех Наших верных подданных соединить с Нами теплые мольбы их ко Всевышнему, да ниспошлет Нам силы к понесению бремени, святым Промыслом Его на Нас возложенного, да укрепит благие намерения Наши: жить единственно для любезного Отечества, следовать примеру оплакиваемого Нами Государя»⁹⁵⁸. Однако отсылка к единству империи, призыв к богу и обещание «жить единственно для любезного Отечества» не были, конечно, равны клятве «соблюдать Конституционную хартию» и приложить «все... усилия для ее сбережения». Выпавший из поля зрения историков манифест Царству Польскому, без сомнения, является недостающей частью конструкции — император действительно уже присягнул Конституционной хартии. Причем присягнул прямо, а не иносказательно, и его отказ повторять предписанные слова был вполне мотивированным.

Монарх был не единственным, кто интерпретировал события подобным образом: критика коронации в Царстве Польском, о которой речь пойдет

⁹⁵⁶ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 89.

⁹⁵⁷ Кашитанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 42.

⁹⁵⁸ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

далее, никогда не затрагивала собственно содержания речи, произнесенной Николаем I во время церемонии. Судя по всему, манифест, обращенный к Царству Польскому в 1825 г., сделал свое дело: в польском обществе сформировался консенсус, что императорская присяга конституции принесена, и повторных клятв не ожидали. В печатном объявлении о коронации от 5 (17) апреля, однако, было решено отметить, что в отношении присяги, предписанной 45-м параграфом, монарх уже исполнил обещание⁹⁵⁹.

Поскольку «по части формы», как выразился Николай, все было соблюдено, надлежало определить содержание коронационной речи императора. Предложение монарха великому князю Константину Павловичу состояло в том, чтобы произнести в зале Варшавского замка молитву: «...я думаю бесполезно и неуместно повторять ее (присягу. — *Прим. авт.*) второй раз, тем более, что *молитва великолепна и представляет собой род клятвы, приносимой монархом Богу, а не людям*»⁹⁶⁰. Этот показательный отрывок демонстрирует нам те позиции, которые тревожили императора более всего: будучи помазанником божьим, он полагал должным приносить клятву только богу⁹⁶¹.

В конечном итоге было решено, что во время коронации монарх произнесет следующую речь: «Боже Всемогущий, Отче Отцов Моих! Царю Царей! Сотворивший мир сей Божественным Своим Словом, и в бесконечной премудрости Своей Создавший человека для управления светом на пути истины! Ты призвал Меня в Царя и Судию храброго народа Польского! Признаю с благоговением действие Небесные Твоей ко Мне милости, и принося Тебе дань благодарения, смиряюсь духом пред Божественным величием Твоим. Благоволи, Господи, Боже мой! просветить стопы Мои на сей высокой стезе и направить все дела Мои к свершению Пресвятой воли Твоей;

⁹⁵⁹ AGAD. F. 191. № 19 (161) K. 9–10.

⁹⁶⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

⁹⁶¹ См. об этом: *Фирсов С.Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 37–38.

осени Меня мудростию, восседающую на Престоле Твоем. Ниспошли ее с Небес, да познаю Всевышнюю волю Твою и истину заповедей Твоих. Да будет сердце Мое в руце Твоей, и да сподоблюсь царствовать для блага Моих народов, во славу Святого имени Твоего, по учредительной грамоте, дарованной Моим Августейшим Предшественникам и уже утвержденной Моею присягой. Да не утрашусь предстать пред Тебя в день вечного суда Твоего, славою и милосердием Божественного Сына Твоего, Господа Иисуса Христа и Благодатию Духа Твоего Святого, Господа Животворящего, во веки веков. Аминь»⁹⁶².

В приведенном тексте стоит отметить несколько позиций: обращение монарха к богу с просьбой укрепить его на пути нового служения, указание на законность своих действий путем отсылки к клятве, произнесенной ранее, упоминание «учредительной грамоты» (Конституции Александра I), а также указание на «народы» (а не народ), находящиеся под скипетром Николая I. Иными словами, новый польский король, указав на легитимность своей власти, осененной богом и закрепленной законом, намеревался продекларировать, что под его скипетром находятся теперь два народа, одинаково субъектные в логике этой речи. Российская империя и Царство Польское таким образом оказывались на равных.

Текст был опубликован в франко-польском церемониале коронации. В русском переводе он появился позднее в журнале «Отечественные записки». Сопоставление оригинала и перевода показывает, что русская версия передает слова императора точно, без цензурирования. При этом текст был намеренно «состарен», стилизован под церковнославянский. Вероятно, авторы журнала видели свою задачу в том, чтобы образ коронации соответствовал русскому восприятию древнего, сакрального ритуала.

⁹⁶² О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110. С. 428–429; Оригинал на французском и польском: Церемониал коронования Николая I королем польским (на польском и французском языках, 1829 г.) // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6 об.

Хотя император сам долгое время не мог решить, идет ли речь о клятве или о молитве, и прибегал не столько к определению, сколько к описанию этой части действия («я ...*прочту то, что читается государем при этом случае*»⁹⁶³), произнесенное им в зале Варшавского замка все-таки являлось молитвой. Обращение к богу, «молитвенная» поза коленопреклоненного Николая, присутствие примаса католической церкви и наличие в зале алтаря с распятием не оставили у современников сомнений: участники коронации восприняли произнесенное именно как молитву. Таким же образом рисовали эту часть действия и официальный «Церемониал», и пресса⁹⁶⁴. Это был тот несчастный случай, когда оценки российской и польской стороны совпали.

Отметим, что в польской литературе существует версия, согласно которой молитва, произнесенная Николаем I во время церемонии в Варшаве, была заимствована из коронационного церемониала польских королей⁹⁶⁵, однако едва ли с этим можно согласиться. В источниках нет свидетельств подобного рода, а при сопоставлении николаевского текста с французскими образцами можно увидеть серьезные содержательные различия⁹⁶⁶. Факт произнесения молитвы-клятвы на французском едва ли может быть аргументом в этой связи: император Николай I, как и его предшественник на престоле Александр I, в публичном пространстве обращался к своим польским подданным на французском.

Впрочем, разговор о Франции возник не случайно. Дело в том, что сказанные Николаем слова были не единственной молитвой, которая должна была звучать в зале Сената Варшавского замка. Речь нового польского короля была центром действия, однако ее должны были «обрамлять» две молитвы

⁹⁶³ О коронации Его Императорского Величества. С. 326.

⁹⁶⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6 об.; О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

⁹⁶⁵ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8; Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 272.

⁹⁶⁶ О коронационных клятвах французских королей см.: Viguerie J. de. Les serments du sacre des rois de France (XVI^e, XVII^e et XVIII^e siècles) // Hommage à Roland Mousnier. Clientèle et fidélités en Europe à l'époque moderne / Éd. Y. Durand. Presses Universitaires de France, 1981. P. 57–70; Тюлар Ж. Наполеон или «миф» о Спасителе. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 137. Вместе с тем активная роль примаса была близка позиции архиепископа во время французских коронаций.

примаса католической церкви: одну надлежало прочесть перед возложением короны, а вторую — после произнесения монархом молитвы. В польских материалах подготовки к коронации сохранилось предложение использовать для речей примаса «Молитвы на ритуал коронования короля Франции»⁹⁶⁷. Безотносительно универсалистского содержания текстов, произнесенных в Варшаве⁹⁶⁸, сама идея обращения к французской традиции показательна, поскольку вступает в противоречие с тем, как видел ситуацию сам Николай I. Император полагал, что примас прочтет нечто похожее на молитву, отсылающую, пусть и опосредованно, к русской коронационной традиции. Он интерпретировал все достаточно просто: «...архиепископ при общем коленопреклонении прочтет молитву, *принятую у нас при короновании*, с необходимыми изменениями»⁹⁶⁹.

Вероятно, Николай вплоть до приезда в Варшаву не слишком понимал суть сложившегося положения. Он делегировал в широком смысле слова польской стороне принятие множества решений, и все происходящее начало обретать иные черты по отношению к тому, что он представлял, хотя бы и очень приблизительно. Все наполнялось смыслом (порой двойным или скрытым от глаз), который сам император не был в состоянии полностью обнаружить, глядя на подготовку к своей второй коронации издалека.

В отличие от «мелочей», которые император не стремился контролировать (наподобие молитвы католического примаса), вопрос созыва не собиравшегося с 1825 г. польского сейма интересовал его предметно. На раннем этапе дискуссии, пытаясь отговорить брата от выбора католического костела как места для коронационных торжеств и предлагая вместо этого

⁹⁶⁷ AGAD. F. 190. № 93. К. 15–17, 18–21.

⁹⁶⁸ Первая молитва содержит просьбу о ниспослании Николаю, королю-защитнику, справедливости и благочестия, вторая — хвалу монарху, просьбу к богу одарить царя всеми благами (включая многолетие), мудростью и милосердием по отношению к своему народу и моление о мирном и спокойном царствовании, схожем с правлением Соломона.

⁹⁶⁹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С 326.

церемонию «под открытым небом», Николай упоминал возможность созыва «чрезвычайного сейма»⁹⁷⁰.

Однако в 1829 г. ситуация изменилась. Император был возмущен тем, как сеймовый суд провел дело о Патриотическом обществе, а предложенный сеймом приговор был, по мнению императора, не просто мягким, а оскорбительным. Константин Павлович был равным образом поражен и разделял возмущение брата. Константин сообщал императору, что «делегации Сената... имели с заключенными заседания за закрытыми дверями», а значит, «могли все устроить в их пользу» и что Сенат «также виновен в том, что подсудимые, которых пытались освободить, практически не признают своей вины»⁹⁷¹. Вместе с тем в письмах третьим лицам великий князь высказывал соображение, что произошедшего стоило ожидать. Так, в письме Опочинину он рассуждал следующим образом: «Словом сказать, государь император (Александр I. — *Прим. авт.*) не только во всех своих речах к сеймам бывшим и действиях, но даже в разговорах во многих случаях с польскими, как статскими, так и военными чинами, откровенно изволил изъяснять свои намерения; следовательно, что же мудреного, что у них вскружились головы на чувствах *nationalité*»⁹⁷². Великий князь прибавлял, что «далек от той мысли, чтобы защищать виновных поляков» и что императору Николаю I следовало обратить «особенное внимание» на общественную обстановку в Царстве⁹⁷³. Как известно, дело кончилось тем, что Николай I утвердил оправдательный приговор. По справедливому утверждению О.С. Каштановой, монарх приписал произошедшее «не злой воле сенаторов, а несовершенству польского законодательства»⁹⁷⁴.

Неудивительно поэтому, что Николай I, а равным образом и великий князь Константин, опасались, что коронационные торжества примут

⁹⁷⁰ Там же. С. 89.

⁹⁷¹ Там же. С. 235.

⁹⁷² Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. С. 387.

⁹⁷³ Там же.

⁹⁷⁴ Каштанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41.

совершенно иной вид, если депутаты сейма, выражаясь словами императора, «наговорят глупостей»⁹⁷⁵. Решение вопроса о том, как собрать в столице Царства Польского депутатов, но не сейм, было найдено самим Николаем I. Он предложил, собрав представителей, считать их «присутствующим» сеймом. При этом депутаты должны были строго «придерживаться различия» между участием в коронации и участием в сейме, который Николай планировал собрать через год⁹⁷⁶.

Итогом долгой дискуссии в отношении коронационных торжеств в Варшаве стала выработка церемониала, который Николай отразил в письме Константину: «Я полагаю собрать весь государственный корпус в зале Сената; духовенство отправится туда из собора торжественной процессией; в зале будет устроен алтарь. Когда все соберутся, явемся мы; я возложу на себя корону, после чего надену на мою жену цепь ордена Белого Орла. Потом архиепископ при общем коленопреклонении прочтет молитву... Затем я на коленях (*je lirai à genoux*) прочту то, что читается государем при этом случае. В заключение благодарственный молебен по обряду католической церкви и все будет сделано. Потом большой обед, и на следующий день — польский бал. Вот приблизительно рамка, которой я собираюсь следовать»⁹⁷⁷.

Обсуждение вопроса о церемониале, который надлежит осуществить в Варшаве, продлившееся три года, продемонстрировало сложность выработки структуры ритуала. Вопросы о месте проведения церемонии, ее структуре, клятве или молитве, которую должен был произнести император, наконец, светской или сакральной природе коронации не имели однозначного решения, способного удовлетворить участников дискуссии, включая императора и великого князя. Предложенная структура церемонии и последующих празднеств в действительности оказалась в значительной мере открытой для

⁹⁷⁵ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

⁹⁷⁶ Там же. С. 301. О присутствии депутатов сейма на коронации см. также: *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 317.

⁹⁷⁷ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

интерпретаций и — предметно — действий непосредственно на месте проведения коронации, в Варшаве. Кроме того, дискуссия показала, что окончательное решение о проведении коронации далось императору Николаю тяжело — он согласился на коронацию после долгих сомнений.

4.2. Выбор регалий

Установленного обряда для коронации российского императора польским королем не существовало. Александр I, указавший в 1815 г. в Конституционной хартии, что обряд «будет... установлен»⁹⁷⁸, за 10 лет не сформулировал ничего определенного. Вероятнее всего, ситуация отражает изменения позиции Александра I, размышлявшего о возложении на себя польской короны после создания Царства Польского, но так и не осуществившего это намерение.

Неудивительно поэтому, что в царствование Александра I официальная польская корона, символ власти в Царстве, так и не появилась: назначить корону Царства Польского император не решился. Вместе с тем в Российской империи прецеденты такого рода существовали. Так, Павел I во время похорон Екатерины II приказал считать короной Царства Таврического так называемую шапку Мономаха второго наряда, использовавшуюся для венчания на царство Петра (Петра Великого) и Ивана⁹⁷⁹. Павлу I было важно указать на существование титула «царь Таврический» после присоединения Крыма к Российской империи, а выбор короны в этом случае позволял также приписать крымский триумф не только — и не столько — матери монарха Екатерине II, но и усилиям прадеда и основателя империи Петра Великого. При этом монарха не смущало, что избранный венец никогда прежде не фигурировал в визуальной репрезентации российской власти на территории покоренного Причерноморья⁹⁸⁰.

⁹⁷⁸ Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

⁹⁷⁹ Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 72.

⁹⁸⁰ ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 15991. С. 142–144. В середине XIX в. это назначение было приписано самой Екатерине II. Так, в материалах погребения Николая I было указано, что эта корона была «назначена Таврической» самой Екатериной II (Описание погребения блаженной памяти императора Николая I. СПб., 1856. С. 110).

Вероятно, во время пребывания в Царстве Польском Александр I все-таки обращался к короне как к главному символу власти. Сохранившиеся польские изображения императора представляют его с регалиями, которые апеллируют либо к универалистской, либо к польской образности. Показательны два неатрибутированных портрета из запасников Национального музея в Варшаве и Музея Войска польского⁹⁸¹. В первом случае монарх изображен стоящим у стола, на котором лежат регалии власти, включая корону, при этом изображение последней не апеллирует к образам какой-либо исторической российской короны. На портрете из собрания Музея Войска польского можно увидеть сразу два венца, очевидно российский и польский, — знак созданной унии. Примечательно и изображение короны Александра I из описания символических похорон императора в апреле 1826 г.⁹⁸² — использованный венец также имел мало общего с российскими коронами. Без сомнения, все указанные предметы и образы последних предназначались исключительно для использования внутри Царства Польского. В огромной Российской империи сама идея русско-польской унии хождения не имела, а значит, ипостась российского монарха, являвшегося одновременно польским королем, была в значительной мере скрыта от глаз его подданных.

Для осуществления варшавской коронации Николаю I пришлось назначить новую польскую корону. Следует отметить, что монарх был готов использовать польскую историческую корону, если бы таковая нашлась. По крайней мере, он утверждал в письме брату, что «если бы корона существовала, то ею надлежало бы воспользоваться»⁹⁸³. Короны, однако, не было, как не было и времени на ее изготовление.

⁹⁸¹ Национальный музей в Варшаве. Ед. хр. Dep5076 (внутр. номер).

⁹⁸² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix; Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

⁹⁸³ Кашианова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 336.

Как следует из источников, вопрос о назначении в церемонию большой императорской короны не обсуждался — транспортировка венца в Варшаву и освящение его в костеле ради повторной коронации, вероятно, могли вызвать в русском обществе толки, которых император так явно стремился избежать. Не рассматривался и венец, изготовленный для символических похорон Александра I⁹⁸⁴, хотя его, по утверждению С.Я. Коварской, в Царстве Польском некоторое время использовали для торжественных встреч⁹⁸⁵.

Выбор пал на регалии, которые уже находились в Петербурге. Из сокровищницы был затребован венец, созданный за столетие до этого для императрицы Анны Иоанновны⁹⁸⁶, отличительной особенностью которого был большой турмалин с алмазным крестом. Использование этого венца оформило на визуальном символическом уровне вошедшие в 1815 г. в состав империи польские земли — эта корона вплоть до 1917 г. венчала щит Царства Польского в государственном гербе Российской империи.

Среди историков искусства существует трактовка, которая объясняет выбор короны Анны Иоанновны иными мотивами, а именно стремлением указать, что «во времена правления императрицы предпринималась попытка раздела польских земель»⁹⁸⁷. Речь идет о времени после смерти Августа II, когда Россия активно продвигала на польский престол своего ставленника — курфюрста Саксонского Августа (будущего польского короля Августа III). При этом было подавлено сопротивление Данцига, поддерживавшего альтернативного — уже избранного королем — кандидата, которого, в свою

⁹⁸⁴ Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

⁹⁸⁵ Коварская С.Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. С. 72. Такое использование, однако, не могло быть долгим — после восстания 1830–1831 гг. корона, как и прочие регалии, была привезена в Оружейную палату Московского Кремля (1832 г.) (Там же. С. 72).

⁹⁸⁶ Корона была изготовлена в 1730 г. группой мастеров во главе с русским ювелиром С. Ларионовым (Быкова Ю.И. К вопросу об авторстве коронационных регалий императрицы Анны Иоанновны // Труды государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013. Т. LXX: Петровское время в лицах — 2013. К 400-летию Дома Романовых. С. 108). Этот венец также идентифицируют как корону Елизаветы Петровны, переделанную из короны Петра II и Анны Иоанновны (Герб и флаг России X–XX вв. / Под ред. Г.В. Вилинбахова. М.: Юридическая литература, 1997. С. 315).

⁹⁸⁷ Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 65; Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 103–104.

очередь, лоббировала Франция. Захваченный Данциг заплатил императрице Анне контрибуцию в 1 млн червонцев⁹⁸⁸.

Такое предположение едва ли можно считать верным. Оно проистекает из презумпции постоянного российского давления на Польшу. Исходя из этого любой жест со стороны российских властей трактуется как проявление прямой или скрытой агрессии. Но характер Николая с его фиксацией на категориях чести едва ли позволяет предположить, что император посчитал возможным прибегнуть к намекам такого рода. Кроме того, с правления Анны прошло слишком много времени, чтобы император мог получить информацию об этих событиях в рамках того, что Ян Ассман назвал «коммуникативной памятью»⁹⁸⁹. Опубликованная же к тому моменту карамзинская «История государства Российского», которая, как утверждал А.С. Пушкин, открыла Россию в ее историческом изменении, словно Колумб открыл Америку, была доведена автором лишь до начала XVII столетия.

Вместе с тем император, стремившийся «польстить полякам»⁹⁹⁰ своей коронацией, понимал, что использование русской короны во время церемонии вызовет недовольство в Польше. Поэтому он предпринял целый ряд шагов, целью которых было сгладить возможное негативное впечатление. Прежде всего было принято решение перед церемонией благословить корону в католическом соборе Св. Яна⁹⁹¹, кроме того, была реализована особая передача короны польской стороне на границе Царства Польского⁹⁹². Иными словами, император санкционировал проведение нескольких церемоний для «превращения» русской короны в по-настоящему польскую, о чем речь пойдет далее. И, наконец, вся коронация была выстроена таким образом, что наряду с королевским венцом главным символом церемонии стал польский орден

⁹⁸⁸ Там же. С. 104.

⁹⁸⁹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 50–59.

⁹⁹⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем Цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829 гг.). С. 325.

⁹⁹¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4 об.

⁹⁹² Об этом см. параграф 2.3.

Белого Орла. Именно его во время проведения действа Николай возложил на Александру Федоровну⁹⁹³. Императрица появилась в зале Сената уже в короне⁹⁹⁴, и возложение на нее ордена стало жестом, сопоставимым по значимости с возложением венца.

Орден Белого Орла — крест красной эмали, на который положен белый орел с распростертыми крыльями, — был учрежден более чем за 100 лет до этого, в 1705 г.⁹⁹⁵, став одним из элементов укрепления власти саксонского курфюрста Августа II в Польше. Его первыми кавалерами стали польские магнаты — сторонники короля — и, что немаловажно, генералы А.Д. Меншиков, А.И. Репнин, Г.Б. Огильви. Первые кавалеры были названы при встрече Петра I и Августа II в Тыкоцине 3 ноября 1705 г.⁹⁹⁶ Этот эпизод часто — прямо или косвенно — интерпретируют как указание на то, что сам орден был создан Августом II для выстраивания отношений с Петром Великим. Упраздненная после разделов Польши, награда была восстановлена в Варшавском герцогстве. Кавалерами ордена стали Наполеон и варшавский герцог Фридрих Август.

Александр I ничего не поменял в статусе ордена: в его Конституционной хартии указывалось, что Царство Польское сохраняет «гражданские и военные ордена, а именно: Белого Орла, Св. Станислава и Военного Креста»⁹⁹⁷. Для самого Александра орден Белого Орла оказался одним из самых значимых и сопоставимых с главными орденами Российской империи. Показательно, что именно этот орден император взял с собой в таганрогскую поездку, которая

⁹⁹³ Император Николай был кавалером ордена Белого Орла с 1818 г. (Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 106).

⁹⁹⁴ В литературе содержится указание, что корона императрицы была изготовлена в Варшаве польским ювелиром П. Сенницким (Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64–65; Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 104); Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 273. Это подтверждается материалами, которые хранятся в РГИА: в реестре регалий, которые готовили к перевозу в Варшаву, фигурирует лишь одна корона (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24).

⁹⁹⁵ Дуров В. Ордена Российской империи. М.: Белый город, 2007. С. 180.

⁹⁹⁶ Интересно, что девиз ордена — PRO FIDE, REGE ET LEGE — менялся, если награды удостоивалась монаршая особа. REGE заменялось на GREGE — таким образом «За веру, короля и закон» превращалось в лозунг иного рода — «За веру, паству (общество) и закон» (Дуров В. Ордена Российской империи. С. 180).

⁹⁹⁷ Конституционная хартия Царства Польского. С. 539.

стала для него последней⁹⁹⁸. Как уже упоминалось, после смерти монарха орден выносили во время всех шествий Печального кортежа, которые прошли от Таганрога до Петербурга зимой 1825/26 г. При этом польской награде был предписан чрезвычайно высокий статус: во время проезда по городам России орден Белого Орла всегда помещали третьим, сразу после орденов Андрея Первозванного и Александра Невского⁹⁹⁹. Свидетельством значимости награды был и список лиц, выносивших орден на подушке во время того или иного шествия. Так, в Харькове, Орле и Новгороде орден Белого Орла выносили генерал-майоры, а в Курске — гражданский губернатор¹⁰⁰⁰. Интересно, что сформировавшийся в этот период статус награды отражает то положение, которое пять лет спустя предписал этому знаку отличия Николай I, включивший орден Белого Орла в число российских орденов¹⁰⁰¹.

Вместе с тем важно понимать, что в александровской России положение этого знака отличия было не вполне проясненным и даже двойственным — будучи высшей наградой Царства Польского, входившего в состав Российской империи, орден не был причислен к российским орденам. Последнее произошло, как уже упоминалось, лишь после подавления Польского восстания 1830–1831 гг. Однако и Александр I, и Николай I как польские короли осуществляли награждения орденом Белого Орла. Так, дипломат П.Г. Дивов в своем дневнике фиксирует награждение им шведских дипломатов в 1830 г.¹⁰⁰² Надо полагать, что в подобных случаях интерпретация статуса ордена в России зиждилась на восприятии его как самого «инострannого» из российских наград.

⁹⁹⁸ Орден Белого Орла оказался среди вещей императора вместе с высшими наградами Российской империи — орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Георгия Победоносца, Св. Владимира и Св. Анны (РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 6. Л. 19 об.).

⁹⁹⁹ Там же. Л. 19–19 об., 23.

¹⁰⁰⁰ Там же. Д. 6. Л. 19 об., 67 об.; Д. 23. Л. 152, 158; Церемониал к встрече и сопровождению в Новгороде тела в Бозе почившего императора Александра I. СПб., 1826. С. 9.

¹⁰⁰¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. № 4950. С. 216. Примечательно, что Особый комитет, призванный решить вопрос включения польских орденов в российскую орденскую систему в 1831 г., ссылаясь на статуты польских орденов, которые были «в недавнем... времени составлены и утверждены блаженной памяти государем императором Александром» (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 312. Л. 9 об.).

¹⁰⁰² Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.). С. 662.

Важнее, однако, то, что в глазах российского дворянства, особенно представителей военной корпорации, орден Белого Орла обладал неоднозначной репутацией. Для русского офицерского корпуса участие Польши в Отечественной войне 1812 г. на стороне Наполеона было частью личной памяти. С середины 1810-х гг. военные столкновения между Россией и Польшей были помещены властью в зону умолчания, но польские ордена оставались знаком отличия врага, хотя, конечно, поверженного.

Николай I не только не планировал менять установки Александра I, но добавил награде большей статусности. Перед коронацией монарх приказал изготовить цепь ордена Белого Орла. Он писал брату: «Так как не существует цепи ордена Белого Орла, я повелю сделать такую, в которой императорский орел вставлен вместе с белым, чередующийся с крестом и девизом таким же, как на цепи Святого Андрея»¹⁰⁰³. Сохранившаяся в Гохране России цепь ордена показывает, что идея императора относительно дизайна была реализована во всей полноте. Цепь ордена Белого Орла, изготовленная для варшавской коронации 1829 г., действительно была выполнена по образцу высшей награды Российской империи — ордена Св. Андрея Первозванного, звеньями которой всегда были двуглавый орел, вензель Петра I, а также розетки с синим андреевским крестом и буквами SAPR (*Sanctus Andreus Patronus Russiae*¹⁰⁰⁴). Цепь ордена Белого Орла, в свою очередь, была составлена из трех повторяющихся элементов, одним из которых являлся знак самого ордена (белый орел на красном кресте), вторым — двуглавый орел с польским черным орлом вместо русского Георгия Победоносца на груди и, наконец, третьим — вензель Александра I, представленный в обрамлении арматуры. Не вполне понятно, кто изготовил цепи. Л.К. Кузнецова считает, что работа была осуществлена мастером Иоганном-Вильгельмом

¹⁰⁰³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

¹⁰⁰⁴ Святой Андрей покровитель России.

Кейбелем¹⁰⁰⁵. Х. Лилейко и О.С. Каштанова полагают, что цепи были выполнены польским ювелиром П. Сенницким¹⁰⁰⁶.

При взгляде на николаевскую цепь ордена Белого Орла становится понятно, как именно император видел статус западных территорий империи: реализованный ювелиром проект показывал Польшу частью Российской империи, а сложившаяся территориальная и политическая композиция был представлена как воплощение монаршей воли Александра I. При этом в рамках символического ряда Польша оказывалась сопоставима с Российской империей, а орден Белого Орла становился эквивалентом ордена Св. Андрея Первозванного.

Другие регалии коронации также были выбраны или переделаны в соответствии с планом демонстрации русской лояльности польским конфессиональным установкам или коронационной традиции. Так, екатерининский скипетр со знаменитым алмазом «Орлов», использовавшийся Николаем I во время варшавской коронации¹⁰⁰⁷, получил новое навершие: на российском двуглавом орле центральное место Георгия Победоносца было заменено польским Белым Орлом¹⁰⁰⁸. Л.К. Кузнецова очень точно описывает, как появление новой «сердцевины» изменило образ самого двуглавого орла: он стал более компактным («постройнел», по выражению исследовательницы), звенья его цепи стали золотыми вместо эмалевых, голубой цвет оказывался притушен, и внимание перешло на красный¹⁰⁰⁹. Российский двуглавый орел, таким образом, «подстраивался» под стандарты польской символической традиции.

Во время коронации 1829 г. польские орлы были буквально везде. Хотя

¹⁰⁰⁵ Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 161–162.

¹⁰⁰⁶ Lileyko H. Siennicki Paweł // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 1996. Т. XXXVII/2. С. 233; Каштанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44.

¹⁰⁰⁷ Николай I использовал в Варшаве и державу, которая была включена в московскую коронацию 1826 г. (Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44).

¹⁰⁰⁸ Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 104–105.

¹⁰⁰⁹ Там же. С. 105.

с 1815 г. гербом Царства Польского стал двуглавый орел, на щите которого был изображен польский белый орел, во время коронации ставка была в значительной мере сделана на польского белого орла, который сам по себе интерпретировался как герб Польши¹⁰¹⁰. Николай писал Константину об оформлении торжества: «Все, что присуще Царству, должно быть там представлено; таким образом, поскольку герб Царства такой же, как и герб империи, за исключением Белого Орла вместо святого Георгия, *везде будут гербы Царства — орел на скипетре и орлы на мантиях, знамени и мече*»¹⁰¹¹.

Еще более примечательна история с выбором коронационного меча¹⁰¹². В историографии отмечается, что Николай I использовал для церемонии меч польского короля Яна Собеского, известного своей победой над турками под Веной в 1683 г.¹⁰¹³ Императора не смутило даже то, что меч был подарен папой Иннокентием XI. Вероятно, тот факт, что это был дар в честь победы христианского войска над турками, оказался ключевым¹⁰¹⁴. Ирония ситуации заключалась в том, что меч, символизировавший колоссальную победу польской армии, о которой император и король Николай I будет много говорить во время своего пребывания в Царстве Польском, направлялся в Варшаву также из Петербурга. Меч был захвачен русскими войсками в Польше во время отступления польских легионов Наполеона в 1813 г. и в

¹⁰¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8; Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76.

¹⁰¹¹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

¹⁰¹² Николай не имел возможности использовать известный польский коронационный меч (Щербец). После разорения польской королевской сокровищницы в 1795 г. большая часть ее содержимого была уничтожена и до конца XIX в. Щербец считался утраченным. Интересно, что за несколько лет до описываемых событий он находился в России. Уцелевший меч был выставлен на продажу и в конце 1810-х гг. оказался в руках российского министра юстиции князя Д.И. Лобанова-Ростовского, который, между прочим, пытался продать его известному польскому коллекционеру оружия В. Красинскому. Из-за сомнений в подлинности меча сделка не состоялась. Артефакт в итоге был продан А.Н. Демидову, князю Сан-Донато (*Żygulski Z.Jr. The Szczerbiec. The Polish Coronation Sword // Artibus et Historiae. 2011. Vol. 32. № 63. P. 296–298*).

¹⁰¹³ Кауштанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5. Об истории коронационного меча см. подробнее: Domin M. Dary papieskie dla Jana III Sobieskiego i Marii Kazimiery // Studia Waweliana Kraków, 2000/2001. Т. 9/10. S. 85–105.

¹⁰¹⁴ В коронации Николая приняли участие командир и два капитана Конно-егерского полка, которые стояли у трона с обнаженными саблями. Возможно, один из них держал меч Собеского. Об использовании меча см. также: Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5; Getka-Kenig M. Ostatnia «polska» koronacja // Mówią wieki. 2009. № 10 (597). S. 20–25.

качестве трофея доставлен в Россию. В архивной «Ведомости регалиям и вещам, которые отправляются в Варшаву» 1829 г. он фигурирует вместе с императорской короной, скипетром, державой, двумя цепями ордена Белого Орла и государственным знаменем¹⁰¹⁵.

Если вопрос выбора инсигний император осуществлял лично, то вопрос оформления коронационного пространства определялся в Варшаве. Декор зала Сената был реализован по проекту архитектора Якуба Кубицкого¹⁰¹⁶, который входил в круг великого князя Константина Павловича. Именно ему было поручено выстроить для цесаревича его главную резиденцию в Варшаве — Бельведерский дворец в парке Лазенки (1824 г.) — и спроектировать катафалк для символического погребения императора Александра I (1826 г.). В Варшаве также были подготовлены троны для новых короля и королевы¹⁰¹⁷.

Анализ того, как именно был оформлен зал, демонстрирует, что император в конечном итоге оказался перед необходимостью короноваться в пространстве, которое интерпретировало целый ряд сюжетов альтернативным (по отношению к монаршему) образом. Так, Николай I, активно противостоявший любому указанию на возможное присоединение Литвы к Царству Польскому, наверняка был неприятно поражен, увидев, что в декоре тронного зала наряду с польским белым орлом была использована Погоня, герб Литвы¹⁰¹⁸. Равным образом форма короны на навершии трона никак не отражала образ исторического российского венца и не отсылала к короне Анны Иоанновны, выбранной монархом для церемонии¹⁰¹⁹. Поэт Василий Жуковский записал в своем дневнике, что на балдахине королевского трона были изображены «все гербы Царства Польского и посреди их, в двоеглавом

¹⁰¹⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 209.

¹⁰¹⁶ Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76.

¹⁰¹⁷ По описанию Вельтмана, существовало по крайней мере две пары польских тронов (*Вельтман А.Ф.* Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 81–82).

¹⁰¹⁸ Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76–77.

¹⁰¹⁹ Ibid. S. 78.

орле России, белый орел Польши»¹⁰²⁰. Это был едва ли не единственный двуглавый орел в декоре зала. Притом что во время коронации последний был наполнен множеством изображений польского орла, украшавшего щиты у помостов и императорские мантии Николая и Александры¹⁰²¹.

В целом выбор коронационных регалий был реализован исходя из интересов Царства Польского (какими их видел император Николай). Действо было реализовано с использованием русской короны (корона императрицы Анны Иоанновны) и скипетра, однако власти предприняли серьезные усилия, которые должны были сгладить потенциальное недовольство присутствием русских имперских символов. Главным символом церемонии наравне с королевским венцом стал польский орден Белого Орла.

4.3. От Петербурга до Варшавы: императорский кортеж на пути в Царство Польское

Отъезд императора, императрицы, наследника и сопровождавших их лиц из Петербурга в Варшаву был назначен на вечер 24 апреля (6 мая) 1829 г. Завершалась первая неделя после Пасхи, а при дворе закончился полугодовой траур по кончине императрицы Марии Федоровны. Именно поэтому большая часть событий этого дня была посвящена памяти скончавшейся матери монарха¹⁰²². Утром Николай I и Александра Федоровна присутствовали на панихиде по покойной императрице в Малой церкви Зимнего дворца. Все прошло, что называется, «в узком кругу» — камер-фурьерский журнал фиксирует, что двор по этому случаю не собирался¹⁰²³. Император, наследник и великий князь Михаил Павлович посетили потом императорскую усыпальницу Петропавловского собора, а императрица Александра Федоровна с великими княжнами Марией и Ольгой «в карете изволила поехать

¹⁰²⁰ Жуковский В.А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма // Жуковский В.А. Сочинения: В 6 т. Т. 5. СПб., 1885. 461.

¹⁰²¹ Lileyko H. Siennicki Paweł. S. 233; Кашианова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; Kicka N. Pamiętniki. S. 170–171.

¹⁰²² РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 234–234 об.; Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 75.

¹⁰²³ Там же. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 235.

в Церковь всем скорбящей Божей матери что у Воскресенского моста на поклонение иконе»¹⁰²⁴.

Вечером состоялся молебен в Казанском соборе столицы по случаю отправления в «императорский вояж»¹⁰²⁵. Императорская чета, наследник Александр Николаевич и свита отправились в путь сразу после его окончания, от ступеней главного петербургского собора¹⁰²⁶. Между прочим, организация молебна заставила поволноваться митрополита Санкт-Петербургского Серафима (Глаголевского). Несколькими днями ранее он справлялся у князя Петра Мещерского о времени, на которое император назначил «торжественное молитвословие *по примеру прошедшего года*»¹⁰²⁷. Используемая Серафимом формулировка не понравилась императору, и полученный иерархом ответ гласил: «Преосвященному митрополиту Серафиму не нужно быть в Казанском соборе, ибо в минувшем году молебствие было по случаю отъезда Его Величества на войну»¹⁰²⁸.

В глазах митрополита Санкт-Петербургского Серафима «вояж» императора в Варшаву для совершения столь необычной церемонии казался сопоставим с прежними поездками монарха на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В рамках этого нарратива Польша представляла извечным врагом, вновь проявившим себя во время войны с Наполеоном в 1812 г., и, следовательно, отправляясь в Варшаву, монарху надлежало готовиться к серьезному противостоянию. Позиция Серафима, для которого поездка императора на коронацию в Польшу была все равно что поездка на войну, Николаю I была вполне понятна — ему самому приходилось преодолевать сильное внутреннее сопротивление. Вместе с тем логика уже

¹⁰²⁴ Там же.

¹⁰²⁵ Там же. Л. 234–237.

¹⁰²⁶ Там же. Л. 236–237. Младшие дети императорской фамилии остались в Северной столице (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 212). Одна из дочерей Николая I позже вспоминала: «В 1828–1829 гг. мои родители жили в Варшаве из-за предстоявших там торжеств коронавания... Саша (наследник Александр Николаевич. — *Прим. авт.*) сопровождал родителей в Варшаву, а потом в Берлин, где он был представлен своему деду, королю Фридриху Вильгельму III. Мы остались в Царском Селе...» (*Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 184).

¹⁰²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 242.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 243.

принятого решения, многократно повторенная установка, что церемония будет «полезна», что она сможет обратить противников императора в его сторонников¹⁰²⁹, заставила монарха одернуть митрополита и указать ему на то, что озвученная трактовка в рамках официального дискурса актуальной считаться не может. Поездка в Варшаву — не война.

Камер-фурьерский журнал описывает вечер этого дня довольно подробно: «По полудни 45 минут 7 часа Их Императорские Величества в одном дорожном дорместе, в сопровождении в другой коляске Его Высочества Государя Наследника Александра Николаевича с генералом-майором Мердером из Зимнего дворца соизволили поехать в Казанский собор. По прибытию к западным вратам и по вшествии в церковь встречаны были оного собора дежурным протоиереем и дьяконом с крестом и святою водою. Их Величества и Его Высочество приложились к оному, встали на места. Потом начался и отправлен был оным же протоиереем с дьяконом и соборными певчими на благополучный Их Императорских величеств путь краткий благодарственный молебен. По окончании Их Величества и Его Высочества прикладывались к кресту и к иконе Богоматери после оного из собора соизволили [отправиться] в Царское Село»¹⁰³⁰. По мнению историка С.Л. Фирсова, «посещение кафедрального собора столицы перед отъездом в католическую страну на коронацию, конечно, было явной демонстрацией православия венценосца... Император стремился избежать любых... подозрений в том, что он, принимая польскую корону, в чем-то погрешит против исповедуемой им веры»¹⁰³¹. Такая трактовка справедлива лишь отчасти: как будет показано ниже, в России либо не знали о цели поездки Николая в Варшаву, либо плохо представляли суть будущей церемонии, а значит, необходимости прибегать к декларациям такого рода нужды не было.

¹⁰²⁹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325.

¹⁰³⁰ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 235 об. — 236.

¹⁰³¹ Фирсов С.Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 38.

А вот самому императору нужна была поддержка: отправляясь в поездку, он знал, что реализовать задуманное будет для него в эмоциональном плане задачей очень сложной.

Организовывать «вояж» в ситуации, когда многие решения по коронации принимались в последний момент, было делом непростым. Бумаги Военно-походной канцелярии Николая I, отложившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, сохранили историю подготовки поездки императора и его свиты в Варшаву. Этот массив документов наглядно демонстрирует, насколько сложным и затратным было формирование и обеспечение монаршего кортежа, объединявшего разных по социальному статусу и профессиональному составу людей, каждый из которых отвечал за свой конкретный круг задач и часто двигался в собственном ритме.

В дни подготовки к министру императорского двора князю П.М. Волконскому стекалась самая разная информация: император сообщал, что назначил к поездке графа Сергея Строганова¹⁰³², граф Александр Беркендорф писал, что берет с собой адъютанта Львова¹⁰³³, граф Карл Нессельроде сообщал, что вместе с ним в Варшаву от Министерства иностранных дел отправляются действительный статский советник Бутенев, статские советники барон Остен-Сакен и Миллер и коллежский ассессор Кудрявской¹⁰³⁴, полковник Гаук информировал, что выехал в Белосток, где будет ожидать кортеж¹⁰³⁵. Волконскому также доносили о предметах, взятых императором в дорогу «для одаривания», главным образом драгоценностях и медалях¹⁰³⁶. В апреле Волконский бывал на приеме у Николая I каждый день¹⁰³⁷. Министр серьезно волновался о регалиях и их сохранности в дороге. 19 марта 1829 г. он затребовал у князя Юсупова «порфиру Ее Величества и

¹⁰³² РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об. — 2 об.

¹⁰³³ Там же. Л. 1.

¹⁰³⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.

¹⁰³⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

¹⁰³⁶ Там же. Л. 6.

¹⁰³⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 231–234 об.

Государыни Императрицы Александры Федоровны» из Московской Оружейной палаты, а на следующий день уже писал в Гатчину генерал-майору Ф.А. Штенглеру, требуя доставить «находящийся в Гатчинском дворце древний золоченый пьедестал для Императорской короны, уложив хорошенько»¹⁰³⁸. Еще через неделю пришло время затребовать из хранилища «Герольдские жезлы» и «Герольдские платья, которые употреблены были при Высочайшей коронации в 1826 году»¹⁰³⁹. В Варшаву направлялись и намного более значительные по размеру предметы — 2-местный золотой ландо и 4-местная золотая карета, а также и коляска в подарок великому князю Константину Павловичу¹⁰⁴⁰. Решая вопросы перевоза регалий и церемониальных одежд, Волконский был вынужден иной раз разбираться и с более прозаическими сюжетами: например, пытаться пристроить «чемодан с жандармским чебраком», который не поместился в багаж у генерал-майора Фенша¹⁰⁴¹.

Множество документов генерировало и решение вопросов материального порядка — у министра финансов империи были затребованы на расходы во время поездки 5 тыс. червонных и 150 тыс. руб. ассигнациями. Обращаясь к Е.Ф. Канкрину, Волконский также просил «доставить... кредитивы на неограниченную сумму на министра финансов царства польского князя Любецкого и на кого-либо из банкиров в Берлине»¹⁰⁴².

Другим вопросом, который следовало решить оперативно, было определение в вояж тех или иных представителей императорского двора. В состав монаршей свиты вошли высшие офицеры и чиновники империи. Помимо самого министра императорского двора князя Петра Волконского здесь значились министр иностранных дел Карл Нессельроде, генерал-адъютанты Александр Бенкендорф и Владимир Адлерберг, управляющий

¹⁰³⁸ Там же. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 17–18.

¹⁰³⁹ Там же. Л. 39, 45.

¹⁰⁴⁰ Там же. Л. 121–123, 398.

¹⁰⁴¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об.

¹⁰⁴² РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 71, 105.

Третьим отделением Максим фон Фок, флигель-адъютант граф Сергей Строганов и обер-гофмаршал Гавриил Моден. Императрицу сопровождали камер-фрейлина графиня Анна Орлова-Чесменская, фрейлины графиня София Моден, княжны Александра Волконская и София Урусова¹⁰⁴³. В свите состоял также лейб-медик Крейтон¹⁰⁴⁴. Еще до отправления в путь императорского кортежа в поездку для заготовки лошадей отправились фельдъегеря¹⁰⁴⁵, а вместе с императором и свитой в Варшаву двинулось более сотни придворных служителей (лакеи, повара, метрдотели, кофешенки, кучера, мастеровые и пр.), а также рота дворцовых гренадер¹⁰⁴⁶.

В сопровождении поэта Василия Жуковского и двух учителей в поездку отправлялся и наследник российского престола великий князь Александр Николаевич (будущий Александр II), а также воспитывавшиеся вместе с ним «малолетние» — граф Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль¹⁰⁴⁷. Первый происходил из польской фамилии, а второй — из немецкой. При этом Иосиф был внуком графа Юрия Виельгорского, камергера, перешедшего на службу к бабке императора Екатерине II после третьего раздела Польши и приговоренного за это к смертной казни повстанцами Костюшко, и племянником первого военного министра Царства Польского Юзефа Виельгорского¹⁰⁴⁸.

¹⁰⁴³ Там же. Л. 80–81; Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 237; РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 127–127 об. «Варшавский курьер» выделили среди сопровождавших императора К.В. Нессельроде (Kurjer Warszawski. 1829. № 134. S. 579). Обладательницу «сказочных богатств» графиню Орлову и «сияющую молодостью и красотой» княжну Урусову заметили и авторы польских воспоминаний (Kicka N. Pamiętniki. S. 165, 167; Lipiński, Tymoteusz, Zapiski z lat 1825–1831. Kraków, 1883. S. 138).

¹⁰⁴⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 80.

¹⁰⁴⁵ Там же. Л. 4.

¹⁰⁴⁶ Там же. Л. 80–81. В «Список придворным чинам и служителям, назначенным с Их Императорскими Величествами в Варшаву» целый ряд служителей назван поименно: камердинеры Федор Сафонов, Василий Завитаев и Петр Татаринов, камер-фурьер Данило Бабкин, метрдотели Федор Миллер и Василий Гембургер, мундшенк Николай Иванов, кофешенки Василий Федоров и Иван Степанов, тафельдекер Федор Арефьев, кондитер Алексей Сменцовский, «гардеробские помощники» Петр Грим, Василий Метальников и Егор Лазарев, рейткнехты Иван Малышев, Василий Залужный и Петр Фоллендорф 1-й, камер-лакеи Иван Малинин, Александр Ильин и Василий Беспалов, лекарский ученик Герасим Хмелев, лакеи Дмитрий Васильев, Яков Соболев, Дмитрий Шкабаров, Иван Рябов и Павел Яковлев (Там же. Л. 21).

¹⁰⁴⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 80.

¹⁰⁴⁸ Последний был отстранен от должности в 1816 г. после ссоры с великим князем Константином Павловичем (Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 50).

Между прочим отметим, что сам факт выбора в качестве соучеников для наследника российского престола мальчиков, происходивших из немецкой и польской семей, заслуживает внимания. Паткуль и Виельгорский, без сомнения, выдержали серьезную конкурентную борьбу, ведь в это время рядом с наследником находились дети, представлявшие куда более известные аристократические фамилии¹⁰⁴⁹. Но выбор, очевидно, осуществлялся не только по уровню родовитости: значимую роль здесь явно сыграло и происхождение. Вместе с тем оформление самой идеи создания «польского» круга наследника началось гораздо раньше — в екатерининские времена братья Чарторыйские были адъютантами великих князей Александра и Константина¹⁰⁵⁰. Император Николай продолжил традицию, причем, как будет показано дальше, в его случае речь шла уже не только об окружении, но о категориях языка, культуры и военном дискурсе¹⁰⁵¹. Существенно, что во второй половине 1820-х гг. у цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) был преподаватель польского языка (С.А. Юрьевич)¹⁰⁵², а в момент подготовки коронации в Варшаве император даже озаботился вопросом дополнительной языковой практики для сына или выработки «привычки» к польскому языку, как монарх выразил это в письме к брату¹⁰⁵³.

Назначенным в «вояж» выдавались прогонные деньги, иногда определялось место, где им надлежало ожидать императорский кортеж. Так, 16 апреля граф Сергей Строганов был извещен о том, что император назначил

¹⁰⁴⁹ Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 76.

¹⁰⁵⁰ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 129–130.

¹⁰⁵¹ Когда в 1827 г. у императора Николая I родился второй сын Константин, он был зачислен в польскую армию (*Grunwald C. de. Tsar Nicholas I. P. 100*).

¹⁰⁵² Сидорова А. «Образование для добродетели»: воспитание цесаревича Александра Николаевича // Александр II. Воспитание Просвещением / Сост. О.И. Барковец. М.: Кучково поле, 2018. С. 36.

¹⁰⁵³ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 302. Подобный выбор императора совпал с требованиями, которые предъявляла ему Варшава. Так, агенты Третьего отделения, описывая настроения в Польше и пересказывая разговоры поляков, приводили следующие условия установления спокойствия к региону: «после окончания суда и следствия перестать исторгать юношество неповинное и пламенное», «успокоить нацию народным, теплым (подчеркнуто в тексте. — Прим. авт.) манифестом», «восстановить гражданское правление или смягчить военное» и, наконец, «Царю показаться в Польше с сыном говорящим по-польски» (ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 14 об.).

его ехать в Варшаву. На следующий день графу прислали новое сообщение, в котором было указано: «...просить графа Сергея Григорьевича к министру императорского двора как для получения прогонных денег так и дальнейших приказаний насчет времени его отъезда и по какой дороге»¹⁰⁵⁴. Подобным образом выстраивалось взаимодействие со всеми назначенными в варшавскую поездку. Аналогичные предписания получили полковник Гаук, направленный в Белосток¹⁰⁵⁵, граф Ивелич, которому надлежало ехать в Варшаву¹⁰⁵⁶, и штаб-ротмистр князь Александр Суворов, который должен был ехать в Тульчин¹⁰⁵⁷, через который император проехал только на обратном пути из Варшавы в Петербург. Многим приходилось буквально догонять кортеж. Один из назначенных в поездку придворных писал министру Волконскому 23 апреля, то есть за день до отправления кортежа из Петербурга: «...я сегодня только узнал, что я осчастливлен назначением сопровождать Его Императорское Величество в предлежащий Высочайший путь, о чем я доселе оставался в неизвестности. Получив сего же дня от Министра Императорского двора прогонные деньги и подорожную до Варшавы, а от придворного конюшенного ведомства коляску я дня через два не позже совсем буду готов к отъезду»¹⁰⁵⁸. Назначенного в поездку графа Кушелева и вовсе не удалось найти в столице¹⁰⁵⁹. Ему было направлено предписание, «чтобы он по прибытии сюда (в Петербург. — *Прим. авт.*) немедленно отправлялся в Варшаву»¹⁰⁶⁰.

Кандидатура лекаря, назначенного в Варшаву, менялась несколько раз. Первоначально предполагалось, что эти обязанности при наследнике будут возложены на полкового штаб-лекаря Кавалергардского полка Погоржанского, который при этом исправлял «купно с тем и должность старшего доктора оставшихся в Петербурге войск». Возможно, именно

¹⁰⁵⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об. — 2.

¹⁰⁵⁵ Там же. Л. 1 об. — 2 об.

¹⁰⁵⁶ Там же. Л. 1 об. — 2 об., 4–5.

¹⁰⁵⁷ Там же. Л. 1 об. — 2 об.

¹⁰⁵⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 213.

¹⁰⁵⁹ Там же. Л. 4 об.

¹⁰⁶⁰ Там же. Л. 2 об.

нежелание надолго оставить столичные полки без старшего лекаря повлияло на решение императора: в итоге выбор пал на батальонного лекаря лейб-гвардии Измайловского полка Дворжака¹⁰⁶¹. Чуть позже в Варшаву был также назначен штаб-лекарь Преображенского полка Енохин¹⁰⁶².

Вопрос о том, находился ли в свите монарха православный священник, остается открытым. Важно отметить, что в списках сопровождавших императора в Варшаву не встречается ни одного подобного упоминания. Более того, судя по архивным материалам, во время подготовки к этой поездке вопрос назначения священника вообще не поднимался. Примечательно и то, что занимавшемуся заготовкой лошадей подпоручику Фельдъегерского полка Федорову было поручено «объяснять местному начальству чтобы при проезде его величества в ночное время при церквях государских и сельских звона их колокола и встреч со стороны духовенства не было»¹⁰⁶³.

Маршрут поездки императора Николая I¹⁰⁶⁴ от Царского Села до Варшавы проходил через Санкт-Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Виленскую губернии и Августовское, Плоцкое и Мазовецкое воеводства¹⁰⁶⁵. Весь путь занял, как скрупулезно подсчитали в Военно-походной канцелярии императора, 1274³/₄ версты, то есть более 1 300 км¹⁰⁶⁶.

Разработанный вариант маршрута представлялся на рассмотрение не только императору, но и великому князю Константину Павловичу, который, как уже легко предположить, активно предлагал коррективы. Так, получив от министра императорского двора князя Петра Волконского план путешествия,

¹⁰⁶¹ Там же. Л. 37–37 об., 48, 80–81.

¹⁰⁶² Там же. Л. 235.

¹⁰⁶³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 5.

¹⁰⁶⁴ Выехав из Петербурга, императорский кортеж разделился на две части — императрица и наследник направились в Царство Польское иным путем по отношению к тому, каким ехал монарх. Так, Александра Федоровна и великий князь Александр Николаевич со свитой проехали через Псков. Здесь они сделали остановку и посетили Троицкий собор — отстояли молебен, приложились к мощам князей Гавриила Псковского и Довмонта, а также осмотрели в ризнице древности. Из Пскова императрица и наследник отправились в Динабург, а затем в Варшаву (*Пятницкий П.П.* Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 58–59). Очевидно, решение использовать два пути было продиктовано как соображениями безопасности, так и необходимостью организовать должный комфорт во время остановок кортежа.

¹⁰⁶⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–74.

¹⁰⁶⁶ РГВИА. Ф. 25. Оп. 161. Д. 3520. № 262. б/л.

великий князь выразил пожелание, чтобы императорский кортеж заехал в город Сокулку. Действия Константина Павловича документы описывают следующим образом: «При сем Его Императорское Высочество приуготовить изволил с... маршрута копию, в которой означено, что Государь Император изволит проезжать через город Сокулку, где квартирует гренадерская батарейная № 1 рота и потому приказать изволил распорядиться дабы приготовлен был там надлежащий караул во всей исправности»¹⁰⁶⁷.

Детальная информация о проезде кортежа была изложена в составленном специально для этого случая «Маршруте высочайшего путешествия Государя императора в Варшаву»¹⁰⁶⁸. Этот текст дает нам возможность понять, как именно власть видела территорию, через которую должен был проехать император. Документы ожидаемо фиксируют городское пространство: Николай I и свита проследовали через несколько больших городов — Псков, Динабург (в настоящее время Даугавпилс), Вильно (в настоящее время Вильнюс), Гродно и Белосток¹⁰⁶⁹. Из значимых православных мест была обозначена лишь Феофилова пустынь в Санкт-Петербургской губернии¹⁰⁷⁰. Если до границы Царства Польского из типов поселений в «Маршруте» выделялись лишь города, а разделения между селами и деревнями не обозначались в принципе, то при описании проезда кортежа через польские земли в материалах появляется сразу несколько обозначений — с. (село), д. (деревня) и м. (местечко)¹⁰⁷¹. Иными словами, территории условных «внутренних губерний» представлялись российской власти в значительной мере гомогенным пространством, разделенным только по линии городская/сельская местность. Земли же Царства Польского, напротив, оказывались территорией многообразия, прежде всего этнического. Документы поездки в Варшаву 1829 г. подробно фиксируют территорию

¹⁰⁶⁷ Там же.

¹⁰⁶⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–74 об. См. также несколько отличный вариант маршрута, представленный военными: РГВИА. Ф. 25. Оп. 161. Д. 3520. № 262. б/л.

¹⁰⁶⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–74 об.

¹⁰⁷⁰ Там же. Л. 73.

¹⁰⁷¹ Там же. Л. 73–74 об.

компактного проживания еврейского населения, отметив проезд кортежа через 14 местечек Царства Польского¹⁰⁷².

Путешествие по маршруту Петербург–Варшава была выстроена по принципу, аналогичному коронационным императорским поездкам из Северной столицы в Москву. Для последних всегда имел значение город, маркировавший середину пути (Тверь), и место непосредственно перед древней столицей (Петровский путевой дворец на подъезде к Москве). В случае с поездкой 1829 г. в качестве отметки середины пути при движении в Варшаву был выбран Динабург, в котором император провел некоторое время, а местом остановки императорского кортежа перед въездом в Варшаву стала Яблонна¹⁰⁷³.

Согласно «Открытому предписанию», данному всем почтовым и станционным смотрителям от Санкт-Петербурга до границы Царства Польского, кортеж был разделен на три «отделения». Император и великий князь Михаил Павлович, а также Бенкендорф и Адлерберг следовали в первом из них без остановок на ночлег вплоть до Динабурга. Второе, судя по числу лошадей — самое крупное отделение, отправлялось из столицы империи вместе с первым, но следовало «с ночлегами до Ковно¹⁰⁷⁴». В нем ехали императрица и наследник, которых сопровождал министр императорского двора П.М. Волконский. С ними находились лейб-медик и камер-фрейлины. Отделение за номером 3, в составе которого значились граф Г.К. Моден, фрейлины и малолетние соученики наследника Паткуль и Виельгорский, а также перевозился гардероб и многочисленная поклажа, выехало из Царского Села на день позже и повторяло маршрут второго отделения¹⁰⁷⁵. В Динабурге император смог отдохнуть и дожидаться приезда императрицы и наследника.

Движение императорского кортежа внешне было вполне традиционным — утомительная дорога с частыми остановками, смотр

¹⁰⁷² Там же. Л. 73 об. — 74 об.

¹⁰⁷³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 1616. Д. 3520. № 262. б/л; РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

¹⁰⁷⁴ В настоящее время — Куанас.

¹⁰⁷⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. С. 74–77.

полков, посещения церквей, «инспекции» государственных учреждений, встречи с офицерами, священнослужителями, чиновниками и просителями. Так, в Вильно Николай I посетил православный собор, университет и госпиталь, смотрел на проход одного из батальонов Литовского корпуса. Вечером в городе была устроена иллюминация¹⁰⁷⁶. Подходившая к концу, но еще не завершенная Русско-турецкая война 1828–1829 гг. также требовала внимания: в поездке Николай I читал рапорты от адмирала А.С. Грейга о действиях военной эскадры в Черном море, рассматривал списки отличившихся, вел переписку о выделении денег на содержание прибывающих в Одессу большими партиями румынских переселенцев¹⁰⁷⁷.

Монарх, как ему и полагалось, подмечал то там, то тут неустройство или нерадение. При проезде через Динабург Николай I был недоволен переправой и потребовал перестроить ее, а также обновить верстовые столбы, «на которых номера прибитая не на своих местах или номеров вовсе нет»¹⁰⁷⁸. В другой раз, по сообщению графа А.Х. Бенкендорфа, «Государь Император изволил заметить, что многие офицеры уволенные от службы с мундиром и проживающие в разных городах носят оный с теми переменами в форме, каковые воспоследовали после их увольнения». Монарх распорядился «передать господам губернаторам иметь засим нужное наблюдением и объявить помянутым офицерам, что кто желает носить мундир, то точно соблюдали бы форму, какая существовала при получении ими отставки»¹⁰⁷⁹.

Во время путешествия императору подавались многочисленные прошения о решениях дел и оказании финансового вспомоществования¹⁰⁸⁰. В Вильно, например, к государю обратилась польская «помещица», просившая за брата, Иосифа Тыра, вовлеченного «другими и собственным легкомыслием» в деятельность тайных обществ и сосланного в Нерчинск¹⁰⁸¹.

¹⁰⁷⁶ Бенкендорф А.Х. Воспоминания (1802–1837 гг.). С. 404–405.

¹⁰⁷⁷ РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 15 об. — 16, 56 об., 62 об.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 8 об.

¹⁰⁷⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰⁸⁰ Там же. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 9.

¹⁰⁸¹ Там же. Л. 28–28 об.

Император, приняв прошение, обратился за разъяснениями относительно этого дела к великому князю Константину¹⁰⁸². Вероятно, в результате схожего прошения Николай I дозволил помещику Юшневскому, находившемуся под секретным надзором полиции, приехать в Москву на один год для решения своих финансовых дел¹⁰⁸³. В Белостоке же случился форменный скандал — «некий Терентий Соловьев... осмелился... во время разъезда в нетрезвом и неприличном виде предстать перед Его Императорским Величеством». Соловьев, намеревавшийся «испросить пособие», был взят под арест¹⁰⁸⁴.

Самым заметным просителем, однако, оказался смоленский гражданский губернатор Н.И. Хмельницкий, который, указав, что губерния так и не оправилась от разорения войны 1812 г., просил у императора помощи¹⁰⁸⁵. Император на просьбу откликнулся — уже в следующем году были сокращены повинности местных жителей, а на восстановление Смоленского края выдана большая, но совершенно недостаточная для понесенных территорий и, конечно, несопоставимая с вливаниями в Польшу ссуда в 1 млн руб.¹⁰⁸⁶ Однако это были заботы мимоходом: разоренные победители войны 1812 г. вызывали у императора сочувствие¹⁰⁸⁷, но заниматься смолянами предметно монарху было некогда — на повестке дня значилось очередное решение польского вопроса, ответом на который было предъявление прощения тем, кто разорял Смоленск и Москву менее чем за два десятилетия до описываемых событий.

¹⁰⁸² Там же. Л. 28 об.

¹⁰⁸³ Помещик был передан под надзор московской полиции (Там же. Л. 20–20 об.).

¹⁰⁸⁴ Там же. Л. 19–19 об.

¹⁰⁸⁵ Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 29.

¹⁰⁸⁶ Там же.

¹⁰⁸⁷ Император был хорошо осведомлен о бедственном состоянии губернии. Еще 13 годами ранее, во время своей поездки по России двадцатилетний Николай Павлович оставил достаточно пространное описание впечатления, которое произвела на него Смоленская губерния. Великий князь резюмировал свое описание следующим образом — «ни которая из разоренных французами губерний столько не потерпела как Смоленская ибо все армии прошли через оную два раза» (Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). С. 92).

На всем пути вплоть до остановки в Яблонне также продолжалась выдача подарков и единовременных сумм разным лицам¹⁰⁸⁸. Всего в поездке от Петербурга до Варшавы было израсходовано более 20 тыс. руб., из которых бóльшая часть ушла на выдачу прогонных денег и «за обеды и завтраки домов, где государь изволил останавливаться», а кроме того — на расходы по разъездам эстафет и караулов. 2 тыс. руб. составляли «дачи» ямщикам «на водку и путевые издержки», 495 руб. было роздано бедным¹⁰⁸⁹. Отдельную статью расходов представляли выплаты просителям или отличившимся при проезде императора. Например, генерал-майор Панкратьев был пожалован деньгами и продлением земельной аренды¹⁰⁹⁰, а флигель-адъютанту Корсакову были подарены 100 червонных¹⁰⁹¹. Император также наградил деньгами «бывших у развода нижних чинов Литовского пехотного полка», которые понравились ему во время пребывания в Вильно¹⁰⁹². В поездку был взят значительный «запас» орденов и драгоценностей: во время «вояжа» «перстни с драгоценными камнями, фермуары и серьги а также золотые и серебряные медали» раздавались регулярно¹⁰⁹³.

Вместе с тем по мере приближения к Польше Николай заметно ограничивал коммуникацию с народом, являвшуюся неременной частью монарших передвижений такого рода. Так, из Вильно последовало предписание о высочайшей воле: «Государю императору не угодно чтобы господа уездные предводители и маршалы встречали Его Величество и провожали по своим уездам»¹⁰⁹⁴. Усталость и необходимость поддерживать определенную скорость движения кортежа вполне объясняют это решение. Да и ограничения на встречи монарха с населением во время высочайших поездок

¹⁰⁸⁸ РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 5.

¹⁰⁸⁹ Там же. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 16–16 об.

¹⁰⁹⁰ Там же. Л. 21 об. — 22 об.

¹⁰⁹¹ Там же. Л. 25 об.

¹⁰⁹² Там же. Л. 29.

¹⁰⁹³ Там же. Л. 6, 17. Императору также «препровождали» ордена «на случай надобности» и последующей раздачей для генералов польских войск, среди которых были знаки Св. Александра Невского и Св. Анны. Награды были розданы (РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 47 об., 69 об.).

¹⁰⁹⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 12 об.

по стране, включая территории северо-запада и запада империи, в это время не были редкостью¹⁰⁹⁵.

В Варшаву везли также множество самых разнообразных вещей — столовое серебро, десертные приборы, суповые ковши, бархатные подушки и стеклянные колпаки, мундирное платье и гофмаршальские жезлы. Однако самым же главным предметом здесь была, конечно, императорская корона. Во время поездки главный символ власти сопровождали обер-церемониймейстер граф С.С. Потоцкий, капитан и три гренадера роты Дворцовых гренадер¹⁰⁹⁶. Однако дело не ограничилось назначением особой охраны — на границе Царства Польского, между Виленской губернией и Августовским воеводством, как уже упоминалось, состоялась церемония передачи короны польской стороне. При этом был разработан особый ритуал, в рамках которого российский обер-церемониймейстер передал корону специально высланному в Ковно польскому церемониймейстеру Яну Жабоклицкому и четырем конным егерям польской гвардии¹⁰⁹⁷.

По сути, император сконструировал ритуал, подобный тем, что были популярны в прежнем, XVIII столетии. Исследовавшая функционирование Императорского двора этого периода О.Г. Агеева отмечает проведение на границе государств и территорий целого ряда переговоров, а также обменов и разменов. Исследовательница упоминает встречу Екатерины II и Станислава Августа Понятовского в 1787 г. в Каневе на Днепре, обмен послов между Российской и Османской империями в 1793 г. и, наконец, переговоры

¹⁰⁹⁵ Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 780. Л. 1–2, 18–18 об.; Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). ККК 579. б/л.; Подтверждение указа 11 августа 1802 г. о запрещении торжественных встреч при путешествиях высочайших особ. 20 апреля 1826 г. // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 434–435. Запреты на встречу монарха, перемещавшегося по стране, выпускались уже со времен Павла I (*Литвин А., Сидорова М.* Журнал высочайшего путешествия. Описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. 2011. № 7. С. 12).

¹⁰⁹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 132.

¹⁰⁹⁷ Там же. Л. 129; *Krasiński J.* Z pamiątek Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja // *Przegląd Powszechny*. 1887. № XV. S. 411; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 132. Егерям было предписано состоять при руководившем группой польских гвардейцев генерал-лейтенанте (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 34 об. — 35). О биографии Я. Жабоклицкого и его роли в церемонии коронации см.: *Moczulska A.* Jan Kolumna Żaboklicki, szambelan czterech monarchów // *Kronika Zamkowa*. 1991/1992. 2 (24). S. 53–63.

Александра I и Наполеона в Тильзите в 1807 г., для проведения которых на реке Немане был устроен особый плот¹⁰⁹⁸. Однако в случае с поездкой в Варшаву 1829 г. речь шла не столько о поиске «нейтральной» территории, сколько о возможности для использования семантики перехода. Наиболее схожим в этом отношении примером является, пожалуй, известная церемония встречи на границе Австрии и Франции будущей королевы Марии-Антуанетты, во время которой австрийская принцесса должна была расстаться с сопровождавшими ее лицами из числа представителей австрийского двора, а также полностью переодеться во французское платье. В случае с Марией-Антуанеттой переход через границу знаменовал собой обретение ею нового «я», рождение дофины Франции.

Значение таких жестов Николай I вполне осознавал. Примечательна история с приездом в Россию невесты тогда еще великого князя Николая Павловича прусской принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны. Историк М.А. Полиевктов так описывает это событие: «9 июня принцесса приехала в Мемель (в настоящее время — Клайпеда), а на другой день прибыл сюда Николай Павлович. В этот же день состоялся переход принцессы через границу. По обеим сторонам границы были выстроены прусские и русские войска. Николай Павлович, поздоровавшись с пруссаками, сказал: “Мои друзья, помните, что *я наполовину ваш соотечественник* и, как вы, вхожу в состав армии вашего короля”. Принцесса перешла границу пешком. Представляя ее русским войскам, Николай Павлович сказал офицерам: “*Это не чужая, господа, это дочь вернейшего союзника и лучшего друга вашего государя*”»¹⁰⁹⁹. Наполовину пруссак в 1817 г., в 1829 г. Николай уже был наполовину поляком, а передача императорской короны польской стороне на границе Царства символизировала превращение короны российской в польскую. Интересно,

¹⁰⁹⁸ Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России XVIII в. М.: Новый хронограф, 2012. С. 394–396.

¹⁰⁹⁹ Полиевктов М.А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 24. Эта история также частично опубликована у Шильдера: Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 85.

что церемония была выстроена по принципу равенства: число участников процессии с обеих сторон было одинаковым, а сама передача короны не просто указывала на особый статус Польши, но и подчеркивала равенство в политическом отношении России и Польши.

Пересечение границы с Царством Польским, являвшимся с 1815 г. частью Российской империи, впрочем, было значимо для многих членов свиты вполне лично. И в этом случае их впечатления находились далеко за пределами официального нарратива братства и единения. Показательны в этом отношении «Воспоминания» А.Х. Бенкендорфа, который описал поездку в Варшаву как акцию мемориального порядка — повод вспомнить события времен Наполеоновских войн. «В тот же день прибыли на ночевку в Белосток... и после отдыха, случившегося в первый раз после отъезда из Динабурга, он (император. — *Прим. авт.*) продолжил свою поездку. При великолепной погоде он направился к Тыкоцину, расположенному на границе России и Царства Польского. После войны 1806 и 1807 годов у меня не было случая побывать в этих местах. Тем не менее, я полагал, что смогу узнать их, как узнают места, которые изъезжены верхом на лошади вдоль и поперек. Я даже сказал императору, что по дороге смогу рассказать ему о тех позициях, сражениях и перемещениях, которые наша армия произвела в этих местах»¹¹⁰⁰.

Показывая императору поля сражений, Бенкендорф отметил и произошедшие здесь изменения, которые вызваны были «мудрым и заботливым правительством» Александра I: «Все вокруг преобразилось, самый бедный, грязный и промышленно отсталый край как по волшебству стал цивилизованной, богатой и ухоженной страной. Дороги были прекрасно обустроены, города — чисты, земля — тщательно возделана. Местное население было довольно, фабрики заполнены иностранными рабочими». Изменились и города: «С тех пор как я был здесь (в Вильно. — *Прим. авт.*) в последний раз, город значительно украсился. Места народных гуляний,

¹¹⁰⁰ Бенкендорф А.Х. Воспоминания (1802–1837 гг.). С. 405.

многочисленные новые здания и окружавшая их чистота значительно изменили облик города, который раньше был довольно грязным, как и все города, населенные поляками и евреями»¹¹⁰¹. Для предлагаемого Бенкендорфом дихотомичного ряда — тогда/теперь, разруха/благодать, русский город / город, населенный поляками и евреями, — точкой сборки становится победа в войне против Наполеона, то есть право завоевания: «Доехав до Пултуска и оказавшись на полях сражений, где 23 года назад я видел, как военная удача Наполеона была остановлена нашими храбрыми батальонами, я не смог удержаться, и предался воспоминаниям об этом времени и о великих событиях, которые за ним последовали. Наполеон победил в Варшаве и угрожал России, поляки уже гордились несбыточными надеждами на свое возрождение, наши усталые и павшие духом армии вернулись в границы империи. А теперь Наполеон вот уже многие годы существует только на страницах истории, Париж увидел наши победоносные знамена, *поляки стали нашими подданными и обязаны своим счастьем только благородству императора Александра*, а я сижу в коляске рядом с могущественным государем России, королем той самой Польши, где я сражался, защищая наши собственные границы. Эти чередования упадка и процветания, унижения и славы настроили нас на философские размышления»¹¹⁰². Двигаясь мимо мест недавних боев, императорский кортеж наконец подъехал к Варшаве.

Последней остановкой перед коронационным въездом в столицу Царства Польского стала Яблонна — поселение, или «деревня», как ее называют русские источники¹¹⁰³. Все тот же Бенкендорф записал в мемуарах: «К обеду прибыли в имение князя Понятовского Яблонное Йолли, находившееся в 14 верстах от Варшавы. Здесь ожидавший императора великий князь Константин представил ему доклады. Через некоторое время

¹¹⁰¹ Там же.

¹¹⁰² Там же. С. 406.

¹¹⁰³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 1616/2. Д. 3520. № 262. б/л; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 74 об.; Kurjer Warszawski. № 129. S. 5 (553).

сюда же приехала и его супруга княгиня Лович. Оба брата с супругами пообедали вместе в обстановке сердечной близости»¹¹⁰⁴. Очевидно, говоря о Яблонне, глава Третьего отделения уже «выключил» нарратив противостояния и вернулся к официальной канве описания: так, он не счел необходимым отметить, что имение было к тому моменту превращено в грандиозный мемориал в честь польского маршала Наполеона Юзефа Понятовского, возглавлявшего польские легионы в битве против русских при Бородино¹¹⁰⁵. В рамках официальных трактовок говорить об этом действительно не стоило, ведь в багаже императорского кортежа в Варшаву был доставлен большой запас орденов для бывших врагов. Для бывшего секретаря Юзефа Понятовского Юзефа (Осипа) Раутенштрауха в Варшаву был взят орден Св. Александра Невского, а для Станислава Клицкого, командовавшего уланским полком наполеоновской армии при Бородино, и Эдварда Жолтовского, также участника похода на Россию в 1812 г., — ордена Св. Анны I степени¹¹⁰⁶.

Подготовка к коронации Николая I как польского короля, продемонстрировала сложность выработки церемонии в условиях сосуществования в Российской империи конкурирующих исторических нарративов в отношении Польши. При этом, соглашаясь на проведение столь знаковой церемонии, Николай I действовал вопреки собственным эмоциональным реакциям, главной из которых в связи с проведением церемонии император называл «отвращение»¹¹⁰⁷. Иными словами, император отделил собственные личностные оценки от того, что, как он полагал, было правильной политической стратегией.

Решение осуществить коронацию имело в своей основе комплекс причин, однако действия Николая I, сомневавшегося в необходимости такого

¹¹⁰⁴ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 406.

¹¹⁰⁵ Там же. С. 406, 687.

¹¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 47 об.

¹¹⁰⁷ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). Т. 131. С. 325.

ритуала и откладывавшего его три года, указывают на то, что проведение церемонии было главным образом продиктовано причинами, лежащими в сфере политической психологии российской власти и элиты начала XIX в. Последние, в свою очередь, были связаны с восприятием Польши как европейского форпоста, отличного от всей остальной территории Российской империи и требующего особого отношения.

Варшавское действо виделось его российскими организаторами как попытка найти компромисс с Польшей. Избранная логика предопределила максимальную предупредительность по отношению к польским традициям и нарративам, вплоть до изменения сегментов использовавшихся имперских регалий и конструирования дополнительных церемоний, целью которых являлась перекодировка символической составляющей.

Глава 5. Проведение коронации Николая I как польского короля (1829 г.)

5.1. Церемония коронации

Сама по себе организация коронационных торжеств предполагает (и одновременно поощряет) широкий интерес со стороны представителей самых разных социальных слоев. Польская коронация Николая I на первый взгляд не была исключением. Так, один из приближенных цесаревича Константина Павловича генерал-адъютант П.А. Колзаков, подробно описавший коронационные торжества 1829 г., фиксирует ожидаемый отклик – в дни торжеств на улицах Варшавы «народу кругом... в окнах домов и на кровлях было видимо-невидимо», «балконы и окна были наполнены дамами... было гулянье и большое стечение публики». Как указывает генерал-адъютант в день коронации он «насилу мог добраться до дому сквозь толпу, которая густыми массами стояла у дворца и по улицам... экипажей было так много, что... двигались в несколько рядов»¹¹⁰⁸.

Вместе с тем источники другого плана указывают на то, что организаторы действия 1829 г. имели в виду и иной сценарий развития событий. В печатном «Церемониале» коронации 1829 г. обращает на себя внимание значимая приписка — жителям города дозволялось «при проезде кортежа по улицам города разрешено закрыть занавесками окна»¹¹⁰⁹. Решение зафиксировать в основном документе церемонии подобное «дозволение» не может не удивлять, ведь такой протокол использовался во время траурных мероприятий. Например, церемониал символических похорон Александра I в Варшаве в 1826 г. оговаривал, что жители улиц, по которым пройдет шествие, могут закрыть окна первого этажа¹¹¹⁰. Вероятно, Николай I не вполне понимал, что в действительности стоит ожидать от коронации, и опасался неприятия. Такое эмоциональное состояние императора подтверждается и другими

¹¹⁰⁸ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 449–452. Это описание подтверждается и польскими источниками. См., например: *Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.*

¹¹⁰⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

¹¹¹⁰ AGAD. F. 197. № 675. К. 98.

источниками. Глава Третьего отделения Бенкендорф в письме Дибичу из Варшавы говорил об этом прямо — «мы как будто ничего не видели», а император «боялся, что он увидит то, что он видеть не хотел»¹¹¹¹.

Въезд Николая I, Александры Федоровны, наследника престола и свиты в Варшаву состоялся 5 (17) мая. Императорский кортеж подъехал к столице Царства Польского со стороны Праги¹¹¹². Император проехал всю дорогу от границы города до Варшавского замка верхом. Наследник Александр Николаевич и великий князь Михаил Павлович, демонстрируя единство династии, как и надлежало, ехали по обе стороны от монарха¹¹¹³, а императрица — в карете, запряженной восьмеркой лошадей.

Кортеж пересек Вислу по специально сооруженному для этих целей мосту¹¹¹⁴ и оказался наконец в городе. На Закрочимской улице кавалькада остановилась у костела францисканцев — первого католического собора на пути Николая I. Здесь будущего короля ожидали представители высшего католического духовенства, а архиепископ Варшавский и примас Царства Польского Ян Павел Воронич¹¹¹⁵ подал монарху крест для целования¹¹¹⁶. Современник так описывает произошедшее: «Император остановился перед католическим кафедральным собором, где к великому удовольствию приверженцев этой религии, он причастился святой водой и принял знаки уважения духовенства»¹¹¹⁷. Под звуки 101 пушечного залпа императорский кортеж подъехал к Варшавскому замку, войдя в который монаршая чета сразу же направилась в «греческую часовню при дворце» для православного молебна¹¹¹⁸.

¹¹¹¹ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 454.

¹¹¹² Пятницкий П.П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 59.

¹¹¹³ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 375.

¹¹¹⁴ Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 133.

¹¹¹⁵ Его не стоит путать с князем-примасом Польши, архиепископом Гнезненским.

¹¹¹⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; Пятницкий П.П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 59.

¹¹¹⁷ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 408; Об этом эпизоде см. также: Львов А.Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. 1884. № 4. С. 241.

¹¹¹⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8; Kurjer Warszawski. № 12. S. 5 (553); Львов А.Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 241; Лилейко Е. Варшавский замок. С. 72.

Во время въезда великий князь Константин Павлович и его супруга княгиня Лович встречали венценосную пару по отдельности, но при этом в двух самых знаковых точках: Константин — у Пражских ворот, а княгиня Лович — у Варшавского замка. И хотя «Церемониал» указывал, что у входа в замок Николай и Александра будут встречены «людьми обоего пола из числа придворных, не включенных в кортеж»¹¹¹⁹, другие источники заметили гендерное разделение, которое сформировали организаторы действия. Великий князь приветствовал Николая в сопровождении военных, а его жена ожидала монарха и императрицу у замка вместе с дамами¹¹²⁰.

События этого дня омрачил случай, ударивший, вероятно, по самолюбию Константина Павловича: во время церемониального шествия лошадь цесаревича заупрямилась, а потом и вовсе рванулась в сторону от направления движения свиты. Великому князю, который, по описаниям современников, буквально пребывал в бешенстве из-за того, что не мог обуздать животное, пришлось спешиться и пешком пройти мост и часть города, пока ему не нашли другую лошадь. Бенкендорф так прокомментировал произошедшее: «...следуя за императором со шпагой в руке, великий князь, казалось, был полностью лишен того удовлетворения, на которое он мог рассчитывать, представляя во всем блеске находившиеся под его командованием войска. Он казался потерянным, и его вид внушал страх всем тем, кто находился под его командованием, и кто привык видеть немилость в раздраженных глазах своего разгневанного командира. Это происшествие, несмотря на всю свою малозначимость... поразило всех присутствовавших»¹¹²¹.

На следующий день великий князь Константин Павлович представил императору генералов, штаб- и обер-офицеров, а также членов своей свиты. В течение дня монарху также представились министры, сенаторы и депутаты от

¹¹¹⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

¹¹²⁰ Кашианова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; *Krasiński J. Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja*. S. 414.

¹¹²¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 408; *Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831*. S. 136.

воеводств, высшее духовенство, дамы и иностранцы¹¹²². Затем последовала целая череда парадов, приемов, балов и праздников¹¹²³. В период торжеств император, наследник и великий князь Михаил Павлович появлялись в польских мундирах¹¹²⁴. Императрица столь же неизменно представляла перед публикой в нарядах, цветовая гамма которых отсылала к польским национальным цветам¹¹²⁵. Одиннадцатилетний наследник Александр Николаевич охотно говорил по-польски, демонстрировал знание польской истории и расположение к Конно-егерскому полку, шефом которого являлся¹¹²⁶, а сам император представлял старшего сына офицерскому обществу Варшавы как «хорошего поляка»¹¹²⁷.

Административный совет Царства приложил серьезные усилия для распространения информации о предстоящей церемонии: еще в апреле по воеводствам были разосланы сотни экземпляров печатного объявления о коронации¹¹²⁸. Процедура получения новости депутатами сейма, которым надлежало прибыть в Варшаву за несколько дней до церемонии, предполагала подписание соответствующего уведомления. Это установление было аккуратно выполнено и великим князем Константином Павловичем, который в качестве депутата от Воли собственноручно подписал аналогичный документ¹¹²⁹. Стремление Константина продемонстрировать свою

¹¹²² РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 277; Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 450.

¹¹²³ Подробнее см. Приложения.

¹¹²⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 135. Примечательно, что в свите императора находился «гардеробский помощник», в обязанности которого входил исключительно досмотр над «польским конно-егерским мундиром» императора (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 21). См. также: *Ковальчикова А.* Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки» // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 9.

¹¹²⁵ *Nietcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 319.

¹¹²⁶ Северная пчела. 1829. № 58. С. 2; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 134; *Фалькович С.М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407; *Kowalczykowa A.* Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie.

¹¹²⁷ *Фалькович С.М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407; *Zajewski W.* Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28. Нельзя в полной мере согласиться с утверждением М.Д. Долбилова, что указание первых лет царствования Николая I на необходимость наследнику быть «столь же хорошим поляком, как и хорошим русским» выражало «формулу управления исключительно разнородной империей» (*Долбилов М.Д.* Поляк в имперском политическом лексиконе // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 299). Очевидно, что формулировка как таковая содержала в себе и отсылку к иерархии территорий, а также конкретной польской ситуации и коронационным планам Николая.

¹¹²⁸ AGAD. F. 191. № 19 (161). K. 11–12v, 24, 26–32.

¹¹²⁹ Ibid. K. 24–25.

сопричастность депутатской корпорации, указать на то, что он является «одним из», не может не поражать, особенно если вспомнить стратегии выстраивания образа власти Романовых в самой России, где речь в значительной мере шла о систематическом подчеркивании «инаковости» по отношению к подданным¹¹³⁰.

За три дня до церемонии конные группы, состоявшие из герольдов в одеждах, сшитых на средневековый манер¹¹³¹, разъезжали по Варшаве и зачитывали объявление о будущей коронации¹¹³². В нем, помимо основной информации, содержался призыв молиться «за Короля и Королеву, чтобы Господь Всемогуший одарил милостью и благословлением царствование Его Величества... сохранялись мир и спокойствие, во славу Его Святого Имени и ради неувядаемого процветания Королевства»¹¹³³. По городу распространяли печатные молитвы, а в день, предшествующий коронации, во всех костелах Царства Польского прошли вечерние службы с пением *Te Deum*¹¹³⁴. Неудивительно поэтому, что число поляков, привлеченных зрелищем и собравшихся в Варшаву, в том числе из соседних областей, было значительным¹¹³⁵.

Отдельно следует сказать о присутствии на коронации европейских дипломатов. Министерство иностранных дел Российской империи не сразу определилось с тем, необходимо ли приглашать последних на коронацию. П.Г. Дивов, служивший в тот момент управляющим Министерством иностранных дел, зафиксировал в своем дневнике разговор с вице-канцлером, состоявшийся менее чем за месяц до церемонии. Не без некоторой иронии дипломат сообщает, что пытался выяснить, «следует ли выдавать паспорта

¹¹³⁰ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1.

¹¹³¹ Капитанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44. Во время московской коронации императора герольды также были «одеты по древнему обычаю» (РГИА. Ф. 437. Оп. 3. Д. 287. Л. 3).

¹¹³² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4.

¹¹³³ Там же; О коронации Его Императорского Величества. С. 419.

¹¹³⁴ В русском варианте «Тебя, Бога, славим» (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4 об.).

¹¹³⁵ [Kołaczkowski K.] Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Krakow, 1900. Ks. III. S. 110.

посланникам, *ежели им придет фантазия ехать в Варшаву*»¹¹³⁶. В итоге вопрос был решен положительно.

Вопреки мнению М. Гетка-Кенига, коронация не прошла без участия дипломатов¹¹³⁷. Интерес к церемонии проявили представители Австрии и Германии. С поздравлениями в Варшаву прибыли австрийские, прусские, баварские, саксонские и вюртембергские дипломаты¹¹³⁸. Очевидно, с точки зрения дипломатии мероприятие было отнесено к категории относительно локальных, связанных главным образом с кругом стран-участниц разделов Польши.

Информация о церемонии разошлась достаточно широко. Сохранилось, например, поэтическое обращение к Николаю по случаю коронации, написанное и изданное во Франции¹¹³⁹. При этом автор текста, назвавшийся депутатом Франции, представил нарратив, отличный от актуального в Варшаве. Он прославлял приверженность императора Николая, как и его предшественников — Екатерины II и Александра I, закону, а поляков изображал склоняющимися перед властью монарха и преподносящими ему корону¹¹⁴⁰. Коронация описывалась как символ надежды, как действие, свершающееся по заветам «нашего ангела» Александра, как обещание будущего, которое вызывает радость Европы и улыбку Франции¹¹⁴¹.

К моменту въезда николаевского кортежа в город место проведения коронации было полностью готово. В наши дни зал Сената (Сенатская палата), одно из главных помещений восстановленного после Второй мировой войны Варшавского замка, — это большой двусветный зал, оформленный в золотых и красных тонах. Теперешний декор зала может стать прекрасным источником по истории памяти современной Польши. Оформление палаты, в торце

¹¹³⁶ Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.). С. 620.

¹¹³⁷ Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 285.

¹¹³⁸ Северная пчела. 1829. № 61. С. 2.

¹¹³⁹ Milly A. de. Hommage offert à sa Majesté Nicolas I-er, Empereur de toutes les Russies, à L'occasion de son couronnement comme Roi de Pologne [1829].

¹¹⁴⁰ Ibid. P. 4–5.

¹¹⁴¹ Ibid. P. 6–8.

которой стоит трон и витрина с экземпляром Конституции 1791 г., а на стенах размещены гербы Польши, Литвы и территорий, маркированных как исторически польские (вкл. Смоленск), отсылает к событиям, произошедшим или возникшим в национальном воображении задолго до того, как Николай I возложил здесь на себя корону Царства Польского.

Император, конечно, увидел это пространство совершенно иным. Согласно «Церемониалу коронации», в зале у торцевой стены было установлено тронное место — высокий помост в девять ступеней, на котором разместили два кресла для Николая и Александры, а также стол для регалий¹¹⁴². Помост был с трех сторон окружен позолоченной балюстрадой. Над ним укрепили балдахин темно-красного цвета с позументом, бахромой с кистями, а в верхней части — вензелем Николая I и страусиными перьями. По одну сторону от трона было устроено другое возвышение (в семь ступеней) государственных регалий, по другую (в три ступени) — помост для министров и Административного совета¹¹⁴³. Переводя с языка семиотики на язык деклараций, опорой императорской власти в Польше назначалась администрация Царства Польского, место представителей которой оказывалось зримым и признанным.

В зале находились и устроенные в виде амфитеатра трибуны для зрителей, а на балконах были отведены места для дам. Обитая бархатом и золотой бахромой, внешняя сторона трибун и балконов была украшена расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга щитами с гербом

¹¹⁴² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3. Польский исследователь И. Гжелюк, отдельно занимавшийся вопросом использования тронов во время коронации Николая I в Варшаве, указывает также, что в документах Национального музея в Варшаве есть указания, что после Советско-польской войны 1919–1921 гг. и заключения Рижского мира (1921 г.) Польше были возвращены три трона-кресла. Два из них описаны следующим образом: «...PZS 2127, Кресло тронное резное, позолоченное, покрытое красным бархатом фиолетового оттенка с двойным широким и высоким галуном, на спинке есть накладное резное украшение, венчающееся короной. Старый номер: Музей Ленина 2710a. PZS 2128, аналогичный предыдущему. Старый номер: Музей Ленина 2710b.». Кресло под номером PZS 2127 в настоящий момент находится в Вавеле, второе (PZS 2128) — в Тронном зале Королевского замка в Варшаве. По мнению исследователя, из-за отсутствия комментария в инвентарной описи невозможно связать третье тронное кресло (PZS 2129) с варшавской коронацией. Кроме того, в «Инвентарной описи Королевского замка Варшавы от 1837 г.» под позицией 2081 в качестве «тронного кресла царя Николая I» оно описано как: «...тронное кресло с венцом (от 1786 г.), с фигурами, символизирующими Мир и Справедливость на спинке» (*Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku*. P. 79).

¹¹⁴³ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

Царства Польского и вензелем Николая I в виде буквы «М», обозначающей полонизированное имя императора «Миколай»¹¹⁴⁴. Это хорошо видно на картине неизвестного художника «Коронация Александры», на которой изображены два длинных ряда зрителей — чиновников и военных — и, в параллель им, ряды нарядно одетых дам, сидящих на балконе. Интересно, что в александровское царствование балконы занимались зрителями, допускавшимися на заседания сейма. Современник так описывает все происходящее здесь в то время: «На заседания палат пускалась публика, и большинство ее составляла женская аристократия. Всякая оппозиционная выходка вызывала громкие знаки одобрения, и чем резче была эта выходка... тем громче дамы кричали браво, тем усерднее махали платками»¹¹⁴⁵.

Хотя церемония была задумана как светская, абсолютизировать значение этой установки не следует. Отметим, что все предшествующие церемонии, связанные с позиционированием власти российских монархов в Польше (например, объявление о создании Царства Польского или символические похороны Александра I), разворачивались в рамках католического дискурса. Для каждого из подобных мероприятий ключевым эпизодом предсказуемо оказывалось действо в католическом соборе. Так, провозглашение Царства Польского 8 (20) июня 1815 г., сопровождавшееся многочисленными празднествами, было выстроено вокруг чтения в варшавском соборе Св. Яна александровского манифеста, акта «короля Саксонского увольняющего от присяги жителей Герцогства Варшавского» и принесения здесь же присяги на верность российскому императору¹¹⁴⁶.

¹¹⁴⁴ Щиты, украшавшие тронное место и троны-кресла из зала Сената, были вывезены в Россию после восстания 1830–1831 гг. Часть из них была выставлена в Оружейной палате. В 1921 г. эти предметы были также возвращены Польше. Щиты сейчас находятся в коллекции Национального музея в Варшаве. Музейное описание, приведенное И. Гжелюком, гласит: «Щиты, от трона Николая I из Коронационного зала Королевского замка в Варшаве. 12 штук, овальные, часть покрыта бархатом ярко-красного цвета. На лицевой стороне резное изображение польского орла... с металлической литерой “М”. У четырех сохранились... короны, все... сильно изношены». В инвентарной описи они значатся под номером PZS 2130 (*Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku*. P. 76, 79).

¹¹⁴⁵ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1737. В 1825 г. практика публичных сеймовых заседаний была отменена (*Кашианова О.С.* К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41).

¹¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 1 об. — 5 об.

Равным образом кульминацией упоминавшихся грандиозных символических похорон Александра I стала католическая служба. Неудивительно поэтому, что для проведения коронации в пространстве зала Сената расположили «алтарь», или «престол», как называли его русские источники, на котором было установлено распятие¹¹⁴⁷.

Символичным было и использование в оформлении зала традиционного польского малинового цвета. Именно так источники описывают тон бархата, выбранного для декора балдахинов над императорским помостом и украшения мест для зрителей. Горностаевые мантии Николая и Александры также были малиновыми¹¹⁴⁸. Судя по каталогу Национального музея в Варшаве, коронационное платье Александры Федоровны также было красным¹¹⁴⁹.

Помимо помещений замка, подготовленных для коронации¹¹⁵⁰, особое церемониальное оформление получила площадь у замка и улица, прилегающая к собору Св. Яна: здесь были расставлены деревянные галереи для зрителей, рассчитанные на 3 тыс. человек¹¹⁵¹. Большую часть приготовленных мест занимали дамы¹¹⁵². Для прохода монаршего шествия был устроен помост, обтянутый красным сукном¹¹⁵³.

Согласно «Церемониалу», в день коронации по сигналу, данному 21 залпом из пушек, приглашенные к участию чиновники и военные должны были собраться в замке, а затем начать церемонию перенесения инсигний из

¹¹⁴⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.; Kurjer Warszawski. № 129. S. 5 (553); О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110. С. 428–429.

¹¹⁴⁸ Lileyko H. Siennicki Paweł. S. 233; Кашианова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; Kicka N. Pamiętniki. S. 170–171. Коронационное платье Александры Федоровны хранится в фондах Национального музея в Варшаве.

¹¹⁴⁹ Katalog wystawy Powstania Listopadowego z uwzględnieniem czasów przed i powstaniowych. S. 170 (poz. 1477).

¹¹⁵⁰ В число представительских помещений коронации был включен также Тронный зал второго этажа. Именно здесь хранились привезенные инсигнии, именно отсюда Николай и Александр отправились на коронацию в зал Сената. Примечательно, что к этому залу примыкает Кабинет европейских монархов. Это помещение, фактически объединенное с Тронным в единое представительское пространство, было создано Станиславом Августом Понятовским и служило королю для секретных встреч. Здесь, в полукруглом маленьком крошечном кабинете, размещались портреты монархов-современников Станислава Августа, включая Екатерину II.

¹¹⁵¹ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5.

¹¹⁵² По сообщению польской прессы, здесь могли размещаться до 2 тыс. дам (Kurjer Warszawski. 1829. № 136. S. 591).

¹¹⁵³ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 7.

Тронного зала в собор Св. Яна¹¹⁵⁴. Все привезенные из Петербурга регалии пронесли по улицам в предписанном иерархическом порядке от наименее к наиболее значимому предмету. Открывала шествие цепь ордена Белого Орла, за которой вынесли государственную печать и знамя, меч, мантию, державу, скипетр и, наконец, корону. Отметим, что все регалии выносили исключительно чиновники и военные Царства Польского, никто из приехавших с Николаем из Петербурга в процессии задействован не был. Так, панир (знамя) вынес на подушке генерал И. Красинский, меч — военный министр Царства Польского М. Гауке, скипетр — князь А. Чарторыйский. Нести корону, вероятно, с намерением сделать отсылку на власть, принадлежащую Сенату, было доверено его президенту графу С. Замойскому¹¹⁵⁵.

В дверях собора инсигнии встречали примас Воронич и католическое духовенство. В костеле регалии были благословлены и отправлены в замок тем же порядком¹¹⁵⁶. В этой части шествия император и императрица участия не принимали, а как только освященные в костеле регалии доставили в замок, Николай и Александра Федоровна направились в православную церковь замка, где «слушали... обедню»¹¹⁵⁷.

Их возвращение в Тронный зал дворца знаменовало начало основного действия. По знаку церемониймейстера началось шествие в зал Сената, которое открывали гвардейцы. За ними в предписанной последовательности следовали чиновники, сенаторы, представители Административного совета. За ними располагалась секция с регалиями, повторявшая по структуре шествие в собор. За инсигниями шли Николай I и Александра Федоровна, члены императорского дома, придворные дамы и генералитет¹¹⁵⁸. О прибытии

¹¹⁵⁴ Там же. Л. 4 об.

¹¹⁵⁵ Там же. Л. 1. О коронации Его Императорского Величества. С. 421–422.

¹¹⁵⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4 об.

¹¹⁵⁷ Жуковский В.А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. С. 461.

¹¹⁵⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 5–5 об.

императора и короля в зал Сената возвестил колокольный звон и пушечная стрельба.

Обряд коронации состоял из нескольких этапов. Фактически церемония в зале Сената начиналась и заканчивалась молитвами примаса Воронича, указывавшими на то, что все действо освящено католической церковью. После прочтения первой краткой молитвы «о благословении Его Величества Императора и Короля» примас подал монарху мантию и корону. Согласно установленному церемониалу, Николай сам возложил на себя эти регалии. Затем новый польский король надел на Александру Федоровну, преклонившую колени, цепь ордена Белого Орла, а «две почтенные дамы» прикололи ее к мантии¹¹⁵⁹. За этим последовала кульминация коронации — император Всероссийский и король Польский, взяв в руки скипетр и державу, предстал перед публикой, а примас провозгласил троекратно «*Vivat rex in aeternum!*» («Да здравствует король!»)».

Следует отметить, что как в польских источниках, так и в литературе, посвященной коронации, часто упоминается последовавшее за словами примаса молчание публики. Его именуют «гробовым» и расценивают как своего рода зловещее предзнаменование¹¹⁶⁰. О.С. Каштанова справедливо замечает по этому поводу, что «в действительности молчание присутствующих объяснялось тем, что церемониал коронации не предусматривал индивидуальных проявлений бурного ликования и не оставлял никаких инструкций на этот счет»¹¹⁶¹. Действительно, «Церемониал» предписывал публике, присутствующей на коронации, «принести поздравления... королю и императору» троекратным поклоном, дамам надлежало склониться в глубоком реверансе¹¹⁶². Кроме того, фразу «Да

¹¹⁵⁹ Там же. Л. 6.

¹¹⁶⁰ *Kicka N.* Pamiętniki. S. 170; *Skarbek F.* Dzieje Polski. Poznań, 1877. Т. 2: Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. S. 265–266; *Каштанова О.С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 46.

¹¹⁶¹ Там же. Эту позицию разделяет польский историк М. Гетка-Кениг (*Getka-Kenig M.* Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 279).

¹¹⁶² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6.

здравствует король!» должна была сопровождать интенсивная пушечная стрельба и звон колоколов всех варшавских костелов, а значит, ощущение гнетущей тишины — не более чем легенда, сформированная ретроспективным взглядом на событие.

После того как пушечные выстрелы и звон колоколов затихли, началась вторая часть действия, во время которого Николай преклонил колени и произнес молитву. В.А. Жуковский воспринял эту часть коронации как самую эмоциональную: «За сим последовало трогательное, разительно-величественное действие: монарх России и Польши, украшенный венцом прародительским, преклонил колено пред невидимо присутствующим Богом, произнес молитву за себя и за народ, вверяемый его любви промыслом: лицо его было оживлено чувством, и твердый голос его иногда прерывался от сильного движения душевного; внимавшие исполнены были глубокого благоговения и проливали слезы благодарности»¹¹⁶³. Схожее описание оставил А.Х. Бенкендорф, сообщавший, что император прочел «перед невидимо присутствующим Богом... молитву за себя и за народ, вверяемый любви его промыслом», а все «внимающие исполнены были глубокого благоговееия и проливали слезы благодарности»¹¹⁶⁴. Момент, когда монарх поднялся, послужил сигналом к тому, чтобы все присутствующие опустились на колени и примас, также стоя на коленях, прочел молитву во здравие короля.

По завершении церемонии Николай, Александра Федоровна и все присутствующие в сопровождении духовенства совершили церемониальное шествие к собору Св. Яна. По описанию Жуковского, отложившемуся, что примечательно, в материалах Третьего отделения, то есть представляющему официальную версию произошедшего, при появлении на площади нового польского короля «всё, всё воскликнуло в один голос: сия огромная туча народа, которая от самого низа площади движущеюся массою возвышалась до

¹¹⁶³ Жуковский В.А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. С. 462.

¹¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 9.

кровель высоких домов, сей громозвучный приветственный клик, с коим сливался звон колокольный и гром выстрелов пушечных, сие блестящее безоблачное небо, озарявшее царя торжествующего и народ его прославляющий, всё сие вместе составляло картину единственную»¹¹⁶⁵. Шествие прошло по уложенным помостам, вдоль которых были выстроены лейб-гвардии Литовский, Польский гренадерский и Волынский полки, а также Саперный и сводный гренадерский батальоны, егеря и пехота¹¹⁶⁶. Его открывал «примас Царства Польского, предшествуемый крестоносцем... и сопровождаемый епископами»¹¹⁶⁷. В костеле состоялось богослужение.

День завершился огромным королевским обедом, во время которого поднимались тосты за короля, королеву, королевскую семью и «за всех верноподданных и за благоденствие Королевства»¹¹⁶⁸. Тосты сопровождались оружейными залпами¹¹⁶⁹. В конце вечера перед королевской четой и собравшимися гостями выступали Николо Паганини и польский скрипач Кароль Йозеф Липинский¹¹⁷⁰. Вечером город был иллюминирован¹¹⁷¹.

Высказанная некогда в письме брату идея Николая избежать во время коронации торжественности («Будет уместно, если коронация окажется очень простой и ограничится двумя днями без каких-либо праздников... кроме (формального) обеда и бала поляков»¹¹⁷²) реализована не была. За коронацией последовала череда бурных празднований¹¹⁷³ — многочисленные обеды, театральные представления, грандиозный народный праздник в Уяздове,

¹¹⁶⁵ Там же. Л. 9–9 об.

¹¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 82.

¹¹⁶⁷ *Львов А. Ф.* Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242.

¹¹⁶⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 7 об.

¹¹⁶⁹ Число пушечных залпов составило 61, 51, 31 и 21 соответственно (Там же).

¹¹⁷⁰ *Kurjer Warszawski*. 1829. № 139 (25 мая). С. 603; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 143; *Жуковский В. А.* Дневники 1829 г. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833. С. 308; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

¹¹⁷¹ AGAD. F. 191. № 19 (161) К. 39. Описание событий этого дня нашло свое отражение и в одной из записных книжек императрицы Александры Федоровны (ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 412. Л. 17 об. – 18). Другие заметки, оставленные женой Николая I за этот период, сохранились в Ф. 728 (Коллекция документов рукописного отделения Зимнего дворца) ГА РФ.

¹¹⁷² Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325; *Кизеветтер А. А.* Император Николай I как конституционный монарх. С. 402–418.

¹¹⁷³ Коронации предшествовал период подготовки и репетиций (*Krasiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 416–417).

прием в дворцовом комплексе Лазенки¹¹⁷⁴ и несколько «блистательных» балов, из которых один был дан «городом», а второй — президентом Сената графом С. Замойским¹¹⁷⁵. Император и императрица, появляясь в сопровождении великих князей Константина и Михаила, наследника, принца Карла Прусского и герцога Александра Вюртембергского, исправно посещали все мероприятия¹¹⁷⁶.

С точки зрения внешнего антуража Николай действительно «повторил» церемонию для поляков. Здесь были и въезд в столицу с демонстрацией единства императорской фамилии, и присутствие высших военных, гражданских и придворных чинов, и полный набор государственных регалий, и, наконец, возложение императором на себя короны. Последовательность некоторых элементов в известной мере повторяла московскую коронацию 1826 г. Николай I был встречен у ворот Варшавы великим князем Константином Павловичем, что было повторением встречи Николая I у границы древней столицы московским военным губернатором с чинами. В большинстве своем совпадала и логика выноса предметов. Если в Москве шествие регалий открывалось цепью ордена Св. Андрея Первозванного, то в Варшаве — цепью ордена Белого Орла; в обоих случаях его замыкала корона¹¹⁷⁷.

Польская коронация, впрочем, отличалась от московской целым рядом знаковых моментов. Во-первых, Николай I не короновал в Варшаве императрицу Александру Федоровну. На нее был возложен орден Белого

¹¹⁷⁴ Golejewski H. *Pamiętniki*. T. 2. S. 204.

¹¹⁷⁵ Ibid.; *Kraśiński J. Z pamiętników Józefa hr. Kraśińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja*. S. 416–417, 426; *Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne*. S. 320; О коронации Его Императорского Величества. С. 433–435; *Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie*. S. 3–9.

¹¹⁷⁶ Судя по сохранившимся источникам, сестра Николая I великая княгиня Мария Павловна и ее муж, герцог Веймарский, должны были приехать в Варшаву после коронации. В конце апреля князь Волконский писал доверенному лицу великого князя Константина графу Куруте, прося разметить сестру императора с максимальным удобством: «Ея Высочество Великая Княгиня Мария Павловна изволит прибыть в Варшаву после отъезда Ея Величества государыни императрицы (Александры Федоровны. — *Прим. авт.*)» (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 236, 390). В Варшаве ожидали также приезда прусского принца Вильгельма и ландграфа Гессен-Гомбургского (Там же. Л. 236, 277).

¹¹⁷⁷ Последовательность выноса других регалий в московской и варшавской коронации несколько отличалась (РГИА. Ф. 437. Оп. 3. Д. 61).

Орла, но не корона¹¹⁷⁸. «Церемониал коронования Его Величества Николая I»¹¹⁷⁹ отдельно оговаривал, что Александра Федоровна войдет в зал Сената в порфире и короне¹¹⁸⁰. Три года ранее в Москве все выглядело иначе. Согласно «Отечественным запискам», «Его Величество на императорском престоле Своим призывал Ее Величество Государыню Императрицу Александру Федоровну (которая — к увеличению всеобщего умиления поверглась неожиданно на колени) и, сняв с Себя корону, прикоснулся оною к главе Ее и потом возложил на главу Ее Величества меньшую корону; как потом возложил на Нее порфиру и цепь Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного»¹¹⁸¹. Во-вторых, в Варшаве церемония была формально светским действием, и речь не шла о помазании. В этом смысле для императора эта коронация не стала священнодействием. Вместе с тем это отнюдь не сняло вопроса о религиозной составляющей, как, вероятно, рассчитывал Николай.

Церемония сопровождалась проявлением аффектированных форм поведения со стороны публики. Речь не только о бурных приветствиях и столпотворении на улицах, которое зафиксировали представители свиты Николая и приближенные великого князя Константина Павловича¹¹⁸². Сохранились многочисленные воспоминания представителей как российской, так и польской стороны о том, что красное сукно с помоста, по которому коронационная процессия прошла от Варшавского замка до собора Св. Яна и обратно, было разорвано и разобрано на сувениры¹¹⁸³. Журнал «Отечественные записки» так сообщал своим читателям об этом эпизоде: «...добрые поляки по окончании коронации кинулись на алое сукно, до коего касались стопы Помазанника и Его Августейшей Супруги, и старались

¹¹⁷⁸ Во время церемонии Николай не возлагал на себя цепь ордена: к тому моменту он уже был его кавалером.

¹¹⁷⁹ В названии «Церемониала» указание на коронование Александры Федоровны отсутствовало.

¹¹⁸⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 5.

¹¹⁸¹ Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. 1827. № 31 С. 198.

¹¹⁸² Официальный язык описания коронации польской стороной был не менее эмоционален (AGAD. F. 191. № 19 (161) К. 14; Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего русского владыки». С. 9).

¹¹⁸³ Об этом см.: Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 7; Пятницкий П.П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 61–62.

получить хотя малейший лоскуток оного, дабы принести в семейства свои и хранить там свидетельством сего счастливого события для соплеменных народов»¹¹⁸⁴.

Отметим и финансовую сторону дела. Новый польский король полностью оплатил варшавскую коронацию. Материалы польского казначейства свидетельствуют об этом прямо: в документе от 15 (27) августа 1829 г. значится, что «в соответствии с желанием Светлейшего Государя, высказанным министрам... дня 20 мая (1 июня) текущего года... счет всех расходов на коронацию... должен быть представлен Государю»¹¹⁸⁵.

Решение Николая оплатить все расходы за проведение коронации не было спонтанным, как это может показаться из приведенного сообщения. Переписка министров императорского двора и финансов раскрывает детали расчетов, которые планировалось произвести. П.М. Волконский так описывал Е.Ф. Канкрину схему договоренностей с министром финансов Царства Польского князем Ф.-К. Друцким-Любецким: «Перед отъездом моим из Санкт-Петербурга получил я от вашего Высокопревосходительства два кредита на неопределенную сумму: один на имя министра финансов Царства польского князя Друцкого-Любецкого, а другой на имя банкиров Шихлеров в Берлин. По первому из кредитов получил я деньги в Варшаве... и сверх того князь Друцкий-Любецкий предложил мне продолжить брать и в Берлин потребные деньги на расходы из находящегося здесь Польского казначейства с возвратом потом оных из государственного казначейства. Находя с моей стороны предложение сие выгодным, потому что казна избавится от сего платежа банкирам денег за Комиссию и других расходов, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство уведомить меня: согласны ли вы с сим предложением князя Любецкого и нет ли к тому каких-либо препятствий»¹¹⁸⁶. В отличие от Волконского министр финансов Российской империи Е.Ф.

¹¹⁸⁴ О коронации Его Императорского Величества. С. 435.

¹¹⁸⁵ AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 174.

¹¹⁸⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 391.

Канкрин не был убежден, что предлагаемый Ф.-К. Друцким-Любецким вариант настолько выгоден, ведь возвращать деньги в польскую казну пришлось бы наличными, «между тем как в случае заимствования денег у банкиров в Берлине они будут получать уплату из фондов наших в Амстердаме находящихся, что в настоящих обстоятельствах было бы более облегчительно». В итоге Канкрин отставил решение вопроса на усмотрение Волконского, которому, по мнению министра финансов, было проще на месте определить, какой вариант является оптимальным¹¹⁸⁷. У нас нет информации относительно того, какой путь выбрал министр императорского двора. Не приходится, впрочем, сомневаться, что вся история с коронацией для России проходила по категории «расходы».

В конце лета 1829 г. казначейство направило в Министерство внутренних дел Царства Польского, собиравшего документы на оплату, множество счетов — на оплату 66 тыс. злотых за иллюминацию и украшение национального театра¹¹⁸⁸, на 195 350 злотых за украшение зала Сената¹¹⁸⁹, за содержание в столице войск и пр.¹¹⁹⁰ По подсчетам Е. Гутковского, общая сумма затрат на коронацию составила 586 804 злотых 11 гр.¹¹⁹¹ В российской историографии фигурируют другие цифры, основанные на утверждении дореволюционного историка П.М. Майкова, который полагал, что на коронационные расходы из казначейства Российской империи было выделено 1 209 613 флоринов. К этой сумме стоит также прибавить не учтенные в этих документах траты на ремонт мостовых и фасадов в Варшаве¹¹⁹², подготовку и поведение императорской поездки в столицу Царства Польского и обратно, а

¹¹⁸⁷ Там же. Л. 406–407а.

¹¹⁸⁸ AGAD. F. 191. № 19 (161). K. 174.

¹¹⁸⁹ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3.

¹¹⁹⁰ Одним только российским войскам в Варшаве было выдано 17 081 руб. 92½ коп. серебром (РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 56 об.).

¹¹⁹¹ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3.

¹¹⁹² Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.

также поощрительные выплаты, осуществлявшиеся как по пути, так и в самой Варшаве¹¹⁹³.

Стоит отметить и замечание польских источников личного происхождения о том, что коронация стала временем повышенной коммерческой активности¹¹⁹⁴, то есть размещения большого числа заказов и получения прибыли. В рост, конечно, шел и символический капитал — раздавались многочисленные награды и ордена, производились повышения по службе.

Согласно материалам, которые были собраны в Польше уже в начале 1850-х гг., по случаю коронации было амнистировано 3915 преступников, отменено штрафов, долгов и разного рода взысканий на сумму 8 586 216 руб. серебром¹¹⁹⁵. Возможно, своего рода «подарком» было и решение Николая I сократить польский долг перед Российской империей и снизить процент по польскому займу — постановление об этом пришлось ровно на период между коронацией 1829 г. и сеймом 1830 г. Существенно, однако, что все эти милости, послабления и прощения не были отмечены в официальных документах как императорские дары, как это традиционно делалось в манифестах в связи с московскими коронациями. Император не решился указать полякам на сам факт дарения, полагая, очевидно, что его вклад в общее будущее братских народов обеспечен, очевиден и не может быть оспорен.

Церемония коронации Николая I как польского короля, реализованная в Варшаве в 1829 г., в целом, соответствовала выработанному сценарию — на формальном уровне церемония была реализована как светское действо, однако церемонии предшествовало освящение инсигний, а по окончании — молебен в соборе Св. Яна. Никто из приехавших с Николаем из Петербурга чиновников и военных в процессии задействован не был — церемония выноса регалий

¹¹⁹³ Майков П.М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 157. Эту сумму называет также О.Р. Айрапетов (*Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017. С. 164).

¹¹⁹⁴ Kołaczkowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Krakow, 1900. Ks. III. S. 123.

¹¹⁹⁵ Рапорт наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // Сборник РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 592–615.

прошла исключительно при участии чиновников и военных Царства Польского. Вероятные опасения императора и его приближенных, что церемония может вызвать неприятие, не подтвердились – коронация вызвала большой интерес, вплоть до проявления аффектированных форм поведения со стороны публики.

5.2. Религиозная составляющая коронации

На первый взгляд, коронация была сформирована как своего рода симбиоз православной и католической обрядовости. Как уже упоминалось, церемонии предшествовал въезд в город, во время которого православный монарх проехал мимо соборов самых значимых католических орденов и принял святую воду у костела Св. Франциска¹¹⁹⁶, а российская императорская корона Анны Иоанновны, назначенная для церемонии, была освящена в католическом соборе. Отметим, что благословение регалий в костеле шокировало русских зрителей. Воспитатель наследника престола В.А. Жуковский назвал эту часть действия «неприличием освящения короны»¹¹⁹⁷. В день коронации перед началом церемонии Николай I и Александра Федоровна молились в православной церкви Варшавского замка, а по завершении ритуала новые польские король и королева присутствовали на обеде в католическом соборе Св. Яна.

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что в рамках церемонии соотношение между православием и католичеством оказывалось резко смещено в сторону последнего. Как уже упоминалось, в зале Сената был устроен алтарь¹¹⁹⁸. Ни один из известных нам источников не описывает и не изображает этот алтарь сколько-нибудь подробно. Очевидно, однако, что речь шла об открытом престоле, на котором, кроме креста, могли размещаться богослужебные книги и утварь. При этом стоит отметить, что

¹¹⁹⁶ AGAD. F. 190. № 93. К. 15–21.

¹¹⁹⁷ Жуковский В.А. Дневники 1829 г. С. 308.

¹¹⁹⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.; Kurjer Warszawski. № 129. S. 5 (553); О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

этот престол не использовали для размещения регалий¹¹⁹⁹, а установленное на столе распятие, по всей видимости, было большим и очень заметным. Так, А.Х. Бенкендорф в одном из своих писем прямо указывал, что «посреди залы *возвышался крест*»¹²⁰⁰. Поскольку последний был установлен в центре коронационного пространства, то все действия императора, включая преклонение колен во время произнесения молитвы, оказывались прямо соотнесены с главным католическим символом. Стол с распятием не превращал, конечно, зал Сената в сакральное пространство для Николая и православных из состава его свиты. Но вместе с тем, особенно с учетом активной роли, которую играл в церемонии примас Царства Польского, появление такого элемента серьезно усиливало акцент на католической традиции, то есть создавало ситуацию обратную той, какую представлял себе Николай, рассуждавший о светском характере действия.

Иерархи католической церкви стали активными участниками коронации на всех ее этапах — от въезда императорского кортежа в Варшаву до завершившего череду празднований народного гулянья в Уяздове¹²⁰¹. Особенно заметен был примас Царства Польского — во время церемонии он подавал монарху регалии, а также произнес две молитвы, которые, как уже упоминалось, словно обрамляли молитву Николая¹²⁰². При этом вторая часть сказанного им, то есть то, что было произнесено уже после того, как монарх возложил на себя корону, может расцениваться равным образом как призыв и к богу, и к новому польскому королю: «Твое (Божье. — *Прим. авт.*) провидение и мудрость высочайшая да сопутствуют ему (Николаю I. — *Прим. авт.*) повсюду, дабы Он был справедливым к своим народам, блюстителем покоя для их блага и счастья! Да будет всегда победителем врагов своих, карателем злых, милосердным и благосклонным для добрых!..

¹¹⁹⁹ О коронации Его Императорского Величества. С. 424.

¹²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8.

¹²⁰¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2 об.

¹²⁰² См. также показательное дело римско-католического священника Криштовича, находившегося в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на театре военных действий и награжденного орденом Св. Владимира (19 апреля 1829 г.) (РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Л. 152–152 об.)

Сохрани неколебимую верность между народами, скипетру его подвластными, да видят в Нем Отца, веселящегося о своих детях»¹²⁰³. Можно согласиться с М. Гетка-Кенигом, который указывает, что присутствие и активная роль примаса создавали у зрителей ощущение, что он хотя и не коронует Николая I, но ведет церемонию¹²⁰⁴. Вероятно, сыграло свою роль и то, что, читая молитву, коленопреклоненный монарх был обращен лицом к католическому алтарю (кресту). Некоторые современники пошли в своих оценках еще дальше, заявив о том, что примас короновал Николая. Так, А. Млоцкий писал в воспоминаниях о дне коронации: «Православный царь, самодержец Московии *смирился перед примасом Королевства Польского* почтенным Вороничем, давал присягу соблюдать конституцию, слушал его проповедь, прежде чем возложил на свою голову польскую корону»¹²⁰⁵. В воспоминаниях П.А. Колзакова, впрочем подвергшимся более поздней обработке, и вовсе утверждается, что «когда государь стал на свое место, то примас прочел молитву и провозгласил его королем польским»¹²⁰⁶.

Следует отметить, что католические службы в честь коронации проходили далеко не только в Варшаве — по решению Административного совета благодарственные молебны совершались во множестве других костелов Царства Польского¹²⁰⁷.

Судя по материалам Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел за апрель 1829 г., варшавской коронации также предшествовали массовые награждения католических священнослужителей¹²⁰⁸. Во время пребывания в Царстве император и король демонстрировал подчеркнутое уважение к католицизму и на несколько ином уровне. Находясь в поиске «достойного предшественника на польском

¹²⁰³ Вестник Европы. 1829. № 13. С. 56.

¹²⁰⁴ Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–30). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. Vol. 3. P. 401.

¹²⁰⁵ Кашианова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45.

¹²⁰⁶ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 451.

¹²⁰⁷ AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 138.

¹²⁰⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 2.

престоле»¹²⁰⁹, монарх обратил свое внимание на знаменитого Яна III Собеского — польского короля, известного войнами с Османской империей и победой над турками под Веной в 1683 г. Во время коронации, как уже упоминалось, Николай использовал меч, подаренный Собескому римским папой Иннокентием XI.

Православные коннотации в церемонии были сведены к минимуму. Император отказался от православного молебствия в честь коронации, так как считал его излишним¹²¹⁰ — его венчание на царство как православного монарха состоялось три года назад, и православным сюжетам здесь было не место. Действительно, православные священники в коронации задействованы не были. Мы не можем отрицать их присутствия, поскольку императорская чета несколько раз посещала православную церковь замка. Вместе с тем они совершенно не видны в официальных документах, печатных церемониалах императорского путешествия и коронования. Их не заметили газеты и журналы, опубликовавшие описания действия, причем не только польский «Варшавский курьер», но и российские «Отечественные записки» и «Северная пчела»¹²¹¹. Существенно, что в «слепой зоне» оказались не только православные священнослужители как некая цельная группа — не удастся обнаружить и индивидуальных упоминаний кого-либо из них. Так, благочинный церковей Царства Польского протоиерей Феофил (Новицкий)¹²¹² ни разу не упоминается на страницах официальных описаний церемонии или в рассказах о состоявшихся в последующие дни празднествах. Между прочим, в литературе содержится указание, что во время коронационных торжеств

¹²⁰⁹ Подробнее об этом см. в главе 4.

¹²¹⁰ Кизеветтер А.А. Император Николай I как конституционный монарх. С. 413.

¹²¹¹ Вопрос участия православных иерархов в подготовке церемониала прояснен не до конца. Учитывая статус церемонии, можно предположить, что к обсуждению вопроса могли привлечь митрополита Московского Филарета (Дроздова), однако документальных свидетельств этому (как в архиве Синода, так и в материалах самого митрополита (РГИА. Ф. 832)) найти не удалось. Известно лишь, что весной 1829 г. в момент активной подготовки к церемонии Филарет находился в Северной столице. При этом в конце апреля 1829 г. последовал императорский указ «об увольнении [в мае 1829 г.] синодального члена преосвященного Филарета Митрополита Московского во вверенную ему епархию» с выплатой ему 5 тыс. руб. «на подъем» и «с тем, чтобы он возвратился сюда (в Петербург) по примеру прошлого года» (РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 316. Л. 4).

¹²¹² Сидоров А.А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). С. 25.

протоиерей подавал прошение о необходимости строительства в Варшаве православного собора. Прощение, как принято думать, было утверждено Николаем I, но строительству помешало начало восстания¹²¹³. Материалы подготовки к коронации не содержат никаких указаний ни на поданное прошение, ни на резолюцию императора.

Российские издания, писавшие о николаевской коронации в Варшаве, не стремились к цензурированию информации о конфессиональных основаниях ритуала. Так, «Отечественные записки» рассказали своим читателям о церемонии внесения регалий в костел Св. Яна и последовавшей за коронацией католической службе, на которой присутствовал император¹²¹⁴, а также разъяснили статус примаса, названного здесь «пастырем католического вероисповедания»¹²¹⁵. Схожими были и реакции участников, отмечавших католиков и не видевших православных иерархов во время проведения церемонии¹²¹⁶.

Неверным будет и сопоставление двух упомянутых богослужений — в православной церкви замка перед коронацией и в соборе Св. Яна после нее. Церковь замка представляла собой исключительно небольшое пространство, и появление здесь императора и императрицы, кстати не прописанное в «Церемониале», выглядело как почти частное дело. При этом движение монарха в собор Св. Яна, напротив, было представлено как важнейший элемент коронации: император и король шествовал в сопровождении духовенства и свиты перед многочисленными зрителями, расположившимися на дворцовой площади и на улице, соединяющей замок и собор. Звуковое сопровождение коронации маркировало это движение как ключевую часть действия: 101 пушечный выстрел прозвучал после возложения Николаем I на себя короны и при появлении монарха в соборе¹²¹⁷. А.Х. Бенкендорф ярко

¹²¹³ Там же.

¹²¹⁴ О коронации Его Императорского Величества. С. 430.

¹²¹⁵ Там же. С. 421.

¹²¹⁶ См., например, дневник В.А. Жуковского: *Жуковский В.А. Дневники 1829 г.* С. 308–309.

¹²¹⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6–7.

описал эту часть церемонии: «Войдя в церковь, под сводами которой столько королей приняли свою корону¹²¹⁸, и где столько поколений приветствовали своих государей, поляки должны были почувствовать гордость, наблюдая, как наследник Петра Великого выказывал уважение их вероисповеданию. Католические священнослужители, должно быть, с удивлением молили Господа о защите их православного повелителя»¹²¹⁹.

Забегая вперед, скажем, что после Польского восстания 1830–1831 гг. пересмотру, переоценке и перекодировке подвергались многие детали коронации 1829 г., в том числе и молебн в соборе Св. Яна. Историки зачастую шли вслед за менявшими свое мнение участниками событий, подвергая сомнению даже сам факт молебна. Так, С.М. Фалькович, например, изложила версию обратную произошедшему: по мнению исследовательницы, Николай выражал желание участвовать в торжественном молебне в католическом костеле, однако архиепископ, которого просили трижды, решительно отказался его проводить¹²²⁰.

В сущности, говорить о попытках выстраивания некоего конфессионального баланса в период проведения варшавской коронации не приходится. Речь идет не более чем об отдельных отсылках к православию при тотальном доминировании католического дискурса. В этом смысле в отношении распространения православия в Царстве Польском или даже простого расширения конфессионального пространства для проживавших здесь православных коронация ничего не изменила. Начало пересмотра этих позиций связано с периодом после восстания: православная епископская

¹²¹⁸ Здесь А.Х. Бенкендорф ошибается — главным местом коронации польских королей был Вавельский собор в Кракове.

¹²¹⁹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409–410.

¹²²⁰ Фалькович С.М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407. Столь же причудливыми оказались и некоторые историографические трактовки коронации, призванные дать оценку соотношению православного и католического или – шире – русского и польского элементов, а также реакции на произошедшее императора Николая. Так, в «Истории XIX века» под редакцией Э. Лависс и А.Н. Рамбо, авторы соответствующего параграфа отметили, что во время коронации Николай I был раздражен тем, что «все выглядело по-польски» (История XIX века / под ред. Э. Лависс и А.Н. Рамбо. Т. 3. С. 295).

кафедра была учреждена в Варшаве в 1834 г., а кафедральный собор появился лишь в 1837 г.

Интересно, что в 1829 г. российская сторона предприняла робкую попытку демаргинализировать статус православия в Царстве Польском. Н.Н. Новосильцев, вероятно стремясь воспользоваться организацией торжеств, составил доклад о греко-российской церкви в Царстве Польском¹²²¹. Появлению документа предшествовала «конференция» (переговоры) представителя Синода, протопресвитера московского Успенского собора Якова Дмитриева с польским Министерством духовных дел и народного просвещения. Во время своей поездки Дмитриев «обозрел монастыри и церкви греко-российского вероисповедания, находящиеся в Царстве Польском» и сообщил о своих выводах в Петербург¹²²². В январе 1829 г. император утвердил «Положение о делах Греко-Российской церкви в Царстве Польском, какие из оных подлежат епископскому суду, а какие относятся к ведомству министерства духовных дел»¹²²³. Документ также постановил, что «для ближайшего надзора за надлежащим порядком в церквях и духовенстве быть благочинному, который имеет пребывание в Варшаве при Подавальной Свято-Троицкой церкви»¹²²⁴.

Вместе с тем даже после подписания документа императором Николаем обсуждение вопроса отнюдь не завершилось. В марте 1829 г., то есть в момент, когда дискуссия о деталях коронации была в самом разгаре, великий князь Константин Павлович сообщил императору, что получил замечания относительно «Положения о делах Греко-Российской церкви в Царстве Польском». Министр юстиции и министр финансов Царства Польского уведомили великого князя, что они находят некоторые статьи Положения «не согласованными с существующими в Царстве Польском законами», а значит,

¹²²¹ Из архива Н.Н. Новосильцова // Русский архив. 1908. № 6. С. 182.

¹²²² Там же. С. 183.

¹²²³ Там же. С. 184.

¹²²⁴ Сидоров А.А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). С. 25.

вопрос необходимо пересмотреть¹²²⁵. При этом в документах подписанное императором положение называлось «проектом»¹²²⁶. Константин Павлович был возмущен подобными действиями и расценивал все произошедшее не иначе как саботаж. Он прокомментировал действия министра финансов Друцкого-Любецкого следующим образом: «При личном... со мною объяснении князя Любецкого, старался... коварным образом опровергать существующее постановление... а сие самое доказывает намерение его все здешнее отделять от России»¹²²⁷.

Суть произошедшего можно свести к тому, что польские министры финансов и юстиции попытались оспорить постановление, принятое императором Николаем I. С одной стороны, это показывает, что к моменту коронации в отношении положения православной церкви в Польше не были решены даже базовые вопросы, а с другой — указывает, что, бросая вызов российскому императору, инициаторы пересмотра положения не только ничем не рисковали, но, напротив, обнаруживали, что подобного рода давление воспринимается как возможное, а значит, укреплялись в своем представлении об очень гибких границах дозволенного.

Вопреки ожиданиям Николая I, настаивавшего на светском характере церемонии, избежать религиозных контаминаций не удалось. Император, очевидно, сознательно избегал публичных отсылок к православию, однако иерархи католической церкви выступали в качестве активных участников коронации. Особую роль получил примас — он подавал монарху регалии, а также произнес две молитвы, которые «обрамляли» молитву императора. Присутствие и активная роль примаса создавали у зрителей ощущение, что он хоть и не коронует Николая I, но ведет церемонию.

¹²²⁵ Из архива Н.Н. Новосильцова // Русский архив. 1908. № 6. С. 189–191.

¹²²⁶ Там же. С. 191.

¹²²⁷ Там же. С. 193.

5.3. Для внешнего и внутреннего пользования: манифесты и описания

В Польше о коронации было известно повсеместно: «Варшавский курьер» подробно писал о высочайшем въезде в город, церемонии коронации и последовавших за ней празднествах, в газете активно публиковались и стихи, написанные по случаю «священного дня»¹²²⁸. По городу активно распространялся «Церемониал коронования Николая I королем польским», напечатанный в Варшаве заранее и адресованный жителям Царства и иностранцам, находившимся в это время в городе¹²²⁹.

Иной была ситуация в самой России. Было бы ошибкой полагать, что российские подданные Николая I не имели информации о произошедшем¹²³⁰. Описание коронации на французском и польском языках, судя по всему, широкого хождения в России не имело, но российская пресса также освещала церемонию. О николаевской коронации в Варшаве писали «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Северная пчела» и «Московские ведомости»¹²³¹. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в России современники почти не откликнулись на это событие. В дневниках, письмах и тем более в воспоминаниях этого периода применительно к русско-польским отношениям на первый план выходили либо события, связанные с александровской Конституцией, либо с восстанием 1830–1831 гг. Коронация 1829 г. прошла практически незамеченной. Подобное «невнимание» современников, очевидно, было прямо связано с особенностями представления информации, а именно намеренным смещением акцентов и манипулированием фактами. Именно это обстоятельство, а также отказ от простраивания коммемораций в связи с польской коронацией не

¹²²⁸ Kurjer Warszawski. 1829. № 129.

¹²²⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2–7 об.; AGAD. F. 190. № 93. К. 4–14.

¹²³⁰ В этом отношении сложно согласиться с утверждением Ващенко о том, что власть «всячески ограничивала информацию о Царстве Польском и проводимой там политике (Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). С. 86).

¹²³¹ Сын Отечества. 1829. Т. 3. С. 249, 375; Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; № 54. С. 1; № 58. С. 1–2; № 61. С. 1–2; № 62. С. 5–8; № 63. С. 1–4. Отечественные записки. 1829. Т. 38. С. 418–435; Вестник Европы. 1829. Т. 166. № 10. С. 145–150; Московские ведомости. 1829. № 46. С. 2164–2165.

позволили российским подданным императора обнаружить суть и значение события.

Мы можем проследить механику этого процесса. Прежде всего отметим — о коронации русское общество было проинформировано постфактум. Именной указ «О совершившемся священном короновании Его Императорского Величества на Царство Польское» был объявлен на следующий день после церемонии¹²³². Это обстоятельство позволило некоторым из современников говорить о сокрытии информации о коронации от русских подданных монарха. Так, Ф.В. Булгарин писал в начале мая М.Я. фон Фоку: ««И этот великий подвиг, единственный в истории русской, венчание русского царя в столице Пиястов и Ягеллов, в отечестве Собиеского, сокрыт от России! То, что потомство будет величать и славить выше всякого завоевания, как дело неприличное сокрывается от современников!»¹²³³.

Действительно, такая подача информации шла вразрез с российской традицией: объявление о предстоящей коронации в Москве всегда появлялось задолго до церемонии. По окончании действия следовал, в свою очередь, манифест о свершившейся коронации, в котором традиционно объявлялись многочисленные милости (амнистия для преступников, прощение недоимок и пр.). Период правления Николая I не был в этом отношении исключением. «Манифест о Священном Миропомазании и Короновании Его Императорского Величества, имеющих совершиться в июне месяце» был объявлен 21 апреля 1826 г.¹²³⁴, то есть за два месяца до самой церемонии¹²³⁵. В день помазания на царство появился «О совершении священного Коронования Его Императорского Величества, и о дарованных по сему случаю милостях и облегчениях разным состояниям»¹²³⁶.

¹²³² ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322.

¹²³³ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. С. 368.

¹²³⁴ Там же. Т. 1. № 274. С. 388.

¹²³⁵ Коронация была перенесена на 22 августа 1826 г. из-за траура по скончавшейся императрице Елизавете Алексеевне.

¹²³⁶ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 540. С. 891.

Сопоставление манифеста о короновании Николая I в Польше в 1829 г. с документами, оформлявшими его вступление на престол в Российской империи тремя годами ранее, позволяет увидеть и существенную разницу в содержательном отношении. Приведем здесь все три манифеста.

Манифест о Священном Миропомазании и Короновании
Его Императорского Величества,
имеющих совершиться в июне месяце. 21 апреля 1826 г.

Объявляем всем Нашим верным подданным. Со восшествием на Престол Наш Прародительский, восприяв бремя, от Бога на Нас возложенное, и во всемогущей Его силе и милосердии ища помощи и укрепления, положили Мы, по примеру благочестивых Государей, Предков наших, принять Священное Миропомазание и возложить на Себя Корону, приобщив сему Священному действию и Вселюбезнейшую Нашу Супругу Государыню Императрицу Александру Федоровну.

Предвозвещая о сем происшествии, имеющем с помощью Божиею совершиться в Престольном Нашем Граде Москве сего 1826 года в Июне месяце, Мы призываем верных наших подданных соединить с нами молитвы их ко Всевышнему, да благодать Его святая, со священным сим елеем изливается на нас и на Царство наше, да будет сие таинственное действие знамением и залогом благодати Его к нам и печатием любви, соединяющей нас с верными нашими подданными, коих счастье признаем мы единою целию наших мыслей, исполнением желаний, наградою трудов, верховною нашею обязанностию перед Царем Царствующих. Дан в Санкт-Петербурге Апреля 21 дня, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот двадцать шестое, Царствования же нашего в первое¹²³⁷.

¹²³⁷ Там же. № 274. С. 388.

О совершении священного Коронования Его Императорского
Величества,
и о дарованных по сему случаю милостях и облегчениях разным
состояниям.

22 августа 1826 г.

При помощи Всевышнего, при усердных мольбах верных Наших подданных, по примеру Благочестивых Государей, Предков Наших, по обряду Святыя Православныя Нашея Церкви, совершив в сей день Священное Коронование и восприяв Святое Миропомазание, положили Мы ознаменовать сие событие милостями и облегчениями в нижеследующих статьях изображенными...¹²³⁸

О совершившемся священном короновании
Его Императорского Величества на Царство Польское. 13 мая 1829 г.

Именной, данный Санкт-Петербургскому Военному Генерал-Губернатору.

Согласно с волею незабвенного Брата Нашего, блаженные и вечныя славы достойного Императора Александра, Мы, сего 1829 года Мая 12 в Нашем столичном городе Царства Польского Варшаве, короновали Себя Царем Польским, возложив на главу Свою Прародительскую Нашу Императорскую Всероссийскую корону. Повелеваем вам известить жителей столичного города Санкт-Петербурга о сем торжественном действии, коим на все времена определено и утверждено бытие Царства Польского навсегда нераздельным с Империею Российской¹²³⁹.

¹²³⁸ Далее следовало перечисление милостей: прощение находящихся под следствием и судом, списание недоимок, штрафов и взысканий и т. д. (Там же. № 540. С. 891–896).

¹²³⁹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322.

Анализ документов демонстрирует разницу в восприятии статуса церемоний. Описание варшавской коронации было предсказуемо лишено религиозного уровня осмысления — она названа «священной» (слово в манифесте написано с использованием строчной буквы) лишь однажды, притом что события трехлетней давности названы «Священным Миропомазанием и Коронованием» и «Священным действием» (фигурируют заглавные буквы). Польская коронация оказывается явлена не велением бога, как это было в Москве («восприяв бремя, от Бога на Нас возложенное»), а по указанию императора Александра I («согласно с волею незабвенного Брата Нашего»). Из «польского» манифеста исчезает Миропомазание: если в Москве император «принял Священное Миропомазание и возложил на Себя Корону», то в Варшаве состоялась лишь вторая часть действия. В манифесте о польской церемонии не упоминались ни православная, ни католическая церкви. Согласно тексту манифестов, коронация 1826 г. произошла в «Престольном Граде Москве», тогда как варшавская — в «столичном городе Царства Польского Варшаве».

С точки зрения отсылки к исторической традиции варшавская коронация позиционировалась двойственно. В манифесте, распространенном в Российской империи, нет и намека на попытку встроить Николая I в сложившуюся традицию польских коронаций или поставить его в ряд с польскими королями. Этот уровень существовал, как будет показано далее, исключительно для Польши. В России он оказывался не только бессмысленным, но и неприемлемым: Николай I должен был следовать лишь одной — русской — коронационной традиции. Однако и стремления вписать польскую церемонию в русскую традицию мы здесь тоже не обнаруживаем. В документе нет ни намека на основания, о которых сообщает манифест о московской коронации 1826 г.: «Восшествием на Престол Наш Прародительский... по примеру благочестивых Государей, Предков наших». Из варшавского текста исчезает и императрица, которая присутствовала в манифесте о будущей московской коронации.

Вместе с тем нельзя не отметить фразу о том, что во время коронации в Варшаве Николай I возложил «на главу свою Прародительскую Нашу Императорскую Всероссийскую корону». Вероятно, в этом случае важно было не допустить складывания в обществе впечатления, что Николай короновался неким польским венцом. С другой стороны — и это более существенный момент, — необходимо было указать на некое единое поле власти в России и Царстве Польском.

В манифесте, опубликованном в России, коронация 1829 г. была описана как некое значимое, но уникальное, имея в виду не вписанное в традицию повторения, событие: церемония была названа «торжественным действием», «коим на все времена определено и утверждено бытие Царства Польского навсегда нераздельным с Империею Российскою». Показательно и то, что, в отличие от манифеста о московской коронации, адресованного «всем подданным», известие о свершившейся польской коронации получили лишь петербуржцы и москвичи¹²⁴⁰. Манифест 13 мая 1829 г. был дан санкт-петербургскому военному генерал-губернатору¹²⁴¹, аналогичный документ получил и московский военный генерал-губернатор Д.В. Голицын¹²⁴².

Как уже отмечалось, манифест о польской церемонии не содержал перечисление милостей, дарованных монархом. Для сравнения отметим, что в манифесте «О совершении священного Коронования» в Москве описание подобного рода, вполне в духе традиции, было развернутым и занимало несколько страниц. О милостях в Польше коротко сообщили впоследствии «Московские ведомости»¹²⁴³, но на уровне прямой декларации позиции такого рода были опущены.

¹²⁴⁰ Указы надлежало публиковать, что было установлено еще петровским законодательством и предполагало публикацию типографским способом или публичное чтение в церквях (*Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. М.: РГГУ, 2004. С. 353).

¹²⁴¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322.

¹²⁴² *Пятницкий П.П.* Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 60; *Московские ведомости.* 1829. № 42. С. 1971.

¹²⁴³ «Московские ведомости» писали следующее: «Незабвенный день Коронования Августейшего Государя Императора Нашего ознаменован следующими Высокомонаршими милостями: разным, к смертной казни

В целом правительство стремилось представить варшавскую коронацию культурной церемонией, которая символически подчеркивала присоединение Царства Польского, но не представляла собой сакральное действо, сопоставимое с московским. Манифест о варшавских событиях был во всех смыслах «легким» не только потому, что в нем не было упоминания «бремени власти», но и потому, что все произошедшее он объяснял исходя из двух аргументов — александровского повеления (тогда как в Москве речь шла об обязанности «перед Царем Царствующим») и декларируемой необходимости «навечно закрепить» вхождение Царства Польского в состав империи.

Эта на первый взгляд простая формула внутри короткого текста, впрочем, была найдена не сразу. Черновики будущего манифеста показывают, что первоначально предлагаемые установки были достаточно разноплановыми. Сохранились по крайней мере три версии будущего «Манифеста о совершившейся польской коронации» от 13 (25) мая 1829 г. Автором итогового коронационного манифеста мог быть В.А. Жуковский, в дневниках которого есть указание, что он провел вечер 12 (24) мая за «сочинением манифеста»¹²⁴⁴. Можно предположить, что черновики также принадлежали ему.

Согласно этим материалам, автор текстов предлагал первоначально включить в манифест достаточно большой пассаж, объясняющий церемонию в Варшаве. В окончательной версии манифеста от него было решено отказаться. Черновые варианты демонстрируют интенсивный поиск объяснительной модели и сложность, если не невозможность, ее обретения. В самом пространном тексте, который не имеет точного адресата, помимо упоминаний заветов Александра I и предписаний, зафиксированных в польской конституции, содержались следующие указания: «Мы уповаем, что старшие дети наши, верные россияне принесут за нас мольбы ко всевышнему,

приговоренным лицам — дарована жизнь; многим под стражей содержавшимся убавлен срок их заключения, и разные недоимки Всемилостивейше сложены» (Московские ведомости. 1829. № 46. С. 2165).

¹²⁴⁴ Жуковский В.А. Дневники 1829 г. С. 308.

да подаст он Нам силы устроить во благо судьбу *и другого народа им соплеменного как они вверенного нам промыслом Божиим... как они достойного нашей любви и счастья*»¹²⁴⁵. При помощи разных нарративных структур этот вариант текста уравнивал два народа — русских и поляков. Они оказывались равны, поскольку были вверены императору богом и одинаково достойны любви и счастья. При этом император намеревался устроить судьбу польского народа «во благо». Здесь, впрочем, была задана иерархия, поскольку россияне именовались «старшими детьми». Интересно, что точек сборки этой новой структуры было сразу несколько — воля бога, persona самого Николая I (а прежде Александра I), на которого была возложена отеческая власть над теми и другими, требования польской конституции, а также «соплеменность» обоих народов и осмысленное вполне в духе философии Просвещения равное право всех на любовь и счастье¹²⁴⁶. Иными словами, согласно этому тексту, император короновался вторично в католической Польше по множеству причин. Количество, впрочем, было здесь компенсаторным — и суть церемонии, и основания, по которым она совершалась, ускользали от понимания. Ведь в этом варианте манифест не давал единого четкого ответа на вопрос, что и почему Николай делал в Польше.

Другой черновик, адресованный на сей раз петербуржцам, объяснял все произошедшее схожим образом. Центральным здесь было указание на братство обоих народов, их принадлежность одной славянской семье и одному престолу: «...мы запечатлели братский союз между племенными народами, коих счастье вверенное Нам Провидением, тем будет неколебимее, чем тверже укоренится между ими единодушие в любви к престолу, родственное согласие и уважение взаимное»¹²⁴⁷.

¹²⁴⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5311. Л. 4 об.

¹²⁴⁶ Там же. Л. 4–4 об.

¹²⁴⁷ Там же. Л. 3.

Архивные материалы показывают, что при формулировании положений манифеста В.А. Жуковскому было сложнее всего объясняться с москвичами, помнившими польские легионы на полях Бородино и в горящей Москве. В черновике манифеста, адресованного московскому военному генерал-губернатору, помимо утверждения, что коронация есть знак объединения «Царства Польского с Империею Российскою навсегда», поэт предложил жителям древней столицы молитву, которой не было в петербургском тексте и которая отсылала к московским коронационным манифестам: «Мы уповаем, что верноподданные Наши принесут за нас мольбы ко всевышнему, да подаст он Нам силы устроить во благо общее, судьбу и другого народа им соплеменного и промыслом Божиим Нам вверенного»¹²⁴⁸. Примечательно, что он не решился говорить москвичам о равенстве с поляками, отметив только, что последние были еще одним народом, которого бог доверил Николаю, и повторив, очевидно, самый устойчивый элемент этой интеллектуальной конструкции — трактовку о «соплеменности».

В целом, как видно из архивных материалов, работа над манифестом о свершившейся в Варшаве коронации шла по двум линиям — написанию одной версии для Москвы, а другой — для Санкт-Петербурга. При этом Северной столице, с ее космополитичной элитой, ориентированной на Европу, объяснить произошедшее оказывалось намного легче, чем древней православной столице, соотнесенной в дискурсе власти с легитимностью. В итоговом манифесте, адресованном жителям обеих столиц, поэт предпочел отказаться от развернутой объяснительной части и зафиксировал лишь, что действо знаменовало собой «нераздельность» Российской империи и Царства Польского. Найти точную и удовлетворявшую всех трактовку произошедшего не получилось.

Интересную картину представляют и описания коронации в российской прессе. Каждое из освещавших ее изданий — «Московские новости», «Сын

¹²⁴⁸ Там же. Л. 2.

Отечества», «Вестник Европы» и «Отечественные записки» — предсказуемо выбрало свою стратегию. Так, «Московские ведомости» опубликовали манифест, данный на имя петербургского военного генерал-губернатора, и статью «Из партикулярного письма из Варшавы, от 26-го Мая»¹²⁴⁹. Содержание материала показывает, что редакторы газеты постарались держаться позиции, предлагаемой манифестом. Опустив, что примечательно, факт возложения Николаем I на себя короны, автор материала сосредоточил свое внимание на приеме, который поляки оказали императорской чете («пламенный восторг»). Здесь также появился рассказ о шествии в собор Св. Яна (названный собором Св. Иоанна и не маркированный как католический), где, как сообщало издание, «было воспето: Тебе Бога хвалим...», а также гимн «Боже спаси Царя». При этом автор сосредоточился на перечислении наград, полученных по случаю церемонии польскими и российскими чиновниками и военными¹²⁵⁰. Очевидно, «Московские ведомости» испытывали затруднение с передачей информации, касающейся варшавского действия. Издание даже предприняло попытку сместить внимание читателей с императора на других участников события, прежде всего наследника¹²⁵¹.

«Вестник Европы» трактовал коронацию в рамках своего рода культурного взаимодействия. Показательно, что заметка о произошедшем называлась «Варшава и дворец царский». Действо, упоминавшееся коротко и не получившее никакого описания, оценивалось как «напоминание» о великодушии Александра I¹²⁵². Спустя два месяца издание опубликовало молитвы, произнесенные во время коронации примасом¹²⁵³. В этом материале Николай I сравнивался с царем Давидом, который был «посвященным в цари народу Израильскому», и провозглашался наследником Александра I¹²⁵⁴.

¹²⁴⁹ Московские ведомости. 1829. № 46. С. 2164–2165.

¹²⁵⁰ Там же. С. 2165.

¹²⁵¹ Там же. С. 2164–2165.

¹²⁵² Вестник Европы. 1829. Т. 166. № 10. С. 145–150.

¹²⁵³ Там же. № 13. С. 53–57.

¹²⁵⁴ Там же. С. 53–54.

Несколько детальнее события освещались на страницах ориентированной на официальную повестку дня «Северной пчелы». Здесь появились подробное описание путешествия императорской четы из Петербурга в Варшаву, перевод церемониала и рассказы о торжествах, которые прошли в столице Царства Польского¹²⁵⁵. Издание уделило некоторое внимание и православному контексту, опубликовав информацию, что сразу после въезда в Варшаву «Их Императорские Величества изволили отправиться, с процессиею, в Греко-Российскую церковь, в коей приносимо было Господу Богу молебствие»¹²⁵⁶. Кроме того, в № 63 «Северной пчелы» появился «Отрывок письма из Варшавы», в котором некий наблюдатель описывал как церемонию, так и собственные впечатления от нее¹²⁵⁷. Концовка опубликованного текста должна была передать официальный взгляд на происходящее: «День сей останется незабвенным в летописях Польши. Им окончательно утверждено бытие и на все времена определены границы Польского Царства. Сим торжественным Коронованием запечатлен неразрывный союз двух соплеменных народов: корона России на главе Польского Царя есть символ благотворного соединения: она знаменует, что два народа, разные именем, составляют одно семейство под сению одной отеческой власти»¹²⁵⁸.

Иначе действовали «Отечественные записки», которые освещали варшавские события подробнее других российских изданий. Описание коронации здесь было передано от лица «свидетеля», который, впрочем, в основном пересказывал на русском языке франко-польский «Церемониал коронования», включая часть с вынесением регалий и произнесением

¹²⁵⁵ Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; № 54. С. 1; Прибавление к № 57; № 58. С. 1–2; № 61. С. 1–2; № 62. С. 5–8; № 63. С. 1–4.

¹²⁵⁶ Северная пчела. 1829. № 58. С. 2.

¹²⁵⁷ Там же. № 63. С. 3–4.

¹²⁵⁸ Там же. С. 4. Этот пассаж, принадлежавший перу В.А. Жуковского, сохранился также среди писем А.Х. Бенкендорфа (Жуковский В.А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. С. 461–463; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 9 об.).

Николаем молитвы¹²⁵⁹. Исключение составил рассказ о череде варшавских празднований в честь коронации — балах, оперном представлении и, особенно, о народном гулянье. Этот сегмент текста явно представлял собой оригинальное описание, сделанное, по-видимому, свидетелем события¹²⁶⁰. Можно предположить, что его автором был П.П. Свиньин, составивший в стиле «официального сентиментализма»¹²⁶¹ описание московской коронации Николая I, изданное в этом же журнале в 1826 г.

«Отечественные записки» повествовали о произошедшем событии как о ярком эпизоде проявления лояльности российскому монарху. Упоминания о том, что «народ всегда с восторгом встречал» монаршую чету и наследника¹²⁶², перемежались более пространными описаниями выражения народных чувств, например: «Наконец настал желанный день. 12 мая еще чуть светало, как жители столицы, умноженные великим числом Поляков и чужестранцев, приехавших в Варшаву для того, чтобы иметь счастье быть свидетелями сего исторического события, начали собираться в улицах, прилежащих ко Дворцу»¹²⁶³. Эпизод с коронационным шествием в собор Св. Яна был описан не менее выразительно: «И я собственными глазами видел, как, в восторге Патриотизма, добрые Поляки по окончании коронации кинулись на алое сукно, до коего касались стопы Помазанника и Его Августейшей Супруги, и старались получить хотя малейший лоскуток оногo, дабы принести в семейства свои и хранить там свидетельством сего счастливого события»¹²⁶⁴. При этом автор текста подчеркнуто именовал корону «Российскою» и избегал частого использования слова «Сенат». Именно поэтому зал Сената, где прошла коронация, в русском тексте превратился в «залу коронования».

¹²⁵⁹ См. Приложения. «Отечественные записки» стремились также сделать рассказ о коронации более антропологичным: если при описании лиц, выносивших регалии, «Церемониал» оперировал лишь чинами, «Описание» называло всех поименно.

¹²⁶⁰ О коронации Его Императорского Величества. С. 431–433.

¹²⁶¹ Термин Р. Уортмана (*Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 372).

¹²⁶² О коронации Его Императорского Величества. С. 419.

¹²⁶³ Там же. С. 420.

¹²⁶⁴ Этот эпизод подтверждается и другими источниками. См., например: *Львов А.Ф.* Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242.

Коронация в трактовке журнала являла собой «священный символ соединения навеки неразрывным узлом дружбы» двух народов, названных «соплеменными»¹²⁶⁵. Здесь же появлялись и категории патерналистического порядка. Описывая кульминацию церемонии, молитву Николая I, автор текста сообщал: «После сей молитвы, читанной *Царем с чувством чадолюбивого отца, дающего торжественный обет Богу любить Своих детей*, судьба коих вложена Провидением в Его Десницу, Его Величество встал, а все присутствующие преклонили колена, и картина сия была истинно величественна»¹²⁶⁶. Николай, названный здесь царем, представал в образе отца, а поляки — его детей, что соответствовало классическим и абсолютно узнаваемым трактовкам, использовавшимся для позиционирования власти в империи. Столь же узнаваемой для российского читателя была и апелляция к категориям «восторг» и «умиление», активно использовавшимся в российской политической риторике того времени. По справедливому утверждению Р. Уортмана, при помощи отсылок к этим категориям, взятым из религиозного лексикона, «скреплялось сентименталистское таинство, возвышавшее отношения правителя и подданных до уровня духовной связи, сопровождавшейся экзальтацией и рыданиями. С их помощью создавалась видимость личного участия в условиях монархического правления»¹²⁶⁷.

Исключительное значение в «Отечественных записках» было отведено организованному на поле близ Уяздова народному празднику. Последний был представлен читателю как значимый, если не ключевой элемент действа. В отличие от официального франко-польского «Церемониала», где народные торжества оказались в части неструктурированного материала («На протяжении... трех дней весь город будет ярко освещен. В назначенные дни будут... проходить: бесплатные спектакли, угощения и развлечения для

¹²⁶⁵ О коронации Его Императорского Величества. С. 435.

¹²⁶⁶ Там же. С. 429.

¹²⁶⁷ Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. P. 47.

населения»¹²⁶⁸), «Отечественные записки» описали праздник пространно и детализированно.

«Увеселения для народа» в Уяздове действительно представляли собой грандиозное зрелище, собравшее около 80 тыс. зрителей¹²⁶⁹. Действо было хорошо описано современниками и нашло отражение в нескольких популярных впоследствии изображениях¹²⁷⁰. Польские авторы писали о празднике кратко, но выразительно¹²⁷¹: по словам одного из них, народные гулянья походили на «настоящий венецианский карнавал»¹²⁷².

Посреди поля была сооружена ротонда, купол которой помещался на 16 столбах коринфского ордера, а на куполе был установлен Белый Орел с распростертыми крыльями, украшенный гирляндами¹²⁷³. На поле были также построены расположенные амфитеатром галереи, куда пускали публику «по билетам» и где расставили столы с едой, окруженные фонтанами с красным и белым вином¹²⁷⁴. Здесь же были организованы увеселения — карусели, места для гимнастических игр и борьбы, танцоров и канатоходцев¹²⁷⁵. Под приветственные крики толпы император, императрица, наследник, а также великие князья Константин и Михаил в сопровождении свиты проехали по полю несколько раз и разместились в ротонде.

Вполне в духе заданного московским описанием стандарта автор «Отечественных записок» сообщал о реакции народа на присутствие Николая и Александры на Уяздовском поле: «...народ встречал их с восторгом, приветствовал восклицаниями», а «насытив себя... зрелищами, все окружили столы, на коих яства предложены были веселящемуся народу рукою Царскою.

¹²⁶⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 7–7 об.

¹²⁶⁹ *Львов А. Ф.* Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242–243.

¹²⁷⁰ *Milewska W.* Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku — miejsce niedoszłego zamachu na cara. S. 175–183; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

¹²⁷¹ *Krasiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 424–425; *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 320.

¹²⁷² *Krasiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 425.

¹²⁷³ О коронации Его Императорского Величества. С. 432.

¹²⁷⁴ Там же. С. 432–433.

¹²⁷⁵ Там же.

За этими бесконечно длинными столами, покрытыми белыми скатертями, уставленными множеством блюд, между коими, по нежному вниманию, представлены были и *национальные яства народа Польского*, окруженными фонтанами, бившими разноцветными винами, пировали граждане, уже носящие в душе своей любовь, благоговение и преданность к Николаю и Его Августейшему Дому»¹²⁷⁶.

Значение, которое автор уделял празднику, неслучайно. Реализуя свой «сценарий» в Российской империи, Николай I активно апеллировал к национальным сюжетам и народности. Во время коронации в Москве он первым совершил ставший потом традиционным поклон с Красного крыльца — трижды (по разу в каждую сторону) — перед собравшимися на Соборной площади Московского Кремля. По мнению Р. Уортмана, предметно исследовавшего этот сюжет, таким образом император «включал народ в церемонии дня коронации и в то же время по-новому определял значение “любви” во взаимоотношениях престола и народа. Служа признанием принципа народного суверенитета, он в то же время нейтрализовывал его, превращая церемониальное одобрение в выражение воли народа»¹²⁷⁷. Рассуждения историка, на наш взгляд, равным образом точно определяют и суть варшавского праздника в Уяздове, ставшего «повторением» московского действия с его презентацией народной любви и конструированием одобрения.

На первый взгляд, «Отечественные записки» не пытались скрыть значимость католического элемента в коронационном ритуале: текст отметил как церемониал внесения регалий в собор Св. Яна¹²⁷⁸, так и последовавшее позднее шествие короля, королевы и всех участников коронации в тот же костел для молебна¹²⁷⁹, а примас представал в нем как активный участник действия¹²⁸⁰. Однако описание стремилось представить по мере возможности

¹²⁷⁶ Там же.

¹²⁷⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 384–385.

¹²⁷⁸ О коронации Его Императорского Величества. С. 421.

¹²⁷⁹ Там же. С. 430.

¹²⁸⁰ Там же. С. 421, 427.

православный контекст и уменьшить доминирование католических коннотаций. По сути, речь шла о зеркальном отражении позиций франко-польского текста, где, напротив, в «мертвой зоне» оказывались отсылки к православию как религии, которую исповедовал новый польский король. «Отечественные записки» посчитали необходимым указать, что прямо перед коронацией императорская чета слушала «Греко-российскую обедню»¹²⁸¹, а рассказ о переносе регалий в собор не включал в себя их благословение примасом. Из текста был также удален зафиксированный в франко-польском «Церемониале» въезд Николая I в Варшаву¹²⁸², что позволило не упоминать благословение Николая католическими священниками и примасом. Такое построение текста имело целью снижение значимости церемонии, ведь коронационный въезд — аллюзия на въезд Христа в Иерусалим — был неотъемлемой частью русской коронационной традиции. Отсутствие этого необходимого ритуального элемента меняло сам статус церемонии в глазах русских читателей. Опуская упоминание коронационного въезда в город, автор «Отечественных записок» решал и еще одну очень важную задачу — избавлялся от необходимости упоминать Прагу, пригород Варшавы, со стороны которой Николай I и свита российского императора въехали в город. Прага вполне могла запустить у русского читателя комплекс ассоциаций, которые правительство стремилось избежать: стремительный штурм Праги А.В. Суворовым в 1794 г., заставивший капитулировать повстанцев Костюшко, и предшествовавшая этим событиям еще памятная современникам «Варшавская заутреня», когда в городе во время богослужения по случаю Пасхи был вырезан русский гарнизон. Между прочим, свидетелем произошедшего стала шотландская няня будущего императора Николая, оказавшаяся в Варшаве в 1794 г.¹²⁸³ «Варшавская заутреня» достаточно быстро

¹²⁸¹ Там же. С. 424.

¹²⁸² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2–3.

¹²⁸³ Мисс Лайон сопровождала жену драгунского полковника Чичерина с двумя детьми в Варшаву, где последняя планировала встретиться с мужем. Женщины и дети оказались свидетелями Варшавской заутрени и несколько месяцев находились в плену (*Щербакова Е.* Нянюшкины сказки. С. 25–26; Рассказ Евгении Вечесловой о Варшавской резне 1794 г. // Русский архив. 1897. № 2. С. 330–332).

оказалась в категории табуированных событий, однако описание случившегося нашло свое отражение в карамзинском «Историческом похвальном слове Екатерине II», написанном в самом начале XIX столетия. В этом тексте произошедшее было названо «коварным злодейством», а поляки — «слабодушными убийцами». При этом Н.М. Карамзин прямо связывал все произошедшее с концом польской государственности: «Варшава напомнила ужасы Сицилианские!.. Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ее бросила в урну сей недостойной Республики жребий уничтожения, и Суворов, подобно Ангелу грозному, обнажил меч истребления; пошел — и вождь мятежников спасается от смерти пленом; и Прага, крепкая их отчаянием, дымится в своих развалинах — и Варшава падает к стопам Екатерины. Совершилось!.. Польши нет; но мятежные и несчастные жители ее, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державою трех союзных Государств. Республика без добродетели и геройской любви к отечеству есть неодушевленный труп»¹²⁸⁴. Образы такого ряда, конечно, прямо подрывали идею братства «соплеменных народов».

Для российской прессы существенную проблему представлял также вопрос о презентации действий императора Николая при произнесении клятвы-молитвы. В официальном «Церемониале» отмечалось, что перед молитвой российский император *преклонил колени (se met à genoux)* перед распятием, стоящим в центре зала¹²⁸⁵. Это же зафиксировали и польские источники¹²⁸⁶. «Отечественные записки» трактовали эту часть действия иначе: «Император *«преклонил колено* и громким голосом прочел... молитву»¹²⁸⁷. «Северная пчела» также сообщала своим читателям, что перед произнесением молитвы «монарх России и Польши *преклонил колено* перед невидимо присутствующим Богом»¹²⁸⁸. Аналогичные трактовки содержатся и в

¹²⁸⁴ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II. С. 40–41.

¹²⁸⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6 об.

¹²⁸⁶ Kołaczkowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczowskiego. Ks. III. S. 123; Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.

¹²⁸⁷ О коронации Его Императорского Величества. С. 428.

¹²⁸⁸ Северная пчела. 1829. № 63. С. 3.

материалах А.Х. Бенкендорфа¹²⁸⁹, при этом последний замечает, что при виде императора в короне все присутствующие в зале «пали на колени»¹²⁹⁰.

В действительности сложно сказать, встал ли император и король на колено или на колени: в источниках можно обнаружить оба варианта. Пожалуй, единственное, что подтверждает первую версию, — приписка о числе подушек, отправленных в Варшаву. Как следует из сопроводительных документов, для церемонии были «приготовлены восемь подушек, покрытых темно-красным (малиновым) бархатом, окаймленных галунами и золотыми кистями, для коронационных регалий, и девятая, на которой расположится Ее Величество Императрица и Королева в тот момент, когда Император и Король передаст ей цепь ордена Белого Орла»¹²⁹¹. Едва ли в случае, если Николай опускался на колени, для него не была бы приготовлена отдельная подушка.

По сути, у читателя публикаций на польском и/или французском языках появлялся образ императора, стоящего на коленях и обращающегося к богу; в русских же текстах Николай I представал скорее рыцарем, опустившимся на одно колено и вызвавшим у участников действия восторженные чувства.

В целом, очевидно, что информация о проведенной церемонии распространялась в Царстве Польском и Российской империи в рамках независимых друг от друга установок. Николай I продолжил нормативную при Александре I практику раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского. В России описание церемонии – как в рамках официального манифеста, так и в прессе – было сопряжено с намеренным смещением акцентов с целью не допустить понимания того, что события, разворачивавшиеся в столице Царства Польского, прямо апеллировали к польской культурно-исторической традиции.

¹²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8 об. Польские источники личного происхождения, напротив, свидетельствуют о том, что Николай опустился на оба колена (*Kołaczkowski K. Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego. Ks. III. S. 112*).

¹²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 9.

¹²⁹¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.

Разность трактовок, которые коронация получила в прессе Царства Польского и Российской империи, привела в итоге к тому, что читатель подобных текстов — безотносительно того, находился ли он в Варшаве или, например, в Москве, — интерпретировал варшавскую церемонию в более или менее привычном для себя смысле, имея в виду те или иные исторические и религиозные установки.

5.4. Исторические нарративы варшавской коронации

Хотя манифест о коронации, адресованный русскому читателю, содержал указания на некоторую связь с российской традицией, в действительности события, разворачивавшиеся в столице Царства Польского, выстраивались авторами действия (и в первую очередь — императором Николаем) как прямо апеллирующие к традиции польской. Фактически во время коронации Николай I стремился встать в ряд с польскими королями прежних эпох. Речь при этом идет не только о шагах практических, таких как выделение средств на реставрацию главного символа власти польских королей — Вавельского замка в Кракове¹²⁹². Император подошел к делу со всей серьезностью и выстроил целую систему, которая должна была отсылать к конкретным фигурам и событиям.

По какому принципу Николай I выбирал своих «достойных предшественников» на польском престоле? Имела ли для него значение их политика в отношении России, руководствовался ли он стремлением связать себя с союзником империи? В этом случае взгляд монарха мог пасть на польского короля Станислава Августа Понятовского — известного фаворита Екатерины II. Станислав Август был фигурой относительно недавнего прошлого (скончался в 1798 г.), поэтому Николай был осведомлен о нем даже по рассказам современников.

¹²⁹² *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. // Военский К. Император Николай и Польша в 1830 г.: Материалы для истории Польского восстания 1830–1831 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1905. С. 44.

Как известно, последние месяцы своей жизни после отречения от польского трона Станислав Август прожил в Петербурге. Современники, наблюдавшие его в это время, неизменно именовали его «злополучным изгнанником»¹²⁹³, «несчастливым королем»¹²⁹⁴, а место его последнего пребывания — Мраморный дворец в Санкт-Петербурге — «могильным дворцом»¹²⁹⁵. А. Чарторыйский в своих «Мемуарах» описывал реакцию поляков на встречу со Станиславом Августом в Москве во время коронации Павла I в 1797 г.: «Они (поляки. — *Прим. авт.*) видели своего низложенного короля, грустно сидящего на трибуне, и проходили мимо него, чтобы на коленях принести присягу чужеземному государю, властелину их отечества... На них лежал отпечаток смущения, страха, чего-то вроде упадка моральной силы, чувства унижения, испытываемого ими, благодаря необходимости присутствовать при этом торжестве»¹²⁹⁶. Много писали и о неприятном эпизоде, произошедшем, судя по всему, во время все той же московской коронации¹²⁹⁷. Станислав Август, участвовавший в церемонии, вынужден был стоять во время продолжительных церковных служб. Забывшись или почувствовав усталость, бывший польский король позволил себе присесть и немедленно получил приказ подняться от императора Павла I¹²⁹⁸. Частые апелляции современников к этому случаю были связаны с тем, что последний показывал отрекшегося от власти, стареющего и, конечно, переживающего личную драму Станислава Августа в оскорбительной для него роли человека подначального.

¹²⁹³ Кудрявцева С. Краткие выписки моей жизни. Записки Софии Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского // Русская старина. 1872. Т. 35. С. 119–130.

¹²⁹⁴ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 149.

¹²⁹⁵ Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 591.

¹²⁹⁶ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 133.

¹²⁹⁷ В описании С. Моравского эта сцена была перенесена в театр (Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. С. 591).

¹²⁹⁸ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 132–133; Виже-Лебрен Э. Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.). С. 90.

Вместе с тем в практическом отношении положение Станислава Августа при петербургском дворе было исключительным. Его приезд в Петербург в 1797 г. сопровождался церемониальным въездом в город, а император Павел устроил в его честь официальный прием, а при дворе был снят траур по недавно скончавшейся Екатерине II¹²⁹⁹. Зримым символом высокого статуса короля в Петербурге стал выбор места его проживания: Станиславу Августу был отведен Мраморный дворец, построенный Екатериной II для графа Г.Г. Орлова. Располагавшийся в центре столицы, дворец находился в непосредственной близости как от главной монаршей резиденции страны — Зимнего дворца, так и от строящегося Михайловского замка Павла I. Не менее достойно отрекшегося польского короля принимали в Москве во время упоминавшейся коронации Павла I: московскому главнокомандующему действительному тайному советнику М.М. Измайлову было приказано освободить для размещения Станислава Августа свой дом. 2 марта 1797 г. он сообщал императору: «Всемиловейший государь! Вашего императорского величества указ о чищении и приготовлении дома, в котором я живу, для пребывания Его величества короля Польского я имел счастье получить и высочайшее повеленное все исполнить со всею поспешностию»¹³⁰⁰.

Скончавшийся через год после приезда в Петербург Понятовский был похоронен со всей возможной пышностью. В опустевшем Мраморном дворце была устроена «печальная зала» (*castrum doloris*). Тело короля с возложенной на него сверху горностаевой мантией с гербами было размещено на поднятом на несколько ступеней помосте под балдахином, который источники прямо называют «троном»¹³⁰¹. Здесь же были установлены «две короны: одна золотая, возложенная на короля, а другая серебряная и вызолоченная»¹³⁰².

В костеле Св. Екатерины на Невском проспекте, в крипте которого долгое время покоились останки короля, был также устроен катафалк —

¹²⁹⁹ РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Доп. Д. 4. Л. 1–4.

¹³⁰⁰ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 57851. Л. 1.

¹³⁰¹ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

¹³⁰² Там же. Л. 2–2 об., 13.

помост с балдахином между обелисками, на каждом из которых, в свою очередь, был изображен герб Польши и монограмма SAR (Stanislaus Augustus Rex)¹³⁰³. К оформлению обоих помещений был привлечен архитектор В. Бренна, которому часто поручались проекты траурного убранства¹³⁰⁴.

Устроение и убранство в Мраморном дворце *castrum doloris* и катафалка в церкви обошлось казне в 24 785 руб. Общая стоимость похорон составила почти 52 500 руб.¹³⁰⁵ Правительству пришлось также решать вопрос о возмещении католической церкви Св. Екатерины ежегодного дохода, получаемого от церковного погребя, который оказался занят «каменной постройкою, где положено тело Его Величества короля Польского»¹³⁰⁶.

Статус церемонии был чрезвычайно высок. Как убедительно показывает О.Г. Агеева, в ряде случаев в XVIII в. похороны собственно членов августейшей фамилии могли быть значительно менее репрезентативными¹³⁰⁷. Показательно использование в ритуале государственных регалий, в частности двух упомянутых выше корон¹³⁰⁸. Архивные документы свидетельствуют, что одна из корон, использовавшихся в церемонии, после похорон была отправлена в Москву¹³⁰⁹. По мнению А. Краевского, вторая (золотая) корона была погребена вместе с телом короля¹³¹⁰. Для императора Павла I Станислав Понятовский, отрекшийся от престола еще в 1795 г., оставался польским королем. По точному замечанию С. Моравского, Павел I «умел почтить даже

¹³⁰³ О пребывании Станислава Августа в России и его похоронах в Петербурге см.: Болтунова Е.М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII — первая треть XIX вв.) // *Sztuka Europy Wschodniej / Искусство восточной Европы*. Т. 1: Polska–Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и История. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. Jerzy Malinowski, Irina Gavrash. Варшава: Tako Publishing House, 2013. С. 158–161.

¹³⁰⁴ Лансере Н.Е. Винченцо Бренна. СПб.: Кло, 2006. С. 273–274. В самой церемонии похорон польского короля участвовали 6 императорских камер-пажей, 20 пажей, 10 камер-лакеев, 8 скороходов и 40 лакеев, а также служители Ведомства придворной конюшенной канторы (кучера, форейторы, конюхи). Для каждого из них было приготовлено «траурное одеяние с королевскими гербами» (РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 2 об., 13).

¹³⁰⁵ Там же. Л. 13.

¹³⁰⁶ Там же. Л. 14.

¹³⁰⁷ Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века // *Феномен Петербурга* / Под ред. Ю.Н. Беспярых. СПб.: Блиц, 2001. С. 499.

¹³⁰⁸ РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 2, 13.

¹³⁰⁹ Там же. Л. 13.

¹³¹⁰ Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 63.

тень короны»¹³¹¹: для российского императора такое понятие, как «бывший король», едва ли имело право на существование.

В российской публичной памяти первой трети XIX столетия этот польский король был, конечно, «екатерининским» — образ Понятовского всегда прочитывался через представление о его взаимоотношениях с императрицей. Известная французская художница Э. Виже-Лебрен в своих «Воспоминаниях» обратила внимание на то, что дворец, предоставленный королю для проживания в Санкт-Петербурге, «по странной игре случая... находился насупротив крепости, где погребена Екатерина II»¹³¹². «Печальная зала» короля в Мраморном дворце была устроена в помещении, убранном бархатными обоями «с вензелем блаженныя памяти государыни императрицы»¹³¹³, а само тело короля похоронили в крипте костела Св. Екатерины на Невском проспекте. Отсылки к образу Екатерины, сопровождавшие польского короля в пространстве Петербурга, были неизбежны еще и потому, что дворец, отданный Станиславу Августу, находился в центре властной топографии екатерининского царствования¹³¹⁴. С другой стороны, нельзя отрицать, что коннотации такого рода сознательно или бессознательно навязывались королю при жизни, а после смерти определяли его образ.

Николай I довольно быстро осознал, что память о Станиславе Августе для выстраивания отношений с поляками в выбранном формате использована быть не может. В определенном смысле это стало ясно во время московских событий начала 1826 г. «Печальный кортеж» с телом покойного Александра I, двигавшийся из Таганрога в Санкт-Петербург, сделал остановку в древней столице. По этому случаю в городе было устроено огромное шествие,

¹³¹¹ Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. С. 592.

¹³¹² Виже-Лебрен Э. Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.). С. 90.

¹³¹³ РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 2.

¹³¹⁴ Интересно, что один из современников, рассуждая о причинах, побудивших Станислава Августа переехать Россию после отречения, полагал, что король следовал призрачной мечте заключить брак с Екатериной II (Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. С. 590).

сопоставимое с последующими петербургскими похоронами императора¹³¹⁵. В процессии вместе с религиями монарха, хранившимися в Оружейной палате Московского Кремля, была вынесена и так называемая «польская корона»¹³¹⁶ — упоминавшийся выше похоронный венец Станислава Августа¹³¹⁷. При этом москвичи прямо проигнорировали решение самого императора Николая, отказавшегося включать корону в список регалий шествия¹³¹⁸.

Решение вынести корону монарха, прямо ассоциировавшегося с разделами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России — стране-участнице разделов, получившей в результате последних наибольшую территорию, — было вполне демонстративным жестом. Москвичи, очевидно, были готовы включить унижение Польши в нарратив alexandrovских побед.

Между прочим, положение Польши как территории иной и отличной от России, хотя, конечно, и инкорпорированной в состав империи, было подчеркнуто в Москве и шествием орденов. В рамках последнего польские награды были вынесены отдельно от иностранных, но при этом и не вместе с российскими, как это происходило в других губерниях, через которые проезжал Печальный кортеж¹³¹⁹, и оказались «ниже» абсолютно всех российских наград¹³²⁰.

¹³¹⁵ Московское шествие за гробом монарха было подробно описано в печатном церемониале (Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный град Москву тела Государя императора Александра I. Печатный. С дозволения правительства. Москва, в типографии П. Кузнецова. Генваря 30 дня 1826 // РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 7. Л. 267–285) и нашло свое визуальное воплощение в литографиях. Грандиозный замысел было поручено реализовать Комитету для устройства печальной церемонии во главе с князем Н.Б. Юсуповым (Там же. Л. 9 об., 121–275 об.), екатерининским вельможей, меценатом и коллекционером. Гроб с телом императора был доставлен к границе города, где была совершена первая лития, а затем провезен «по большой Пятницкой улице, через Москворецкий мост, мимо лобного места, через Спасские ворота к Архангельскому собору», усыпальнице Рюриковичей и Романовых в Кремле (Там же. Л. 276–277 об.). За гробом императора шла вся Москва — от дворян и чиновников до мещан и студентов. Расходы по проведению московского действия (более 98 тыс. руб.) были возложены не на местное дворянство, а оплачены из государственной казны (Там же. Л. 12, 29, 31).

¹³¹⁶ Там же. Л. 283 об. — 284.

¹³¹⁷ Там же. Л. 2–2 об., 13.

¹³¹⁸ Там же. Л. 32 об.

¹³¹⁹ Там же. Л. 282 об. — 283 об.

¹³²⁰ Там же. Л. 80. Примечательно, что такое видение было даже несколько более смягченным по отношению к первоначальной задумке. В делах Московской комиссии о похоронах Александра I сохранился «Список Иностранным орденам, которые должны быть несены в печальной процессии в Москве», среди которых польский орден Св. Станислава перечислен вместе с французскими, немецкими, испанскими, португальскими и шведскими орденами.

Предложенная в древней столице репрезентация польских территорий, которую в Петербурге вполне осознали, только когда шествие уже состоялось, стала причиной серьезных разбирательств. Дело в том, что по окончании церемонии в Москве использовавшиеся в шествии регалии, включая польскую корону, были доставлены в Петербург¹³²¹. Фактически Москва попыталась предложить Северной столице разделить свою позицию в вопросе о Польше. Главе Печальной комиссии князю А.Б. Куракину пришлось объясняться перед императором за полученные из Москвы вещи: «Из помянутых... корон... Польской Ваше Величество не изволили назначить в процессию и сей последней... от князя Юсупова я не требовал...»¹³²² Куракин был вынужден, кроме того, указать Николаю I, что эпизод выноса польской короны во время шествия в Москве вошел в московский печатный церемониал. Князь писал, что «поставил себе в обязанность» доложить об инциденте, «предвидя неминуемые в публике толки о таковой в церемониалах обеих столиц разнице»¹³²³. Император принял объяснения князя Куракина, подтвердив, что использовать польскую корону в петербургском церемониале «излишне». Она была оставлена в Зимнем дворце и после траурных мероприятий отправлена с прочими регалиями обратно в Московскую Оружейную палату¹³²⁴.

Во время своей поездки в Варшаву и пребывания в столице Царства Польского Николай I неизбежно оказывался в пространстве, так или иначе связанном с памятью о Станиславе Августе. Так, в Белостоке императорский кортеж останавливался на ночь в резиденции сестры покойного короля¹³²⁵, а во время коронационных торжеств Николай I и его семья многократно бывали в Лазенках — роскошном дворцовом комплексе, принадлежавшем некогда Понятовскому¹³²⁶. Но в Белостоке императора привлек лишь парк, а Лазенки,

¹³²¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 189.

¹³²² Там же. Л. 189 об.

¹³²³ Там же.

¹³²⁴ Там же. Л. 189–189 об.

¹³²⁵ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837 гг. С. 405.

¹³²⁶ В отношении топографии власти фигуры короля Станислава Августа и великого князя Константина Павловича оказались опосредованно связаны за несколько десятилетий до происходивших событий:

где жил великий князь Константин Павлович, ассоциировались у монарха исключительно с братом. Никаких упоминаний о Станиславе Августе в это время сделано не было; ни один из текстов, связанных с коронацией, не отсылал к Понятовскому даже косвенно.

Потерявший страну, отрекшийся от власти, зависимый, Станислав Август не имел для выстраивания нового нарратива единения никакой пользы. И главное — подобная апелляция была бы плохо принята в Царстве Польском, ведь именно с именем Станислава Августа связывались разделы и утрата контроля над страной. Император Николай, выражаясь словами XIX столетия, «искавший» в своих польских подданных, не мог нанести им такой обиды.

Отказ российского императора апеллировать к фигуре союзника Петра Великого Августа II был также вполне показательным. События начала николаевского царствования — восстание на Сенатской площади и Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — удивительным образом роднили его с предком — основателем империи, который в первые годы царствования подавлял стрелецкие бунты и направлял свои внешнеполитические устремления к Черному морю. Неудивительно поэтому, что в общественном сознании 1820-х гг. существовала — уже немыслимая в 1850-е гг. — параллель Петр I — Николай I¹³²⁷. Ассоциируя себя с Петром Великим,

Мраморный дворец в Санкт-Петербурге, в котором Станислав Август прожил последний год своей жизни, принадлежал цесаревичу.

¹³²⁷ Это нашло отражение в «Стансах» А.С. Пушкина:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прашуру подобен:

император, однако, не видел смысла в использовании образа его польского союзника. Материалы коронации показывают, что монарх не рассматривал возможность разворачивания образа «наследник Петра Великого на троне Августа Сильного». История царствования Августа II — без громких военных побед и полная политических противоречий, интриг и тайных союзов (в том числе и против Петра Великого), бесконечной борьбы со Станиславом Лещинским и наконец завершившаяся отречением от престола — привнесла бы ненужные императору коннотации¹³²⁸. Кроме того, Николаю в принципе не нужен был исторический персонаж, связанный с реализацией тактического союза: для воплощения идеи общности он искал одного человека, а не пару монархов, один из которых воплощал бы Россию, а другой — Польшу.

В этом поиске Николай I обратил внимание на фигуру Яна III Собеского. Именно его будущий польский король называл в переписке с братом своим «достойным предшественником» на польском престоле¹³²⁹. Собеский привлек Николая I по нескольким причинам. В его личности — воина, успешно сражавшегося против турок и шведов, покровителя искусств и наук, приобретшего для своей коллекции Рембрандта и Рубенса, путешествовавшего по миру и посылавшего учиться в Европу своих подданных, короля, жизнь которого была осмыслена еще и как красивая любовная история¹³³⁰, — император мог видеть много схожего с биографией своего кумира Петра Великого. К тому же в рамках николаевской временной перспективы Петр I и Ян Собеский вполне могли восприниматься как современники.

Как он, неумолим и тверд,
И памятью, как он, незлобен

(1826)

¹³²⁸ Интересно, что польская сторона, также находившаяся в этот момент в поиске образности для нового единства, обращалась к фигуре Петра Великого, который начал фигурировать в польских пьесах второй половины 1810-х гг. (Филатова Н.М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 150–152).

¹³²⁹ ОР РНБ. Ф. 542. № 711. Л. 1.

¹³³⁰ См., например: Górska M. The protector of Europe on graphical thesis. Glorifying Jan III Sobieski. Warsaw, 2017. P. 9–39.

Польский король, известный войнами с Османской империей и — особенно — действиями под Веной в 1683 г., где была остановлена турецкая угроза, был фигурой европейского масштаба. В польских землях XVIII — первой половины XIX в. выражение восхищения относительно его побед было принятым стандартом поведения¹³³¹. Интерес к нему в России проявился задолго до начала XIX в. Его поклонником был В.В. Голицын, полонофил, первое лицо в русском правительстве времен регентства царевны Софьи¹³³². Потрясен фигурой Собеского был и П.А. Толстой. Оказавшись в 1696 г. в Европе, он стал свидетелем прощания с покойным Собеским и оставил подробное описание *castrum doloris* короля в Варшавском замке¹³³³. Серьезный интерес к Собескому — победителю турок демонстрировал и сам Петр Великий. Сразу несколько источников указывают на появившиеся в России на рубеже 1700–1710-х гг. польские произведения искусства. Первым в поле зрения современников попал бюст короля Яна Собеского, установленный в петербургском Летнем саду. Шведский военнопленный и мемуарист Л.Ю. Эренмалъм увидел в начале 1710-х гг. «4 изображения, или статуи, из мрамора, которые были привезены в Петербург из Варшавы в Польше; среди них особенно ценными были изображения короля Яна Собеского и королевы Кристины»¹³³⁴. Датский посланник Ю. Юль в записках

¹³³¹ Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28. О коммеморациях, связанных с фигурой Собеского, см.: Dabrowski P.M. Commemorations and the Shaping of Modern Poland. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2004. P. 49–74.

¹³³² Большая Столовая палата московского дома В.В. Голицына, располагавшегося между Тверской и Большой Дмитровкой, была оформлена портретами русских князей и царей. Здесь также находился конный портрет польского короля, который висел над дверями в палату (Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008. С. 59–60). На указанном портрете мог быть изображен Ян Собеский.

¹³³³ П.А. Толстой так описывал увиденное: «В той полате на левой стороне зделан немалой рундук, к стене три ступени вверх, и обит тот рундук весь бархатом червчатым, по сшивкам кладены кружива золотные. На том рундуке поставлен гроб, в котором лежит тело короля полского Яна Сабеского. Тот ево гроб весь обит аксамитом золотным, и галуны и бахрамы золотные, гвозди серебряные, золоченые. Кругом того гроба по ступенем помяннаго рундука поставлены тритцать шанданов серебряных, великих, в которых свечи высокие, вощаные, белые... На верху того гроба положена корона золотая, в ногах подле гроба положена подушка участковая золотная и на ней поставлена шкатула золотая, зделана подобием сердца человеческого. В тое шкатулу при погребении королевскаго тела, выняв из него сердце, положат и погребут то королевское сердце в Аршаве, а тело королевское повезут из Варшавы в Краков и погребут в Кракове... Над гробом, в котором тело королевское лежит, поставлена персона ево, писана по холстине, в золоченых резных рамах» (Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699). М.: Наука, 1992. С. 24).

¹³³⁴ Эренмалъм Л.Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 92.

за 1709–1711 гг. упоминает, что «статуи эти были вывезены из садов польских магнатов»¹³³⁵.

Спустя более чем столетие образ Собеского все также оставался востребованным для конструирования образа власти¹³³⁶. Николай I начал с того, что пожертвовал деньги на новый саркофаг для упокоения сердца Собеского в Варшаве¹³³⁷. М. Гетка-Кениг справедливо указывает, что устройство в церкви капуцинов часовни для размещения саркофага с сердцем Собеского и оформление этого «мавзолея» должны были постулировать связь между Собеским и Николаем I через указания на победоносные войны с Турцией, которые вели оба монарха¹³³⁸. Саркофаг с сердцем Собеского из красного мрамора, который украшают корона, меч и надпись, упоминающая императора Николая I, и сейчас можно увидеть в костеле Преображения Господня на Медовой улице в Варшаве. Интересно, что схожую символическую акцию Николай I осуществил спустя почти 20 лет, отправив красный карельский (Шокшинский) мрамор¹³³⁹ на создание саркофага Наполеона в Доме инвалидов в Париже¹³⁴⁰.

Как уже упоминалось, во время коронации Николай I использовал в качестве церемониального меч, подаренный Собескому римским папой Иннокентием XI. В дни пребывания в Варшаве в 1829 г. Николай и императрица Александра Федоровна несколько раз посещали Вилянов¹³⁴¹ —

¹³³⁵ Юль Ю. Из записок датского посланника Юста Юля. С датского неизданного подлинника // Русский архив. 1892. № 8. С. 509.

¹³³⁶ О востребованности образа Собеского при Александре I см.: *Филатова Н.М.* Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. // *Русская культура в польском сознании*. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 126.

¹³³⁷ *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 44.

¹³³⁸ *Getka-Kenig M.* Kaplica Sobieskiego w Kościele Kapucynów w Warszawie // *Felia Historiae Artium*. 2017. Т. 15. S. 77–95. Об этом см. также: *Getka-Kenig M.* Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 263–264.

¹³³⁹ В исторической литературе материал традиционно называют мрамором, однако фактически это был протерозойский кварцит (*Туре Ж., Булах А.Г.* Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // *Вестник СПбГУ. Науки о Земле*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 20–30).

¹³⁴⁰ *Léouzon Le D.L.-A.* Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris: Typographie Georges Chamerot, 1873.

¹³⁴¹ О Вилянове при короле Яне Собеском см.: *Arciszewska B.* A Golden Age for a Changing Nation: Polish National Identity and the Histories of the Wilanów Residence of King Jan III Sobieski // *Architectural History*. 2006. Vol. 49. P. 101–128.

резиденцию Яна Собеского недалеко от столицы Царства. В «Дневнике» В.А. Жуковского, обычно очень кратком, одна из таких поездок удостоилась отдельного описания: «9 мая (1829 г.). Вечер в Вилланове: замок с барельефами. Китайские горницы. Горницы Собеского. Место, где он умер. Портрет Марии-Кацимиры»¹³⁴².

Образ Собеского — победителя турок стал для Николая отправной точкой для актуализации категории «общий враг», позволившей сочетать нарративные структуры, которые без наличия третьего элемента были сложно сопрягаемыми. Император справедливо рассудил, что отсылки к существованию двух народов под одним скипетром было недостаточно для позиционирования образа нового братства, и прибегнул к ориенталистскому (в трактовке Э. Саида) приему, сформировав оппозицию «цивилизация» (Польша и Россия) — «варварство» (Турция). Иными словами, во второй половине 1820-х гг. борьба с Турцией стала для российской власти ответом на вопрос о том, каким должно быть основание для нового единства¹³⁴³. Последнее, в свою очередь, способствовало пополнению списка николаевских предшественников на польском троне.

В 1828 г., за год до коронации, началась очередная Русско-турецкая война. Это краткое, но яркое военное столкновение принято объяснять геополитическим противостоянием двух держав, а также Греческой войной за независимость. Как справедливо отмечено в литературе, «выступая в... поддержку Греции», Николай «не имел в виду цель поддержать греческое освободительное движение, а только проводил ту линию в решении Восточного вопроса, которая была выгодна в тот момент интересам

¹³⁴² Жуковский В.А. Дневники 1829 г. С. 308. Поэт побывал в Вилланове дважды. Во второй раз — несколько дней спустя (14 мая) в свите императрицы (Там же. С. 309).

¹³⁴³ Николай I не был первым, кто использовал образ османской угрозы для поиска объединительного начала. Схожие позиции реализовывал (хотя в куда менее прямолинейной манере) великий князь Константин Павлович. Так, в честь церемонии символических похорон Александра I в Варшаве в 1826 г. были выбиты специальные медали, которыми, в частности, были награждены генералы Л.Ф. Мальтиц и А.С. Фенш. Далекие от польских дел второй половины 1820-х гг., оба они к моменту пожалования были отставными, но не забытыми героями екатерининской Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а/2. Д. 857. Л. 158).

России»¹³⁴⁴. В итоге Россия получила часть восточного побережья Черного моря, южный рукав устья Дуная, а также право на свободный проход судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Адрианопольский мир упрочил автономию Сербии, Молдавии и Валахии; Греция же объявлялась самостоятельным государством с обязательством избрания монарха и уплаты ежегодных платежей Османской Турции.

Победа в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. стала для Николая I значимым аспектом осмысления собственных позиций и установок. Он быстро обнаружил, что война с турками может обладать значимым символическим потенциалом для его новых подданных в Царстве Польском. Достаточно вспомнить стремление императора определить на театр военных действий польские войска, а затем, после демарша великого князя Константина, хотя бы нескольких польских офицеров¹³⁴⁵.

Находясь на театре военных действий, император нашел еще одну возможность подчеркнуть единство русских и поляков в противостоянии турецкой угрозе. Присутствуя при взятии Варны русскими войсками и устроив торжественный высочайший въезд в покоренную крепость¹³⁴⁶, император принял решение отправить в дар Варшаве 12 пушек, захваченных у турок в результате этого столкновения¹³⁴⁷. Ничего необычного в самом подарке не было. Преподнесение орудий в качестве дара было вполне традиционным. Так, две пушки из-под Браилова были пожалованы прусскому королю¹³⁴⁸, а несколько позже наследник персидского престола Аббас-Мирза, приехавший

¹³⁴⁴ Капустина Т.А. Николай I. С. 45.

¹³⁴⁵ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 225, 243.

¹³⁴⁶ Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. Д.А. Скалон; сост. В.В. Квадри, В.К. Шенк. СПб., 1908. Т. 2. Кн. 1: Царствование Николая I. С. 281. А.М. Грибовский зафиксировал в своем дневнике относительно сообщений о взятии Варны следующее: «В Московских газетах напечатано о сдаче Варны в присутствии самого императора, после сделанных от подкопов двух в стенах проломов... Тотчас по входе наших войск в крепость чрез сказанные проломы император по ним прогуливался» ([Грибовский А.М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 87).

¹³⁴⁷ РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 488 (св. 201); Фалькович С.М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 406.

¹³⁴⁸ РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 504 (св. 202). Л. 1–4.

в Петербург с извинениями по поводу убийства А. С. Грибоедова, получил в дар 18 пушек из числа захваченных во время войны с Персией¹³⁴⁹. Обращает на себя внимание, однако, то, как император мотивировал свой жест в связи с даром Царству Польскому. В переписке с графом М.С. Воронцовым он высоким слогом сообщал о своем решении: «Воздав жертву должной хвале и благодарности Богу... увенчавшему оружие российское новым блистательным успехом, я желаю почтить память знаменитого моего предшественника, утратившего победу и жизнь, но не славу под стенами поверженной ныне Варны. Здесь пал ратуя под знаменами Христовыми мужественный сын Ягеллы Владислав, Король Польский. Место его погребения незнаемо: но да будет ему воздвигнут в самой столице Польши памятник, его достойный. Назначив для сего ей в дар 12 турецких пушек из числа найденных в Варне орудий я поручаю вам немедленно выбрать и отправить их в Варшаву, где оные поставлены будут в приличном месте по распоряжению Его Высочества Цесаревича в честь герою павшему и в честь храбрым российским войскам отомстившим победой за его падение»¹³⁵⁰. Речь в письме шла о Владиславе III — юном польском короле, погибшем в 1444 г. в сражении с турками под Варной. После гибели голова Владислава досталась султану как трофей.

Обоснование, предложенное Николаем великому князю Константину Павловичу, было еще более выразительным: «Я жалую Варшаве 12 орудий, как замечательное историческое воспоминание, ибо достойно внимания, что здесь явилась именно *русская армия с польским королем, чтобы отомстить за другого польского короля*»¹³⁵¹. Появление имени Владислава III рядом с именем Николая I и переданные Польше пушки Варны должны были указать на единство русских и поляков в противостоянии турецкой угрозе. Интересно, что в тексте письма взятие Варны русскими войсками в 1828 г.

¹³⁴⁹ Там же. Д. 508 (св. 202). Л. 1.

¹³⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 542. № 711. Л. 1.

¹³⁵¹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 261.

рассматривалось через призму исключительно польской истории. Называя себя польским королем, который мстит за другого польского короля, Николай I вписывал себя в совершенно определенный — польский — контекст¹³⁵². Искусственность такой позиции, должно быть, ускользнула от самого императора: армия, сражавшаяся под Варной, чтобы отомстить за смерть польского короля, была осмыслена в этом письме исключительно как русская.

Интересно, что интерпретация Николая получила некоторое распространение на западных территориях империи. Польские офицеры, принявшие участие в войне, именовались в Царстве «варнскими львами», которые, по определению одного из современников, «во имя короля польского Николая отомстили за смерть Владислава III, тоже короля польского»¹³⁵³.

Доставить пушки в Варшаву оказалось делом непростым. Назначенные к отправке орудия были загружены на транспортное судно «Змей», но погибли вместе с кораблем вскоре после выхода из порта Одессы¹³⁵⁴. Это, впрочем, не изменило планов Николая I, который потребовал направить в Варшаву «такое же число пушек из-под Варны»¹³⁵⁵. В ответ на это генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн сообщал в Петербург, что оставшиеся в наличии орудия отданы быть не могут, поскольку они «в настоящее время необходимо нужны». Он предложил более реалистичный план: орудия, назначенные в Варшаву, будут «заменены другими, которые доставят в Варну из завоеванных крепостей, которые назначены к уничтожению»¹³⁵⁶. Император, первоначально согласившийся с этим вариантом¹³⁵⁷, в итоге все же получил то, что хотел: в Варне нашлись «орудия небольшого калибра», которые, как

¹³⁵² Это был не единственный жест, целью которого было указание на связь между российским монархом и польскими королями. Перед коронацией Николай I выделил средства на реставрацию Вавельского замка в Кракове — главный символ власти польских королей, их резиденцию и место захоронения (*Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 44).

¹³⁵³ [*Чайковский М.*] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 169, 173.

¹³⁵⁴ РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 488 (св. 201). Л. 1.

¹³⁵⁵ Там же. Л. 3.

¹³⁵⁶ Там же. Л. 3–3 об.

¹³⁵⁷ Там же. Л. 5.

сообщалось в Главный штаб, были «ныне суть последние уже в Варне оставшиеся»¹³⁵⁸.

Найденные орудия надлежало доставить в Варшаву, причем как можно быстрее. Предполагалось, что они будут доставлены в Царство Польское к началу апреля¹³⁵⁹. Пушки сначала везли на «зафрахтованном» судне «Спиридон», а затем на специально «обустроенных повозках» с почтовыми лошадьми¹³⁶⁰. Общая стоимость перевозки от Одессы до Варшавы составила 4 371 руб. Деньги на оплату перевозки были взяты из Кабинета императора¹³⁶¹.

Несмотря на все затраченные усилия и деньги, пушки не успели в Варшаву к коронации Николая I. Они все еще находились в пути, когда император Всероссийский и коронованный польский король уже покинул пределы Царства Польского¹³⁶².

Интересно, что, хотя в письме М.С. Воронцову император использовал в связи с пушками слово «памятник» в метафорическом смысле (он писал, что орудия будут установлены в городе на месте, которое выберет великий князь Константин Павлович), представители военного ведомства, организовывавшие перевозку, восприняли ситуацию иначе — они полагали, что пушки перевозят «для *сооружения* памятника», то есть собственно для возведения монумента покойному польскому королю Владиславу¹³⁶³.

Во время Польского восстания 1830–1831 гг. эти пушки были обращены против русской армии. Николай так прокомментировал этот эпизод на полях «Воспоминаний» А.Х. Бенкендорфа: «Через год поляки повернули их (пушки. — *Прим. авт.*) против нас. Гвардия захватила их вновь, и я передал их тем, кто два раза, благодаря собственному мужеству, сумел захватить их»¹³⁶⁴.

¹³⁵⁸ Там же. Л. 11.

¹³⁵⁹ Там же. Л. 9.

¹³⁶⁰ Там же. Л. 12.

¹³⁶¹ Там же. Л. 14 об., 19, 25.

¹³⁶² РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 504 (св. 202). Л. 4.

¹³⁶³ Там же. Д. 488 (св. 201). Л. 1–9.

¹³⁶⁴ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837 гг. С. 440.

Даже много лет спустя император не переставал сопоставлять себя с Собеским, на сей раз указывая на печальные итоги внешнеполитических усилий обоих монархов. Во время Крымской войны, в год начала обороны Севастополя, у Николая I состоялся известный разговор с генерал-адъютантом А. Ржевуским, поляком по происхождению. Разговор этот, впрочем, был похож на монолог. Император задал вопрос: «Кто из польских королей... был самым глупым?» — и сам на него ответил: «...самый глупый король был Ян Собеский, потому что он освободил Вену от турок». Рассуждения о неоправданных политических решениях на этом не завершились. По сообщению А. Ржевуского, император добавил: «А самый глупый из русских государей — я, потому что помог австрийцам подавить венгерский мятеж»¹³⁶⁵. Не называя себя в разговоре с генерал-адъютантом одновременно российским императором и польским королем, Николай по-прежнему видел связь между собой и Яном Собеским.

Прочтение Николаем I собственной роли через призму польской истории (с апелляцией к образам Владислава III и Яна III Собеского) и единства борьбы России и Польши против турецкой угрозы имело целью демонстрацию значения польской историко-культурной парадигмы и формирование образа нового польского короля исходя из актуальной польской интерпретации собственной истории¹³⁶⁶.

Отметим отдельно, что удачно найденные позиции отнюдь не гарантировали стабильности — польский маркер «цивилизованности» и «варварства» мог легко сдвигаться в сторону классической трактовки, в рамках которой Россия воплощала в себе черты, присущие в николаевской системе образу Турции. Более того, обе страны могли также составлять своего рода иерархию варварских государств, в которых Россия часто «била»

¹³⁶⁵ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. С. 112.

¹³⁶⁶ В Польше в конце XVIII — начале XIX в. образ короля Владислава, менее яркий, чем образ Яна Собеского, был актуализирован благодаря целому ряду литературных произведений (В. Ржевуский «Владислав под Варной» (1760 г.); Ю. Немцевич «Владислав под Варной» (1787 г.)). Последнее произведение было поставлено в театре в начале XIX в. (Софронова Л.А. Польская театральная культура эпохи Просвещения. М.: Наука, 1985. С. 129, 136, 242, 268).

Турцию. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы агентов Третьего отделения, наполненные различными жалобами поляков. Так, в 1826 г. М.Я. фон Фок доносил императору, цитируя одного из «благонадежных поляков»: «Целое народонаселение в Польше и Литве страдает за нескольких сумасбродов, составлявших тайное общество, из-за нескольких горячехоловых студентов. Ко всему придираются: к слову, к молчанию, к одежде, к сочинениям. Новосильцев запретил даже преподавать польскую историю в Виленском университете, *что не запрещали турки грекам...*»¹³⁶⁷ Ему вторил другой житель Царства: «Все согласны, что негодование в Польше дошло до высочайшей степени, что *поляки желали бы лучше б принадлежать Турции*, нежели оставаться в таком инквизиторском управлении, где каждый не уверен в своем дне и ежеминутно ожидает ареста, высылки за город, поездки с казаками или жандармами без объявлений и тому подобное»¹³⁶⁸. Настроения переходили и в действия: известно, что галицийские поляки принимали участие в Русско-турецкой войне на стороне Турции¹³⁶⁹.

5.5. Польский коронационный нарратив

Во время коронационных торжеств Николай стремился быть максимально внимательным к символам и традициям Польши. Показательно, что языками коронации стали французский и польский. Как уже говорилось, «Церемониал» коронации был издан как двуязычный текст, а клятва-молитва, которую монарх произнес во время церемонии, была представлена на французском. Николай I в определенной степени владел польским и при этом полагал необходимым его использование в польских землях, по крайней мере

¹³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 6. Н.Н. Новосильцов был сторонником изменения содержания курса истории, преподававшегося в Виленском учебном округе. В 1824 г. он представил министру народного просвещения А.С. Шишкову предложение о преподавании в Вильно истории на русском языке. Критикуя содержание учебного курса, основанного, по его мнению, на «национальных предрассудках», Н.Н. Новосильцов предлагал задействовать учебную литературу, используемую в России (*Любезников О.А.* Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века. С. 132-133).

¹³⁶⁸ Там же. Л. 7 об.

¹³⁶⁹ *Фалькович С.М.* Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

тех, что были присоединены Александром I¹³⁷⁰. Сохранились воспоминания, согласно которым во время пребывания в Царстве Николай I демонстративно прервал одного из польских дворян, обратившегося к нему на французском. Император заявил: «...я понимаю по-русски и по-польски; французский язык между нами совершенно не нужен»¹³⁷¹.

Исключительно важно и то, что Николай согласился использовать в Царстве полонизированный вариант своего имени. Вензель монарха представлял собой литеру «М» («Миколай»)¹³⁷². Это решение дало впоследствии основания для появления легенды о действиях депутатов сейма при начале Польского восстания в ноябре 1830 г. Согласно этой версии, декларируя отстранение Николая I от власти в Царстве Польском, находящиеся в Сенатском зале Варшавского дворца депутаты не только подписали постановление о детронизации, но и совершили символический жест — перевернули вензель Николая, свергнув власть Романовых и обозначив свою приверженность свободе. «М» («Миколай») превратилась в «W» («Вольность»)¹³⁷³.

Языковой выбор подчеркнул принцип автономии территории, возведенный в степень близкую к независимости. В трактовке Николая у Царства был свой язык, его надлежало уважать¹³⁷⁴, используя при необходимости язык дипломатии — французский. В рамках этой парадигмы русский язык оказывался совершенно невостребованным. Его положение оказывалось сопоставимо с положением православия. Интересно, что император стремился закрепить эти установки, даже вернувшись в Петербург.

¹³⁷⁰ Л.В. Высочков полагает, что в губерниях, включенных в состав России по екатерининским разделам, Николай I, общаясь с поляками, предпочитал русский язык (*Высочков Л.В.* Николай I. С. 265).

¹³⁷¹ [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 173.

¹³⁷² AGAD. F. 190. № 87. К. 189.

¹³⁷³ О несостоятельности такой трактовки и об изменениях в декоре зала Сената в период восстания см.: Gutkowski J. Sale sejmowe w Zamku królewskim w czasie Powstania listopadowego // *Kronika Zamkowa*. 2006. Т. 1–2 (51–52). S. 149–154.

¹³⁷⁴ Показательны в этом отношении воспоминания К.П. Колзакова: «Язык польский был господствующим во всех административных сферах; даже русские должны были подчиниться общему порядку в своих делах и подавать просьбы на чужом, часто непонятном им языке» (*Колзаков К.П.* Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 427–428).

По приезде в императорскую столицу после коронации Николай осуществил несколько символических жестов мемориального содержания вполне в духе установок проведенной церемонии. Так, дворцовые гренaдеры, участвовавшие в церемонии, получили ордена, наградные грамоты к которым были написаны по-польски¹³⁷⁵.

Император полагал, что он и поляки, как практически, так и символически, начали говорить на одном языке и что в отношении проявления «уважения к польской национальности» он сделал все от него зависящее. Он не ожидал, что варшавская коронация станет церемонией, во время которой польская сторона предложит вполне самостоятельный нарратив и основания для осмысления образа нового монарха и его действий в настоящем и будущем. При этом присутствие императора в городе придаст этой модели черты официальной позиции.

На первый взгляд, польские символы, обращенные к Николаю I, были вполне универсальными — схожими с российскими: здесь можно встретить уподобление императора отцу (а императрицы Александры Федоровны — матери)¹³⁷⁶, апелляции к радости, вызванной происходящим, а также восхваление силы и мудрости нового коронованного монарха, готового следовать по стопам своего предшественника. Показательны и стихи по случаю коронации, публиковавшиеся в «Варшавском курьере» или отдельными брошюрами. В одном из таких сочинений автор призывал тени польских героев спуститься на землю, чтобы увидеть присягу, которую принесет народ новому королю (названному в тексте «благодетелем»¹³⁷⁷), и записать хвалу Николаю в книге будущего. Здесь же описывалось ликование Польской земли, некогда поруганной, а ныне взирающей на свое возрождение. В другом тексте коронация уподоблялась оживлению природы в мае, возвращению «Надежды, Свободы и Жизни»: «славянский монарх» входил в

¹³⁷⁵ Гринев С.А. История роты дворцовых гренaдер. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 14–15.

¹³⁷⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (b).

¹³⁷⁷ Kurjer Warszawski. 1829. № 140. S. 611.

«город сарматов» в сопровождении супруги, наследника и «Ангела Надежды»¹³⁷⁸. Николай, таким образом, оказывался прочитан через образ брата и предшественника на престоле Александра I, а значит, ему предписывались любовь и благодеяния в отношении к его польским подданным.

Чаще, однако, символический нарратив был сконструирован сложнее, с разворотом к античной героике или сюжетам польской истории. В первом случае новый король часто сопоставлялся с римским императором Траяном¹³⁷⁹ или осмыслялся в связи с мифом о храме Януса, двери которого отпирались во время войны и запирались на время мира. В одном из текстов, где император представал усмиряющим врагов, приносящим веру и свет, к Николаю I были обращены следующие слова: «Когда *закроешь двери Януса...* мы повторим слова наших отцов, которые всегда были в наших сердцах: “За Короля! Слава, Отчизна, Бог”»¹³⁸⁰. В другом тексте новый польский король сравнивался с Титом Флавием, «окруженным любовью богов», славным и карающим врагов. Автор текста упоминал «поверженных персов», «борьбу за веру» против мусульман и превозносил «неутомимость и мужество победоносных русских войск», упоминая взятие турецких крепостей Браилов и Варна¹³⁸¹. Одновременно с этим Николай оказывался воплощением милосердия и протягивал «претерпевшему многие страдания» польскому народу «дружескую руку»¹³⁸², а польский народ изображался благодарным и «верным до скончания веков» своему монарху, украшенному отныне короной Пястов¹³⁸³.

Интересны и отсылки к польской истории, которые использовали авторы таких, казалось бы, лоялистских текстов. В некоторых из них Николай именовался «наследником храбрых Казимиров и Янов», который шествовал в

¹³⁷⁸ Ibid. № 139. S. 603.

¹³⁷⁹ Ibid. № 140. S. 611.

¹³⁸⁰ Ibid. № 139. S. 604.

¹³⁸¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (2) об.

¹³⁸² Там же. Л. 363 (2) — 363 (3).

¹³⁸³ Там же. Л. 363 (3) об.

короне Пястов¹³⁸⁴. Упоминание Яна, вероятно, следует трактовать как указание на польского короля Яна Собеского, победителя турок под Веной, столь важной фигуры для самого Николая I. В этой части польское прочтение совпало с нарративом, предложенным императором. Но указание на Казимира едва ли могло быть одобрено императором, как и любая отсылка к королям, ассоциирующимся с «собираанием» польских земель. Речь шла о Казимире III, последнем из династии Пястов, который был знаменит договорами с соседями и завоевал Галицию. Это был намек на войну с Австрией за объединение Польши, которую, в рамках этого образного ряда, Николай должен был начать.

Замечательна и история с посещением императорской четой постановки «Сесилия Пешанская» в варшавском народном театре. Опера была специально написана и поставлена в честь коронации¹³⁸⁵. Автор музыки — польский композитор К. Курпинский — был известен своими патриотическими произведениями и написанной в честь приезда Александра I в Варшаву оперой «Награда». Следует отметить, что в литературе утвердилось мнение, что польский театр стремился быть актуальным, остро реагируя на смену политической конъюнктуры, ему была присуща злободневность и стремление «зафиксировать событие, привлекающее внимание публики». В этом отношении он был близок к публицистике¹³⁸⁶. Постановка «Сесилии Пешанской» подтверждает этот вывод.

Согласно либретто, действие оперы открывается рассказом о любви Сесилии, дочери старосты Пешанского, к датчанину барону Штрамверу. Оставив ради возлюбленного родительский дом и тайно обвенчавшись с ним, Сесилия, проклятая оскорбленным отцом, покидает отечество. Далее события переносят зрителя в период Шведско-польской войны середины XVII в., так называемого Шведского потопа. Староста Пешанский яростно сражается с

¹³⁸⁴ Там же; *Филатова Н.М.* Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 124.

¹³⁸⁵ О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429; *Kraśiński J.* Z pamiątek Józefa hr. Kraśińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 426.

¹³⁸⁶ *Софронова Л.А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. С. 245.

неприятелем. Узнав об этом, барон присоединяется к польской армии и храбро воюет против шведов. После победы староста узнает барона, прощает дочь и возвращает ей наследство¹³⁸⁷. В русском переводе заключительная часть оперы описывалась следующим образом: «Барон, узнав, что отец обожаемой им [жены], находятся в его Отечестве, присоединяется к польским воинам, которые побеждают шведов. После победы староста узнает барона, свою дочь и увидев еще двоих малолетних детей, обнимает дочь и внучат, прощает им прошедшее и возвращает им наследие»¹³⁸⁸.

Можно предположить, что содержание постановки, повествующей о потере единства, которое воплощают образы старосты Пешанского и Сесилии, и его последующем обретении через искупление бароном вины отражало польскую версию истории русско-польских отношений конца XVIII — начала XIX в. и надежды относительно будущего Царства Польского¹³⁸⁹. По сути, история взаимоотношений Польши и России была символически показана как брак, в основании которого лежат одновременно любовь и предательство: Сесилия любит и любима, но она отторгнута своей семьей. Барону Штрамверу же по тексту предписана глубокая любовь к Сесилии и не менее глубокая вина перед ее отцом. Любя супругу, он жаждет искупления и в итоге, сразившись с неприятелем, посягающим на свободу Отечества его жены и тестя, обретает его, воссоединив Сесилию с отцом. Интересно, что при такой трактовке в гендерном отношении Россия оказывалась соотнесена с мужским полом (барон Штрамвер), а Польша, существующая лишь отчасти в женской (подчиненной) ипостаси (Сесилия), не утрачивала свою мужскую сущность (староста Пешанский). Напротив, сопоставление мужских персонажей показывает, что субъектность в значительно большей степени предписана в опере именно отцу Сесилии, нежели ее супругу. Суть же конфликта, таким

¹³⁸⁷ ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 13. Л. 23.

¹³⁸⁸ Там же; Пересказ либретто см. также в: *Goldberg H.* Music in Chopin's Warsaw. New York: Oxford University Press, 2008. P. 242.

¹³⁸⁹ В этом смысле сложно согласиться с Н.М. Филатовой, высказавшей мнение, что «Сесилия Пешанская» «была далека от актуальных событий» эпохи (*Филатова Н.М.* «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 153).

образом, оказывается не в том, что Сесилия принадлежит равным образом и отцу, и мужу, а в том, что ее супруг, виновный в сложившемся конфликте, должен искать прощения на поле боя и воссоединить отца с дочерью и внуками. Иными словами, главным посылом оперы, поставленной в честь коронации Николая I, оказывалось указание на необходимость правильных действий со стороны монарха — искупления вины путем восстановления прежнего единства. При этом акцент на чувстве вины и необходимости искупления был смещен в сторону России (разделы Польши) и обходил стороной Польшу (участие в Наполеоновских походах против России).

Примечательно, что в качестве войны, которая становится своего рода местом искупления для барона, был выбран Шведский потоп (1655–1660 гг.) — тяжелая по своим последствиям для Польши война, объединившая на некоторое время силы Речи Посполитой и России. Это событие оказывалось максимально близким по времени к эпохе Смуты в Московском государстве (начало XVII в.), которая, таким образом, «прочитывалась» (хотя и не прямо) как момент наивысшего конфликта между протагонистами.

Отметим, что коронационная опера не выходила за пределы принятого в то время нарратива. Вина России за разделы Польши, необходимость восстановить страну, объединив разрозненные земли, — эти сюжеты обсуждались на сцене польского театра весь александровский период¹³⁹⁰. Неудивительно поэтому, что опера, материал которой был в действительности далек от верноподданнических деклараций, оставалась популярной в Польше и после окончания коронационных торжеств¹³⁹¹.

Интересна также и позиция николаевской администрации: согласно правилам, перед коронацией опера была цензурирована и сочтена подходящей. В документах Третьего отделения сохранились даже печатное либретто «Сесилии Пешанской» на польском и сжатый пересказ на русском

¹³⁹⁰ Филатова Н.М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...». Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 150–153.

¹³⁹¹ Goldberg H. Music in Chopin's Warsaw. P. 242.

языке¹³⁹². Это означает, что власти не нашли в такой трактовке ничего предосудительного, одоблив интерпретацию как роли России, так и Польши.

Опера «Сесилия Пешанская» была не единственным эпизодом подобного рода. Так, во время коронационного обеда перед королем и королевой была исполнена увертюра из оперы Дж. Россини «Осада Коринфа»¹³⁹³. Спектакль, представленный всего за несколько лет до того (1826 г.), имел оглушительный успех в Парижской опере¹³⁹⁴. Сюжет оперы был известен всей Европе, в том числе и благодаря одноименному произведению Дж. Байрона (1816 г.), а его мотивы — стремление к свободе и любви, борьба с врагом, предательство и жертва во имя его искупления — схожи с теми, что были представлены в «Сесилии Пешанской». История главных героев разворачивается здесь на фоне противостояния жителей Турции и Греции, а в основе сюжета лежит любовный треугольник между турецким султаном Магометом II, дочерью предводителя греков Памиры и молодого грека Неокла. Памира, влюбленная в Магомета, сначала покидает стан греков, а затем, осознав свое решение как предательство и покинув возлюбленного, возвращается к отцу и Неоклу. В конце произведения, терзаемая противоречиями и чувством вины, Памира совершает самоубийство на руинах разрушенного Коринфа.

Известно, что император Николай был внимателен к вопросам оформления власти, знал и понимал символы. Нет никаких сомнений, что он вполне осознавал, например, почему во время коронационных торжеств в Москве в 1826 г. для постановки были выбраны комическая опера «Новый помещик» и балет «Сандрильона (Золушка)»¹³⁹⁵. В обоих случаях представленное перед императором действо было связано с образом самого монарха — оно являло собой рассказ о том, как скрытое и подлинное получало

¹³⁹² ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–23.

¹³⁹³ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

¹³⁹⁴ «Осада Коринфа» была переработкой более раннего произведения Россини — героико-трагической оперы «Магомет II».

¹³⁹⁵ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 386–387. См. также: Le nouveau seigneur de village. Paris, 1813.

достойное признание и это чудесное превращение гармонизировало все вокруг, соединяя влюбленных и разрешая конфликты.

У нас нет прямых свидетельств реакции Николая на представленную ему польской стороной нарративную стратегию. Весьма вероятно, что император не читал верноподданнических стихов, присылавшихся в Петербург или публиковавшихся в «Варшавском курьере». Очевидно, он не был погружен в польскую историю и не вполне осознавал (по крайней мере, сразу и в достаточной полноте), что предлагаемая символическая конструкция помещает его в принципиально иной контекст, формирует альтернативный образ его власти в регионе, предписывая ему, если использовать терминологию «истории эмоций», определенные эмоциональные режимы и, как следствие, действия. Он, вполне возможно, не учел, что тривиальное прочтение его самого через образ Александра I в Польше имеет особое измерение. Но, согласившись на предлагаемые трактовки или, что также вероятно, посчитав ненужным менять что-либо в процессе, чтобы не испортить праздник, император оказывался в ловушке предписанного ему чувства вины, за которым неизменно следовало настоятельное требование искупления последнего за счет использования политических, экономических или военных средств.

Однако, учитывая, как тяжело далось императору решение о коронации в Польше, как долго обдумывался каждый из элементов церемонии, Николай не мог не обнаружить в какой-то момент, что коронационный сценарий, реализуемый в Варшаве, оказался поразительным образом открыт для интерпретаций. Поляки предлагали императору искупить вину за его предшественников на престоле, виновных в разделах Польши и ее последующем упадке, тогда как, судя по формату, выбранному для коронации, сам Николай, как будет показано далее, приехал предъявить полякам прощение за смерть русских солдат и офицеров на полях Отечественной войны 1812 года, разорение страны и страдания ее жителей. Это обстоятельство нашло свое отражение в текстах современников. Так, Ф.В.

Булгарин, прекрасно знавший установки и нарративы, распространенные как в России, так и в Польше, и создававший в своих текстах образы, легко – но при этом по-разному – считываемые обеими сторонами. Писатель, не являвшийся свидетелем церемонии, писал в письме М.Я. фон Фоку, что коронация – это *«день примирения братьев, двух славянских народов, бескровная жертва очищения»*, в которой российский император предстает как человек *«верный слову и присяге, откровенный в своих поступка, уважающий честь и славу народа покоренного, чтящий закон, начертанный Его предшественником, правосудный и великодушный»*¹³⁹⁶. Не менее точно выразился и А.Х. Бенкендорф, отметивший, что коронация была реализована *«с полной предупредительностью, предоставляя полякам прекрасный случай загладить их ошибки и со своей стороны набросить на прошлое покров забвения»*¹³⁹⁷.

Интересные выводы можно сделать и анализируя визуальный ряд, соотнесенный с коронацией. Отметим, что церемония оставила по себе крайне небольшое количество изобразительных источников и все они отражают видение событий польской стороной. Существенно, что официальное иллюстрированное описание действия не было издано и, очевидно, даже не готовилось к публикации.

В литературе содержится указание о выставившихся несколько раз во время празднований портретах Николая и Александры¹³⁹⁸. Идентифицировать, о каких именно изображениях в каждом конкретном случае идет речь, достаточно сложно. В польских музеях (прежде всего Национальном музее в Варшаве и Музее Войска польского) хранится несколько портретов Романовых первой трети XIX столетия. Возможно, какие-то из них могли использоваться и в празднествах 1829 г. Интересное сообщение содержится в одном из номеров «Варшавского курьера», который рассказал своим читателям, что картины *«редкой красоты, изображающие чету Светлейших в*

¹³⁹⁶ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. С. 368.

¹³⁹⁷ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 220.

¹³⁹⁸ Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

коронационных костюмах польских короля и королевы» и выставившиеся в Варшаве, были произведениями «прославленного Дауэ»¹³⁹⁹. Современные биографии Дж. Доу этот факт, однако, не подтверждают¹⁴⁰⁰.

В нашем распоряжении есть лишь одна картина, иллюстрирующая собственно коронационное действо в Варшаве. Речь идет о незаконченном полотне «Коронация Александры» из Национального музея в Варшаве¹⁴⁰¹. Автор, а равным образом и заказчик картины неизвестны. Относительно личности художника, впрочем, в польской историографии существует несколько предположений. Среди возможных авторов упоминаются Дж. Доу, А. Бродовский и А. Орловский¹⁴⁰². Предположение об авторстве Доу вызывает сомнения — слишком разнится манера изображения, а тот факт, что Дж. Доу написал по заказу герцога Девонширского парные портреты Николая и Александры в связи с московской коронацией¹⁴⁰³, едва ли следует расценивать как самостоятельный аргумент.

В отношении передачи фактической информации изображение содержит множество неточностей. Так, во время коронации в самом центре помещения был устроен алтарь¹⁴⁰⁴, обращаясь к которому Николай произносил слова клятвы. На картине этот элемент отсутствует, а пространство между условным зрителем и императорской четой вдалеке оказывается прямой, ничем не прерванной линией. Нет здесь и многих других элементов декора, которые предписывал «Церемониал»: двух помостов по обеим сторонам зала и стола для регалий. На полотне нет также изображения

¹³⁹⁹ Kurjer Warszawski. 1829. № 143. S. 627.

¹⁴⁰⁰ В литературе содержится указание лишь на то, что в конце 1820-х гг. Доу планировал писать портрет великого князя Константина Павловича, который позировал художнику в Варшаве (*Андреева Г.Б.* Гений войны, блага и красоты. Писал Королевский академик Джордж Доу. М.: Пинакотекa, 2012. С. 158–159).

¹⁴⁰¹ Оригинальное название полотна — «Koronacja cesarzowej i królowej Aleksandry przez Mikołaja I w Zamku Królewskim w Warszawie 24.V.1829» (1829).

¹⁴⁰² Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8; Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. P. 372, 390. На официальном сайте Национального музея в Варшаве автором картины указан А. Бродовский с пометой «под вопросом».

¹⁴⁰³ Ренне Е. Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. 2000. № 55. С. 22–33.

¹⁴⁰⁴ О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

примаса Воронича¹⁴⁰⁵. М. Гетка-Кениг, анализирувавший этот материал, полагает, что отсутствие клира на картине имело целью подчеркнуть светский характер действия¹⁴⁰⁶. Более очевидным кажется предположение, что художник не был свидетелем коронации, а имевшиеся у него сведения были редуцированными.

Однако, прежде чем говорить собственно об образах на полотне, стоит обратить внимание, что название картины акцентирует внимание на той роли, которую сыграла в этих событиях императрица. Действительно, Александра Федоровна была в это время в Варшаве исключительно заметной фигурой. Это вполне понятно — ведь поляки впервые за несколько десятилетий могли увидеть свою королеву¹⁴⁰⁷. Король Станислав Август официально в браке не состоял, а герцогиня Варшавская, супруга Фридриха Августа, до Варшавы так и не добралась. Император Александр I отказывался брать с собой в Варшаву императрицу Елизавету Алексеевну. Вероятно, монарх полагал, что появление жены рядом с А. Чарторыйским, с которым у императрицы был многолетний и широко известный роман, может скомпрометировать его или, по крайней мере, привести ненужные коннотации. В 1818 г. во время открытия первого сейма в Варшаве появилась лишь вдовствующая императрица Мария Федоровна¹⁴⁰⁸. Приходившие в Петербург в середине 1820-х гг. агентурные материалы между тем настойчиво упоминали желание поляков видеть императрицу: «Если бы нашему благодетелю Царю показаться в Польше, — писал один из агентов Третьего отделения, — поляки закричат, радостно запоют: “Vive Nicolas! Vive Alexandrine!”»¹⁴⁰⁹

¹⁴⁰⁵ Неточность в передаче оформления зала Сената отмечает и Е. Гутковский (*Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie*. S. 8).

¹⁴⁰⁶ *Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion*. P. 400.

¹⁴⁰⁷ *Krasiński J. Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja*. S. 413–414; *Kicka N. Pamiętniki*. S. 156–172. Подробнее об этом см.: *Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion*. P. 400.

¹⁴⁰⁸ *Getka-Kenig M. Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy «wskrzeszonej» monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim // Kronika Zamkowa*. 2015. T. 2 (68). S. 224.

¹⁴⁰⁹ ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 14 об. — 15.

Неудивительно поэтому, что в объявлении о коронации, которое герольды зачитывали на улицах Варшавы, снова и снова повторялось имя Александры Федоровны, императрице возносились молитвы, ей посвящались стихи. Внешность, манеры, поведение новой королевы обсуждались, вызывая восторг или, напротив, злословие. Так, мемуаристка Н. Кицка, указав на задержку с началом коронации, утверждала, что она была вызвана «ужасными капризами» императрицы — корона показалась Александре неудобной, поэтому она потребовала надеть ее на себя перед коронацией, появившись в зале уже с венцом на голове¹⁴¹⁰. Другой современник, Михаил Чайковский, напротив, был восхищен императрицей: «Государыня танцевала превосходно, так изящно и оживленно, что ни одна полька не могла бы сравниться с нею»¹⁴¹¹. Интересно, что эпизод с танцующей в Варшаве Александрой Федоровной нашел свое отражение в брошюре, изданной в Париже в 1833 г. и описывающий заговор с целью ареста или даже убийства Николая I в момент коронации. Автор текста упоминал в частности, что один из заговорщиков, отказавшийся от своего намерения и покинувший Варшаву, рассказывая о коронации людям вдали от столицы, «притворялся... что танцевал польского с царицею»¹⁴¹². Обратили современники внимание и на объятия императрицы и княгини Лович у Варшавского замка¹⁴¹³, которые, возможно, напомнили известный, многократно описанный и визуально воспроизведенный эпизод с объятиями Николая и великого князя Константина Павловича во время московской коронации. Без сомнения, Николай I отметил положительное воздействие, которое оказало присутствие императрицы на общественные настроения в Польше: Александра Федоровна сопровождала его в Польшу и в следующем году, когда монарх приезжал на открытие сейма.

Для сравнения отметим, что российские источники, в частности пресса,

¹⁴¹⁰ *Kicka N.* Pamiętniki. S. 170–171.

¹⁴¹¹ [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 173.

¹⁴¹² РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 14 об.

¹⁴¹³ *Kraśiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Kraśińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 414.

не уделяли присутствию императрицы в Варшаве какого-либо существенного внимания. Так, в «Северной пчеле» и «Отечественных записках» упоминания Александры Федоровны были немногочисленны и касались конкретных фактов, таких как путешествие в Варшаву отличным от императора путем, отбытие в Берлин по окончании обязательных коронационных торжеств и пр.¹⁴¹⁴

Формирование образа Александры Федоровны в Польше, кроме апелляций к ее статусу новой польской королевы, очевидно, было связано и с ее происхождением. Императрица была прусской принцессой, представительницей дома Гогенцоллернов. В рамках ориенталистского взгляда на Россию этот аспект также оказался востребованным. Показательно опубликованное в «Варшавском курьере» стихотворение, в котором Александра, именовавшаяся, вполне традиционно, «помощницей» монарха и «матерью народа», была также названа «хорошей Ядвигой»¹⁴¹⁵. В польском политическом нарративе образ Ядвиги обладал целым рядом значимых коннотаций: выйдя замуж за литовского князя Ягайло, эта средневековая польская королева обратила в христианство целый языческий народ, открыв дорогу к личной унии между Польшей и Великим княжеством Литовским. Популярный в польском обществе образ Ядвиги прямо выступал как указание на объединение Польши и Литвы¹⁴¹⁶. Перенесение подобной образности на императрицу задавало новые коннотации: Александра-Ядвига по законам повествования оказывалась рядом с мужем-полуварваром и обретала таким образом почти цивилизаторскую миссию.

Вернемся, однако, к изображению на полотне. Автор картины «Коронация Александры» также искал образ для новой польской королевы, но вдохновлялся он, по всей видимости, сюжетами вполне современными. Он поместил своего зрителя у самого входа в зал Сената, за которым открывался

¹⁴¹⁴ Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; О коронации Её Императорского Величества. С. 418–435.

¹⁴¹⁵ Kurjer Warszawski. 1829. № 139. S. 603.

¹⁴¹⁶ Филатова Н.М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...». Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 152–153.

вид на двусветное представительское помещение. По обеим сторонам последнего на галереях для почтенных гостей разместились зрители-мужчины, а на балконах над ними — дамы¹⁴¹⁷. В дальнем торце зала можно рассмотреть тронное место, на котором находятся Николай I и Александра. Императрица в короне и с орденом Белого Орла, сложив руки на груди, стоит на коленях перед императором. Николай представлен развернутым к императрице так, словно он только что возложил на нее королевский венец. В действительности, как указывалось, ход событий был иным — Николай не короновал Александру Федоровну, она вошла в зал в короне, а во время церемонии на нее была возложена только цепь польского ордена Белого Орла. Вместе с тем картина названа «*Коронацией Александры*», да и само изображение создает иллюзию, что зритель наблюдает момент, когда Николай, возложив корону Польши на свою супругу, созерцает свершенное, все еще протягивая к королеве руки.

Ключевым аспектом для анализа картины следует признать то, что художник, очевидно, вдохновлялся известным полотном Давида, изображающим коронацию Жозефины Наполеоном (1804 г.). Выбор эпизода и некоторая схожесть сюжетного построения (императрица на коленях, руки сложены, как для молитвы, иерархически устроенное пространство) говорят о явных отсылках к известному в Европе изображению коронации Наполеона — человека, вокруг которого в Польше, как уже указывалось, был выстроен настоящий культ. Таким образом, персонажи коронации 1829 г. оказывались помещены в символический нарратив иного, наполеоновского толка.

Николай, вероятно, предполагал, что французской темы избежать не удастся. Он прекрасно знал, что Наполеон Бонапарт был коронован дважды, что создало прецедент, который к моменту вступления на престол Николая был памятен всей Европе. Став императором французов в декабре 1804 г. в Нотр-Даме, Наполеон вторично короновался как король Италии менее чем

¹⁴¹⁷ Две заметные фигуры у правых дверей в дальнем конце зала — мужчина и женщина — вероятно, могут быть великим князем Константином Павловичем и княгиней Лович.

полгода спустя — в мае 1805 г. в Миланском соборе. Император Николай I, несомненно, знал об этих обстоятельствах, возможно, ему были знакомы некоторые детали церемонии. Однако у нас нет свидетельств, указывающих на то, что монарх прямо соотносил свою коронацию в Варшаве с наполеоновской коронацией в Милане¹⁴¹⁸. К тому же с точки зрения принятия стратегических решений никакой иной контекст, помимо польско-русского, при подготовке коронации не учитывался. Вместе с тем Николай не мог не понимать, что контекст, в котором он окажется, будет реактуализировать в том числе и французскую тему¹⁴¹⁹. Осознанно или бессознательно, случайно или намеренно, но император оставил польской стороне возможность интерпретации собственного образа и действий в том числе и через призму французских сюжетов.

Стремление поляков продвигать свою образность и собственное видение ситуации можно обнаружить и в иллюстрированном описании символических похорон Александра I 1826 г., изданном в Варшаве как раз к приезду Николая на коронацию. Издание содержало описание церемонии, тексты речей и молитв, которые были произнесены в Польше во время траурных церемоний по покойному императору. Включенные в книгу изображения

¹⁴¹⁸ Николай был заворочен в равной мере как русскими победами 1812–1814 гг., так и фигурой и военным гением Наполеона. В литературе существует указание, что в некоторых своих действиях император мог копировать французского императора. Так, Д. Сдвижков отмечает, что выход Николая I на Сенную площадь во время холерного бунта 1831 г. был отсылкой к поведению Наполеона в чумной Яффе (*Сдвижков Д.А. Империя в наполеоновском наряде: Восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сборник статей (ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 98–99*). Не отрицая возможные параллели, которые могли возникнуть у современников, отметим, что в данном случае речь идет об использовании универсальных стереотипов героики.

¹⁴¹⁹ В русских источниках тема польского стремления постоянно «увязывать» свой образ с Францией появляется достаточно часто. При этом оценки установок такого рода варьируются в зависимости от взглядов автора. Например, П.А. Вяземский, выражавший недовольство, что польский двор российских императоров в Варшаве недостаточно хорош, считал такое положение дел неприемлемым, поскольку в польском обществе «находились еще живые предания, свидетели и участники изящных и блестящих увеселений Трианона... и великолепных празднеств Сен-Клу и Фонтенбло» (*Вяземский П.А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2003. С. 349*). Напротив, иронизировавший над польским культом Франции Д.В. Давыдов писал, соотнося действия поляков во время восстания 1830–1831 гг. с периодом Великой Французской революции: «...явилось новое правление под названием народного или национального. Исполнительная власть препоручена была 5 членам, без отчетности, и министрам, подвластным отчетности сейма и сената. Это была пародия покойной французской Директории, как восстание царства пародия французской революции... и Хлопицкий 18-го брюмера и Наполеону, болтовня сейма — прениям Конвента, Лелевель — Робеспьеру и польская нация — французской» (*Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 г. С. 309*).

демонстрировали убранство «печальной залы» в Варшавском замке и катафалк в соборе Св. Яна, а также огромное похоронное шествие, ставшее кульминацией поминовения¹⁴²⁰.

Как уже говорилось, в этой церемонии 1826 г. образ Александра I был прочтен исключительно изнутри польского нарратива. Однако издание 1829 г. было еще более радикальным — в описание были внесены изменения, направленные на демонстрацию большей субъектности Польши и нивелирование образа Российской империи. Так, иллюстрации книги 1829 г. демонстрировали, что российские ордена Александра I, доставленные из Петербурга¹⁴²¹, «шли» вторыми по порядку, тогда как собственно польские ордена (Белого Орла и Св. Станислава) появлялись последними, то есть оказывались в рамках церемонии «выше» всех остальных, включая российские¹⁴²². Архивные материалы и пресса 1826 г. показывают, что в момент самой церемонии прочтение было иным — российские ордена завершали процессию¹⁴²³, то есть иерархия была развернута в сторону признания главенства Российской империи. Без сомнения, подобная система была нормой. В церемонии похорон Ю. Зайончека, также состоявшейся в 1826 г., ордена наместника были распределены аналогичным образом — орден Андрея Первозванного оказывался выше ордена Белого Орла¹⁴²⁴.

Изменения, внесенные в издание 1829 г., имели целью переописание произошедших недавно событий и были частью подготовки польской стороны к будущему коронационному действу. Указание на политическую субъектность Польши, появлявшееся в источниках самого разного рода (в том

¹⁴²⁰ Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. Как следует из источника, траурные мероприятия по Александру I в Варшаве длились в апереле 1826 г. более двух недель; Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku — miejsce niedoszłego zamachu na cara. S. 182.

¹⁴²¹ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156.

¹⁴²² Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. S. XVIII–XIX.

¹⁴²³ AGAD. F. 197. № 675. К. 3–4; Kurjer Warszawski. 1826. № 63. S. 254.

¹⁴²⁴ AGAD. F. 190. № 91. К. 94.

числе и таких), формировало нарратив, с которым Николаю I пришлось иметь дело во время коронации в Варшаве.

Неудивительно поэтому, что попытки выпустить официально одобренную медаль в честь коронации не увенчались успехом¹⁴²⁵. На Варшавском монетном дворе было отлито несколько вариантов жетонов, но ни один из них не получил одобрения императора Николая. Найти изображение «пробных» медалей в российских исторических каталогах практически невозможно¹⁴²⁶, однако они есть в электронных каталогах аукционных домов и ряда зарубежных музеев, в частности Смитсоновского института. Анализ этих данных демонстрирует все ту же тенденцию к ротации информации относительно произошедшего события. Лицевая сторона медалей неизменно представляет профиль Николая I, однако реверс содержит изображение короны, образ которой восходит к польской коронационной традиции и ничем не напоминает использованный в церемонии венец Анны Иоанновны.

Общий взгляд на церемонию коронации дает возможность обнаружить – реализованный сценарий действия, казавшийся императору Николаю I компромиссным, в действительности оказался радикально смещен в сторону польских религиозных и культурных реалий. Коронация 1829 г. носила ярко выраженный пропольский характер, а реализованные в связи с ее проведением нарративные стратегии отсылали к польской историко-культурной перспективе. При этом предложенный императором сценарий оказался открыт к альтернативным интерпретациям, отсылавшим к исторической вине России перед Польшей. Трактовки содержания коронации 1829 г. в Царстве Польском и в Российской империи существенно различались, а последующий отказ от простраивания коммемораций вокруг варшавской коронации 1829 г. не

¹⁴²⁵ Герб и флаг России X–XX вв. С. 315.

¹⁴²⁶ Изображения и описания этих объектов не попали, например, в «Собрание русских медалей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией / Под ред. С. Строева. Вып. 4: Медали, относящиеся к Александру I, к Николаю I» (СПб., 1843) и в работу В.П. Смирнова «Описание русских медалей» (СПб., 1908).

позволил российским подданным монарха обнаружить суть и значение события.

Глава 6. Забвение как политическая стратегия: пространство николаевской коронации и память о русско-польских столкновениях начала XVII в.

6.1. Варшавская ось триумфа над Москвой

Статья из «Отечественных записок», рассказывавшая русскому читателю о варшавской коронации 1829 г., содержала в себе интересный реестр участников церемонии. Те из них, кто выносил регалии, были названы поименно. «Шествие началось в 11-м часу, — сообщал журнал, — регалиями, несенными на великолепных подушках в следующем порядке:

1. Орден Белого Орла нес Палатин Грабовский.
2. Государственная печать, несомая Министром, Статс-секретарем, Дивизионным Генералом Грабовским.
3. Государственный панир, Генералом от Инфантерии Исидором Красинским.
4. Царский Меч, Генералом от Артиллерии Гауком, с двумя Ассистентами...
5. Царская Порфира, Кастелланами Сераковским и Глищинским.
6. Держава, Палатином Чернецким.
7. Скипетр, Палатином Князем Адамом Чарторыжским.
8. Корона, Презедентом Сената Графом Замойским»¹⁴²⁷.

Как уже отмечалось, среди тех, кто участвовал в этой части действа, были исключительно представители Царства Польского. Мы не увидим здесь чиновников или военных, чья карьера разворачивалась бы в России. Однако важнее то, что среди действующих лиц можно обнаружить поляков, служивших в армии Наполеона и воевавших с Россией в 1812 г. Так, генерал Исидор Красинский, который нес Королевское знамя, состоял в свите Наполеона, участвовал в кампании 1812 г., а при Березине командовал корпусом французов. В войсках Наполеона служили также выносивший на

¹⁴²⁷ О коронации Его Императорского Величества. С. 421–422.

коронации печать генерал Стефан Грабовский и состоявший при королевском мече генерал Мауриций Гауке. Выбранный для вынесения императорской порфиры Юзеф Сераковский был самым первым президентом Комиссии временного правительства, созданной французской администрацией на оккупированных в 1812 г. литовских территориях Российской империи.

Не представляет никакого сомнения, что находившиеся в 1829 г. в коронационном зале, а в 1812–1814 гг. по другую сторону противостояния с французами и поляками Александр Бенкендорф, Владимир Адлерберг, Петр Волконский, Сергей Строганов и Василий Жуковский точно понимали, в каком положении они были прежде, во время войны, и в каком находятся теперь, в мирное время. К перечисленным можно смело добавить и самого императора Николая I, а также довольно многочисленную группу читателей российской периодики, например «Отечественных записок». Коронация в Варшаве происходила спустя чуть более чем полтора десятилетия после окончания Отечественной войны и Заграничных походов русской армии. Противостояние не было забыто, но политический взгляд на события тех лет требовал от общества иметь в виду ряд существенных ограничений. Действительно, к 1829 г. российская элита хорошо усвоила, что поляки переместились в категорию «братья», притом что зиждилось это братство на тысячах убитых под Смоленском, при Бородино, Тарутино, Малоярославце, Лютцене, Кульме и Лейпциге. Но здесь и сейчас погибших надлежало забыть. Механика этого забывания была всем присутствовавшим хорошо знакома. Ведь Александр I, провозгласивший в 1818 г. на сейме, что «забвение прошедшего могло произвести... возрождение» Польши¹⁴²⁸, говорил об одном из важнейших принципов своей политики в регионе и одновременно имел в виду конкретное историческое событие — участие поляков в войне против России в 1812 г.

¹⁴²⁸ Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. С. 612.

Однако выбранная еще императором Александром стратегия памяти затронула не только события начала XIX столетия, она предопределила и прочтение значительно более раннего столкновения России и Польши. Речь идет о событиях Смутного времени — периоде затяжного политического кризиса, который спровоцировал мощную польскую и шведскую интервенцию, ответом на которую стала широкая социальная консолидация, выразившаяся в формировании народного ополчения, изгнании интервентов и появлении на российском престоле новой правящей династии Романовых.

Отметим, что, приехав в Варшаву на коронацию в 1829 г., император Николай I буквально оказался внутри пространства, воплощавшего триумф Польши над Московским царством в начале XVII в.

Символическая ось триумфа Польши над Московским царством, «вшитая» в пространство польской столицы, сложилась задолго до появления в Варшаве Александра I или Николая I. Она сформировалась еще в первой половине XVII столетия и была выстроена вокруг двух исторических персонажей-антагонистов, из которых один — польский король Сигизмунд III — выступал в роли героя и триумфатора, а второй — московский царь Василий Шуйский — в роли поверженного и униженного врага, жизненный крах которого с особой яркостью высвечивал победу противника.

Польский король Сигизмунд III был одним из главных действующих лиц русско-польского политического и военного конфликта периода Смутного времени. Именно он поддерживал проект политического захвата власти в России, связанный с появлением таких фигур, как Лжедмитрий и Марина Мнишек, а затем перешел к военным действиям, результатом которых стали захват Москвы войсками Речи Посполитой (1610 г.) и избрание на московский престол сына Сигизмунда III Владислава. Историки указывают, что Сигизмунд III сам рассчитывал занять московский трон и активно

позиционировал свои права на власть в России¹⁴²⁹. Для этого он использовал символический потенциал одного из самых унижительных для России исторических событий того периода — варшавской присяги захваченного в плен московского царя Василия Шуйского.

Василий Шуйский, представитель первой правящей династии Рюриковичей, был провозглашен царем в 1606 г., заняв престол сразу после убийства Лжедмитрия. Поцеловав «крест всей земле» в Успенском соборе, Шуйский оставался в Кремле несколько лет, легитимизируя свою власть апелляцией к идее наследственности — воцарения на «отчине прародителей»¹⁴³⁰. Он был свергнут четыре года спустя и пострижен в монахи, а в 1610 г. выдан польскому гетману Станиславу Жолкевскому¹⁴³¹. Последний вывез Василия Шуйского и его братьев Дмитрия и Ивана под Смоленск, который осаждали в тот момент польские войска. Здесь свергнутый московский царь был показан польскому королю Сигизмунду III, которому он, по сообщению ряда источников, отказался поклониться¹⁴³². После двух недель пребывания в польском лагере под Смоленском братьев Шуйских отправили в Польшу.

19 (29) октября 1611 г. в королевском замке Варшавы свергнутый московский царь Василий Шуйский принес присягу своему противнику — польскому королю Сигизмунду III. Процедура была прописана с особой тщательностью, а действо было исключительно пышным. Церемония стоила польской казне немалых средств, потраченных, в том числе, и на подготовку особого платья свергнутого царя и его братьев. Василия Шуйского привезли к Варшавскому замку в открытой карете, которая была запряжена шестеркой лошадей¹⁴³³. Действо было организовано во время заседания в Варшаве

¹⁴²⁹ См., например, работу А.В. Лаврентьева о «московской короне» Сигизмунда III (*Лаврентьев А.В. «Московитская корона» в казне польских королей XVII–XVIII вв. (о происхождении и судьбе инсигнии)* // Slověne. 2018. № 1. С. 93–114).

¹⁴³⁰ *Платонов С.Ф.* Смутное время. Прага: European Printing, 1924. С. 120–121.

¹⁴³¹ Василий Шуйский был выдан «под охрану» гетману по решению Боярской думы (*Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 241–242).

¹⁴³² Там же. С. 246.

¹⁴³³ Там же. С. 252.

очередного сейма, то есть наблюдать за унижением русского государя могли все знаковые представители польской элиты¹⁴³⁴. Среди участников присутствовал и отец Марины Мнишек — воевода Юрий Мнишек.

Историк С.М. Соловьев описывает это событие следующим образом: «Когда всех троих Шуйских поставили перед королем (Сигизмундом III. — *Прим. авт.*), то они низко поклонились, держа в руках шапки. Жолкевский начал длинную речь об изменчивости счастья, прославлял мужество короля, указывал на плоды его подвигов — взятие Смоленска и Москвы, распространился о могуществе царей московских, из которых последний стоял теперь перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потом поцеловал эту руку, второй брат, Дмитрий, ударил челом до самой земли, третий брат, Иван, трижды бил челом и плакал. Гетман продолжал, что вручает Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, просил оказать им ласку, причем все Шуйские опять молча били челом. Когда гетман окончил речь, Шуйских допустили к руке королевской. Было это зрелище великое, удивление и жалость производящее, говорят современники...»¹⁴³⁵

Через несколько дней после этого события Сигизмунд III объявил о присоединении к Польше завоеванных у Москвы территорий — «Северского княжества вместе с землею» и Смоленской крепости. Документ был направлен на подрыв легитимности власти Шуйского, названного в тексте узурпатором, захватившим «не принадлежавшую ему княжескую власть... обманом и преступным насилием»¹⁴³⁶. Сигизмунд оформлял свои претензии на московский престол, представляя себя потомком Рюриковичей¹⁴³⁷, и аргументы такого рода позволяли ему прямо указывать на собственные наследные права.

¹⁴³⁴ Там же. С. 251.

¹⁴³⁵ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1989. Кн. 4. Т. 8. С. 623.

¹⁴³⁶ Козляков В.Н. Василий Шуйский. С. 254.

¹⁴³⁷ Grala H. «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids // Spain — India — Russia. Centres, Borderlands and Peripheries of Civilisations / Ed. by J.S. Ciechanowski, C. Gonzalez Caizan. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa, 2018. P. 339.

После присяги братья Шуйские были отправлены подальше от Варшавы — в Гостынский замок, где, вероятно, содержались в тяжелых условиях. Скончавшиеся вскоре Василий и Дмитрий были похоронены в склепе под сводами замковых ворот¹⁴³⁸. По мнению историка Р.Г. Скрынникова, смерть братьев могла быть насильственной¹⁴³⁹.

Присяга Шуйских приобрела известность далеко за пределами Варшавы¹⁴⁴⁰ и нашла отражение в целом ряде произведений литературы и искусства, например в изображениях Томмазо Долабеллы, о которых речь пойдет ниже. Отголоски событий 1611 г. можно найти и в известной пьесе П. Кальдерона де ла Барка «Жизнь есть сон», в которой действие происходит в Полонии, один из персонажей имеет титул «Герцога Московского», а основными героями являются родственники и одновременно противники — Сехисмундо и Басилио¹⁴⁴¹. Интересно, что в пьесе отражен нарратив, сформировавшийся в отношении произошедшего, а именно — представление о том, что Сигизмунд пленил побежденных «царей», но проявил к поверженным врагам милость. Такая трактовка действий польского короля была дана в упомянутой речи гетмана С. Жолкевского, а затем и в посвящении, выбитом над входом в мавзолей Шуйских.

Знаменитый эпизод с присягой Василия Шуйского стал основанием для разворачивания польской мемориальной традиции в отношении русско-польского противостояния начала XVII в. Варшава стала превращаться в «место памяти» о польских победах над Москвой уже в 1620-е гг., то есть еще

¹⁴³⁸ Устимович М.П. Гостынский замок место заточения, кончины и первой усыпальницы царя Василия Иоанновича Шуйского. С. 10–11; Устимович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 19.

¹⁴³⁹ Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. М.: АСТ, 2006. С. 381–382.

¹⁴⁴⁰ Существует мнение, что на сейме 1611 г. мог присутствовать также находившийся в это время в плену патриарх Филарет — отец Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых (Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. Варшава, 1905. С. 21). По другим сведениям, патриарх и В. Шуйский не видели друг друга во время плена в Польше (Устимович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 8–9).

¹⁴⁴¹ Об интерпретации пьесы и исторических отсылках в ней см.: Brody E.C. Poland In Calderón's «Life Is A Dream»: Poetic Illusion Or Historical Reality // The Polish Review. 1969. Vol. 14. № 2. P. 21–62; Ziomek H. Historic Implications And Dramatic Influences In Calderón's «Life Is A Dream» // The Polish Review. 1975. Vol. 20. № 1. P. 111–128.

при Сигизмунде III. Однако окончательно этот проект оформился к началу 1640-х гг. — в период правления его сына Владислава IV, который, напомним, был избран на русский престол. Существенно, что к началу 1620-х гг. вопрос о возможности обретения власти в Московии становился для польского короля и его наследника все более призрачным, а потребность в символическом позиционировании побед, напротив, возрастала.

В 1620 г. Сигизмунд III инициировал строительство так называемой Московской часовни, где были перезахоронены останки братьев Шуйских. Отметим, что это произошло вскоре после Деулинского перемирия (1619 г.), которое подвело черту под войной между Московским царством и Речью Посполитой, но не привело к окончательному разрешению спора о московском престоле. Владислав отказался от своих претензий на трон лишь после Поляновского мира (1634 г.)¹⁴⁴².

Московская часовня (Московская каплица) — своего рода мавзолей Шуйских — должна была увековечить триумф короля Сигизмунда III. По точному определению С. Либровича, усыпальница представляла собой «вещественный след погребения царя в чужой земле, оставалась как будто память о временном падении Московского государства»¹⁴⁴³. У входа в часовню была размещена мраморная плита с надписью на латыни: «Во Славу Иисуса Христа, сына Божия, царя царей, Бога войск. Сигизмунд III, король Польши и Швеции, когда Московское войско было разбито при Клушине, когда он принял под свою власть Московскую столицу, когда Смоленск был возвращен республике, когда Василий Шуйский, Великий Князь Московский, и его брат Дмитрий, предводитель войска... были взяты в плен, содержались в замке Гостыньском под стражею, и там окончили свою жизнь: Помня о человеческой участи, кости их перенести сюда [повелел], и чтобы, в его царствование, даже враги и вопреки права приобретшие скипетр не лишены были справедливости и погребения, в этом им построенном для всеобщей памяти в потомстве и для

¹⁴⁴² Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. С. 77.

¹⁴⁴³ Либрович С. Царь в плену. С. 86.

честь своего королевства памятник... [положить повелел]...»¹⁴⁴⁴ Местом для размещения мавзолея был выбран Королевский тракт, соединяющий Варшаву с Краковом¹⁴⁴⁵. Московская часовня быстро стала заметным городским объектом: ее можно увидеть на множестве варшавских карт того времени.

После смерти Сигизмунда III разворачивание мемориальных практик вышло на новый уровень¹⁴⁴⁶. В 1644 г. король Владислав IV в память о покойном отце установил перед Варшавским замком колонну Сигизмунда. На ее вершине была размещена скульптура польского короля в рыцарских доспехах и с саблей в руках. Монарх был изображен опирающимся на огромный католический крест. На одной из граней постамента была сделана надпись, которая сообщала о деяниях короля: «Сигизмунд III, свободно избранный король Польши, наследный король Швеции, в любви к миру и славе первый среди королей, в войне и победах не уступающий никому, взял в плен предводителей московских, столицу и земли (московские. — *Прим. авт.*) занял, войска разгромил, Смоленск вернул, сломил под Хотиным мощь Турции, царствовал сорок четыре года, сорок четвертый король, сравнялся во славе со всеми [предыдущими] и принял ее (славу. — *Прим. авт.*) полностью»¹⁴⁴⁷. В этом тексте интересен риторический и вполне ориенталистский прием, подобный тому, что через два столетия использует император Николай I, оформляя идею нового единства и подчеркивая борьбу Польши и России с турецкой угрозой. В содержательном отношении, однако, установка, представленная Владиславом, была диаметрально противоположна николаевской: в рамках польского властного дискурса середины XVII в. пространство варварства включало в себя как Турцию, так и Москву. При

¹⁴⁴⁴ Надпись на могиле царя Василия Ивановича Шуйского. С. 91–92; *Starowski S. Monumenta sarmatarum beatae aeternitati*. Kraków, 1655. P. 259–260; *Niemcewicz J. Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego*. T. 3. Warszawa, 1819. P. 195–196.

¹⁴⁴⁵ В настоящее время — пересечение ул. Николая Коперника и ул. Новый Свят.

¹⁴⁴⁶ О претензиях на российский трон Владислава см.: *Grala H. «God Save Tsar Władysław»*. Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids. P. 333–347.

¹⁴⁴⁷ *Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 1. С. 35; Альтернативный перевод текста см.: *Устимович М.П.* Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 22.

этом, судя по тому, что Москва занимала в тексте пропорционально большую часть, именно она могла формировать основание для всей конструкции.

В польской исследовательской литературе хорошо описано, что колонна Сигизмунда и Московская часовня были значимой частью церемониального пространства Варшавы, выстроенного, в свою очередь, в соответствии с семиотическими установками, реализованными в Кракове, главном месте проведения польских коронационных ритуалов¹⁴⁴⁸. Помимо этих объектов ключевой точкой триумфальной оси был и Варшавский замок¹⁴⁴⁹ — место присяги Шуйских. Представительские помещения замка были украшены полотнами, отражавшими польскую память о войнах с Московским царством. Одной из наиболее значимых картин здесь была работа итальянского художника Томмазо Долабеллы, изображавшая присягу Шуйских. Картина с длинным названием «Станислав Жолкевский представляет королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу на сейме 1611 г. пойманных царей Шуйских» сейчас считается утраченной, возможно, даже уничтоженной, однако сохранившаяся копия из экспозиции Львовского исторического музея¹⁴⁵⁰ может пролить свет на то, как выглядело полотно¹⁴⁵¹.

В центре картины мы видим помост, на котором возвышаются две фигуры — Сигизмунд III и его сын королевич Владислав. Несмотря на то, что

¹⁴⁴⁸ Chrościcki J. Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy. S. 125–142.

¹⁴⁴⁹ Ibid. S. 138. В польской исследовательской литературе отмечается, что ось триумфа включала в себя, помимо Московской часовни, колонны Сигизмунда III и Варшавского замка, обелиск в честь Владислава IV (после 1648 г., не завершен) и триумфальную арку в честь побед Яна II Казимира (Ibid. S. 138).

¹⁴⁵⁰ Отдельные искусствоведы выдвигают предположение, что это полотно является оригинальной работой Т. Долабеллы (Wilkojć E. Siedemnastowieczny obraz Stanisław Żółkiewski przedstawia Zygmunta III i królewiczowi Władysławowi na sejmie w 1611 roku pojmanych carów Szujskich z Lwowskiego Muzeum Histo — rycznego w świetle badań konserwatorskich // Hołd carów Szujskich. S. 168). Однако в большинстве своем к таким трактовкам относятся скептически (Przybyszewski W. Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 18–19; Dolabella. Wenecki malarz Wazów. S. 106).

¹⁴⁵¹ Сохранившаяся копия, возможно, не во всем совпадала с оригиналом Долабеллы. В литературе существует мнение, что картина из экспозиции Львовского исторического музея могла быть выполнена по заказу великого коронного маршала Сигизмунда Гонзага Мышковского (Przybyszewski W. Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. P. 19). Вполне вероятно, что заказ предполагал перераспределение акцентов в сторону «подсвечивания» на полотне фигуры Мышковского, которая в оригинале не занимала столь значительного места. Так, созданная по мотивам картины Долабеллы гравюра Томаша Маковского в целом ряде деталей не совпадает с трактовками образов на полотне из Львовского музея. Однако в интерпретации основных — властных — позиций сходство между картиной Т. Долабеллы и музейной копией не вызывает сомнений.

последний был избран московским царем, не приходится сомневаться, что ключевым персонажем здесь является Сигизмунд: он занимает более почетную правую сторону¹⁴⁵² и при том, что тронные кресла изображены стоящими на одном уровне, оказывается на полголовы выше сына. Сигизмунд и Владислав выделяются на общем фоне окружающих их людей в том числе и цветом одежд: для их изображения художник предсказуемо выбирает один из польских национальных цветов — красный. Король и королевич представлены слушающими речь Жолкевского, чья фигура, в плаще и с булавой, расположена в правой (от зрителя) части картины. Долабелла смог вполне отчетливо выстроить взаимодействие между тремя указанными персонажами: Сигизмунд и Владислав развернуты в сторону Жолкевского, а гетман в свою очередь делает жест, направленный в сторону трона. Все пространство вокруг королевского помоста занимают ряды участников действия — представителей польской знати и членов Сената, что должно было указывать на высокий статус происходящего.

Не менее выразительны и фигуры братьев Шуйских, расположенные в нижней части картины. Василий, Дмитрий и Иван предстают перед зрителем облаченными в богатые цветные кафтаны с длинными рукавами на старомосковский манер и очень высокими, особым образом оформленными воротниками. Художник потратил немало усилий на передачу деталей одежды Шуйских: мы видим вычурные узоры кафтанов и разноцветные камни, нашитые на воротники. Из московитов выделяется центральная фигура, по всей видимости царя Василия. Из присягающих он самый высокий, на нем самое яркое (золотое) и, вероятно, самое богатое платье; на его голове высокая меховая — дикая — шапка. Из всех участников действия он также единственный, чье лицо не видно зрителю.

Образы Шуйских выстроены в явной оппозиции к представителям польской королевской власти. Одежда Шуйских отлична от облачения

¹⁴⁵² Стороны маркируются с учетом позиции главного действующего лица, а не зрителя.

Сигизмунда, Владислава, Жолкевского и других поляков. Используемая в интерпретации образов Шуйских ориенталистская стилистика вполне узнаваема и имеет своей целью соотнести последних с пространством варварства, противопоставленного пространству цивилизованности. Варварскую природу «московских царей» призвано подчеркнуть и изображение восточного ковра, размещенного художником в той же части картины, что и фигуры Шуйских¹⁴⁵³. Еще одним ключевым символом, который предопределяет оппозицию цивилизация–варварство, является католический крест, триумфально возвышающийся над всеми персонажами.

Ю.М. Эскин отмечает, что картина играла «важную пропагандистскую роль» для демонстрации польского триумфа над Москвой, поскольку случай, когда один монарх пленял другого, был большой редкостью¹⁴⁵⁴. Более того, это живописное напоминание об унижительной клятве царя Василия Шуйского размещалось в замке в паре с картиной, посвященной взятию поляками (а значит, утрате русскими) Смоленска¹⁴⁵⁵. Полотна использовались как плафоны в двух помещениях, которые вели к Мраморной комнате и Аудиенц-залу Варшавского замка¹⁴⁵⁶. Мраморная комната замка, оформленная портретами Вазов и Ягеллонов¹⁴⁵⁷, была также украшена историческими картинами на тему побед Сигизмунда и Владислава в России. Среди сюжетов фигурировали поход на Москву в 1610 г. и Смоленская кампания 1632 г.¹⁴⁵⁸

К началу XIX в. в Варшаве уже более полутора столетий существовала символическая ось триумфа над Москвой, определявшая облик городского

¹⁴⁵³ Ковер покрывает помост трона, его попирает ногами Сигизмунд III.

¹⁴⁵⁴ Эскин Ю. Филарет глазами Долабеллы? Русские на гравюре 1611 года // Родина. 2006. № 11. С. 13. Стоит отметить, что в связи с претензией на власть в Москве Сигизмунд III и прежде совершал яркие символические акции, целью которых было продемонстрировать его влияние на московский трон. См. об этом: Лаврентьев А.В. Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 81–115.

¹⁴⁵⁵ Согласно одной из гипотез, на втором полотне Долабеллы был изображен отец первого Романова патриарх Филарет (Эскин Ю. Филарет глазами Долабеллы? Русские на гравюре 1611 года. С. 15).

¹⁴⁵⁶ Лилейко Е. Варшавский замок. С. 37; по другим сообщениям, картины украшали потолок зала Сената (Wilkojć E. Siedemnastowieczny obraz Stanisław Żółkiewski przedstawia Zygmunta III i królewiczowi Władysławowi na sejmie w 1611 roku pojmanych carów Szujskich z Lwowskiego Muzeum Historycznego w świetle badań konserwatorskich. Р. 167).

¹⁴⁵⁷ Лилейко Е. Варшавский замок. С. 39.

¹⁴⁵⁸ Там же. С. 37–38.

центра (Московская часовня, Колонна Сигизмунда и Варшавский замок с залом Сената, где состоялась присяга Шуйских). Созданная в первой половине XVII столетия, она была выстроена вокруг мемориалов, связанных с двумя антагонистами периода Смуты — польским королем Сигизмундом III и захваченным в плен московским царем Василием Шуйским. В последнем случае был использован символический потенциал унижительной для России присяги Василия Шуйского Сигизмунду III в 1611 г. Подобная структура городского пространства — при условии «считывания» подобных исторических нарративов — представляла отдельную проблему для проведения в Варшаве коронации Николая I.

6.2. Борьба за память о Смуте: от первых Романовых до Екатерины II

Прежде чем ответить на вопрос о том, насколько значимым был этот аспект для формирования сценария коронационных торжеств 1829 г., отметим, что середина 1810-х — 1820-е гг. ознаменовались в России повышенным интересом к истории начала XVII в. — времени затяжного политического кризиса, который спровоцировал мощную польскую и шведскую интервенцию, ответом на которую стала широкая социальная консолидация, выразившаяся в формировании народного ополчения, изгнании интервентов и появлении на российском престоле новой правящей династии Романовых. Пристальное внимание к событиям двухсотлетней давности со стороны общества было прямо связано с недавними победами над наполеоновской армией. Пара образов 1812/1612 закреплялась в общественном сознании совпадением сроков битвы за Москву в XVII и XIX вв., а также практически одновременным открытием в Москве памятников К. Минину и Д. Пожарскому и закладкой храма Христа Спасителя¹⁴⁵⁹.

Однако к началу XIX столетия практики конструирования памяти о Смуте прошли через несколько существенных этапов.

¹⁴⁵⁹ Киселева Л.Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.К. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 78.

Самый ранний этап осмысления Москвой произошедших событий и, что более важно, поиск форм их презентации остается пока малоизученным. Вместе с тем в литературе, посвященной этому периоду, можно обнаружить некоторые отсылки к происходящим процессам. Так, И.Е. Забелин в «Домашнем быте русских царей» указывает, что специально для встречи очередного польского посольства в 1678 г. в Святых сенях перед Грановитой палатой (тронным залом русских царей в Московском Кремле) поновляли роспись «Видение царя Константина о кресте»¹⁴⁶⁰. Изображение Константина в Святых сенях, располагавшееся напротив входа с Красного крыльца, первым попадало в поле зрения всех направлявшихся на аудиенцию к русскому царю и было призвано символически постулировать неотвратимость победы православного монарха. Очевидно, речь шла о стремлении представить роспись в наилучшем виде во время предстоящего визита католиков-поляков.

Существенную часть ранних мемориальных практик составляла, как представляется, борьба с польской версией событий начала XVII в. Первые Романовы прямо стремились к уничтожению или, по крайней мере, изменению антимосковской топографии Варшавы. Так, в 1635 г. родоначальник династии Романовых царь Михаил Федорович добился передачи Москве останков покойных братьев Шуйских, в том числе и царя Василия¹⁴⁶¹. Интересно, что согласие польской стороны на возвращение останков сопровождалось следующими словами, адресованными русским послам: «А толко б де был Жигмонт (Сигизмунд. — *Прим. авт.*) король, и он бы никак тела царя Василья

¹⁴⁶⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн. 1: Государев двор или дворец. С. 217.

¹⁴⁶¹ Устимович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 24–25. В историографии существует дискуссия относительно того, использовал ли посол А.М. Львов-Ярославский подкуп для решения вопроса о выдаче тел. С. Либрович и Д. Цветаев полагают, что Москва была готова заплатить за выдачу тел, но взятки не потребовались (*Либрович С. Царь в плену. С. 76; Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 1. С. 27–28*). Л.Д. Львова, ссылаясь на материалы РГАДА, утверждает, что подкуп имел место (*Львова Л.Д. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Интернет-журнал «Ломоносов» (<http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm>)*). В любом случае возможность использовать деньги как аргумент в переговорах оговаривалась в наказе послу (*Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. XXVII–XXVIII*).

не отдал, хотя бы ему полаты золота насыпали, и он бы кости одной не отдал»¹⁴⁶².

Свергнутого царя перезахоронили (уже во второй раз) в Архангельском соборе Московского Кремля — некрополе Рюриковичей и Романовых. В пышном церемониале прощания принял участие сам царь, а на могильном памятнике Шуйского появилась эпитафия, описывавшая жизнь и смерть в изгнании и возвращение тела в Москву¹⁴⁶³. Идея преемственности династической власти Рюриковичей и Романовых имела для Михаила Федоровича колоссальное значение, а о сложных отношениях при жизни между В. Шуйским и отцом нового царя — патриархом Филаретом, бывшим долгое время фактическим соправителем первого Романова¹⁴⁶⁴, — старались не вспоминать.

Впоследствии Михаил Федорович благоволил единственному выжившему и вернувшемуся из польского плена Шуйскому — Ивану¹⁴⁶⁵, который по возвращении начал управлять Московским судным приказом, женился на дочери боярина В.П. Морозова, укрепив таким образом свое положение при дворе¹⁴⁶⁶, и стал одним из крупнейших землевладельцев в стране¹⁴⁶⁷.

¹⁴⁶² Козляков В.Н. Василий Шуйский. С. 260.

¹⁴⁶³ Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. XXXIII–XXXV; Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. С. 78.

¹⁴⁶⁴ Платонов С.Ф. Смутное время. С. 124–125.

¹⁴⁶⁵ Иван Шуйский являлся до пленения сторонником королевича Владислава и находился на службе у Сигизмунда III (*Grala H. «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids.* P. 340; Устимович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 18).

¹⁴⁶⁶ Женившись на Марфе Морозовой, Иван Шуйский стал, в частности, свояком ближнего боярина князя И.Б. Черкасского. Об отношении к И. Шуйскому см. также: Милорадович А.А. Царица Мария Владимировна // Русский архив. 1897. № 9. С. 12.

¹⁴⁶⁷ А. Павлов указывает, что «по самым скромным подсчетам, за ним числилось около 14 тыс. четвертей вотчинной и 1,6 тыс. четвертей поместной земли. Основу его земельных богатств составляли возвращенные (пожалованные) ему родовые вотчины князей Шуйских, которыми они владели до “московского разорения”» (Павлов А. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // *Quaestio Rossica* 2018. Vol. 6. № 4. P. 962). По материалам М. По, единственный выживший Шуйский имел самый высокий оклад среди бояр (700 руб.) наравне с И.Н. Романовым и, позднее, с Ф.И. Шереметевым (Poe M.T. *The Russian Elite in the Seventeenth Century.* Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. Vol. 1. P. 111–129). Со смертью Ивана род Шуйских прервался. В середине XVII столетия, однако, российскому правительству пришлось иметь дело с выдававшим себя за сына царя Василия Шуйского беглым подьячим Т. Анкудиновым, появление которого затрудняло решение ряда дипломатических вопросов (Лисейцев Д.В. Тимофей Анкудинов: Одиссея русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии.

Не менее активен в отношении польской версии Смуты был и следующий российский монарх — царь Алексей Михайлович, потребовавший от Польши во второй половине 1640-х гг. отдать упоминавшуюся выше мраморную плиту с надписью об унижении Шуйских. Переговоры прошли успешно, и плита была доставлена в Москву¹⁴⁶⁸. В литературе существует также указание, что Романовы просили решить вопрос о «снятии», то есть уничтожении Московской часовни¹⁴⁶⁹.

Не изменилось отношение к польской версии столкновений начала XVII в. и с появлением на престоле Петра I. До заключения с польским королем Августом II антишведского союза правительство молодого царя не забывало историю Смуты и претензии польских королей на московский престол. В 1696 г. русский резидент в Варшаве А.В. Никитин, получив информацию о взятии Азова, потребовал в своей речи перед Сенатом не использовать в официальных бумагах наименование польских королей как властителей Киева и Смоленска¹⁴⁷⁰. Некоторым фоном проходит история Смуты и через материалы путешествия по Европе в 1697–1699 гг. П.А. Толстого, который, осмотрев Варшавский замок, не зафиксировал какого-либо особого оформления представительских помещений¹⁴⁷¹, однако заметил колонну Сигизмунда, приняв ее за монумент Владиславу. В своем описании он указал:

Будапешт, 2011; Козляков В.Н. «За царскую честь война вестъ»: время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 47–48).

¹⁴⁶⁸ Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. XXXV–XL; Либрович С. Царь в плену. С. 84–89. По мнению С. Либровича, в Москве плита была зарыта в землю (Либрович С. Царь в плену. С. 89). Существует альтернативная версия событий, согласно которой плита была спрятана в Польше (Kraushar A. Warszawa historyczna i dzisiejsza: zarysy kulturalno-obyczajowe. Lwow; Warszawa; Krakow, 1925. S. 125–126).

¹⁴⁶⁹ Устимович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 26–27.

¹⁴⁷⁰ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М.: Международные отношения, 1986. С. 40.

¹⁴⁷¹ П.А. Толстой, оказавшийся в Речи Посполитой в момент траура по скончавшемуся королю Яну Собескому, предметно описал его *castrum doloris* в Варшавском замке, а также находившийся в плачевном состоянии зал Сената («Между тех королевских полат есть одна полата великая, которую поляки называют изба сенаторская, в той полате бывает у поляков сейм, у которой полаты окна великие, окончины были стеколчетые, все повывломаны // и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делах пьяных поляков»). Примечательно, что Толстой описывает Варшаву с интересом (каменное строительство, коллекционирование предметов искусства, особый похоронный обряд), но не без ощущения превосходства. Стольник отдельно отмечает отсутствие удобной переправы через Вислу, из-за чего, по его словам, ежегодно погибает множество людей, и неустройство в государстве из-за постоянных стычек представителей польской шляхты (Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699 гг.). С. 23–25).

«У ворот вышеписанного замку зделан столб зело высокой, из одного камени вытесан. На том столбе поставлена персоне Владислава, бывшего древле короля полскаго, вылита из меди и вызолочена, имея в левой руке крест, а в правой руке обнаженный держит меч»¹⁴⁷².

Появление Петра I в Варшаве и его знакомство с польскими мемориальными практиками задали новый виток противостоянию. Описание произошедшего можно обнаружить в книге, изданной в 1730 г. и посвященной Варшаве и ее окрестностям. Автором публикации был личный медик короля Польши и курфюрста Саксонии Августа II, ботаник и метеоролог Христиан Эрндтель¹⁴⁷³. Работа вполне отражала интересы Эрндтеля, сообщавшего своему читателю в основном многочисленные факты, связанные с географией и ботаникой территорий, расположенных вокруг польской столицы. Однако в книге нашлось место и истории, при этом последняя обрела черты увлекательного приключенческого рассказа. Повествуя о пространстве власти в Варшаве, королевский врач описал богатейшую коллекцию живописи столичного замка, в том числе уже упоминавшиеся полотна Т. Долабеллы: «...изображение занятия города Смоленска и то публичное действие, во время которого... польский полководец гетман Жолкевиус в присутствии сенаторов передал... королю плененного великого князя Московии». При этом медик с сожалением констатировал, что вторая картина «во время последней шведской войны русским царем Петром была... увезена в Московию»¹⁴⁷⁴. Х. Эрндтель, не отметив обстоятельства, при которых была осуществлена передача картины, создавал у читателя ощущение утраты шедевра. Он также упоминал, что русский царь покушался и на колонну Сигизмунда III, возведенную перед Варшавским замком (Петр стремился «покончить... с памятником»), чему, однако, помешали «неутомимые выступления против такого осквернения

¹⁴⁷² Там же. С. 25.

¹⁴⁷³ В настоящее время его работы содержатся в каталогах естественно-научных библиотек (*Hutchings C.E. Missouri Botanical Garden Annual Report. St. Louis, 1903. Vol. 1903. P. 233–316*).

¹⁴⁷⁴ *Erndtel C.H. Warsavia physice illustrata. P. 22.*

некоторых сенаторов»¹⁴⁷⁵. Королевский медик передал детали произошедшего относительно точно. Он ошибся лишь в одном: во второй половине 1700-х гг. российский император получил в качестве дара от Августа II не одну, а обе картины Долабеллы.

Надо отметить, что новый обладатель исторических полотен — российский император Петр I — был известным коллекционером предметов искусства и разнообразных диковинок. Будучи при этом человеком исключительно настойчивым, он умел заполучить понравившееся, преподнеся дипломатический дар, устроив выгодный обмен или просто купив желаемое. Именно так в России появился известный глобус-планетарий (Готторпский глобус), статуя Венеры Таврической и анатомическое собрание Фредерика Рюйша. Однако в случае с картинами Т. Долабеллы речь не шла о стремлении обладать выдающимися предметами искусства. Более того, в данном случае качество приобретенного российского императора, вероятно, не интересовало. Требуя от польского короля и саксонского курфюрста Августа II — своего союзника, человека, с одной стороны, свободного от давления польской культурной традиции, а с другой, зависимого от действий войск Петра I — отдать картины «в дар», российский император, скорее всего, не планировал включать эти полотна в свою коллекцию. Его задачей был подрыв к тому времени уже сложившегося польского мифа о триумфальных победах в борьбе против Московского царства. Что произошло с полотнами после их передачи Петру I, неизвестно, их след теряется. Д.В. Цветаев искал их в Гатчине, но не нашел, сделав вывод, что этих работ, «по-видимому, уже нет»¹⁴⁷⁶.

Интересным аспектом этой истории является вопрос датировки событий. Эрндтель ничего не говорит относительно времени, когда Петр I

¹⁴⁷⁵ Ibid. P. 22. К версии о том, что Петр намеревался увезти в Россию и колонну Сигизмунда III, склонялся также Д.В. Цветаев (*Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. С. 38–39*).

¹⁴⁷⁶ Историк и архивист конца XIX — начала XX в. Д.В. Цветаев, много изучавший историю Василия Шуйского и его захоронения, в свое время попытался безуспешно отыскать полотна в Гатчине (*Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. С. 39*). Современный польский историк И. Граля, указывая на печальную судьбу Гатчинского дворца в период нацистской оккупации, полагает, что картины стоит считать утраченными, но не обязательно уничтоженными императором Петром I (*Grala H. Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach — zarys historyczny. S. 346–347*).

забрал картины. Занимавшийся этим вопросом С. Либрович полагает, что царь мог вывезти полотна Долабеллы в 1703 г., однако он не приводит никаких доводов¹⁴⁷⁷. Впервые Петр I побывал в Польше в 1698 г. — на обратном пути из Великого посольства. Известия о стрелецком бунте заставили царя изменить планы; монарх спешно вернулся в Москву, отказавшись от посещения Варшавы и Кракова¹⁴⁷⁸. Последующие несколько встреч Петра и Августа прошли вне пределов Варшавы¹⁴⁷⁹. Очевидно, увидеть город Петр смог лишь во второй половине 1700-х гг., а точнее, в 1707 г. Событию предшествовал печальный эпизод из истории отношений двух стран и двух монархов. В 1706 г. Август II заключил Альтранштадтский мир, согласно которому он отказывался от прежнего договора с Петром I и признавал польским королем Станислава Лещинского. В этой ситуации Петр принял решение ехать в Речь Посполитую. В письме И.А. Мусину-Пушкину он так аттестовал Варшаву: «...город зело изрядной и мало походит на Польские города»¹⁴⁸⁰. Царь прожил в Варшаве почти два месяца — с середины июля по начало сентября. При этом он часто встречался с польскими магнатами и влиятельными депутатами сейма. Столь продолжительное пребывание в Варшаве было продиктовано стремлением найти кандидата на роль нового польского короля, однако эти попытки оказались бесплодными. По точному замечанию Н.И. Павленко, «обрести претендента на польскую корону при наличии двух живых королей оказалось делом непосильным»¹⁴⁸¹. Едва ли, впрочем, в 1707 г. Петр смог бы увезти с собой картины или тем более

¹⁴⁷⁷ Либрович С. Царь в плену. С. 90.

¹⁴⁷⁸ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. С. 74.

¹⁴⁷⁹ В 1698 г. личная встреча Петра I и польского короля Августа II состоялась в Раве (Раве-Русской) — местечке недалеко от Львова (Яблоновский Я.-С. Петр I в Русской Раве в 1698 году // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1. С. 215–216). В феврале 1701 г. свидание прошло в Биржах недалеко от Динабурга. Здесь был заключен договор, подтверждающий прежний союз монархов против Швеции (Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник польского дипломата — очевидца этого свидания // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1853. Кн. 17. С. 12). В 1705 г. встреча Петра I и Августа II прошла в Тыкоцине (Дуров В. Ордена Российской империи. С. 180).

¹⁴⁸⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. С. 18.

¹⁴⁸¹ Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С. 224–225.

поставить вопрос о вывозе колонны Сигизмунда¹⁴⁸². Его положение и цели поездки этому явно не способствовали.

В следующий раз Петр I приехал в Варшаву в конце августа 1709 г. после победы под Полтавой. По сообщениям источников, царь остановился в городе, «где прежде стоял»¹⁴⁸³, много осматривал достопримечательности, посетил дворец короля Яна Собеского в Вилянове¹⁴⁸⁴. За несколько недель до его приезда Август II объявил Альтранштадтский договор недействительным и, стремясь вернуть себе польскую корону, заявил о желании возобновить союз с Россией. Последний был заключен чуть более месяца спустя (Торуньский союзный договор). Не исключено, что именно во время этого визита в Варшаву Петр потребовал у Августа картины Т. Долабеллы¹⁴⁸⁵. На это указывает и тот факт, что сразу несколько источников личного происхождения отметили появление в России на рубеже 1700-х и 1710-х гг. целого ряда польских произведений искусства, таких как бюст польского короля Яна Собеского, выставленный в Летнем саду¹⁴⁸⁶.

По сути, оценка Петром I истории взаимоотношений России и Польши не отличалась от позиции его отца и деда. Это идет вразрез с устоявшимся образом основателя империи, которого принято считать реформатором, ломающим старое и отторгающим прежнюю традицию. Утверждается также, что допетровское фактически перестало существовать в политическом ландшафте вплоть до появления интеллектуального славянофильства конца царствования Екатерины II. Эпизод с картинами Т. Долабеллы опровергает эти

¹⁴⁸² В польской историографии время утраты картин также не определено. Высказывается мнение, что полотна были подарены Августом II российскому царю в 1707 г. (*Przybyszewski W. Car Wasył IV i jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 17*).

¹⁴⁸³ Петр I. Походный журнал 1709 г. // Петр I. Походные журналы Петра Великого 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1854. С. 16. Здесь следует отметить, что во время поездок по Европе Петр фактически следовал принципу экстерриториальности (*Болтунова Е.М. Свой среди своих / свой среди чужих: Путешествие Петра I в Париж в 1717 г. и формирование топографии власти в России начала XVIII в. // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727). Европейский дом, 2020. Гл. 4. С. 129–146*).

¹⁴⁸⁴ Петр I. Походный журнал 1709 г. С. 15.

¹⁴⁸⁵ И. Граля, ссылаясь на Ю. Немцевича, полагает, что картины были подарены Петру I в 1716 г. (*Grala H. Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach — zarys historyczny. S. 346*).

¹⁴⁸⁶ К версии получения картин в это время склоняется Е.В. Анисимов в проекте «*Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем*» // <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (комментарий к 23.09/04.10.1709).

установки. Петр I был внимателен к истории Смутного времени и памяти о ней, особенно во второй половине жизни и царствования. Так, известно, что именно при Петре I была предпринята попытка отыскать царские венцы, украденные из казны Рюриковичей после взятия Москвы поляками¹⁴⁸⁷. Существует также, впрочем, в значительно степени мифологизированное сообщение о посещении Петром I могилы К. Минина в Нижнем Новгороде в 1722 г.¹⁴⁸⁸ Стоит отметить, что все эти усилия Петр предпринимал в ситуации ограниченного влияния на Польшу.

Оценить развитие истории памяти о Смуте в последующий период сложнее. Хотя польская политика Екатерины II, с возведением на престол Станислава Августа Понятовского и аннексией огромной территории в результате разделов 1772, 1793 и 1795 гг., представляла собой значимую главу в истории царствования, осмысление произошедшего, как кажется, мало коррелировало с видением событий начала XVII в.

Екатерина II, много писавшая на исторические темы, без сомнения, знала о периоде Смуты. Так, она предполагала включить рассуждения о XVII в. в свой большой проект по написанию истории России¹⁴⁸⁹. Кроме того, в ее произведении «Чесменский дворец», где портреты российских и европейских монархов оживают и начинают говорить друг с другом, появляется и Василий Шуйский. Детронизированный царь воздает здесь хвалу патриарху Филарету — отцу царя Михаила Федоровича, отмечая, что «не все имеют

¹⁴⁸⁷ *Стерлигова И.А.* Резной сапфир из короны российских царей и его судьба в XIX веке // *Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция (24–26 июня 2009 года). Тезисы докладов.* М., 2009. С. 196–198.

¹⁴⁸⁸ Согласно разысканиям *И.И. Голикова*, в 1722 г., в день своего 50-летия, император отправился в Спасо-Преображенский собор, где поклонился могиле Минина, произнеся: «Вот истинный спаситель Отечества!» (*Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1840. Т. 12. С. 514). О критике этой трактовки см.: *Морохин А.В.* Петр I в Нижнем Новгороде в мае 1722 г.: реалии визита и историографические мифы // *Уральский исторический вестник.* 2013. № 3 (40). С. 86–87; *Морохин А.В.* Кузьма Минин. М.: Квадрига, 2021. С. 180–181.

¹⁴⁸⁹ *Екатерина Великая об истории России / Подгот. изд. А.К. Афанасьев // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 2005. [Т. XIV.] С. 662.*

счастье получать... хорошие советы», и вспоминая, впрочем без каких бы то ни было деталей, свой плен в Польше¹⁴⁹⁰.

Екатерина II была также знакома с историческими трудами В.Н. Татищева и М.М. Щербатова¹⁴⁹¹, каждый из которых достаточно пространно писал о периоде Смуты и — предметно — о царе Василии Шуйском. При этом если Щербатов остановил свои разыскания по русской истории на моменте потери Шуйским власти, то его предшественник Татищев выбрал иную стратегию, рассказав историю Смуты вплоть до избрания Романовых. В татищевской «Истории российской», которая нравилась императрице, было описано пребывание плененного царя Шуйского под Смоленском, эпизод с отказом поклониться Сигизмунду III и, наконец, его увоз в Польшу на глазах у жителей осажденного Смоленска. Историк также прямо связывал выдачу Шуйского полякам с развернувшимся земским движением¹⁴⁹². Татищев описал и пребывание царя в плену: в его трактовке Шуйский не только не поклялся Сигизмунду, но также отказал ему в требовании уступить московский престол «письменно». За этим последовала ссылка и смерть: «...слыша король (Сигизмунд III. — *Прим. авт.*) такое в Москве смятение... послал... Шуйских в другие города, где их содержали с великим утеснением. Царь Василей же, по многим мучительским домогательствам и принуждениям по желанию королевскому никакова письма не дав, в Польше голодом уморен, в котором большая часть родственников его

¹⁴⁹⁰ *Екатерина II. Чесменский дворец* // Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 471. В «Чесменском дворце» Екатерина II указала на нескольких знаковых исторических персонажей, претендовавших на власть, но по разным причинам не реализовавших свои намерения, а также тех, кто в силу личных качеств правил кратко или не смог удержать власть. Именно к этой последней категории отнесен и Шуйский (*Boltunova E. The Historical Writing of Catherine II: Dynasty and Self-Fashioning in «The Chesme Palace (Chesmenskii Dvoretz)» // History and Drama: The Pan-European Tradition / Ed. by E. Penskaya, J. Küpper. Berlin: De Gruyter, 2019 P. 86–95*). О восприятии Екатериной II своих предшественников во власти и возможностях использования исторической образности для позиционирования собственного правления см.: *Курукин И.В. История и современность в исторических трагедиях Екатерины II // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 7. С. 89–94.*

¹⁴⁹¹ Императрица при этом имела совершенно независимое мнение о каждом из них: «...изыскания Ломоносова очень поверхностны. История князя Щербатова и скучна, и тяжеловата, голова его не была способна к этой работе. История Татищева — совсем другое; это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело» (*Пытин А.Н. Исторические труды Екатерины II // Вестник Европы. 1901. № 12. С. 796*).

¹⁴⁹² *Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5–6. С. 346–349.*

последовали»¹⁴⁹³. Интересно, что в интерпретации личности Шуйского и в разборе значения его правления между историками не было согласия. Щербатов даже обвинил Татищева, что последний, «не вникши в подробности обстоятельства и деяния сего Государя (Василия Шуйского. — *Прим. авт.*)... вообще его... охуляет»¹⁴⁹⁴. Однако и Татищев, и Щербатов сходились в оценке концовки жизни царя — Шуйский был, по их мнению, «несчастливым» государем¹⁴⁹⁵.

Можно предположить, что история Смуты — еще в полной мере не рассказанная — интересовала Екатерину II значительно меньше, чем более ранние и более поздние периоды истории России. Так, в ее «Записках касательно Российской истории» речь идет только о древности, а не о Средневековье, а из сохранившегося черновика «Размышлений о проекте истории России XVIII века» (1785 г.) становится ясно, что императрица намеревалась уместить огромный период истории от Рюрика до первых Романовых в одну главу¹⁴⁹⁶. Главным, однако, стоит признать отсутствие с ее стороны мотивации: потребности использовать историю Смуты для реализации конкретных политических задач в период ее правления не возникало. Герои Смуты, включая царя Василия Шуйского, больше не играли роли как часть династической, даже в каком-то смысле семейной истории, как это было с первыми Романовыми. Легитимизируя собственное право на власть, императрица обращалась к образу Петра I, а во второй половине царствования, стремясь выбраться из тени великого монарха и начав, по точному выражению В.Ю. Проскуриной, ревизию его наследия, интересовалась образами Александра Невского и князя Владимира¹⁴⁹⁷.

¹⁴⁹³ Там же. С. 349.

¹⁴⁹⁴ Щербатов М. История российская от древнейших времен. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2. С. 418.

¹⁴⁹⁵ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5–6. С. 338; Щербатов М. История российская от древнейших времен. Т. 7. Ч. 2. С. 415.

¹⁴⁹⁶ Императрица, впрочем, выражала и ряд сомнений: «...скачек от Рюрика к возвышению дома Петра I не показался ли бы слишком великим, обнимая собою семьсот лет» (Екатерина Великая об истории России. С. 662).

¹⁴⁹⁷ Об этом см. подробнее: Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. С. 136–138.

Существенно, что попытка сформулировать стратегию политической апроприации польских земель заставила Екатерину II обратиться к истории столкновений на этой территории, но гораздо более раннего периода.

В целом, выстраивание в России проекта исторической памяти о Смутном времени шло параллельно разворачиванию мемориальных практик в Польше, при этом русская и польская версии выступали как конкурирующие. При этом отношение Романовых к польскому проекту памяти о событиях начала XVII в. не строилось на стремлении «предать забвению» прежние конфликты, что особенно видно на примере первых царей династии, включая Петра I.

6.3. Общественное восприятие Смутного времени в России первой трети XIX в. и варшавская коронация 1829 г.

Во время въезда Николая I в столицу Царства Польского кортеж, пройдя по улицам Закрочимска, Фрета, Длуга, Медова и Старо-Сенаторска¹⁴⁹⁸, повернул к Варшавскому замку — месту коронации — со стороны колонны Сигизмунда III. Сама коронация прошла в том же зале, где в 1611 г. была организована клятва Шуйских, целовавших во время действия руку своего врага — короля Сигизмунда. Как уже упоминалось, во время прочтения коронационной молитвы император Николай опустился на колени перед собравшимися здесь членами польского сейма и католическими священниками. На протяжении месяца пребывания в столице Царства император и свита, перемещавшиеся по городу, вполне могли видеть и Московскую часовню, расположенную всего в полутора верстах от замка¹⁴⁹⁹. Как действовал император, оказавшись в пространстве, которое многие его предки воспринимали как заведомо враждебное? Пытался ли он разрушить, изменить или перекодировать его?

Как уже отмечалось, в России на конец 1810-х — 1820-е гг. пришелся всплеск общественного интереса к событиям Смутного времени, при этом к

¹⁴⁹⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2 об.; Kurjer Warszawski. 1829. № 129. S. 5 (553).

¹⁴⁹⁹ 1 верста = 1,06 км.

монументальной образности (московский памятник К. Минину и Д. Пожарскому открыт в 1818 г.) добавились исторические исследования (тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина публиковались в 1818–1829 гг.) и художественные тексты, такие как «Борис Годунов» А.С. Пушкина (издан в 1831 г.) Отметим, что в начале XIX столетия «иерархия» героев Смуты была не такой, какой мы представляем ее в наше время, а Василий Шуйский, совершенно не востребованный в контексте современной публичной истории, воспринимался как один из самых значимых персонажей эпохи. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. его имя в текстах самого разного рода упоминали особенно часто.

Как известно, Н.М. Карамзин скончался в 1826 г., не успев закончить 12-й том «Истории государства Российского». Последний был подготовлен к публикации К.С. Сербиновичем и Д.Н. Блудовым и опубликован тремя годами позже. Издание начиналось словами: «Василий Иоаннович Шуйский, происходя в осьмом колене от Дмитрия Суздальского... был... сыном Боярина-Воеводы, убитого Шведами в 1573 году»¹⁵⁰⁰. Далее практически весь том был посвящен Шуйскому, обретавшему на страницах книги черты уникальной личности, само существование которой высветило то, как в противостоянии с Речью Посполитой проходило становление Российского государства. «Чья судьба в Истории равняется с судьбою Шуйского? Кто с места казни восходил на трон..?»¹⁵⁰¹ — писал Карамзин о приходе царя к власти; «Шуйский пал с величием в развалинах Государства»¹⁵⁰², — о конце его жизни.

12-й том освящал основные события царствования В. Шуйского и подробно фиксировал все связанное с его пленом и присягой, названной

¹⁵⁰⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 12. С. 2.

¹⁵⁰¹ Лжедмитрий в последнюю минуту помиловал Шуйского, который состоял в заговоре против него (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 12. С. 2–3).

¹⁵⁰² Там же. С. 4.

«торжеством» Сигизмунда¹⁵⁰³ и «унижением» Шуйского.¹⁵⁰⁴ В книге содержался рассказ о том, как облаченного в парчу Шуйского доставили «в открытой богатой колеснице, на шести белых аргамаках»¹⁵⁰⁵ в замок, где состоялось действо, и описание того, что последовало после присяги, — смерть в плену, строительство Московской часовни (причем с полной цитатой, появившейся на мраморной плите¹⁵⁰⁶) и, наконец, возвращение останков царя в Москву. Упомянул Карамзин даже историю с картинами Долабеллы¹⁵⁰⁷. Решение Петра I о вывозе полотен он завершал восклицанием: «Рукою могущества стерты знамения слабости»¹⁵⁰⁸.

Эпизод с клятвой Шуйского у Н.М. Карамзина передан исключительно эмоционально. Унижение свергнутого царя, которого историк называет «державным пленником»¹⁵⁰⁹ и «царем-невольником»¹⁵¹⁰, подчеркнуто здесь действиями поляков, упивающихся победой: «Сие зрелище, данное тщеславию тщеславию, надмевало Ляхов от Монарха до последнего шляхтича, и было, как они думали, несомнительным знаком их уже решенного первенства над нами, концом долговременного борения...»¹⁵¹¹ Однако самым примечательным оказывается эпизод встречи царя Василия и Ю. Мнишека: «Все взоры были устремлены на сверженного монарха, с живейшим любопытством и наслаждением: мысль о превратностях рока и жалость к злосчастью не мешала восторгу Ляхов. Продолжалось молчание: Василий также внимательно смотрел на лица Вельмож Польских, как бы искал знакомых между ими, и нашел: *отца Маринина, им спасенного от ужасной смерти, и в сию минуту счастливого его бедствием*»¹⁵¹². Карамзин «читал»

¹⁵⁰³ Там же. С. 304–305.

¹⁵⁰⁴ Там же. С. 307. В дальнейшем трактовка произошедшего как акта «унижения» станет традиционной для российской историографии (Устимович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 17).

¹⁵⁰⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 12. С. 305.

¹⁵⁰⁶ Там же. С. 308.

¹⁵⁰⁷ Там же. С. 304–308.

¹⁵⁰⁸ Там же. С. 308.

¹⁵⁰⁹ Там же. С. 305.

¹⁵¹⁰ Там же. С. 306.

¹⁵¹¹ Там же. С. 305.

¹⁵¹² Там же. С. 306.

прошлое через оптику настоящего — отсюда и обращение к эмоциональному нарративу, и рассуждение о польской неблагодарности. Примечательно, что рецензии на «Историю государства Российского» опубликовали сразу несколько фигур, заметных в польском общественно-политическом поле, в частности А. Чарторыйский и И. Лелевель. Их тексты были напечатаны и в российской прессе¹⁵¹³.

Число художественных произведений, в которых Шуйский был одним из героев, в эти годы было также исключительно заметным. Выстраивая тексты в хронологической последовательности, стоит отметить К.Ф. Рылеева, А.С. Пушкина, Ф.В. Булгарина и А.С. Хомякова¹⁵¹⁴. Во всех случаях царь Василий появлялся как значимый, но не главный персонаж. Используя его в качестве героя, который должен был тем или иным образом подсвечивать фигуру Дмитрия Самозванца, авторы обращались к ряду биографических позиций — принадлежности к роду Рюриковичей, участию в следствии по делу царевича Дмитрия и заговору против Лжедмитрия, когда осужденный Шуйский был прощен перед самой казнью, и, наконец, свержению Лжедмитрия и избранию Василия на российский престол.

Трактовки образа, различаясь своей проработанностью, в значительной мере схожи. Во всех текстах Шуйский (за исключением К.Ф. Рылеева, у которого он оказывается исключительно храбрым воином, возглавившим «народное возмущение»¹⁵¹⁵) появляется как «лукавый царедворец» (А.С.

¹⁵¹³ Black J.L. Nicholas Karamzin's «Opinion» on Poland: 1819. P. 14; Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше. С. 397.

¹⁵¹⁴ Шуйский фигурирует в одной из «Дум» К.Ф. Рылеева, опубликованной в 1822 г. (Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С. 589), в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина, написанном в 1825 г., но опубликованном лишь в 1831 г. (Винокуров Г.О. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М.: Лабиринт «Брандес», 1999. С. 172), в романе Ф.В. Булгарина «Дмитрий Самозванец» 1830 г. и поэме А.С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» 1831 г., которая увидела свет в следующем году (Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. С. 137). Показательно, что относительно этого персонажа А.С. Пушкин получил комментарий от В.К. Кюхельбекера: «Шуйского бы расцеловать. Ты отгадал его совершенно» (Винокуров Г.О. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. С. 226).

¹⁵¹⁵ В думе «Дмитрий Самозванец» К.Ф. Рылеева Шуйский появляется как организатор свержения и храбрый человек:

Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приблизились, напали;

Пушкин), «пронырливый» и властолюбивый князь (Ф.В. Булгарин) или герой и патриот, в котором постепенно просыпается жажда власти (А.С. Хомяков)¹⁵¹⁶. Ни в одном из текстов интерпретация образа Шуйского не была связана с его пленом в Польше.

Но вернемся к императору Николаю, его поездке в Варшаву и реакции на польское мемориальное пространство. Император был вполне погружен в литературную жизнь эпохи, читал и Карамзина, и Пушкина¹⁵¹⁷. Примечательно, что заключительный том «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина был опубликован в начале 1829 г., когда Николай I уже готовился к коронации, а целиком многотомное издание увидело свет в конце года, когда монарх планировал вторую поездку в Варшаву с целью открыть сейм. Очевидно, впрочем, что информацию о Смуте Николай I мог почерпнуть и много раньше, еще будучи великим князем.

Храбрый Шуйский впереди —
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

При этом в авторизованных комментариях к «Думам» указывалось, что «князь Василий Шуйский (в 1606 году) произвел заговор; возникло народное возмущение — и Лжедмитрия не стало» (*Рылеев К.Ф.* Полное собрание сочинений. С. 162, 286).

¹⁵¹⁶ В конце поэмы А.С. Хомякова Шуйский, характер которого был представлен развернуто, произносит соответствующий монолог:

Венец, венец! Как сладок этот звук!
Как много дум в сем слове обитает,
Как сердце веселит оно! Венец!
...
Ты мой теперь! О, для тебя как много
Я претерпел! Как много, много лет
Я для тебя во прахе изгибался,
Как низкий червь, крамольствовал, страдал!
Ты мой теперь, и я расширю крылья
И полечу. Не медлите, часы!
Займись, заря! Благодарю судьбину:
Уж брег в виду, и ясны небеса,
О, мой корабль, лети через пучину!
Попутный ветер, наполни паруса!

При этом Шуйский был назван в поэме «лисой» и противопоставлен «льву»-Лжедмитрию, а П. Ляпунов, комментируя его избрание на престол, произносит в тексте фразу: «Сгубили льва, так справимся с лисой».

¹⁵¹⁷ Известно, что декабре 1826 г. А.С. Пушкин отослал рукопись «Бориса Годунова» А.Х. Бенкендорфу. 9 декабря глава Третьего отделения известил поэта о получении текста поэмы. Здесь же содержалось обещание представить текст царю. Существует предположение, что, «вероятно, из-за грязного вида рукописи... Николай I не пожелал сам прочесть трагедию...» в 1826 г. (*Винокуров Г.О.* Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. С. 212) и ознакомился с итоговым вариантом текста лишь в январе 1831 г. По словам А.Х. Бенкендорфа, император «изволил читать с особым удовольствием» (Там же. С. 248).

Император получил хорошее образование, содержание которого определялось предположением о его возможной будущей роли. В 1809 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна делилась со своим секретарем Г.И. Вилламовым соображением, что престол все-таки когда-нибудь перейдет к Николаю, ведь ни у императора Александра, ни у великого князя Константина Павловича не было детей, хотя они давно состояли в браке¹⁵¹⁸. Александр I, как известно, размышлял относительно обучения Николая в Царскосельском лицее. Проект реализован не был, а все решения относительно обучения великого князя были отданы в руки вдовствующей императрицы Марии Федоровны и воспитателя великого князя М.И. Ламсдорфа, находившегося в родстве с Лагарпом. Николай Павлович оказался способен к языкам: превосходно говорил по-французски, владел английским и немецким, но предпочитал русский. Среди его учителей были профессор русского языка и словесности Дерптского университета Г.А. Глинка и генерал-майор Н.И. Ахвердов, известный знаток изящных искусств. С ними юный великий князь изучал русский язык, русскую историю и географию¹⁵¹⁹.

Известно, что будущий император был увлечен Петром Великим. В 1812–1813 гг. он составил краткое описание правления первого российского императора¹⁵²⁰. Впрочем, древняя история России также серьезно занимала юного великого князя. М.А. Корф, собравший материалы к биографии императора, полагал, что «в конце 1803 г. Николай Павлович уже сам читал русскую историю, сильно порицал вражды удельных князей и приходил в восторг от Владимира Мономаха, который побив половцев, оставил всю добычу воинам... Наконец, в 1804 г. у Николая Павловича уже было много

¹⁵¹⁸ Боханов А.Н. Николай I. М.: Вече, 2008. С. 45–46.

¹⁵¹⁹ Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). С. 51; Выскочков Л.В. Николай I. С. 23.

¹⁵²⁰ Там же. С. 23–30.

книг: ...“Деяния Петра Великого” Голикова... сочинения Ломоносова... исторический лексикон, сочинения Лафонтена... извлечения из Плутарха»¹⁵²¹.

После возвращения в Россию из действующей армии, начиная с декабря 1815 г., Николай Павлович, в тот момент уже девятнадцатилетний юноша, прошел еще несколько курсов с некоторыми из прежних своих профессоров. М.А. Корф указывает, что в начале 1816 г. Николай Павлович изучал с Ахвердовым русскую историю, а именно: царствование Иоанна Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова, а также изложение событий времен Лжедмитрия¹⁵²².

Как и многие аристократы в России того времени, Николай начал изучение истории России по книгам французских авторов. Одним из таких изданий стало многотомное сочинение «История России» Пьера Левека, вышедшее в Париже в конце XVIII столетия. Левек владел источниками и некоторое время жил в России, являясь преподавателем кадетского корпуса. Его работа имела большой успех во Франции, а в 1787 г. была переведена на русский язык и издана в типографии Н.И. Новикова. Существует предположение, что публикация многотомника была осуществлена при участии Н.М. Карамзина¹⁵²³.

Известно, что вдовствующая императрица Мария Федоровна цензурировала некоторые места из Левека: например, скрытое указание на участие Екатерины II в убийстве Петра III¹⁵²⁴. Едва ли вдовствующая императрица, впрочем, видела практический смысл скрывать от Николая историю Смутного времени, которую Левек рассказывал достаточно подробно. В его книге есть и описание правления Василия Шуйского,

¹⁵²¹ Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 73. Об образовании великого князя Николая Павловича см. также: *Высочков Л.* Николай I. С. 12–30.

¹⁵²² Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. С. 88.

¹⁵²³ Шмидт С.О. «История Государства Российского» М.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 2. С. 350.

¹⁵²⁴ *Высочков Л.* Николай I. С. 27–28.

названного в работе «несчастливым царем»¹⁵²⁵, наряду с повествованием о лишении его престола и насильном пострижении, когда низложенный царь, как отмечает автор, отказался произнести обеты отречения от мирской жизни¹⁵²⁶.

Довольно подробно рассказывает Левек о передаче пленника гетману Жолкевскому, а также о смерти утратившего власть царя: «Жолкевский... отправил к Сигизмунду Шуйского, его жену и братьев — Дмитрия и Ивана. Потом всех их доставили в Варшаву, где держали в заточении. Там они и умерли. Среди русских говорили, что царя и его брата Дмитрия отравили в тюрьме»¹⁵²⁷. Интересно, что оценка деятельности Шуйского оказалась у Левека увязана с действиями Сигизмунда III: «Их (братьев Шуйских. — *Прим. авт.*) похоронили прямо на дороге и в том месте поставили колонну с лицемерной надписью, будто бы от имени Сигизмунда, которому приписывался этот славный подвиг — держать в заключении уже свергнутого и постриженного в монахи государя. Судьба Шуйского сложилась несчастно, и его можно пожалеть, если забыть, как подло он искал благосклонности Годунова. Впрочем Борис погубил его семью. Но Шуйский поддерживал преступные интересы этого честолюбца и в сговоре с ним жестоко и несправедливо преследовал вдову царя Ивана и ее родню. А если еще и предположить, что Шуйский виновен в смерти Скопина-Шуйского, которого должен был любить как своего племянника, наградить как самого верного подданного и быть благодарным как своему защитнику, тогда сочувствие к нему может поубавиться, а останутся презрение и ненависть. *Но Шуйский носил корону и как государь был братом Сигизмунда. И недостойно для короля его судить*»¹⁵²⁸. П. Левек дает оценку царю Василию Шуйскому, в вину которому ставится поддержка Бориса Годунова и убийство племянника — известного полководца М.В. Скопина-Шуйского. С другой стороны, историк,

¹⁵²⁵ Левек П.-Ш. История России. Т. 2. С. 221–222.

¹⁵²⁶ Там же.

¹⁵²⁷ Там же. С. 222.

¹⁵²⁸ Там же. С. 222–223.

признавая несчастья, обрушившиеся на Шуйского, осуждает Сигизмунда III, который не должен был «судить» поверженного московского царя. Историк не пишет о состоявшейся в Варшаве церемонии принесения присяги, но повествует о мемориале, устроенном Сигизмундом на месте захоронения Шуйского.

Как же император воспользовался существующими у него знаниями во время подготовки и проведения коронации? В переписке с великим князем Константином Павловичем и другими участниками событий, а равным образом и в материалах архивных дел, отражающих процесс подготовки к церемонии, нет никакой рефлексии относительно специфики мемориального контекста. Присяга Шуйских при обсуждении и организации коронации никогда не упоминалась, а топография Варшавы появлялась в источниках личного происхождения или русской прессе или без какой-либо привязки к историческим событиям, или без интерпретации последних. Так, А.Х. Бенкендорф, отметивший в воспоминаниях зал Сената в Варшавском замке, уточнил лишь, что для церемонии была выбрана «огромная зала... замечательная по некоторым историческим воспоминаниям»¹⁵²⁹. Статья в «Отечественных записках», повествовавшая о коронационном шествии из замка в собор Св. Яна, отмечала только то, что «вокруг Сигизмундовой площади, по которой должна была шествовать процессия, были построены скамьи в виде амфитеатра для 3000 особ»¹⁵³⁰. В «Вестнике Европы», который поместил в одном из летних номеров 1829 г. материал о Варшавском замке, упоминание королей Сигизмунда III и его сына Владислава IV вообще не было привязано к истории Смутного времени или их роли в событиях, развернувшихся в Московском царстве в начале XVII в.¹⁵³¹ В другом случае описание Мраморной залы замка, оформленной картинами из жизни польских королей, также не имело никаких отсылок к России¹⁵³². Иными словами, для

¹⁵²⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8.

¹⁵³⁰ О коронации Его Императорского Величества. С. 420.

¹⁵³¹ Вестник Европы. 1829. № 9. С. 146–147, 150.

¹⁵³² Там же. № 13. С. 129–137.

прессы коронация не стала поводом прямо вспомнить или хотя бы упомянуть между делом историю русско-польских противоречий.

Московская часовня вообще не нашла отражения в указанных документах. С одной стороны, она находилась на некотором расстоянии от места основного церемониального действия¹⁵³³. С другой стороны, эта часть Варшавы стремительно изменила свой облик в конце царствования Александра I: к моменту приезда императора Николая перед Московской часовней, к тому времени почти руинированной¹⁵³⁴, возвышалось здание Общества друзей наук, строительство которого было инициировано в 1820 г. С. Сташицем, директором Комиссии промышленности и искусств в Царстве Польском¹⁵³⁵. Здание могло скрыть от глаз часовню¹⁵³⁶. В любом случае появление дворца Сташица переформатировало окружающее пространство, сместив акценты в сторону от мавзолея Шуйских.

Но мог ли император просто не заметить часовню? На этот вопрос однозначного ответа нет. Скорее всего, Николай не захотел ее замечать. Обращает на себя внимание тот факт, что церемониальный въезд в город во время коронации был перенесен в другую сторону по отношению к Королевскому тракту, который проходил рядом с часовней. Для обеспечения движения кортежа пространство в городе было реорганизовано: у Пражских ворот был сооружен специальный мост¹⁵³⁷. Эти изменения происходили в

¹⁵³³ Следует отметить, что часовня, судя по материалам архива Польской академии наук, сохранилась вплоть до середины XX в. (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie. F. II-2/10. Projektowanie i rozbudowa Pałacu Staszica. b.p.).

¹⁵³⁴ Сокол К. Русская Варшава. С. 45. Ю. Немцевич сообщает, что к разрушению часовни был причастен великий князь Константин. Действия последнего, впрочем, не трактуются как декларативно-символические — цесаревич стремился к расширению пространства для проезда и прохода войск (Niemcewicz J.U. Pamiętniki 1811–1820. T. 2. S. 389).

¹⁵³⁵ В мае 1830 г. великий князь Константин Павлович открыл памятник Копернику, установленный на площади перед зданием.

¹⁵³⁶ В конце XIX в. вопрос локализации Московской часовни вызвал настоящий спор. По одной из версий, здание находилось на месте, где впоследствии был построен дворец Сташица. При этом после окончания строительства часовня оказалась во внутреннем дворе дворца (см. об этом: Либрович С. Царь в плену. С. 101–103; Цветаев Д. Еще об усыпальнице Шуйских. С. 701–704). По другой версии, здание находилось недалеко от дворца Сташица и прямо с ним не соотносилось (Kraushar A. Echa przeszłości: szkice, wizerunki i wspomnienia historyczne. Warszawa, 1917. S. 303). Судя по карте этой части Варшавы из Архива Польской академии наук, датированной 1950 г., часовня находилась вне стен дворца Сташица (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie. F. II-2/10. Projektowanie i rozbudowa Pałacu Staszica. b.p.).

¹⁵³⁷ Располагался в районе теперешнего Гданьского моста.

другой части Варшавы и на значительном отдалении от часовни. Среди приближенных императора вопрос выбора маршрута для движения кортежа затронул лишь А.Х. Бенкендорф, отметивший, что решение о возведении нового моста ниже по течению Вислы было связано со стремлением избежать «крутого подъема, который вел к Варшаве от Пражского моста»¹⁵³⁸.

Николай и сопровождавшие его чиновники и военные едва ли могли избежать проезда мимо Московской часовни в те дни, когда совершались поездки в Уяздов или Вилянов. Расположение объекта было действительно ключевым: не зря русские источники XVII в. описывали ее как мавзолей, стоящий на пересечении едва ли не всех дорог. «Новый летописец», например, так характеризовал это место: «В Литве ж царя Василья (Василия Шуйского. — *Прим. авт.*) и брата его, князя Дмитрея и со княгиней умориша и повелеша их положить *на пути, кои изо всех государств пришли дороги...* себе на похвалу, Московскому государству на укоризну»¹⁵³⁹. Еще более очевидной была ситуация с колонной Сигизмунда, находившейся в паре сотен шагов от Варшавского замка. Ее монарх и свита российского императорского двора видели постоянно. Даже владея латынью не слишком хорошо, император мог легко разглядеть на одной из ее граней доску с красовавшимися на ней крупными словами «Москва» и «Смоленск». Существенно и то, что поездка 1829 г. не была первым визитом Николая в Варшаву. Он бывал в городе еще будучи великим князем, сопровождая императора Александра I, например, во время поездки последнего на сейм 1818 г., поэтому, вероятно, неплохо знал городское пространство, и коронационная поездка 1829 г. неожиданностей в этом отношении принести не могла.

Стоит отметить, что в литературе о Варшаве первых лет александровского царствования содержится информация о том, что российские военные и чиновники знали о существовании в городе такого примечательного места, как Московская часовня. Так, в 1815 г., то есть в

¹⁵³⁸ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

¹⁵³⁹ Козляков В.Н. Василий Шуйский. С. 257.

момент, когда четкое понимание александровского разворота в сторону Польши в обществе еще не оформилось, Н.Н. Новосильцев и комендант Варшавы генерал М.И. Левицкий ходатайствовали об устройении православной церкви на месте московской каплицы¹⁵⁴⁰.

В Царстве Польском конца 1820-х гг. события начала XVII столетия также не были забыты. Переходя к рассмотрению этого вопроса, стоит отметить особенность восприятия этого периода в Польше. В современной исследовательской литературе существует указание, что «в отличие от русского исторического сознания, события... Смуты не занимают — и никогда не занимали — особенно заметного места в коллективной памяти поляков»¹⁵⁴¹. Рассматривавший этот вопрос И. Граля к числу малоинтересных в этом отношении событий относит прежде всего избрание на российский престол Владислава, осаду Смоленска и взятие Москвы. С этим утверждением можно согласиться — в конце концов, каждое из перечисленных событий закончилось для Польши в краткосрочной или среднесрочной перспективе поражением, а значит, не принесло реальных политических дивидендов и экономической выгоды. Само по себе правление Сигизмунда III и его походы на Россию могли и не быть востребованы в контексте формирования публичной памяти поляков, но унижение Шуйских, без сомнения, воспринималось как событие особого порядка. Кроме того, как убедительно показывают специалисты по изучению истории памяти, оценки современников могут быть связаны с последующим выстраиванием национальной версии истории достаточно опосредованно. Влияние пропаганды польских побед в Московском царстве, которую развернули Сигизмунд III и Владислав IV, могло быть ограниченным и быстро смениться «критическим отношением большей части шляхетского сословия как к самому монарху (Сигизмунду III. — *Прим. авт.*), так и к его “московской

¹⁵⁴⁰ Сидоров А.А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). С. 24.

¹⁵⁴¹ Граля И. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти. С. 122–144.

авантюре»¹⁵⁴². Однако материалы начала XIX в. демонстрируют иную ситуацию: в рамках польского политического нарратива клятва Шуйских была реактуализирована и стала настоящим «местом памяти».

Аргументы в пользу такой трактовки можно найти в самых разных источниках и сферах общественной жизни Польши этого времени. Так, в сентябре 1812 г., когда польские наполеоновские войска уже вошли в Москву, на сцене Национального театра в Варшаве была поставлена антирусская по своей направленности драма А. Жулковского «Московские цари в плену». «Варшавская газета» писала о постановке следующее: «*Каждый догадается из заглавия, что автор этой пьесы избрал своей темой тот памятный случай времен правления Сигизмунда III, когда москали были разбиты, их столица Москва была взята, их цари захвачены и препровождены в Варшаву, а московский престол был передан польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III. Произведение само по себе замечательное, ибо показывает славную для нашего народа эпоху и имеет прямое отношение к теперешним событиям*»¹⁵⁴³.

Самое пристальное внимание уделялось и пространству, связанному с памятью о Шуйских, — прежде всего Московской часовне. Так, польский историк и общественный деятель Ю. Немцевич, участвовавший в восстании Т. Костюшко и приветствовавший начало вторжения в Россию словами «господь, благослови священную войну»¹⁵⁴⁴, был возмущен плачевным состоянием каплицы и строений вокруг нее. Немцевич полагал, что такое небрежение было связано со стремлением стереть память о Шуйских¹⁵⁴⁵.

В это время клятва Шуйских получила новую визуальную интерпретацию. Изображения конца XVIII — начала XIX в. относительно нейтральны. В этом смысле польские художники вполне следовали по стопам

¹⁵⁴² Граля И. Польский взгляд на русскую смуту. С. 48.

¹⁵⁴³ Gazeta Warszawska. 1812. Dodatek do № 79. S. 1506.

¹⁵⁴⁴ Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795-1831. P. 204-205.

¹⁵⁴⁵ Niemcewicz J.U. Pamiętniki 1811-1820. T. 2. S. 389. В другом своем тексте Немцевич упоминает и историю с картинами Долабеллы (Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 312).

Долабеллы, на картине которого москвиты не были изображены коленопреклоненными или буквально униженными. По уровню образности они, как уже говорилось, были сопоставлены с восточными варварами, но их властный статус был вполне признан. Схожую трактовку можно найти у Франциска Смуглевича (после 1785 г.) и Иоганна Готфрида Френцеля (1816 г.). В работах этих художников Шуйские представлены покоренными, но не развенчанными: они стоят перед королем опустив голову, но не молят о пощаде на коленях¹⁵⁴⁶. Во второй половине 1820-х — в 1830-е гг. трактовки изменились, становясь все более агрессивными. У Йозефа Пешки (до 1827 г.) и Яна Канты Шведковского (1837 г.)¹⁵⁴⁷ Шуйские изображены коленопреклоненными или буквально распластанными перед Сигизмундом, при этом на первом изображении у ног польского короля размещен главный символ власти детронизированного царя — корона. Примечательно, что созданная в эмиграции работа Шведковского выставлялась в Париже во второй половине 1830-х гг. и оценивается историками как «политическая декларация»¹⁵⁴⁸. Без сомнения, итогом развития этой линии стало самое известное на данный момент изображение указанного события — картина Яна Матейко (1892 г.).

Создание Царства Польского предсказуемо скорректировало публичные трактовки русско-польской войны начала XVII столетия. Нельзя отрицать появление самоцензуры, механизм которой запустился и без прямого давления со стороны Петербурга. В период между 1815 и 1831 гг. деятельность Сигизмунда III у целого ряда польских авторов (например, Ю. Немцевича в его трехтомнике о правлении короля (1819 г.) и И. Лелевеля в «Истории Польши» (1829 г.)) оценивается достаточно сдержанно — «Московская война», при традиционной похвале полякам, трактуется как

¹⁵⁴⁶ Przybyszewski W. Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 20.

¹⁵⁴⁷ Ibid. S. 21–22. О работе Шведковского см. также: *Chrościcki J.* Hołd carów Szujskich Jana Kantego Szwedkowskiego z 1837 roku // *Hołd carów Szujskich*. S. 161–166.

¹⁵⁴⁸ Ibid. S. 162, 165.

«несправедливая»¹⁵⁴⁹, а Василий Шуйский, клятва которого в Варшаве и перезахоронение в Московской часовне неизменно упоминаются, назван «несчастливым»¹⁵⁵⁰. Некоторую редукцию можно обнаружить в целом ряде визуальных материалов 1815–1830 гг. Так, колонна Сигизмунда III, никогда не пропадавшая с изображений центра польской столицы, на время утрачивает самый значимый элемент, появляясь на гравюрах, литографиях и картинах без фигуры короля наверху¹⁵⁵¹. Все это, однако, не меняло восприятие ситуации в целом — прежняя парадигма могла быть при желании реактуализована. Показательно, что упоминавшийся выше рисунок Френцеля, изображавший Шуйских перед сеймом, был выполнен по заказу Немцевича и размещен в его работе «Исторические песнопения» 1816 г. Книга вышла тиражом 1500 экземпляров и была мгновенно раскуплена¹⁵⁵².

Очевидно, отсутствие у Николая I и его свиты, прибывшей на коронацию в Варшаву, какой бы то ни было зримой реакции на антирусскую топографию польской столицы являлось частью политической стратегии. Характерными чертами последней были отказ от подрыва польской версии памяти о событиях начала XVII в. и отсутствие стремления продвигать в Царстве Польском трактовку истории, которая уже сформировалась в Российской империи. Решение не фиксироваться в момент нахождения в Варшаве на памяти о польской агрессии периода Смуты и эпизоде с унижением детронизированного Василия Шуйского мало чем отличалось от стратегии забывания Отечественной войны 1812 г. Польская версия — незапрещенная, то есть де-факто разрешенная — функционировала в значительной мере автономно. Польша, утратившая независимость за

¹⁵⁴⁹ Ф.В. Булгарин, работавший на российскую публику, вероятно, ощущал себя более свободным в трактовках — он описывал правление Сигизмунда III как период «самый плодотворный для польской культуры» (*Глушковский П.* Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. С. 96).

¹⁵⁵⁰ *Niemcewicz J.U.* Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. T. 3. S. 194–196.

¹⁵⁵¹ *Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939.* Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza Warszawa, 1985. S. 173–174.

¹⁵⁵² *Przybyszewski W.* Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 20.

несколько десятилетий до описываемых событий, в глазах российской власти не потеряла право считаться политическим субъектом, формирующим в том числе и собственную версию национальной истории¹⁵⁵³.

¹⁵⁵³ История противостояния разных версий событий начала XVII в. на этом не завершилась. В конце XIX в. в Варшавской гимназии, разместившейся во дворце Сташица, была открыта церковь, которая должна была напоминать о судьбе Шуйских. На колоколе храма была размещена надпись, гласившая, что церковь устроена «над местом погребения Василия Ивановича Шуйского в Варшаве» (*Либрович С. Царь в плену. С. 105–110*).

Глава 7. Итоги коронации 1829 г.

7.1. Результаты и оценки коронации

Сразу по окончании коронация воспринималась как успех в отношении роста лояльности территории и решения внешнеполитических задач. В 1829 г. Третье отделение рапортовало императору, что «волнения в Польском государстве стремительно успокоились после коронования Его Величества Императора», число желающих записаться в Литовский корпус растет, а количество стремящихся к неповиновению в русской части Польши, напротив, крайне невелико¹⁵⁵⁴. В отношении Австрии весы соперничества также склонялись в сторону России. Поляки Галиции восприняли новость о коронации в Варшаве с энтузиазмом и, подав прошение об участии в церемонии, получили высочайшее одобрение. Сама коронация произвела на них исключительно позитивное впечатление — в Петербург летели сообщения о «радости» и «восхищении», а также о том, что во Львове повсюду «поляки пьют за здоровье царя польского», позволяя себе оскорбительные высказывания в адрес Австрии¹⁵⁵⁵. Коронация изменила и фон вокруг великого князя Константина Павловича, который перестал восприниматься как единственный представитель династии, в центре внимания которого были дела в Царстве¹⁵⁵⁶.

Польские источники личного происхождения оценивают коронацию либо позитивно, либо (особенно если документ появился после 1831 г. и интерпретировал произошедшее через призму восстания 1830–1831 гг.) сдержанно и с указанием на противоречивость испытанных современниками эмоций.

В Польше содержание коронации вызвало вопросы, но их было явно меньше, чем можно было ожидать. Как уже упоминалось, жителей Царства

¹⁵⁵⁴ ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–2 об.

¹⁵⁵⁵ *Фалькович С.М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407.

¹⁵⁵⁶ Современники отметили, что присутствие Николая I в Варшаве серьезно тяготило великого князя Константина (*Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837 гг. С. 408–409; *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 319).

Польского вполне удовлетворила клятва-молитва Николая I. Так, современник событий польский историк Т. Липинский в своих «Записках за 1825–1832 гг.» указывает, что коронационная речь, произнесенная «коленипреклоненным» Николаем, вызывала в поляках чувство благодарности¹⁵⁵⁷. Это едва ли может удивить — клятва конституции была частью манифеста 1825 г., а молитва содержала отсылку к нему. Липинский, впрочем, указывает и на то, что вызвало у польских подданных монарха недовольство. Упоминая ходившие по городу в преддверии коронации разговоры, мемуарист фиксирует волнения относительно коронационных регалий и отсутствие информации о том, какая корона назначена к использованию. Важным для обсуждения оказался вопрос, доставят ли в Варшаву венец, которым император венчался в Москве¹⁵⁵⁸. Н. Кицка также отдельно оговаривает сюжет, связанный с короной, а именно — то, что «Николай решил использовать корону московских царей»¹⁵⁵⁹. Недовольство тем, что для коронации был выбран русский венец, выражали в своих текстах К. Колачковский, Ю. Немцевич и ряд других авторов¹⁵⁶⁰.

Предметом насмешек варшавского общества стал и польский церемониймейстер Я. Жабоклицкий, который привез корону в Варшаву с излишней, как писали, торжественностью¹⁵⁶¹. Очевидно, что почести, которые воздавались короне сами по себе, не были предметом критики: негативная реакция была связана с тем, что церемонии удостаивалась *русская* корона. Появление в этом контексте регалий, созданных в Польше специально для церемонии, скорее всего, не спровоцировало бы ироничные комментарии. Вместе с тем нельзя не согласиться с О.С. Каштановой, которая, ссылаясь на целый ряд польских источников (в частности, Б. Маньковскую и

¹⁵⁵⁷ Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.

¹⁵⁵⁸ Ibid. S. 138.

¹⁵⁵⁹ Kicka N. Pamiętniki. S. 156–157.

¹⁵⁶⁰ Kołaczkowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Ks. III. S. 120–121. Getka-Kenig M. Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 275. Ю. Немцевич приписывал выбор русской короны проискам Н.Н. Новосильцева (Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 317–318).

¹⁵⁶¹ Kicka N. Pamiętniki. S. 157.

А. Млоцкого), указывает, что русская императорская корона в сознании части польского общества «приобрела символ польской регалии»¹⁵⁶².

В целом ряде польских текстов коронация предстает как событие, не вызвавшее бурного ликования, нелепое или являющееся зловещим предзнаменованием. Так, И. Лелевель отмечал, что церемония вызывала у жителей Варшавы множество чувств, однако радовавшихся, «наверное, было немного»¹⁵⁶³, а Ю. Немцевич характеризовал отношение Царства Польского ко всему происходящему как безучастное — все были «спокойны, грустны и тихи»¹⁵⁶⁴. «Холодной» называл реакцию поляков на коронацию и Х. Голежевский¹⁵⁶⁵. Генерал И. Прондзинский, в свою очередь, именовал коронацию «странной»: «Казалось, что ее никто не принимает за правду, за святой, почитаемый, национальный обряд, но скорее за пародию коронации. Польский король короновался в Варшаве... императорской Короной»¹⁵⁶⁶. Многие тексты трактуют церемонию как своего рода «комедию» или часть николаевского плана по уничтожению Польши легальными способами¹⁵⁶⁷. При этом, говоря о фальшивом характере церемонии или подчеркивая нелепость всего происходящего, современники главным образом указывали на тот факт, что награды за участие в церемонии были розданы полякам, демонстрировавшим по отношению к Николаю подчеркнутую лояльность¹⁵⁶⁸.

Вместе с тем в этом же типе источников, а зачастую — в тех же самых текстах можно найти оценки совершенно другого рода. Многие писали о надеждах, которые связывали с церемонией поляки, на страницах дневников фиксировались яркие впечатления или даже восторг, произведенный

¹⁵⁶² Каушанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45. Подробнее о восприятии короны как символа см.: Филатова Н.М. Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел. С. 86–89.

¹⁵⁶³ Lelewel P. Pamiętniki i dziariusz domu naszego. S. 295–296.

¹⁵⁶⁴ Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 321.

¹⁵⁶⁵ Golejewski H. Pamiętniki. T. 2. S. 203.

¹⁵⁶⁶ Каушанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45.

¹⁵⁶⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 5; Kołaczkowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Ks. III. S. 120–121.

¹⁵⁶⁸ Ю. Немцевич, в частности, уделит несколько страниц церемониймейстеру Я. Жабоклицкому, награжденному во время коронации (Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 319–220). О раздаче наград см. также: Каушанова О.С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45.

действом. Так, Ю. Красинский и упоминавшаяся Н. Кицка описали период ожидания коронации как время пробуждения надежды «дышать свободным воздухом» и увидеть «зарю» лучшего будущего¹⁵⁶⁹. Церемония и последующие торжества, по мнению мемуаристов, «захватили всех»¹⁵⁷⁰. Поляк Михаил Чайковский в своих «Записках» отмечал, что Николай I во время коронации произвел на него сильнейшее впечатление, заставив рассуждать: «Отчего поляки не группируются вокруг него и своим послушанием добровольно не снискивают его расположения, его любви? Лучше бы им было!»¹⁵⁷¹ Сохранились и многочисленные стихи в честь коронации Николая I¹⁵⁷².

Оценки церемонии польской стороной с течением времени, без сомнения, менялись. В значительной мере восприятие события как зловещего предсказания было предопределено произошедшим вскоре восстанием. Свою роль сыграла и польская литература этого периода, в частности «Кордиан» Ю. Словацкого и «Дзяды» А. Мицкевича, вошедшие впоследствии в национальный канон¹⁵⁷³. Не приходится, однако, сомневаться, что первоначальное впечатление было позитивным.

Отношение свиты Николая и — шире — русского общества к коронации в Варшаве реконструировать сложнее. Как уже говорилось, проведение церемонии не нашло широкого отражения в источниках личного происхождения, в ретроспективе же оно «потерялось» между двумя

¹⁵⁶⁹ Kicka N. Pamiętniki. S. 159–160.

¹⁵⁷⁰ Krasinski J. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 416–427; Kicka N. Pamiętniki. S. 168–170. См. также: Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. P. 388–402.

¹⁵⁷¹ [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 178.

¹⁵⁷² Kurjer Warszawski. 1829. № 139. S. 603; № 140. S. 611; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (а) — 363 (в) об.

¹⁵⁷³ О тексте Ю. Словацкого и дискуссии, развернувшейся в этой связи в польских литературных текстах, см.: Филатова Н.М. Самоубийство или царубийство? Варианты польского национального поведения в эпоху романтизма // Категории жизни и смерти в славянской культуре: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 268–269; Филатова Н.М. Образ русского царя в литературе польского романтизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 2007. С. 81. Апелляции к тексту «Кордиана» также часты и в польской исследовательской литературе, посвященной разным аспектам коронации. См., например: Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku — miejsce niedoszłego zamachu na cara. S. 178–181; Głębocki H. Spiski koronacyjne z 1829 roku // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 109–110.

эмоционально значимыми событиями — Конституционной хартией 1815 г. и восстанием 1830–1831 гг., не говоря о том, что в России статус церемонии не получил серьезного разъяснения.

Примечательно, что даже в тех случаях, когда план проведения коронации или само действо все же оказывались в поле зрения того или иного высокого чиновника или военного, это, как кажется, не вызывало интереса или потребности обсудить происходящее. Дневник дипломата П.Г. Дивова помогает точнее понять и контекст происходящего. Служивший в тот момент управляющим Министерством иностранных дел, Дивов фиксирует в своих записках: «21-го мая Император короновался в Варшаве. Он коронуется сам, возлагая корону на свою голову»¹⁵⁷⁴. Однако сразу за этой сухой фразой следуют новости с театра военных действий Русско-турецкой войны: 4 июня — известие о том, что султан освободил находившихся в плену 6 офицеров и 120 солдат, 13 июня — информация о молебствии в Казанском соборе по случаю победы графа Дибича и т. д.¹⁵⁷⁵ Казалось бы, Петербург был занят войной, известия с полей сражения занимали главные полосы газет и мысли современников. Можно было бы предположить, что о других новостях рассуждать было некогда и неинтересно. Такое прагматическое объяснение, однако, едва ли будет верным.

Подтверждение можно обнаружить в переписке тогдашнего министра внутренних дел А.А. Закревского и командующего русскими войсками в Дунайских княжествах П.Д. Киселева. Ранней весной 1929 г. находившийся в Петербурге Закревский сообщал своему адресату в Одессу все петербургские новости, получая в свою очередь информацию о событиях, разворачивавшихся на южных рубежах империи в непосредственной близости от театра военных действий: «О сборе турок в назначенных тобою местах здесь также носят слухи; желаю успеха, а еще полезнее будет, когда совершится мир, России желанный. *Государь в конце апреля или начале мая с*

¹⁵⁷⁴ Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.). С. 622.

¹⁵⁷⁵ Там же. С. 624, 626.

*Императрицею и Наследником едут в Варшаву для коронования. Будет свидания в Калише с королем Прусским, а потом Государь поедет в Тульчин на маневры, а оттуда к таковым же сюда поспеет»*¹⁵⁷⁶. Важно отметить, что здесь Закревский сообщает о коронации не как о чем-то из ряда вон выходящем, а как о событии, значение которого существенно, но все же не выходит за пределы разговоров о заканчивающейся войне, прусской поездке императора и грядущих маневрах. В ответе Киселева, который привычно реагирует на все написанное Закревским в режиме «новость — комментарий», какого бы то ни было впечатления относительно будущей коронации вообще не высказано. Арсений Андреевич обошел вопрос стороной вполне красноречиво: при том что граф много рассуждал о войне и сообщал, между прочим, что «в Одессе скука отменная», «время здесь весьма теплое, но трава худо показывается» и «хлеб вздоржал», до обсуждения коронации дело в его тексте не дошло¹⁵⁷⁷. В поденной хронике митрополита Московского Филарета (Дроздова) за вторую половину 1820-х — начало 1830-х гг. можно обнаружить схожие сюжеты — слово «коронация» как таковое используется только применительно к московской коронации 1826 г., события, связанные с Польским восстанием 1830–1831 гг., неизменно маркированы, а варшавская коронация Николая никак не отмечена¹⁵⁷⁸.

Оценки, высказанные представителями императорской свиты или приближенными великого князя Константина Павловича, участвовавшими в коронации, также носят обрывочный характер. В ряде случаев, оставив достаточно пространное описание событий в Варшаве, авторы мемуаров не интерпретировали свершившееся действие и не описывали собственные эмоции. В этом смысле их тексты похожи на записи тех, кто коронацию не видел. Именно так, например, выглядит рассказ адмирала П. Колзакова, служившего в Варшаве, и композитора А.Ф. Львова, будущего автора музыки

¹⁵⁷⁶ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 315.

¹⁵⁷⁷ Там же. С. 165–166.

¹⁵⁷⁸ Летопись жизни и служения святителя Филарета (Дроздова). М.: ПСТГУ, 2010. Т. II. С. 13, 28, 133–134, 194, 201, 212. 214.

гимна «Боже, Царя храни!», который находился в свите императора¹⁵⁷⁹. А.Ф. Львов остался в границах официального нарратива, сообщая, например, что «народ везде изъявлял особенную радость»¹⁵⁸⁰, а у адмирала П. Колзакова самым эмоциональным из зафиксированного стало описание концерта Н. Паганини: «Вечером я был в концерте Паганини и был истинно поражен его громадным талантом. Что он со скрипкой выделявал — невероятно»¹⁵⁸¹.

Известную двойственность в оценке коронации можно найти у А.Х. Бенкендорфа, который, как мы уже знаем, участвовал в выработке официального взгляда на свершившуюся церемонию как на акт единения двух народов. В частной переписке того периода граф также выражал мнение, что коронация стала политическим успехом. В мае 1829 г. он писал Дибичу: «Императора обожают за его благородные и честные манеры. Мужчины и женщины с энтузиазмом относятся к нему, к любезности императрицы, к будущим надеждам, которые он продолжает. Варшава находится в упоении, а Вена, как я думаю, разочарована... Население увеличивается из-за массы людей, прибывающих из округи, из дам и господ, приехавших из самого Парижа, чтобы увидеть короля Польши. Коронация была во всех отношениях наиболее возможным политическим актом. До этого момента поляков волновала только безопасность их национального существования и надежды на будущее. Сейчас они говорят, разговаривая о русско-польских провинциях: “Мы больше не должны смотреть назад, сейчас наши взоры должны быть направлены на амбиции и славу нашего суверена”»¹⁵⁸². В другом письме тому же адресату он рисует коронацию как событие позитивное и способствовавшее достижению поставленных целей, но вместе с тем непростое и эмоционально затратное: «Благодаря Богу и самообладанию императора над самим собою *все кончилось благополучно*... Поляки в восторге

¹⁵⁷⁹ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 448–455; Львов А.Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 241–243.

¹⁵⁸⁰ Львов А.Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242.

¹⁵⁸¹ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 455.

¹⁵⁸² Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 455.

от своего короля и преисполнены доверия к его мудрости. Уверяю вас, что невозможно быть более рассудительным, чем они, и более покорными воле Проведения, подчинившего их военному влиянию великого князя»¹⁵⁸³.

Рассказывая о варшавской церемонии в своих «Воспоминаниях», глава Третьего отделения предложил иную трактовку — теперь коронация была «прочитана» им через призму последующих столкновений России и Польши. Указывая, что распространявшиеся по России «слухи» о коронации «не доставили никого удовольствия русским»¹⁵⁸⁴, Бенкендорф пишет: «...поляки должны были почувствовать гордость... Мы же испытывали там тягостные чувства. Я не мог избавиться от *болезненного и даже унижительного ощущения*, которое предсказывало, что император Всея Руси выказывает слишком большое доверие и оказывает слишком большую честь этой *неблагодарной и воинственной нации*»¹⁵⁸⁵. Между прочим, стоит отметить, что этот пассаж граф поместил рядом с рассуждениями о том, что политика императора Александра I в отношении Польши, его стремление к объединению «всего, что было польским и могло быть польским» «затрагивало и оскорбляло Россию»¹⁵⁸⁶.

Впрочем, подобное описание оскорбленного русского чувства и рассуждения о неверной политике империи на западных границах можно обнаружить и в текстах, написанных непосредственно в момент коронации. Они принадлежат перу прежде всего военных. Так, находившийся в мае 1829 г. на театре военных действий с Турцией генерал И.И. Дибич писал в своем письме императору: «Бог хотел бы, чтобы удовлетворение, которое Ваше Имперское Величество испытывает в Варшаве, было всегда стабильным и неизменным... но нужно особенно остерегаться... чтобы не попасть в ловушку их (поляков. — *Прим. авт.*) очевидной лояльности»¹⁵⁸⁷. В своих посланиях

¹⁵⁸³ Там же. С. 236.

¹⁵⁸⁴ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

¹⁵⁸⁵ Там же. С. 410.

¹⁵⁸⁶ Там же. С. 408.

¹⁵⁸⁷ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 312.

А.Х. Бенкендорфу генерал выражался с еще большей прямоотой: «*Пылкие патриоты видят в этом (в коронации. — Прим. авт.) снижение имперского достоинства...* Разумные люди и настоящие друзья нашего государя ощущают важность... этого действия и молятся, чтобы оно обернулось установлением спокойствия и гармонии. Я же опасюсь... и жалею всей душой Императора, так как я предвижу большие трудности...»¹⁵⁸⁸ Дибичу вторил А.И. Нейтгард, выразившийся в отношении коронации прямо и резко: «...все вообще является чем-то уродливым: черный двуглавый орел — отец белого одноглавого; они различны по природе и останутся таковыми»¹⁵⁸⁹.

Несмотря на позднейшую переоценку произошедшего, коронация была воспринята в Царстве Польском позитивно. Имперские власти также расценивали церемонию как несомненный успех. Отношение русского общества к коронации в Варшаве не нашло широкого отражения в источниках, а оценки, высказанные представителями императорской свиты или приближенными великого князя Константина, фрагментарны. Вместе с тем в отдельных текстах, принадлежащих перу прежде всего военных, можно встретить указания на то, что коронация расценивалась как проявление неверной политики империи в регионе.

7.2. Эмоциональные нарративы: «долг» и «благодарность»

Император убедил себя в необходимости коронации в Варшаве, но реализовать принятое решение оказалось для него делом нелегким. Это подтверждается тем, насколько противоречивым было поведение Николая во время пребывания в Польше. С одной стороны, император вел себя в столице Царства Польского крайне благожелательно — выражал интерес к польской истории, многократно упоминал храбрость польских войск, восхищался их превосходной выучкой, а однажды, в знак расположения к жителям Варшавы,

¹⁵⁸⁸ Там же. Т. 2. С. 304.

¹⁵⁸⁹ *Фалькович С.М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407. Трактровка А.И. Нейтгарда содержит символические позиции, к которым прибегал ранее К. Поццо ди Борго. В одной из записок Александру I в 1814 г. он писал, что титулы короля Польши и императора России не могут «симпатизировать» друг другу, поскольку они различны по своей сути (РГИА. Д. 1101. Оп. 1. Д. 316. Л. 4).

прошел по улицам города пешком и без охраны¹⁵⁹⁰. Современники прямо указывали, что во время пребывания в Варшаве Николай I «прилагал все усилия лично понравиться» полякам¹⁵⁹¹. В этом он видел свой долг как императора.

С другой стороны, реконструируя действия Николая этого времени, можно заметить, что монарх испытывал серьезные психологические сложности и часто просто прятался от публики. Как уже упоминалось, достигнув Вильно во время поездки на коронацию, император начал отказываться от встреч с местными чиновниками и дворянскими представителями¹⁵⁹², а в церемониале коронации жителям города дозволялось «при проезде кортежа по улицам города опускать занавески в окнах»¹⁵⁹³.

Некоторые польские авторы также оставили свидетельства, которые необходимо упомянуть в этой связи. Ю. Немцевич отметил в своих воспоминаниях, что во время произнесения коронационной клятвы император внезапно разрыдался и несколько минут не мог вымолвить ни слова¹⁵⁹⁴. Немцевич полагал, что поведение монарха было продиктовано тем, что он был глубоко тронут происходящим. Ю. Красинский, описывая церемониальное шествие от замка к собору Св. Яна, зафиксировал еще один знаковый эпизод — император и король то ли от усталости, то ли будучи расстроенным шел к костелу с большим трудом, его фактически внесли в собор члены свиты, а во время молитвы, которую совершил примас Воронич, Николай заплакал и долго не мог успокоиться¹⁵⁹⁵. Отметим отдельно, что описание

¹⁵⁹⁰ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 451; *Zajewski W.* Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28; *Шильдер Н.К.* Император Николай I и Польша. С. 277–306. Не стоит преувеличивать значение этого жеста. Император время от времени позволял себе подобного рода публичные появления. См. о поведении Николая I в Москве: *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 444; *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 276.

¹⁵⁹¹ *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 220.

¹⁵⁹² РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 12 об.

¹⁵⁹³ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

¹⁵⁹⁴ *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 320.

¹⁵⁹⁵ *Kraśiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Kraśińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 418–419.

Ю. Красинского далеко от традиционного описания перформативного проявления эмоций во время торжественной церемонии¹⁵⁹⁶.

Российские источники не показывают императора плачущим, но и здесь есть сведения, на которые имеет смысл обратить внимание. В.А. Жуковский, указывавший, что во время коронации все присутствующие и «внимавшие (молитве императора. — *Прим. авт.*) исполнены были благоговения и проливали слезы», рисует и сильное волнение Николая — во время молитвы «лицо его было оживлено чувством, и твердый голос его иногда прерывался от сильного движения душевного»¹⁵⁹⁷. Глава Третьего отделения А.Х. Бенкендорф в своих «Воспоминаниях» и вовсе не скрывает эмоциональные метания Николая I во время пребывания в Варшаве. Последний, по словам графа, принес клятву «от чистого сердца... с полной решимостью ее исполнить». При этом, как сообщает граф, Николай I испытывал «тягостные чувства». Рассуждая об эмоциональном состоянии монарха, Бенкендорф, пожалуй, нашел самое точное слово по отношению к тому, что ощущал император, — унижение¹⁵⁹⁸.

Примечательно и сообщение о нездоровье монарха во время варшавских торжеств: «Отечественные записки» информировали своих читателей, что император рано покинул праздничный обед в день коронации и пропустил и «обеденный стол на другой же день... по случаю легкой простуды»¹⁵⁹⁹. Сложно сказать, насколько действительно больным был в эти дни император, однако косвенные свидетельства указывают на то, что император искал возможность для своего рода передышки. «Воспоминания» Бенкендорфа

¹⁵⁹⁶ С. М. Волошина справедливо замечает, что публичное проявления эмоций Николаем I существенно отличается от принятого при Александре I — «если у “ангела на троне” слезы умиления и сострадания были органической частью его «персоны», то младший брат демонстрировал их лишь в исключительных случаях, перенося обязанность плакать на своих подданных» (Волошина С. М. «...Колена преклоните, С сердечной искренней слезой»: Слезы как часть сценария власти Николая I // Сквозь слезы: Русская эмоциональная культура / Сост. К. Богданов. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 82).

¹⁵⁹⁷ Жуковский В.А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. 462.

¹⁵⁹⁸ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 410.

¹⁵⁹⁹ О коронации Его Императорского Величества. С. 431. См. об этом также: Фалькович С.М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407.

позволяют реконструировать произошедшее после того, как Николай, сказавшись больным, ушел с коронационного обеда. «Вернувшись в свои апартаменты во дворце, император послал за мной, — сообщает глава Третьего отделения. — Видя, что я взволнован, он не скрыл от меня, насколько его рыцарское сердце переполнено чувствами»¹⁶⁰⁰. Стоит обратить внимание и на серьезную болезнь, которая настигла Николая спустя несколько месяцев после коронации, в ноябре 1829 г.¹⁶⁰¹ Болезнь сопровождалась нервными припадками, и при дворе опасались за жизнь монарха. Очевидно, события первой половины года, война и коронация в итоге дали о себе знать.

При первой же возможности Николай I буквально сбежал из Царства Польского в Пруссию. Действия монарха в литературе чаще всего трактуются как прагматичное стремление совместить две поездки¹⁶⁰². Однако если поместить произошедшее в контекст предшествующих событий, то картина окажется иной. Получив во время пребывания в Варшаве информацию о болезни своего тестя, прусского короля, Николай I принял внезапное решение сократить свое пребывание в столице Царства Польского и направиться в Берлин, где его визита не ждали. Бенкендорф так описывает действия монарха: «...император решил, что сам поедет в Берлин... он приказал мне никому не говорить об этих планах... Два дня спустя в полночь мы с императором сели в коляску, предшествуемые только одним фельдъегерем, которому было приказано готовить по дороге лошадей... Нас сопровождал только приехавший с императором в Варшаву граф Алексей Орлов. Ни на минуту не останавливаясь, мы через Калиш и Бреслау доехали до Грюнберга. Под моим именем император остановился в этом маленьком городе, чтобы дожидаться приезда императрицы, которая должна была прибыть сюда этой ночью. В тот момент, когда карета императрицы остановилась у приготовленного для нее дома, ее августейший супруг открыл дверь и к великому изумлению всех

¹⁶⁰⁰ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 410.

¹⁶⁰¹ Неизвестный. Записка о болезни Николая I. 1829 // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. С. 391–392.

¹⁶⁰² Выскочков Л.В. Николай I. С. 264.

многочисленных собравшихся здесь людей подал руку императрице и сердечно обнял ее»¹⁶⁰³.

Историки справедливо отмечают, что в Германии Николай ощущал себя спокойно и комфортно. Он был рад оказаться «в близкой его сердцу атмосфере военного командования. И сам он был принят в Берлине... как родной»¹⁶⁰⁴. К тому же и с тестем, и с братом жены — принцем Вильгельмом (будущим германским императором Вильгельмом I) — у Николая установились прекрасные отношения. Во время этой поездки в Берлин монарх присутствовал на бракосочетании принца Вильгельма с принцессой Августой Саксен-Веймарской¹⁶⁰⁵.

Личные реакции императора показывают, что свои действия в Варшаве он воспринимал как не соответствующие его собственным представлениям и установкам. Иными словами, внутреннее состояние Николая-человека не согласовывалось с эмоциональным режимом, который установил (и которому обязал себя следовать) Николай-император. Как же в таком случае монарх объяснял себе и своим приближенным необходимость пройти через подобный кризис или, используя формулировки самого Николая I и А.Х. Бенкендорфа, для чего он преодолевал «отвращение», шел на «жертвы» и проходил через «унижение»? Какой отклик от своих подданных в Царстве Польском он рассчитывал в итоге получить?

Анализ источников личного происхождения показывает, что польской стороне предписывались реакции (а в дальнейшем и действия), в основе которых должна была лежать подлинная и искренняя благодарность. Появление категории «благодарность» в российской политической риторике и, более того, использование последней при выстраивании политической практики не было нововведением Николая I. Автором этой системы был его брат и предшественник на престоле Александр I. Современники чутко уловили

¹⁶⁰³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 410. Действительно, выехав из Варшавы позже, император смог обогнать кортеж императрицы Александры Федоровны (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 140).

¹⁶⁰⁴ Полиевктов М.А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 23.

¹⁶⁰⁵ Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. С. 333.

эту ноту в российской политике постнаполеоновского периода, отразив ее в своих текстах. Самым известным указанием является, конечно, письмо Карамзина Александру I 1819 г., известное как «Мнение русского гражданина»: «Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века... *В делах государственных чувство и благодарность безмолвны*»¹⁶⁰⁶. Карамзину вторил сенатор Н.Н. Новосильцев, который, по воспоминанию современников, часто повторял: «Александр Павлович ошибается, если думает, что поляки будут ему благодарны», «все добро, получаемое от других, принимается как бы за дань, по праву следующую»¹⁶⁰⁷.

Вместе с тем александровская установка на ожидание благодарности от Польши за дарованные права, привилегии и прощение военной агрессии в период Отечественной войны 1812 г. была не чем иным, как отражением польской риторики. Уже в 1818 г. во время первого сейма Царства Польского речи депутатов строились в рамках этой парадигмы. Так, президент Сената, министр народного просвещения и исповеданий Царства Польского Станислав Костка Потоцкий говорил о признательности за покровительство монарха и об уроке, который последний преподавал миру: «Для Польши дни траура обратились в дни веселия и радости. Ваше величество соединили королевство Польское с обширными вашими владениями, собрали под один скипетр два братские народа и тем укрепив наше народное существование на незыблемом основании, даровали нам Конституционную хартию и явили удивленному свету небывалое зрелище... *Кто из поляков не оценит и не почувствует вами сделанного?.. Можем ли мы оправдать такое к нам доверие?.. Пусть мир убедится в том, что счастливое сочетание начал... будет*

¹⁶⁰⁶ РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 5–5 об.

¹⁶⁰⁷ Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722, 1726.

величайшим уроком, когла либо данным миру монархом»¹⁶⁰⁸. Выступавший в этот же день министр внутренних дел Тадеуш Мостовский пошел дальше, представив идею польской благодарности в параллель с рассказом о благодеяниях победителей, не воспользовавшихся возможностью отомстить побежденным. В своей речи Мостовский описал 1813 г. — испуг поляков при приближении армии Александра, воззвание императора, которое «обеспечивало имущество и личность всем жителям герцогства Варшавского», отсутствие преследования служивших Наполеону, а также то, что «русские войска долго не пребывали в герцогстве и вообще возможно менее проходили через Варшаву»¹⁶⁰⁹. Мостовский завершил свою речь словами: «...мы сумеем оценить все эти благодеяния и первые обсуждения нашего сейма докажут... что порядки, установленные хартиєю... будут иметь последствием общественный мир без томления, послушание — без унижения и свободу — без крайностей»¹⁶¹⁰. Интересно, что министр предложил и вполне просвещенческое по своей сути обоснование верности стратегии, которая зиждется на прощении и благодарности. Он определил, что «подчинение, обдуманное и вызванное убеждением и чувством, основательнее и плодотворнее подчинения, вынужденного силою оружия» и что «*чувство признательности в сущности есть чувство счастья*»¹⁶¹¹.

Отметим отдельно, что к моменту смерти Александра I отсылки к категории «благодарность» стали неотъемлемым элементом диалога жителей Царства и Романовых. Николай I смог в полной мере ощутить установленный эмоциональный режим в первые недели своего правления, когда Варшава готовилась к символическим похоронам Александра I. В это время в польских землях были изданы десятки поминальных стихов и речей. Их авторы — чиновники, школьные учителя, военные и священники — публиковали тексты

¹⁶⁰⁸ Майков П.М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 425.

¹⁶⁰⁹ Там же. С. 426.

¹⁶¹⁰ Там же. С. 427.

¹⁶¹¹ Там же. С. 436.

на польском и немецком, отдельными брошюрами или в газетах¹⁶¹². Структура этих чаще всего стихотворных манифестаций содержала в себе два основных элемента — рассказ о покойном императоре и совершенных им при жизни деяниях и описание скорби и эмоционального состояния, в котором оказалась Польша зимой 1825/26 г.

В этих текстах Александр представал монархом великим¹⁶¹³ и обожаемым Европой¹⁶¹⁴ победителем¹⁶¹⁵, подобным Солнцу и Луне¹⁶¹⁶. Он именовался отцом¹⁶¹⁷ и спасителем Польши¹⁶¹⁸. Его милосердие и доброта¹⁶¹⁹, по мнению авторов этих текстов, «вернули полякам родину»¹⁶²⁰, подняли их

¹⁶¹² *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego etc. etc. etc.; *Ku... J.* Wiersz na zgon wielkopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosseyi, króla polskiego. Krakow, [1826]; *Feleczerski X.* Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi, króla Polski etc. etc. etc. Warszawa, 1826; *Ostrzykowski B.* Przymówienie w dzień żałobny exekwii Najjaśniejszego Aleksandra I., cesarza Wszech Rosseyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. [Warszawa, 1826]; *Woronicz J.P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomney pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosseyi Aleksandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim; *F.Z.* Elegija w czasie pogrzebu ułożona na zgon błogosławioney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi króla polskiego. [Warszawa, 1826]; Westchnienia czulego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wieczney pamięci nayiaśniejszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rosseyi, wskrzesiciela i króla Polski; *Walter C. von.* Zum unvergesslichen Gedächtniss liebevoller seelen gewidmet seiner kaiserlichen Majestät Alexander der I-te aller Reussen und Koenig von Pohlen [1826]; *Bratkowski S.* Na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I-go cesarza wszech Rosseyi, króla polskiego; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego Часть таких материалов сохранилась в фондах великого князя Константина Павловича. См., например: AGAD. F. 198. № 72. K. 34-47, 63-68.

¹⁶¹³ *Feleczerski X.* Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 4.

¹⁶¹⁴ *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 3.

¹⁶¹⁵ *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego. S. 4.

¹⁶¹⁶ *Feleczerski X.* Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 6.

¹⁶¹⁷ *Feleczerski X.* Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 6; *Ku... J.* Wiersz na zgon wielkopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosseyi, króla polskiego. S. IV–V; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego. S. 6; *Ostrzykowski B.* Przymówienie w dzień żałobny exekwii Najjaśniejszego Aleksandra I, cesarza Wszech Rosseyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. S. 6–7, 12; *Woronicz J.P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomney pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosseyi Aleksandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 1, 14; Kurjer Warszawski. 1826. № 92. S. 1.

¹⁶¹⁸ *Feleczerski X.* Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 5.

¹⁶¹⁹ *Ku... J.* Wiersz na zgon wielkopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosseyi, króla polskiego. S. V; *Woronicz J.P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomney pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosseyi Aleksandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 5.

¹⁶²⁰ *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 4–5; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosseyi Krola Polskiego. S. 4;

«из могилы»¹⁶²¹ и наконец позволили обрести утраченное счастье¹⁶²². Один из сочинителей, вспоминая наполеоновские походы и повторяя формулировки министра Т. Мостовского на сейме 1818 г., писал, что Александр I «удивил весь мир», поскольку «не наказал побежденных»¹⁶²³. Соотечественников авторы таких текстов описывали в категориях благородства духа, как людей «всегда верных и честных»¹⁶²⁴, испытывающих к монарху — безотносительно того, о каких благодеяниях шла речь (от восстановления утраченной государственности до полученных свобод, привилегий и торговых выгод), — подлинную и бесконечную благодарность¹⁶²⁵.

Плач по скончавшемуся Александру был одновременно и обращением к Николаю, а разговор о благодарности — своего рода обещанием новому монарху, который осмыслялся в категориях патернализма по отношению к полякам и преемственности политики брата на западных территориях империи¹⁶²⁶. Объявление о коронации 1829 г. реактуализировало в официальной риторике Царства Польского апелляции к идее «благодарности» — в обращенных к Николаю лоялистских речах звучали клятвы «любить и быть верными» и декларации о том, что «поляки помнят благодеяния»¹⁶²⁷.

Последующие события и оценки восстания 1830–1831 гг. демонстрируют, что император Николай I не воспринял аффектированный

¹⁶²¹ Woronicz J.P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 11.

¹⁶²² Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosssy Krola Polskiego. S. 4.

¹⁶²³ Ibid.

¹⁶²⁴ Jaskólski F. Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosssy Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 8.

¹⁶²⁵ Feleczerski X. Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosssy, króla Polski etc. etc. etc. S. 5; Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosssy Krola Polskiego. S. 4, 7; Woronicz J.P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 14; Ostrzykowski B. Przymówienie w dzień żałobny exekwiy Najjaśniejszego Aleksandra I, cesarza Wszech Rosssy, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. S. 8.

¹⁶²⁶ Jaskólski F. Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosssy Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 7; Ku... J. Wiersz na zgon wielkopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosssy, króla polskiego. S. VI–VII; Feleczerski X. Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosssy, króla Polski etc. etc. etc. S. 7–8; Woronicz J.P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 15.

¹⁶²⁷ Kurjer Warszawski. 1829. № 140. S. 611; AGAD. F. 191. № 19 (161). K. 14.

язык, на котором польская элита говорила о своей лояльности, как ритуальную речь.

Окончание периода мирного сосуществования разрушило саму основу ожиданий Николая и политической элиты империи. Оценка действий поляков периода восстания 1830–1831 гг. в значительной мере выстраивалась вокруг указания на их *неблагодарность*. Именно о ней говорил польскому депутату Валицкому бежавший из Варшавы великий князь Константин Павлович: «Я не могу глубоко не чувствовать *неблагодарности*... батальонов, которые пользовались моим расположением; они доказали мне, что *благодарность* — слово, лишенное смысла»¹⁶²⁸. О «неискоренимой неблагодарности» поляков рассуждал и А.Х. Бенкендорф¹⁶²⁹, утверждавший, что правительственная «слепота» в отношении умонастроений в Польше прямо связана с верой в благодарность поляков за свершенные благодеяния¹⁶³⁰. Глава Третьего отделения прямо объявил Ф. Вылежинскому, одному из польских парламентариев, направленных повстанцами в Петербург, что «русские войска будут драться с ожесточением, так как вся Россия оскорблена этой революцией и негодует на *неблагодарность* польского народа»¹⁶³¹. И.Ф. Паскевич, обратившись к полякам сразу после подавления восстания 1830–1831 гг., корил жителей Царства за то, что последние забыли «долг присяги и *благодарности* за все благодеяния, оказанные Царству... императором Александром I»¹⁶³². Эта риторика, очевидно, обрела со временем форму нарратива.

При начале восстания император Николай I заявлял: «...прошла пора великодушия; неблагодарность поляков сделала его невозможным, и на будущее время во всех сделках, касающихся Польши, все должно быть

¹⁶²⁸ Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 125.

¹⁶²⁹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 405, 463, 500–501.

¹⁶³⁰ Там же. С. 464.

¹⁶³¹ Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 47.

¹⁶³² РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 38. Л. 1.

подчинено истинным интересам России», которая не стремится «владеть страной, неблагодарность которой была столь очевидна»¹⁶³³. Позднее монарх повторял сентенцию о польской неблагодарности многократно, как в частной переписке, так и в публичном пространстве. Так, благодаря И.Ф. Паскевича за подавление восстания, император, например, иронично заявил, что будет хранить знамена и Конституционную хартию «в Оружейной палате, как памятник великодушия нашего Александра I и польской благодарности»¹⁶³⁴.

Примечательны и публичные речи монарха после восстания. Судя по сохранившимся материалам, Николай I произнес одну и ту же по содержанию речь несколько раз — в 1831 г. во время приема польской депутации в Петербурге, а также в 1835 г. в имении Лазенки под Варшавой¹⁶³⁵. При этом повторялась и мизансцена — император перебивал депутата, начавшего было произносить заготовленный текст. Вероятнее всего, первоначальный, достаточно короткий текст¹⁶³⁶ был расширен для произнесения в Польше 4 (16) октября 1835 г.: «Вы хотите меня видеть? Вы меня видите! Вы хотите мне говорить речь? Я этого не хочу, избавляя вас от лжи, да, господа, избавляя вас от лжи. Знаю, что чувства ваши не те, каким вы хотели заставить меня поверить. Знаю, что большая часть из вас... в прежних обстоятельствах были бы готовы вновь начать то, что вы делали во время революции. *Не вы ли сами за пять лет, за восемь лет говорили мне о... преданности*, не вы ли оказывали мне самые торжественные изъявления привязанности... а... после этого вы разрушили свои клятвы. Вы совершили ужасные дела! Императору Александру, сделавшему для вас более, нежели русскому императору должно

¹⁶³³ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 349.

¹⁶³⁴ Там же. С. 386.

¹⁶³⁵ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 581. Л. 1; Ф. 73. Оп. 1. Д. 379. Л. 1–1 об.; Ф. 452. Оп. 1. Д. 600. Л. 102.

¹⁶³⁶ Текст сокращенной речи императора звучал следующим образом: «Остановитесь, послушайте лучше меня. Не кланяйтесь, *вы так же кланялись в 1829 году*, но безстыдным образом изменили и пренебрегли *благоденствиями* покойного брата моего Александра, который не жалел для вас и богатства своей земли. Хорошую страницу оставили в истории! Вы сами для себя построили цитадель (речь о Варшавской (Александровской) цитадели, построенной по приказу Николая I после восстания 1830–1831 гг. – прим. авт.), теперь помните, что при малейшем возбуждении Варшавы не будет и уже в другой раз не построить ее. На немцев и французов не надейтесь, они вам не пособят, но вы можете надеяться на мою милость, чтите законы, любите своего монарха. Уверю вас, что только в таком случае будете счастливы, постарайтесь детям вашим дать иное воспитание, нежели какое получили сами» (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 581. Л. 1).

было сделать, говорю так потому, что так думаю, осыпавшему вас благодеяниями, *попечительному об вас более, нежели своих настоящих подданных* и сделавшему из вас народ самый щедрый, самый цветущий — императору Александру заплатили вы *самой горькой неблагодарностью*, Вы никогда не умели довольствоваться положением самым выгодным и кончили тем, что сами разрушили свое благополучие... Воспитайте для добра детей ваших, внушая им основания... верности к их государю»¹⁶³⁷.

Эта речь являет собой перечень упреков, которые Николай I предъявил полякам, главным из которых была объявлена неблагодарность. При этом, обвиняя своих «скверноподданных», как впоследствии выражался император, в нарушении преданности ему лично, все благодеяния, которыми была осыпана Польша, монарх приписал императору Александру I. Последний, по мнению Николая, проявлял заботу о поляках более, чем о «своих настоящих подданных», и более, «нежели русскому императору должно было сделать». Интересно, что себя из этой композиции, выстроенной вокруг чрезмерно неоправданных даров полякам, император удалил, делая Александра, с одной стороны, обманутым поляками, а с другой — порицаемым за легкоеверие. Показательно, что в этом тексте отсылка к коронации («Не вы ли сами за пять лет, за восемь лет говорили мне о... преданности») носит скорее завуалированный характер по отношению к версии 1831 г., где упрек был выражен прямо: «...вы так же кланялись в 1829 году»¹⁶³⁸. При этом просвещенческий пафос николаевской речи («воспитайте для добра детей ваших») был направлен в будущее, опуская занавес над прошлым¹⁶³⁹.

Подытоживая, следует отметить указания источников на рассогласованность эмоционального состояния, в котором пребывал император Николай, и системы шагов, реализованной в Варшаве весной —

¹⁶³⁷ Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 600. Л. 102–103 об.

¹⁶³⁸ Там же. Ф. 341. Д. 581. Л. 1.

¹⁶³⁹ По поводу собственных эмоциональных оценок в связи с приемом польской делегации в Зимнем дворце в 1831 г. император писал: «Сознаюсь, что я *глубоко презираю их* и их благодарность не имеет для меня никакой цены. Я стремлюсь к тому, чтобы заслужить благодарность России, — вот моя постоянная мысль» (Залевский М.Н. Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). С. 160).

летом 1829 г. Мотивировка к преодолению противоречия была найдена в апелляции к категории «долг» и ожиданиях конкретного отклика со стороны польских подданных монарха. В жителях Царства Польского император рассчитывал пробудить подлинную и искреннюю благодарность. Такие ожидания зиждились на предшествующей политической практике в регионе – к моменту смерти Александра I отсылки к категории «благодарность» стали неотъемлемым элементом диалога жителей Царства и Романовых. Коронационные торжества 1829 г. в полной мере продемонстрировали актуальность обращения к риторическим установкам прежнего царствования.

Последующие события и оценки восстания 1830–1831 гг. демонстрируют, что император Николай I не воспринял проявления такого рода как часть формального диалога. Напротив, обещания быть благодарными были интерпретированы как своего рода контрактные обязательства.

7.3. Поиск форм символической рецепции коронации: случай митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова)

После короткого пребывания в Берлине Николай вернулся в Варшаву. Здесь он получил новость о Кулевчинском сражении, завершившемся победой, которую он так давно ждал¹⁶⁴⁰. Новость привела императора в восторг. Доставивший сообщение князь Трубецкой так передал реакцию монарха: «Трудно описать впечатление, произведенное на императора известием... Будучи на вершине радости или, вернее, счастья, он осыпал меня поцелуями, бросился на колени, чтобы поблагодарить Бога, и тотчас же назначил меня своим флигель-адъютантом и полковником — две милости, которых я никоим образом не ожидал одновременно. Затем, не дав мне времени опомниться, он увлек меня на свои дрожки, чтобы отправиться сообщить эту приятную новость великому князю Константину... Вечером в

¹⁶⁴⁰ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 230. Военную кампанию 1828 г. современники считали не слишком успешной. Российское правительство даже предпринимало усилия по опровержению материалов, появлявшихся в этой связи в европейской прессе ([Грибовский А.М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 89).

день моего приезда император снова призвал меня к себе в кабинет и, пригласив пить с ним вместе чай, около двух часов разговаривал со мною наедине о том, как вообще у нас обстоит дело»¹⁶⁴¹. По случаю победы было объявлено о многочисленных наградах; командовавший армией Дибич получил орден Св. Георгия¹⁶⁴². Находясь в Варшаве, Николай получил и еще одну радостную новость — адмирал Грейг сообщал в своем рапорте о действиях брига «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А.И. Казарского. Команда небольшого поврежденного судна, атакованная турками, приняла решение не сдаваться, а в крайнем случае поджечь корабль. Однако «Меркурий» не только выдержал обстрел со стороны двух больших турецких кораблей, но и нанес последним серьезные повреждения¹⁶⁴³.

Вскоре победа Дибича над визирем была отпразднована торжественным молебствием в лагере при Повонзках, где 16 (28) июля были построены все войска Варшавского гарнизона. Здесь по приказу императора были сооружены два навеса — для проведения масштабного православного и католического богослужения. «После благодарственной молитвы, которую сопровождал артиллерийский салют, — вспоминает А.Х. Бенкендорф, — император первым закричал “Ура!”. Этим он вызвал большое неудовольствие великого князя Константина, который питал отвращение к шумным представлениям и даже к крикам “Ура!”. Огромное количество людей собралось для того, чтобы порадовать свой взор этим церковным праздником, который украшали своим присутствием самые нарядные столичные экипажи»¹⁶⁴⁴.

В этом описании обращает на себя внимание то, как быстро император переключился на условный русский дискурс при появлении информации о военной победе. Николай не был готов провести публичный православный

¹⁶⁴¹ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 230.

¹⁶⁴² Столетие Военного министерства: 1802–1902. Т. 2. Кн. 1: Царствование Николая I. С. 294–295.

¹⁶⁴³ Там же. С. 295.

¹⁶⁴⁴ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 416; Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 231.

молебен в честь коронации, но сомнений относительно того, следует ли сделать это по случаю военной победы, у него не возникало.

Доставленная в Варшаву новость о победе позволила завершить всю поездку на высокой ноте. Весь проделанный Николаем путь, полный сомнений, тягот и жертв, казалось, был пройден не зря. Польша была покорена благородством монарха, которое не могло не внушать восторг и благодарность, планы Австрии были нарушены, а русская армия, словно в награду за усилия монарха, снискала столь долгожданную славу на поле боя. Дело шло к заключению триумфального мира с Оттоманской Портой, а Польша была спокойнее, чем когда-либо. Балы и парады, иллюминации и фейерверки, восторженно-эмоциональные проявления чувств со стороны жителей Варшавы — все это расценивалось как свидетельство верности принятых монархом решений. Николай уезжал из Варшавы с убеждением, что коронация в конечном итоге оказалась успехом.

Российский император покинул столицу Царства Польского 13 (25) июня. Он направился в Тульчин на смотр гвардейского корпуса 19 июня (1 июля), а затем повернул к Киеву, где провел достаточно много времени, вплоть до отъезда 26 июня (8 июля). Его дальнейший путь пролегал через Козелец, Чернигов, Бобруйск, Могилев, Витебск, Великие Луки и Старую Руссу. Император прибыл в Царское село 11 (23) июля, спустя более чем три месяца после отъезда на коронацию¹⁶⁴⁵. Монарх возвращался в Петербург без жены и наследника. Императрица Александра Федоровна осталась в Пруссии, а великий князь Александр Николаевич, выехавший из Варшавы несколькими днями ранее императора, направился в Санкт-Петербург через Ковно и Ригу¹⁶⁴⁶.

Императорский кортеж состоял всего из 58 лошадей и 11 экипажей (из которых четыре представляли собой «перекладные тележки»). Николая I сопровождали генералы Александр Бенкендорф, Владимир Адлерберг, Петр

¹⁶⁴⁵ Там же. С. 238–240.

¹⁶⁴⁶ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 32–33 об.

Толстой и военный советник Максим Брискорн, а также камердинер и мундкох¹⁶⁴⁷. Предписания в связи с путешествием демонстрируют, что проезд (за вычетом пребывания в отдельных местах) должен был проходить максимально быстро. Не исключалась возможность передвижений ночью: «Под собственный Экипаж Его Императорского Величества впрягать лучших почтовых обьежженных и смирных лошадей и которые бы не боялись огня в случае если изволит ехать ночью с факелами»¹⁶⁴⁸.

Поездку домой несколько осложнила переправа через разлившуюся реку Березину. Могилевский губернатор М.Н. Муравьев, отправившийся «лично по сказанному тракту», указывал в своем представлении, что «самая переправа через Березину и многие части и мосты сего проселочного тракта от сильного наводнения вовсе неблагонадежны либо устроены наскоро для частного обывательского проезда, и в столь короткое время с надлежащую прочностью исправлены быть не могут». Настаивая, что выбранный путь опасен, губернатор предлагал альтернативный вариант для проезда монарха¹⁶⁴⁹.

Интересно, как в процессе перемещения Николая I по территории империи сменяли друг друга в составе свиты братья императора. Великий князь Константин Павлович сопровождал монарха при проезде через Царство Польское (Люблинское воеводство) и по территориям, вошедшим в состав империи по разделам Польши (Волынь и Подолье). Однако, приняв участие в военном смотре в Тульчине, далее великий князь не поехал. Очевидно, он считал, что проводил брата до границ своей «вотчины»¹⁶⁵⁰. Великий князь Михаил Павлович присоединился к Николаю I сразу после отъезда Константина и оставался в свите вплоть до приезда в Петербург¹⁶⁵¹.

¹⁶⁴⁷ Интересно и предписание, согласно которому «как каждый экипаж имеет особый номер, то чтобы под каждой были впрягаемы и лошади того номера, который на экипаж означен и к должному времени были выставлены на дорогу в хомутах и совсем готовые подле жердей воткнутых в землю с означением оных номеров для которых каждый шестериком приготовлен» (Там же. Л. 2–3).

¹⁶⁴⁸ Там же. Л. 2–4.

¹⁶⁴⁹ Там же. Л. 4 об. — 5.

¹⁶⁵⁰ Как уже упоминалось, согласно установлению Александра I, великий князь Константин Павлович распространил свое влияние на все «польские» земли в составе империи, то есть на Белостокскую область, Гродненскую, Виленскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губернии.

¹⁶⁵¹ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 234–237.

Путь из Варшавы в Петербург проходил для нового польского короля через Киев. Судя по сохранившимся архивным материалам, план мероприятий по пребыванию в Киеве был выработан митрополитом Киевским и Галицким Евгением (Болховитиновым), который был известен тем, что вместе с митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Серафимом (Глаголевским) призвал мятежников на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. сложить оружие. План был одобрен Бенкендорфом, а окончательные правки вносил сам император. В документах сохранились довольно непосредственные пометы, сделанные рукой Николая I, например, «он с ума сошел» (о числе выстрелов с крепости при салютовании), «ждать у меня на квартире» или «будет объявлено»¹⁶⁵².

Митрополит Евгений, ссылаясь на существующую традицию посещения Киева представителями императорского дома, предложил устроить «первую встречу» у святых врат Киево-Печерской лавры. Под колокольный звон при выходе всей братии императору должны были поднести крест к целованию. После этого, согласно плану, монарх должен был войти в соборную церковь, после молитвы в которой «митрополит приглашал (императора. — *Прим. авт.*) к целованию чудотворные Печерские иконы Божией матери» и поклонению святым местам, «начиная с восточной правой стороны, сперва к мощам Святого благоверного великого князя Владимира... потом в левом западном углу к раке частиц мощей всяких преподобных печерских, и наконец в восточный левой стороне к мощам первого Митрополита Михаила»¹⁶⁵³. В последующие дни Евгений (Болховитинов) советовал посетить Софийский и Андреевский соборы, а также Михайловский монастырь. К представленному плану был приложен пространный список достопримечательностей Киева, большую часть которых, конечно, составляли православные «места памяти». Митрополит также счел возможным указать на Арсенал, Бурсу, шелковичный

¹⁶⁵² РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 11 об., 24.

¹⁶⁵³ Там же. Л. 10–11.

сад, а также — что кажется немаловажным — Протестантскую церковь и Римско-католический костел¹⁶⁵⁴.

Император выполнил обязательную часть программы. Приехав в Киев 23 июня (5 июля) вечером, он направился к лавре, где был встречен митрополитом и духовенством¹⁶⁵⁵. В течение последующих дней Николай I присутствовал на литургии в Софийском соборе и еще раз побывал в лавре для поклонения мощам. Здесь же, в Киеве, было получено сообщение о капитуляции турецкой крепости Силистрии, произошедшей еще 18 (30) июня. Русские войска захватили 220 орудий, 80 знамен, флотилию и гарнизон в 10 тыс. человек. По этому случаю в Андреевской церкви отслужили обедню¹⁶⁵⁶. Получение известий счастливо совпало с 33-летием императора.

В Киеве Николай также принял участие в смотре войск, осмотрел Арсенал и крепостные сооружения; ему были представлены высший офицерский корпус расквартированных в Киеве частей, гражданские чиновники и купечество. В городе была устроена иллюминация¹⁶⁵⁷. По сообщению А.Х. Бенкендорфа, здесь император увидел и несколько тысяч турецких военнопленных, которых привлекли к работам по возведению оборонительных сооружений. Николай «заботливо поинтересовался об условиях их труда и приказал раздать им денежное вознаграждение»¹⁶⁵⁸.

Вместе с тем император отказался от участия в представлении старшего духовенства и парадного обеда, которое предлагало устроить киевское дворянство, «исполненное благоговейных чувствований к Всемилодивейшему монарху, изволяющему ошасливить древнюю столицу

¹⁶⁵⁴ Там же. Л. 13–16 об.

¹⁶⁵⁵ *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 236; *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 418.

¹⁶⁵⁶ *Шильдер Н.К.* Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 238. Значение этой победы иллюстрирует переписка А.А. Закревского и П.Д. Киселева годом ранее. Закревский так рассуждал о необходимости взять крепость: «Силистрия... необходима, но позднее теперешнее время не может дать вам верного успеха, но она нужна и важна для будущей вашей кампании» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 309).

¹⁶⁵⁷ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 6; *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 236–238.

¹⁶⁵⁸ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 417.

высочайшим... прибытием»¹⁶⁵⁹. Предложение митрополита заехать при отъезде из Киева в Киево-Печерскую лавру для напутствия и молитвы также не получило монаршего одобрения¹⁶⁶⁰.

Среди череды сменяющих друг друга киевских мероприятий, столь обыкновенных для императора и столь необыкновенных для жителей города, произошло событие, имевшее значение для самого монарха и сопровождавших его представителей военной и придворной элиты: митрополит Евгений (Болховитинов) в присутствии императора в Киево-Печерской лавре произнес речь «К прибытию его Императорского Величества в город Киев». Последняя была утверждена Бенкендорфом и содержала многочисленные отсылки к свершившейся в Варшаве коронации:

Благочестивый Великий Государь Император!

Исходя в сретение Тебе Богом хранимая и Тобою покровительствуемая Киевская Обитель, приветствует тя, Помазанника Божия иерусалимским гласом: осанна! благословен [град сей] во имя господне! подобно иерусалимлянам постилая ризы по пути Твоем, она преклоняет к стопам твоим и головы и сердца свои, Тебе покорная и преданная... перед тобою возносит светильники храма Божия, Тебе ожидающая в молебном о Тебе гласом: Господи спаси Царя и услыши его в оные аще день призовет Тя. А древний летами, но веселием юнящий ныне град Киев в восторге совоскликает приветствуя Тебя: *се Царь наш грядет к нам украшенный новым венцем соплеменные нам Державы, блаженствующей под Его скипетром! Се Отец Отечества нашего и их! Общий наш ангел-хранитель!* Надежда нашего благоденствия и спокойствия! Прославленный страхом врагам нашим и благотворениями верноподданным! Сия Слава Твоя, Великий Государь, озаряет уже всю Вселенную и возбуждает ревнование иноплеменных. Но нам, сынам России, принадлежит особенное щастие наслаждаться оною. Живи убо,

¹⁶⁵⁹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 10 об. — 12 об.

¹⁶⁶⁰ Там же. Л. 11 об.

Благочестивый Государь, во Славе сей для благоденствия нашего! Обтекай с нею подобно лучезарному и теплотворному Солнцу все пределы Твоея державы! Оживляй Отеческими взорами Твоими как приближенных, так и отдаленных чад Твоих! Они жаждут всегда зрить Тебя и молят Вышнего, да будут благословенны всегда и везде входы и исходы Твои!¹⁶⁶¹

По сути, в своей речи митрополит попытался осмыслить произошедшее в Польше событие: древний, но «веселием юнящий» Киев, подобно Иерусалиму, приветствовал императора, который шествовал, «украшенный новым венцем». Венец, названный здесь новым, принадлежал державе «соплеменной» — Польше. Последняя представляла в тексте субъектно («держава *их*») и одновременно вместе с Россией. Установленное единство зиждилось на двух основаниях — братстве народов и процветании («блаженстве») Польши под скипетром Николая I. Император в речи Болховитинова соотносился в рамках классических аллюзий с солнцем, а также с ангелом, что может быть прочитано как скрытая отсылка к Александру I. Однако примечательнее всего тот факт, что Николай был представлен в речи митрополита как «Царь наш», то есть русский, и при этом «Отец Отечества нашего и *их*».

Единение двух народов было подчеркнуто противопоставлением последних «иноплеменным» и «врагам». Образ «враги наши», то есть враги России и Польши, вполне соотносился, например, с турецкой темой, которую активно продвигал во время коронации сам император.

Из речи митрополита очевидно, однако, что процесс поиска нового символического языка для позиционирования единства России и Польши находился в этот момент в самом начале. Целый ряд образов и аллюзий в речи Евгения (Болховитинова) были интерпретационно многозначны или доведены до крайности. Например, с одной стороны, не ясно, касалась ли формула «сыны России» непосредственно Польши, а с другой — можно ли

¹⁶⁶¹ Там же. Л. 8–9.

воспринимать указание на «приближенных, так и отдаленных чад» как попытку дать новообразованному единству народов своего рода иерархию.

Сложно сказать, насколько действия Болховитинова были его личной инициативой, ведь Киев конца 1820-х гг. был городом в значительной степени ориентированным на Польшу¹⁶⁶². Показательна, в частности, поданная императору «Записка... с обзором положения Царства Польского в 1829 году», которую составило Третье отделение. «Дух жителей Киева, — писал неизвестный автор, — полностью успокоился, они готовы к тому, что их полностью отделяют от польских провинций. Между ними много русских, которые понемногу восстанавливают былую национальность»¹⁶⁶³. Вместе с тем подобная речь, произнесенная при возвращении императора в Россию, показывает, что коронация и — шире — польский сюжет во властном нарративе Российской империи могли стать частью николаевского «сценария власти». По крайней мере, к такой возможности присматривались.

К моменту приезда в Петербург император полностью уверил себя, что все произошедшее является залогом спокойствия в западных землях империи. Находясь в Северной столице, Николай I начал обдумывать, как надлежит связать две части его империи. Он планировал новую дорогу на запад — еще в Варшаве он заслушал доклад Главноуправляющего путями сообщения герцога Александра Вюртембергского о проекте прокладки новой дороги между Санкт-Петербургом и Ковно через Псков и Динабург¹⁶⁶⁴.

В этом же году была создана Комиссия для составления положения о шляхте, находящейся в присоединенных от Польши губерниях. Речь шла об институционализации мелкой шляхты как привилегированного сословия¹⁶⁶⁵. Вскоре императору был представлен проект «О переселении безземельной

¹⁶⁶² Hamm M.F. *Kiev: A Portrait, 1800–1917*. Princeton University Press, 1993. P. 55–61.

¹⁶⁶³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 11. Л. 3 об.

¹⁶⁶⁴ РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 66, 105 об.

¹⁶⁶⁵ Трояновский К.В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты западных губерний в правительственной политике первой половины XIX в. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 53–60.

польской шляхты в Новороссийский край»¹⁶⁶⁶. Указывая, что «заселение пространных степей Новороссийского края всегда было целью Правительства, непрестанно пекущегося о благосостоянии всех сословий в государстве»¹⁶⁶⁷, и обрисовав Новороссию как уголок рая, автор проекта подробно остановился на социальных проблемах «бродячей» польской шляхты, представители которой, «не имея ныне собственности и скитаясь по разным местам в государстве, принуждены часто снискать пропитание разными способами *недостойными имени их* и вступая в должности отяготительные даже для простого поселянина подвергаются иногда рабству зажиточных в Польше помещиков»¹⁶⁶⁸. Итогом рассуждений стало предложение организовать переселение «бродячей» польской шляхты в Новороссию. Переселенцев планировалось наделить значительными участками земли «в вечное и потомственное владение», освободить от повинностей, выдать пособия и ссуды, а также позволить «пользоваться свободную торговлею и промыслами» и выбирать своих старшин и пр.¹⁶⁶⁹ Работа над положением об улучшении жизни польской шляхты не прерывалась, даже когда в Варшаве уже несколько месяцев полыхало восстание, а великий князь Константин, едва не убитый во время нападения повстанцев на Бельведер, бежал за пределы Царства.

В целом, можно констатировать существование своего рода эмоционального режима, регулировавшего отношение подданных Российской империи, включая самого императора Николая, к Царству Польскому и полякам. Этот комплекс установок, а также апелляции к категории «долг» позволили монарху дистанцироваться от собственных реакций на все произошедшее и в краткосрочной перспективе оценить коронацию позитивно. Очевидно, что ко второй половине 1820-х гг. этот эмоциональный режим обладал определенной устойчивостью.

¹⁶⁶⁶ ГА РФ. 109. Оп. 2. Д. 10.

¹⁶⁶⁷ Там же. Л. 1.

¹⁶⁶⁸ Там же. Л. 1 об.

¹⁶⁶⁹ Там же. Л. 2–3.

Несмотря на сложности с позиционированием коронации для российских подданных монарха, попытки найти формы презентации нового состояния – монарх был теперь российским императором и польским королем, а единство России и Польши было подчеркнуто при помощи уникальной церемонии – продолжались и после проведения церемонии. Образность, предложенная в речи митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова), была одной из возможных интерпретационных моделей. Существенно, что поиск форм символической рецепции коронации был санкционирован императором, а, значит, можно предположить, что монарх рассматривал возможность включения польской коронации в имперский «сценарий власти».

Глава 8. Исторические нарративы и символическая политика в Царстве Польском в период восстания 1830–1831 гг.

8.1. В преддверии восстания: Николай I на польском сейме 1830 г.

Уверенность императора, что благодаря его действиям в Царстве Польском установилось полнейшее спокойствие, не смогли поколебать даже сообщения о так называемом заговоре В. Смагловского¹⁶⁷⁰. Когда монарх уже достиг Петербурга, из Варшавы пришла информация о готовившемся во время коронации покушении. Следственная комиссия во главе с Н.Н. Новосильцевым первоначально полагала весь заговор следствием бурного празднования, устроенного студентами Варшавского университета в апреле 1829 г.: «В день именин Смагловского собралось к нему несколько молодых людей и когда умы были разгорячены вином, то Смагловский в общем разговоре, обратившемся случайно на польскую историю, излил собеседникам свои сомнения, что едва ли они способны питать ту же преданность, примером коей служат Ходкевич... и Костюшко — они утверждали единодушно, что они преданы отечеству... а Смагловский, взяв лист бумаги и написав на оном “Я буду защищать Отечество свое до последней капли крови”, дал им подписать сие обещание. Гости Смагловского, вспомнив на другой день о своем поступке, возвратились к нему, потребовали возврата своей подписи и сожгли оную»¹⁶⁷¹. Поступок шляхтича стал известен в университете, и Смагловский был исключен из числа студентов. Он покинул Варшаву, отправившись в Гостынь, где смог найти себе место учителя¹⁶⁷². В сентябре 1829 г., впрочем, Смагловский вернулся в Варшаву, где был арестован¹⁶⁷³.

¹⁶⁷⁰ В литературе существует дискуссия относительно содержания событий. См. трактовки этой истории, представленные в литературе 1930-х гг. (История XIX века / под ред. Э. Лависс и А.Н. Рамбо. Т. 3. С. 294–295) и в историографии, упомянутой ниже. Следует также отметить работу Х. Глембоцкого, полагающего, что в данном случае следует говорить о коронационных заговорах, инициаторы которых предлагали разные (впоследствии нереализованные) сценарии (*Głębocki H. Spiski koronacyjne z 1829 roku // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 109–171*).

¹⁶⁷¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 26.

¹⁶⁷² Там же. Л. 26.

¹⁶⁷³ Там же. Л. 26 об.

Проведенное Н.Н. Новосильцевым расследование позволило увидеть, однако, что дело обстояло сложнее: Смагловский вполне целенаправленно поощрял варшавских студентов организовать заговор. Он намеревался собрать группу из 200 человек, что, впрочем, оказалось делом непростым, — шляхтичу удалось склонить на свою сторону лишь шестерых. При этом Смагловский прибег к обману — он уверил друзей, что действует «не сам собою, а принадлежит к обществу коего члены суть: секретарь Сената Немцевич, Роман Солтык, несколько сенаторов, военных, гражданских чиновников», а также, что примечательно, директор театра Л. Осинский¹⁶⁷⁴. Главой тайной организации Смагловский называл будущего диктатора Польского восстания И. Хлопицкого¹⁶⁷⁵. Подтверждая свои намерения, все участники заговора произнесли присягу над «черепом, принесенным из Праги»¹⁶⁷⁶. Этот жест представлял собой символическое указание на месть, которая должна свершиться над Романовыми за подавление Польского восстания 1794 г.

Смагловский предполагал спрятать молодых людей «с оружием за обоями залы коронования»¹⁶⁷⁷. Во время церемонии они должны были окружить императорскую фамилию и вынудить императора под страхом смерти согласиться на три условия: возвращение Польше всех присоединенных к России провинций, следование нормам конституции и, наконец, признание права свободного выбора королей¹⁶⁷⁸. Проект рухнул, когда один из заговорщиков обратился к Ю. Немцевичу, который, как оказалось, не имел об обществе ни малейшего представления. В результате товарищи Смагловского пришли к заключению, что имеют дело со шпионом¹⁶⁷⁹.

¹⁶⁷⁴ Там же. Л. 26 об., 27 об.

¹⁶⁷⁵ Там же. Л. 28.

¹⁶⁷⁶ Там же.

¹⁶⁷⁷ Там же. Л. 27.

¹⁶⁷⁸ О мотивации действий В. Смагловского см. также: *Филатова Н.М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 76.

¹⁶⁷⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 29–29 об.

Интересно, что в более поздних польских эмигрантских текстах заговорщики в ряде случаев были соотнесены или даже приравнены к участникам восстания 1830–1831 гг. В качестве инициаторов коронационного заговора подобные тексты называли Петра Высоцкого¹⁶⁸⁰, члены организации которого напали на Бельведерский дворец в ноябре 1830 г. и едва не убили великого князя Константина Павловича, и известного публициста Адама Гуровского, о котором речь пойдет ниже¹⁶⁸¹. При этом участники тайного общества изображались героями, оказавшимися словно «на театре славы всего света»: обсуждая свои планы, заговорщики неизменно размышляли о возможной реакции европейских дворов на задуманное ими предприятие¹⁶⁸². Так, один из заговорщиков, говоря об убийстве Романовых, задавался вопросом «Как примет сент-жемский кабинет наше предприятие?»¹⁶⁸³

Полученные из Варшавы сведения нисколько не обеспокоили Николая — этот заговор в российских источниках не обсуждался сколько-нибудь серьезно. Сама по себе подобная реакция монарха заслуживает обсуждения — в конце концов всего несколько лет назад Николаю пришлось иметь дело с заговором, в результате которого он мог потерять не только власть, но и жизнь. Можно предположить, впрочем, что император не рассматривал действия участников заговора Смагловского хоть в какой-то мере сопоставимыми с тем, что предшествовало восстанию декабристов.

Интересно, что в розыскных документах мотивы В. Смагловского трактовались как следствие воспитания «в началах ложного патриотизма» и игры «воображения»¹⁶⁸⁴. Указание на излишнюю увлеченность и

¹⁶⁸⁰ Там же. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 67. Л. 4 об. Версия участия в заговоре П. Высоцкого считается в литературе безосновательной (*Филатова Н.М.* Самоубийство или цареубийство? Варианты польского национального поведения в эпоху романтизма. С. 269), хотя возможность связи участников коронационного заговора с Обществом подхорунжих вполне допускается (*Фалькович С.М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 409).

¹⁶⁸¹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 1–17; *Глембоцкий Х.* Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 133. См. также романтическую интерпретацию причин поражения заговора у Ю. Немцевича: *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 321.

¹⁶⁸² РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 2 об., 9–10 об.

¹⁶⁸³ Там же. Л. 9.

¹⁶⁸⁴ Там же. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 27.

воображение, так часто фигурировавшие в прошениях о помиловании, приходивших из Польши, как кажется, вполне удовлетворяли имперские власти.

Польские тайные общества 1810-х - 1820-е гг.¹⁶⁸⁵ действительно были зачастую ориентированы на производство аффектированных действий – сама по себе деятельность организаций предполагала непременно произнесение речей и клятв, осуществление ритуалов и иных акций, ориентированных на создание определенного впечатления¹⁶⁸⁶. Так, Общество истинных поляков при включении в свой состав нового члена требовало от него участия в своего рода действе. «Принятие в общество происходило впотьмах», а новому члену предлагали вопросы: «*Кто вы?* – Он должен был ответить: *я поляк*; а на вторичный вопрос: *вы поляк?* Отвечал: *Истинный поляк*»¹⁶⁸⁷. Известна и форма присяги Патриотического общества, вступающее в ряды которого, «клялись перед лицом Всевышнего не щадить никаких усилий к восстановлению Отчизны, их любезной и несчастной матери, разить изменников ее». В конце клятвоприношения новый член общества призывал в свидетели Бога и тени польских героев – Жолкевского, Чарнецкого, Понятовского, Костюшки»¹⁶⁸⁸.

Любой, кто стремился выстроить генеалогию польских тайных организаций, непременно упоминал страстную речь генерала Я. Г. Домбровского, который еще в середине 1810-х гг., взывая к большей акторности поляков и тщетности попыток найти помощь в восстановлении

¹⁶⁸⁵ В период с середины 1810-х - 1820-е гг. на указанной территории существовало довольно много подобных групп и дружеских кружков. Численность таких организаций – за исключением собственно Патриотического общества – была крайне невелика (РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 4. Л. 3 об. – 4; ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 13). Внутри таких структур были часты конфликты, борьба за символический капитал (См., например: РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 4. Л. 12-13 об., Коробка Н. Указ соч. С. 213), предпринимались попытки привлечь новых членов, используя неверную или преувеличенную информацию о составе обществ и роли в нем значимых персон (См., например: РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 26 об., 27 об., 28). Кроме того, следствие Пятого департамента Сената не смогло обнаружить никаких уставных документов или планов таких организаций (РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 4. Л. 11 об.; Д. 43. Л. 90; ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 16 об.).

¹⁶⁸⁶ М.В. Нечкина указывала, что польские общества вообще были тесно связаны с масонством, и, по замечанию «принимали внешние формы масонства» (Нечкина М.В. Общество Соединенных славян. М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1927. С. 91).

¹⁶⁸⁷ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 5.

¹⁶⁸⁸ Там же. Л. 18–18 об.

Польша вовне, публично заявлял: «если бы победоносные орлы Наполеоновы опять явились над Вислою... мы опять принесли бы ему на жертву легионы свои в замен суетных обещаний его. Выйдем из сего унижительного состояния, *откроем в Польше источник силы народной: общее мнение*»¹⁶⁸⁹. В документах традиционно отмечается, что Домбровский, который вскоре умер, ничего не знал о тайных обществах, но очевидно «подал повод к заведению... сообщества... из показаний многих обвиняемых видно, что слова его были не без последствий»¹⁶⁹⁰.

Создание самой крупной польской тайной организации – Патриотического общества также традиционно описывалось в эмоциональных тонах: приехавший в Варшаву из Познани генерал Я. Н. Уминский организовал встречу с заговорщиками Царства Польского и явился на нее «на белой лошади в вышитой узорчатой шапке». Поскольку «такой наряд мог возбудить внимание прохожих и полиции» собравшиеся приняли решение отправиться в Белянский лес, решив «дать сборищу вид поединка». Уминский, рассказав об имеющихся у членов организации в Познани деньгах и планах проведения переговоров в Дрездене с министром «одной первостепенной державы», убедил варшавских знакомых объединить усилия. Собрание, организованное на следующий день, оказалось не менее эмоциональным. «Уминский произнес речь, исполненную патриотического жара; все присутствующие клялись любить Отечество, стараться воскресить оное соединением всех его частей в одно целое и повиноваться власти Союза. Со всех сторон раздались громкие восклицания»¹⁶⁹¹. Все присутствующие принесли клятву перед вонзенной в землю шпагой, на которой Уминский повесил медаль с изображением Костюшки¹⁶⁹².

Столь же причудливыми были и другие элементы взаимодействия польских заговорщиков. Так, члены национального масонства могли узнавать

¹⁶⁸⁹ Там же. Л. 7; РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 4. Л. 5–5 об.

¹⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 4. Л. 7 об.

¹⁶⁹¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 14 об. -15.

¹⁶⁹² РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 4. Л. 17 об – 21 об.

друг друга, пожимая мизинцы или называя имя Жолкевского¹⁶⁹³, а в качестве эмблемы Патриотического общества, по заявлению Огинского, фигурировала «коса, поставленная на крест с кинжалом и между ними портрет Костюшки»¹⁶⁹⁴. В общении польских конспираторов постоянно появлялась и тема смерти – участники так называемого коронационного заговора, с целью убийства Николая I во время коронации в Варшаве в 1829 г. произнесли присягу над «черепом, принесенным из Праги», что должно было символизировать месть, которая свершится над Романовыми за подавление Польского восстания 1794 г.¹⁶⁹⁵. Известно также, что несколько членов Патриотического общества (М. Тарновский и К. Вагнер) предприняли в заключении попытки самоубийства¹⁶⁹⁶.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что польские тайные общества представляли собой своего рода «эмоциональное сообщество». Проживание эмоций, постоянное проговаривание последних с отсылками к травматичному опыту («не щадить никаких усилий к восстановлению Отчизны... любезной и несчастной матери») играли для таких сообществ консолидирующую роль. При этом объединяясь вокруг своей травмы, члены таких групп одновременно выстраивали дистанцию между собой и теми, кто находится вне предписанного эмоционального режима. Возможность такой трактовки подтверждается также и тем фактом, что период, о котором идет речь, можно определить как время конституирования польской травмы, имея в виду осмысление разделов Польши конца XVIII столетия, распределение ответственности за произошедшее и формирование языка травмы¹⁶⁹⁷.

Для сравнения отметим, что декабристские общества развивались иначе – вычурные ритуалы и клятвы не стали частью принятых практик.

¹⁶⁹³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 11–11 об. Такие жесты потом позволяли арестованным заявлять на следствии, что это была шутка (Там же. Л. 6.).

¹⁶⁹⁴ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 18.

¹⁶⁹⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 28.

¹⁶⁹⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 40. Л. 187–187 об.; РГИА. Ф. 1345. Оп. 347. Д. 43. Л. 17.

¹⁶⁹⁷ Эти процессы совпали и с формированием польского пантеона героев (*Napiórkowski M. Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy. S. 135–152*).

Декабристские тайные общества действовали как дружеские кружки с возможностью свободного, непринужденного разговора о политике и желаемых переменах в стране. Обращает на себя внимание и установка на создание базовых программных документов – уставов обществ и конституционных проектов.

Как можно предположить, сопоставление логики существования декабристских организаций и объединений польских конспираторов заставляло российские имперские власти воспринимать действия последних с меньшей тревогой. При том, что поляки зачастую воспринимались как неблагонадежные¹⁶⁹⁸, распространенные в польской конспиративной среде клятвы, речи и ритуалы не воспринимались как сколько-нибудь серьезные и приписывались пылкости и излишней мечтательности о восстановлении страны. Власти полагали, что цель поляков была, используя слова А.О. Корниловича *«не мечтательная свобода, а возвращение народной независимости»*¹⁶⁹⁹, что было принято воспринимать с известной долей понимания. Вместе с тем, очевидно, что российские власти александровского и раннениколаевского периода не видели в этом отношении более широкой картины – в Польше этого периода тайные общества, с их ориентацией на аффектированные жесты, были частью более широкого процесса поддержания идентичности в ситуации утраты государственности. При этом в Царстве Польском был достигнут общественный консенсус в отношении необходимости восстановления независимой Польши в границах, осмысленных как исторические. Об этом свидетельствует, в частности, оправдательный приговор членам Патриотического общества, решение о котором принял сеймовый суд в Варшаве. Интересен в этом отношении комментарий, оставленный членами специальной Комиссии Пятого

¹⁶⁹⁸ Этот вопрос в литературе неоднократно обсуждался. См.: *Киянская О.И.* Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. С. 503

¹⁶⁹⁹ *Корнилович А.О.* Записки из Алексеевского равелина / Вст. статья, подгот. текста и коммент. Н.Г. Пискуновой. М.: Рос. Фонд культуры, 2004. С. 197. О специфике трактовки нации как народа в польском контексте см.: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 86.

департамента Сената. Имперские чиновники так определили природу происходящего в польских тайных обществах: «Принятие (в члены тайного общества – Прим. авт.) сопровождается было присягою, в коей упоминалось о восстановлении Польши. *Тайное проповедование любви к Отечеству привлекало многих, и хотя столь священное чувство, говорит один из членов, не требует тайны, но сама тайна сия обольщала умы, искавшие чрезвычайностей*»¹⁷⁰⁰.

Расследование дела Смагловского оставалось без существенного движения до середины весны 1830 г. Лишь 8 (20) апреля генерал Д.Д. Курута сообщил императору, что следствие «на сих днях только приведено к окончанию» и скоро будет передано в суд¹⁷⁰¹. К этому моменту император уже находился в состоянии активной подготовки к новой поездке в Варшаву на открытие сейма. Он пребывал в убеждении, что общественный договор, заключенный между ним и поляками, ненарушим¹⁷⁰² и благодарная Польша по-прежнему остается лояльной к своему монарху, который был неизменно верен своему слову и теперь намеревался исполнить очередное обещание и созвать представительство¹⁷⁰³.

Открытие польского сейма было главной, но не единственной задачей очередной поездки императора в Варшаву. Назначив «вояж» на май–июнь 1830 г., Николай I одновременно решал вопрос с празднованием годовщины своей коронации в качестве польского короля и 15-летия создания Царства

¹⁷⁰⁰ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 328. Л. 13.

¹⁷⁰¹ Там же. Л. 33–33 об. См. о деле Смагловского также: *Хартанович М.Ф.* К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

¹⁷⁰² Николай I многократно заявлял о честности своей позиции, об искренности, с которой он реализовал все обещанное полякам. Эта установка объясняет поразившее исследователей высказывание монарха в защиту конституционного строя во Франции и осуждение Карла X за нарушение конституции – «Правительство, какова бы ни была его форма, обязано действовать открыто и твердо. *Король, если он монарх конституционный, должен быть таковым искренне...*» (Мильчина В. Николай I и французская внутренняя политика эпохи Реставрации: два эпизода // Лотмановский сборник. 3 (под ред. Л.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т. Н. Фраймана). М.: ОГИ, 2004. С. 133).

¹⁷⁰³ Отчасти материалы дела могли убедить Николая в правильности самого решения о коронации: В. Смагловский планировал отдать отобранную у Николая I корону герцогу Рейхштадтскому (Наполеону II) и начать собирание польских земель при активной поддержке Австрии (РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 27–27 об.). Один из неудавшихся заговорщиков, студент Волковский, объявил следствию, что общество надеялось, что «Австрия на предстоящем сейме в Галиции провозгласит сего Герцога королем Польским» (Там же. Л. 28).

Польского. Оба события имели значение для позиционирования власти императора в польских землях, но не были интегрированы в более широкий имперский контекст, а значит, не имели никакого отношения к выстроенной в России системе коммемораций. Вспоминать о них, в сущности, можно было только в Варшаве.

5 (17) мая в Варшаве было объявлено о скором приезде императора и короля¹⁷⁰⁴. По заведенной традиции, милости опережали прибытие монаршего кортежа: 27 апреля (9 мая) польский «Варшавский курьер» сообщил о возобновлении вручений ордена Св. Станислава, по случаю чего в Варшаве состоялся молебен¹⁷⁰⁵, а две недели спустя великий князь Константин Павлович открыл перед Дворцом Сташица памятник Копернику¹⁷⁰⁶. Как и в предшествующем году, из России в Польшу везли серьезный запас подарков, орденов и денег¹⁷⁰⁷.

На сей раз император двигался к Варшаве заметно быстрее: выехав из Санкт-Петербурга и направившись по Динабургскому тракту¹⁷⁰⁸, он прибыл в Варшаву всего неделю спустя¹⁷⁰⁹. Императора сопровождали великий князь Михаил Павлович, генералы П.А. Толстой и А.Х. Бенкендорф, министр двора П.М. Волконский и вице-канцлер К.В. Нессельроде. Несколько дней спустя в Варшаву прибыла и императрица¹⁷¹⁰. К свите российского монарха также присоединился прусский принц Карл¹⁷¹¹.

В годовщину своей коронации император Николай I присутствовал на параде, состоявшемся на Саксонской площади, и на торжественном молебне в соборе Св. Яна. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что «12 (24) мая

¹⁷⁰⁴ Kurjer Warszawski. 1830. № 132. S. 673.

¹⁷⁰⁵ Ibid. № 124. S. 629–630.

¹⁷⁰⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 60. С. 403.

¹⁷⁰⁷ В качестве подарков в вояж императора взяли «ордена: Св. Александра Невского два, Св. Анны 1 степени, украшенный Его Императорского Величества короною один, без украшения два, 2 степени с императорскою короною шесть, без оной шесть, Св. Владимира 3 степени три, 4 степени шесть». Особо были присланы «три знака меньшего креста ордена Св. Екатерины с принадлежавшими к ним бантами» (РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 58. Л. 34, 43).

¹⁷⁰⁸ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278.

¹⁷⁰⁹ Там же. С. 277.

¹⁷¹⁰ Kurjer Warszawski. 1830. № 137. S. 703.

¹⁷¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 62. С. 417; Kurjer Warszawski. 1830. № 145. S. 753.

в день торжественного своего коронования их величества государь император и государыня императрица изволили принимать в Королевском замке... поздравления знатных обоого пола особ, равно всех Штаб- и Обер-офицеров гвардии и армии»¹⁷¹². Вечером в театре было дано представление, а город был иллюминирован¹⁷¹³. Несколькими днями позже Николай дал в Королевском замке большой обед, на который были приглашены министры, сенаторы и депутаты. В этот вечер монарх поднял тост за процветание польского народа¹⁷¹⁴.

В польских газетах появлялись и «Воспоминания» о прошлогодней церемонии. Так, известие о приезде император и короля в Варшаву сопровождалось в «Варшавском курьере» указанием (в рубрике «Воспоминания»), что 5 (17) мая 1829 г. состоялся коронационный въезд монарха в город¹⁷¹⁵. Аналогичным «Воспоминанием» был отмечен и сам день коронации 1829 г., и дата создания Царства Польского в 1815 г.¹⁷¹⁶ Отголоском коронации стала церемония помещения сердца Яна Собеского в новый саркофаг, который император приказал изготовить годом ранее и оплатил из личных средств¹⁷¹⁷.

Мероприятия — парады¹⁷¹⁸, балы, поездка в Беляны — продолжились и после празднования коронации¹⁷¹⁹. В один из дней наследник, великий князь Александр Николаевич, посетил Варшавский университет и преподнес ему в дар гипсовые слепки, сделанные с рук солдата Преображенского полка, отличавшегося колоссальным ростом¹⁷²⁰.

¹⁷¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 62. С. 417.

¹⁷¹³ Kurjer Warszawski. 1830. № 138. S. 705; № 139. S. 713.

¹⁷¹⁴ Ibid. № 144. P. 747.

¹⁷¹⁵ Ibid. № 132. P. 673.

¹⁷¹⁶ Ibid. № 138. P. 705; № 163. P. 853.

¹⁷¹⁷ Ibid. № 167. P. 877–879; № 170. P. 893–896.

¹⁷¹⁸ После очередного парада император по заведенной традиции выражал Константину Павловичу «совершенную свою признательность» за отличное состояние войск (Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 22. С. 417).

¹⁷¹⁹ Kurjer Warszawski. 1830. № 145. S. 753; *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 280.

¹⁷²⁰ Kurjer Warszawski. 1830. № 140. S. 717.

Нарратив народной любви был задействован вполне активно — толпы восторженного народа заполняли улицы¹⁷²¹, а газеты публиковали стихи в честь приезда императора¹⁷²². Сопровождавшие Николая также фиксировали, что «Варшава была блестящей и оживленной»¹⁷²³. В честь монарха по примеру прошлого года было дано несколько обедов и балов, включая бал у председателя Сената графа С. Замойского¹⁷²⁴. Те же люди, те же действия.

8 (20) июня прошло и празднование годовщины создания Царства Польского, которое местная пресса именovala «воскрешением» королевства¹⁷²⁵. В этот день состоялись торжественная служба и военный парад, в котором приняли участие как польские, так и российские войска. При прохождении войск, которыми командовал цесаревич, присутствовали император, великий князь Михаил Павлович, прусский принц Карл, фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский, императорская свита, министры Царства Польского, сенаторы, депутаты и многочисленные дамы¹⁷²⁶.

В целом празднование годовщины коронации и 15-летия создания Царства Польского носило общепринятый характер — молебен, частью которого было произнесение благодарственной речи в честь Александра I, военный парад, театральное представление и иллюминация города¹⁷²⁷. Присутствие императора, представителей династии, генеральского и офицерского корпусов и высших гражданских чиновников указывало на высокий статус мероприятия, а парад использовался для коммуникации монарха с подданными¹⁷²⁸ и демонстрации имперской мощи и солидарности «единоплеменных народов».

¹⁷²¹ Ibid. № 135. S. 689.

¹⁷²² Ibid. № 149. S. 773.

¹⁷²³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837 гг. С. 447.

¹⁷²⁴ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 280.

¹⁷²⁵ Kurjer Warszawski. 1830. № 164. S. 837.

¹⁷²⁶ Ibid. 1830. № 164. S. 837.

¹⁷²⁷ Tygodnik Petersburski. 1830. № 25. S. 190–191.

¹⁷²⁸ Значимыми представляются рассуждения П. О'Мара о функции парада этого периода – парад перед Зимним дворцом проходил каждую субботу безотносительно к внешним и погодным обстоятельствам. О'Мара видит в этом не только указание на исключительно значение военной службы, но и демонстрацию взаимной зависимости между императором и дворянством, а также «навязчивый контроль» власти над системой социального престижа (*О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I*. С. 64).

Приезд императора предсказуемо стал поводом к активизации торговли и получению дополнительного дохода. Газеты сообщали о возможности купить вещи, которые так или иначе могли ассоциироваться с императорскими поездками в Варшаву 1829–1830 гг.: от портретов императорской четы¹⁷²⁹ до музыкальных инструментов, игравших на одном из балов¹⁷³⁰. В номере «Варшавского курьера» за 12 (24) мая 1830 г. была размещена рекламная заметка ювелира Лионовича, который принимал заказы на изготовление колец в честь коронации 1829 г. с памятной гравировкой ценой от 24 до 36 руб. Ювелир обещал, что кольца будут сделаны с использованием частиц сукна, по которому прошел кортеж, двигаясь от замка к собору Св. Яна¹⁷³¹.

Празднования проходили параллельно работе сейма — четвертого за всю историю существования Царства Польского¹⁷³² и первого в правление Николая I. На повестке дня стояли вопросы практического порядка — регулирование финансов, принятие положения о лесном хозяйстве и организации пастбищ, а также искоренение бродяжничества. Обсуждалось и сооружение памятника Александру I¹⁷³³: образ «восстановителя отечества» не исчезал из польской официальной риторики вплоть до восстания и служил медиатором во взаимоотношениях между Николаем I и поляками¹⁷³⁴. Самым главным и самым чувствительным для обеих сторон на сейме, однако, было обсуждение проекта закона о браках, который, по мнению императора, должен был прекратить распространенную в Польше практику разводов¹⁷³⁵.

Работа сейма активно освещалась и обсуждалась в польской прессе¹⁷³⁶. Петербургские газеты публиковали речи монарха¹⁷³⁷, но наибольший интерес

¹⁷²⁹ Kurjer Warszawski. 1830. № 149. S. 773.

¹⁷³⁰ Ibid. № 159. S. 829.

¹⁷³¹ Ibid. № 138. S. 705.

¹⁷³² В период правления Александра I польский сейм созывался в 1818, 1820, 1825 гг.

¹⁷³³ Kurjer Warszawski. 1830. № 147. S. 765; № 151. S. 785; № 153. S. 793.

¹⁷³⁴ См., например, публикации о жизни императора Александра I или посвященные ему стихи конца 1820-х — 1830 гг. на польском языке: AGAD. F. 197. № 763. К. 1–2; Kurjer Warszawski. 1830. № 172. S. 909; Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278–280.

¹⁷³⁵ Kurjer Warszawski. 1830. № 144. S. 747.

¹⁷³⁶ Ibid. № 143. S. 737–739; № 144. S. 747.

¹⁷³⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 22. С. 417–418; Tygodnik Petersburski. 1830. № 26. S. 198.

здесь вызывало, как кажется, обсуждение вопроса об устройстве будущего монумента императору Александру I¹⁷³⁸. «Вестник Европы» отмечал при этом, что, стремясь «почтить память Восстановителя», поляки собрали «капитал около 7 млн., который может быть увеличен еще половиною». Таким действиям издание дало свою оценку: «...народ, будем откровенны, сделал усилие... охотно приносит он жертву сердечную»¹⁷³⁹.

На открытии сейма 16 (28) мая 1830 г. император Николай произнес речь¹⁷⁴⁰. По заведенной Александром I традиции он прочел обращение на французском языке, стоя на ступенях трона в зале Сената Варшавского замка, где в 1829 г. состоялась коронация. Вслед за ним государственный секретарь Царства Польского зачитал тот же текст на польском. А.Х. Бенкендорф так описал церемонию: «Государь с императрицей пришли в тронную залу, за ними следовали двор и вся военная свита, а галереи были наполнены почетнейшими дамами. По занятии всеми своих мест государь открыл собрание речью, заслужившей общее одобрение. Все любовались величественной его осанкой и звонким голосом и казались исполненными самой ревностной к нему привязанности»¹⁷⁴¹. Примечательно, что в описании нет никаких указаний на смятение чувств, которое Александр Христофорович фиксировал у императора годом ранее.

Н.К. Шильдер характеризует речь Николая как деловую, в противоположность сентименталистским речам Александра I, отмечая, что император не касался темы присоединения Литвы и призывал поляков «упрочить творение восстановителя Польши благоразумным и умеренным

¹⁷³⁸ Вестник Европы. 1830. № 13. С. 63–67; Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 68. С. 452; Исключение составляет «Tygodnik Petersburski», который по примеру варшавских изданий достаточно детально писал о других событиях, связанных с пребыванием Николая I в Польше, в частности о праздновании юбилея провозглашения Царства Польского (1830. № 22. S. 163; № 25. S. 190–191). Это же издание публиковало речи императора Николая при открытии и закрытии сейма (Ibid. № 26. S. 198).

¹⁷³⁹ Вестник Европы. 1830. № 13. С. 63.

¹⁷⁴⁰ Lesur C.L. Annuaire historique universel pour 1830. Appendice (Documens Historiques). Paris, 1832. P. 175–176. В сокращенном виде на русском языке речь опубликовал также Н.К. Шильдер (*Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278–280).

¹⁷⁴¹ Там же. С. 277.

использованием своих прав»¹⁷⁴². Вместе с тем структура речи в значительной мере повторяла александровское выступление перед сеймом 1825 г. — рассуждения общеполитического порядка, располагавшиеся в начале и в конце, сочетались в ней с перечнем проектов, которые сейму надлежало обсудить.

Император начал речь с извинений («Пять лет протекло со времени вашего последнего собрания. *Причины, не зависевшие от моей воли, помешали мне созвать вас раньше*; но причины этого запоздания, к счастью, миновали...») и ритуального упоминания Александра I и его благодеяний. Далее Николай впервые попытался представить в более или менее структурированном виде систему негласного договора между Россией и Польшей. Он постарался описать то, что Россия сделала для Царства, оперируя при этом даже некоторыми экономическими позициями: «Беспрерывно возрастающее развитие промышленности, расширение внешней торговли, увеличение обмена продуктами между Польшей и Россией являются несомненными *выгодами*, которыми вы уже пользуетесь в настоящую минуту и которые дают вам уверенность в непрерывном возрастании вашего благосостояния». Император также отметил, что «*Польше не пришлось нести... тяготы*» *воин*, в которые была вовлечена Россия в последнее время, «однако она (Польша. — Прим. авт.) пользуется выгодами, которые явились следствием их». Этот аргумент, впрочем, был императором сразу же нивелирован, поскольку Николай заявил, что полякам была отведена не менее почетная роль — они «составили авангард армии, долженствовавшей охранять безопасность империи». Вероятно, монарх полагал, что сам по себе аргумент о неучастии поляков в войнах с Персией (1826–1828 гг.) и Турцией (1828–1829 гг.) мог быть расценен как оскорбительный. К тому же он вступал в прямое противоречие с принятым нарративом, в рамках которого польская армия всегда оценивалась как исключительно храбрая¹⁷⁴³.

¹⁷⁴² Там же. С. 280.

¹⁷⁴³ См. об этом подробнее в главе 8.

Что же император хотел получить взамен? В более узком общественном смысле речь шла о пересмотре вопроса о разводах. Этот вопрос серьезно тревожил монарха, и его позиции в этой связи были выражены в речи достаточно жестко: император «требовал максимального внимания» к ситуации, которую он интерпретировал как нарушающую общественное спокойствие. Но главное — в ответ на признание политической субъектности Царства (император отдельно подчеркнул, что выполнил «во всем объеме 45-ю статью Конституционной хартии»), экономические привилегии и обретенное благосостояние монарх ожидал от поляков лояльности. Он призывал сейм пользоваться благами, предоставленными их отечеству, «с умеренностью и благоразумием». Вероятно, Николай I полагал, что выразился более чем ясно.

Без сомнения, формулировки, которые император относил к категории «по части формы» и которые были включены в его речь, чтобы «польстить» полякам (например, про охрану западных рубежей империи), воспринимались его слушателями как вполне содержательная позиция. Указание же на благосостояние, достигнутое Царством Польским, которое Николай I интерпретировал как своего рода благородный жест со стороны России (вспомним его заявление 1830-х гг. о том, что император Александр I проявлял заботу о поляках более, чем о «своих настоящих подданных»), представители польского сейма, напротив, могли трактовать как попытку искупить вину за разделы, вину, которую Россия, конечно, никогда не могла искупить до конца. При этом слова о существовавшей вине Польши перед Россией в связи с участием поляков в Отечественной войне 1812 г. на стороне Наполеона произнесены не были. Этот элемент, который мог стать основой для пересборки всей конструкции, остался не востребованным. Н.К. Шильдер вполне справедливо констатировал, что «откровенная» речь императора «не оживляла в памяти ни одного тягостного воспоминания»¹⁷⁴⁴.

¹⁷⁴⁴ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 280.

Открыв сейм, император уехал, отправившись в поездку в Елисаветград, Киев и Брест-Литовск¹⁷⁴⁵. Николай вернулся в Варшаву 7 (19) июня и закрыл сейм 16 (28) июня¹⁷⁴⁶. Считается, что монарх удалился из Варшавы, «желая отстранить даже тень какого-нибудь влияния со своей стороны на работу сейма»¹⁷⁴⁷. В своем желании не тревожить поляков он полностью следовал принципам, заложенным Александром I, который после обращения к сейму также уезжал из польской столицы, возвращаясь в город, лишь чтобы сказать вторую, заключительную речь¹⁷⁴⁸. Логика подобных действий должна была обозначать, что все происходящее является частью «польских дел», которым должно развиваться вне влияния России.

Сейм отклонил проект закона о браке, столь значимый для императора Николая. Монарх не скрыл своего отношения к произошедшему в речи, которая подвела итоги сейма¹⁷⁴⁹. Похвалив депутатов и сенаторов за отношение к памяти об александровском наследии («Вы подали замечательный пример национального признания реставратору вашей родины») и работу по другим законопроектам, император и король выразил сожаление, что идея запрета разводов не получила поддержки. Ситуация не вышла за пределы обычных увещаний — никаких более жестких мер не последовало. Даже в отношении риторики Николай не изменил себе. Он завершил свою речь к польскому сейму обещанием: «я не перестану, даже вдали от вас, следить за вашим истинным счастьем»¹⁷⁵⁰. «Ничто не указывало на вероятность близкого взрыва, — писал об этих днях Бенкендорф, — напротив, видимое материальное благосостояние казалось надежнейшим оплотом общественного спокойствия»¹⁷⁵¹.

¹⁷⁴⁵ Там же. С. 281–282.

¹⁷⁴⁶ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–5 об.

¹⁷⁴⁷ Императрица покинула Варшаву в этот же день, отправившись в Германию (*Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 281).

¹⁷⁴⁸ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 90, 331–332.

¹⁷⁴⁹ *Kurjer Warszawski*. 1830. № 169. S. 894–896; № 171. S. 899.

¹⁷⁵⁰ *Lesur C.L.* Annuaire historique universel pour 1830. Appendice (Documens Historiques). P. 175–176.

¹⁷⁵¹ *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 282.

Тот факт, что через год после коронации, в мае 1830 г., Николай I еще раз побывал в Польше представляется знаковым и демонстрирует устойчивость оценок императора в отношении достигнутого согласия с подданными в Царстве Польском. Целью поездки 1830 г. стало участие в очередном сейме, празднование годовщины коронации и 15-летия создания Царства Польского. Два последних события имели значение для позиционирования власти императора в польских землях, но не были интегрированы в более широкий имперский контекст и не соотносились с выстроенной в России системой коммемораций.

8.2. Император Николай I и начало Польского восстания

Стратегия управления Царством Польским, которой придерживались российские императоры вплоть до 1830 г., сопровождавшаяся к тому же колоссальными финансовыми вливаниями и экономическими преференциями, сформировала основу для укрепления субъектности территории. Восстание 1830–1831 гг. стало наиболее ярким проявлением нового польского взгляда на себя, свои права и возможности¹⁷⁵².

Сейчас восстание принято обозначать 1830–1831 гг., однако в советской исторической литературе оно часто датировалось одним только 1831 г., или именовать «ноябрьским», с отсылкой к 17 (29) ноября 1830 г., то есть к моменту нападения на Бельведерский дворец великого князя Константина. Такая не вполне, казалось бы, логичная схема имела четкое обоснование, поскольку период активных боевых действий русской армии на территории Польши пришелся именно на 1831 г. Русское общество было проинформировано о событиях в столице Царства Польского императорским

¹⁷⁵² В современной историографии в качестве причины Польского восстания 1830–1831 гг. называется репрессивная политика Николая I. В ряде работ содержится также указание на режим несоблюдения российскими императорами конституции в целом. При этом упоминаются и события эпохи Александра I (введение предварительной цензуры, отмена суда присяжных и др.) Поводом к началу выступления принято считать Июльскую революцию во Франции 1830 г. и планы Николая I направить польские войска в Бельгию (*Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 47; *Капустина Т.А.* Николай I. С. 43; *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // *Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков: Сборник статей* / Под ред. А.Ю. Полунова. М.: Модест Колеров, 2018. С. 11–29).

манифестом «О возмущении, происшедшем в Варшаве» еще 12 декабря 1830 г.¹⁷⁵³, но о переходе императорской армии через границу с Царством стало известно лишь в самом конце января¹⁷⁵⁴.

Рассмотрение хронологии восстания показывает, что императору Николаю потребовалось несколько месяцев, чтобы открыть военные действия против мятежников¹⁷⁵⁵. И это при том, что восстание началось с покушения на жизнь Константина Павловича, то есть представителя правящей династии, при этом последнему удалось спастись исключительно благодаря счастливому случаю. В первые дни восстания в Варшаве были убиты несколько лояльных Николаю I польских генералов, создано временное правительство и назначен диктатор.

Анализируя события этих месяцев, современники, а за ними и историки много рассуждали о неверных действиях цесаревича, отказавшегося от подавления мятежа в первые его часы или даже дни, а затем отпустившего, то есть фактически отправившего в Варшаву лояльные ему польские части. В потоке этих высказываний появляется и прагматическое объяснение паузы, которую взял Николай I: императору необходимо было собрать войска против мятежников. Империя вполне последовательно реализовывала установку о польской армии как «передовой страже»: на западных рубежах страны были сосредоточены главным образом войска Царства, ставшие теперь мятежными. Кроме того, войска, измотанные Русско-турецкой войной 1828–1829 гг., размещались на зимних квартирах, и их перемещение к границе Царства потребовало времени. Назначенная в поход русская армия составила 183 тыс.¹⁷⁵⁶; сбор и организация частей заняли не менее трех месяцев¹⁷⁵⁷.

¹⁷⁵³ ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–488.

¹⁷⁵⁴ Там же. Т. 6. № 4285. С. 54–55.

¹⁷⁵⁵ «Сношения по делам» с Царством Польским были прекращены в момент получения известий о мятеже (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5424. Л. 1).

¹⁷⁵⁶ Там же. С. 19. Об оценках численности русской армии, способной выступить против поляков, и времени ее передвижения см. также: *Давыдов Д.В.* Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. С. 11–14.

¹⁷⁵⁷ О сроках перемещения в Польшу (на примере Гвардейского и Гренадерского корпусов, сосредоточенных в столице и на территории новгородских военных поселений) см.: *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. С. 18.

Не отрицая реальных сложностей, с которыми столкнулся Николай I, стоит отметить, что поворотным моментом в процессе принятия решения о силовом подавлении восстания стала произошедшая в Варшаве детронизация — декларативное лишение императора Николая (и Романовых вообще) польского трона. Именно после получения информации об этом монарх издал упоминавшийся манифест о переходе русской армией границы Царства Польского. Иными словами, повестку дня и логику развития событий первых месяцев восстания формировала в значительной мере польская сторона.

В ноябре–декабре 1830 г. российские власти распространяли в Царстве прокламации, обращенные к польской армии. В них упоминались благодеяния императора Александра¹⁷⁵⁸ и участие польских офицеров в Русско-турецкой войне («Мы все с удовольствием приняли это ратное товарищество, еще более укрепившее связь между русскими и польскими войсками»¹⁷⁵⁹). Кроме того, по получении известий о начале восстания в Варшаве Николай обратился с «Воззванием» и к Царству Польскому. Сообщив, что произошедшее наполнило его сердце «прискорбием», император представил собственную версию случившегося: по мнению монарха, «сборище людей недостойных... дерзнуло умышлять на жизнь Брата Государя», они же «склонили часть войск к измене», распространив «пагубные заблуждения». При этом Николай избегал использовать сильные выражения: в «Воззвании» слово «измена» было использовано лишь один раз и, как видно из приведенного выше примера, в сглаженном варианте («склонили к измене»). В целом текст воззвания был построен в соответствии с риторическим приемом, схожим с тем, при помощи которого в течение предшествующих полутора десятилетий оправдывались действия поляков в рядах армии Наполеона.

В ставшем уже традиционным стиле монарх упомянул и присущее нации мужество, и славное польское имя, на которое покусились восставшие.

¹⁷⁵⁸ Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. СПб., 1863. Т. 1. С. 266–269.

¹⁷⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 267.

Император даже похвалил польскую армию: достойным упоминания он счел «храбрый Конно-егерский полк», который, оставшись лояльным цесаревичу, «явил новый, навсегда незабвенный опыт сих доблестей». Далее император обращался к польским войскам: «Воины! следуйте сему примеру; оправдайте ожидание Монарха, коему вы дали клятву верности»¹⁷⁶⁰. Требуя освободить всех задержанных российских подданных и восстановить власть гражданских структур, Николай I обещал прощение, сообщая о своей уверенности, что «минутное завлечение» пройдет, а «изгладить минувшее» не поздно. «Воззвание», датированное 5 (17) декабря 1830 г., было опубликовано в Царстве Польском 1 января 1831 г.¹⁷⁶¹

В соответствии с традицией разделения риторики условно внешней (направленной на Царство Польское) и внутренней (обращенной к Российской империи) манифест, опубликованный в России в связи с ноябрьскими событиями в Варшаве, был совершенно иным. Здесь «завлечение» и «заблуждение» превратились в «измену» и готовившийся в тайне «мятеж». Обращаясь к подданным Российской империи, монарх писал о своих старших братьях — Александре и Константине. Первый, распространявший щедроты на Польшу, не смог, в трактовке документа, обезоружить «злоумышленных» людей. Манифест (конечно, не прямо) предлагал интерпретацию, в рамках которой необдуманная, чрезмерно лояльная по отношению к Царству Польскому и в конечном итоге обернувшаяся мятежом политика приписывалась исключительно Александру I. Сам же Николай представал в образе брата и монарха, вынужденного следовать по стопам предшественника на престоле¹⁷⁶². Впоследствии в частных разговорах император воспроизводил именно эту трактовку: «Покойный брат осыпал их (поляков. — *Прим. авт.*) милостями; я религиозно уважал его дело»¹⁷⁶³.

¹⁷⁶⁰ Воззвание к народу и войскам Царства Польского (5 (17) декабря 1830 г.) // Военский К.А. Император Николай и Польша в 1830 году. С. 113.

¹⁷⁶¹ Kurjer Warszawski. 1831. № 1. S. 3.

¹⁷⁶² ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–487.

¹⁷⁶³ *Таньшина Н.П.* Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе. С. 22.

Упоминание в российском манифесте великого князя Константина Павловича было вызвано необходимостью объяснить сразу несколько его решений — уход из Варшавы вместо решительных действий, способных подавить выступление в самом начале, и фактический отказ от поддержки лояльных ему польских частей. Первое, как следует из манифеста, объяснялось желанием Константина не допустить вражду между братскими народами: в разных частях Варшавы распространился «нелепый слух, что Российские войска истребляют мирных жителей», это заставило великого князя покинуть город, чтобы «явно доказать нелепость и коварство извета, и дать гражданским Начальствам время и средство... вразумить заблуждающихся и обуздать злонамеренных». Решение великого князя отпустить оставшиеся верными ему польские войска увязывалось с вопросом безопасности, при этом утверждалось, что инициатива исходила не от Константина, а число ушедших в Варшаву маркировалось как незначительное: «Правительственный Совет... умолял Цесаревича возвратить бывшие с Ним Польские войска в Варшаву для спасения собственности общественной и частной от новых расхищений... Цесаревич нашел необходимым, удовлетворяя желанию Правительственного Совета, дозволить *малому числу Польских войск*... возвратиться в Варшаву... и Сам с Российскими полками выступил из пределов Царства Польского»¹⁷⁶⁴.

В манифесте речь, конечно, не могла идти о прямых обвинениях в отношении великого князя, однако долгое время в официальных кругах непопулярность цесаревича в Польше расценивалась как основная причина мятежа. Об этом прямо говорили Николай I, члены императорской фамилии и многие чиновники империи¹⁷⁶⁵. Оценки порой носили крайне резкий характер. Так, великая княжна Ольга Николаевна, дочь Николая I, писала относительно

¹⁷⁶⁴ ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 486. Согласно существующим подсчетам, число польских солдат и офицеров, оказавшихся верными Константину и отпущенных затем в Варшаву, исчислялось 4 тыс. человек (Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. Т. 2. С. 169).

¹⁷⁶⁵ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 446–447; Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 28, 43.

позиции императрицы Александры Федоровны: «Что же касается Константина Павловича и его пребывания в Польше, то мамá считала, что он заслужил быть повешенным, и называла его фрондером»¹⁷⁶⁶.

В целом официальная трактовка событий выводила из-под удара императора, возлагая на Александра I вину за проведение в западных землях либеральной политики, а на Константина — за неверные действия в первые дни восстания. Николай же оказывался словно вне всего контекста. Показательна позиция И.И. Дибича, который так выражал свое отношение к политике России в регионе: «Император Александр дал Польше конституцию, — обстоятельство, которое не одобрялось русскими... Таким образом вы (поляки. — *Прим. авт.*) получили конституцию. Правда, она не всегда строго соблюдалась, но *это не была вина царствующего Императора*, который был в несколько неловком положении по отношению к своему старшему брату, и последний — я это хорошо знаю — является одной из важнейших причин... неудовольствия»¹⁷⁶⁷.

В российском манифесте Николая I содержался также призыв «не мстить»: «...мы готовы карать вероломство, но хотим отличить невинных от преступников, хотим миловать и слабых, по слепоте или боязни следующих противозаконному влечению. Не все подданные Наши Царства Польского, не все жители Варшавы были участниками бунта и плачевных его следствий: многие доказали славную смертью, что знали долг свой». Манифест утверждал: число поляков, погибших, но оставшихся верных долгу, было значительно, число тех, кто «со слезами отчаянья» покинул великого князя Константина, было, напротив, невелико, а лояльные, «с обманутыми и оболыщенными, без сомнения составляют бóльшую часть войска и народа Царства Польского». Рассуждения такого порядка не остались в манифесте без резюмирующей части: «Россияне! Пример Царя вашего будет вашим

¹⁷⁶⁶ Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 188.

¹⁷⁶⁷ Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 28.

руководством; правосудие без мщения... наказание одним изменникам; любовь и уважение к тем из подданных Наших Царства Польского, кои верны данной Нам клятве; *готовность к примирению со всеми, кои возвратятся к долгу*». Иными словами, в обращении к подданным империи, в отличие от обращения к полякам, император продолжал разыгрывать карту братского единения и любви и призывал простить участников восстания. Примечательно, что в «Воззвании» к полякам указания на братские узы отсутствуют¹⁷⁶⁸. Источники подтверждают, что декларации Николая I в первое время соотносились с его планами: до открытия военных действий в Царстве Польском император намеревался амнистировать участников мятежа за вычетом основных заговорщиков¹⁷⁶⁹.

Фраза императора Николая, что мятежники «дерзнули» выдвигать условия, не была лишь фигурой речи. В период, когда военные действия против польских войск еще не были открыты, великий князь Константин Павлович и сам Николай I встретились с несколькими варшавскими парламентарями и группами переговорщиков. Одной из таких групп стала депутация, прибывшая к Константину во время пребывания последнего в польской Вержбе. В состав миссии вошли, в частности, А. Чарторыйский и И. Лелевель. За этим последовала встреча Константина с депутатом К. Валицким и императора Николая — с несколькими польскими эмиссарами. Депутаты требовали невозможного, особенно на фоне разворачивающегося восстания. Те из них, что вели переговоры с великим князем, просили цесаревича, чтобы он «выхлопотал у государя присоединение Литвы к Польше»¹⁷⁷⁰. Известная миссия князя Ф.-К. Любецкого, направленная в Петербург, также имела своей целью потребовать от монарха «полного

¹⁷⁶⁸ «Воззвание» к полякам было опубликовано в России в качестве приложения к российскому манифесту (ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 487–488). Возможно, кто-то из представителей русской элиты смог увидеть различие в риторике.

¹⁷⁶⁹ По словам И.И. Дибича, еще в декабре — начале января император полагал, что главными зачинщиками восстания были пять – шесть человек (*Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 36).

¹⁷⁷⁰ *Колзаков К.П.* Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.). С. 606.

сохранения конституции и... милости... для бывших польских губерний управления, подобного тому, которое существует в Царстве»¹⁷⁷¹.

В историографии в связи с упоминанием миссий польских переговорщиков появляется указание, что император предсказуемо отверг все выдвигаемые условия¹⁷⁷². Это справедливое утверждение, однако, не приближает нас к пониманию значения происходящего. Ведь парламентеры были приняты великим князем и самим императором и каждому из них, используя выражение И.И. Дибича, была предоставлена возможность «разыгрывать роль посланника»¹⁷⁷³. При этом единственное воздействие, которое на них оказывалось, — проявление неудовольствия. Так, по словам одного из российских участников, император Николай приложил усилия, чтобы поставить варшавского переговорщика «в затруднение» изложением своих аргументов¹⁷⁷⁴. Парламентеры, добравшиеся до Петербурга, после монаршей аудиенции получали право беспрепятственного возвращения в Варшаву.

Встречи великого князя с депутатом Валицким, а императора Николая — с Ф. Вылежинским достаточно подробно задокументированы¹⁷⁷⁵. Эти материалы, даже с учетом преувеличений или особенностей передачи информации, позволяют увидеть позицию цесаревича и императора в период, когда они оба еще верили в возможность мирного разрешения конфликта.

К. Валицкий, приехавший объявить великому князю, что диктатор И. Хлопицкий готов беспрепятственно пропустить его войска через Вислу, был принят Константином Павловичем недалеко от Пулав. Осведомившись о направлении движения войск Константина и получив необходимую информацию, депутат, по крайней мере по его собственному описанию, повел

¹⁷⁷¹ *Военский К.А.* Император Николай и Польша в 1830 году. С. 138.

¹⁷⁷² *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 2. С. 177.

¹⁷⁷³ *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 29.

¹⁷⁷⁴ *Военский К.А.* Император Николай и Польша в 1830 году. С. 138.

¹⁷⁷⁵ Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 115–133; *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 1–96. Об этом см. также: *Айрапетов О.* Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало. С. 29.

разговор с позиции силы: «Что касается приказаний о переходе войск Вашего Императорского Высочества, которые я передал, то они будут свято исполнены, несмотря на то, что было бы весьма нетрудно как задержать заложником Ваше императорское высочество, так и остановить весь корпус»¹⁷⁷⁶. Великий князь, напротив, начавший разговор с извинений за беспорядок своего туалета («Я первый раз по выезде своем из Варшавы разделся, чтоб хоть немного отдохнуть»), был исполнен нравственных терзаний. Он произнес перед Валицким речь, демонстрирующую его истинное отношение к происходящему: «...несмотря на неслыханное оскорбление, мне нанесенное в моем собственном доме, — я все предаю забвению... *я все позабыл, потому что, в сущности, я лучший поляк, нежели вы все, господа; я женат на польке; нахожусь посреди вас; я так давно говорю на вашем языке, что теперь затрудняюсь выражаться по-русски; наконец я дал вам доказательство своего расположения, воспретив императорским войскам стрелять по вас... Если бы я захотел, — вас в первую минуту всех бы уничтожили; я был единственным лицом в моем штабе, которое не хотело, чтобы по вас стреляли, потому что я подумал, что русским в польскую распрю... не зачем вмешиваться*»¹⁷⁷⁷. В этом отрывке Константин Павлович выводит свою «польскость» из сопричастности территории и языку, наличия семейных связей и факта защиты своего нового отечества. В отношении последнего аспекта нельзя не вспомнить, что именно так действия князя объяснял в письме императору И.И. Дибич: великий князь «запретил русским войскам наступательные действия», поскольку это могло бы вызвать среди населения толки, «будто русские убивают поляков»¹⁷⁷⁸. Интересно, что одной из прибывших к нему делегаций великий князь даже дал слово предупредить о нападении на Варшаву за 48 часов¹⁷⁷⁹.

¹⁷⁷⁶ Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 119.

¹⁷⁷⁷ Там же. С. 120.

¹⁷⁷⁸ Военский К.А. Император Николай и Польша в 1830 году. С. 136.

¹⁷⁷⁹ Колзаков К.П. Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.). С. 606.

В начале восстания великий князь просто не желал проливать кровь поляков¹⁷⁸⁰, а в основе такого решения лежала убежденность в политической субъектности Польши и недопустимости вмешательства Российской империи в целый ряд происходивших здесь процессов. Окажись великий князь свидетелем бунта в любой другой части империи, его позиции были бы, бесспорно, иными, а решительность покарать бунтовщиков не сдерживалась бы ментальными установками. Примечателен и тот факт, что Константин Павлович, отпустив польские войска, зафиксировал разделение между участниками событий не по линии лояльные–нелояльные, а по линии русские–поляки.

Император, возмущенный действиями брата, который не только не предпринял ничего для предотвращения восстания в Варшаве, но и отпустил польский Конно-егерский полк, казалось бы, должен был придерживаться иной линии поведения. Вместе с тем у императора был свой Валицкий — даже не один, и, выслушивая предъявляемые польской стороной требования (соблюдение конституции, полная амнистия восставшим, присоединение к Царству Польскому территорий, аннексированных Российской империей по разделам Польши, и даже начало войны с Австрией за Галицию¹⁷⁸¹), монарх вел с представителями мятежников столь же долгие и столь же поразительные разговоры.

До объявления манифеста от 25 января (6 февраля) 1831 г. «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского, для умирения мятежников»¹⁷⁸², император успел пообщаться с несколькими польскими эмиссарами — Ф.-К. Любецким, Я. Езерским и Ф. Вылежинским. У нас нет материалов относительно разговора, который состоялся между императором и хорошо ему знакомым министром финансов Царства

¹⁷⁸⁰ Капитанова О.С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 240.

¹⁷⁸¹ Айрапетов О. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало. С. 29; Капустина Т.А. Николай I. С. 43.

¹⁷⁸² ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

Польского Ф.-К. Друцким-Любецким, принявшим впоследствии решение не возвращаться в Варшаву¹⁷⁸³. Два других депутата от временного правительства восставших, напротив, оставили достаточно пространные описания своих разговоров с Николаем I и некоторыми высшими чиновниками.

Император стремился создать видимость того, что российская власть не вступает в переговоры с мятежниками, поэтому Любецкий, находившийся в особых отношениях с монархом¹⁷⁸⁴, получил аудиенцию в качестве министра финансов Царства Польского, а Я. Езерский и Ф. Вылежинский — как путешественники¹⁷⁸⁵. Едва ли, впрочем, указание на соблюдение приличий проясняет здесь причинно-следственную связь, ведь это не дает ответа на вопрос о том, зачем император Николай разговаривал с посланниками Варшавы.

Прежде чем перейти к обсуждению этого аспекта, отметим, что основным источником информации о содержании разговоров являются воспоминания, оставленные самими парламентарями. Не вызывает сомнений, что они передавали состоявшийся разговор, исходя из собственных интересов и установок оппонирующей Николаю стороны, а значит, здесь можно заподозрить недостоверность. Однако при более детальном разборе становится понятно, что представленные данные вполне валидны. Например, материалы Я. Езерского подтверждаются описанием, которое дает аудиенции сам Николай I в переписке с Константином Павловичем¹⁷⁸⁶. К тому же

¹⁷⁸³ Существует достаточно малоинформативное описание встречи императора и Ф.-К. Любецкого после издания манифеста о начале военных действий. Во время встречи Любецкий пытался смягчить действия Николая I предлагая издать в польских землях более сдержанную прокламацию (*Пржецлавский О.А.* Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий. Т. XXII. С. 71–72). В переписке с Константином Николай I выражал мнение, что Любецкий просто стремился сбежать из Польши (Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 70).

¹⁷⁸⁴ Любецкий был единственным министром Царства Польского, часто бывавший в Петербурге для монарших аудиенций. В 1825–1830 гг. он трижды посетил Петербург. Кроме того, по мнению польского историка М. Мицельского его переписка с Александром I и Николаем I носила характер официальных отчетов (*Mycielski M.* Konstytucyjne i pozakonstytucyjne mechanizmy rządzenia Królestwem Polskim przez Aleksandra I i Mikołaja I w latach 1815–1830 // *Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830.* S. 36–38).

¹⁷⁸⁵ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 465–466; *Шильдер Н.К.* Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 326.

¹⁷⁸⁶ См. об этом: Там же. С. 327–328.

Езерский и Вылежинский обращаются к актуальным идеям и риторическим конструктам эпохи.

Встреча, описанная Я. Езерским, указывает на сильное эмоциональное потрясение, которое переживал в эти дни Николай I. Император прямо заявил своему визави, что «никак этого не ожидал»¹⁷⁸⁷. При этом в разговоре-размышлении о своих взаимоотношениях с жителями Царства монарх использовал буквально все, что было в его арсенале: указание на свою любовь к полякам («Я любил Поляков и рассчитывал на взаимную любовь»¹⁷⁸⁸) и высокую оценку польской армии. В последнем случае предписанная структура мысли буквально перечеркивала реальность: Николай I напомнил Езерскому о польской чести, верности и защите западных границ империи. Он также использовал аргумент, представленный им за несколько месяцев до восстания в речи перед сеймом: «Мог ли Я предвидеть, чтобы польское войско, которое Я высоко ценил, на честь и верность которого Я полагался столько же как и на храбрость, скрывало в среде своей зародыш измены... *могу ли Я узнать в них воинов, кои с незапамятных времен славились ненарушимою верностью? На них рассчитывал Я в минуту опасности; во всех внешних войнах они составляли Мой авангард*»¹⁷⁸⁹.

Предлагавшиеся императором решения прямо определялись ментальными установками. Николай говорил с варшавским эмиссаром о невмешательстве России в разрешение конфликта («Мои интересы заставляют Меня желать, чтобы Польша *сама* очистилась от преступления, которое совершили некоторые из ее сынов»¹⁷⁹⁰) и требовал покаяния от зачинщиков, которые должны предстать перед монархом как «дети, уповающие на своего отца»¹⁷⁹¹. Император также полагал, что войска, перешедшие на сторону восставших, должны «на полях битв загладить свой поступок»¹⁷⁹².

¹⁷⁸⁷ Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1. С. 270.

¹⁷⁸⁸ Там же.

¹⁷⁸⁹ Там же.

¹⁷⁹⁰ Там же. С. 271.

¹⁷⁹¹ Там же.

¹⁷⁹² Там же.

Этот разговор демонстрирует, что Николай I с трудом принимал тот факт, что развернутая еще во времена Александра I и укрепленная при нем самая политика в отношении Польши рушилась на его глазах. Император должен был действовать, однако ему предстояло убедить себя самого, что он имеет на это право. Монарх восклицал, обращаясь, напомним, к парламентару восставших: *«Поставьте себя в Мое положение... Будь Я только Польским Царем, Я бы находился теперь среди вас; но как Русский Император, Я должен обращать внимание и на другие интересы: Я не могу упускать из виду честь и достоинство великого Государства... Укажите Мне на средство к мирному решению вопроса, средство пригодное для польского Царя, который в то же время есть русский Император... Могу ли Я закрыть глаза на все, что произошло? Разве в Варшаве не было совершено убийств? Разве не покушались на жизнь Моего брата?»*¹⁷⁹³ И, наконец, император подошел к тому, что система, которую он поддерживал, представляла собой, в сущности, иерархию. Он выразил эту мысль также в форме вопроса-упрека: *«Каким образом Я могу одно из государств, стоящих под Моим скипетром, возвышать на счет другого?»*¹⁷⁹⁴

Между прочим, схожие рассуждения о выборе между двумя политическими субъектами содержатся и в переписке Николая и великого князя Константина Павловича. В письме от 8 (20) декабря 1830 г. император задавал брату вопрос, который, судя по контексту, не был столь уж риторическим: *«Если из двух народов и двух престолов один должен погибнуть, — могу ли я хоть мгновение сомневаться?»*¹⁷⁹⁵

И все же в конце разговора с Я. Езерским император обратился к базовым установкам, определявшим его политику на западных территориях. Он заявил польскому эмиссару: *«...я найду средство простить»*¹⁷⁹⁶. Русские

¹⁷⁹³ Там же. С. 273.

¹⁷⁹⁴ Там же.

¹⁷⁹⁵ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 69.

¹⁷⁹⁶ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 327.

войска еще не перешли границу Царства, а Николай I уже искал способы простить восставших.

Встречи императора с Я. Езерским и еще одним депутатом повстанцев Ф. Вылежинским, адъютантом диктатора И. Хлопицкого¹⁷⁹⁷, прошли с интервалом в две недели. За это время монарх и его окружение выстроили многоуровневую систему аргументов, интерпретирующую действия поляков и осмысляющую собственную политическую стратегию в Царстве Польском. Все это привело к тому, что Вылежинскому пришлось принять участие в целой серии многочасовых разговоров с И.И. Дибичем, А.Х. Бенкендорфом и самим императором.

Как и в случае с Я. Езерским, точкой отсчета стало удивление, которое выражали все участники с российской стороны. Николай I, по словам поляка, выглядел скорее огорченным, нежели негодующим. В тот момент монарх, по мнению Вылежинского, не предполагал, что «обстоятельства примут тот характер, который они впоследствии имели»¹⁷⁹⁸. «Скажите сами, неужели я мог когда-нибудь ожидать революцию в Польше?» — восклицал император. «Я решительно не могу понять, каким образом поляки пришли к мысли о революции...» — вторил ему Бенкендорф. «Это (нарушение конституции. — *Прим. авт.*) не может служить оправданием революции, ибо, несмотря на все это, в Польше все-таки было больше хорошего, чем дурного», — заявлял И.И. Дибич. Император, шеф Третьего отделения и фельдмаршал, объясняя свое удивление, перечисляли положительные изменения, произошедшие в Польше за прошедшие полтора десятилетия, — дарование конституции, «уважение к польской национальности», покровительство искусству и наукам и, наконец, многочисленные экономические преференции. А.Х. Бенкендорф даже нарисовал выразительную картину процветания: «Ваша страна могла

¹⁷⁹⁷ Ф. Вылежинский был направлен в Петербург с депешами на имя князя Ф.-К. Любецкого (*Военский К.А.* Император Николай и Польша в 1830 году. С. XV). Аудиенция Ф. Вылежинскому была дана 30 декабря (11 января) 1830 г. (*Айрапетов О.* Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало. С. 30).

¹⁷⁹⁸ *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 80.

служить образцом экономического благоденствия народов, ей удивлялись все иностранцы, население постепенно увеличивалось, повинности не были обременительны для народа, вы управлялись своими собственными законами, торговля и промышленность процветали, города и села постепенно увеличивались, и вся Польша представляла собой завидный образец благоустройства и культуры»¹⁷⁹⁹. Говоря о благодеяниях в отношении Польши, монарх и шеф Третьего отделения несколько раз упоминали коронацию 1829 г. и сейм 1830 г.¹⁸⁰⁰

В момент общения, которое, напомним, происходило в декабре 1830 г., никто из его участников еще не произносил слово «неблагодарность», хотя все трое уже рассуждали о преимуществах, полученных Польшей и, соответственно, недополученных Россией. Бенкендорф, говоря о «покровительстве фабричной промышленности» в Польше, фиксирует, что последнее было осуществлено *«даже в ущерб России»*¹⁸⁰¹. Интересно, что Александр Христофорович, предлагая своему визави сравнить Царство с экономическим и политическим состоянием польских земель, находящихся в составе Австрии и Пруссии, указал также и на преимущество Царства Польского по отношению к территориям бывшей Речи Посполитой, которые вошли в состав Российской империи в XVIII в. Еще более прямолинейную позицию занял И.И. Дибич. Называя себя «русским человеком», фельдмаршал повторил консервативную трактовку событий последних полутора десятилетий — политика Александра I в Польше была оскорбительной для подданных императора в России: «Император Александр (добродетельнейший человек в мире) непременно желал этого (дарования Польше конституции. — *Прим. авт.*), — Россия ничего не сказала, пожелав всевозможных благ Польше и дарованным ей учреждениям»¹⁸⁰².

¹⁷⁹⁹ Там же. С. 42–43.

¹⁸⁰⁰ Там же. С. 44, 66, 73.

¹⁸⁰¹ Там же. С. 44.

¹⁸⁰² Там же. С. 28.

Показательно, что в момент разговора категория «враг» оказывается еще в известной мере не определена. Бенкендорф, Дибич и Николай I, осудив бунтовщиков (шеф Третьего отделения в тексте Вылежинского называет произошедшее в Польше войной «негодяев против честных людей»¹⁸⁰³), прямо возложили ответственность за произошедшее на великого князя Константина Павловича, а И.И. Дибич — еще и на покойного императора Александра I. Великий князь, как полагали собеседники шляхтича, «благодаря качествам своего характера... являлся поводом страдания многих людей: он бестактно и беспричинно шокировал известные идеи, словом, он был причиной всеобщего неудовольствия и, конечно, являлся одним из важнейших факторов постепенно зарождавшегося революционного движения в крае»¹⁸⁰⁴. В разговоре не содержалось никаких упреков, не упоминались и погибшие в Варшаве лояльные Николаю I польские генералы.

Судя по содержанию материалов Ф. Вылежинского, все трое старались продемонстрировать парламентару свое расположение. Так, Бенкендорф и Дибич хвалили польские войска. Последний счел возможным сообщить, что «был особенно хорошего мнения о польском войске», в первую очередь о «военачальниках и старших офицерах, совершивших походы с Наполеоном»¹⁸⁰⁵, а Бенкендорф привел в качестве аргумента свои слова императору: «Государь, вы можете рассчитывать на польскую армию, как на ваш Преображенский полк»¹⁸⁰⁶. Император был воплощением любезности: он передавал поклоны знакомым¹⁸⁰⁷, восхищался красотой княгини Яблоновской¹⁸⁰⁸ и, наконец, предложил парламентару диктатора Хлопицкого стать его собственным флигель-адъютантом¹⁸⁰⁹. Среди прочего Николай I просил Ф. Вылежинского передать поклон полковнику Ягмину, который

¹⁸⁰³ Там же. С. 48.

¹⁸⁰⁴ Там же. С. 49.

¹⁸⁰⁵ Там же. С. 32.

¹⁸⁰⁶ Там же. С. 45.

¹⁸⁰⁷ Там же. С. 77.

¹⁸⁰⁸ Там же. С. 75.

¹⁸⁰⁹ Там же. С. 79.

командовал Конно-егерским полком, оставшимся верным Константину Павловичу в первые дни восстания. Высоко оценив преданность полка, монарх повелел Вылежинскому, что размышлял о возможности предоставить полку права старой гвардии¹⁸¹⁰. Он также был уверен, что конные егеря будут при нем во время въезда в Варшаву¹⁸¹¹. Интересно, что на обратном пути в столицу Царства Польского Вылежинский, по его словам, нашел полковника егерей в Пултуске и выполнил просьбу императора. В ответ на это Ягмин ответил, что он сам и его полк, что бы ни случилось, искренне преданы польскому делу¹⁸¹².

В разговоре с Вылежинским император Николай более точно (нежели при разговоре с Я. Езерским) описал механику прощения. Ключевым звеном здесь оказывалось не раскаяние мятежников или их стремление искупить вину, как того можно было бы ожидать, а гарантированный контроль над действиями подданных Российской империи, затаивших обиду на жителей Царства Польского. Поддержав позицию великого князя Константина, который отказался от подавления мятежа (это «вызвало бы проявления национальной вражды»), Николай I заметил Вылежинскому, что «теперь русские совершенно чисты, ибо до сих пор не сделали ни одного выстрела против поляков»¹⁸¹³. Свои рассуждения он завершил словами: «Скажите от меня полякам, что я уверен в том, что на них действует иностранное влияние, которое Я считаю главным поводом этой революции. Русский народ оскорблен и возмущен поступком Польши и Мне с трудом удастся сдерживать его законное негодование. Но до тех пор, пока Я царствую, Я сумею заставить повиноваться Моей воле, сумею повлиять на Моих подданных, и в этом отношении поляки могут быть покойны»¹⁸¹⁴. Иными словами, император позиционировал себя посредником между разгневанными русскими, чей гнев

¹⁸¹⁰ Речь идет о преимуществе в чинопроизводстве в 2 чина по отношению к армейским чинам.

¹⁸¹¹ *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху польской революции 1830–1831 гг. С. 72–73.

¹⁸¹² Там же. С. 89.

¹⁸¹³ Там же. С. 68.

¹⁸¹⁴ Там же. С. 75.

был законным, но по-восточному необузданным, и поляками, которые, хоть и повели себя опрометчиво, не должны пострадать от буйного проявления недовольства противной стороны, а потому нуждались в защите и покровительстве.

13 (25) января 1831 г. в Варшаве состоялось действо, которое заставило Николая I посмотреть на ситуацию с иной стороны. В Варшавском замке, в зале сейма, где менее двух лет назад император Николай опустился на колени, произнося свою коронационную молитву, собравшийся польский сейм подписал акт о детронизации — декларацию о лишении российского императора престола¹⁸¹⁵. Польская субъектность, за которую так ратовал император Александр I и которую поддерживал Николай I, звучала в документе во весь голос: «Самые святыя и торжественные договоры только тогда являются нерушимыми, когда искренне соблюдаются *обеими сторонами*. Всему миру известно наше терпение. Обещанные под присягой двумя владыками и столь часто попираемые свободы освобождают *обе стороны* и польский народ от верности. Сказанные, наконец, самым Николаем слова, что первый же выстрел с нашей стороны всегда будет сигналом к гибели Польши, не оставили нам никакой надежды на исправление нанесенных обид, не оставили нам ничего, кроме благородного горя. Таким образом народ польский, на сейме собранный, заявляет: *он является независимой нацией и имеет право тому корону польскую отдать, кого ее достойным сочтет*, на кого рассчитывать будет, кто приведенный к присяге веры твердо и без ущерба соблюдет обещанные присягой свободы»¹⁸¹⁶. Примечательно, что, навязывая Николаю I свою логику, поляки называли себя «народом» и «нацией», а Александра и Николая именовали «стороной» договора, совершенно не упоминая русских.

¹⁸¹⁵ Kurjer Warszawski. 1831. № 26. S. 133–134.

¹⁸¹⁶ Оригинальный текст акта о детронизации: <https://polishfreedom.pl/dokument/uchwala-sejmu-o-detronizacji-mikolaja-i>.

Судя по воспоминаниям современников, в это время на сейме обсуждался и вопрос клятвопреступления, в котором восставших обвинял Николай I. По сообщениям М. Мохнацкого, заявление императора, что «“польский народ виновен в нарушении обещания”, вызвала шепот ужаса среди депутатов сейма». Обсуждалось и обвинение в разворачивании против лояльных императору войск пушек, доставленных из Варны, а также финансовая поддержка Царства. Мохнацкий завершил свои рассуждения о произошедшем следующим образом: «В действительности смешной была Москва, считающая свои деньги и оружие из-под Варны; мы, если бы захотели посчитать наши благодеяния, показали бы, что это никчемное, глухое, неведомое Европе государство только за счет грабежа Польши доросло до вершины, с которой москали смогли дотянуться до самой Варны»¹⁸¹⁷.

В это время на улицах Варшавы проходила манифестация в память о казненных декабристах, устроенная «Патриотическим обществом». Принято думать, что под давлением этой акции польский сейм и принял акт о детронизации Николая I¹⁸¹⁸. В течение нескольких часов по улицам Варшавы двигалось массовое шествие, в центре которого был размещен черный гроб с трехцветной кокардой, символом революции, и лавровым венком¹⁸¹⁹. В процессию вошли также щиты с именами П.И. Пестеля, К.Ф. Рыльева, А.П. Бестужева-Рюмина, С.И. Муравьева-Апостола и П.Г. Каховского¹⁸²⁰. Очевидно, что целью акции было в равной мере и оказание воздействия на императора Николая I. Примечательно, что во время манифестации на щите с появившимся впервые известным лозунгом «За нашу и вашу свободу» был размещен и католический крест¹⁸²¹. Этот знак смещал акценты —

¹⁸¹⁷ Mochnecki M. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. T. 2. S. 655–657.

¹⁸¹⁸ Западные окраины Российской империи / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 98. Малгожата Карпинска, рассмотревшая работу депутатов в период восстания, полагает, что акт о детронизации не удовлетворил ни одну из депутатских групп и коалиций. Последний, однако, имел символическое значение (*Karpińska M.* «Nie ma Mikołaja!» Starania o kształt sejmu w powstaniu listopadowym 1830–1831. Warszawa: Neriton, 2007. S. 5).

¹⁸¹⁹ Этому действу предшествовала панихида по декабристам, которую в православной церкви Варшавы отслужили униатские священники (РГВИА. Ф. 36. Оп. 9/852. Д 163. Л. 1–3 об).

¹⁸²⁰ Ольшанский П. Декабристы и освободительное движение. М., 1959. С. 216–217.

¹⁸²¹ Благодарю Еву Берар, обратившую мое внимание на этот факт.

продекларированное равенство русских и поляков оказывалось в действительности иерархизированным.

«Варшавский курьер» опубликовал информацию о шествии, названном триумфальным, а также о том, что его итогом стало появление в Бельведере, который еще недавно занимал великий князь Константин, «5 могильных холмов, в память тех, кто пострадал за свободу в России»¹⁸²². В символическом отношении декабристы, место захоронения которых в России было неизвестным, оказались погребены в польской земле¹⁸²³.

События этого дня достигли своей цели¹⁸²⁴. Император больше не мог делать вид, что мир — пусть и худой — все еще продолжается: он был вынужден признать, что в его империи идет война. Если в манифесте, сообщавшем Российской империи о восстании, император мог прибегнуть к указанию на то, что власть искала возможность «спасти заблуждающихся и оболыщенных», то в манифесте «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников» монарх прямо именовал поляков «изменниками», достойными презрения, а сейм — «противозаконным» собранием. Монарх заявлял о необходимости использовать против поляков армию¹⁸²⁵. Он сообщал подданным империи о детронизации прямо¹⁸²⁶, что неудивительно, учитывая, что акт о лишении Романовых престола был опубликован в прессе¹⁸²⁷ (восставшие дерзнули «провозгласить, что Царствование Наше и Дома Нашего прекратилось в Польше, и что Трон, восстановленный Императором Александром, ожидает иного Монарха»), призывал «положить навсегда конец враждебным

¹⁸²² Kurjer Warszawski. 1831. № 26. S. 134.

¹⁸²³ После восстания 1830–1831 гг. польские эмигранты в Европе в своих публикациях и выступлениях обращались к панихиде по декабристам и состоявшемуся шествию. См., например: ОР РНБ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 231.

¹⁸²⁴ Через французские газеты информация о шествии достигла и Российской империи. См.: [Грибовский А.М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 120.

¹⁸²⁵ ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

¹⁸²⁶ Это факт способствовал тому, что воспоминания о детронизации закрепились в памяти современников (Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. С. 310).

¹⁸²⁷ Nowa Polska. 1831. № 22. S. 1.

покушениям злоумышленников, мечтающих о разделении», и — что немаловажно — обещал «устроить будущую судьбу» польских территорий «на основаниях прочных, *сообразных с потребностями и благом всей Нашей Империи*»¹⁸²⁸. Русские войска пересекли границу с Царством Польским в конце января 1831 г.¹⁸²⁹

Материалы начала польского восстания демонстрируют, что описанная в предшествующих главах стратегия управления, которая зиждилась на признании политической субъектности Царства Польского, оказала непосредственное влияние на события 1830–1831 гг. Повестку дня и логику развития событий первого периода восстания формировала в значительной мере польская сторона – манифест о переходе русской армией границы Царства Польского был издан только после того, как в Варшаве прошла деторнизация Николая I. Этим событиям предшествовала серия переговоров с депутатами от польских повстанцев.

Документы этого периода показывают сложности с изменением прежней политической риторики, ориентированной на позиционирование братства народов: в российском манифесте Николая I о начале польского восстания содержался призыв «не мстить» и быть готовыми «к примирению со всеми, кои возвратятся к долгу». Таким образом, в обращении к подданным империи, в отличие от обращения к полякам, император продолжал использовать нарратив братского единения и прощения.

8.3. Восстание: логика мира против логики войны

Находясь на грани настоящей полномасштабной войны, император Николай I и великий князь Константин Павлович обнаружили, что стратегия, которой они придерживались в отношении Польши, оказалась совершенно несостоятельной. Однако император, несмотря ни на что, полагал возможным рассматривать свои действия в категориях личной правоты. Он писал брату: «Мое положение тяжело, моя ответственность ужасна, *но моя совесть ни в чем*

¹⁸²⁸ ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

¹⁸²⁹ Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Приложение IV. С. XXIV–XXV.

не упрекает меня в отношении поляков, и я могу утверждать, что она ни в чем не будет упрекать меня. Я исполню в отношении них все свои обязанности, до последней возможности; я не напрасно принес присягу и не отрешился от нее; пусть же вина за ужасные последствия этого события, если их нельзя будет избежать, всецело падет на тех, которые повинны в нем!»¹⁸³⁰ Цесаревич, находившийся, очевидно, в крайне подавленном состоянии, описывал произошедшее как крах жизненных установок. Он перестал называть себя «поляком», но также избегал адресовать вопросы себе: «Вот *мы, русские*, у границы, но, великий Боже, в каком положении, почти босиком; все вышли как бы на тревогу, в надежде вернуться в казармы, а вместо сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имеют лишь то, что на них надето... Я сокрушен сердцем; на 51... году жизни и после 35... лет службы я не думал, что кончу свою карьеру столь плачевным образом. Молю Бога, чтобы эта армия, которой я посвятил шестнадцать лет жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признав свое заблуждение прежде, чем против нее будут приняты понудительные меры. *Но это было бы слишком хорошо для века, в котором мы живем*»¹⁸³¹. В другом случае, рассуждая о том, что «каждый раненый и убитый в наших рядах может обвинить меня в том, что я 16 лет подряд стоял во главе армии, которая причиняет им столько вреда», великий князь прибегал для оправдания к категории «неблагодарность». Он писал императору: «Я... лишь выполнял приказы, целью которых было их (поляков. — *Прим. авт.*) благо, и, конечно, не предвидя *неблагодарности*»¹⁸³². И император, и великий князь демонстрировали полное непонимание причин происходящего, а Николай в одном из писем даже прибег к формулировке: «...они все (поляки. — *Прим. авт.*) более или менее страдают рассудком»¹⁸³³.

¹⁸³⁰ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 69.

¹⁸³¹ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 326.

¹⁸³² Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 119.

¹⁸³³ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 327–328.

После детронизации — в разгар восстания — император Николай I написал интереснейшую записку о Польше, которую Н.К. Шильдер опубликовал в биографии монарха. В этом поразительном документе, рассмотрев историю существования Царства Польского в составе Российской империи, Николай I выразил мнение, что «Россия не имеет никакого интереса владеть» Польшей. Иными словами, монарх размышлял над самоубийственным для представителя власти вопросом отказа от части территории собственной страны¹⁸³⁴.

Судя по содержанию текста, разворачивание военных действий в Царстве заставило монарха предметно задуматься над тем, как устроен механизм унаследованной им от Александра политической системы. В записке о Польше Николай I рассуждает о том, что Польша, приобретенная по «по праву завоевания», получила от России субъектность (пользовалась «всеми правами самостоятельного народа») и экономические ресурсы для развития и процветания, что, в свою очередь, привело к тому, что «настроения умов обострились и поляки укрепились в своем намерении избавиться от русского владычества». Эту стратегию он прямо называет в тексте затратной для России: «...империя несла все тягости своего нового приобретения, не извлекая из него никаких иных преимуществ, кроме нравственного удовлетворения от прибавления лишнего титула к титулам своего государя. Но вред был действительный»¹⁸³⁵.

На страницах записки монарх пишет и о выгоде, которую может приобрести империя от обладания Царством («какое вознаграждение может получить Россия за свои тяжкие жертвы, и какие выгоды она может извлечь из обладания Польшей»), и приходит к заключению, что «Россия не может извлечь из Польши... никаких действительных выгод». Отметим, что Николай рассуждал в категориях нравственного и общественного порядка и не думал

¹⁸³⁴ Об отношении к категории «целость»/«целостность» см.: Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. P. 159–181.

¹⁸³⁵ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 346.

об экономических выгодах. Иными словами, он оставался в рамках традиционной для него парадигмы. Вывод, который сделал для себя император, не предполагал смены политической стратегии. Николай не видел возможности для изменений, ему проще было оценить крайнюю меру — отказ от части своей империи¹⁸³⁶. В этих рассуждениях император не зашел далеко, определив, однако, границу «своей» и «чужой» территории, которая, по его мысли, должна была проходить «по Висле и Нареву».

В первые месяцы восстания обе стороны все чаще апеллировали к символической, отсылавшей к 1812 г. Уже в тексте николаевского манифеста, опубликованного в Российской империи, можно услышать скрытый намек на Отечественную войну. Монарх упоминал опасность потери «целости державы», говорил о том, что «толпа... дерзает мечтать о торжестве над нами», и рисовал мятеж как нечто, «может быть, издавна измышляемое». В этом обращении Николай I также попытался указать на единство переживаний монарха и его подданных: «Россияне!.. Сердца ваши, пылающие ревностью к Престолу, *понимают все чувства Нашего сердца...*»¹⁸³⁷ И.И. Дибич в разговоре с упоминавшимся Ф. Вылежинским утверждал, что Польша есть «*страна покоренная*»¹⁸³⁸. Указание на 1812 г. и прощение нашло свое отражение и в риторике польской стороны. Так, беседовавший с Константином Павловичем Валицкий вспоминал наполеоновские походы, говоря, что великий князь «для счастья империи» принес в жертву свои «сочувствия, которые могли бы проявиться к людям, сражавшимся в рядах

¹⁸³⁶ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 349. Николай I был не одинок в своих реакциях. П.А. Вяземский также выражал идею необходимости «отпустить Польшу». В своем «Дневнике» он упоминал неумение «владеть Варшавою», «заставить поляков полюбить нашу (российскую. — Прим. авт.) власть», акцентируя непонимание польской ситуации («просто русское невежество»). Уже после подавления восстания П.А. Вяземский писал, подчеркивая политическую субъектность Польши: «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить царство Польское... Пускай Польша выбирает себе род жизни... Что мы усмирили Польшу, что нет — все равно: тяжба наша проиграна» (Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). С. 212–214).

¹⁸³⁷ ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–487.

¹⁸³⁸ Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 28.

*неприятеля»*¹⁸³⁹. Вместе с тем подобные действия Константина Валицкий сопоставлял с действиями польских офицеров, которые ощущали «привязанность» к великому князю, но «как поляки... обязаны следовать по пути, который ведет их к достижению народной независимости»¹⁸⁴⁰. Причудливо совмещая 1815 и 1830 гг., Валицкий, по сути, использовал официальную парадигму, в рамках которой у Польши были права, а у России — обязательства, которые проистекали, в свою очередь, из ею же инициированного прощения.

Начало полномасштабных столкновений стало сигналом к отказу от прежде табуированных нарративов и возврату к риторике вражды. Все ранее непроговариваемое стало не просто разрешенным, а максимально востребованным. В императорском манифесте «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников» не было ни слова о коронации 1829 г. или сейме 1830 г., зато формулировка «настало время упортебить силу против незнающих раскаяния» отсылала, поверх простого указания на отказ сложить оружие, к воспоминаниям о войне 1812 г.¹⁸⁴¹ Упоминавшиеся выше рассуждения императора о необходимости отказаться от земель Царства также открывались комментарием о недавней войне, а Польша буквально сбрасывалась с пьедестала политической субъектности, превращаясь в территорию проигравших, в пространство, завоеванное силой русского оружия. При этом, как кажется, изнутри этого воспоминания начинала просвечивать и память о Смуте. Николай I писал: «Польша постоянно была соперницей и самым непримиримым врагом России. Это наглядно вытекает из событий, приведших к нашествию 1812 года, и во время этой кампании опять-таки поляки, более ожесточенные, чем все прочие участники этой войны, совершили более всего злодейств *из тех же побуждений ненависти и мести, которые одушевляли их во всех войнах с*

¹⁸³⁹ Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 125–126.

¹⁸⁴⁰ Там же. С. 125–126.

¹⁸⁴¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. № 4285. С. 55.

Россией. Но Бог благословил наше святое дело, и наши войска завоевали Польшу. Это — неоспоримый факт. В 1815 году Польша была отдана России по праву завоевания»¹⁸⁴². В эти месяцы риторику такого рода можно обнаружить и в частных текстах самых разных авторов — от А.Х. Бенкендорфа, утверждавшего в переписке с Константином Павловичем, что подавление мятежа «будет войной национальной»¹⁸⁴³, до А.С. Пушкина, заявлявшего в письме к Е.М. Хитрово, дочери Кутузова: «Нет нужды возбуждать русских против Польши. Наше мнение определилось вполне 18 лет тому назад»¹⁸⁴⁴.

Как известно, в 1831 г. русские войска взяли штурмом Варшаву на годовщину Бородинского сражения 1812 г. Падение Польши 19 лет спустя в те же августовские дни воспринималось как неизбежное повторение уже некогда разыгранного сценария, в котором поляки вновь оказывались поверженными. Стали актуальными, впрочем, и более ранние коннотации русско-польского противостояния. По приказу И.Ф. Паскевича донесение о взятии Варшавы в Петербург было доставлено флигель-адъютантом князем А.А. Суворовым — внуком великого полководца, войска которого успешно взяли польскую столицу в 1794 г. Эту ситуацию хорошо выразил А.С. Пушкин в известной «Бородинской годовщине»:

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой

¹⁸⁴² Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 344–345.

¹⁸⁴³ Письма графа А.Х. Бенкендорфа к великому князю Константину Павловичу во время Польского мятежа // Русский архив. 1885. № 1. С. 34.

¹⁸⁴⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 14. С. 148, 423.

И грудью приняли напор
 Племен, послушных воле гордой,
 И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
 Кичась, они забыли ныне;
 Забыли русской штык и снег,
 Погребший славу их в пустыне.
 ...

Сбылось — и в день Бородина
 Вновь наши вторглись знамена
 В проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, как бегущий полк,
 Во прах бросает стяг кровавый —
 И бунт раздавленный умолк.

... Восстав из гроба своего,
 Суворов видит плен Варшавы;
 Вострепетала тень его
 От блеска им начатой славы!
 Благословляет он, герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоих сподвижников отвагу,
 И весть триумфа твоего,
 И с ней летящего за Прагу
 Младого внука своего¹⁸⁴⁵.

¹⁸⁴⁵ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 273–274. «Бородинская годовщина», как известно, была не единственным пушкинским текстом, в котором нашла свое отражение тема победы над Польшей. Этому сюжету было посвящено стихотворение «Клеветникам России», а также обращенное к образу М.И. Кутузова произведение «Перед гробницею святой» (1831 г.).

Как известно, А.С. Пушкин был не единственным, кто откликнулся на событие. Стихи на подавление мятежа опубликовали В.А. Жуковский («Русская песнь на взятие Варшавы» и «Русская слава») и И.И. Дмитриев («Глас патриота на взятие Варшавы», «Василию Андреевичу Жуковскому (по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы)»). Оба автора использовали актуальную риторику: Жуковский упоминал Бородино, а Дмитриев, именуя Николая I «внуком Екатерины», писал о Польше как о «лукавой союзнице»¹⁸⁴⁶.

Восставшие в это же время активно вспоминали период собственного триумфа — взятие Смоленска и Москвы и присягу Шуйского Сигизмунду III в начале XVII в. Отсылки к этим сюжетам стали зримыми в день детронизации Николая I. Перемещаясь по улицам Варшавы, шествие поминовения декабристов сделало остановку сначала у «греческой часовни» на Подвальной улице, а затем — у колонны Сигизмунда III. Здесь с речью выступил известный публицист А. Гуровский¹⁸⁴⁷, приветствовавший от имени польской нации происходившее в стенах Варшавского замка. Шествие задействовало, с одной стороны, отсылки к православному контексту, а с другой — потенциал антимосковской символики. Освещавший события «Варшавский курьер» трактовал все произошедшее совершенно недвусмысленно: автор газетной заметки, рассказывая читателям о речи Гуровского, сопоставлял все происходившее в тот момент в Варшаве с днем, когда пленный Василий Шуйский принес клятву польскому королю. Он писал, что действо разворачивалось у колонны Сигизмунда, «вблизи зала, где... тем же Сигизмундом *были унижены цари*»¹⁸⁴⁸. Появление в одном контексте

¹⁸⁴⁶ Смысл подобных сравнений легко «считывался обществом. Примечательно цитировавшееся выше стихотворение «Солдатская песня. На взятие Варшавы», в котором И.Ф. Паскевич ведет русские войска на Варшаву «по-суворовски» (РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 272. Л. 43 об.).

¹⁸⁴⁷ О Гуровском см.: *Глембоцкий Х.* Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма. С. 131–154; *Głębocki H.* Diabeł Asmodeusz w niebieskich binoklach i kraj przyszłości: Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012.

¹⁸⁴⁸ *Kurjer Warszawski*. 1831. № 26. S. 134.

свергнутого царя и декабристов отсылало к унижению российской династической власти и указывало на цепь польских побед над Москвой.

Апелляции к клятве царя Василия Шуйского к этому моменту, очевидно, стали частью любого антирусского протеста в Польше. Здесь можно вспомнить уже упоминавшуюся драму А. Жулковского «Московские цари в плену», поставленную в Варшаве в 1812 г. Примечательно и то, что организовывавший в 1829 г. «коронационный заговор» В. Смагловский говорил во время допроса перед Следственной комиссией о Сигизмунде III и покорении России в начале XVII в.¹⁸⁴⁹

Этот тренд не исчерпал себя и после подавления восстания 1830–1831 гг. Показательна в этом отношении поэма А. Мицкевича «Редут Ордона (Рассказ адъютанта)», изданная в 1832 г.

Где же царь, который в бой полчища направил?
 Может, он под выстрелы и себя подставил?
 Нет, за сотни верст сидит он в своей порфире —
 Самодержец, властелин половины мира.
 Сдвинул брови — мчатся вдаль тысячи кибиток;
 Подписал — и слезы льют матери убитых;
 Глянул — хлещет царский кнут — что Хива, что Неман!
 Царь, ты всемогущ, как бог, и жесток, как демон!
 Когда, штык твой увидав, турок еле дышит,
 А посольство Франции стопы твои лижет,
 Лишь Варшава на тебя смотрит непреклонно
 И грозит стащить с твоей головы корону —
 Ту, в которой Казимир по наследству правил,
 Ту, что *ты, Василья сын*, украв, окровавил¹⁸⁵⁰.

¹⁸⁴⁹ Филатова Н.М. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 76.

¹⁸⁵⁰ Мицкевич А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы. 1955. Т. 1. С. 256.

У исследователей, анализирующих этот текст Мицкевича, формулировка «Василья сын» традиционно вызывает большие сложности. Принято указывать, что живший долгое время в России польский поэт не мог не знать, что Николай I был сыном Павла I. Вместе с этим авторы предлагают затейливые, часто неверифицируемые версии, призванные объяснить фрагмент: от указания на сына Ивана Грозного, который представляет собой воплощение зла, до прочтения этой сентенции как ругательства — «сукин сын»¹⁸⁵¹. Историческая перспектива позволяет интерпретировать текст иначе: Николай I у Мицкевича выступает как потомок поверженного Василия Шуйского, а его оппонент Казимир соотносится с Яном II Казимиром, сыном Сигизмунда III. При таком прочтении пара героев поэтического текста формирует противопоставление законного польского короля — незаконному.

Примечательно, что в эмигрантских текстах, появившихся после восстания, можно обнаружить частое обращение к теме Москвы как символа России. Так, в одной из брошюр, посвященных коронационному заговору 1829 г., проговаривается идея «заслуженного мщения за разбор Польши», которое должна понести Москва, а участники восстания 1830–1831 гг. описываются как люди, которые «потрясли трон Николая в Варшаве и поколебали его в Москве»¹⁸⁵². Предлагаемая в польских эмигрантских материалах визуализация восстания 1830–1831 гг. была соответствующей — на изображениях захвата Варшавы русскими войсками часто появлялась колонна Сигизмунда III. При этом фигура короля на памятнике «вернулась» на свое место¹⁸⁵³. Это представляло собой отсылку к прошлому триумфу и обещание его повторения в будущем.

В это время происходит, очевидно, и почти не замеченный историографией пересмотр образа Александра I. Современные исследования,

¹⁸⁵¹ О существующих трактовках см.: *Филатова Н.М.* Образ русского царя в литературе польского романтизма. С. 73.

¹⁸⁵² РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 12 об., 16 об.

¹⁸⁵³ *Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939.* S. 176, 209–213.

интерпретирующие отношение поляков к монарху, касаются в основном оценок его деятельности как «восстановителя Польши»¹⁸⁵⁴ и не затрагивают вопрос смещений, произошедших в период восстания. Сохранившиеся в архивах материалы, однако, позволяют скорректировать эту перспективу. В РГВИА, а равным образом и в запасниках Музея Войска польского в Варшаве хранятся разрубленные, порванные, то есть подвергшиеся, по выражению российских источников того периода, «издеванию» портреты императора Александра I¹⁸⁵⁵. Показательны и карикатуры, которые собирало после восстания Третье отделение. На одной из них император Александр I был изображен в виде роженицы¹⁸⁵⁶, отдыхающей в постели под пологом. В ногах у императора был изображен малыш-поляк, на голове которого красовалась четырехугольная шапка-«конфедератка». Жест поляка — две вытянутых в направлении Александра руки, большой палец одной из которых приставлен к носу — читается как знак плутовства или обмана. Император таким образом предстает в образе глупца, породившего Польшу и оказавшегося обманутым ею¹⁸⁵⁷.

Указания на реактуализацию истории русско-польского противостояния, однако, недостаточно, чтобы объяснить механику происходивших в это время изменений. Так, непонятно, в частности, как быстро общество, принявшее установки позитивного порядка (дружба, братство, приязнь, любовь), могло от них отказаться, реконструировав не востребованный властью ранее образ противника, соперника или врага? Отметим, что вопрос здесь заключается не столько в возможности быстрого переключения восприятия, сколько в выборе стратегии в момент получения от власти разнонаправленных сигналов.

¹⁸⁵⁴ Филатова Н.М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 140–154; Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки». С. 6–8.

¹⁸⁵⁵ См., например: Российский государственный военно-исторический архив. Информационное издание / Рук. проекта И.О. Гаркуша. М., 2008. б/с.

¹⁸⁵⁶ На это указывает надпись на немецком языке, размещенная под рисунком, — «Der sechswöchner».

¹⁸⁵⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 17. Л. 3 об.

Прежде всего следует сказать, что концепция поляка-брата, на первый взгляд отброшенная в сторону, в действительности не демонтировалась полностью. Так, российская пресса, отражавшая позицию, которую многократно проговаривали император и близкие к нему чиновники и военные (указание на привилегии, полученные Польшей, и недоумение относительно причин произошедшего), писала о конкретных виновниках восстания и акцентировала внимание на возможном вмешательстве извне. Например, «Северная пчела» в статье «Известия о Варшавском мятеже и причинах онаго» указывала, что «не обращая внимание на благоденствие края, возникшее при... отеческом управлении, пылкое, нерассудительное юношество увлеклось лжеумствованиями превратных себялюбцев»¹⁸⁵⁸. В материале практически сразу возникала фигура П. Высоцкого как инициатора восстания, а затем поименно перечислялись его соратники, аттестовавшиеся как уже известные «духом буйства и превратным образом мысли»¹⁸⁵⁹. Все поддерживавшие беспорядки описывались как «жертвы» распространившегося «пагубного учения», молодые люди, не имевшие «понятия о состоянии Родины», однако умело управляемые «невидимыми силами», «ищущими выгод в ниспровержении законного порядка»¹⁸⁶⁰. Подобная персонификация виновных резко противоречила образу восстания, о котором писали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский или И.И. Дмитриев и который А.Х. Бенкендорф соотносил с «национальной войной». Иными словами, Россия, с одной стороны, воевала с извечным врагом, с теми, кто пришел на ее землю в 1612 или 1812 г., и вместе с тем, с другой стороны, противостояла сумасбродам, которые увлекали за собой ни в чем не повинных польских офицеров, чиновников и студентов.

Очевидно, определенное значение имел и тот факт, что именно в это время все привилегии, предоставленные Польше, стали последовательно

¹⁸⁵⁸ Северная Пчела. 1830. Прибавление к № 152. С. 5.

¹⁸⁵⁹ Там же.

¹⁸⁶⁰ Там же. С. 5–8.

приписываться императору Александру I. Именно он был, в рамках разворачивающегося нарратива, предан поляками, именно его любовь была отринута. О недавней коронации 1829 г. как о благодеянии, каким ее видел в начале восстания император, не говорили. Этот ход, конечно, не был случайным. Помимо того, что Николай выводил себя из-под критики, вся ситуация смещалась в сторону от актуальной политики, а обсуждение причин и следствий увязывалось с категориями эмоционального порядка.

Старые установки (не являвшиеся в действительности старыми) и новые позиции сталкивались, формируя у участников событий систему реакций, в рамках которой то или иное решение оказывалось порой неочевидным с точки зрения текущей обстановки, но вполне созвучным прежним позициям и трактовкам. В этой связи обращает на себя внимание обсуждение современниками действий русской армии в Польше, которое зачастую выходило на уровень дискуссии о медлительности войск, нерешительности ее командования и многочисленных неверно принятых решениях. Отметим, что историки, прежде всего военные, анализировавшие действия Константина Павловича, И.И. Дибича и И.Ф. Паскевича, часто отмечают, что применительно к 1831 г. «субъективные причины неудач... были налицо»¹⁸⁶¹.

Первым из тех, кого активно обвиняли в губительном бездействии, был великий князь Константин Павлович. Как уже упоминалось, цесаревич с верными ему русскими и польскими войсками покинул охваченную мятежом столицу Царства, поскольку полагал, что восстановлением порядка в столице должны заниматься варшавские власти, а затем и вовсе отпустил лояльные ему польские части. В итоге время на подавление восстания на раннем этапе было упущено, а стратегически значимые крепости, такие как Модлин и Замостье, были сданы мятежникам без какого бы то ни было сопротивления¹⁸⁶². При этом, судя по сохранившимся материалам, Константин Павлович отнюдь не

¹⁸⁶¹ Авторы таких формулировок прежде всего указывают на недостаток фуража и разворачивавшуюся примерно в это же время эпидемию холеры (*Зеланд А.Л.* Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831. С. 522; *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. С. 165–166, 170).

¹⁸⁶² *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. С. 16.

сразу двинулся в сторону российской границы. Он остановился с войсками у столицы Царства Польского и выжидал 16 дней, то есть более двух недель. В действительности великий князь начал перемещаться к границе империи лишь после того, как Административный совет принял решение о созыве сейма¹⁸⁶³. Отметим, что действия Константина напоминают в этом случае действия Николая I, который издал манифест о выступлении русской армии для подавления мятежа только после того, как получил информацию о состоявшейся детронизации. Иными словами, они оба отдавали право принятия основного решения польской стороне, занимая объектную позицию так долго, как это было возможно.

Согласно «Записке о главных действиях бывшего Административного совета», которая хранится в фонде И.Ф. Паскевича-Эриванского в РГИА, великий князь добровольно сложил с себя обязанности командующего польской армией еще 17 (29) ноября 1830 г., то есть в первый день восстания¹⁸⁶⁴, отказался действовать против мятежников, покинул город, а затем отпустил лояльные ему польские войска. Если попытаться проанализировать решение, которое принял Константин Павлович и которое впоследствии так активно обсуждалось и порицалось¹⁸⁶⁵, то становится понятно, что, несмотря на угрозу его собственной жизни, пережитый страх и, наконец, знания и навыки профессионального военного, участвовавшего еще в суворовских походах, великий князь просто не смог выйти из привычной для него парадигмы. Политическая субъектность Польши была для него неоспорима, а все события первых дней мятежа он расценивал как своего рода гражданскую войну между поляками, придерживающимися разных

¹⁸⁶³ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 32 Л. 5 об. — 6. Согласно Конституции, правом созыва представительства был наделен только монарх. Действия восставших по созыву сейма стали впоследствии предметом отдельного расследования в Петербурге (Там же. Д. 34. Л. 2–2 об.).

¹⁸⁶⁴ Там же. Д. 32. Л. 1 об.

¹⁸⁶⁵ См., например: *Вульф А.Н.* Дневник, 1828–1831 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1915. Вып. 21/22. С. 148. А.Х. Бенкендорф сопровождал свои рассуждения о том, как повел себя великий князь при начале восстания, фразой «Так окончилось правление великого князя», сравнив бегство Константина с падением монарха (*Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 463).

политических позиций. При этом главной опасностью, от которой Польшу надлежало спасать, являлась угроза быть истребленной русскими войсками. Идентифицировавший себя с Польшей великий князь оказался в ловушке. В разразившейся войне для одной из сторон он был врагом, для другой — глупцом, а быть может, даже трусом, неспособным в нужный момент на решительные действия¹⁸⁶⁶. Между тем в данном случае цесаревич лишь следовал установкам, которые были созданы его старшим братом и которые, не в последнюю очередь, закреплялись и продвигались им самим.

Возглавивший русскую армию в Польской кампании И.И. Дибич, столь пораженный рассуждениями и действиями Константина Павловича в начале восстания¹⁸⁶⁷, оказался в схожей ситуации. После сражения при Грохове он отказался от наступления на Варшаву и, потеряв время, отдал инициативу противнику, затянув войну на долгие месяцы.

Принято думать, что колебания Дибича были связаны с влиянием великого князя Константина, находившегося тогда при армии и уверившего главнокомандующего, что Варшава сдастся сама¹⁸⁶⁸. Военные историки указывают, что, взяв передышку после Грохова и позволив польским войскам укрыться в пригороде Варшавы, И.И. Дибич обнаружил, что имеющиеся в его распоряжении ресурсы крайне скудны¹⁸⁶⁹. Промедление Дибича стало предметом обсуждения в Петербурге¹⁸⁷⁰. Император писал И.И. Дибичу письма, которые в полной мере отражали его возмущение действиями фельдмаршала: «Правду сказать, я не знаю более ни того, что вы делаете, ни того, что происходит в вас, и готов поспорить, что этого не поймет кто бы то

¹⁸⁶⁶ Известно, что в первые дни после произошедшего Константина Павловича, который остановился с войсками возле Варшавы, уговаривали вернуться в город (*Пржецлавский О.А.* Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий. Т. XXII. С. 67).

¹⁸⁶⁷ *Военский К.А.* Император Николай и Польша в 1830 году. С. 136.

¹⁸⁶⁸ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 469.

¹⁸⁶⁹ В артиллерии оставалось всего 5 тыс. снарядов (*Зеланд А.Л.* Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831. С. 522).

¹⁸⁷⁰ П.Г. Дивов записал в своем «Дневнике»: «Быть может, фельдмаршал Дибич боялся скомпрометировать свою боевую славу или не был вполне уверен в своих войсках; как бы то ни было, кажется, он слишком щадил свои силы и вследствие этого не мог нанести неприятелю решительного удара» (*Дивов П.Г.* Из дневника П.Г. Дивова (1831 г.). № 12. С. 523).

ни было... Ваша *постоянная нерешительность*, марши и контрмарши могут только истощать и убивать армию; она должна потерять всякое доверие к своему вождю... Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды в своих решениях, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смелым и блестящим подвигом доказать Европе, что русская армия неизменно та же, какую дважды она была в Париже»¹⁸⁷¹. Император призывал фельдмаршала вспомнить 1812 г., однако со времен, когда враг был только врагом, прошло почти два десятилетия.

И.Ф. Паскевич, занявший место скончавшегося во время Польской кампании И.И. Дибича, подвергся похожей критике. Его оппонентом стал, в частности, генерал К.Ф. Толь, начальник штаба И.И. Дибича, короткое время командовавший армией до приезда Паскевича¹⁸⁷². Генерал Толь оставил о своей службе под началом нового главнокомандующего подробный «Журнал». Последний стал впоследствии основой текста генерал-лейтенанта Л.И. Зеддлера, и Паскевичу позднее пришлось отвечать на адресованные ему нелестные замечания¹⁸⁷³.

В нашем случае интересно не только то, что Толь поставил под сомнение военные навыки Паскевича¹⁸⁷⁴, но и тот факт, что основанием для таких сомнений стало отношение князя к польской армии и связанная с этим, по словам генерала, «оборонительная» система ведения войны¹⁸⁷⁵. Толь описал суть взглядов Паскевича следующим образом: «Из всех действий фельдмаршала видно... что он ни к кому из наших генералов... к войскам нашим доверенности не имел, напротив, *неприятеля боится более огня*,

¹⁸⁷¹ Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 343.

¹⁸⁷² А. Кривопапов полагает, что история взаимоотношений И.Ф. Паскевича и К.Ф. Толя началась с профессиональных разногласий, но перешла в плоскость личной неприязни (Кривопапов А. «К одним привычкам, в других нужда...» Фельдмаршал Паскевич глазами современников // Родина. 2003. № 3. С. 50).

¹⁸⁷³ Сохранился постраничный разбор текста Зеддлера, который сделал И.Ф. Паскевич (РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 272. Л. 7–37).

¹⁸⁷⁴ Описывая собственные чувства после одного из разговоров с Паскевичем, генерал Толь пишет: «Боже мой! Сей человек достигнув и высоких чинов, и почестей, и находившись в кругу столь важных событий, не приобрел лучших понятий о войне, что из сего будет» (Там же. Д. 268. Л. 4).

¹⁸⁷⁵ Там же. Л. 26 об.

*предполагая в нем военные способности*¹⁸⁷⁶. В какой-то момент «нерешительность и боязнь фельдмаршала»¹⁸⁷⁷ перед польскими войсками стала главной темой «Журнала». Толь писал, что Паскевич, находясь в беспрестанном волнении, изнурял солдат внушением тревоги относительно возможного и едва ли не неизбежного нападения: «Везде видит, что неприятель его обходит, хотя бы он был вдвое слабее нас. *Всегда предполагает он неприятеля и быстрее и предприимчивее* и для того боится беспрестанных атак с его стороны. Боже избави нас от малейшей неудачи, ибо я уверен, что фельдмаршал так потеряется, что прикажет отступить армии опять за Вислу»¹⁸⁷⁸. Толь указывал, что такое поведение не согласовывалось «ни с обстоятельствами, ни с духом... войск»¹⁸⁷⁹.

Записи Толя, что примечательно, касались и вопроса снабжения русской армии на территории восставшей Польши. Генерал с возмущением описал отказ И.Ф. Паскевича проводить реквизиции на землях мятежников летом 1831 г.: «Рано поутру пришедши с докладом по делам, я воспользовался, чтобы доложить фельдмаршалу о следующем. Ваша светлость изволили мне вчера говорить, что у нас на 27 дней будет с собою продовольствия, а генерал-интендант уверяет меня, что армия обеспечена только по 1-е августа, ибо подвозные способы у нас очень скудны, и я, приказав сделать дежурному генералу расчет, нахожу, что подойдя к Варшаве, мы будем находиться в 12 маршах от пункта главных складов наших, так что я сомневаюсь, чтобы генерал-интендант имел способы к доставлению своевременно продовольствия к армии. “Это правда, — отвечал фельдмаршал, — способы провоза скудны, но придя в Лович, мы устроим оные... а если будет недостаточно, то отойду я пожалуй назад, хотя бы к Ковалю и далее ибо армия с голоду умереть не должна”. При сем заключении меня как водою облило. Как, думал я, мы пришли для того сюда, чтобы есть наш хлеб, который за

¹⁸⁷⁶ Там же. Л. 19.

¹⁸⁷⁷ Там же. Л. 34 об.

¹⁸⁷⁸ Там же. Л. 45.

¹⁸⁷⁹ Там же. Л. 54 об.

собою привезли, а потом идти опять назад. После сего я уже ничего не мог сказать, как только надобно Варшаву взять! Нет, отвечал фельдмаршал, с 40 тысячами пехоты не возьмет никто Варшавы»¹⁸⁸⁰.

Очевидно, что начало полномасштабного столкновения стало сигналом к отказу от прежде табуированных нарративов и возврату к риторике вражды. Российская сторона обращалась к памяти об Отечественной войне 1812 г. и — шире — памяти об исторических столкновениях в целом, переописывая Польшу как территорию вне рамок политической субъектности (пространство, завоеванное силой русского оружия, извечный враг). Восставшие в это же время активно вспоминали период собственного триумфа — взятие Смоленска и Москвы и присягу московского царя Василия Шуйского Сигизмунду III в начале XVII в.

Вместе с тем александровская, а затем и николаевская идеологема мира в регионе, которая зиждилась на забвении и необходимости поддержания нового единства всеми возможными способами, продемонстрировала явную устойчивость. При резкой смене политического вектора отказаться от этих установок было непросто даже военным. Образы независимой в своих суждениях Польши, ее храброй и боеспособной армии, ее территории, которая безотносительно происходящих событий не должна пострадать ни экономически, ни ментально, в известной степени определили действия великого князя Константина Павловича и двух командующих русской армией в 1830–1831 гг. В этот период психология войны и психология мира буквально находились в состоянии острого столкновения.

8.4. Реконструкция нарратива примирения

В своих «Воспоминаниях», написанных во второй половине 1830-х гг., генерал А.Х. Бенкендорф так описывал взятие Варшавы и восторг Петербурга, когда новость достигла столицы: «Во главе гвардии первым в этот город (Варшаву. — *Прим. авт.*), из которого бунт изгнал императора, вошел великий

¹⁸⁸⁰ Там же. Л. 22–22 об.

князь Михаил. Его отряд отличался красотой выправки и дисциплинированностью, свойственными гвардии в Петербурге. В город вошли все основные силы гвардии, и это возвращение всевластия государя не сопровождалось ни малейшими проявлениями беспорядка или насилия. В тот же день открылись магазины, и люди свободно прогуливались на улицах того самого города, который еще вчера сотряслся от артиллерийской канонады. Генерал-губернатором Варшавы маршал назначил графа Витта, он сформировал временное правительство и направил к императору князя Суворова с рапортом *об этом величайшем примирении...* Можно только догадываться, с каким нетерпением император ожидал последующих сообщений, и в каком беспокойстве были все те, кто знал об этих первых сообщениях. Санитарный кордон вокруг Царского села задержал Суворова на некотором расстоянии от места пребывания императора, который прибыл туда и лично привез Суворова во дворец. Там он воздал благодарность Богу, что было всегда его первым побуждением, уже через несколько минут дворец наполнился людьми, и радость охватила всех вокруг»¹⁸⁸¹.

6 октября 1831 г. Петербург праздновал победу торжественным парадом и молебствием на Марсовом поле. Император писал И.Ф. Паскевичу: «Помолившись сегодня утром Богу и воздав Ему за благодеяния Его, обращаюсь вторично к тебе, мой любезный Иван Федорович, как виновнику сегодняшнего торжества, именем моим и от лица благодарного отечества: спасибо, от глубины души спасибо! Смотр и вся церемония были прекрасны; войска было 19 000 при 84 орудиях, погода прекрасная и вид чрезвычайный»¹⁸⁸². Реакция на последующие победоносные действия русской армии, по словам Бенкендорфа, была также исключительной — «все были вне себя от радости»¹⁸⁸³. В письме Паскевичу от 18 октября 1831 г. о получении ключей от одной из наиболее значимых крепостей император писал:

¹⁸⁸¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 497–498.

¹⁸⁸² Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 376.

¹⁸⁸³ Там же. Т. 2. С. 375.

«Замечательно, что ключи Модлина ко мне направлены... Сказать восторг жителей Москвы невозможно»¹⁸⁸⁴.

Император лукавил — такие ощущения, конечно, испытывали далеко не все. И речь идет вовсе не о проигравшей стороне или представителях русского общества, сочувствовавших восставшим или опасавшихся изменения отношения к России со стороны Европы¹⁸⁸⁵. В качестве примера можно обратиться к воспоминаниям участника взятия Варшавы офицера лейб-гвардии Финляндского полка П.Е. Заварицкого. Двадцатидвухлетний офицер оставил интересное (особенно для истории эмоций) и неожиданное описание собственного психологического состояния: «Наш полк первым вошел в Варшаву, сзади нас егеря, а там лейб-гренадеры, *без торжества, без музыки, знамена в чехлах...* 48 часов было дано войску (польской армии. — *Прим. авт.*) на свободный выход из Варшавы, польские солдаты ходили в Прагу из Праги... Досадно было смотреть на эти гордо-подлые лица офицеров, которые бренча саблями проходили и проезжали мимо нас, с некоторыми говорили мы, с какою злобою было говорено каждое их слово, многие из них проходили мимо Великого князя, не отдавая никакой чести и смотрели с пренебрежением, *досадно было смотреть, сердце было не на месте, каждый солдат горел местию*. Краковецкий¹⁸⁸⁶ с двумя адъютантами стоял около нашего полка, пьяная толпа стояла с оружием у Праги и не хотела пускать нас»¹⁸⁸⁷.

В приведенном выше тексте реакция проигравших и вынужденных сдать город поляков не нуждается в комментарии. Реакция Заварицкого, напротив, оказывается неочевидной и требует разбора. Офицер описывает момент,

¹⁸⁸⁴ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 34. Л. 2.

¹⁸⁸⁵ Одним из тех, кто воспринял подавление восстания в Польше как трагическую ошибку, был П.А. Вяземский, который в своих текстах много писал о соотносении Польши с Европой: «Наши действия в Польше откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского» (*Вяземский П.А. Записные книжки* (1813–1848). С. 213). Придерживавшийся других политических воззрений В.А. Жуковский также полагал, что уничтожение Польши, на которое империи дает право «победа и сила», будет ошибкой. Поэт рассуждал так: «...уничтожив Польшу, мы вооружим против себя всю Европу и самых близких соседей своих; мы... приобретем таких подданных, которые останутся вечными врагами нашими» (*Жуковский В.А. Дневники* 1831 г. // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 315).

¹⁸⁸⁶ Ян Круковецкий — генерал-губернатор Варшавы в период восстания.

¹⁸⁸⁷ *Заварицкий П.* «Наш полк первым вошел в Варшаву...». С. 96.

который в рамках официального нарратива является абсолютным триумфом. Именно это событие — покорение Варшавы, а значит, и всей Польши — наполняет Зимний дворец радостной толпой и приводит в восторг Москву. Однако он, свидетель произошедшего, говорит о состоянии, которое никак не соотносится с описанным выше эмоциональным режимом. Заварицкий указывает, что Финляндский полк вошел в столицу Царства Польского «без торжества», говорит о «досаде» и желании «мести»¹⁸⁸⁸ и, что особенно примечательно, прямо фиксирует установку на подавление собственных реакций. Это разительно отличается от позиции поляков — его вчерашних врагов. Они не боятся агрессивного проявления эмоций и демонстрируют открытое нежелание признавать статус произошедшего события. Надменность проигравших здесь оказывается противопоставленной подавленности и униженности победителей. Если удалить из процитированного отрывка детали, позволяющие соотнести стороны, то можно обнаружить, что зафиксированное Заварицким состояние в рамках социального опыта присуще не победителям, а побежденным. Отметим, что перед штурмом Варшавы молодой офицер ощущал себя совершенно иначе и речь отнюдь не шла о сомнениях или смешанных чувствах: «Взошло солнце — друзья, это солнце Бородинской битвы, так же величественно оно в этот день освещало беспримерную битву и одарило оружие наше вечною, как свет солнца, славою, и теперь оно играет на штыках наших и еще озарит, может быть, кровавую битву»¹⁸⁸⁹.

Риторика, к которой апеллировал П.Е. Заварицкий перед решающей битвой, оказалась ненужной буквально в первые минуты мира. Офицер зафиксировал ощущение, что его воспоминания и аллюзии, будь то рассказ о М.И. Кутузове и Бородино в 1812 г. или А.В. Суворове и взятии Праги в 1794 г., стали неуместными сразу по окончании сражения. Действительно, теперь

¹⁸⁸⁸ В ходе штурма Варшавы русская армия потеряла 539 офицеров и 10 005 солдат (*Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. С. 74*).

¹⁸⁸⁹ *Заварицкий П.* «Наш полк первым вошел в Варшаву...» С. 94.

на первый план должно было выводить мирный нарратив, в основе которого лежал образ прощения и примирения. Маргинализация того, что было актуально еще несколько дней или даже часов назад, делало достигнутую победу странной и неочевидной, превращая ее в событие, которое требовалось поскорее отодвинуть в сторону. Неудивительно потому, что оставаться в только что взятом городе офицеру было «досадно» и «сердце было не на месте».

После подавления восстания император Николай I приказал вывезти из Польши регалии и символы власти, а также портреты польских королей, которые украшали Варшавский замок, включая Мраморный и Рыцарский залы, а также Кабинет европейских монархов¹⁸⁹⁰. Из столицы Царства в Россию были отправлены две пары тронов, которые использовались во время коронации 1829 г.¹⁸⁹¹, ковчег с александровской Конституцией, множество польских армейских знамен. Эмиссары монарха активно искали шпагу и шарф Т. Костюшко, переквалифицированные в «революционные вещи»¹⁸⁹².

Значительная часть вывезенных предметов составила экспозицию Оружейной палаты в Москве. Польские вещи выставляли как трофеи. Так, в одном из залов у портрета Александра I установили бронзовый ковчег с Конституцией 1815 г., захваченные знамена и ключи от ряда польских крепостей¹⁸⁹³. Если следовать логике расположения предметов, Николай I посвящал победу над восставшей Польшей Александру I. Брошенная под ноги Александра Конституционная хартия символически подводила черту и под

¹⁸⁹⁰ Лилейко Е. Варшавский замок. С. 72.

¹⁸⁹¹ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. С. 81–82.

¹⁸⁹² РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 36. Л. 1–1 об.; Д. 53. Л. 1–1 об. О вещах, доставленных из Польши, см. также: Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. С. 254.

¹⁸⁹³ Центральный зал этого первого здания палаты, сооруженного в конце 1800-х гг. у Троицких ворот Кремля, представлял собой экспозицию, состоявшую из портретов российских монархов. Под каждым изображением был помещен тот или иной исторический предмет, призванный засвидетельствовать славные деяния монарха. Так, под изображениями царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича находились арматуры «из лат и прочих вещей, принадлежавших их величествам»; под портретом Петра I — захваченные во время Полтавского боя носилки Карла XII; под портретом Екатерины II — ключи от взятых турецких крепостей. Под портретом Александра I, кроме польских знамен и ковчега с Конституцией 1815 г., находилась также захваченная постель Наполеона (Чубинская В.Г. Светская живопись в Оружейной палате XIX века и ее роль в формировании программы дворцового музея // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Отв. ред. Н.С. Владимирская. М., 2002. С. 63).

войной 1812 г. По поводу этого жеста Николай написал И.Ф. Паскевичу известную сентенцию: «Я получил ковчег с покойницей конституцией, за которую благодарю весьма, она изволит покоиться в Оружейной палате»¹⁸⁹⁴. Логика императора в этом отношении была достаточно точна: новый — музейный — статус Конституции подчеркивал ее соотнесенность с чем-то, что больше не являлось актуальным и отошло в прошлое¹⁸⁹⁵.

Военные историки, занимающиеся этим периодом, традиционно вспоминают также николаевское «переворачивание» назначения польского военного ордена «*Virtuti militari*», который из награды мятежников превратился волей императора в знак отличия для участников подавления восстания¹⁸⁹⁶. Отмечается и то, что включение в 1831 г. в российскую орденскую систему польских орденов Белого Орла и Св. Станислава сопровождалось аналогичным символическим жестом: Николай I активно награждал знаками этих орденов отличившихся при подавлении мятежа. Отметим, между прочим, продвигая свои идеи и иницилируя символические жесты такого рода, Николаю приходилось сопротивляться собственным высшим чиновникам. Об этом свидетельствуют документы Особого комитета, занимавшегося вопросом включения польских орденов в российскую орденскую систему. Комитет, в состав которого входили В.П. Кочубей, И.В. Васильчиков, А.Н. Голицын, К.В. Нессельроде, Е.Ф. Канкрин и Д.Н. Блудов, предлагал монарху воздержаться от включения Белого Орла и Св. Станислава в состав российских орденов. Объяснение сводилось к тому, что эта мера произведет негативное впечатление «не только на поляков, но и на державы иностранные»¹⁸⁹⁷.

¹⁸⁹⁴ Капустина Т.А. Николай I. С. 43.

¹⁸⁹⁵ Польские троны экспонировались позднее в Коронном зале нового здания Оружейной палаты. К концу XIX столетия, однако, «польская тема» перестала вызывать прежний интерес. Показателен проект изменения экспозиции Коронного зала, разработанный архитектором Московского дворцового ведомства В.П. Загорским в 1880–1890 гг. Проект Загорского предполагал реализацию новой системы экспонирования, при этом из зала планировалось убрать польские троны (Российские императоры и Оружейная палата / Сост. С.А. Амелехина, Е.А. Моршакова. М.: Художник и книга, 2006. С. 255).

¹⁸⁹⁶ Шишов А.В. Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич. «Отец-командир» Николая I. С. 223.

¹⁸⁹⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 312. Л. 4–6.

Имея в виду последнюю историю, стоит сказать, что император оказался унтер-офицерской вдовой, которая выпорола сама себя, ведь после принятого им решения польские ордена фактически составили от четверти до трети всего наградного фонда Российской империи. В рамках общественных представлений о наградах, доступных «простому смертному», династический орден Св. Андрея Первозванного и женский орден Св. Екатерины в расчет не брались, и открывавшиеся возможности ограничивались лишь Св. Георгием (также совершенно недоступным для гражданских чиновников), Владимиром, Александром Невским, Белым Орлом, Анной и Святославом.

В первой половине 1830-х гг. в Варшаве была выстроена Александровская цитадель. Стоя у стен крепости в 1835 г., император Николай произнес известные слова: «По велению моему воздвигается здесь цитадель и я вам объявляю, что при малейшем возмущении, я прикажу разгромить Варшаву и, уж, конечно, я не отстрою ее заново»¹⁸⁹⁸.

Вместе с тем важно понимать, что за всеми этими эмоциональными всплесками, символическими жестами и декларативными заявлениями пережившего, без сомнения, тяжелый удар Николая I стояла прежняя стратегия прощения. В первые дни после взятия Варшавы правительство развернуло активную пропаганду, направленную на умиротворение жителей и сообщавшую последним, что монарх простирает «благоволение свое и попечительность о благе даже заблудшихся»¹⁸⁹⁹. Чтобы прекратить распространение слухов о будущих казнях мятежников, И.Ф. Паскевич опубликовал воззвание, в котором обращался к полякам патетически, но вполне в соответствии с риторикой мира: «Обращаюсь к вам, жители Варшавы! Как могли вы дать веру таким нелепостям? — Правительство Русское и особенно Владыки им управляющие не показали ли вам многие примеры не токмо великодушия, но и дружеского участия; — Кто освободил

¹⁸⁹⁸ *Полиевктов М.А.* Николай I: Биография и обзор царствования. С. 141. По другим источникам, император выбрал еще более выразительную формулировку: «...я прикажу распахать Варшаву».

¹⁸⁹⁹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 38. Л. 1 об.

любимого вождя вашего, Костюшку из справедливого плена? — Владыко Русской! — Кто возвратил вам имя Польши? — Владыко Русской! — Кто обещал вам продолжать начатое ваше бытие политическое? — Нынешний Владыко России! — Цветущее положение земли вашей в последних пятнадцати прошедших годах дошло до такой степени как оно никогда не было; Кому вы оным обязаны — Попечению Владык Русских! Наконец великодушное и примерное обхождение победоносных войск предводительствуемой мною Армии, при взятии города вашего штурмом, — должно вам достаточно показать, что постоянное и твердое Правительство никогда не дойдет к таковым низким мерам мщения, чтобы (как гласят вам люди недостойные) хладнокровно и обдуманно приготовить нападение на обезоруженных и спокойных жителей»¹⁹⁰⁰.

В этом интереснейшем тексте обращают на себя внимание сразу несколько позиций. Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что фельдмаршал выстроил нетипичную для политической риторики того периода линию преемственности — Павел I, Александр I, Николай I. Логика таких рассуждений, скорее всего, имела в виду интересы адресата этого обращения. Павел I оказывался здесь необходим как император, освободивший Т. Костюшко. При этом в воззвании акцент был сделан на факте освобождения, то есть проявления милости к мятежнику. Интересна фраза Паскевича о том, что правительство не стремится «хладнокровно и обдуманно приготовить нападение на обезоруженных и спокойных жителей». Описание такой «мести» можно расценить как отсылку к Варшавской заутрени 1794 г., когда, как уже упоминалось, поляки истребили во время пасхального богослужения русский гарнизон в несколько тысяч человек. Очевидно, так фельдмаршал, теперь уже Светлейший князь Варшавский, стремился убедить жителей, что второй Варшавской заутрени, направленной против поляков, не произойдет. Интересно, что Паскевич вспомнил и уже мало кому интересную

¹⁹⁰⁰ Там же. Д. 55. Л. 102–103.

на тот момент варшавскую коронацию Николая («Кто обещал вам продолжать начатое ваше бытие политическое? — Нынешний Владыко России!»).

С течением времени разговор об «успокоении» обрел черты узнаваемого александровского нарратива примирения, прощения и забвения. Помимо очевидных установок официальной риторики (например, формулировка А.Х. Бенкендорфа о том, что капитуляция Варшавы стала «величайшем примирением»¹⁹⁰¹) появлялись вариации, носившие куда менее прямолинейный характер. Так, П.А. Вяземский репродуцировал на новом уровне идею славянского братства. Он писал М.Ф. Орлову: «Как ни морщись, а подай искреннюю руку братства народу, с коим сродство наше уже непреложно; сродство благоденствия или бедствий, — одну чашу пить нам; не станем мутить ее друг другу и подкидывать яд»¹⁹⁰². В тексте поэта славянская общность представлена как объективно существующая и определяющая главные позиции. В рамках такой трактовки противостояние русских и поляков оказывается хотя и неуничтожимым, но бездумно-бессмысленным. В других материалах установка на примирение была представлена «от противного». Так, А.С. Пушкин писал Е.М. Хитрово: «Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их»¹⁹⁰³. Отметим, что подобное объяснение — замещение ненависти жалостью с привлечением отсылок к категориям мощи (в том числе и территориальной) для описания необходимого эмоционального режима — также часто повторяется в источниках этого периода.

Примечательно и то, что процитированные выше слова Николая у стен построенной после восстания Александровской цитадели, в которой император угрожал Варшаве «разгромом», сопровождались формулировкой «и, уж, конечно, я не отстрою ее заново»¹⁹⁰⁴. Было ли неизвестно откуда появившееся дополнение к прямой угрозе свидетельством имевшихся у

¹⁹⁰¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 497.

¹⁹⁰² Селевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 280.

¹⁹⁰³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 14. С. 134, 422.

¹⁹⁰⁴ Политевков М.А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 141.

монарха сомнений? Интересно, что несколькими годами ранее П.А. Вяземский, фиксируя в своем «Дневнике» резкие критические замечания относительно пушкинских текстов, записал: «Смешно, когда Пушкин хвастается, что “мы не сожжем Варшавы их”. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее»¹⁹⁰⁵. Поэт, придерживавшийся в отношении подавления восстания установок диаметрально противоположных властным, чутко уловил суть выстроенной дуальной модели взаимоотношений, в основании которой лежала связка разрушение—восстановление.

После подавления восстания по вводимому в Царстве «Органическому статуту» (1832 г.) польский сейм и польская армия перестали существовать. При этом, как отмечается в историографии, в Царстве сохранился целый ряд учреждений, институций и практик (Государственный совет, Польский банк, таможенная граница), а правительство не перешло к разворачиванию в крае активной русификации (в том числе посредством раздачи поместий и переселения крестьянского населения)¹⁹⁰⁶.

Существенно, что «Органический статут» не уничтожал коронование монарха как польского короля. Согласно статье 3 этого документа, «Коронование Императоров Всероссийских, Царей Польских, заключается в одном и том же священном обряде, который будет совершаем в Москве, в присутствии Депутатов Царства Польского, призываемых к участию в сем торжестве»¹⁹⁰⁷. По сути, Николай I не нашел возможности просто перечеркнуть александровское установление. Даже после бунта поляки оставались, по точному определению Н.М. Карамзина, в утвержденном законом «достоинстве особенного державного народа»¹⁹⁰⁸.

¹⁹⁰⁵ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). С. 215.

¹⁹⁰⁶ Ващенко А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). С. 81; Горизонтов Л.Е. Помещик или мужик? Русское землевладение в стратегии решения польского вопроса. // Сб. Имперский строй России в региональном измерении (XIX — нач. XX вв.), М., 1997, С. 93–96.

¹⁹⁰⁷ ПСЗ. Собрание 2. Т. 7. № 5165. С. 84.

¹⁹⁰⁸ Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 438. В историографии также существуют указания на то, что после восстания польская автономия была существенно ограничена, но не отменена. См., например: *Rużyska I. Stosunek establishmentu Cesarstwa Rosyjskiego do*

В мае 1831 г. в Петербург прибыла делегация Царства Польского. По этому случаю в Зимнем дворце были собраны представители военного и гражданского корпуса империи — генералы и адмиралы, штаб- и обер-офицеры гвардии, сухопутный и морской штаб, сенаторы, гражданские чины первых четырех классов, а также придворные¹⁹⁰⁹. Дамы были одеты в «русское платье»¹⁹¹⁰. «Старший депутат» произнес речь, в которой выражал монарху «верноподданнейшую благодарность за Всемиловитейшее всепрощение и за оказанные Царству милости»¹⁹¹¹. Важные для позиционирования власти Романовых в Царстве риторические структуры «прощение» и «благодарность» сошлись наконец воедино. Чтобы обрести благодарность за прощение, потребовалась, впрочем, директивная установка со стороны императора, а пространством, в котором все присутствующие смогли обнаружить столь вожденную гармонию, стал Зимний дворец. Нарратив взаимодействия с Польшей усложнялся, но не менялся.

Весной 1832 г. в Польшу начали возвращаться уроженцы Царства, высланные во внутренние губернии империи в период восстания¹⁹¹². Прощенных отправляли на запад «на счет доходов Царства Польского»¹⁹¹³, в казне которого после длительного военного противостояния с Россией денег не было. А значит, «капитальный долг» Царства перед Российской империей продолжал расти.

Królestwa Polskiego przed powstaniem listopadowym 1830–1831 i po nim // Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. S. 185.

¹⁹⁰⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 72. Л. 14–14 об.

¹⁹¹⁰ Там же. Л. 19. Ношение русского платья при дворе стало обязательным двумя годами позднее, согласно указу 1834 г. Однако отсылки к русскому стилю в связи с военными победами, в том числе в одежде, можно обнаружить еще во второй половине XVIII столетия (*Бордэриу К.* Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 22; *Boltunova E.* War, Peace, and Territory in Late Eighteenth-Century Russian Outdoor Performances // *Theater as Metaphor* / Ed. by E. Penskaya, J. Küpper. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 137–138).

¹⁹¹¹ Речь была произнесена на польском языке. Сохранившийся церемониал не зафиксировал, на каком языке прочел ответ министр внутренних дел — на французском или русском (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 72. Л. 14 об.).

¹⁹¹² *Морозов С.В.* Отзвуки «Ноябрьского» восстания и польско-русской войны (1830–1831 гг.) в документах ЦГИА СПб // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 247, 250.

¹⁹¹³ РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 43. Показательно, что генералам польской службы, замешанным в восстании и сосланным во внутренние российские губернии, по приказу императора Николая I платили содержание «по тем чинам, какие они имели до возмущения» (Там же. Л. 38).

После восстания Николай не посещал Варшаву несколько лет. Приехав в столицу Царства Польского в 1835 г., он произнес пред пришедшими приветствовать его депутатами упомянутую выше эмоциональную речь, в которой укорял их в неблагодарности и нарушении клятвы верности¹⁹¹⁴. Император вновь говорил со своими поляками; он описывал новые — по своей глубинной сути старые — принципы отношений между поляками и империей. Все действо было организовано в имении Лазенки недалеко от столицы, откуда несколькими годами ранее бежал ноябрьской ночью едва избежавший убийства великий князь Константин Павлович. В честь приезда монарха Варшава была ярко иллюминирована, а городские здания украшал, как и прежде, вензель «М» — Миколай.

Подавление восстания было ознаменовано серией символических жестов и декларативных заявлений со стороны монарха. Их целью был символическое унижение Польши. Однако актуальной стала стратегия, выработанная еще в середине 1810-х гг. — политическая риторика была развернута в сторону умиротворения и попечения «даже заблудшихся»¹⁹¹⁵. С течением времени разговор об «успокоении» обрел черты узнаваемого александровского нарратива примирения, прощения и забвения.

В целом, можно констатировать, что польское восстание 1830–1831 гг., как крайняя форма проявления политической субъектности, оказалось связано с политикой, проводившейся Александром I и Николаем I в Царстве Польском в предшествующие полтора десятилетия. В литературе существует мнение, что коронация Николая I как польского короля в 1829 г., оказавшись успешной, вместе с тем не смогла предотвратить разворачивание катастрофических событий 1830–1831 гг.¹⁹¹⁶. Очевидно, следует говорить об ином прочтении: варшавская коронация стала одной из наиболее знаковых форм признания польской политической субъектности и, в этом смысле, она

¹⁹¹⁴ См. Приложения.

¹⁹¹⁵ РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 38. Л. 1 об.

¹⁹¹⁶ *Getka-Kenig M.* Splendor a legitymacja władzy w konstytucyjnym Królestwie Polskim – warszawskie uroczystości koronacyjne Mikołaja I w 1829 rok. S. 264.

послужила триггером к началу польского восстания. Это был успех, который подтолкнул к катастрофе.

Существенно, что ряд установок, выработанных до восстания, не был демонтирован после его подавления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашем исследовании мы рассмотрели ключевые установки в отношении Царства Польского, сформировавшиеся у российской политической элиты первой трети XIX столетия. При этом был проанализирован вопрос о специфике подобных установок, а также практик, задействованных в их продвижении, по отношению к системе норм, принятой на остальной территории Российской империи; рассмотрена степень общественной узнаваемости существовавших различий.

В процессе работы были также изучены нарративы, транслировавшиеся имперскими властями в Царстве Польском, и символы, содействовавшие продвижению указанной нарративной стратегии. Нам удалось исследовать степень преемственности установок, нарративов и символических форм, актуализированных и/или задействованных в связи с выстраиванием политики Российской империи в Царстве Польском при переходе власти от Александра I к Николаю I.

Указанные выше позиции были интерпретированы, во-первых, на примере ключевой для институционализации российской власти в Царстве Польском коронации Николая I как польского короля (1829 г.) и серии торжеств, организованных в Варшаве по случаю состоявшейся церемонии (въезд в город, народное гуляние в Уяздове, коронационный обед, постановка оперы «Сесилия Пешнаская» и т.д.), во-вторых, в связи с выбором для реализации в Царстве Польском ряда коммеморативных программ и стратегий, включая проекты, направленные на забвение исторических событий XVII — начала XIX вв.

Анализ с помощью выбранного теоретического инструментария архивных и опубликованных источников, отобранных в соответствии с указанными во Введении задачами, позволил сделать целый ряд выводов.

Во-первых, российская политика в Царстве Польском, ставшем частью Российской империи в 1815 г., вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. была развернута в сторону признания политической субъектности этих

территорий. Последнее было оформлено не только на уровне распространения (в символическом отношении — восстановления) существовавших здесь ранее конституционных норм и выстраивания самостоятельной административной системы. Установки такого рода активно продвигались в рамках общественного восприятия Царства Польского. Они реализовывались в том числе через признание права польских территорий на собственную и при этом официально разрешенную версию исторических событий XVII — начала XIX вв. При этом декларации политической субъектности Царства Польского в публичном пространстве могли принимать крайние формы, вплоть до указания на то, что Царство Польское является территорией, «возведенной в достоинство свободного и независимого государства»¹⁹¹⁷.

Существенное значение для утверждения субъектности Царства Польского имело и разворачивание экономической политики Российской империи на западных границах страны, а именно стратегия финансовой поддержки Царства, направленная на развитие указанной территории. Источники, отложившиеся в фонде Министерства финансов Российской империи, позволяют сделать вывод, что Александр I, а затем и Николай I осуществляли значительные финансовые вливания в восстановление и развитие Царства Польского¹⁹¹⁸. При этом процесс поиска ресурсов для поддержания экономики этой территории начался сразу после окончания Заграничных походов русской армии, т. е. еще до создания Царства Польского. В список расходов за этот период была включена и оплата жалования

¹⁹¹⁷ Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. P. 277–279. См. также Приложения.

¹⁹¹⁸ Ретроспективная оценка этого вопроса польской стороной была иной. Примечательно, что Рижский мирный договор (1921 г.), завершивший Советско-польскую войну 1919–1921 гг. и закрепивший переход под контроль Польши части территорий бывшей Российской империи, особым образом описывал военную контрибуцию, которую обязалась выплатить российская сторона. Польша, согласно договору, получала эти деньги за «активное участие земель Польской Республики в хозяйственной жизни бывшей Российской Империи». Таким образом, Советская Россия объявлялась правопреемницей Российской империи и должна была заплатить Польше за ее столетнее пребывание в составе страны (Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой (18 марта 1921 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. 3 / Под ред. Г.А. Белова. М.: Политическая литература, 1959. С. 633. Об этом см. также.: Boltunova E. Pamięć o wydarzeniach z historii stosunków polsko-rosyjskich. Kształtowanie bieżącej polityki ZSRR w latach dwudziestych XX w. na podstawie materiałów Biura Politycznego KC WKP(b) // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / Red. E. Kowalczyk, K. Rokicki. Warszawa, 2019. S. 19–31.

польским наполеоновским солдатам и офицерам. Выплаты такого рода оформлялись как долг Царства Польского перед Российской империей, однако до начала восстания, несмотря на согласование суммы долга, его погашение польской стороной осуществлено не было.

В целом, анализ материалов, привлеченных к исследованию, позволяет констатировать, что в указанный период времени российские власти отказались от идеи интегрировать западные территории в состав империи как на административном, так и на экономическом и даже символическом уровнях.

Во-вторых, признание особости этой части империи было закреплено при помощи особой нарративной стратегии, развернутой имперскими властями в публичном пространстве и нашедшей свое отражение в императорских манифестах, речах (вкл. сеймовые речи российских монархов 1818, 1820, 1825 и 1830 гг.) и многочисленных символических акциях. Политическая субъектность Царства Польского нашла свое отражение в титулатуре, гербах и орденой системе Российской империи.

Ключевым обстоятельством следует признать тот факт, что транслируемые имперскими властями в Царстве Польском нарративы формировались в период после наполеоновских войн, в которых поляки принимали активное участие на стороне Франции. В послевоенный период (после создания Царства Польского) российские власти придерживались установки на реабилитацию бывших врагов и поиск оснований для постулирования нового единства внутри империи.

Итогом стало формирование и реактуализация ряда идеологем, к числу которых следует отнести концепцию «братских (соплеменных) народов». Последняя, по мысли ее создателей, должна была определить отношения двух наций безотносительно противоречий, разделявших их в прошлом. Российскому обществу был также предписан поведенческий шаблон, требовавший проявлять определенный набор эмоций в отношении Польши и

ее жителей — от неизменного указания на храбрость польских мужчин до преклонения перед красотой женщин.

Во-третьих, рассмотрение вопроса о содержании политических практик, реализованных в Царстве Польском в первые полтора десятилетия его существования, позволило установить, что политика России на этой территории носила беспрецедентный характер в сравнении с установками, принятыми в других регионах Российской империи. При этом речь идет о ключевых для легитимации власти событиях, таких как коронация и демонстрация сопричастности политической и культурной традиции конкретной территории (например, декларация императора Николая I о сопричастности наследию польских королей или исполнение великим князем Константином Павловичем должности депутата польского сейма).

Существенным представляется и тот факт, что формирование особой политической линии в отношении Царства со временем потребовало контроля за информационным потоком. Хотя информация о событиях, происходивших на западных границах империи, не носила закрытый характер, широкое распространение получила практика раздельного обращения к подданным Российской империи и Царства Польского: так, монаршие манифесты, обращенные к полякам, не имели хождения в империи. Наиболее показательными в этом отношении оказываются александровские манифесты о создании Царства Польского, один из которых был адресован подданным монарха в Российской империи¹⁹¹⁹, а другой — жителям Царства¹⁹²⁰.

Это обстоятельство привело к складыванию ситуации, при которой представления о сути и значении одного и того же явления или события в России и Царстве Польском существенно отличались друг от друга. Специфика информационного поля способствовала тому, что за пределами столиц политика российской власти в Польше не была осознана как особая, а

¹⁹¹⁹ ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 117–119.

¹⁹²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.; *Gazeta Warszawska*. 1815. № 49. S. 887–888.

ипостась российского монарха, являвшегося одновременно польским королем, была в значительной мере скрыта от глаз его подданных. Показательно, что во многих отношениях уникальный манифест императора Николая I с клятвой польской конституции, адресованный жителям Царства Польского, не был известен в империи¹⁹²¹.

В-четвертых, рассмотренные материалы указывают на преемственность между Александром I и Николаем I в отношении выстраивания российской политики в Царстве Польском. Признание политической субъектности указанной территории являлось основой политической стратегии российских императоров в первой трети XIX в. безотносительно политических взглядов каждого из монархов.

Личностные установки Александра I и Николая I относительно политического статуса польских территорий в составе империи серьезно разнились: Александр I был создателем новой, основанной на конституционных нормах автономии, тогда как Николай I не поддерживал решение брата и предшественника на престоле даровать Польше особые права. Вместе с тем, став императором и вплоть до восстания 1830–1831 гг., Николай I не только продолжил александровскую политическую линию в Царстве Польском (вкл. широкую экономическую поддержку этих территорий), но и существенно укрепил ее, приняв решение короноваться в Варшаве.

В-пятых, коронация Николая I как польского короля, реализованная в 1829 г. в столице Царства Польского, а также организованные по случаю церемонии торжества стали важным событием для позиционирования российской власти на этой территории. Император Николай I осуществил в католической Польше вторую в своей жизни коронацию. При этом монарх принял решения короноваться в Варшаве вопреки собственным представлениям и установкам, согласно которым он уже давно был помазанником божьим¹⁹²² и обладал властью над всей территорией империи.

¹⁹²¹ AGAD. F. 210. № 20. К. 15; Oginski M. Mémoires de Michel Oginski... Vol. 1. P. 315–316.

¹⁹²² Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; Фирсов С.Л. Император

Главные причины, по которым Николай решил возложить на себя корону Царства Польского, очевидно, лежали скорее в сфере ментальной, нежели практической. Рассмотрение источников, связанных с проведением коронации, позволяет утверждать, что объяснения иного порядка (идет ли речь о доктринерской установке вести себя в рамках заданных норм, необходимости чтить память императора Александра I, потребности избавиться от давления великого князя Константина Павловича или попытке помешать возможным (хотя и не подтвержденным в полной мере) планам Австрии короновать герцога Рейхштадтского) не позволяют выявить прямую закономерность. В этом случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать пределом прагматического объяснения, — событие по своему масштабу оказывается намного значительнее причин, которые его вызвали. Действия Николая I, сомневавшегося в необходимости такого ритуала и откладывавшего его три года, указывают на то, что проведение церемонии было главным образом продиктовано причинами, лежащими в сфере политической психологии российской власти и элиты начала XIX в. Император Николай согласился на проведение коронации, руководствуясь категориями долга, то есть определив для себя в дуальной модели «субъект» — «объект» вторую, объектную позицию, что, в свою очередь, было связано с восприятием Польши как европейского форпоста, отличного от всей остальной территории Российской империи и требующего особого отношения даже безотносительно личной позиции монарха.

Коронация Николая I 1829 г. в Варшаве как польского короля стала одной из наиболее репрезентативных форм проявления особого взгляда российской политической элиты на Польшу и границы своих действий в регионе. Варшавское действо воспринималось его российскими организаторами как попытка найти компромисс с Польшей, а избранная

Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 36–37.

логика построения церемонии предопределила пропольскую форму коронации.

В-шестых, признание политической субъектности Царства привело имперские власти к выбору в качестве актуальной стратегии памяти идею забвения русско-польских столкновений. При этом речь шла о столкновениях разных эпох, т. е. событиях, соотнесенных как с коммуникативной, так и с культурной памятью современников.

Провозглашая на польском сейме в 1818 г., что «забвение прошедшего могло произвести... возрождение» Польши¹⁹²³, император Александр I говорил об одном из важнейших принципов своей политики в регионе и в то же время указывал на недавнее участие поляков в войне против России в 1812 г. С вхождением Царства Польского в состав империи упоминания о военных столкновениях между Россией и Польшей властью не поощрялись, в то время как отсылки к концепции единства славянских народов, напротив, стали основанием для новой политической стратегии.

Источники свидетельствуют, что указанная стратегия памяти затронула не только события начала XIX столетия, но и русско-польское противостояние периода Смутного времени. При этом в последнем случае у России, как и у Польши, существовала своя традиция восприятия и оценки произошедшего, более того, русская и польская версии памяти выступали как конкурирующие. Существенно, что первые Романовы (цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Петр I) активно противодействовали польской версии событий начала XVII в., стремясь к уничтожению или, по крайней мере, изменению антимосковской топографии Варшавы.

Оказавшись в дни коронационных торжеств 1829 г. внутри пространства, воплощавшего триумф Польши над Московским царством в начале XVII в., Николай I, выбрал иную стратегию, в основании которой лежал отказ от подрыва польской версии памяти о событиях начала XVII в. В этом

¹⁹²³ Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. С. 612.

отношении решение не фиксироваться в момент нахождения в Варшаве на памяти о польской агрессии периода Смуты и эпизоде с унижением детронизированного Василия Шуйского в 1611 г. мало чем отличалось от стратегии умолчания в связи с действиями поляков на полях Отечественной войны 1812 г.

В целом, установка на забвение прежних столкновений, сформированная Александром I и поддержанная Николаем I, открыла возможность для создания и поддержания в Российской империи и в Царстве Польском разных, зачастую противоположных по своей сути трактовок истории. В Царстве существовали самостоятельные (по отношению к вариантам, распространенным в Российской империи) версии памяти о прежних войнах и конфликтах; более того, полякам не предписывалось учитывать версии, имевшие хождение в Российской империи. В целом, имперские власти отказались от распространения или промоутации в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории страны¹⁹²⁴.

Выбор политической линии, ориентированной на признание политической субъектности Царства Польского, определялся взглядом России на себя и собственное место в европейском пространстве. Усвоенная Петербургом в постпросвещенческий период парадигма, предписывавшая Российской империи маргинализированную позицию по отношению к Европе,

¹⁹²⁴ Показательна в этом отношении память о самой коронации 1829 г. После Советско-польской войны 1919–1921 гг. советская сторона возвратила Польше ценности, вывезенные с 1772 г., то есть с момента первого раздела, — знамена, штандарты, оружие, предметы искусства, библиотеки и архивы. Одна только Оружейная палата Московского Кремля вернула 226 предметов (Тугова Т. А. Директор Оружейной палаты Д.Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М., 2002. Вып. 14: Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 101). Многие из этих вещей проходили в описях по категории «трофеи императора Николая Павловича» (Вельтман А. Ф. Указ. соч. С. 253–254). Интересно, что Польша не выразила никакой заинтересованности в том, чтобы забрать цепь польского ордена Белого Орла, выполненную для коронации монарха в 1829 г. Это историческое событие, при взгляде из Польши, не имело равным счетом никакого отношения ни к прошлому, ни к настоящему, ни к будущему республики. Артефакт, указывавший на предпринятые Россией усилия по выстраиванию особых взаимоотношений с частью территории собственной империи, был никому не нужен.

делала политическую апроприацию земель, вошедших в состав империи на западе (то есть маркированных как европейские), крайне сложной задачей.

Проведенный анализ позволяет поставить вопрос об устойчивости (как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе) целого ряда задействованных стратегий. Так, источники демонстрируют, что ограничение автономии Царства Польского после подавления восстания 1830–1831 гг. не привело к предполагавшейся смене ряда позиций и установок. Более того, в российско-польских отношениях актуализация указанных стратегий и практик (включая установку на забвение прежних столкновений и отказ продвижения российского взгляда на произошедшие события) может быть зафиксирована в существенно более поздний, советский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 48. Следственная комиссия (Комитет) и Верховный уголовный суд по делу декабристов. 1825–1826 гг.

Ф. 109. Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Ф. 672. Николай I.

Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения Зимнего дворца (Санкт-Петербург).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 12. Дела о Польше и Литве.

Ф. 156. Исторические и церемониальные дела.

Ф. 1239. Московский дворцовый архив.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 25. Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича.

Ф. 35. Канцелярия начальника главного штаба Его Императорского Высочества (1815–1832 гг.).

Ф. 36 Канцелярия дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества.

Ф. 846. Военно-учетный архив.

Ф. 970. Военно-походная канцелярия.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 437. Комиссия по распределению стипендий и пособий императорской фамилии при Министерстве императорского двора.

Ф. 469. Придворная Е.И.В. контора Министерства императорского двора.

Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора.

- Ф. 473. Церемониальная часть Министерства императорского двора.
- Ф. 477. Придворная конюшенная часть Министерства императорского двора.
- Ф. 516. Камер-фурьерские журналы.
- Ф. 539. Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича Министерства императорского двора.
- Ф. 583. Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов.
- Ф. 660. Закревский А.А.
- Ф. 706. Щеглов В.В.
- Ф. 796. Канцелярия Синода.
- Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства императорского двора.
- Ф. 832. Филарет (Дроздов).
- Ф. 1018. Паскевич-Эриванский И.Ф.
- Ф. 1021. Перовские.
- Ф. 1072. Ухтомский Э.Э.
- Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов.
- Ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 г. при Государственном совете.
- Ф. 1289. Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел.
- Ф. 1345. Пятый (Уголовный) Департамент Сената.
- Ф. 1400. Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции (Коллекция).
- Ф. 1409. Собственная Е.И.В. канцелярия.

Государственный архив Псковской области (ГАПО)

- Ф. 20. Канцелярия Псковского губернатора

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (ОР РНБ)

- Ф. 73. Бильбасов В.А. и Краевский А.А.

- Ф. 341. Картавов П.А.
- Ф. 452. Майков А.А.
- Ф. 526. Новосильцев Н.Н.
- Ф. 542. Оленины.
- Ф. 603. Полторацкий С.Д.
- Ф. 831. Цензурные материалы.
- Ф. 859. Шильдер Н.К.
- Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений.
- Ф. 1001. Габаев Г.С.

Центральный архив древних актов (Archiwum Główne Akt Dawnych, AGAD) (Варшава)

- F. 190. Centralne Władze Wyznaniowe Królestwa Polskiego.
- F. 191. Komisja Rządowa Spraw Wewnętrznych i Policji.
- F. 197. Kancelaria Senatora Nowosilcowa.
- F. 198. Policja tajna w. ks. Konstantego.
- F. 210. Komisja Nadzoru Budowl Korony.

Библиотека кн. Чарторыйских (Biblioteka Książąt Czartoryskich) (Краков)

- № 5231. Papiery tyczące się projektu ogłoszenia Alexander I krolem Polski z lat 1806–1810.
- № 6422. Pamiętniki ks. Adama Czartoryskiego I i korespondencja jego z cesarzem Aleksandrem. I

Архив Польской академии наук (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie) (Варшава)

- № II-2/10. Zarząd Inwestycji PAN

Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto) (Хельсинки)

- ККК 579, 320, 326.

Периодические издания

Вестник Европы

Московские ведомости

Отечественные записки

Русская старина

Русский архив

Русский инвалид

Санкт-Петербургские ведомости

Северная почта

Северная пчела

Сын Отечества

Gazeta Warszawska

Kurjer Warszawski

Nowa Polska

Tygodnik Petersburski

Опубликованные источники

1. 1812 год в воспоминаниях современников / отв. ред. А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1995. – 202 с.
2. Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. – СПб. : Славия, 2005. – 352 с.
3. Альбом С. Д. Полторацкого // Русская старина. – 1887. – Т. LVI. – вып. 10–12. – С. 127–144, 471–486.
4. Архив князя Воронцова : в 40 кн. – М., 1870–1895.
5. Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1812 года. – СПб. : тип. П.П. Сойкина, 1912. – 107 с.
6. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. – М. : Российский фонд культуры, 2012. – 759 с.

7. Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. – СПб., 1891. – Т. 78.
8. [Буткевич.] Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 г. // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – С. 591–615.
9. Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III. – СПб. : Герман Гоппе, 1883. – 283 с.
10. Вигель Ф. Ф. Записки. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2019. – 735 с.
11. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. / Публ., сост. А.И. Рейтблат. М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 704.
12. Виже-Лебрен Э. Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.) / пер. В. Д. Соловьева. – СПб. : Искусство-СПб, 2004. – 297 с.
13. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия I. 1801–1815 гг. Т. V. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – 783 с.
14. Военский К. А. Император Николай и Польша в 1830 году : Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. – СПб. : тип. А. С. Суворина, 1905.
15. Восстание декабристов. Т. XX. – М. : РОССПЭН, 2001. – 592 с.
16. Вульф А. Н. Дневник, 1828–1831 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Пг., 1915. – Т. 6, вып. 21/22.
17. Выписки из журнала М. Данилевского (Царствование Александра I) // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева (факсимильное издание) : в 3 кн. – М. : Наука, 1971. – Кн. 2. – С. 105–116.
18. Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848 / сост. В. С. Нечаева. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 507 с.
19. Вяземский П. А. Старая записная книжка. – М. : Захаров, 2003. – 960 с.

- 20.Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / сост. Л. В. Дерюгина. – М. : Искусство, 1984. – 463 с.
- 21.Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М. : Книга, 1990. – 395 с.
- 22.[Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой // Русский архив. – 1899. – Кн. 1. – С. 1–158.
- 23.Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. // Русская старина. – 1872. – Т. VI. – С. 1–38, 309–405.
- 24.Данилов И. Д. Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. Рассказ сенатора И. Д. Данилова // Русская старина. – 1870. – Т. 1. – С. 246–253.
- 25.Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. – 1898. – № 12. – С. 617–632; 1899. – № 9. – С. 655–673, № 12. – С. 523–542.
- 26.Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / М-во иностр. дел СССР. — М. : Госполитиздат, 1959. — 743 с.
- 27.Екатерина Великая об истории России / подгот. изд. А. К. Афанасьев // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : Альманах. – М. : Студия ТРИТЭ, 2005. – [Т. XIV.] – С. 659–663.
- 28.Екатерина II. О величии России. – М. : ЭКСМО, 2003. – 831 с.
- 29.Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. – М. : Высшая школа, 1991. – 464 с.
- 30.Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 г. – Londres : S. Tchorzewski, 1863. – 226 с.
- 31.Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма // Жуковский В. А. Сочинения : в 6 т. – СПб., 1885. – Т. 5. – С. 461–463.
- 32.Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т.. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833 / сост. и ред.

- О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- 33.Заварицкий П. «Наш полк первым вошел в Варшаву...» // Родина. – 1994. – № 12. – С. 93–97.
- 34.Загоскин М. Н. Юрий Милославский или русские в 1612 году : Исторический роман. – М., 1902. – 324 с.
- 35.Зеланд А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская старина. – 1892. – Т. 75, – № 9. – С. 503–531.
- 36.Из архива Н. Н. Новосильцова / собрал И. Г. Попруженко // Русский архив. 1908. – № 6. – С. 179–194.
- 37.Из архива Н. Н. Новосильцова. В чаянии монарших милостей, 1816–1818. (Прошения поляков) / собрал И. Г. Попруженко // Русский архив. – 1910. – № 10. – С. 161–182.
- 38.Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. – 1827. – № 31. – С. 25–59, 169–211, 369–396.
- 39.Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. – М. : в Университетской типографии у Любия, Гария и Попова, 1802. – 194 с.
- 40.Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб. : в типографии Н. Греча, 1829. – Т. 12. – 583 с.
- 41.Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. – М. : Жизнь и мысль, 2002. – 478 с.
- 42.Каталог Военно-ученого архива Главного штаба / сост. Бендер ; под ред. Вивьен-де-Шатобрена. – СПб. : тип. Бережливость, 1905. – Т.1. – 473 с.
- 43.Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – № 4. – С. 423–455.

- 44.[Колзаков К. П.] Княгиня Лович // Русская старина. 1873. – Т. 8. – С. 398–400.
- 45.Колзаков К. П. Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.) // Русская старина. – 1873. – Т. 7, – № 5. – С. 587–612.
- 46.Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. – № 6. – С. 245–328.
- 47.Коронационный сборник : в 2 т. / под ред. В. С. Кривенко. – СПб., 1899.
- 48.Корнилович А.О. Записки из Алексеевского равелина / Вст. статья, подгот. текста и коммент. Н.Г. Пискуновой. – М. : Рос. Фонд культуры, 2004. – 656 с.
- 49.Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сборник Русского исторического общества. – 1896. – Т. 98. – С. 1–100.
- 50.Кудрявцева С. Краткие выписки моей жизни. Записки Софии Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского // Русская старина. – 1872. – Т. 35. – С. 119–130.
- 51.Кутузов М. И. Сборник документов / под ред. Л. Г. Бескровного. – М. : Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1950–1956. – Т. 1–5.
- 52.Летопись жизни и служения святителя Филарета (Дроздова). – М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. – Т. II. – 381 с.
- 53.Листовки Отечественной войны 1812 г. : сборник документов / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 161 с.
- 54.Лунин М. С. Письма из Сибири / подгот. изд. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. – М. : Наука, 1988. – 495 с.

- 55.Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. – 1884. – № 4. – С. 225–260.
- 56.Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подгот. к печати Б. Е. Сыроечковский. – М. ; Л., 1926. – 248 с.
- 57.Меттерних К. В. фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 г. // Исторический вестник. – 1880. – Т. 1, – № 1. – С. 168–180.
- 58.Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. – СПб., 1841. – 252 с.
- 59.Мицкевич А. Избранные произведения : в 2 т. – М. : Гос. изд-во худ. литературы, 1955.
- 60.Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. – М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- 61.Мурзакевич И. Жизнеописание Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска», составленное сыном его протоиереем Иоанном Мурзакевичем // Смоленская старина. – 1912. – № 2. – С. 178–226.
- 62.Надпись на могиле царя Василия Ивановича Шуйского // Русская старина. – СПб., 1890. – Т. 65. – С. 91–92.
- 63.Неелов Н. Д. Воспоминания о Польской войне 1831 года. Из записок покойного Неелова (Из журнала «Военный сборник»). – СПб. : тип. В. А. Политики, 1878. – 292 с.
- 64.Николай Михайлович, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной // Русская старина. 1911. – № 1 (апрель). – С. 129–139.
- 65.Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. – СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. – 358 с.
- 66.Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. – СПб. : Нестор-История, 2007. – 528 с.

67. Николай I : Муж, отец, император / под ред. Д. Тевекелян. – М. : Слово, 2000. – 615 с.
68. Николай I : pro et contra. Антология / сост. Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков. – СПб. : НОКО, 2011. – 966 с.
69. О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. – 1829. Ч. 38. – № 110. – С. 418–435.
70. Огинский М. Мемуары Михаила Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. – Минск : Четыре четверти, 2015. – Т. 1–2.
71. Описание погребения блаженной памяти императора Николая I, с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. – СПб., 1856. – 133 с.
72. Орлов М. Ф. Восстановление Польши в 1815 г. // Русская старина. – 1877. – Т. 20. – С. 661–662.
73. Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / под ред. В. М. Безотосного, А. А. Васильева и др. – М. : РОССПЭН, 2004. – 880 с.
74. Очерк Венгерской войны 1848–1849 гг. / пер. с нем. полк. Богдановича и подполк. Лебедева – СПб. : тип. воен.-учеб. заведений, 1850. – 166 с.
75. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / публ. великий князь Николай Михайлович. – СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. – 348 с.
76. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1. 1825–1829 // Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1910. – Т. 131. – 406 с.
77. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2. 1830–1831 // Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1911. – Т. 132. – 263 с.

78. Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829 // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1870. – Т. 5. – 522 с.
79. Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб. : Гос. Тип., 1912. – Т. 6. – 750 с.
80. Письмо цесаревича Константина Павловича // Русская старина. – 1872. – Т. 5. – С. 681–682.
81. Подлинные письма из России. 1825–1828. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 303 с.
82. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Т. 19, 22, 24, 26, 30–33.
83. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Т. 1, 4–7.
84. Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 912 с.
85. Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой (1794–1820) / пер. с фр. А. Н. Кудрявцевой. – СПб. : Изд-во Прометей Н. Н. Михайлова, 1915. – 283 с.
86. Походные журналы Петра Великого 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. – СПб., 1854.
87. Пржецлавский О. А. Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий // Русская старина. – 1878. – Т. XXI. – С. 625–648; – Т. XXII. – С. 67–92.
88. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699) / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. – М. : Наука, 1992. – 382 с.
89. Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года : в 3 т. / авт.-сост. Т. И. Красноборожье, С. Б. Федотова. – СПб. : Альфарет, 2013.
90. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 19 т. – М. : Воскресенье, 1994–1997.
91. Пятницкий П. П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. – М. : Типо-литография О. И. Лашкевич, 1896. – 112 с.
92. Рапорт наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // Сборник РИО. – СПб., 1896. – Т. 98. – С. 592–615.

93. Рассказ Евгении Вечесловой о Варшавской резне 1794 г. // Русский архив. 1897. – № 2. – С. 330–332.
94. Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника А. А. Лесли) // Смоленская старина. – 1912. – № 2.
95. Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. // Русская старина. – 1873. – № 5. – С. 612–615.
96. Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений / под ред. А. Г. Цейтлина. – М. : Academia, 1934. – 909 с.
97. Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник польского дипломата — очевидца этого свидания // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – 1853. – Кн. 17.
98. Смирнов В. П. Описание русских медалей / сост. по поручению С.-Петербургского монетного двора д. чл. Имп. археологического ин-та, горный инженер В. П. Смирнов. – СПб. : Санкт-Петербургский монетный двор, 1908. – 752 с.
99. Собрание русских медалей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Вып. 4 : Медали, относящиеся к Александру I, к Николаю I / под ред. С. Строева. – СПб., 1843. – С. 61–88.
100. Столетие Военного министерства: 1802–1902 / гл. ред. Д. А. Скалон; сост. В. В. Квадри и В. К. Шенк. – СПб., 1908. – Т. 2. – Кн. 1–2 : Царствование Николая I.
101. Тимошук В. Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции // Русская старина. – 1914. – № 2. – С. 386–395.
102. Торжественное ввезение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича // Отечественные записки. 1826. – № 25. – С. 543–544.
103. Учреждение Верховного совета в герцогстве Варшавском в 1813

- году. Переписка кн. М. И. Кутузова с Н. Н. Новосильцовым // Русский архив. – 1908. – № 1. – С. 63–64.
104. Фикельмон Д. Ф. Дневник 1829–1837 : Весь пушкинский Петербург / публ. С. Мрочковской-Балашовой. – М. : Минувшее, 2009. – 1001 с.
105. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. / сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2012.
106. Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. – Вильна, 1900–1907. – Вып. 1 – 4.
107. Церемониал к встрече и сопровождению в Новгороде тела в Бозе почившего императора Александра I. – СПб. : печ. и литогр. в Штабе воен. поселений, 1826. – 121 с.
108. Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. // Русская старина. – 1873. – Т. 8 (сентябрь). – С. 374–397.
109. Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев // Русский архив. – 1872. – Кн. 9. – С. 1708–1769.
110. Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I : в 2 т. / под ред. А. Кизеветтера. – М., 1912–1913.
111. [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. – 1896. – Т. 86. – № 5. – С. 155–181.
112. Шениг Н.И. Воспоминания Николая Игнатьевича Шенинга // Русский архив. 1880. Кн. 3. № 1. С. 267–326.
113. Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 145 с.
114. Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. – 1887. – № 2. – С. 194–228; – № 4. – С. 405–440.

115. Эренмальм Л. Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л. : Наука, 1991.
116. Юль Ю. Из записок датского посланника Юста Юля. С датского неизданного подлинника // Русский архив. – 1892. – № 8. – С. 35–74.
117. Bratkowski S. Na zgon wiekopomnéy pamięci Alexandra I-go cesarza wszech Rosseyi, króla polskiego. – Warszawa : N. Glücksberg, [1826]. – 6 s.
118. Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre. – Saint-Pétersbourg, 1826. – 24 p.
119. Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. – Paris, 1832. – 331 p.
120. Dolabella. Wenecki malarz Wazów. – Warszawa : Arx Regia — Wydawnictwo Zamku, 2020. – 206 s.
121. Dmuszewski L. A. Dzieła dramatyczne. – Wrocław, 1821. – 216 s.
122. Erndtel C. H. Warsavia physice illustrata. – Dresdae, 1730. – 248 s.
123. F. Z. Elegija w czasie pogrzebu ułożona na zgon błogosławionéy pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi króla polskiego [Warszawa, 1826]. – 8 s.
124. Feleczеровski X. Po zgonie wielkopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosseyi, króla Polski etc.etc.etc. – Warszawa, 1826. – 8 s.
125. Golejewski H. Pamietniki. – Kraków, 1971. – T. 1–2.
126. Görgei A. My life and acts in Hungary in the years 1848 and 1849. – New York : Harper, 1852. – 616 p.
127. «Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем. 1672-1725 гг.» / сост. Е.В. Анисимов – [СПб., 2019] URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения: 13.10.2025)
128. Jaskólski F. Wiersz na zgon wieczney pamięci nayjaśnieyszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosseyi Króla Polskiego etc. etc. etc. – Warszawa, 1826. – 8 s.

129. Katalog wystawy Powstania Listopadowego z uwzględnieniem czasów przed i popowstaniowych. – Warszawa, 1931. – 219 s.
130. Kicka N. Pamiętniki. – Warszawa : Instytut Wydawniczy Pax, 1972. – 669 s.
131. Kołaczkowski K. Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego. – Kraków, 1900. – Ks. 3. – 139 s.
132. Ku... J. Wiersz na zgon wielkopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rossyi, króla polskiego. – Kraków, [1826]. – 8 s.
133. Lelewel P. Pamiętniki i diariusz domu naszego. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolinski, 1966. – 536 s.
134. Lesur C. L. Annuaire historique universel pour 1830. Appendice (Documens Historiques). – Paris, 1832. – 1092 p.
135. Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. – Kraków : w drugarni A. Kozińskiego, 1883. – 243 s.
136. Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rossyi Krola Polskiego – [Warszawa, 1826]. – 8 s.
137. Milly A. de. Hommage offert à sa Majesté Nicolas I-er, Empereur de toutes les Russies, à L’occasion de son couronnement comme Roi de Pologne [1829]. – 8 p.
138. Mochnacki M. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. – Paryż, 1834. – T. 1–2.
139. Niemcewicz J. U. Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. Warszawa, 1819. – T. 1–3.
140. Niemcewicz J. U. Pamiętniki 1811–1820. – Poznań, 1871. – T 1–2.
141. Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. – Lipsk : P. A. Brockhaus, 1868. – 336 s.
142. Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu’à la fin de 1815 / Ed. par L. Chodźko. – Paris : Ponthieu ; Genève : Barbezat et Delarue, 1826. – T. 1–4.

143. Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego. – Warszawa : nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1829. – 68 s.
144. Ostrzykowski B. Przymówienie w dzień żałobny exekwii Nayjaśnieyszego Aleksandra I., cesarza Wszech Rossyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. – [Warszawa, 1826]. – 16 s.
145. Popiel P. Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. – Kraków : Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. – 266 s.
146. Skarbek F. Dzieje Polski. – Poznań, 1877. – T. 2 : Krolestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. – 336 s.
147. Starowolski S. Monumenta sarmatarum beatae aeternitati. – Kraków, 1655. – 852 s.
148. Vues des Cérémonies les plus intéressantes de Leurs Majestés Impériales l'Empereur Nicolas Ier et l'Impératrice Alexandra à Moscou. – Paris : Firmin Didot, 1828. – 14 p.
149. Walter C. von. Zum unvergesslichen Gedächtniss liebevoller seelen gewidmet seiner kaiserlichen Majestät Alexander der I-te aller Reussen und Koenig von Pohlen [1826]. – 2 s.
150. Westchnienia czułego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wiecznégó pamięci nayiaśnieyszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rossyi, wskrzesiciela i króla Polski. – Warszawa, 1826. – 9 s.
151. Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowégó po wiekopomnéj pamięci nayjaśnieyszym cesarzu Wszech Rossyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. – [Warszawa, 1826]. – 16 s.

Литература

1. Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России XVIII в. – М. : Новый хронограф, 2012. – 894 с.
2. Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века // Феномен Петербурга / под ред. Ю. Н. Беспярых. – СПб. : Блиц, 2001. – С. 491–505.
3. Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / отв. ред. В. А. Хорев. – М. : Наука, 2007. – 283 с.
4. Андреев А. Ю. Лагарп: Швейцарец, воспитавший царя. – М. : Молодая гвардия, 2024. – 331 с.
5. Андреев А. Ю. Религиозное осмысление судеб России и Европы в политических концепциях императора Александра I // Церковь и время. Бог в русской мысли, культуре, истории: материалы ежегодной междисциплинарной научной конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / ред. Е.А. Пилипенко. – М. : Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024. – С. 101–136.
6. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. – СПб. : Лики России, 2009 – 912 с.
7. Андреева Т. В., Выходчиков Л. В. Николай I: pro et contra (Зеркало для героя) // Николай I: pro et contra. Антология / сост. Т. В. Андреева, Л. В. Выходчиков. – СПб. : НОКО, 2011. С. 7–62.
8. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 1–2. – М. : Кучково поле, 2017.
9. Айрапетов О. Р. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало // Родина. – 2003. – № 3. – С. 27–31.

- 10.Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологическое обозрение. – 2012. – № 3. – С. 5–40.
- 11.Андреева Г. Б. Гений войны, блага и красоты. Писал Королевский академик Джордж Доу. – М. : Пинакотека, 2012. – 272 с.
- 12.Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830 гг. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1915. – 168 с.
- 13.Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- 14.Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
- 15.Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 г. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. – 287 с.
- 16.Безотосный В. М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 663 с.
- 17.Беккер И. И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. – 1948. – № 3. – С. 65–74.
- 18.Белов А. В. 1812 год в судьбе русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. – М. : РОССПЭН, 2018. – 326 с.
- 19.Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. – М. : Изд-во соц.-экономич. литературы, 1962. – 611 с.
- 20.Бессонов В. А., Миловидов Б. П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. – М., 2006. – С. 289–305.

- 21.Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. — СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1882. — Т. 1. — 344 с.
- 22.Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). — М.: Новое литературное обозрение. — 1008 с.
- 23.Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1–6. — СПб., 1869 – 1871.
- 24.Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII — первая треть XIX вв.) // *Sztuka Europy Wschodniej / Искусство восточной Европы Т. 1 : Polska — Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия : Искусство и История. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / под ред. Jerzy Malinowski, Irina Gavtrash.* — Варшава : Tako Publishing House, 2013. — С. 157–166.
- 25.Болтунова Е.М. «Здесь целая губерния в лице ее избранных...»: социальные иерархии в региональных шествиях Печального кортежа Александра I (1826) // *Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение (ред. — Е. М. Болтунова, В. Сандерленд).* — М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 93–116.
- 26.Болтунова Е. М. Пространство власти : царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII — XVIII вв. // *Изобретение империи: языки и практики.* — М. : Новое издательство, 2011. — С. 49–91.
- 27.Болтунова Е. М. Свой среди своих / свой среди чужих : Путешествие Петра I в Париж в 1717 г. и формирование топографии власти в России начала XVIII в. // *Петр Великий и европейский интеллектуальный мир : циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727).* Европейский дом, 2020. — С. 129–146.

28. Болтунова Е. М. «Я произнес перед вами слово истины» : речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 5 (171). – С. 61–79.
29. Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 337 с.
30. Боханов А. Н. Николай I. – М. : Вече, 2008. – 461 с.
31. Быкова Ю. И. К вопросу об авторстве коронационных регалий императрицы Анны Иоанновны // Труды государственного Эрмитажа. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2013. – Т. LXX : Петровское время в лицах — 2013. К 400-летию Дома Романовых. – С. 102–114.
32. Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.) : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – М., 2000. – 182 с.
33. Вдовин Г. В. Персона. Индивидуальность. Личность: опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII в. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 244 с.
34. Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. – М. : тип. Бахметева, 1860. – 296 с.
35. Верт П. Православие, инославие, иновение : Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
36. Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. – СПб. : Славия, 1997. – 167 с.
37. Винокуров Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. – М. : Лабиринт «Брандес», 1999. – 414 с.
38. Виртшафтер Э. От победы к миру. Русская дипломатия после Наполеона. – М.: Academic Studies Press, 2023. – 416 с.
39. Вишленкова Е. А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – С. 171–210.

40. Волошина С. М. «...Колена преклоните, С сердечной искренной слезой»: Слезы как часть сценария власти Николая I // Сквозь слезы: Русская эмоциональная культура / Сост. К. Богданов. — М. : Новое литературное обозрение, 2023. С. 81–98.
41. Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого и др. — СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.
42. Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв : сборник статей / [ред. Л. А. Авакова]. — М.; СПб. : Нестор-История, 2017. — 384 с.
43. Выскочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. — СПб. : Питер, 2012. — 493 с.
44. Выскочков Л. В. Николай I. — М. : Молодая гвардия, 2003. — 694 с.
45. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М. : Академический проект, 2018. — 999 с.
46. Герб и флаг России X–XX вв. / под ред. Г. В. Вилинбахова. — М. : Юридическая литература, 1997. — 559 с.
47. Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи : метаморфозы политического радикализма // *Ab Imperio*. — 2009. — № 2. — С. 131–154.
48. Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. — Л. : Искусство, 1981. — 239 с.
49. Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века : эволюция идентичности и политических воззрений. — СПб. : Алетейя, 2013. — 228 с.
50. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. — М., 1837–1843.
51. Горизонтов Л. Е. Закон против счастья. Смешанные браки в истории двух народов // *Родина*. — 1994. — № 12. — С. 64–67.

52. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. – М. : Индрик, 1999. – 270 с.
53. Горская Н. И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. – 2020. – № 1. – С. 26–36.
54. Граля И. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. – М. : Индрик, 2013. – С. 122–144.
55. Граля И. Польский взгляд на русскую смуту // Знание — сила. – 2023. – № 7. – С. 37–49.
56. Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. – СПб. : тип. Главного управления уделов, 1912. – 418 с.
57. Гросул В.Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды Института российской истории. Вып. 5. – М. : Институт российской истории, 2005. – С. 118–172.
58. Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 191 с.
59. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. – М. : РГГУ, 2004. – 701 с.
60. Два века памяти в России. 200-летие Отечественной войны 1812 г.: сборник статей / отв. ред. В.В. Лапин. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 270 с.
61. Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса. (1814–1878). – М. : Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – Т. 1. – 482 с.
62. Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа : политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863—1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova*. 2000 / ред. А. И. Филюшкин. – М., 2000. С. 338–409.

63. Долбилов М.Д. Рождение имперских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. – 2006. – Т. 9 (127). – С. 5–48.
64. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
65. Дружба. Очерки по теории практик : сборник статей / под ред. О. В. Хархордина. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 456 с.
66. Дуров В. А. Ордена Российской империи. – М. : Белый город, 2007. – 223 с.
67. Жуковский В. В. Князь Ксаверий Любецкий. – Пг. : тип. В. А. Лесман, 1916. – 28 с.
68. Жучков К. Б. М. И. Кутузов и Александр I в декабре 1812 — феврале 1813 гг. : о критериях приоритета в верховном командовании армией // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 37 (80). – С. 116–124.
69. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях : в 3 кн. – М. : Книга, 1990. – 312 с.
70. Залевский М. Н. Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). – Франкфурт-на-Майне : б/и, 1978. – 215 с.
71. Западные окраины Российской империи / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 605 с.
72. История XIX века / под ред. Э. Лависс и А.Н. Рамбо. Т. 3. – М. : ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издание, 1938. – 632 с.
73. Каменский А. Б. Россия в XVIII столетии : Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. – СПб. : Алетейя, 2017. – 336 с.

- 74.Капустина Т. А. Николай I // Вопросы истории. – 1993. – № 11–12. – С. 27–49.
- 75.Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович : Биографический очерк // Карнович Е. П. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Изд. центр "Терра", 1995. – Т. 3.
- 76.Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – М., 2000. – 428 с.
- 77.Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. – М. : Наука, 2008. – С. 111–132.
- 78.Каштанова О. С. К истории Коронации Николая I в Варшаве (1829) // Славяноведение. – 2013. – № 5. – С. 37–48.
- 79.Керсновский А. А. История русской армии : в 4 т. Т. 2. – М. : Голос, 1993. – 335 с.
- 80.Кизеветтер А. А. Исторические очерки. – М., 1912. – 507 с.
- 81.Кизеветтер А.А. Император Николай I как конституционный монарх // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. – М., 1912. – С. 402–418;
- 82.Киселева Л. Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник / под ред. Л. Н. Киселевой, Р. Г. Лейбова, Т. К. Фрайман. М. : ОГИ, 2004 – Вып. 3. –С. 69–92.
- 83.Киянская О. И. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. – М. : РИПОЛ классик, 2023. – 768.
- 84.Клинге М. Императорская Финляндия. – СПб. : Коло, 2005. – 615 с.
- 85.Клинге М. Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. – Хельсинки : Отава, 2012.
- 86.Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. – М. : Мысль, 1987–1990.
- 87.Коварская С. Я. Погребальные церемониалы и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть,

- элита и общество в России XIV — первой половины XIX в. : Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. — М., 2009.
88. Козляков В. Н. Василий Шуйский. — М. : Молодая гвардия, 2007. — 301 с.
89. Козляков В. Н. «За царскую честь война весть» : время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. // Российская история. 2017. — № 1. — С. 32–48.
90. Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. — Таллин ; М. : АО «Скиф Алекс», 1994. — 462 с.
91. Комзолова А. А. «Охранение» Российской империи на западном рубеже: «литовские губернии» и российско-прусская граница в 1830-е — начале 1840-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 64–123.
92. Коробка Н. Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. Исторический сборник. — СПб. : тип. Б. М. Вольфа, 1909. — С. 189–233.
93. Коркунов Н. М. Русское государственное право : в 2 т. — СПб., 1909.
94. Котляревский Н. А. Рылеев. — СПб. : тип. «Общественная польза», 1908. — 217 с.
95. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. — М. : Новое литературное обозрение, 2000. — 504 с.
96. Краевский А. Польские короны Московского Кремля // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009). Государственный Эрмитаж. — СПб., 2009. — С. 61–65.
97. Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней / под ред. Ф. Г. Зуева, В. А. Светлова и С. М. Фалькович. — М. : Наука, 1993. — 528 с.

98. Кривопапов А. А. «К одним привычка, в других нужда...» Фельдмаршал Паскевич глазами современников // Родина. – 2003. – № 3. – С. 49–52.
99. Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков : сборник статей / под. ред. А. Ю. Полунова. – М. : Модест Колеров, 2018. – С. 11–29.
100. Кринко Е. Ф., Горюшина Е. М. События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. – Т. 24. – № 2. – С. 203–214;
101. Кузнецов А. А. Явление личности российской истории в Смутное время: факторы и контекст // На изломе эпох. Россия в начале XVII века: Материалы Всероссийской научной конференции. – Нижний Новгород: Кварц, 2024. – С. 50–56.
102. Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. – М. : Центрполиграф, 2017. – 591 с.
103. Курукин И. В. История и современность в исторических трагедиях Екатерины II // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2016. – № 7. – С. 89–94.
104. Кучерская М. А. Константин Павлович. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 327 с.
105. Лаврентьев А. В. «Московитская корона» в казне польских королей XVII–XVIII вв. (о происхождении и судьбе инсигнии) // Slověne. – 2018. – № 1. – С. 93–114.
106. Лаврентьев А. В. Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 234 с.
107. Лансере Н. Е. Винченцо Бренна. – СПб. : Коло, 2006. – 286 с.
108. Либрович С. Царь в плену. – СПб. : Труд и польза, 1904. – 146 с.

109. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. – М. : РОССПЭН, 2012. – 679 с.
110. Лилейко Е. Варшавский замок. – Варшава : Интерпресс, 1980. – 237 с.
111. Лисейцев Д. В. Тимофей Анкудинов : Одиссея русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии. – Будапешт, 2011.
112. Литвин А., Сидорова М. Журнал высочайшего путешествия. Описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. – 2011. – № 7. – С. 11–14.
113. Лоскутова М. В. Историческая память и чувства в российской политике по отношению к Польше первой трети XIX в. // Диалог со временем. 2025. № 90. С. 382–388.
114. Львова Л. Д. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Интернет-журнал «Ломоносов». URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm> (дата обращения: 29.03.2023)
115. Любавский М. К. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. – Т. VII. – М., 1912. – С. 88–104.
116. Любезников О. А. О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. – № 4. – С. 291–303.
117. Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века. диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. СПб., 2013.
118. Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф» : Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 559 с.
119. Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса // Русская старина. – СПб., 1903. – Т. 113 (март). – С. 119–136.

120. Макарова Г. В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года : польский аспект // Славяноведение. – 2012. – № 6. – С. 47–59.
121. Маррезе М. Л. Бабье царство : дворянки и владение имуществом в России. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 364 с.
122. Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. Бостон; – СПб. : Academic Studies Press; Библиороссика, 2021. – 445 с.
123. Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов : сборник статей / под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1954. – С. 276–319.
124. Мельгунов С. П. Дела и люди александровского времени. – М. : ИД «Русская панорама», 2020. – 496 с.
125. Мельникова Л. В. «Конституционный эксперимент» в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 1. – С. 45–52.
126. Мельникова Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. – М. : Издание Сретенского монастыря, 2002. – 238 с.
127. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 320 с.
128. Миловидов Б. П. Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. – Можайск, 2009. – С. 325–359.
129. Милорадович А. А. Царица Мария Владимировна // Русский архив. 1897. – № 9. – С. 5–32.
130. Минаева Н. В. Потаенные конституции России. – М. : Посев, 2010. – 223 с.

131. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1982. – 290 с.
132. Миролубова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. – СПб. : Славия, 2005. – С. 160–181.
133. Мироненко С. В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. – М. : Кучково поле, 2016. – 399 с.
134. Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы (1801–1917 гг.). – М. : Международные отношения, 1994. – С. 91–158.
135. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М. : Наука, 1989. – 240 с.
136. Мироненко С. В. «Московский заговор» 1817 года и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России: [сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. П. Козьмина]. – М. : Наука, 1990. – С. 239–250.
137. Молева Н. М. Варшава. – М. : Искусство, 1973. – 191 с.
138. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. – М. : Международные отношения, 1986. – 447 с.
139. Морозов С. В. Отзвуки «Ноябрьского» восстания и польско-русской войны (1830–1831 гг.) в документах ЦГИА СПб // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2009. – Вып. 2. – С. 244–250.
140. Морохин А. В., Голубин Р. В. Император Николай I и формирование культа Кузьмы Минина в первой половине XIX в. // Смутное время: итоги и уроки. Материалы III Всероссийской научной конференции (Палех, 22 апреля 2016 года). – Иваново : Издатель Ольга Епишева, 2016. – С. 160–163.
141. Морохин А. В., Кузнецов А. А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. – М. : Фонд «Русские витязи», 2017. – 160 с.

142. Морохин А. В. Петр I в Нижнем Новгороде в мае 1722 г. : реалии визита и историографические мифы // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 3 (40). – С. 84–90.
143. Нечкина М.В. Общество Соединенных славян. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1927. – 245 с.
144. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция — память / пер. с фр. и послесл. Д. Р. Хапаевой – СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. – 327 с.
145. Носов Б. В., Марней Л. П. Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в. : Царство Польское (1815–1830 гг.) // Славянский альманах. – 2020. – № 3–4. – С. 83–105.
146. Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. – М. : Наука, 1979. – 295 с.
147. Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 279 с.
148. Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 226 с.
149. О’Мара П. Русское дворянство времен Александра I. – М. : Новое литературное обозрение, 2023 – 520 с.
150. Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования правового престолонаследия в Российской империи // Фемис : Ежегодник истории права и правоведения. – М. : МГИУ, 2007. – № 7 (2006). – С. 15–54.
151. Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. – М. : Международные отношения, 2002.
152. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / отв. ред. И. С. Миллер. – М. : Наука, 1976. – 602 с.
153. Павленко Н. И. Петр Великий. – М. : Мысль, 1994. – 592 с.
154. Павлов А. П. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 955–971.

155. Панова Т. Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. – М. : Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. – 223 с.
156. Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. – М. : Полимед, 2001. – 238 с.
157. Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 407 с.
158. Парсамов В. С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов // Известия Саратовского университета. – 2003. – Т. 3, вып. 1. – С. 119–144.
159. Платонов С. Ф. Смутное время. – Прага : European Printing, 1924.
160. Подвысоцкий А. Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815) // Русский архив. – 1874. – № 3. – С. 638–710.
161. Полиевктов М. А. Николай I : Биография и обзор царствования. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. – 404 с.
162. Политика памяти в России – региональное измерение : монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – 471 с.
163. После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы: сборник статей / под ред. Д.А. Сдвижкова. – М. : Кучково поле, 2015 – 384 с.
164. Польша и Россия в первой трети XIX века : из истории автономного Королевства Польского : 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. – М. : Индрик, 2010. – 583 с.
165. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2000. – 272 с.

166. Поляки и русские : взаимопонимание и взаимонепонимание. – М. : Индрик, 2000. – 238 с.
167. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода : в 2 т. – М. : Новое литературное обозрение, 2012.
168. Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. – Самара : НТЦ, 2002. – 404 с.
169. Потрашков С. В. Нашествие Наполеона на Россию и польское население юго-западной окраины Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). – Можайск, 2012. – С. 242–249.
170. Правилова Е. А. Финансы империи : Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. – М. : Новое издательство, 2006. – 455 с.
171. Правилова Е. А. «Цена» империи : центр и окраины в российском бюджете XIX — начала XX вв. // *Ab Imperio*. – 2002. – № 4. – С. 115–144.
172. Пресняков А. Е. Российские самодержцы. – М. : Книга, 1990. – 446 с.
173. Проскурина В. Ю. Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 323 с.
174. Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. : в 2 т. – СПб., 1890.
175. Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей : особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. – М. : РГГУ, 2008. – Ч. 1. – С. 121–136.
176. Пчелов Е. В. Российский государственный герб : композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. – М. : РГГУ, 2005. – 160 с.

177. Пыпин А. Н. Исторические труды Екатерины II // Вестник Европы. – 1901. – № 12. – С. 760–803.
178. Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин : идеолог, журналист, консультант секретной полиции : статьи и материалы. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 631 с.
179. Ренне Е. Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. – 2000. – № 55. – С. 22–33.
180. Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 576 с.
181. Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования : в 2 т. – СПб., 1912.
182. Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / под ред. М. В. Лескинен и О. В. Хавановой. – СПб. : Нестор-История, 2016. – 317 с.
183. Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью // Родина. – 1994. – № 12. – С. 47–49.
184. Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 511 с.
185. Российские императоры и Оружейная палата / сост. С. А. Амелехина, Е. А. Моршакова; ред. А. К. Левыкин. – М. : Художник и книга, 2006. – 279 с.
186. Российский государственный военно-исторический архив. Информационное издание / рук. проекта И. О. Гаркуша. – М., 2008. б/с.
187. Россия — Польша : два аспекта европейской культуры / Гос. музей-заповедник "Царское Село". – СПб. : Серебряный век, 2012. – 655 с.

188. Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. — М. : Индрик, 2002. — 343 с.
189. Ружицкая И. В. Просвещенная бюрократия (1800-1860-е гг.). — М. : Институт российской истории, 2009. — 340 с.
190. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи : (Мемуары современников).— М. : Изд-во МГУ, 1989. — 446 с.
191. Рэй М.-П. Александр I / пер. с фр. А. Ю. Петров, А. Ю. Терещенко. — М. : РОССПЭН, 2013. — 495 с.
192. С нами Бог : Посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I Благословенного: Библиографический указатель литературы / сост. Е. М. Андреева. — М. : ЦУНБ им. Н. А. Некрасова, 2012. — 264 с.
193. Сабадаш Н. П. Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. — М., 2015. — 180 с.
194. Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы : Актуальные направления исследований : сборник ст. и материалов. — СПб., 2014. — С. 84–91.
195. Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // Петербургский исторический журнал. — 2017. — № 1. — С. 106–125.
196. Сдвижков Д. А. Империя в наполеоновском наряде : Восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares : Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сборник статей / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 67–104.
197. Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. — СПб. : тип. 1 Спб. труд. артели, 1909. — 710 с.

198. Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). Исторический очерк. – Варшава : тип. губернского правления, 1899. – Вып. 1. – 68 с.
199. Сидорова А. «Образование для добродетели» : воспитание цесаревича Александра Николаевича // Император Александр II. Воспитание Просвещением / сост. О. И. Барковец. – М. : Кучково поле, 2018. – С. 18–55.
200. Скрынников Р. Г. Василий Шуйский. – М. : АСТ, 2002. – 393 с.
201. Славянский вопрос: Вехи истории. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 212 с.
202. Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. : в 3 т. – СПб., 1863–1864.
203. Смоленская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г. / подгот. изд. Н. Редков // Смоленская старина. – 1912. – № 2. – С. 1–64.
204. Сокол К. Г. Русская Варшава: справочник-путеводитель. – М. : Междунар. изд. дом «Синергия», 2002. – 75 с.
205. Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. – М. : Мысль, 1988–2000.
206. Софронова Л. А. Польская театральная культура эпохи Просвещения. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
207. Спасович В. Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. – 1890. – № 1. – С. 51–81.
208. Стерлигова И. А. Резной сапфир из короны российских царей и его судьба в XIX веке // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция (24–26 июня 2009 года). Тезисы докладов. – М., 2009. – С. 196–198.
209. Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 137 с.

210. Таньшина Н. П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго : корсиканец на русской службе // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ. 2017. – С. 26–40.
211. Тарле Е. В. Крымская война : в 2 т. – М. ; Л., 1941–1944.
212. Тарле Е. В. Талейран // Талейран. Мемуары / под ред. Е.В. Тарле. – М.: Издательство Института международных отношений, 1959.
213. Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Ладомир, 1994–1996.
214. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы : исторические очерки. – СПб. : тип. И. Н. Скороходова, 1889. – 484 с.
215. Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). – М. : Кучково поле, 2008. – 351 с.
216. Трояновский К. В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты западных губерний в правительственной политике первой половины XIX в. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 4 (255). – С. 53–60.
217. Туре Ж., Булах А. Г. Цветной камень гробницы Наполеона в Париже : искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. – 2017. – Т. 62, вып. 1. – С. 20–30.
218. Тюлар Ж. Наполеон или Миф о «спасителе». – М. : Молодая гвардия, 2009. – 362 с.
219. Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации Российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнера, А. М. Семенова. – Казань : Центр исследования национализма и империй, 2004. – С. 409–426.

220. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. – М. : ОГИ, 2004.
221. Успенский Б. А. Царь и император : Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 140 с.
222. Устимович М. П. Гостынский замок место заточения, кончины и первой усыпальницы царя Василия Иоанновича Шуйского. – Варшава : тип. Варшав. учеб. окр., 1899. – 48 с.
223. Устимович М. П. Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (историческая заметка). – Варшава : Губ. тип., 1894. – 125 с.
224. Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. – Варшава : Варшавск. правосл. Свято-Троицкое братство, 1913.
225. Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик : сборник статей / ред.-сост. А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 523 с.
226. Фалькович С. М. Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. // Свеча-2006. Истоки : Религия и личность в прошлом и настоящем. – Владимир ; М., 2006. – Т. 14. – С. 326–336.
227. Фалькович С. М. Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. – № 6. – С. 75–77.
228. Фалькович С. М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. – М. : Индрик, 2009. – С. 299–335.
229. Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М.: Издательство московского университета, 1980. – 210 с.

230. Филатова Н. М. Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // Юлиуш Словацкий и Россия / под ред. В. А. Хорева, Н. М. Филатовой. – М. : Индрик, 2011. – С. 38–52.
231. Филатова Н. М. Корона в польском историческом сознании : реалии и художественный вымысел // Концепт вещи в славянских культурах. – М. : Институт славяноведения РАН, 2012. – С. 116–131.
232. Филатова Н. М. Между официозом и национальным стереотипом : образ России в польской культуре 1815–1830 гг. // Русская культура в польском сознании. – М. : Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 122–142.
233. Филатова Н. М. «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // Знаки времени в славянской культуре : от барокко до авангарда : сборник статей. – М. : Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 136–157.
234. Филатова Н. М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой. – М., 2011. – С. 140–154.
235. Филатова Н. М. Политика русско-польского сближения в эпоху конституционного Царства Польского // Остафьевский сборник. Юбилейный выпуск, посвященный 225-летию со дня рождения П. А. Вяземского и 100-летию памяти С. Д. Шереметева. Вып. 13. Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас». М., 2017. С. 174–189.
236. Филатова Н. М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). – М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – С. 44–69.

237. Филатова Н. М. Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года // Славяноведение. – 2012. – № 6. – С. 60–73.
238. Филатова Н. М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // *Polacy a Rosjanie. Поляки и русские.* – Warszawa : Wydawnictwo Neriton ; Instytut Historii PAN, 2000. – S. 107–119.
239. Филатова Н. М. Самоубийство или цареубийство? Варианты польского национального поведения в эпоху романтизма // Категории жизни и смерти в славянской культуре : сборник статей. – М. : Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 259–274.
240. Филатова Н. М. Создание Царства Польского в 1815 г. в отражении официальной польской культуры // Славяноведение. 2015. – № 5. – С. 28–42.
241. Фирсов С. Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории : монография. – СПб. : Изд-во СПбДА, 2021. – 463 с.
242. Фреде В. Общественное мнение, его облик сверху : Негласный комитет Александра I // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 3 (151). – С. 164–185.
243. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М. : Касталь, 1996. – 448 с.
244. Хазиев Р. А. Александр I в судьбе России : англоязычная историография 1990–2000-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2016. – № 1. – С. 129–143.
245. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3 (40-41). – С.8–27;
246. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / [пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин]. – М. : Новое издательство, 2007. – 346 с.

247. Хандельсман М. Адам и Психея. Любовь магната к императрице // Родина. 1994. – № 12. – С. 89–92.
248. Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. – 1999. – № 8–9. – С. 374–378.
249. Хартли Дж. Александр I. – М. : Феникс, 1998. – 317 с.
250. Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 96 с.
251. Цветаев Д. В. Еще об усыпальнице Шуйских // Исторический вестник. 1898. Май. – С. 701–704.
252. Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг. : в 2 т. – Варшава ; М., 1901–1910.
253. Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. – Варшава : тип. Варшавского учеб. округа, 1905. – 43 с.
254. Целорунго Д. Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года : социальные портреты и служба. – Бородино : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2017. – 280 с.
255. Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». – М. : Ин-т бизнеса и политики, 2007. – 276 с.
256. Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. М., 1986. – 168 с.
257. Чечулин Н. Д. Константин Павлович // Русский биографический словарь : в 25 т. – СПб., 1903. – Т. 9. – С. 155–240.
258. Чубинская В. Г. Светская живопись в Оружейной палате XIX века и ее роль в формировании программы дворцового музея // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / отв. ред. Н. С. Владимирская. – М., 2002.

259. Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. – 1900. – Вып. 2. – С. 277–306; Вып. 3. – С. 517–544.
260. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. – СПб. : Издание Суворина, 1897–1898. – Т. 1–4.
261. Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. – СПб. : Издание Суворина, 1903. – Т. 1–2.
262. Шишов А. В. Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич. «Отец-командир» Николая I. – М. : Академический проект, 2018. – 404 с.
263. Шмидт С. О. «История Государства Российского» М. М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. – М. : Языки славянских культур, 2009. – Т. 2. – С. 364–390.
264. Щербакова Е. И. Нянюшкины сказки // Родина. – 2013. – № 3. – С. 25–26.
265. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич : его жизнь и деятельность : в 7 т. – СПб., 1888–1904.
266. Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1770–1791. – Т. 1–7.
267. Эдельман О. В. Павел Пестель : Очерки. С приложением «Русской Правды» П.И. Пестеля [1824] – М. : Модест Колеров, 2022. – 472 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 31)
268. Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы : Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). – М., 2013. – 614 с.
269. Эскин Ю. Филарет глазами Долабеллы? Русские на гравюре 1611 года // Родина. – 2006. – № 11. – С. 13–15.
270. Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. / пер. под ред. А. Ю. Румянцева – Хельсинки : RuslaniaBooksOy, 2009. – 844 с.

271. Яблоновский Я.-С. Петр I в Русской Раве в 1698 году // Киевская старина. 1882. – Т. 1. № 1. – С. 214–218.
272. Якобсон Р. О. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем // Якобсон Р. О. Работы по поэтике : Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Прогресс, 1987. – С. 241–249.
273. Amos M. The Code Napoléon and the Modern World // Journal of Comparative Legislation and International Law. – 1928. – Vol. 10, № 4. – P. 222–236.
274. Arciszewska B. A Golden Age for a Changing Nation : Polish National Identity and the Histories of the Wilanów Residence of King Jan III Sobieski // Architectural History. – 2006. – Vol. 49. – P. 101–128.
275. Askenazy S. Książę Józef Poniatowski. – Warsaw : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1905. – 337 s.
276. Askenazy S. Z działalności ministra Lubeckiego. (Dwa stulecia XVIII i XIX). – Warszawa, 1901.
277. Black J. L. Nicholas Karamzin's «Opinion» on Poland : 1819 // The International History Review. – 1981. – Vol. 3, № 1. – P. 1–19.
278. Boltunova E. Pamięć o wydarzeniach z historii stosunków polsko-rosyjskich. Kształtowanie bieżącej polityki ZSRR w latach dwudziestych XX w. na podstawie materiałów Biura Politycznego KC WKP(b) // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / Red. E. Kowalczyk, K. Rokicki. Warszawa, 2019. – S. 19–31.
279. Boltunova E. The Historical Writing of Catherine II : Dynasty and Self-Fashioning in «The Chesme Palace (Chesmenskii Dvorets)» // History and Drama : The Pan-European Tradition / Eds. E. Penskaya, J. Küpper. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 86–95.
280. Boltunova E. War, Peace, and Territory in Late Eighteenth-Century Russian Outdoor Performances // Theater as Metaphor / Ed. by E. Penskaya, J. Küpper. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 137–138.

281. Brody E. C. Poland In Calderón's «Life Is A Dream» : Poetic Illusion Or Historical Reality // *The Polish Review*. – 1969. – Vol. 14, № 2. – P. 21–62.
282. Bujarski G. T. Polish Liberalism, 1815–1823 : The Question of Cosmopolitanism And National Identity // *The Polish Review*. – 1972. – Vol. 17, № 2. – P. 3–37.
283. Dabrowski P. M. Commemorations and the Shaping of Modern Poland. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2004. – 312 p.
284. Dixon S. The Posthumous Reputation of Catherine II in Russia 1797–1837 // *The Slavonic and East European Review*. – 1999. – Vol. 77, № 4. – P. 646–679.
285. Domin M. Dary papieskie dla Jana III Sobieskiego i Marii Kazimiery // *Studia Waweliana*. – 2000/2001. – T. 9/10. – S. 85–105.
286. Drobnicki J. A. The Russo-Polish War, 1919–1920 : A Bibliography of Materials In English // *The Polish Review*. – 1997. – Vol. 42, № 1. – P. 95–104.
287. Gawryszewski A. Ludność Warszawy w XX wieku. – Warszawa : Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN, 2009. – 416 s.
288. Getka-Kenig M. Car rosyjski królem Polski – problemy reprezentacji malarskiej 1815–1830 // *Sztuka Europy Wschodniej / Искусство восточной Европы*. T. 1: Polska–Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и История. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. Jerzy Malinowski, Irina Gavrash. – Варшава: Tako Publishing House, 2013. – S. 175–181.
289. Getka-Kenig M. Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy «wskrzeszonej» monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim // *Kronika Zamkowa*. – 2015. – T. 2 (68). – S. 215–244.
290. Getka-Kenig M. Kaplica Sobieskiego w kościele kapucynów w Warszawie // *Folia Historiae Artium*. – 2017. – T. 15. – S. 77–95.

291. Getka-Kenig M. Ostatnia «polska» koronacja // *Mówią wieki*. – 2009. – № 10 (597). – S. 20–25.
292. Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–30). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 2013. – Vol. 3. – P. 388–402.
293. Głębocki H. Diabeł Asmodeusz w niebieskich binoklach i kraj przyszłości : Hr. Adam Gurowski i Rosja. – Kraków : Arcana, 2012. – 812 s.
294. Goldberg H. Music in Chopin's Warsaw. – New York : Oxford University Press, 2008. – 330 p.
295. Górka M. The protector of Europe on graphical thesis. Glorifying Jan III Sobieski. – Warsaw, 2017. – 235 p.
296. Grala H. «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids // *Spain — India — Russia. Centres, Borderlands, and Peripheries of Civilisations* / Ed. by J. S. Ciechanowski, C. Gonzalez Caizan. – Warsaw : Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa, 2018. – P. 333–347.
297. Grala H. Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach — zarys historyczny // *Polska i Petersburg. Zbiór esejów* / Pod red. D. Konstantynowa. – Kraków : MCK, 2016. – S. 245–381.
298. Grunwald C. de. Tsar Nicholas I. – New York : the Macmillan company, 1955. – 294 p.
299. Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // *Kronika Zamkowa*. – 2004. – № 1–2/47–48. – S. 73–81.
300. Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // *Kronika Zamkowa*. – 1987. – № 6 (14). – S. 3–9.
301. Gutkowski J. Sale sejmowe w Zamku królewskim w czasie Powstania listopadowego // *Kronika Zamkowa*. 2006. – T. 1–2 (51–52). – S. 149–154.
302. Hamm M. F. Kiev. A Portrait, 1800–1917. – Princeton : Princeton University Press, 1993. – 304 p.

303. Hartley J. M. Russia in 1812 : Part 1 : The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* – 1990. – № 38. – P. 178–198.
304. Hołd carów Szujskich / Red. J. A. Chrościcki, M. Nagielski. – Warszawa : Neriton, 2012. – 192 s.
305. Hutchings C. E. Missouri Botanical Garden Annual Report. St. Louis, 1903. – Vol. 1903. – 316 p.
306. Kaćperski A. Książę Józef Poniatowski i jego epoka. – Gliwice : Muzeum w Gliwicach, 2013.
307. Karpińska M. «Nie ma Mikołaja!» Starania o kształt sejmu w powstaniu listopadowym 1830–1831. – Warszawa : Neriton, 2007. – 355 s.
308. Kowalczykowa A. Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie // *Rocznik Warszawski*. – 1987. – T. XIX. – S. 101–128.
309. Krasieński J. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja // *Przegląd Powszechny*. – 1887. – № XV. – S. 411–427.
310. Kraushar A. Echa przeszłości : szkice, wizerunki i wspomnienia historyczne. – Warszawa : tow. akc. s Orgelbranda synów, 1917. – 515 s.
311. Kraushar A. Warszawa historyczna i dzisiejsza: zarysy kulturalno-obyczajowe. – Lwów ; Warszawa ; Kraków : Wydawnictwo zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1925. – 266 s.
312. Laqueur T. The Deep Time of the Dead // *Social Research*. 2011. № 3 (78). P. 799
313. Laqueur T. The Work of the Dead: a Cultural History of Mortal Remains. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – 736 p.
314. Le nouveau seigneur de village. – Paris, 1813.
315. Léouzon Le D. L.-A. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. – Paris : Typographie Georges Chamerot, 1873. – 39 p.
316. Les Lieux de mémoire / ed. Nora P. – Paris : Gallimard, 1984 – 1992. – Vol. 1–7.

317. Lileyko H. Siennicki Paweł // Polski słownik biograficzny. Warszawa ; Kraków, 1996. – T. XXXVII/2. – S. 232–233.
318. McCann J. M. Beyond the Bug : Soviet Historiography of the Soviet-Polish War of 1920 // Soviet Studies. – 1984. – Vol. 36, № 4. – P. 475–493.
319. Między ugodą a insurekcją Granice polsko-rosyjskiego kompromisu politycznego w epoce Królestwa Polskiego 1815–1830. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej w 190. rocznicę koronacji 1829 roku (24 maja 2019 roku) / pod redakcją Henryka Głębockiego. Warszawa : Centrum Dialogu im. Juliusza Mieroszewskiego, 2023. – 413 s.
320. Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku — miejsce niedoszęgo zamachu na cara // Arma virumque cano. Profesorowi Zdzisławowi Żygulskiemu jun. w osiemdziesięciolecie urodzin. – Kraków : Muzeum Narodowe w Krakowie, 2006. – P. 175–183.
321. Moczulska A. Jan Kolumna Żaboklicki, szambelan czterech monarchów // Kronika Zamkowa. – 1991/1992. – № 2 (24). – S. 53–63.
322. Nance A. B. Literary and Cultural Images of a Nation without State. The case of 19th century Poland. – New York : Peter Lang, 2008. – 180 p.
323. Napiórkowski M. Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy // Pamiętnik Literacki. – 2013. – № 4. – S. 135–152.
324. Neovius Ad. Furstebesök i Finland. – Borgå, 1900. – 172 p.
325. Nikula J., Tuomi-Nikula P. Keisarit kesälomalla Suomessa. – Helsinki : Atena, 2002. – 246 s.
326. Nora P. Between Memory and History : Les Lieux de Mémoire // Representations. – Spring, 1989. – Vol. 26. – P. 7–24.
327. Nungovitch P. A. Here All Is Poland: A Pantheonic History of Wawel, 1787–2010. – London : Lexington Books, 2019. – 315 p.
328. Petersen H.-C. «Us» and «Them»? Polish self-descriptions and perceptions of the Russian empire between homogeneity and diversity // Empire speaks out. Language of Rationalization and Self-Description in the

- Russian Empire / Ed. by I. Gerasimov, I. Kusber, A. Semyonov. – Leiden ; Boston : Brill, 2009. – P. 94–97.
329. Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. – New York : Columbia University Press, 1987. – 199 p.
330. Poe M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. – Helsinki : Academia Scientiarum Fennica, 2004. – Vol. 1–2.
331. Przelaskowski R. Sejm Warszawski roku 1825. – Warszawa : nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1929. – 190 s.
332. Przybyszewski W. Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III // Spotkania z Zabytkami. 2020. – № 5. – S. 18–19.
333. Reddy W. The Navigation of Feeling : A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y. : Cambridge University Press, 2004. – 386 p.
334. Rosenwein B. Worrying about Emotions in History / The American Historical Review. – 2002. – Vol. 107 (3). – P. 821–845;
335. Rosenwein B., Cristiani R. What is the History of Emotions? Cambridge : Polity, 2018. – 163 p.
336. Roshchin E. Friendship among nations : History of a concept. Manchester University Press, 2017. – 264 p.
337. Russia and the Napoleonic Wars / Ed. By J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. – New York : Palgrave Macmillan, 2015. – 298 p.
338. Skowronek J. Książę Józef Poniatowski. – Wrocław : zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – 282 s.
339. Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. – Kraków, 1907. – T. 1–2.
340. Spotkania z Zabytkami: kultura, tradycje, pamiątki. 2020. – № 5/6. – S. 14–23.
341. Stanley J. French Attitudes toward Poland in the Napoleonic Period // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 2007. – Vol. 49, № 3/4. – P. 209–227.

342. Stanley J. Napoleon and Poland : On the 200th Anniversary of the Establishment of the Duchy of Warsaw : Introduction // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 2007. – Vol. 49, № 3/4. – P. 169–170.
343. Thackeray F. W. N. N. Novosil'tsov. The Polish Years // The Polish Review. – 1983. – Vol. 28, № 1. – P. 32–46.
344. Viguerie J. de. Les serments du sacre des rois de France (XVI^e, XVII^e et XVIII^e siècles) // Hommage à Roland Mousnier. Clientèle et fidélités en Europe à l'époque moderne / Ed. Y. Durand. – Paris : Presses Universitaires de France, 1981. – P. 57–70.
345. Walker F. A. Constantine Pavlovich : An Appraisal // Slavic Review. – 1967. – Vol. 26, № 3. – P. 445–452.
346. Sroczyńska K., Jaworska J. Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939. – Warszawa : Krajowa Agencja Wydawnicza Warszawa, 1985. – 272 s.
347. Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History : Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. – London : Bloomsbury Press, 2017. – 250 p.
348. Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration : Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. / Boston : Academic Studies Press, 2014 – 466 p.
349. Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim // Przegląd Humanistyczny. – 1971. – № 5. – S. 15–28.
350. Zamoyski A. 1812 : Napoleon's fatal march on Moscow. – L. : Harper Collins, 2004. – 672 p.
351. Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – 396 p.

352. Ziomek H. Historic Implications and Dramatic Influences in Calderón's «Life is a Dream» // The Polish Review. – 1975. – Vol. 20, № 1. – P. 111–128.
353. Żygulski Z. Jr. The Szczerbiec. The Polish Coronation Sword // Artibus et Historiae. – 2011. – Vol. 32, № 63. – S. 285–309.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

**Записка Н.Н. Новосильцова «Замечания на разные предметы
до управления Герцогства Варшавского касающиеся»,
направленная А.А. Аракчееву (1813 г.)¹⁹²⁵**

Милостивый государь граф Алексей Андреевич

Я уверен, что Ваше Сиятельство знаете меня не со стороны льстивого человека, а потому и не опасаюсь, чтобы вы за ласкательство, когда я скажу вам, что я чрезмерно был обрадован, узнав, что Его Императорскому величеству угодно было поручить вам отправление всех, до Герцогства Варшавского касающихся дел. Строгое наблюдение за исполнением воли Государя Императора, попечительность и точность, отличающие вас во всех случаях, подают мне несомненную надежду, что дела наши пойдут здесь гораздо скорее и успешнее против прежнего.

Сие удостоверение поощряет меня представить в прилагаемой у сего особой записке, замечания мои на некоторые части к управлению Герцогства Варшавского принадлежащие.

Вашему Сиятельству известно на какой я ноге я с Василием Сергеевичем и сколько мне больно было бы сделать какой либо шаг который мог бы нанести ему хотя малейшее неудовольствие, но с другой стороны опасаясь навлечь на себя справедливое нареkanie, что я по видам частного угождения не оправдал столь драгоценной для меня доверенности Государя Императора; решаюсь наконец согласить все сие Представлением вам приватным образом, некоторых наших недостатков, равно и средств которые мне представляются удобнейшими к исправлению оных.

¹⁹²⁵ РГИА Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 2–17 об.

Ежели ваше Сиятельство найдете некоторые из оных удобными к исполнению, то я желал бы, чтобы, не упоминая обо мне, последовало Высочайшее повеление о приведении в действие то, что принято будет за благо. Вообще, мне кажется, что сей ход дела гораздо действительнее, потому что у нас без того весьма много проходит время в пустых суждениях, которые не все происходят от одного источника.

Примите, Милостивый Государь, сию откровенность мою за знак особенного моего уважения и той истинной преданности, с которой имею честь быть

Вашего Сиятельства

Покорный Слуга

N Новосильцов

Варшава, 30 сентября (12 октября) 1813.

PS Ежели вам угодно будет ответить, то прикажите фельд-егерю самому ко мне занести письмо и буде бы меня дома не было меня оставить.

I. Полиция

В завоеванном крае и в таком, где дух жителей столь не благонадежен как в Герцогстве Варшавском, особливо же в продолжение войны, учреждение со стороны предержащей власти, исправной и никакому сомнению не подверженной полиции, должно составлять один из важнейших предметов управления.

Необходимость сего учреждения сколь ни очевидна, со всем тем в Герцогстве Варшавском ни малейшего следа еще оному не положено.

Часть сия (полиция), вверенная особенному и исключительному ведению генерал-губернатора, находится и по сей час в руках таких же властей Варшавского Герцогства, которые управляли оною до вступления российских войск. Правда, что открытием Верховного совета один из российских

чиновников 6-го класса Свечин определен Варшавским полицмейстером, но он, не имея никого под своим ведением действует только лицом своим. Все сведения получаются и распоряжения приводятся представителем прежней полиции: следовательно она одна и действует. Вообще должно сказать, что существующая до до ныне в Варшавском Герцогстве полиция имеет только те качества, которые нужны для распространения надзора своего над российским правительством, но никаких для надзора со стороны сего последнего за поступками жителей герцогства и действиями его чиновников.

Таковое положение хотя по сие время не имело еще никаких опасных последствий, потому что оружие наше, по благодати Божией, увенчанное непрерывными успехами, не позволяет возникнуть никаким вредным для нас покушениям: со всем тем нельзя утверждать, чтобы ощущаемый недостаток в надзоре не был сопряжен с важными неудобствами.

Порядок требовал бы чтобы Российское Правительство имело всегда достаточные сведения как о жителях постоянное пребывание имеющих, так равно о всех приезжающих и отъезжающих, особливо в отношении к иностранным. Для сих последних следовало бы учредить билеты (*cartes de Sûreté*¹⁹²⁶) без которых никто не смел бы их содержать в своих домах под опасением строжайшего взыскания. Нужно бы также постановить чтобы они сами лично являлись в полицию для получения и возобновления сих билетов в положенное на то время; и тогда только возможно было бы предупредить то что случается ежедневно, что пленные французы беглые, равномерно вредные и подозрительные люди, нередко и самые преступники, безустанно нами отыскиваемые, скрываются в домах жителей герцогства; тогда только российское правительство могло бы оградить себя от шпионов и злонамеренных людей, которых неприятель может расселять по всему герцогству с тем чтобы доставить ему сведения и возмущать противу нас народ в случае неблагоприятных для нас обстоятельств. Но все сии меры не

¹⁹²⁶ Охранный лист (франц.)

прежде могут быть приведены в действие как по учреждению собственной нашей российской Полиции и такой которая, не только чтоб надзирала над здешнею, но в случае могла бы и сама действовать независимо от оной: ибо на верность краевой полиции, которая по сие время есть единственное наше орудие, равно как и на чистосердечное ее содействие никак полагаться не можно.

Не распространяя более моего рассуждения о пользу учреждения российской полиции, не говоря о настоятельной нужде иметь в своих руках средство наблюдать за духом народа и расположением умов, за злоупотреблениями Правительством употребляемых чиновников, за беспорядками, а часто неистовыми поступками воинских команд которые вообще с некоторого времени стали вести себя весьма худо, дабы приличными мерами и скорым обузданием отвратить все вредные последствия от того произойти могущие, и полагая что все сие должно уже разуместься под словом *полиция*, я представлю здесь в вкратце главные черты образования оной, они состоят в следующем:

1-е.

Учредить в Варшаве Совет Центральной полиции Герцогства Варшавского и составить его из генерал-губернатора, который должен в оной председательствовать, одного из генералов Польской армии и вице-президента Верховного совета, подчинить ему Департамент Министерства полиции, комендантов по части полиции и российскую надзорную полицию (*contre Police*), о коей говорено будет ниже сего.

Сим образом сосредоточить в сем Совете власть военную и власти гражданские, разделение которых представляет почти непреодолимое препятствие к водворению порядка и общего благоустройства. Меры принимаемая гражданскою властью для отвращения насилий не распространяются на военное сословие, а потому нет единства и вместо предупреждения преступлений благоразумными постановлениями и ограждением прост[ых] жителей от притеснений и обид, гражданское

начальство занимается только напрасною и бесполезною переписку с военными, по совершении уже преступлений.

2-е.

В Варшаве, которая разделена на 8 циркулей и имеет директора полиции и по одному приставу в каждый циркуль, определить российского обер-полицмейстера, который был бы с директором в том же отношении как областные начальники с префектами; а в циркулях ежели не можно в каждом по одному, то по крайней мере в двух по одному полицейскому инспектору на том основании.

3-е.

В девяти остальных департаментах Варшавского Герцогства определить также по одному инспектору с помощником.

4-е.

Все сии чиновники, каждый в своем кругу, должны действовать гласным образом, носить полицейские мундиры и входить во все распоряжения к их должностям принадлежащая.

5-е.

Сверх сих гласных чиновников, каждая часть города Варшавы, которая будет состоять из двух циркулей, должна иметь человек пять лазутчиков, выбранных из прусаков и других немцев и жидов, для употребления оных под руководством инспектора и Полицмейстера и с ведома Совета, скрытным образом на разведования всего что в их части происходить может. Лицы сии, равно как и действия оных должны быть сокрыты от прежней Полиции.

6-е.

Департаменты, смотря по надобности местным обстоятельствам, должны иметь также от 5 до 10 человек подобных сим людей.

7-е.

На ежегодное содержание сей полиции определить и дать в распоряжение Совета от 250 до 300 тысяч злотых, обротя в оное число отпускаемые и по ныне из Казначейства в Департамент Министерства

полиции весьма значительные суммы на содержание секретной полиции которой в настоящих обстоятельствах не только существование, но и самое наименование терпимо быть не может; наконец предписать Совету полиции снабдить всех чиновников оной нужными инструкциями с определением в оных круга действий каждого и соотношения их между собою и начальством: одним словом составить подробный план учреждению российской надзорной полиции (*contre Police*) в Герцогстве Варшавском.

В дополнение всех сих мер нужно также было правительству обратить внимание свое на лесную часть Герцогства Варшавского. Она в величайшем расстройстве; злоупотребления дошли в оной до высшей степени: все доходы расхищаются безотчетно. Часть сия прежде сего была вверена управлению Г-на Бадина, который при вступлении российских войск в Герцогство из онаго выехал и оставил по себе преемника по собственному своему выбору. Ежели и к сей части приставлен будет также российский чиновник и вместе с сим постараются ввести в число нижних служителей по собственному нашему выбору людей, то кроме того, что сим образом можно будет поправить вкравшиеся злоупотребления, откроется еще и важная для полиции польза, что она приобретет средство знать все, что делается и скрывается в лесах. В случае каких-либо вредных замыслов со стороны жителей Герцогства Варшавского (чего, однако же теперь ожидать не можно) нет сомнения, что скопища людей, складка оружия, провиянта, фуража и тому подобного, будут иметь свое убежище в лесах. Почему должно Правительству всегда иметь их, так сказать, в своих руках. Предмет сей и по сему заслуживает также некоторого уважения, что большая часть лесничьих, каких число во всем Герцогстве довольно значущее, заключает в себе весьма искусных стрелков, и что польское правительство, в нужных случаях, всегда имело к ним свое прибежище для формирования егерских команд.

II. Продовольствие войск [...]

Рассчитывая [...] необъятное количество продуктов по числу войск на продовольствие на продовольствие герцогства лежащих, нельзя не убедиться,

что большая часть оных не на войско истрачена, но расхищена по злоупотреблениям. Польза войска и польза сего края, который изнывая под тяжестью всех требований силы его столь много превышающей, доходит до отчаяния видя себя уже на краю гибели от общего голода который неминуемо должен последовать, ежели требования сии не войдут в естественные свои пределы; обе пользы сии требуют чтобы высшее начальство без малейшего отлагательства обратило внимание на сию часть (на продовольствие) и приведением оно в лучшее устройство оградило край сей от пагубных действий вкравших в оную злоупотреблений.

Средства, которые могут содействовать столь полезной цели, должны быть извлечены из самых злоупотреблений, а потому прежде изложения оных, должно определить в чем сии злоупотребления главнейшим образом состоят.

Для соблюдения некоторого порядка в мыслях можно их разделить, по мнению моему, на два рода, а именно: на злоупотребления со стороны смотрителей за магазейнами или отдатчиков, и на злоупотребления со стороны военных команд, или преступников.

Первый (магазейщики) следуя корыстолюбивым своим видам в которые по большей части входят и под-префекты смотрение за ними иметь должныствующие, вместо того, чтобы принимать в магазейны провианта натурою берут с обывателей за все количество которое они обязаны выставлять дешевою ценою, деньгами, и дают им квитанции; или просто сказать продают им квитанции: а когда военные команды являются с требованием, то вместо провианта в натуре выдают им еще и того дешевле деньгами и берут у них квитанции, или просто сказать, покупают дешевою ценою квитанции у военных команд и таким образом заменяют одни другими. К сему должно еще присовокупить, что как все управление кажется основано здесь на корыстолюбии и обмане, то и форма книг так к тому приспособлена что и проверять их почти нет возможности. Сверх сего бывают еще и такие случаи что смотритель за магазейнами или не имеет довольно денег в готовности для удовлетворения команд, или не сойдется ценою с

приемщиками и тогда вместо провианта, которого у него нет на лице, дает ассигнацию на одного из обывателей, который еще не выставил своего участка. Приемщик является к нему, уговаривается в цене, берет деньги и дает квитанцию, которую обыватель представляет в магазейн вместо наличного провианта. Из сего мне видно, что магазейны, большею частью, бывают пусты, а солдаты, не находя ни где приготовленного для себя продовольствия, питаются у крестьян, которые, неся от того двойную тягость, приходят в такое изнеможение платить подати и удовлетворять всем требованиям что из отчаянья оставляют своим поля непахаными, бросают дома и уходят.

Кроме сих злоупотреблений, о коих здесь поминается, есть еще один род, который уже собственно относится до воинских команд. Он состоит в том 1-е что воинские команды представляют требования свои в магазейны на такое число войск как они заблагоразсудят показать и что никто наличного числа их не проверяет; 2-е что они на одно и то же время не редко в двух и в трех магазейнах берут провианта. Присовокупив сии последние злоупотребления к первым, нельзя не согласиться в том, что нет края, как бы он изобилен не был, который со временем не истощился бы совершенно и не дошел до крайности, ежели таковые злоупотребления будут действовать чрез долгое время совокупно.

Для отвращения оных и устроение по сей части порядка, обеспечивающего как продовольствие войск, так и благосостояние жителей, вышнее начальство должно предполодить себе нижеследующую троякую цель:

1-я. Чтобы магазейны как по венным дорогам расположенные, или этапы, были действительно наполнены наличным провиантом.

2-я. Чтобы надзор за магазейнами и поверка оных устроена не идеальным только, но существенным образом: так чтобы плутовские обороты зрителями за магазейнами (магазейнщиками) могли всегда скоро обнаруживаться и наконец

3-я. Чтобы воинские команды брали только на одно наличное число войск и не деньгами, а провиантом, и чтобы не могли из разных магазейнов брать на одно и то же время.

I. Для достижения первой цели (т. е. чтобы наполнить магазейны провиантом) Верховный совет занимается составлением плана и ежели оный удостоится Его Императорского величества утверждения, то можно надеяться, что сия цель выполнится. Герцогство Варшавское со времени французского в оном Правления обязано декретом сейма давать, сверх податей, ежегодного продовольствия на 60,000 человек войска; сие количество полагалось тогда соразмерным его силам. С вступлением российских войск в герцогство забранное оным количество провианта ежели не четвертую, то по меньшей мере тройную противу сего препорцию, так что на сей раз требование сие должно простираться на 1817 или 18 год. Обыватели, будучи отягчаемы до крайности разнообразными реквизициями и заборами и принуждаемы при всем том платить и текущие подати и недоимки, и видя себя в совершенной невозможности их выполнить, приходят в такое отчаяние, что готовы бросить свое имение и оставить его в руках казны под секвестром: следовательно легко предвидеть можно что требование наше на 1818 год останутся безуспешными, не взирая ни на какие экзекуции, ниже на самый секвестр, ежели исполнение сих требований не будет им чем ни будь заменено:

По сей причине Совет полагает в основании своего плана о заборе хлеба постановить:

Чтобы те квитанции, которые будут выданы обывателям, выставившим свой участок провианта к известному времени и в назначенные магазейны были принимаемы в уплату лежащих на них недоимков прежнего правительства, т. е. копившихся еще до вступления российских войск. Сим образом нет сомнения что почти вся положенная препорция войдет и поступив в запасные магазейны составит в оных 4-х месячную препорцию на 180, 000 человек войска: тогда как состоящем в недоборе провиантом, по запланированным уже нарядам и который должен быть строжайшим образом

взыскан, наполнятся все этапы по военным дорогам лежащие. Сумма, имеющая таким образом вступить в уплату старых недоимок квитанциями, может простираться от 12 до 15 миллионов злотых, а всей старой недоимки считается до 58 миллионов. Трудность, с которой сопряжено взыскание одних текущих податей не позволяет ни мало сомневаться, что мы никакими усилиями не в состоянии будем выбрать ничего из старой недоимки: следовательно пожертвование за столь полезное дело 15 миллионов в самом существе никакого казне ущерба не принесет.

По приведении сего в исполнение кажется мне что вышнее начальство могло бы распространить и на хлебную реквизицию, уничтожение мясной и винной, о которой воспоследовало высочайшее Его Императорского величества повеление: ибо Верховный Совет имея в запасных своих магазейнах 4-х месячную препорцию на 180,000 человек будет всегда в состоянии доставлять провианта куда нужда того востребует, если только заблаговременно будет о том уведомлен.

Количество этапов, ежели я не ошибаюсь, простирается до 250. Нужным кажется рассмотреть вновь все военные дороги нет ли между ними изменений и таких по которым войска никогда не проходят? С уменьшением военных дорог уменьшилось бы и число этапов. Не бесполезно было бы также дать всем военным начальствам строгое предписание чтобы без большой нужды не располагали войск на квартирах по военным дорогам, от чего трудность в продовольствии значащим образом увеличивается. Вообще, я полагаю, что весьма полезно было бы для блага жителей и для обеспечения продовольствием поставить какую-нибудь препорцию провианта и фуража которую бы край обязан был давать безденежно, предоставляя за излишнее протву оной количество даваемых квитанций принимать в казначейство в уплату старых недоимок. Сим образом, обыватели, видя возможность своими продуктами выплатить лежащий на них казенный долг, для взыскания коего посылается к ним беспрестанно экзекуция, будут поощрены привозить провиант и можно ручаться что недостатка в оном не будет, и они останутся

довольными. Впрочем, правительство всегда иметь может в своих руках умеривать взнос сих квитанций, постановляя принимать оные в половине или в третей доле противу наличных денег, смотря как того обстоятельства потребовать могут.

II. Что касается до надзора за магазейнами, то, как главная погрешность состоит в том, под-префекты, на коих оные возложены, не редко сами бывают участниками злоупотреблений, то я полагаю, что не может быть лучшего средства для усовершенствования сего надзора, как предоставить его чиновникам, избранным обывателями из среды себя. Никто более их не страждет от сих беспорядков, следовательно никто лучше и наблюдать за ними не будет. На сей конец можно предписать *Поветовым радам*, которые съезжаются только по временам чтобы не менее трех человек из них имели постоянное пребывание в Поветовом городе и строгое за магазейнами смотрение. Подчинив им таким образом магазейны, и дав находящимся в оных книгам новые и удобные для свидетельствования формы, должно открыть путь сношениям сих Поветовых рад с Верховным советом через посредство Центрального комитета, которому они должны быть в обязанности доносить о всех злоупотреблениях и предоставлять смотря по местным обстоятельствам, удобнейшие средства к истреблению оных.

Впрочем, ежели встретились какие непредвиденные неудобства для употребления на сей предмет рад поветовых то можно предоставить каждому повету право избирать и нарочно для сего несколько человек из своих обывателей. Сим средством вся ответственность за злоупотребления магазейновых смотрителей перед жителями отчуждена будет от российского правительства и ежели [в] последствии какой-либо ропот и открытия по сему предмету, то он обратился бы уже на самих обывателей.

III. Прекращением злоупотреблений в магазейнах прекратиться большая часть оных со стороны воинских команд: ибо когда у первых отымет средства продавать обывателям свои квитанции, то отымет и способ покупать оные у воинских команд: следовательно и вся торговля сия пресечется. Остаться

будет только устранить такой порядок, который не позволял бы воинским командам брать провиант на излишнее число людей и в двойне.

К достижению сей цели кажется не мало могло бы способствовать, ежели бы вместе с аттестатом дачи провианта который команда должна представить в магазейн и оставить его в оном при делах, взять новый с означением числа, по которое в нем удовольствован (чего однако же в герцогстве почти никогда не делается, в просто представляется требование иногда со свидетельством коменданта а в других случаях и без свидетельства) ежели бы говоря вместе с оным или вместо оного каждая команда имела бы всегда при себе открытый лист, или марш-рут, в котором бы смотрители магазейнов обязаны были вписывать своею рукою какое количество провианта каждый из них отпустил той команде и на какое число и по какое время она была удовольствована. Таковые марш-руты данные комендантом при входе в герцогство, по освидетельствовании наличного числа людей и лошадей и означении его в оном, будучи отдаваемы при выходе из герцогства или по прибытии в назначенное место пребывающим там комендантом же, а от оных отсылаемы для обревизования в нарочно учрежденную для сего при интенданте комиссию могли бы по мнению моему большею поверкою и обузданием оказывающимся в таковых случаях злоупотреблениям. В дополнение всех сих мер кажется, не бесполезно было бы также сделать строгое предписание всем комендантам чтобы они со своей стороны смотрели также чтобы воинские команды не брали на излишнее число провианта, и чтобы для сего часто оные поверяли; а где комендантов нет то казалось бы что в сумнительных случаях следовало бы и гражданских российских чиновников к сей поверке допустить.

30 сентября (12 октября) 1813 года

Варшава

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

**Приложение к записке Н. Н. Новосильцова «Замечания до управления
Герцогства Варшавского касающиеся». 1813 г. –**

«Мемория барона Штейна об управлении Герцогства».

1 февраля [1813]¹⁹²⁷

Никогда не было прилагаемо столько стараний для воспламенения в поляках народного духа, как в последние 6 лет.

Средствами к достижению сего служили не только народные собрания, собрания земских и государственных чинов, речи, изданные ведомости и сочинения, учрежденные народные празднества и зрелища, но даже увещания в проповедях и на исповедях, и что еще хуже были для взрослых молодых людей самые школы; равным образом клонилось к тому распространение французской... масонской системы как пружина наполеоновской тайной полиции.

Суетность и гордость, стремление к владычеству и завоеваниям, везде с таким успехом проповедуемы были за добродетели, что вскоре поляки возмечтали быть храбрее, мудрее и могущественнее всех других народов, а молодые люди занялись мыслью о правах, которые на занятие тех земель имели, куда некогда доходили толпы поляков и где польский язык в употреблении был между простолюдинами – существуют нарисованные карты, на которых границы Польши назначены глубоко в России с присоединением Пруссии и Силезии.

Все, что служило в польский армии, громко предубеждено было в пользу Наполеона, участием в славе французского оружия, ложною блистательностью и безопасностью в каковой они, будучи в военной службе жили, что благомысленный отец опасался показывать при сыне своем неудовольствие, которое он ощущал от тяготных податей и налогов.

¹⁹²⁷ РГИА Ф.1409. Оп. 1. Д. 1159. Л. 18–23.

Теперь все переменилось. Жалкие остатки польской армии питаются питают большею частию глубокую ненависть к тому, который их вел на убой. Они это видят и усмотрели из ответа, полученного Депутатами Конфедерации, что Наполеон никогда не разделял искренно с поляками мнения своего, но напротив охотно бы увидел возможность превратить Польшу в пустыню, дабы уничтожить Германию, отделить через то от России, а Польше предоставить заниматься ремеслами и пруготовить в ней житницу для дальнейших своих военных операций. И как намерение Наполеона состояло в том, чтобы навсегда пожертвовать Польшею, заставить ее трудиться для счастливейших народов и едва достроенные хижины предать новому разграблению, при том же польские солдаты с горестию испытали презрение каковое французы к ним оказывают и теперь единогласно Наполеона и французов проклинаят. Число тех однакож, которые умели почерпнуть из того полезный для себя урок, к сожалению, весьма мало, и они столько же безгласны, сколько помещики и поселяне. Теперь, напротив того, служителями государства суть те, которые показывают наиболее деятельности и шуму.

Они не столько опасаются потерять жалованье, которое и без того было мало, а часто и удерживаемо, как всегда сопряженные с занимаемыми ими местами, или лучше сказать: они страшатся.

Между ими находится множество молодых людей, которые в последние 6 лет, хотя и рано оставили школы, но успели уже в них напитаться ядом народной ненависти, злопамятства и угнетения. От сих-то молодых вертопрахов, почитающих кровожадное мщение, непримиримую злобы, за благороднейшие чувства надлежит всего опасаться; какой бы конец не последовал, он их не устрашает, ибо они в ослеплении своем не видят пропасти, в которую готовы упасть.

По сему нужным предполагается принять следующие меры:

1-е. Разрешение вышних земских начальств в уничтожении опасных связей, и предоставление им прав действовать над каждым особо, издавать известия и брать под стражу.

Во всех подобных случаях выгодно бы было учреждение военного управления, а при учреждении уездных или под-префектур и употреблении лучших чиновников Главной префектуры, военное и земское управление через посредство определенных губернаторов без затруднения и лучше в состоянии будет действовать, нежели при нынешнем образовании.

2-е. Уничтожение истинно французского учреждения меров и тому подобных чинов, которые вовсе не нужны, ибо каждый земский исправник и каждый помещик находится будет по-прежнему под ответственностию ландратов или под-префектов, уездных начальников и Губернаторов департаментов.

3-е. Удаление таких уездных префектов, которые по известной склонности к французской системе не могут быть употреблены; и замещение их верными и беспристрастными людьми.

4-е. Удаление всех действительно опасных учителей, к чему способствовать могут находящиеся в монастыре пиаров в Варшаве старый ректор Копчинский и директор Варшавского лицея Линде, люди достойные уважения, которые (а особенно по учености своей г-н Линде) полезны могут быть для прекращения вредного над умами влияния в России.

6-е. Разбор всех учебных книг, между которыми находятся весьма соблазнительные.

7-е. Распространение таких кратких сочинений, кои без оскорбления могли бы открыть глаза народу и направить их к истинной цели.

8-е. Упразднение таких масонских лож, которые преданы французской системе и открытие тех из них, которые заперты были для того единственно, что не хотели подвергнуться надзору французской полиции.

9-е. Замечание всех подозрительных людей, дабы можно было иметь надзор над их поведением, кругом обращения и корреспонденциею.

Хотя поляки не в состоянии теперь что-либо значащее предпринять, и без сомнения пойдет в них чад, в котором они кружатся, но не должно выпускать из виду, есть ли где-либо окажется неблагонамерение, или есть ли

где рассеваются тайные известия и вредные разглашения. Равным образом должно обратить внимание на школы, на существующий в них злобный дух, истреблять внушаемую там в молодых людях, непримиримую ненависть, мщение и гонение, и стараться поселять в них понятие о мирной гражданской жизни, как об истинном благодеянии.

Без сомнения трудно, да и невозможно почти поместить везде достойных людей; но довольно будет положить основание такой возможности, которая со временем приобретет пространнейшее расширение. [...]

1 февраля.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.**Манифест Александра I о создании Царства Польского, 13 (25) мая
1815 г.¹⁹²⁸**

Божиею милостию Мы, Александр Первый Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и проч. и проч. и проч. объявляем всенародно.

На довершение всемирного порабощения простертая до самых недр отечества Нашего война отверзла победоносной России и Европе врата Парижа. Сие событие возродило в Нас праведную надежду независимость народов паки узреть под кровом справедливости, правомерия и законообразной свободы, коих начала неограниченным господствованием военного правления изглажены уже были из гражданских и политических уложений народов.

Дабы увенчать сию надежду счастливым успехом и распространить благотворение прочного и незыблемого мира на все народы бременем понесенных бедствий отягченные, возван и установлен был Конгресс в Вене; но для достижения сей спасительной цели необходимость требовала, чтобы каждый из сих народов согласовал свои собственные права и выгоды с пользой Европы, принеся в дар общему благу новые жертвы. Сии уважения, столь определительные, решили жребий народа Польского.

Нужно было паки поставить его на чреду народов, коих собственное счастье побуждает к защите общего дела, и для сего надлежало даровать ему свободу наслаждаться всеми нравственными и политическими благами, составляющими отличное достояние и предмет особенных вожелений просвещенных народов.

Со всем тем занимаясь возрождением сей новой частицы Европейской системы, польза народа Польского не могла составлять исключительного

¹⁹²⁸ Манифест обращен к жителям Царства Польского, в Российской империи не публиковался. Цит. по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об. Оригинальный печатный текст на русском и польском языках см. также: РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об. Опубликованный манифест на польском языке: *Gazeta Warszawska*. 1815. № 49. S. 887–888. В мемуарах Огинского, изданных на русском языке, цитируется перевод текста с польского оригинала: *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. С. 367–371.

предмета уважений. Благо каждого, равно и неприкосновенность всей системы возбранили обращаться к предположениям могущим нарушить равновесие и общую безопасность. Здравая политика, опыты прошедших времен и самая вера, побуждающая Нас к воззрению на долговременное несчастье народа заслуживающего уважение, налагают на Нас священную обязанность, не щадить никаких жертв на охранение спокойствия мира и ограждение Европы от новых бедствий.

Поляки! Нам приятно всегда было воздавать прямую цену благородству ваших чувствований и неослабным усилиям устремляемым единственно на восстановление вашего отечества, вами превыше всех благ чтимого.

Пламенное стремление ваших желаний часто устраняло вас от сей спасительной цели и увлекало на пути, которыми достигнуть оной было не можно. Время заблуждений и сопряженных с ними бедствий уже миновалось. В противоположность оным Мы всегда поставляли, даже и в отношении к преступившим свои обязанности, великодушное прощение, чистосердечное забвение прошедшего и искреннее желание загладить следы ваших несчастий приспешением вам благоденственных дней.

Постановления заключенного Нами в Вене трактата определяют образ отечественного вашего бытия и пользы, которые вы приобретете под Державой Нашей.

Поляки! новые союзы соединят вас на все грядущие времена с народом, отличающимся величием своего духа. Древнее единоплеменство, мужество достойное вашего соревнования, одинакие с вами нужды и пользы и общее с ним столь знаменитое наименование, Славянского народа, свяжут вас узлом братской любви. Законоположенное и вечное присоединение сопряжет судьбу вашу с судьбой Империи, которая и по единому могуществу не может искать распространения и руководствоваться иными правилами, кроме как внушаемыми правосудием и щедротой.

От сего времени любовь ваша к отечеству, озаренная опытностью и путеводимая признательностью обратится на отечественные учреждения к

занятию всей ее деятельности в полной мере достаточные. Законоположения приспособленные к местным обстоятельствам вашей земли и к вашему характеру, употребление отечественного языка, отправление Государственных должностей, совершенная свобода торговли и судоходства, удобное сообщение с странами оставшимися в чуждом владении, войско из народа вашего составленное, открытые пути к постепенному усовершенствованию ваших законов, вашей промышленности и к распространению между вами просвещения, суть те выгоды, коими вы будете пользоваться под Нашим и наследников наших скипетром. Они составят неприкосновенное наследие переходящее из века в век к вашим потомкам.

Сие новое владение соделано Царством Польским. Вождевленное наименование, которое вы столь долгое время, с напряжением всех сил ваших, взывали, и для которого столько излили крови.

Во избежание всех трудностей возникших относительно обладания Краковом, Мы предложили учредить его вольным и нейтральным городом. Находясь под защитой и покровительством трех дружественных Держав, и посвятив себя единственно наукам, художествам и торговле, сей город будет наслаждаться тихим и безмятежным благоденствием. Возвышенными чувствами руководимая политика оставит его по себе памятником воздвигнутым в том месте, где наиболее встречается воспоминаний блистательных времен вашего бытописания, и где почивает прах достойнейших ваших Государей.

Наконец для увенчания дела, которому исполненные бедствий времени толико противоборствовали, постановлено: чтобы народовость ваших собратий, находящихся под управлением Австрии и Пруссии, была охранена попечительностью о ней взаимных Держав.

Поляки! блаженство вашего народа устроено тем единственно образом, который в кругу возможности находился. Отечество вам возвращаемое должно было не подать повода ни к зависти, ни к опасению со стороны соседственных вам земель; а еще менее к воспламенению новой войны в

Европе. Таковы были желания друзей рода человеческого, самых соотчичей ваших, и наконец таковы и веления здравой и благоразумной политики.

Согласно торжественным постановлениям Европейского Конгресса в Вене созванного, и в следствие уступленного Акта Его Величества Короля Саксонского, Мы вступаем в вечное владение областей прежде бывшего Герцогства Варшавского Нам по трактатам доставшихся, и учреждаем в них временное Правительство составленное из особ Нами уполномоченных. Обязанность их будет состоять в приведении вашего края без потрясений к тому постоянному и законоположенному благоустройству, для коего вы сами споспешествовали приуготовить начала.

Вы получите чрез Наместников наших изложение выгод Венскими постановлениями вам предоставленных; познаете и те, которые проистекают от законоположенного присоединения вашего отечества к Нашей Империи: Союз сей определит ваши права, ваш жребий и ваши обязанности.

На сей конец Мы призываем жителей всех сословий, Войско и Гражданские чины учинить Нам на верность присягу. Она будет залогом вечной народа Польского к Нам преданности и Нашего о нем отеческого попечения. Первое оного действие обратится на облегчение вас, в предыдущее время от тягостных налогов стечением бедствий отечество ваше обременивших. Нам известно сколь далеко они простираются, и Мы с прискорбием взирали на невозможность вас до сего времени от оных освободить.

Поляки! достопамятный час преобразивший судьбу вашу да утвердит и укрепит вас на вечные времена в ваших желаниях, ожиданиях и чувствованиях! Ревность ваша ко славе Нашей Империи и непоколебимое упование на благие Наши намерения да оправдают благотворение даровавшее вам новое бытие, и да сделают вас достойными постепенного улучшения вашего жребия.

Вена, мая 13 (25) дня 1815 года.

Александр

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Записка неизвестного из архива Н. Н. Новосильцова «О правах иностранцев». Первая четверть XIX в.¹⁹²⁹

Законом об актах гражданского состояния определив, каким образом удостоверяются права гражданские, следует постановить всем-ли лицам в государстве пребывающим права сии принадлежат без изъятия и в полной их мере, или с некоторым различием и постепенностию и в чем должна состоять сия постепенность.

Выше уже было отмечено, что гражданские права возникают из отношений личных – отца к сыну, мужа к жене, попечителю к лицам под опекою состоящим; они возникают из отношений лиц между собою по имению, по купле, продаже, наследству и взаимным условиям.

Государство удостоверяет права сии частным лицам установлением судов, полиции, разных сил понудительных, оберегая покровительствуя их во всех положениях жизни. Во взаимство того, оно возлагает разные обязанности, как то: личную службу, вещественные подати и тому подобные меры к поддержанию сих прав необходимые.

Не справедливо было бы, чтобы права принадлежали всем, а обязанности лежали только на некоторых. Не справедливо было бы, чтобы один был привязан к государству и рождением, и местопребыванием, и всеми обстоятельствами жизни, из рода в род неся обязанности с положением сим сопряженные, жертвовал бы даже иногда ему и своею жизнью, а другой, пришелец из страны чуждой, мог под тем же покровительством законов все продать, все купить, все приобрести и потом оставить государство по своему произволу.

Отсюда произошло, то важное различие, которое во всех государствах установлено между иностранцами и коренными обывателями; закон гражданский, определяя права гражданские вообще должен определить и меру

¹⁹²⁹ Архив Института истории РАН (СПб). Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–27 об.

распределений между подданными и иноземцами. Предмет сей представляется в числе первых во всех гражданских уложениях.

Начальник отделения гражданских законов издавая оный во всем пространстве, нашел в существующих у нас законах разные затруднения и изложив их в подробности представил к разрешению. Сила представлений его кратко состоит в следующем:

1. О свойстве и разделении прав иностранцам принадлежащим.

В Гражданском уложении два только вопроса могут быть об иностранцах, а именно: в какой мере принадлежат им

1. права гражданские личные.

2. права вещественные. Но углубляясь в сем вопросе, сочинитель нашел нужным для лучшего их определения вникнуть и изобразить все вообще права как политические, так и гражданские, кои могут быть присвоены людям сего рода.

В самом деле во многих государствах и особенно в нашем права гражданские и вещественные во многих отношениях связаны с правами политическими^{*1930}, и потому не можно определить первых, не означив с точностию сих последних.

В сем уважении рассуждения в общем виде о всех правах, кои иностранцу могут быть присвоены в России, сочинитель приемлет его так сказать, в самом в-ступлении его в империю, и следуя за ним во всех его положениях означает разные вопросы и недоумения, кои в каждом из них встретится могут.

Во-первых. Вступление иностранца в пределы государства и образ его возвращения.

Здесь естественно представляется вопрос, какие правила, какие обряды должны быть при сем соблюдены.

¹⁹³⁰ «напр. в покупке и продаже деревень» (Примеч. источника).

Во-вторых. Быв допущен в пределы государства, иностранец должен быть уверен в безопасности своего лица и имущества, то есть: должен быть уверен, что во всех случаях он будет судим, разбираем и защищаем общим законом государства. Но каким именно местом, в каком порядке и по какому роду дел и обязательств он может быть подсуден?

В-третьих. Под защиту законов он может избрать какой-либо промысел. Но каждой ли без разбору должен быть к сему избранию допускаем какие права и обязанности отсюда для иностранцев происходят?

В-четвертых. По нуждам государства, или по уважению к отличным талантам он может быть принят в службу. Как права, так и обязанности отсюда происходят! Отправляя чиновную службу, иностранец становится ли российским дворянином потомственным; может ли оставить службу по произволу [и] удалиться за границу.

В-пятых. Достигнув сего, иностранец в службе не есть еще коренной обыватель Государства. Служба не везде даст ему право сочленом дворянского или купеческого сословия, иметь право выбора или быть избираемым: словом, он не имеет еще полного участия в правах политических, чтобы сего достигнуть, он должен вступить в подданство, или укоренить себя (*naturaliser*); какой порядок, какие условия должны быть назначены для сего укоренения; и какие должны быть оного последствия?

Шестое. Между тем иностранец может вступить в брак с россиянкою. Теряет-ли он сим право подданства; должно-ли следовать мужу за границу против ея воли?

Седьмое. Он может иметь от сего брака детей. По отцу или по матери определяются их права и обязанности?

Осьмое. Он может приобретать, продавать и вступать в разные сделки. Все-ли может он приобретать в недвижимости: может-ли владеть и деревнями, не быв укорененном в Российском Дворянстве. Полномочия на продажу дают ли ему право владения?

Девятое. Стяжав имение или привезя его с собою, он может пожелать укрепить его иностранцам по завещанию. Дозволить-ли ему таковые укрепления?

Десятое. Смерть постигнет Иностранца и его имение останется без завещания. Должно-ли допустить к наследству родственников иностранных и на каком основании делить его?

Сии десять отделений объемлют все те положения, в каких иностранец может в России перед законом находиться, и разрешением вопросов отсюда возникающих, определяются в полной мере все права как политические, так и гражданские.

Приметить здесь должно, что из общего рассмотрения прав иностранцев, изъемятся два рода людей: 1. иностранцы, кои призываются в службу на особенных условиях, как то: лекари, артисты, ученые; особенные права их и обязанности определяются контрактами или условиями от Правительств учрежденными; а гражданские основаны на общем законе; 2. изъемятся также колонисты, вызываемые на известных условиях более или менее выгодных; права их означаются в особенных грамотах и привилегиях, а в том, что не определено сими грамотами, подлежат они общему закону.

II. Затруднения, в законах существующих:

Прилагая случаи, выше изображенные к законам у нас существующим, открывается, что некоторые из них определены с надлежащею точностию, другие же необходимо требуют пояснения и дополнения.

1. *Вход и возврат иностранцев.* Дозволение иностранцам не может быть предметом коренного или постоянного закона. Дозволение сего, и образ его, по самому существу своему зависит от множества временных и внешних соображений, и как в других государствах, так и у нас всегда поставляемо было в числе прременных мер, благоразумию правительства вверяемых.

Возврат иностранцев может быть или произвольный или понудительный. В первом случае в законах наших давно уже установлено правило: 1, что иностранец свободен оставить Россию, заплатив трехгодичную

подать; 2, есть ли же по состоянию своему не был он в окладе: то должен заплатить десять процентов с вывозимого им движимого имущества. Правила сии ясны, и хотя на опыте могут быть в них злоупотребления: но закон сам по себе не требует дополнения ибо злоупотребления сии от него не зависят. Во втором случае возврат иностранных вводить в число мер, усмотрению правительства предоставляемых.

2. Выборы состояния. Образ, коим иностранцы могут в России избирать состояние или промысел, определен с подробностию в Городовом положении и в уставах о цехах: а купеческий промысел ограничен манифестом 1 января 1807 года.

В Городовом положении означено, каким образом иностранцы записываются в цех по своему ремеслу, какие несут повинности и какому подведомы управлению. Упущения, кои в сем роде дел нередко были примечаемы зависят от недосмотра полиции, и в свое время при сочинении полного ее устава предложены быть могут. Но есть два вопроса, кои в сем отношении не разрешены законами:

а) Есть упражнения, кои не можно отнести точно ни к какому промыслу или цеху и кои большею частию отправляются здесь иностранцами: таковы суть должности учителей, гуверниоров, музыкантов, танцмейстеров, фентмейсеров.

Было рассуждаем в Государственном совете о назначении им состояния; но предмет сей отложен впредь до усмотрения.

б) Звание артистов, как-то живописцев, скульпторов и архитекторов, также звание ученых вообще по Городовому положению отнесено к званию именитых граждан; но не установлен порядок, коим звание сие законно может быть присвоено.

3. Подсудимость. По законам нашим иностранцы ведаются в общих правительственных и судебных местах, исключая азиатцев, кои имеют свои определенные суды и расправы: но не определено в законах, по всем ли делам они равняются с коренными жителями: как-то:

а) в делах уголовных; дворянин иностранный, российским правительством в сем звании не утвержденный, должен ли пользоваться правами с сим достоинством сопряженными; указ 1805 года исключает таковых дворян от права покупки деревень.

б) чиновник иностранный по чину своему должен ли быть признаваем в делах уголовных дворянином

с) в делах тяжёбных подлежат ли разбору судебных мест такие акты кои заключены в чужих краях:

а) между двумя иностранцами,

б) между россиянином и иностранцем,

с) с такими делами кои должны быть решены в России,

д) по таким предметам, кои не в России находятся,

е) по таким предметам, о коих иностранцы согласились разобратся в России, хотя предмет их и не принадлежит к нашему правительству.

4. Брак. О браках иностранцев и Россиянками хотя и существуют довольно точные постановления: но закон не определяет, должна ли жена следовать с мужем ее против воли за границу.

5. О детях. В Регламенте Адмиралтейств коллегии 1724 года сказано: иноземцы считаются те, кои приехали из чужих государств и вступили в службу; а которые родились в России и приняли службу, то яко россияне почтены быть имеют. Как должно разуметь силу сего узаконения? Рождение в России, последуемое службою, вводит-ли иностранца во все права вечного подданства?

Сверх сего, когда иностранец женится на россиянке: то дети от брака сего происходящие, должны ли быть считаемы иностранцами или по рождению их в России и от матери русской причисляемы к коренным обывателям?

6. В правах купли и продажи подлежат следующими вопросы к рассмотрению:

а) иностранец, приписанный к цеху и мещанским правом пользующийся, может-ли купить земли?

б) указом 29 января 1805 года запрещено иностранным дворянам, коих дипломы не утверждены в России, покупать деревни, хотя бы они прибыли и для определения в службу; но иностранцы состоящие в действительной службе по чинам их могут-ли пользоваться сим правом, не имея диплома на российское дворянское достоинство и не быв вписаны в родословную книгу?

с) могут-ли таковые покупать землю без крестьян?

д) сверх купчей крепости есть другие роды пределов ко владению: таковы суть закладные и вверяющие на приобретение письма. Должны-ли они иметь свою силу, когда выданы будут иностранцы на земли и деревни?

7. *Наследство по завещанию.* Передача имений между иностранцами по наличным сделкам нельзя воспретить законом. Но должно-ли распространить сие правило на завещания, то есть, должно ли дозволить иностранцам делать между собой таковые завещания? В судебной практике давно уже вопрос сей разрешен положительно; но в законах нет о сем единого постановления.

8. *Наследство без завещания.* Когда иностранец умрет, не оставив завещания, то имение его должно-ли поступать в наследство к иностранным его родственникам? В судебной практике давно уже вопрос сей разрешен утвердительно; но в законах никакого нет о сем постановления, в прочем сей общий вопрос содержит в себе следующие частные:

а) иностранные наследники могут находиться в России или вне ее? Должно ли по местопребыванию их делать и в правах наследства их различие?

б) в иностранных государствах о правах чужеземного наследства существуют различные узаконения: в некоторых наследства таковые допускаются; в других совсем отвергаются и как движимое, так и не движимое обращается в казну, что и называется правом чужестранного наследства (*droit-d'aubaine*).

Должно ли в России установить некоторое в сих правах заимство? – Хотя заимство таковое по публичному праву в трактатах с некоторыми державами

и установлено: но в гражданских законах, по коим судебные места поступают, нет о сем постановления.

с) Наконец допустив иностранцев к наследству, делить ли их здесь и по каким законам?

9. *Служба.* Иностранцы, вступив в службу, пользовались доселе всеми правами чинам их принадлежащими¹⁹³¹ и права свободного выезда. Между тем закон о сем молчит, и молчание его приемлемо было за утверждение. Должно на будущее время постановить сие правилом? Не будет ли напротив признано нужно ограничить право сие тем, одни только иностранцы могли вступать в преимущества дворянские, ком сверх службы войдут в вечное подданство формальною присягою и получают диплом на дворянство, или кратко сказать, что кои действительно законом укоренятся (натурализуются).

10. *Укоренение.* Укоренение в России не имело доселе никакой определенной формы. Оно состояло в присяге вечного подданства, которое не в общем порядке, но по происшествиям политическим иногда было иностранцам предлагаемо. Здесь представляются следующие вопросы:

а) какая должна быть общая форма и отличительный признак укоренения?

б) всех ли без различия должно допускать к укоренению, и есть ли не всех: то, на чем основать различие?

с) должны ли быть допускаемы укоренения без общей формы: 1) по долголетнему пребыванию в России и в какой срок? 2) по действительной службе и в какой срок? 3) дети иностранцев, служащих здесь родившиеся, должны по их рождению быть причисляемы к коренным обывателям без общей формы укоренения.

3. Иностранцы, по общей форме укорененные должны ли быть во всех случаях признаваемы равными коренным обывателям?

¹⁹³¹ «Они покупали недвижимые имения и деревни лично на том же праве, как и коренные дворяне, и вместе с сим удерживали». Помета слева на листе: «В Указе 1747 года хотя и предписано иностранцев в покупке деревень спрашивать о подданстве: но иностранцы в службе и чиновные полагаются сами собой в числе подданных потому только что дали общую присягу по указу 1766 года» (*Примеч. источника*).

В сем состоят главные вопросы, в положении Иностранцев встречающиеся.

При разрешении их нужно вообще определить: на сколько родов должно делить иностранцев относительно их пребывания.

В законах наших три рода чужеземства приметить можно:

1. Иностранцы простые; как то: путешественники и вообще люди на время пребывающие; *2. Иностранцы временные подданные* и наконец *3. Иностранцы укорененные в вечном подданстве*. – В чем должны состоять отличительные признаки каждого из сих трех родов чужеземства и какое участие в правах гражданских и политических каждому из них по роду своему присвоить должно, нет точного определения.

Все сии вопросы с подробным изъяснением начальника Отделения гражданских законов, с выпискою законов существующих, с сводом законов других государств и с заключением от него представленным, правление комитет имеет честь предложить на уважение Совета.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Коронационные торжества в Варшаве, апрель–июль 1829 г.

Хроника¹⁹³²

24 апреля (6 мая) 1829 г. — отъезд императорской четы и наследника из Петербурга в Варшаву.

1 (13) мая — приезд в Варшаву великого князя Михаила Павловича.

4 (16) мая — прибытие императорского кортежа в Яблонну, встреча Николая I с великими князьями Константином и Михаилом Павловичами.

5 (17) мая — торжественный въезд в Варшаву Николая I и свиты; Николай I и Александра Федоровна молятся в православной церкви замка; император посещает великого князя Константина в Брюлевском дворце (перемещается по городу пешком и без конвоя); иллюминация в Варшаве.

6 (18) мая — развод на Саксонской площади в присутствии Николая I, великий князь Константин Павлович представляет императору генералов, штаб- и обер-офицеров, членов своей свиты; представление министров, сенаторов, депутатов, отдельных священнослужителей и иностранцев; прогулка наследника Александра Николаевича в Саксонском саду.

7 (19) мая — развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; представление военных чинов императрице.

8 (20) мая — развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; представление дам императрице.

9 (21) мая — парад и смотр всех войск, находившихся в Варшаве; объявление о коронации (герольды начинают разъезды по городу с чтением манифеста о готовящемся торжестве); экземпляры манифеста разбрасываются по улицам города; император и императрица идут от Брюлевского дворца до замка пешком и без охраны.

¹⁹³² Церемониал коронования Николая I королем польским (на польском и французском языках), 1829 г. // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2–7 об.; AGAD. F. 190. № 93. К. 4–14; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 277; Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; № 54. С. 1; № 58. С. 1–2; № 61. С. 1–2; № 62. С. 5–8; № 63. С. 1–4. Прибавление к № 57; О коронации Его Императорского Величества. С. 418–435; Kurjer Warszawski. 1829. № 129. S. 549–556; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 132–155; *Колзаков К.П.* Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 448–455.

10 (22) мая — развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; герольды сообщают в городе о коронации; бал, присутствует вся свита императора Николая I.

11 (23) мая — репетиция коронации.

12 (24) мая — день коронации. Освящение регалий в соборе Св. Яна; церемония коронации в зале Сената Варшавского замка; по окончании действия молебен в соборе Св. Яна; торжественный обед в присутствии императорской четы для особ первых трех классов с женами и представителями католического духовенства.

13 (25) мая — подписание опубликованного затем в Российской империи манифеста о свершившейся в Варшаве коронации; развод на Саксонской площади, император не присутствует из-за болезни; бал в замке в присутствии императрицы Александры Федоровны и наследника.

14 (26) мая — развод на Саксонской площади, император не присутствует.

15 (27) мая — развод на Саксонской площади, император не присутствует; все чины приносят поздравление императорской чете по случаю коронации.

16 (28) мая — народный праздник на поле близ Уяздова в присутствии императора, императрицы и наследника; бал в ратуше с участием императорской четы.

17 (29) мая — развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; императору представляются военные, получившие награды; организованный Сенатом бал в здании Биржи.

18 (30) мая — учение войск на Мокотовском поле в присутствии Николая I; бал у графа Станислава Замойского¹⁹³³.

19 (31) мая — прибытие прусского принца Вильгельма, развод войск в присутствии Николая I и принца Вильгельма; парадный выход, парадный обед в замке на 400 человек (военные и гражданские чины, духовные лица,

¹⁹³³ По другим данным, бал у Замойского был дан 17 (29) мая (Отечественные записки. 1829. Т. 38. С. 433–434).

иностранные представители); вечером Николай I и Александра Федоровна посещают оперу.

20 мая (1 июня) — развод войск в присутствии Николая I и принца Вильгельма; бал в Варшавском замке в присутствии Николая I и Александры Федоровны.

21 мая (2 июня) — бал у графа Соболевского; отъезд императрицы, наследника и прусского принца Вильгельма в Берлин.

22 мая (3 июня) — отъезд Николая I в Берлин.

31 мая (12 июня) — отъезд Николая I из Берлина; императрица Александра Федоровна остается в Пруссии.

4 (16) июня — возвращение Николая I в Варшаву.

6 (18) июня — приезд в Варшаву наследника Александра Николаевича.

7 (19) июня — получение известий о победе над турками в Кулевчинском сражении.

9 (21) июня — молебствие (одновременно православное и католическое) в лагере при Повонзках по случаю победы в Кулевчинском сражении.

13 (25) июня — отъезд Николая I и свиты из Варшавы.

19 июня (1 июля) — прибытие Николая I в Тульчин для участия в маневрах.

23 июня (5 июля) — прибытие императора в Киев.

25 июня (7 июля) — получение новостей о взятии русскими войсками турецкой крепости Силистрия.

11 (23) июля — приезд императора в Царское Село.

16 (28) июля — приезд императрицы в Петербург; молебен по случаю побед в Русско-турецкой войне.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

О коронации Его Императорского Величества¹⁹³⁴

Из Варшавы, от 25-го Мая 1829.

Спешу сообщить вам описание события важного, коего я был свидетелем, — события, достойного Истории не только отечественной, но и Всемирной; а ваши Отечественные Записки, как зеркало всего достойного пера Летописца, должны содержать подробности о Короновании Царя Польского в стенах Варшавских Короною Российской, — сим священным символом соединения навеки неразрывным узлом дружбы и согласия двух соплеменных, славных народов.

Мая 9 (21) Герольды, предводимые Церемониймейстерами, сопровождаемые отрядами Лейб-Гвардии Польского Конно-Егерского полка, объявили в главнейших площадях и улицах Варшавских прокламацию о Короновании, которое должно было воспоследовать 12 (24) дня сего месяца. Прокламация сия была следующего содержания: «Августейший и Великий Государь наш Николай Павлович, Император Всероссийский, Царь Польский, указать соизволил Коронованию Его на Царство Польское при помощи Всевышнего быть 12 (24) Мая, приобщая к сему священному обряду Августейшую Свою Супругу.

О сем торжественном обряде извещается сим всем верноподданным, дабы в сей вожденный день они усугубили мольбы к Царю Царей, да ниспошлет Свое благословение на Царствование Его Величества, и да хранит оное в мире и спокойствии, во славу Святого имени Своего и к непоколебимому блаженству Царства».

То же самое повторено было и другие два дня сряду, и народ всегда с восторгом встречал сих вестников нового блаженства для Польского народа, который ждал с нетерпением минуты, когда Монарх Российский торжественно воссядет на Трон Польского Царства. Наконец настал сей

¹⁹³⁴ Отечественные записки. 1829. Т. 38. С. 418–435.

желанный день. 12 (24) Мая, еще чуть светало, как жители столицы, умноженные великим числом Поляков и чужестранцев, приехавших в Варшаву для того, чтобы иметь счастье быть свидетелями сего исторического события, начали собираться в улицах, прилежащих ко Дворцу. Вокруг Сигизмундовой площади, по коей должна была шествовать процессия, были построены скамьи в виде амфитеатра для 3000 особ. Сверх того окна домов, против Дворца лежащих, и улицы Св. Иоанна, ведущей к Кафедральной церкви, были наполнены зрителями, и украшены разными девизами, лавровыми венками, гирляндами и прочими предметами, делавшими прелестный вид. От Дворца до самого Собора тянулся широкий помост, крытый алым сукном, по которому назначено было шествие.

В 9 часов утра, Министры, Сенаторы, Нунции и Депутаты Воеводств собрались во Дворце. Собор также был полон. Прежде всего явился пастырь словесного стада Католического исповедания, Примас, предшествуемый Герольдом в рыцарском одеянии, сидевшим на белой лошади, и окруженный сонмом Духовенства и Сенаторов Царства Польского. Шествие началось в 11-м часу регалиями, несенными на великолепных подушках, в следующем порядке:

1. Орден Белого Орла, нес Палатин Грабовский.
2. Государственная печать, несомая Министром, Статс-Секретарем, Дивизионным Генералом Грабовским.
3. Государственный панир, Генералом от Инфантерии Исидором Красинским.
4. Царский Меч, Генералом от Артиллерии Гауком, с двумя Ассистентами, несшими впереди на подушке влагалище сего Меча.
5. Царская порфира, Кастеланами: Сераковским и Глищинским.
6. Держава, Палатином Чернецким.
7. Скипетр, Палатином Князем Адамом Чарторыжским.
8. Корона, Президентом Сената, Графом Замойским.

Регалии сии, встреченные у двери церкви Примасом с многочисленным Духовенством, в великолепном облачении, возложены были на

приготовленный для сего стол, покрытый алым бархатом. Примас тотчас же отслужил обедню Св. Духа, в продолжение коей 300 человек музыкантов играли духовный концерт, сочиненный нарочно для сего торжественного случая Директором Консерватории Эльснером, который дирижировал музыкой. После сего певчие пропели гимны *Veni Creator*, по музыке Г.М. Соливы. Гармония сия проникнула сердца слушателей. Потом регалии, с таковою же церемонией предшествуемые Духовенством, перенесены были обратно во Дворец и положены торжественно в Тронной зале.

Невольным образом должен я здесь отстать от порядка моего рассказа, чтобы хотя поверхностное дать понятие об убранстве залы заседаний Сената, в коей было совершено Коронование. Против той Стороны, на которой обыкновенно возвышается Трон, устроен был в известном расстоянии от стены бархатный балдахин, украшенный бахромой и кистями золотыми, страусовыми перьями и вензелем Его Императорского Величества Государя Императора. Балдахин сей прикреплен к потолку четырьмя железными полосами, обогнутыми бархатом и голунами. Под ним устроено возвышение о девяти ступенях, разделенное двумя уступами и окруженное с трех сторон вызолоченною балюстрадаю, на обоих концах которой пред Троном блистал белый герб Царства Польского. Среди Трона сделана ступень, также покрытая алым бархатом, для кресел Его Величества Государя Императора. С правой стороны на таковой же ступени кресла Ее Величества Государыни Императрицы, а с левой поставлен стол, покрытый алым бархатом и золотыми голунами для Государственных Регалий. С правой стороны Трона устроено возвышение о семи ступенях, также покрытое алым бархатом для Государственных регалий, а с левой подобное возвышение о трех ступенях определено было для Министров и для Совета. Среди залы воздвигнут был престол с распятием. От правой стороны Трона до двери, которой Его Величество изволил войти в залу, и от сей двери до левой стороны Трона, равно как и позади оно, возвышались амфитеатром скамьи, покрытые алым сукном.

Теперь приступлю опять к описанию церемонии. Балконы домов были, так сказать, унизаны дамами, великолепно одетыми, а в самой зале великое множество знатных особ ожидали с благоговением появления Монарха. Наконец Государь, отслушав Греко-Российскую обедню в Дворцовой церкви, оставил Тронную залу и явился, облеченный в орден Белого Орла, в залу коронования, предшествуемый знатнейшими Сановниками, несшими регалии, Епископами и Архиепископами, за коими следовали Государыня Императрица в короне и порфире, Их Величества Наследник, Цесаревич, и Михаил Павлович, с Сановниками и знатными Царедворцами. Когда Их Императорские Величества сели на Свои места, то Их Императорские Высочества заняли возвышение, нарочно для Них приготовленное. Ассистенты Его Величества стали по левую Его сторону, равно как и Министр Двора, Дежурный Генерал-Адъютант и Командир Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка с обнаженной саблей; Ассистенты Ее Величества по правую Ее сторону; за креслами Его Величества один из первых чинов Двора и восемь Камергеров, назначенных к несению шлейфа Его порфиры; за креслами Ее Величества стали также один из первых чинов Двора и шесть Камергеров, назначенных к несению шлейфа Ее порфиры; пред Троном с правой стороны Председатель Сената, несший Корону; с левой Палатин, несший Скипетр; на ступенях Трона, между большою и первою платформою, разделяющею возвышения, с правой стороны Палатин, несший Державу, а с левой Кастеланы, несшие мантию; на первой платформе два Капитана Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка, один с правой, другой с левой стороны, с обнаженными саблями; на ступенях между правою и второю платформами, с правой стороны Генерал, держащий панир; на второй платформе с правой стороны Министр Статс-Секретарь, несший печать; с левой Кавалер Белого Орла, несший цепь сего Ордена; в середине Обер-Церемониймейстер; на последней два офицера Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка, один с правой, другой с левой стороны с обнаженными же саблями; внизу у ступеней Трона два Церемониймейстера, далее два Герольда с жезлами; Министры и Совет, на

приготовленном для них возвышении; на стороне Его Величества, на ступенях военная свита Его; на стороне Ее Величества, также на ступенях, Придворные Чины. Когда таким образом все заняли свои места, Государь Император подал знак Примасу к Нему приблизиться, который, подойдя к Его Величеству, прочитал молитву о ниспослании всех благ Императору Всероссийскому и Царю Польскому, и, произнеся: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», подал Его Величеству Царскую Порфиру. После сего, по повелению Государя, Председатель Сената, несший Корону, сняв оную со стола, поднес Примасу, который и предложил оную Монарху, произнеся вышеупомянутые слова, а Государь Император, возложив оную Себе на голову, принял из рук Примаса цепь Белого Орла и возложил на грудь Императрицы; две Штатс-Дамы немедленно прикрепили оный к Ее мантии. Потом, в следствие нового повеления Государя, Примас, произнеся слова: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», подал Его Величеству Скипетр и Державу. И по окончании сего обряда, Пастырь церкви, воздев очи к Небу, с умиленным, Божественным восторгом трижды воззвал «Vivat Rex in aeternum!» (Да здравствует Царь вечно!). И сии слова произвели новое ощущение восторга в сердцах не только Особ, присутствовавших при Короновании, но и вообще целого народа, извещенного о сем радостном, с нетерпением ожидаемом мгновении 101-м пушечным выстрелом и громким колокольным звоном. Засим, когда звуки пушек и колоколов умолкли, Его Величество Государь Император, отдав Скипетр и Державу несшим оные Особам, преклонил колена и громким голосом прочел следующую молитву по книге, Ему поданной Министром Духовных Дел:

«Боже Всемогущий, Отче Отцов Моих! Царю Царей! Сотворший мир сей Божественным Своим Словом, и в бесконечной премудрости Своей Создавший человека для управления светом на пути истины! Ты призвал Меня в Царя и Судию храброго народа Польского! Признаю с благоговением действие Небесной Твоей ко Мне милости, и принося Тебе дань благодарения, смиряюсь духом пред Божественным величием Твоим. Благоволи, Господи,

Боже мой! просветить стопы Мои на сей высокой стезе и направить все дела Мои к свершению Пресвятой воли Твоей; осени Меня мудростью, восседающею на Престоле Твоем. Ниспосли ее с Небес, да познаю Всевышнюю волю Твою и истину заповедей Твоих. Да будет сердце Мое в руке Твоей, и да сподоблюсь царствовать для блага Моих народов, во славу Святого имени Твоего, по учредительной грамоте, дарованной Моим Августейшим Предшественником и уже утвержденной Моею присягою. Да не утрашусь предстать пред Тебя в день вечного суда Твоего, славой и милосердием Божественного Сына Твоего, Господа Иисуса Христа и Благодатью Духа Твоего Святого, Господа Животворящего, во веки веков. Аминь».

После сей молитвы, читанной Царем с чувством чадолюбивого отца, дающего торжественный обет Богу любить Своих детей, судьба коих вложена Провидением в Его десницу, Его Величество встал, а все присутствующие преклонили колена, и картина сия была истинно величественна. Монарх, приосененный Святыней, венчанный Российской Коронай, облеченный в Орден Царства Польского, стоит, а пред Ним все повержены долу с чувством возвышеннейшего благоговения! Примас прочел снова молитву о ниспослании Его Императорско-Царскому Величеству всех благ земных; по окончании оной все снова встали, а Первосвященник, отдав Царю низкий поклон, отправился со всем Духовенством в церковь Св. Иоанна, для ожидания там прибытия Государя Императора, Который вскоре отправился туда в таком же порядке, как и в залу Коронования. При выходе Его Величества из залы, произведен был 71 пушечный выстрел. Примас со всем Духовенством встретил Государя у входа в церковь со святой водой и молитвой, и предшествовал Ему до самого места, которое занимал Его Величество во время молебствия, в продолжение коего произведен был 101 выстрел. По окончании оногo, Государь возвратился во Дворец с той же процессией, а Духовенство проводило Его Величество до дверей церковных.

По прибытии во Дворец, Его Величество изволил удалиться во внутренние покои.

В сей самый день во Дворце был обеденный стол, на другой же дан большой бал, на котором однако Его Величество не мог присутствовать, по случаю легкой простуды. На третий день Особы обоего пола приносили поздравления Их Императорским Величествам.

В продолжение сих дней город был великолепно освещен и во многих местах видны были прозрачные картины с различными девизами, свойственными настоящему обстоятельству. Сверх того в сии дни был безденежный впуск в народный и Французский театры, а на поле, что подле Уяздов, были поставлены столы для угощения народа истинно по-Царски, с увеселениями, разного рода, коих подробнейшее описание, конечно, доставит удовольствие вашим читателям. В 1-м часу, Их Императорские Величества выехали на вышеозначенное поле. Великое множество зрителей, по билетам, находились в нарочно для сего приготовленном амфитеатре. Народ кипел на поле: его было до 80,000 человек и на лице каждого блистал луч истинного восторга. Посреди площади возвышалась ротонда, с отличным вкусом выстроенная, о шестнадцати столбах Коринфского ордена; на куполе, украшенном гирляндами, сиял Белый Орел с распростертыми крыльями. Царица изволила приехать в открытой карете, в сопровождении Державного Супруга Своего, Наследника, Цесаревича, Великого Князя Михаила Павловича, и блестящей многочисленной свиты, верхом. Проехав несколько раз сквозь веселые толпы народа, с восхищением встречавшего Царскую Фамилию громогласными восклицаниями, Их Величества изволили войти в ротонду, и когда заняли Свои места, начались разного рода увеселения: карусели, гимнастические игры; народ гулял по обширному полю, и внимание трудолюбивых граждан, редко пользующихся подобными увеселениями, беспрестанно занимало то танцами на канате, то борьбой и метанием в цель, то ристанием легких наездников, то полетом воздушного шара. Наконец, насытив себя подобными зрелищами, все окружили столы, на коих яства

предложены были веселящемуся народу рукою Царской. За этими бесконечно длинными столами, покрытыми белыми скатертями, уставленными множеством блюд, между коими, по нежному вниманию, представлены были и национальные яства народа Польского, окруженными фонтанами, бившими разноцветными винами, пировали граждане, уже носящие в душе своей любовь, благоговение и преданность к Николаю и Его Августейшему Дому. Царь и Царица еще раз проехали по полю между рядами народными и, встреченные восклицаниями и благословениями верных Своих подданных, изволили, быв сопровождаемы кликами патриотического восторга, возвратиться во Дворец. В вечеру, в обширных и великолепных залах здешней Ратуши дан был городом блистательный бал, удостоенный присутствием Их Императорских Величеств, Которые и 17 (29) Мая благоволили почтить прекрасный был, данный Президентом Сената, Графом Замойским. 19 (31) Мая в 3 часа был при Дворе стол на 300 особ, к коему приглашены были Духовенство, Сенат, знатнейшие Придворные Чиновники, Генералы, Полковники, равно как Нунции и Депутаты Воеводств. Вечером Их Императорские Величества присутствием Своим осчастливили народный театр, где дана была Опера: Цецилия Пещинская, музыка сочинения Капельмейстера Курпинского. Патриотический восторг снова блеснул здесь при появлении Монархов.

20 Мая (1 Июня) был при Дворе бал и ужин.

21 Мая (2 Июня) Граждане с изъявлением душевной горести, видели проехавшую по городу в час по полудни, в дорожном экипаже Государыню Императрицу вместе с Его Высочеством Великим Князем Наследником: Они изволили отправиться в Берлин.

Нельзя не присовокупить к сему, что при всяком смотре войск и даже во всякий развод Государь Император изъявлял Свою благодарность Главнокомандующему Его Высочеству Великому Князю Цесаревичу и Свое Высочайшее благоволение Гг. Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам. Нижние же чины удостаивались получения по серебряному рублю, по фунту говядины

и по чарке водки. И воины и граждане, преисполненные любви и благодарности к Монарху, принимали Его, равно как Августейшую Супругу и Наследника громогласными восклицаниями — и я собственными глазами видел, как, в восторге Патриотизма, добрые Поляки по окончании Коронации, кинулись на алое сукно, до коего касались стопы Помазанника и Его Августейшей Супруги, и старались получить хотя малейший лоскут оногo, дабы принести в семейства свои и хранить там свидетельством сего счастливого события для соплеменных народов.

Н.Б.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Речи Александра I и Николая I в Царстве Польском

1. Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии сейма Царства Польского 15 (27) марта 1818 г.¹⁹³⁵

Представители царства польского! Надежды ваши и мои желания совершаются! Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченный созревшими уже и временем освященными установлениями.

Одно забвение прошедшего могло произвести ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях моих с того времени, когда я мог надеяться на средства к приведению оногo в исполнение. Ревнуя к славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И действительно, Россия после бедственной войны, воздав, по правилам христианской нравственности, добро за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победой, предпочла единственно честь — восстановить храбрый и достойный народ.

Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно вспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением, тем драгоценнейший моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божьей, распространить и на все страны, Проведением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости.

¹⁹³⁵ Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. С. 612–615.

Поляки! Освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению.

Существование ваше неразрывно соединено с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположительной хартией; ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы. Благо драгоценное, которого она долгое время вотще искала, среди самых жестоких испытаний.

Поприще трудов ваших открывается. Министр внутренних дел предложит вам нынешнее положение управления польского. Вы увидите проекты законов, долженствующие быть предметом ваших рассуждений. Они имеют целью постепенное усовершенствование. Учреждения финансов государства требуют еще сведений, которые время и точное измерение ваших средств могут только правительству доставить. Законоположительное управление постепенно применяется ко всем частям правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданского и уголовного законодательства будут вам предложены. Я утешаюсь уверением, что вы, рассмотрев их со всевозможным вниманием, предуспеете поставить законы, которые будут служить к ограждению драгоценнейших благ: безопасности лиц ваших, собственности и свободы ваших мнений.

Не имея возможности посреди вас всегда находиться, я оставил вам брата, искреннего моего друга, неразлучного сотрудника от самой юности. Я поручил ему ваше войско. Зная мои намерения и разделяя мои о вас попечения, он возлюбил плоды собственных трудов своих. Его стараниями сие войско, уже столь богатое славными воспоминаниями и воинскими доблестями, обогатилось еще с тех пор, как он им предводительствует, тем навыком к порядку и устройству, который только в мирное время приобретается и приготавливает воина к истинному его предназначению.

Один из достойнейших полководцев ваших представляет лицо мое среди вас. Поседевший под знаменами вашими, разделяя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, он не переставал доказывать преданность свою к отечеству. Опыт оправдал в полной мере выбор мой.

Не взирая на усилия мои, быть может, что следы бедствий, угнетавших вас, не все еще заглажены. Таков закон природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человеческой.

Представители царства польского! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначения. Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющий на вас свои взоры.

Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная; но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца, и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком, и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов.

Вам предлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину. Да будет взаимное согласие душой вашего собрания, а достоинство, хладнокровие и умеренность да ознаменуют ваши прения.

Руководствуясь единственно любовью к отечеству, очищайте мнения ваши от всех предубеждений, освобождайте их от зависимости частных или исключительных выгод, и выражая их с простотой и прямотушием, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую дар слова.

Наконец, да не покидает вас никогда чувство братской любви, нам всем предписанной божественным законодателем.

Таким образом ваше собрание приобретает одобрение и признательность отечества и то общее уважение, которое подобное сословие

заставляет к себе ощущать, когда представители народа свободного не обезображивают священного звания, на них возложенного.

Первейшие чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснил вам свою мысль, я показал вам ваши обязанности.

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко мне: покажут мне, могу ли, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мной для вас совершено.

Вознесем благодарение к Тому, который единый просвещает царей, связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира.

Призовем его: да благословит Он и да усовершенствует начинание наше.

2. Речь, произнесенная императором Александром I при закрытии сейма

Царства Польского 15 (27) апреля 1818 г.¹⁹³⁶

Вы оправдали мои ожидания. Прения сего первого собрания, дух, им руководивший, результаты, которые оно произвело, единогласно свидетельствуют о чистоте ваших намерений и вызывают мое одобрение.

В результате вашей работы в Царстве Польском наконец будет установлено единообразное польское уголовное уложение. Постановляя, что на вашем следующем Сейме вам будет предложено уложение об уголовном судопроизводстве, я предвосхитил ваши желания, продиктованные любовью к добру и порядку; однако необходимо, чтобы законы, составляющие теорию уголовного права, были установлены прежде законов, определяющих их применение. Первые должны были получить ваше одобрение, чтобы наметить путь для работы над вторыми.

Новые предписания частично дополнили и ваш гражданский кодекс, недостатки которого были общепризнаны. Ряд его положений не обеспечивал достаточно гарантий займам владельцам земли. Опираясь на успешный опыт, вы внесли полезные исправления в повторяющиеся друг друга законы.

¹⁹³⁶ Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. Paris, 1832. P. 277–279 (пер. П.А. Левина).

Вам оставалось обратиться к срочному вопросу. Должно было вынести решение о неизбежном следствии этих разрушительных лет — мерах, приостановивших естественные обязательства должников пред займодавцами. Установив на чаши весов надлежащее почтение к длительным несчастьям одних и возмещение, коего требует справедливость по отношению к другим, вы сделали первые шаги на пути к лучшему будущему.

Среди законопроектов, которыми вы занимались, лишь один не получил одобрение большинства представителей обеих палат. Подобный итог был определен добросовестностью и серьезностью. Я аплодирую, поскольку сей факт подчеркивает независимость ваших решений. Свободно избранные, вы должны свободно совещаться. С нерушимостью сих оснований всегда будет связан истинный характер народного представительства, кое я желал созвать, дабы слышать подлинное и совершенное выражение общественного мнения. Лишь учрежденное подобным образом собрание дает правительству уверенность, что оно предоставляет народу лишь те законы, кои действительно ему полезны.

Однако это непростая задача. Только с течением времени ее решение может достигнуть полного успеха. Ведь именно время совершенствует мнения и воспитывает депутатов в школе опыта. Я тронут благородными чувствами, свидетелем которых я стал. Ваше доверие составляет мое главное стремление, ваша привязанность — моя награда.

Я обдумаю ваши просьбы со всей тщательностью, и вы увидите, я надеюсь, на следующем собрании, что они будут удовлетворены насколько смогут позволить обстоятельства.

Заботы о моем отечестве отдаляют меня от вас; но ваши судьбы всегда будут присутствовать в моих мыслях. Я вернусь к вам, дабы радоваться вашим успехам на открытом вам прекрасном пути, и дабы вы пожинали новые плоды моих уединенных размышлений. Поляки! Я придаю большое значение исполнению моих замыслов. Они известны вам. Возвращаясь к своим семьям, унесите с собой свидетельство работы на благо ваших соотечественников и

процветание вашего отечества. Задумайтесь, что это же отечество, возведенное в достоинство свободного и независимого государства, внимательно следит за вами в кругу ваших личных и домашних отношений. Именно тогда, даже сильнее, чем в великие дни общественных собраний, оно поручает вам быть просвещенными гражданами, друзьями ваших братьев и самих себя, и неизменно стремиться к тому, чтобы все сословия, и особенно те, кто поддерживают государственный строй, сознавали преимущества конституционного порядка, коим пользуется Польша.

Сей порядок станет для вас большим благом, когда власть законов распространит свое влияние на ваши сердца до того, как начнет определять ваши действия. Такова вершина, к которой должно стремиться развитие цивилизации. Цивилизация достигает ее, когда она правильна, иначе говоря, когда безупречность нравов составляет ее основу. Именно тогда личное благосостояние оказывается связано счастливым единомыслием с благосостоянием общественным, и законы сильны, будучи одобрены всеми, поскольку они покоятся на необходимом согласии убеждений. Убедитесь, что все ваши конституционные законы могут процветать лишь тогда, когда вы поместите их под защиту принципов, черпаемых из христианской морали, и когда вы найдете в вашей общественной и личной жизни применение божественным заповедям. Именно вы, служители алтаря, своими уроками и особенно своим примером, должны способствовать торжеству сего спасительного учения.

Представители Царства Польского! Степень старания, кою вы продемонстрировали, воплощая мои пожелания и надежды, дает мне залог успеха народного управления вплоть до созыва следующего Сейма. Пусть это собрание, обогащенное плодами ваших трудов, продвигается большими шагами к достойной цели, привлекающей к себе столько взоров и готовящей следующим поколениям обильный урожай безопасности, счастья и славы!

3. Речь, произнесенная императором Александром I при открытии сейма Царства Польского 1 (13) сентября 1820 г.¹⁹³⁷

Представители Царства Польского!

С чувством истинного удовольствия вижу Себя вторично посреди вас; и с услаждением повторяю, что соединяя вас здесь, что призывая содействовать соблюдению и развитию ваших народных постановлений, повинуюсь движению Моего сердца, привожу в действие одно из драгоценнейших Моих желаний.

Постановления сии, плод доверенности Моей к вам, утвердятся доверенностью вашей ко Мне.

Целью Моей было, даруя их вам, соединение вышней власти с властями посредними, с правами и законными выгодами общества.

Связь сию нахожу Я необходимой, но дабы ей быть твердой, она требует помощи, без коей всё на земле слабеет и падет.

Да не забудем, что постановления суть произведение человеческое. Сии постановления, как и самые люди, имеют нужду в подпоре против слабости, в совести против заблуждения и равно с ними находят сию подпору, сию совесть в одной нравственности Христианской и в ее Божественном учении.

Вы пребыли Поляками, вы носите сие имя почетное; Я уже вам пред сим сказал, одно исполнение правил проповеданных сим благотворным поучением, могло вам возратить столь знаменитое преимущество. Последуйте же и вы его спасительным наставлениям; в их источнике почерпайте сию добросовестность, которую они вам предписывают как к самим себе, так и к другим; почерпайте сию любовь к истине, которая к ней одной стремится, ей одной внимает, ее язык один исповедует и вы поможете мне действительно утвердить возрождение Отечества вашего.

¹⁹³⁷ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 2–6.

Я произнес перед вами слово истины, ибо истины одной требую от вас; желаю слышать ее из уст ваших, изъявие ее искренно, но со спокойствием и добросердечием.

Она явится вам во всем своем блеске, сия истина, когда будете искать ее в самих делах, а не в суетных умствованиях, когда будете судить о положении своем по свидетельству событий, а не по теориям призываемым в наши дни честолюбием упавшим или честолюбием возникающим.

Истина, наконец, ознаменует ваши мнения, когда внимая единственно важным пользам, коих хранение вам вверено и отчуждая от советов ваших злобу, частные приличия, собственные виды, вы достигнете высоты священного звания, на вас возложенного.

Тогда только исполните вы обязанность вашу. Теперь Я приступаю к исполнению своей.

Министры Мои представят вам обозрение всех мер образовательных и управительных, принятых и в действие приведенных в течении двух лет. Вы без сомнения с удовольствием удостоверитесь в пользе от них последовавшей, сравнивая ее со всеми бедствиям, коих должно было изгладить следы, еще глубоко впечатленные. Желание достигнуть сей цели, быть может, не всегда следовало по пути предписанному устройством, которое Мне даровать вам было приятно; быть может также, что потребности неизбежные современным стечением своим, увеличили издержки ими вынужденные.

Намерения Мои однако же не изменяются и твердой волей Моей есть на будущее время: строжайшее соблюдение правил единожды постановленных и попечительность с совестной заботливостью о состоянии обложенных податями.

Представления, кои вы Мне подали, были приняты во внимательное уважение. Вы узнаете как было и как будет еще им удовлетворено и по чему следовало отсрочить исполнение некоторых из оных, а другие и совершенно отстранить. В числе тех, кои Правительство поспешило уважить, находятся проекты законов, кои будут вам предложены.

Вы желали иметь Судопроизводство Гражданское, коего ход был бы образован на прямейших и вернейших правилах; вы желали иметь Судопроизводство Уголовное, согласованное с Уложением Уголовным, вами на последнем Сейме принятым. Вам предложатся проекты новых законов по тому и другому предмету. Искренно отдаю их на рассмотрение ваше. Знаю, что законы такого рода, дабы достигнуть до степени возможного и от нас зависящего совершенства, требуют рассуждений глубоких; Я хочу, чтобы они ознаменованы были печатью полной зрелости.

Ораторы Правительства известят вас о намерениях Моих в сем отношении и вы познаете, что они предоставляют голосам вашим полную свободу, а рассуждениям совершенное и необходимое пространство.

Закон Финансов требует еще времени и размышления. Недозрелые перемены, особенно же в устройстве податей, опасны. Финансы процветают под одним охранением незыблемости учреждений. Система ваших Финансов должна подвергнуться преобразованию, но единому. Оно введется тогда, когда достаточно приготовлено будет.

Представители Царства Польского! Явите Отечеству вашему, что опираясь на опытность вашу, на ваши правила и чувствования, вы умеете соблюсти под сенью законов спокойную независимость и чистую свободу; явите современникам, что сия свобода есть друг порядка и его благотворений и что вы пожинаете плоды ее, ибо умели, ибо уметь будете завсегда противоборствовать наущениям недоброжелательства и соблазнам примера.

Инде употребление и злоупотребление были поставлены на одной череде; инде возбуждая мнимую потребность в раболепном подражании, дух зла покушается похитить снова бедственное владычество и уже парит над частью Европы, уже накапливает злодеяния и пагубные проишествия.

Посреди сих бедствий система Правительства Моего останется неизменной. Я почерпнул ее начала во внутреннем убеждении своих обязанностей.

Сии обязанности всегда исполнены Мной будут с прямотою. Но сего прямотою было бы недостаточно когда бы мог Я не познать великих истин, коим опытность нас научает.

Без сомнения век в котором мы живем требует чтобы порядок общественный, имел основанием и ручательством законы, его охраняющие. Но сей век налагает также на Правительство обязанности ограждать сии пагубные законы от пагубного влияния страстей, всегда беспокойных, всегда слепых.

В сем отношении важная ответственность лежит на вас и на Мне. Она наказывает вам следовать неизменно по пути, начертанному вам благоразумием и правотою. Мне она повелевает предостерегать вас с откровенностью от опасностей, вам угрожать могущих и охранять от них постановления ваши; Мне предписывает не иначе судить о мерах подлежащих Моему разрешению, как по истинным их последствиям, а не по наименованиям, коим дух сообщничества их величает или бесславит; она наконец обязывает Меня для предупреждения самого возрождения зла и необходимости прибегать к средствам насильственным, истреблять семена расстройства, как скоро они окажутся.

Такова Моя непреложная решимость; Я никогда не уклонюсь от своих правил и никогда не соглашусь на уступления им противные.

Поляки! по мере как узы братства вас навсегда привязывающие к России теснее скрепляются; по мере как вникаете в обязанности, кои они вам напоминают, поприще Мной вам открытое распространяется и углаживается перед вами. Еще несколько шагов направленных благоразумием и умеренностью, ознаменованных доверенностью и правотою, вы коснетесь цели ваших и Моих надежд. Тогда сугубо утешусь увидя, что мирное действие ваших свобод утвердило ваше народное бытие и запечатлело неразрывный союз благоденствия между обоими Отчествами Нашими.

4. Речь, произнесенная императором Александром I при закрытии сейма Царства Польского 1 (13) октября 1820 г.¹⁹³⁸

Представители Царства Польского!

При открытии совещаний ваших, изложил Я вам мысли мои о средствах, могущих служить к развитию и утверждению Народных ваших постановлений.

Достигши предела, прекращающего ныне ваши занятия, которые должны вести вас постепенно к сей важной цели, вы легко можете судить, на сколько вы к оной приближались. Вопросите совесть вашу, и вы узнаете, оказали ли вы Польше, в продолжение ваших прений, все те услуги, коих она от мудрости вашей ожидала, или напротив мечтами нынешнего времени увлеченные, жертвуя надеждой, которую свершила бы предусмотрительная доверенность, вы замедлили совершенное восстановление Отечества вашего?

Сия важная ответственность будет лежать на вас. Она есть необходимое последствие независимости мнений ваших; они свободны, но должны руководствоваться чистыми намерениями. Мои намерения вам известны. За зло воздано вам добром и Польша возведена снова на степень государств; намерения мои в отношении к ней непременны, невзирая на мнение, которое будут иметь о способе употребления вами прав ваших.

Неприятные впечатления могут однако ж потерять свою силу и Члены Собрания сего одушевляемого искренней любовью к добру, свершат достойно долг почтенного звания своего, принеся с собой в дома свои мир и согласие, распространяя в оных сей дух тишины и безопасности, без коих благотворнейшие Законы будут бесполезны.

Вы предложили законы, в коих Отечество ваше наиболее имело нужду.

По зрелом рассуждении, означатся постепенно отношения заимодавцев и должников. Обряды, с коими впредь сопряжено будет пожертвование

¹⁹³⁸ Там же. Л. 34–36 об.

имуществ частных на пользу общественную, доказывают уважение к собственности, служащие сильнейшим поощрением к предприятиям полезным.

Я не буду в сию минуту разбирать причины по коим вы не приняли проектов, назначенных к пополнению системы вашего Законодательства.

Предоставляю согражданам вашим решить было ли единственной целью вашей при отклонении проектов сих, доставить Законам, долженствующим управлять вами то совершенство, которое может принести оным размышление зрелое и глубокое?

Представители Царства Польского! Я оставляю вас, но и в отдалении от вас, я буду блюсти о благе вашем с тем же постоянством и той же попечительностью; единственным предметом желаний моих будет — видеть правила, мной вам предначертанные, укрепленными вашей умеренностью и оправданными вашим счастьем.

5. Речь, произнесенная императором Александром I при открытии сейма Царства Польского 1 (13) мая 1825 г.¹⁹³⁹

Представители Царства Польского!

Когда я расстался с вами, четыре года тому назад, в то же время, бедственные проишествия произвели в Европе всеобщее волнение, угрожавшее благосостоянию всех народов. Я желал дать время мнениям установиться, а страстям утихнуть. Ваше третье Собрание было отложено, но я уверен, что это замедление приготовит успех теперешних ваших занятий, и с истинным удовольствием, со всеми чувствами привязанности, которую я вам доказал в стольких слушаниях, я нахожусь еще раз между вами.

В промежутке времени протекшем от последнего Сейма, не изменяя своим обязанностям и намерениям мной вам объявленным, коль скоро я открывал зародыши беспорядка, то противился их развитию. Дабы утвердить мое здание, обеспечить существование оногo, и дабы вы мирно могли

¹⁹³⁹ Там же. Л. 48–49.

пользоваться им, я прибавил один пункт к основному Закону Королевства. Мера сия предупреждающая необходимость иметь влияние и руководствовать выборы Частных Сеймов и самые действия ваших заседаний, доказывает участие, которое я принимаю в утверждение постановлений, коими вы управляете. Она не имеет другой цели, и я твердо уверен, что поляки будут уметь оценить ее.

Министр мой внутренних дел представит вам отчет о состоянии государства и о управлении правительства, совершенных в последние четыре года.

Вы будете пользоваться быстрыми успехами промышленности, и увидите, что ежели общественное благосостояние не достигло еще той степени, на которую направляются все мои желания и попечения правительства, то причину сего можно изыскивать единственно только в общей остановке торговли продуктов земли, коей подверглись почти все Государства.

В других отношениях были получены важные выгоды. Национальный долг приближается к окончательному погашению. Два трактата определили части сего долга падающие на Австрию и Пруссию.

В скором времени новый Закон о финансах определит все доходы и издержки Государственные.

Гибельный дефицит (deficict) подвергал сомнению ваши драгоценнейшие надежды. Теперь он исчез. Остатки от государственных расходов будут употребляемы с тщанием к погашению национального долга.

Начатые переговоры с Берлинским двором, для определения торговых сношений между Польшей и Пруссией, были увенчаны счастливейшим успехом, в следствие только откровенных и взаимно-миролюбивых расположений, кои составляют драгоценнейшую основу моих сношений с союзниками. Конвенция, которую я заключил, открывает свободные пути для вашей внешней торговли. Торговля же и ваши отношения с Россией ежедневно приобретают более обширности и деятельности. Различные

облегчения служащие основанием оных, суть сугубо полезных для взаимного благосостояния, способствуя успехам одного и связывая новыми узлами соединения два народа.

Долги обременяющие частные имения обратили на себя мое особенное внимание. Проект общества основанного на взаимных обязательствах (*association solidaire*) между владельцами поместьев, будет вам представлен. Он есть следствие многочисленных рассмотрений мнений, изложенных вашими палатинскими советами (*conseils palatins*).

Религия, сей источник всех добродетелей, сие основание всех Человеческих постановлений, требует кажется присмотра¹⁹⁴⁰ некоторой части вашего Гражданского Уложения. Комиссия избранных из среды вашей, содействовала в сем важном деле. Проект 1-й книги, ей рассмотренной, будет вам сообщен.

Мысли мои будут сопровождать вас в исполнении ваших должностей. Вы увидите меня готовым принять улучшения, кои мне предложите; но равно решительным отвергать всякое уступление противное вашему собственному счастью.

Представители Царства Польского! Свободные от всякого влияния, рассуждайте тихо и спокойно! Будущность отечества вашего в руках ваших. Имейте в виду его благо, его истинные выгоды; принесите ему те заслуги, которые оно ожидает от соединения вашего, и содействуйте мне в исполнении тех желаний, которые я не переставал питать для него.

6. Речь, произнесенная императором Александром I при закрытии сейма Царства Польского 1 (13) июня 1825 г.¹⁹⁴¹

Представители Царства Польского! Я не могу должным образом изъяснить поздравления по поводу результатов, кои дает ваше третье заседание. Вы совещались спокойно и благоразумно, удовлетворили ожидания своего

¹⁹⁴⁰ Имеется в виду «пересмотра».

¹⁹⁴¹ Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. Paris, 1832. P. 292–293 (пер. П.А. Левина).

отечества и оправдали мое доверие. Церковь получила от вас разумное и законное почтение. Ее права приобрели основания и формы, сохранение которых требовал общественный интерес; книга первая вашего гражданского кодекса заложила основы законодательства, соответствующего состоянию, нуждам и нравам общества, в котором оно должно править. Ваши будущие собрания завершат эту важную работу.

Опыт показал несовершенство законов о залогах, а также многих частей вашего уголовного кодекса. Вы уничтожили их. Ваши длительные несчастья обременили долгами землевладельцев. Истинная опора государства, они попросили о необходимом облегчении. Вы осознали важность прийти им на помощь. Препятствия, кои могли бы помешать разработке закона о территориальных объединениях, будут рассмотрены; и под защитой закона, действенной заботы, коя направит его исполнение, особой поддержки, которую правительство гарантировало в случаях, когда благодеяния закона сами по себе еще недостаточны, мне хочется верить, вы увидите, как будут стерты последние следы ваших несчастий.

Я постарался принять все предложенные вами изменения. Вы, со своей стороны, поддержали все проекты законов, кои я вынес на обсуждение. Этот обмен пожеланиями и познаниями, взаимное согласие — единственные средства укрепления используемых вами учреждений и, вместе с тем, истинная цель и важнейшее преимущество. Дабы укрепить сей счастливый союз, дабы поддерживать связи, плодом которых он является, в период до следующего Сейма составлением проектов законов продолжит заниматься собранный из числа депутатов комитет.

Вы представили мне различные прошения. Я внимательным образом их рассмотрю и поясню вам мотивы своих решений по этим вопросам. Они будут удовлетворены насколько позволят обстоятельства.

Представители Царства Польского! Я покидаю вас с сожалением и вместе с тем удовлетворенным вашим сотрудничеством на пути к счастью согласно вашим интересам и моим желаниям. Разделите со мной это чувство,

распространите его среди ваших соотечественников и поверьте, что я буду признателен за то доверие, свидетельства которого я увидел на настоящем собрании. Оно не исчезнет. Я сохраняю глубокое впечатление, кое всегда будет соединено с желанием доказать вам, сколь чистосердечна признательность, которую я к вам испытываю и сколь ваш образ действий влияет на ваше будущее.

7. Речь, произнесенная императором Николаем I при открытии сейма Царства Польского 16 (28) мая 1830 г.¹⁹⁴²

Представители Царства Польского!

Пять лет протекло со времени последнего собрания вашего. Причины, не зависевшие от моей воли, препятствовали мне созвать вас ранее нынешнего срока; но, к счастью, причины сии миновались, и я с истинным удовольствием вижу себя ныне в первый раз между представителями нации.

В течение сего времени, Промыслу Всевышнего угодно было воззвать к себе Восстановителя вашего отечества. Вы все чувствовали, с глубочайшею горестью, великость сей потери. Сенат, толкователь чувствований ваших, изъявил мне желание воздвигнуть на вечные времена памятник и благороднейшим добродетелям Государя, и душевной признательности народа; предложение воздвигнуть оный будет вам представлено.

Всевышний благословил оружие наше в двух войнах, веденных Империею. Тягости сиих войн не обременили Польши, но она участвует в приобретенных нами успехах, разделяя и славу и выгоды России, с которой соединена отныне нераздельно. Польская армия не принимала деятельного участия в войне. Доверенностью моей дано ей было место не менее важное: она составляла передовое войско армии, коей поручено охранять безопасность Империи.

Мой Министр Внутренних дел представит вам изображение нынешнего состояния Царства. Равномерно будет вам сообщено Донесение,

¹⁹⁴² Северная пчела. 1830. № 62. С. 1–2.

представленное Мне Государственным Советом о действиях внутреннего управления. Надеюсь, что вам приятно будет видеть значительные успехи, приобретенные в различных отношениях.

Благодетельные последствия закона о Кредитном Земском Обществе превзошли мои ожидания: оным положено твердое основание всем промышленным улучшениям общественного и частного достояния.

Беспрерывно возрастающие успехи промышленности, расширение внешней вашей торговли, умножение мены произведений ваших с Россией — все сии существующие уже выгоды ручаются вам в постепенном усугублении вашего благосостояния.

Надлежало окончить разные расчеты. Расчет с Саксониею кончен. Расчеты с Россией значительно продвинулись вперед. Вскоре приступим к ликвидации с Францией. По приведении таким образом национального долга в определенную известность, можно будет новым финансовым законом установить доходы и расходы государственные.

Комитет, избранный отчасти из среды вашей, изготовил вторую книгу Гражданского Уложения; но труд сей не достиг еще надлежащей зрелости. Между тем повелел Я представить вам некоторыя оного части, в коих на деле оказалась необходимость.

Заключающиеся в 1-й книге Гражданского Уложения, постановления о причинах расторжения браков и о разводе, утвержденные в последнем Сейме, встретили в исполнении своем препятствия и непременно должны быть рассмотрены вновь. Приглашаю вас обратить все ваше внимание на сей предмет весьма важный, обо оный касается первого из союзов общественных и успокоения совести.

Вы увидите, что многие ваши требования удовлетворены, что надлежало отстрочить исполнение некоторых; но оные во всяком случае приняты будут в рассуждение с надлежащей внимательностью; вы увидите, что право входить с просьбами, хранимое в надлежащих пределах, сообщая нужные сведения правительству, содействует и общему благосостоянию.

Представители Царства Польского! Исполняя содержание 45-й статьи Учредительной Грамоты, во всем ее пространстве, дал Я вам залог Моих намерений. От вас самих теперь зависит упрочить творение Восстановителя вашего отечества, пользуясь благоразумно и скромно правами и преимуществами, которые Он даровал вам. Да председят согласие и спокойствие при совещаниях ваших! Я охотно стану принимать исправления представляемые вами в проектах законов, которые будут сообщены вам, утешаясь надеждой, что Небо благословит труды, предприемлемые при столь благоприятных обстоятельствах.

8. Речь, произнесенная императором Николаем I при закрытии сейма

Царства Польского 16 (28) июня 1830 г.¹⁹⁴³

Подводя итог работы настоящего заседания, я должен прежде всего похвалить вас за радостное единодушие, с которым, исполняя волю, ранее выраженную Сенатом, вы дали незабвенный пример народной признательности Восстановителю вашей отчизны.

Было сочтено необходимым дополнение к законам о залогах; вы за него проголосовали. Многочисленные споры будут предотвращены, и спокойствие собственников будет обеспечено законом, который упорядочит пользование пустыми пастбищами и лесами. Вы пресекли бродяжничество, поместив личную свободу под охрану законов и их защищающих установлений. Таково благо, ставшее результатом ваших обсуждений.

Первый государственный орган, Сенат полностью оправдал мое доверие, единодушно одоблив проект, устранивший часть недостатков закона от 1825 года о недействительности брака и о разводах. К сожалению, сейм счел необходимым отвергнуть его и тем самым сохранить подрывающее покой семей и тревожащее совесть положение, изменение которого настоятельно требуют многочисленные причины.

¹⁹⁴³ Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. P. 326 (пер. П.А. Левина).

Различные ваши просьбы будут внимательно изучены, и я дам вам знать о моих решениях по их поводу. Они будут опираться на основания справедливости и общественного порядка, а также на неизменную заботу, с которой я не престану, даже вдали от вас, следить за вашим истинным счастьем.

9. Речь, произнесенная императором Николаем I в Варшаве, во дворце Лазенки 4 (16) октября 1835 г.¹⁹⁴⁴

Вы хотите меня видеть? Вы меня видите! Вы хотите мне говорить речь? Я этого не хочу, избавляя вас от лжи, да, господа, избавляя вас от лжи. Знаю, что чувства ваши не те, каким вы хотели заставить меня поверить. Знаю, что большая часть из вас... в прежних обстоятельствах были бы готовы вновь начать то, что вы делали во время революции.

Не вы ли сами за пять лет, за восемь лет говорили мне о... преданности, не вы ли оказывали мне самые торжественные изъявления привязанности... а через несколько дней после этого вы разрушили свои клятвы. Вы совершили ужасные дела!

Императору Александру, сделавшему для вас более, нежели русскому императору должно было сделать, говорю так потому, что так думаю, осыпавшему вас благодеяниями, попечительному об вас более, нежели своих настоящих подданных, и сделавшему из вас народ самый щедрый, самый цветущий — императору Александру заплатили вы самой горькой неблагодарностью. Вы никогда не умели довольствоваться положением самым выгодным и кончили тем, что сами разрушили свое благополучие, склонив к упадку, поправ ногами ваши постановления. Говорю вам здесь истину, чтобы единожды навсегда пояснить сим наше взаимное положение, чтобы вы хорошо узнали, чего надобно всем держаться — потребны дела, не слова; надобно, чтобы раскаяние шло отсюда [помета в тексте — государь указал на сердце].

¹⁹⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 600. Л. 102–103 об. Схожие варианты текста содержатся в ряде других архивных коллекций: ОР РНБ. Ф. 73. Д. 379. Л. 1–1 об.; Ф. 341. Д. 581. Л. 1.

Видите, что я говорю хладнокровно, что я спокоен, что не сохраняю неприязни, потому что давно забыл оскорбления противу меня и моего семейства. — Мое суть главное желание воздать добром за зло, сделать вас счастливыми вопреки вам самим; Я дал в этом клятву перед Богом и никогда не отвергаюсь клятв моих. Фельдмаршал, здесь присутствующий исполнитель моих намерений, помогает мне в моих видах и также думает о вашем благоденствии [помета в тексте — при сих словах вся депутация поклонилась перед фельдмаршалом].

Господа! Что доказывают эти поклоны? Ничего! Прежде всего должно вам исполнить ваши обязанности, должно поступить как поступают честные люди.

Пред вами выбор двух решений: упорствовать в мечте о существовании независимой Польши или жить спокойно верными подданными под моим правлением. Если вы упрямо сохраняете ваши мечты о мнимой утопии об отдельной нации, о независимой Польше и всех этих несбыточных призраках, вы ничего не сможете сделать кроме привлечения на себя тяжких бедствий.

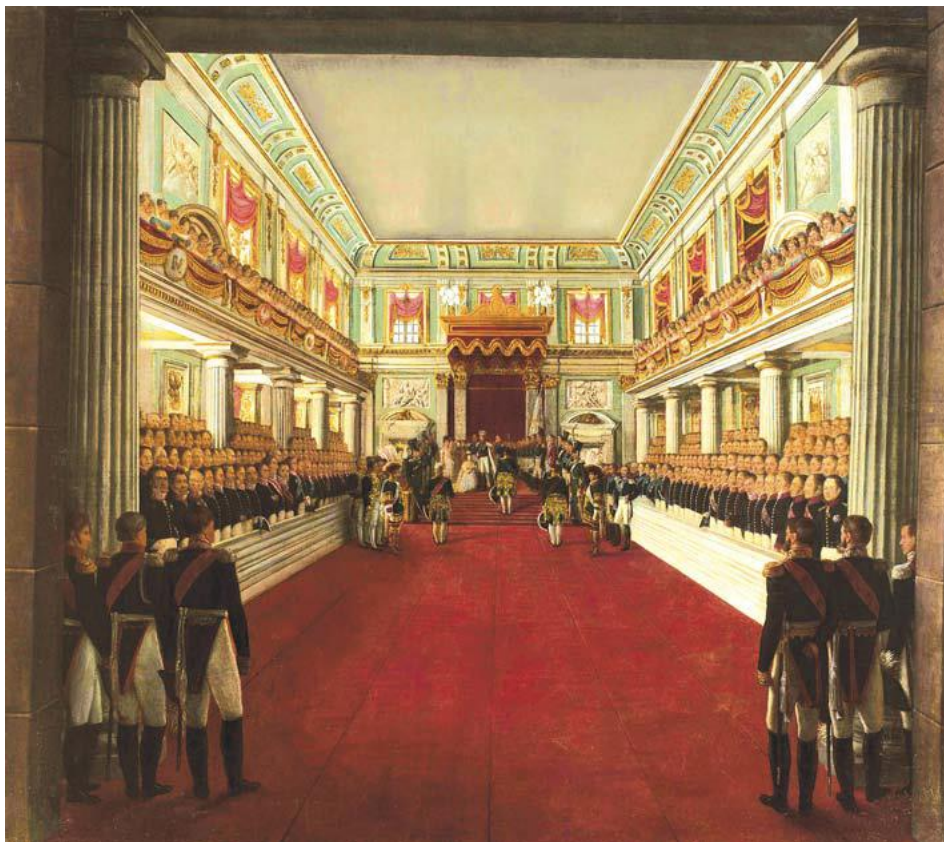
Я воздвигнул здесь Александровскую крепость и объявляю вам, что при малейшем волнении разгромлю ваш город, я уничтожу Варшаву и конечно уже не выстрою ее снова.

Мне тяжело говорить с вами таким образом, тяжело Властителю обращаться так со своими подданными, но я говорю для вашего блага. Вам господа помышлять о том, чтобы заслужить забвение прошедшего. Только вашим повиновением, вашею преданностью правительству можете вы его достигнуть. Нет в мире надзора могущего воспрепятствовать незаконным сношениям с иноземцами, но вам самим подлежит сей надзор и удаление от зла восстановить для добра детей ваших, внушая им основания верноподданности к их государю, вы можете удержаться на пути к добру.

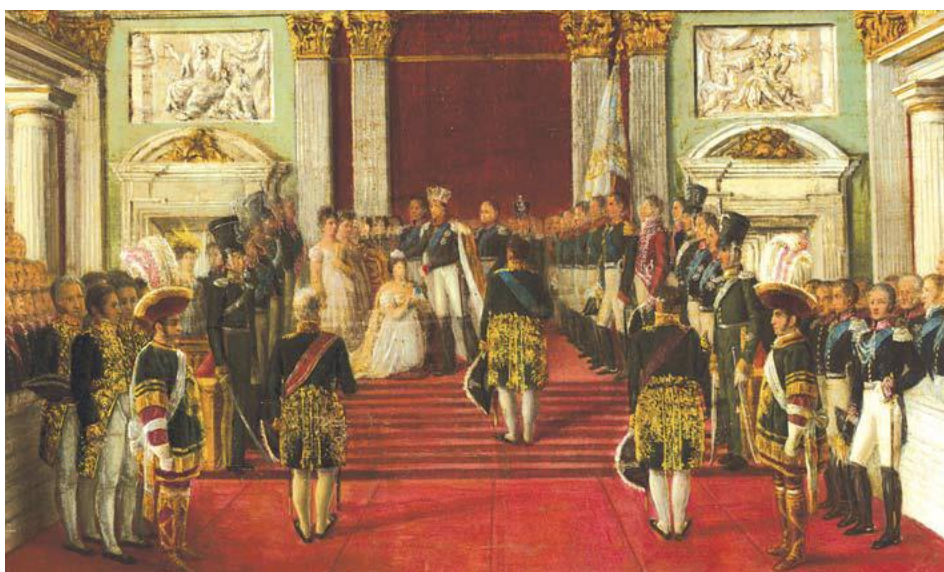
И среди всех смятений, тревожащих Европу, среди всех злополучий, разрушающих здание общественности, вам счастливая участь: быть мирными под щитом России, мощной, непобежденной, бодрствующей за вас — и верьте

мне, господа, истинное благополучие принадлежит Русской земле и наслаждается ее покровительством.

Если ваше поведение оправдает вас, если вы исполните ваши обязанности, мои попечения распространятся на всех вас и несмотря на все то, что было, мои помышления будут о вашем благоденствии, о вашем счастье. Помните обо всем, что я вам сказал.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.**Визуальные материалы**

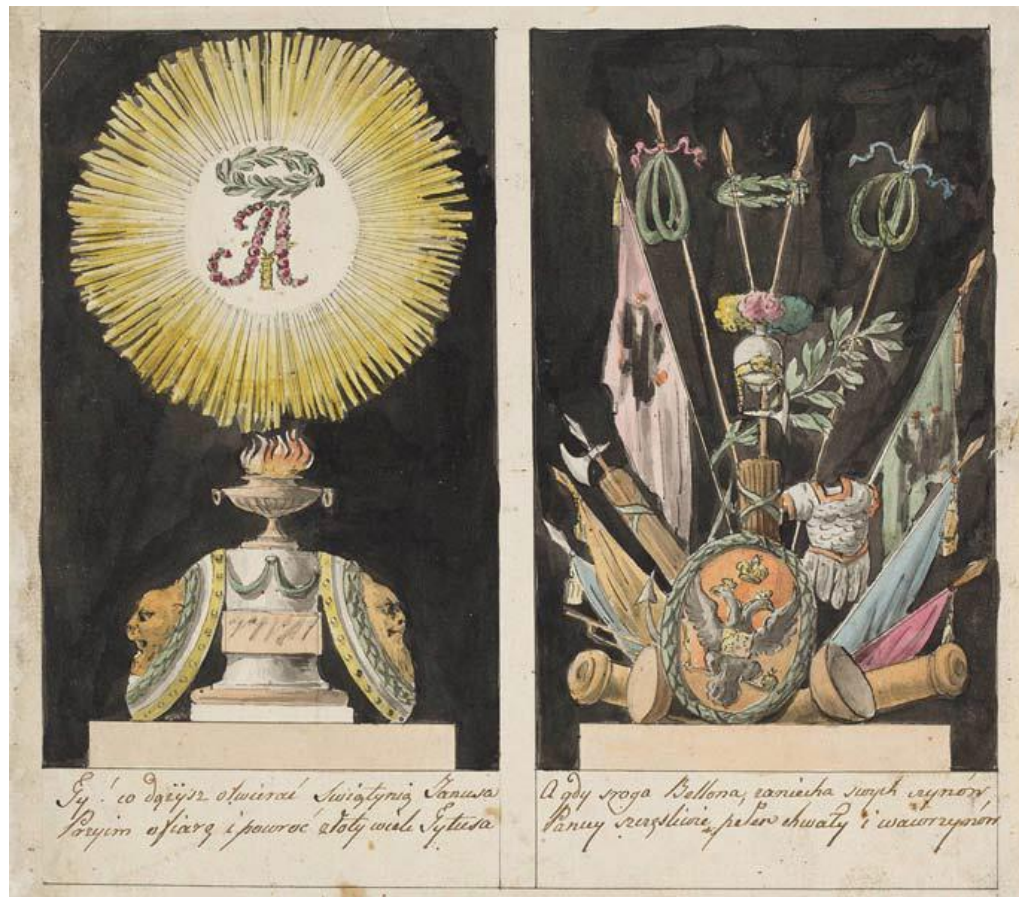
1. Неизвестный автор. Коронация императрицы и королевы Александры Николаем I в Королевском замке в Варшаве 24 мая 1829 года (1829 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.



2. То же. Фрагмент



3. То же. Фрагменты



4. Плерш, Ян Богумил (?). Эскиз из материалов оформления коронации Александра I как польского короля (1815 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.



5. Штёльцель, Кристиан Фридрих. Похороны Юзефа Понятовского (1816 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.



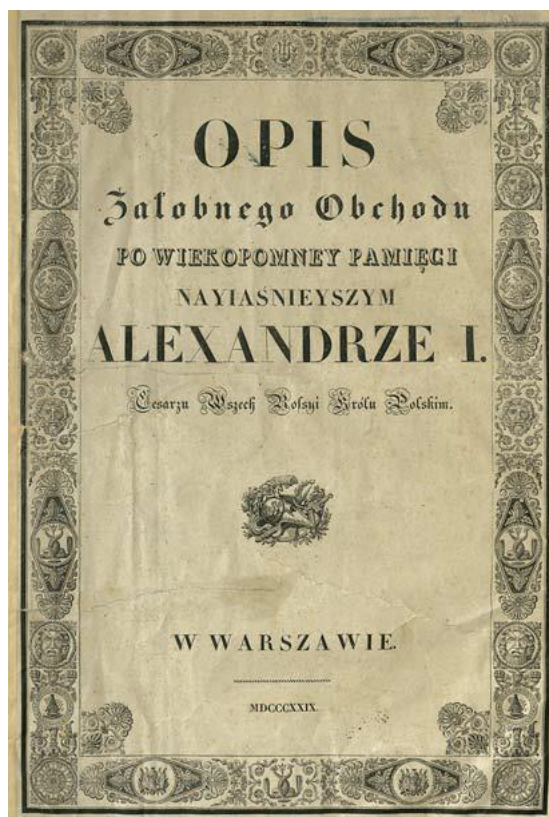
6. Шлоттербек, Вильгельм Фридрих; Фрей, Ян Захариас. Катафалк князя Юзефа Понятовского в костеле Св. Креста в Варшаве в 1813 г. (1819 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.



7. Орловский, Александр. Проект памятника Юзефу Понятовскому (1819 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.



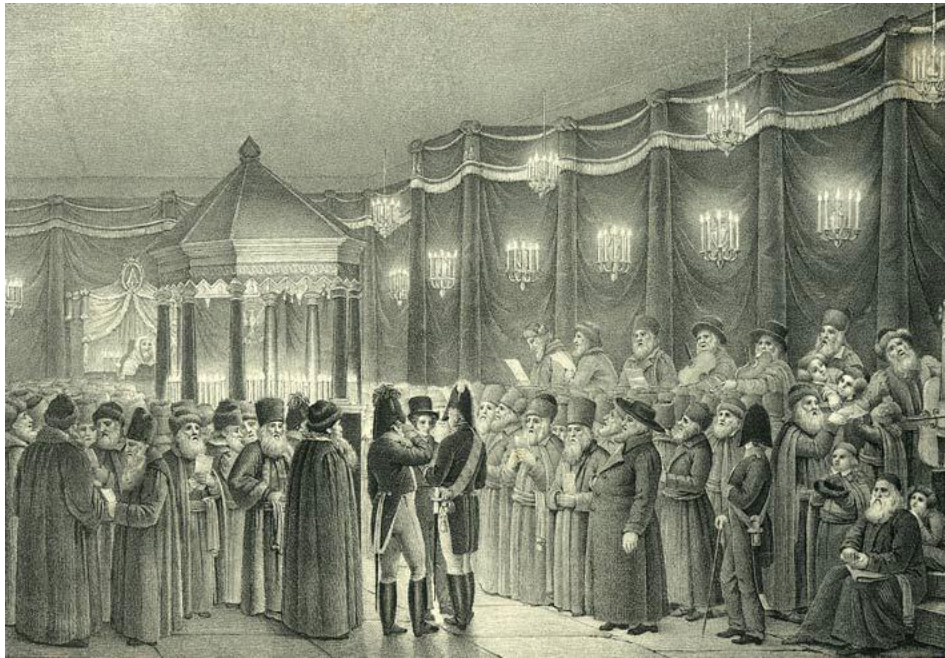
8. Стахович, Михал (?). Коронация Александра I как польского короля.
Из коллекции Национального музея Краков.



9. Титульный лист книги “Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszęch Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyscie odbytego”. Warszawa, 1829.



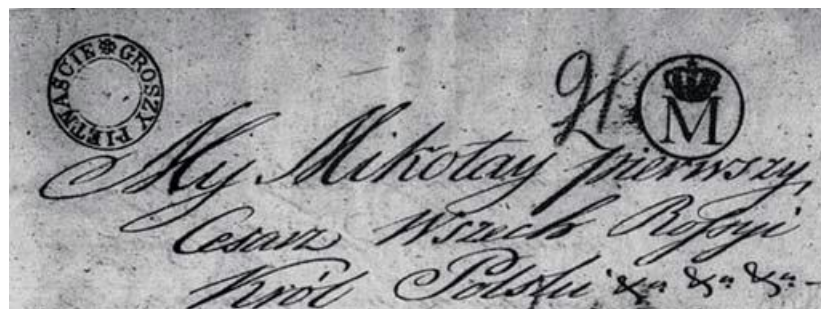
10. Иллюстрация из книги “Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego”. Warszawa, 1829.



11. Иллюстрация из книги “Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego”. Warszawa, 1829.



12. Фрагмент иллюстрации из книги “Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego”. Warszawa, 1829.



13. Польский вензель Николая I. Центральный архив древних актов, Варшава. Ф. 190. № 87. К. 189.



14. Иллюстрация из книги "Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego". Warszawa, 1829.



15. Проект медали в честь коронации Николая I в Варшаве (1829 г.). Аверс и реверс. Частная коллекция.



16. Саркофаг с сердцем Яна Собеского в Варшаве. Фото: Мацей Щепанчик.



17. Монета 50 злотых (1829 г). Фото: АНО. Международный нумизматический клуб.



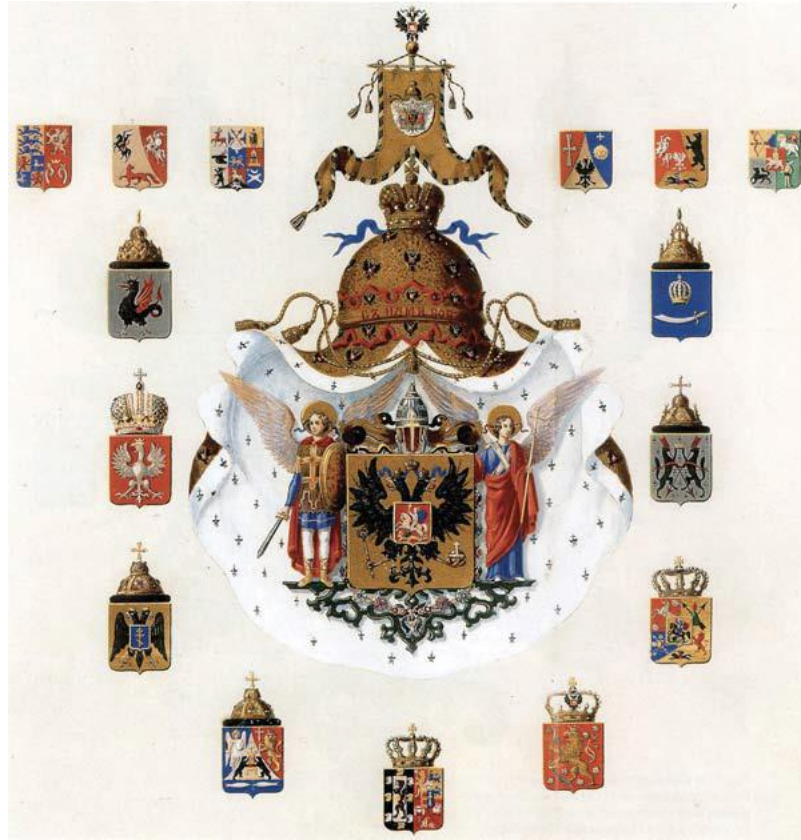
18. Элемент коронационного декора Сенатского зала Варшавского дворца. Погоня, герб Литвы. Из статьи: Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // Kronika Zamkowa. 2004. № 1–2/47–48. S. 76.



19. Давид, Жак Луи. Коронование императора Наполеона и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 г. (1808 г.).



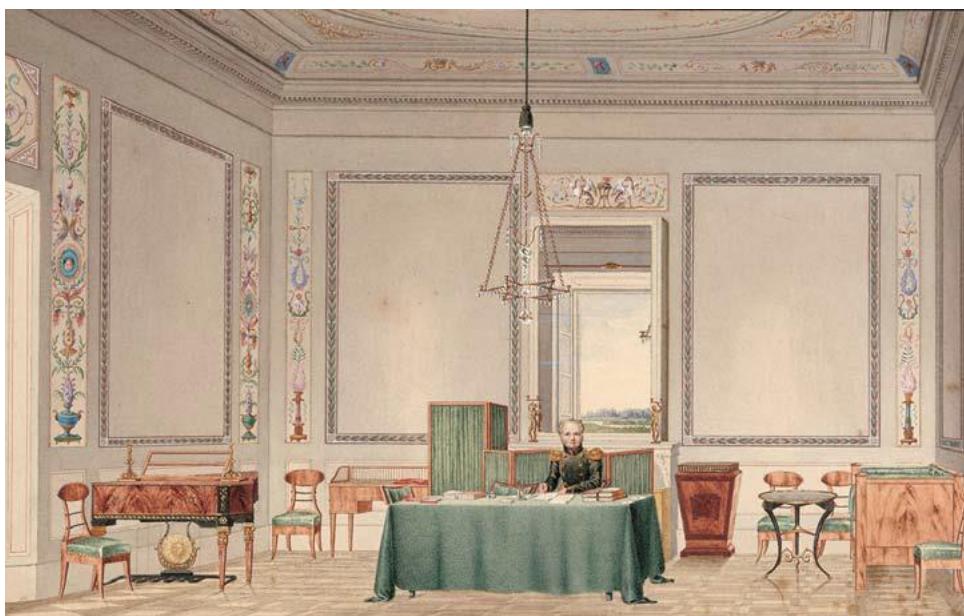
20. Солнцев, Федор. Корона императрицы Анны Иоанновны (Польская корона). Иллюстрация из книги: Древности Российского государства. Отд. II. М.: Тип. Александра Семина, 1851. Рис. 17.



21. Польская корона в Большом государственном гербе Российской империи (1857 г.). Иллюстрация из книги: Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб.: Славия, 1997. С. 107.



22. Владислав III на картине Яна Матейко «Битва под Варной» (1879 г.). Музей изобразительных искусств в Будапеште. Иллюстрация из книги: Ян Матейко [Альбом] / Текст Юлиуша Стажиньского. Варшава: Аркады, 1979. Рис. 93–94.



23. Неизвестный автор. Александр I в королевском кабинете Варшавского замка (после 1817 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.



24. Знамя участников восстания 1830–1831 гг. Фото: Мацей Щепанчик.



25. Польская карикатура (до 1831 г.). Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 17. Л. 3 об.).